

К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА




Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

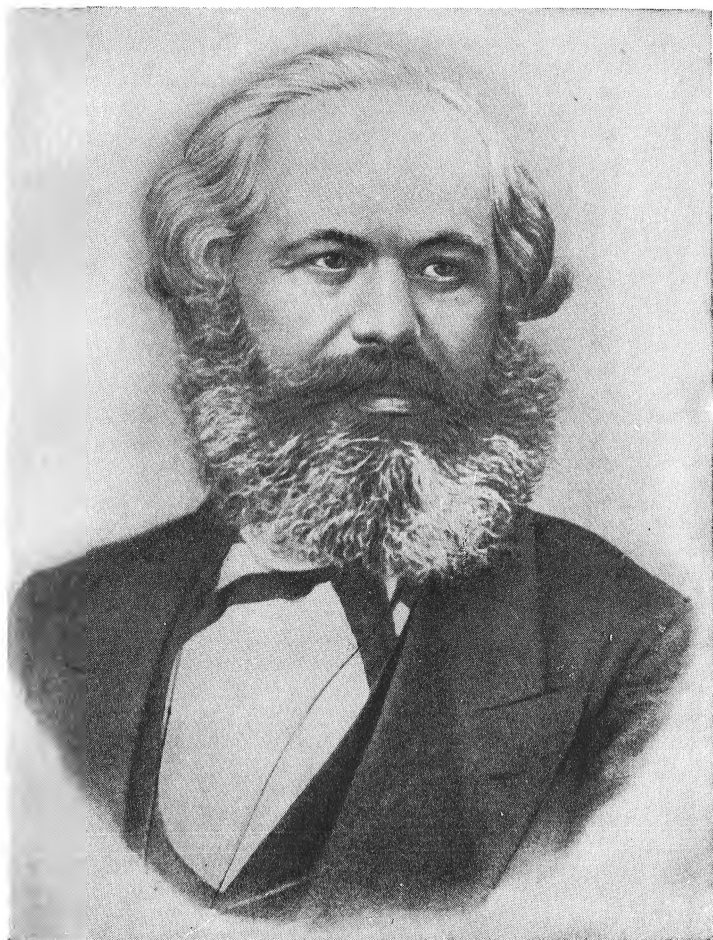
К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА

*



ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1947



КАРЛ МАРКС
(1867 г.)



ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
(1879 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящий сборник вошла лишь небольшая часть богатейшего собрания писем Маркса и Энгельса, публикация которого заканчивается в настоящее время Институтом Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Собранные в архиве Института подлинники и фотокопии подлинников писем Маркса и Энгельса составляют девять томов первого издания Сочинений.

Публикуя сборник избранных писем Маркса и Энгельса, ИМЭЛ ставит себе задачей облегчить широкому кругу читателей изучение наиболее важных и наиболее интересных мест переписки.

Мысль об издании избранных писем Маркса и Энгельса принадлежит В. И. Ленину. Еще в 1913 г. в статье «Переписка Маркса с Энгельсом» он указал на необходимость «выпустить — для широкого распространения среди рабочих — извлечение важнейших в принципиальном отношении мест» переписки, а когда в 1921 г. за подготовку такого сборника взялся В. В. Адоратский, Ленин проявил живейший интерес к его работе. «Займитесь побольше письмами: важное *международное* дело», — писал он В. В. Адоратскому 10 апреля 1922 г.

Сборник писем Маркса и Энгельса под редакцией В. В. Адоратского вышел более двадцати лет тому назад, еще до создания ИМЭЛ и до выхода в свет русского издания Сочинений Маркса и Энгельса. Настоящий сборник является первым изданием избранных писем Маркса и Энгельса, подготовленным и выпускаемым под редакцией ИМЭЛ.

Переписка Маркса и Энгельса, охватывающая период с 40-х до середины 90-х годов XIX в., отражает все основные

этапы жизни и деятельности великих основоположников научного коммунизма. Она является весьма ценным источником не только для изучения биографий Маркса и Энгельса, но и для изучения теории марксизма и политики рабочего класса.

Ленин указывал, что центральным пунктом, фокусом всей переписки Маркса и Энгельса является диалектика. «Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли». (В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVII, 1937, стр. 30.)

Значительное число писем, включенных в сборник, посвящено вопросам теории. Большой интерес представляет переписка Маркса и Энгельса о «Капитале», где раскрывается картина научной лаборатории Маркса, процесс создания этого гениального произведения. Маркс излагает в этих письмах последние результаты своих научных исследований, советуется с Энгельсом и обсуждает с ним отдельные проблемы. Не меньшее значение имеют письма, в которых освещаются вопросы диалектического и исторического материализма, а также письма по вопросам теории пролетарской революции.

В письмах ярко отражена роль Маркса и Энгельса как вождей международного пролетариата, практических руководителей его борьбы. На протяжении всей своей революционной деятельности Маркс и Энгельс уделяли огромное внимание вопросам стратегии и тактики и неустанно боролись за создание революционной партии рабочего класса — этого необходимого условия победы пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата.

Письма о Союзе коммунистов, о создании I Интернационала и борьбе в нем против прудонистов и бакунистов, письма, рисующие «бешеную», по выражению Ленина, войну против оппортунизма в германской социал-демократии и содержащие резкую критику сектантства социалистических партий в Америке и Англии, наконец, директивные письма партиям в различных странах — все это раскрывает яркую картину той упорной и последовательной борьбы за пролетарскую партию, которую вели Маркс и Энгельс.

Как в переписке между Марксом и Энгельсом, так и в их письмах к руководителям различных социалистических партий, уделено большое внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата. Поразительно тонкий и гибкий подход Маркса и Энгельса к разрешению отдельных такти-

ческих задач Ленин считал образцом применения диалектического метода. В своей статье «Карл Маркс» Ленин писал:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания. Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а, след., и учет объективной ступени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса. При этом все классы и все страны рассматриваются не в статическом, а в динамическом виде, т. е. не в неподвижном состоянии, а в движении (законы которого вытекают из экономических условий существования каждого класса)». (В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, 1936, стр. 28.)

На протяжении всей своей жизни Маркс и Энгельс выступают как непримиримые борцы против всякой реакции, за демократию и прогресс. Письма о гражданской войне в Америке, об Ирландии, а также письма о Германии, где дается уничтожающая характеристика пруссачества, его реакционной роли, показывают эту борьбу за демократию.

В сборник включен ряд писем к русским корреспондентам Маркса и Энгельса (Даниельсону, Лаврову, Засулич, Плеханову и другим) и много отдельных высказываний о России. Маркс и Энгельс знали русский язык, читали русские книги, изучали историю и экономику России, были связаны с русскими передовыми общественными деятелями и переписывались с ними. В письмах Маркса и Энгельса содержится анализ экономического развития России и перспектив русской революции, характеристика различных политических направлений в России и отдельных выдающихся русских деятелей, прежде всего Чернышевского. С величайшим вниманием основоположники марксизма следили за развитием русского революционного движения, считая, что грядущая русская революция окажет решающее влияние на дальнейший ход мировой истории, так как свержение царизма будет тем толчком, который развяжет социалистическую революцию на Западе.

Руководящей нитью при отборе писем для сборника послужили высказывания о переписке Маркса и Энгельса, имеющиеся в трудах Ленина и Сталина, а также тетрадь Ленина с заметками и выписками из переписки Маркса с Энгельсом, которая хранится в архиве ИМЭЛ.

В сборник включено 244 письма, из них 74 целиком, а

остальные в отрывках. Начало и конец отрывков всюду обозначены многоточием.

Расположение писем хронологическое.

Текст перевода писем заново проверен для настоящего издания по подлинникам или фотокопиям подлинников, хранящимся в архиве ИМЭЛ.

Письма снабжены краткими подстрочными примечаниями справочного характера.

В конце сборника помещены именной и предметный указатели.

Сборник подготовлен к печати И. А. Арманд с участием С. З. Левиной и Е. А. Волиной.

*ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА
при ЦК ВКП(б)*

В. И. ЛЕНИН

О ПЕРЕПИСКЕ МАРКСА С ЭНГЕЛЬСОМ

«. . . научная и политическая ценность ее громадна. Не только Маркс и Энгельс выступают здесь перед читателем с особенной рельефностью во весь свой рост. Богатейшее теоретическое содержание марксизма развертывается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное.

Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах. Еще ценнее история *политики* рабочего класса. По самым различным поводам, в разных странах старого мира и в новом мире, в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее принципиальное относительно *постановки* вопросов о *политических* задачах рабочего класса. А эпоха, охватываемая перепиской, есть как раз эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики. Чем чаще в наше время приходится наблюдать, как рабочее движение разных стран страдает от оппортунизма вследствие застоя и гниения буржуазии, вследствие поглощения внимания рабочих вождей мелочами дня и т. д., — тем ценнее богатейший материал переписки, показывающий глубочайшее понимание *коренных* преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе.

Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли.»

ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА

1843—1895

1843 год

1

МАРКС — А. РУГЕ

На барже по дороге в Д., март 1843 г.

Я путешествую теперь по Голландии. Судя по здешним и французским газетам, Германия с каждым днем все глубже увязает в грязи. Поверьте мне, что если даже совсем и не испытываешь чувства национальной гордости, то чувствуешь все же национальный стыд — даже в Голландии. Самый ничтожный голландец — все-таки гражданин в сравнении с величайшим немцем. А суждения иностранцев о прусском правительстве! В этом отношении царит ужасающее единодушие, никто не обманывается больше насчет прусской системы и ее несложной природы. И на том уже спасибо новой школе. Пышный плащ либерализма упал с плеч, и отвратительнейший деспотизм предстал во всей своей наготе перед глазами всего мира.

Это также откровение, только отрицательное. Это — истина, которая, по крайней мере, обнажает перед нами пустоту нашего патриотизма, уродливость нашего государственного строя и заставляет нас закрывать лицо от стыда. Вы смотрите на меня с улыбкой и спрашиваете, что пользы в этом. Со стыда революции не делают. — А я говорю: стыд — это уже революция; стыд — это, действительно, победа французской революции над германским патриотизмом, победившим ее в 1813 году. Стыд — это своего рода гнев, только обращенный вовнутрь. И если бы целая нация действительно испытала чувство стыда, она была бы подобна льву, собирающемуся сделать прыжок. Правда, в Германии не чувствуют еще даже стыда; напротив, эти жалкие люди все еще патриоты. Но что же вышибет из них патриотизм, если не эта смешная система новоявленного рыцаря? ¹ Комедия

¹ Маркс имеет в виду Фридриха-Вильгельма IV. *Ред.*

деспотизма, которую он разыгрывает с нами, столь же опасна для него, как в свое время оказалась опасной трагедия для Стюартов и Бурбонов. И эта комедия — даже если бы еще долгое время не понимали, что она в действительности собою представляет, — тем не менее есть уже революция. Государство слишком серьезная вещь, чтобы его можно было превращать в арлекинаду. Судно, наполненное глупцами, может, пожалуй, плыть некоторое время по воле ветра, но оно будет плыть навстречу своей судьбе именно потому, что глупцы этого не подозревают. И эта судьба — предстоящая нам революция.

1844 год

2

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

19 ноября 1844 г.

...Юнг и многие другие не хотят понять, что между нами и Руге существуют принципиальные разногласия, и все еще думают, что это только личные дразги. Когда им говорят, что Руге вовсе не коммунист, то они этому не верят и думают, что мы поступаем опрометчиво, отталкивая от себя такой «литературный авторитет», как Руге! Что прикажешь с ними делать? Приходится ждать, пока Руге опять не разрешится какой-нибудь колоссальной глупостью, которую можно будет наглядно продемонстрировать этим людям. Мне кажется, что на Юнга надежда плоха: он недостаточно решителен.

Мы устраиваем теперь повсюду собрания, чтобы основать союзы для улучшения положения рабочего класса. Это вносит большое оживление в ряды германцев и привлекает внимание филистеров к социальным вопросам. Собрания собираются явочным порядком, без оповещения полиции. В Кельне комитет для выработки устава состоял наполовину из наших людей, в эльберфельдском комитете тоже сидел наш человек, и, с помощью рационалистов, мы на двух собраниях нанесли поражение святошам; огромным большинством голосов нам удалось выкинуть из уставов все христианское. Очень забавно было наблюдать, как опростоволазились рационалисты со своим теоретическим христианством и практическим атеизмом. В принципе они полностью признавали правоту христианской оппозиции, на практике же предлагали, чтобы христианство, которое, по их собственным словам, составляло основу союза, совершенно не было упомянуто в уставе. Устав должен был содержать все, что угодно, только не жизненный принцип союза! Они так упорно

отстаивали свою смехотворную позицию, что мое вмешательство оказалось совершенно ненужным. Мы получили такие уставы, лучше которых при настоящих условиях трудно желать. В ближайшее воскресенье опять назначено собрание, но я не смогу на нем быть, — завтра я уезжаю в Вест-фалию.

Я зарылся с головой в английские газеты и книги, по которым составляю свою книгу о положении английских рабочих¹. К середине или к концу января я надеюсь кончить ее, так как с наиболее трудной работой, с подбором материала, я уже справился около двух недель тому назад. Я составляю англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях. Я пишу особое английское предисловие к книге, которое напечатаю отдельно и разошлю английским партийным лидерам, литераторам и членам парламента. Пусть они помнят обо мне. Впрочем, само собой разумеется, что хотя я и бью по мешку, но имею в виду осла, т. е. немецкую буржуазию. Я достаточно ясно говорю ей, что она так же плоха, как английская, но далеко не так смела, последовательна и искусна в своем живодерстве. Как только я покончу с этой книгой, я возьмусь за историю общественного развития Англии. Это будет для меня еще легче, так как материал у меня уже собран и мысленно приведен в порядок — вопрос мне совершенно ясен. В промежутке, как только у меня будет время, я постараюсь написать еще несколько брошюр, в частности против Листа...

¹ Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». Ред.

1845 год

3

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

[20 января 1845 г.]

... Что меня особенно радует, так это внедрение коммунистической литературы в Германию, которое стало теперь свершившимся фактом. Всего только год, в сущности, как она возникла, как она начала завоевывать себе место в Париже, вне Германии, а теперь она уже села на шею немецкому Михелю. Газеты, еженедельники, ежемесячные и трехмесячные журналы и подтягивающиеся резервы тяжелой артиллерии — все как следует. Чертовски быстро шло это развитие! Подпольная пропаганда тоже принесла свои плоды: всякий раз, когда я попадаю в Кельн или в один из здешних кабачков — новые успехи, новые прозелиты. Кельнское собрание произвело чудеса — мало-помалу обнаруживаются отдельные коммунистические группы, которые развились втихомолку, без нашего прямого содействия.

«Gemeinnütziges Wochenblatt», который прежде издавался вместе с «Рейнской Газетой», теперь также в наших руках; д'Эстер взял его в свои руки и постарается что-нибудь из него сделать. Нам теперь нужно прежде всего выпустить несколько крупных работ, — они послужили бы точкой опоры для всех полужнаек, которые полны добрых намерений, но не умеют самостоятельно разрешать вопросы. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии¹, даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет. Все равно, умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо. Мои английские вещи, конечно, тоже

¹ Имеется в виду задуманная Марксом, но не законченная работа «Критика политики и политической экономии»; сохранившиеся части этой рукописи Маркса впервые полностью опубликованы ИМЭЛ в Marx—Engels Gesamtausgabe, Abt. I, B. III, 1932. *Ред.*

произведут впечатление, — факты слишком красноречивы, — но я хотел бы иметь больше свободы действия и написать нечто такое, что нанесло бы сейчас более чувствительный удар немецкой буржуазии. Мы, немцы-теоретики, — это смешно, но это знамение времени, характеризующее разложение немецкой национальной мерзости, — никак не можем дать разработку нашей теории, мы все еще не опубликовали даже критики нелепости. Но теперь пора сделать это. Постарайся поэтому кончить до апреля. Делай, как я. Назначь себе срок, к которому ты обязательно должен быть готов, и позаботься, чтобы книга была скорее напечатана. Если ты не можешь сделать этого в Париже, то печатай в Мангейме, Дармштадте или где-нибудь еще. Важно, чтобы книга появилась как можно скорей.

Меня немало удивило, что ты растянул «Критическую критику»¹ на двадцать листов. Это хорошо, по крайней мере появится многое из того, что иначе еще долго лежало бы в твоём письменном столе, но, если ты оставил на книге мое имя, то это произведет странное впечатление, — ведь я написал не более полутора листов. Как я уже сказал, я ничего не слышал ни о Левентале, ни о выходе книги, которую, конечно, жду с большим нетерпением. . .

. . . Я веду здесь жизнь, какую только может пожелать самый отъявленный филистер — тихую и спокойную, благочестивую и почтенную, сижу в комнате и работаю, почти нигде не бываю, стал солиден, как немец. Если так будет продолжаться, то я боюсь, как бы господь не простил мне мои писания и не пустил меня на небо. Уверяю тебя, я тут, в Бармене, начинаю пользоваться хорошей репутацией. Но мне все это опротивело, и на Пасху я хочу уехать отсюда, вероятно, в Бонн. . . Торговля — гнусность, гнусный город Бармен, гнусно здешнее времяпрепровождение, а в особенности, гнусно оставаться не только буржуа, но даже фабрикантом, т. е. буржуа, активно выступающим против пролетариата. Несколько дней, проведенных на фабрике моего старика, снова воочию показали мне и заставили меня сильнее почувствовать всю эту мерзость. Я, конечно, рассчитывал остаться в деле только пока мне это будет удобно, а там написать что-нибудь с полицейской точки зрения предосудительное, чтобы иметь благовидный предлог перебраться за границу. Но я не выдержу так долго. Если бы я не должен был ежедневно регистрировать в моей книге отвратительнейшие картины из жизни Англии, я, вероятно, уже успел бы прокиснуть, но именно это давало новую пищу моему

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Святое семейство или критика «критической критики». Против Бруно Бауэра и К^о. Ред.

бешенству. Можно еще, будучи коммунистом, оставаться по внешним условиям буржуа и выючной скотиной торгашества, если *не заниматься литературной деятельностью*, — но вести в одно и то же время широкую коммунистическую пропаганду и занятия торгашеством, промышленными делами, этого нельзя. Довольно, на Пасху я уеду. К тому же еще эта усыпляющая жизнь в семье, насквозь христиански-прусской, — я не могу больше этого вынести, я бы мог здесь в конце концов сделаться немецким филистером и внести филистерство в коммунизм.

Не заставляй меня так же долго ждать твоего письма, как ты ждал моего. Привет твоей жене, хотя я с нею все еще не знаком, и всем, кто этого заслуживает.

Продолжай писать сюда; если я уеду, мне перешлют твои письма.

Твой Ф. Э.

1846 год

4

МАРКС — П.-Ж. ПРУДОНУ

5 мая 1846 г.

Дорогой Прудон!

С тех пор, как я покинул Париж, я неоднократно собирался написать Вам, но независимые от моей воли обстоятельства мешали мне до сих пор это сделать. Поверьте, что единственной причиной моего молчания была перегруженность делами, затруднения, связанные с переменой местожительства, и т. д.

А теперь *прямо к делу!* Вместе с двумя моими друзьями, Фридрихом Энгельсом и Филиппом Жиго (оба живут в Брюсселе), я организовал постоянную переписку с немецкими коммунистами и социалистами¹, переписку, в которой будет проводиться как обсуждение научных вопросов, так и наблюдение за изданием популярной литературы и за социалистической пропагандой, которую можно вести в Германии этим путем. Однако главная цель нашей переписки будет заключаться в том, чтобы установить связь между немецкими социалистами и социалистами французскими и английскими, держать иностранцев в курсе новостей социалистического движения в Германии и осведомлять немцев в Германии о развитии социализма во Франции и в Англии. Этим путем смогут обнаружиться различия мнений; можно будет обмениваться мыслями и давать беспристрастную критику. Это тот шаг, который должно сделать общественное движение в его *литературном* выражении, чтобы освободи-

¹ Речь идет о создании Марксом и Энгельсом Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета для переписки с коммунистическими группами в Германии и за границей. В ответном письме Прудон отказался от сотрудничества, заявив при этом, что он является противником революционных методов борьбы. *Ред.*

даться от *национальной* ограниченности. А в момент действия каждый, конечно, чрезвычайно заинтересован в том, чтобы знать положение вещей за границей так же хорошо, как и в своей стране.

Кроме коммунистов в Германии, наша корреспонденция будет охватывать также и немецких социалистов, проживающих в Париже и Лондоне. Связи с Англией у нас уже налажены. Что касается Франции, то мы все уверены, что не сможем найти там лучшего корреспондента, чем Вы. Вы ведь знаете, что до сих пор англичане и немцы лучше умели ценить Вас, чем Ваши собственные соотечественники.

Итак, Вы видите, что дело идет лишь о том, чтобы установить регулярную переписку и обеспечить возможность следить за общественным движением в различных странах, что приведет к важным и разнообразным результатам, которых никогда не добиться силами отдельного человека.

Если Вы согласитесь на наше предложение, то почтовые издержки за письма, адресованные Вам, так же, как и за письма, которые Вы нам пошлете, будут оплачиваться отсюда. Произведенные в Германии сборы предназначаются на покрытие издержек корреспонденции.

Вам надо будет писать сюда по адресу г. Филиппа Жиго, 8, rue de Voderbroeck. Он же будет подписывать письма, посылаемые из Брюсселя.

Излишне добавлять, что вся эта корреспонденция требует соблюдения строжайшей конспирации с Вашей стороны. В Германии нашим друзьям приходится действовать с величайшей осторожностью, чтобы не скомпрометировать себя.

Отвечайте поскорее и примите уверения в искренней дружбе глубоко преданного Вам

Карла Маркса.

5

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

18 сентября 1846 г.

... По отношению к Прудону я в деловом письме был вопиюще несправедлив. Так как там нет места для приписок, то я должен исправить это здесь. Я полагал, что Прудон допустил небольшую нелепость, в пределах здравого смысла. Вчера этот вопрос снова подробно обсуждался, и мне стало ясно, что эта новая нелепость является на деле *беспредельной нелепостью*. Представь себе: пролетарии должны копить мелкие акции. На эти средства (для начала

требуется, конечно, не меньше 10 000—20 000 рабочих) открываются сначала одна или несколько мастерских в одной или нескольких отраслях ремесла, и часть акционеров начинает там работать. Продукты, произведенные там: 1) продаются акционерам по цене сырого материала плюс цена труда (акционеры таким образом не должны оплачивать прибыль) и 2) остающиеся продукты продаются на мировом рынке по рыночной цене. По мере того как капитал общества будет увеличиваться за счет взносов вновь вступающих членов или новых сбережений старых акционеров, на этот капитал будут создаваться новые мастерские и фабрики и т. д. и т. д., пока, наконец, *все* пролетарии не получат работу и *все* производительные силы страны не будут скуплены. Благодаря этому капиталы, находящиеся в руках буржуазии, потеряют свою власть над трудом и не смогут приносить прибыли! Таким образом, капитал будет упразднен благодаря тому, что «найдена инстанция, где капитал, т. е. источник процента» (понимаемый как старое *droit d'aubaine*¹, получившее несколько более четкие очертания и грюнизированное) «как бы исчезает». В этих, бесчисленное множество раз повторяемых папашей Эйзерманом словах, которые, очевидно, вдолбил ему Грюн, ясно проглядывает старая прудоновская риторика. Эти господа собираются, ни много, ни мало, постепенно *скупить всю Францию*, а потом, пожалуй, и весь остальной мир, скупить на пролетарские сбережения, путем отказа пролетариев от прибыли и процентов на их капитал. Раз уж придуман такой великолепный план и собираются проделать подобный фокус, то не проще ли сразу начеканить пятифранковых монет из серебра лунного света? А здешние глупцы среди рабочих, — я говорю о немцах, — *верят* подобной ерунде. Люди, у которых не бывает в кармане и шести су, чтобы в дни своих собраний пойти вечерком посидеть в кабачке, хотят на свои сбережения скупить всю прекрасную Францию. Ротшильд и компания — просто крохоборы по сравнению с этими колоссальными спекулянтами. Есть от чего прийти в ярость. Грюн до такой степени сбил с толку этих людей, что самая бессмысленная фраза кажется им более убедительной, чем самый простой факт, который приводится в качестве экономического аргумента. Просто позор, что приходится всерьез воевать против подобного вздора. Но надо иметь терпение, и я не оставлю эту публику в покое, пока не разобью Грюна наголову, пока не прочищу их засоренные мозги...

¹ Droit d'aubaine — средневековый феодальный обычай — привилегия, в силу которой король присваивал выморочное имущество. *Ред.*

6

ЭНГЕЛЬС — БРЮССЕЛЬСКОМУ КОММУНИСТИЧЕСКОМУ
КОРРЕСПОНДЕНТСКОМУ КОМИТЕТУ*Третье письмо Комитету*

23 октября 1846 г.

О здешних историях с филистерами-ремесленниками рассказывать почти нечего. Самое главное состоит в том, что споры, которые мне до сих пор приходилось вести с этой публикой, сейчас уже разрешены. Главный сторонник и ученик Грюна, папаша Эйзерман, вышиблен, влияние остальных его приверженцев на массу окончательно подорвано, и я провел наперекор им решение, которое было принято единогласно. Дело было так.

Три вечера мы спорили о плане прудоновских ассоциаций. Сначала против меня были все, а под конец — только Эйзерман и еще три грюнианца. Главное, что приходилось мне доказывать, это — необходимость насильственной революции и, вообще, антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского «истинного социализма», почерпнувшего новые жизненные силы в прудоновской панacea. В конце концов я стал бешеным из-за вечного повторения моими противниками одних и тех же доводов и повел лобовую атаку на этих филистеров, что вызвало сильное возмущение среди грюнианцев. Зато я вынудил благородного Эйзермана *прямо высказаться* против коммунизма. После этого я так его отделал, что он больше не появлялся.

Тогда я ухватился за оружие, данное мне в руки Эйзерманом, — нападки на коммунизм, — тем более, что Грюн продолжал интриговать, бегал по мастерским, по воскресеньям приглашал публику к себе и т. д. и т. д., а в воскресенье после вышеупомянутого заседания *он сам* совершил безграничную глупость: в присутствии восьми или десяти ремесленников стал нападать на коммунизм. Еще до начала обсуждения я потребовал голосования по вопросу о том, коммунисты мы или нет. Если мы коммунисты, то надо прекратить нападки на коммунизм, которые позволил себе Эйзерман. Если же нет, если здесь собрались первые встречные потолковать о том, о сем, то мне нет дела до них, и я больше не приду. Это вызвало величайшее возмущение грюнианцев, которые стали уверять, что они собрались обсуждать «благо человечества», собрались для просвещения, что они люди прогресса, а не односторонние доктринеры и т. д. и т. д. Как можно таких порядочных людей называть «первыми встречными»? К тому же они *хотели бы прежде всего знать*, что собственно есть коммунизм (подлецы! ведь в

течение многих лет они называли себя коммунистами и отреклись только из страха перед Грюном и Эйзерманом, когда те втерлись к ним под предлогом коммунизма). Я, конечно, не был застигнут врасплох их любезной просьбой рассказать им, неучам, в двух-трех словах, что такое коммунизм. Я дал им тогда самое простенькое определение, которое, не выходя из рамок обсуждавшихся вопросов, заключало в себе требование общности имущества, и тем самым *исключало*, как всякое миролюбие, мягкость и почтение к буржуазии и к мещанству, так и прудоновское акционерное общество с его сохранением индивидуальной собственности и всего, что с этим связано. В остальном это определение не содержало ничего такого, что давало бы им повод увильнуть от предложенного голосования. Я определил намерения коммунистов следующим образом: 1) отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции.

Об этом спорили два вечера. Под конец лучший из трех грюнианцев, заметив настроение большинства, целиком перешел на мою сторону. Остальные двое, сами того не замечая, все время противоречили друг другу. Многие из присутствующих, до того момента не подававшие голоса, вдруг неожиданно заговорили и решительно высказались за меня. Раньше это осмеливался делать только Юнге. Некоторые из этих новых людей говорили очень хорошо, хотя и дрожали от страха, боясь запутаться; они, повидимому, обладают достаточным здравым смыслом. Одним словом, когда дело дошло до голосования, собрание объявило себя коммунистическим, в духе вышеприведенного определения. Решение было принято тринадцатю голосами против двух, оставшихся верными, грюнианцев; один из них, впрочем, потом заявил, что ему хотелось бы самому уверовать в коммунизм...

7

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

[ок. 23 октября 1846 г.]

Дорогой Маркс,

Документ, направленный против Криге, получил. Он очень хорош. Поскольку подписан он только тобой, то Криге, конечно, припишет резкий тон первого документа¹ лично мне, а после второго принесет повинную, но мне это

¹ Речь идет о написанном Марксом и Энгельсом «Манифесте против Криге», который был разослан Брюссельским корреспондентским коми-

совершенно безразлично. Пускай себе изливает свою злобу и чернит меня сколько хочет в глазах американских филистеров, раз это доставляет ему удовольствие.

Из письма Комитету ты видишь, каких успехов я добился у здешних ремесленников. Я не щадил их, чорт возьми, я напал на их самые худшие предрассудки, я показал им, что они совсем не пролетарии. Но и Грюн, в свою очередь, усердно лил воду на мою мельницу...

...Со здешними ремесленниками я надеюсь справиться. Правда, эти парни ужасно невежественны и по условиям своей жизни совсем не подготовлены. Конкуренции между ними нет никакой. Заработок стоит всегда на одном и том же уровне. Борьба с мастером идет вовсе не из-за платы, а из-за «высокомерия подмастерьев» и т. д. На портных оказывают теперь революционизирующее действие магазины готового платья. Если бы только портняжное дело не было таким гиблым ремеслом!

Грюн страшно навредил. Все, что было определенного в головах этих людей, он превратил в расплывчатые фразы, в «общечеловеческие» стремления и т. д. Под тем предлогом, что он борется с вейтлинговским и прочим доктринерским коммунизмом, он набил им головы самыми неопределенными, пустозвонными и мелкобуржуазными фразами, а все остальное объявил погоней за системами. Даже столяры, никогда не бывшие, за отдельными исключениями, последователями Вейтлинга, даже они проникнуты суеверной боязнью «грубого» коммунизма (*Löffelkommunismus*) и, по крайней мере, до принятия решения, охотнее поддерживали всякую пустую болтовню, мирные планы осчастливить человечество и т. д., чем этот «грубый» коммунизм. Здесь царит безграничная путаница.

Гарни я на-днях послал письмо, в котором слегка нападаю на миролюбие «братских демократов»¹. Вместе с тем я написал ему, чтобы он продолжал переписываться с вами.

Твой Э.

тетом всем коммунистическим корреспондентским комитетам. В этом циркуляре разоблачались взгляды представителя «истинного социализма», редактора нью-йоркской газеты «*Volkstribun*» Г. Криге, подменявшего классовую борьбу пролетариата сентиментальной проповедью любви, справедливости и пр. *Ред.*

¹ «Братские демократы» — организация, существовавшая в Лондоне в 1845—1853 гг.; в нее входили представители радикального крыла чартистов и эмигранты-революционеры из ряда европейских стран. *Ред.*

МАРКС — П. В. АННЕНКОВУ

28 декабря [1846 г.]

Дорогой г. Анненков!

Вы уже давно получили бы мой ответ на Ваше письмо от 1 ноября, если бы мой книгопродавец не задержал присылку мне книги г. Прудона «Философия пицеты» до прошлой недели. Я пробежал ее в два дня для того, чтобы иметь возможность сейчас же сообщить Вам свое мнение. Так как я прочел книгу очень бегло, то я не могу останавливаться на деталях. Я могу говорить только об общем впечатлении, произведенном ею на меня. Если хотите, я могу написать о ней подробнее в следующем письме.

Признаюсь откровенно, что я нахожу в общем книгу плохой, очень плохой. Вы сами шутите в своем письме по поводу «уголка немецкой философии», которым шеголюет г. Прудон в этом бесформенном и претенциозном произведении, но Вы полагаете, что философский яд не отравил его экономических исследований. Я тоже далек от того, чтобы причиной ошибок экономических исследований г. Прудона считать его философию. Г-н Прудон не потому дает нам ложную критику политической экономии, что является обладателем смехотворной философии, он преподносит нам смехотворную философию потому, что не понял современного общественного строя в его сцеплении (*engrenement*), если употребить слово, которое г. Прудон, как и многое другое, заимствует у Фурье.

Почему г. Прудон говорит о божестве, о всеобщем разуме, о безличном разуме человечества, который никогда не ошибается, который был всегда равен самому себе, о котором нужно составить себе только правильное представление, чтобы обладать истиной? Зачем он прибегает к поверхностно усвоенному гегельянству, чтобы изображать из себя глубокого мыслителя?

Он сам дает нам ключ к разрешению загадки. Г-н Прудон видит в истории известный ряд общественных эволюций. Он находит в истории осуществление прогресса. Он находит, наконец, что люди, взятые как отдельные личности, не знали, что они делали, что они ошибочно представляли себе свое собственное движение, т. е. что, на первый взгляд, их общественное развитие кажется вещью отличною, отдельною, не зависимою от их индивидуального развития. Он не в состоянии объяснить этих фактов, и тут-то и появляется гипотеза о проявляющем себя всеобщем разуме. Нет ничего легче, как изобретать мистические причины, т. е. фразы, лишённые здравого смысла.

Но г. Прудон, признаваясь в своем полном непонимании исторического развития человечества, — а он признается в этом, когда прибегает к громким словам о всеобщем разуме, о боге и т. п., — не признается ли тем самым неизбежно и в том, что он не способен понять и *экономического развития?*

Что же такое общество, какова бы ни была его форма? Продукт взаимодействия людей. Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена (commerce) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества. Вот чего никогда не поймет г. Прудон, потому что он воображает, что совершает что-то великое, когда апеллирует от государства к гражданскому обществу, т. е. от официального резюме общества к официальному обществу.

Излишне прибавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Г-н Прудон путает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений (*commerce*) более уже не соответствует приобретенным производительным силам. — Я употребляю здесь слово «*commerce*» в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово «*Verkehr*». Пример: привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему состоянию общества, из которого эти учреждения вышли. Под защитой корпоративного строя и его регламентации накапливались капиталы, развилась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революция 1640 и 1688 гг. Все старые экономические формы, соответствующие им общественные отношения, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, обменивают, являются формами *преходящими и историческими*. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства.

Этого г. Прудон не понял, а еще менее того доказал. Не будучи в состоянии проследить действительный ход истории, г. Прудон вместо этого преподносит нам фантазмагорию, которая претендует на то, чтобы быть диалектической фантазмагорией. Он не чувствует потребности говорить о XVII, XVIII и XIX веках, потому что его история совершается в заоблачных высях воображения и витает высоко за пределами времени и пространства. Словом, это — гегелевский хлам; это не обыденная история — история людей, а священная история — история идей. С его точки зрения человек — только орудие, которым идея или вечный разум пользуются для своего развития. *Эволюции*, о которых говорит г. Прудон, это — эволюции, совершающиеся в мистическом лоне абсолютной идеи. Если вы сорвете покров с этой мистиче-

ской фразеологии, то вы увидите, что г. Прудон описывает вам тот порядок, в котором экономические категории располагаются в его голове. Не требуется большого труда, чтобы доказать, что это — порядок очень путаной головы.

Г-н Прудон начинает свою книгу с рассуждений о *стоимости*, его излюбленном коньке. Я на сей раз не буду разбирать этой части работы.

Ряд экономических эволюций вечного разума начинается с *разделения труда*. Для г. Прудона разделение труда — вещь совершенно простая. Но разве кастовый строй не был определенным видом разделения труда? Разве цеховой строй не был другим видом разделения труда? И разве разделение труда в мануфактурный период, который начинается в Англии в середине XVII века и заканчивается в конце XVIII века, не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности?

Г-н Прудон так плохо понимает сущность дела, что упускает из виду даже то, чего не забывают обыкновенные экономисты. Говоря о разделении труда, он вовсе не чувствует потребности говорить о мировом *рынке*. Но разве разделение труда в XIV и XV веках, когда еще не было колоний, когда Америка для Европы еще не существовала, а с Восточной Азией сносились лишь через посредство Константинополя, не должно было коренным образом отличаться от разделения труда в XVII веке, когда имелись уже вполне развитые колонии?

Но это еще не все. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не являются выражением определенного вида разделения труда? Разве все это не должно изменяться вместе с изменением разделения труда?

Г-н Прудон так далек от понимания вопроса о разделении труда, что даже не упоминает об отделении города от деревни, которое в Германии, например, происходило в IX—XII столетиях. Для г. Прудона это отделение есть вечный, неизменный закон, потому что он не знает ни его происхождения, ни его развития. На протяжении всей своей книги он рассуждает так, будто бы этот продукт определенного способа производства будет продолжать существовать до скончания века. Все, что г. Прудон говорит о разделении труда, есть не больше как резюме, и к тому же очень поверхностное, неполное резюме того, что до него было сказано Адамом Смитом и множеством других.

Вторая эволюция [вечного разума] — это *машины*. Связь между разделением труда и машинами у г. Прудона совершенно мистическая. При каждом виде разделения труда имелись свои специфические орудия производства. С середины

XVII до середины XVIII века, например, люди не все делали руками. У них были инструменты, и даже очень сложные, как станки, корабли, рычаги и т. д. и т. п.

Таким образом, совершенно нелепо рассматривать появление машин как следствие разделения труда вообще.

Замечу мимоходом, что г. Прудон так же мало понял историю развития машин, как и историю их происхождения. Можно сказать, что до 1825 г. — эпохи первого всеобщего кризиса — нужды потребления вообще росли быстрее, чем производство, и развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка. Начиная с 1825 г., изобретение и применение машин было только результатом войны между предпринимателями и рабочими. Но это правильно только для Англии; что же касается европейских наций, то применять машины их заставила конкуренция Англии как на их собственном, внутреннем, так и на мировом рынке. Наконец, в Северной Америке введение машин было вызвано как конкуренцией с другими народами, так и недостатком рабочих рук, т. е. несоответствием между промышленными потребностями Северной Америки и ее населением. Из этих фактов вы можете заключить, какую проницательность проявляет г. Прудон, вызывая призрак конкуренции как третью эволюцию, как антитезу машин!

Наконец, вообще бессмысленно делать из *машин* экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д.

Машина так же мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины. Порох остается порохом, употребляется ли он для того, чтобы нанести рану человеку, или для того, чтобы вылечить раны того же самого человека.

Г-н Прудон превосходит самого себя, создавая в своей голове конкуренцию, монополию, налог или полицию, торговый баланс, кредит и собственность как раз в том порядке, в каком я их сейчас перечисляю. Почти все кредитные учреждения получили в Англии свое развитие в начале XVIII века, еще до изобретения машин. Государственный кредит был только новым способом повышения налогов и удовлетворения новых потребностей, созданных приходом буржуазии к власти. Наконец, *собственность* образует последнюю категорию в системе г. Прудона. В действительном мире, наоборот, разделение труда и все прочие категории г. Прудона суть общественные отношения, которые в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью*;

вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное как метафизическая и юридическая иллюзия. Собственность другой эпохи, феодальная собственность, развивается при совершенно иных общественных отношениях. Определяя собственность как независимое отношение, г. Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает свое непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства; он обнаруживает свое непонимание *исторического и преходящего* характера форм производства определенной эпохи. Не видя, что наши общественные установления являются продуктами исторического развития, не понимая ни их происхождения, ни их развития, г. Прудон может подвергнуть их только догматической критике.

Чтобы объяснить развитие, г. Прудон вынужден прибегнуть к *фикции*. Он воображает, что разделение труда, кредит, машины и т. д. изобретены для того, чтобы служить его навязчивой идее — идее равенства. Его объяснение крайне наивно. Все эти вещи придуманы во имя равенства, но, к несчастью, они обратились против равенства. В этом и состоит все его рассуждение, т. е. он берет произвольную гипотезу, но так как действительное развитие на каждом шагу противоречит его фикции, то он делает из этого вывод, что налицо противоречие. В то же время он скрывает, что противоречие-то существует только между его навязчивыми идеями и действительным движением.

Таким образом, г. Прудон, прежде всего из-за отсутствия у него исторических знаний, не понял, что люди, развивая свои производительные силы, т. е. живя, развивают определенные отношения друг к другу и что характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил. Он не понял, что *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения. Таким образом, он впадает в ошибку буржуазных экономистов, которые видят в этих экономических категориях вечные, а не исторические законы — законы, действительные лишь для определенной стадии исторического развития, для определенной стадии развития производительных сил. Вместо того, следовательно, чтобы рассматривать политико-экономические категории как абстракции действительных, преходящих, исторических общественных отношений, г. Прудон, мистически извращая вопрос, видит в действительных отношениях лишь воплощение этих абстракций. Сами эти абстракции являются формулами, дремавшими в лоне бога-отца с самого сотворения мира.

Здесь у нашего доброго г. Прудона начинаются тяжелые умственные потуги. Если все эти экономические категории суть эманации божественного сердца, если они являются скрытой и вечной жизнью людей, то каким образом получается, во-первых, что существует развитие, и, во-вторых, что г. Прудон не является консерватором? Эти явные противоречия он объясняет целой системой антагонизмов.

Чтобы осветить эту систему антагонизмов, возьмем пример.

Монополия хороша, потому что это — экономическая категория и, стало быть, эманация бога. Конкуренция хороша, потому что и она тоже экономическая категория. Но вот что нехорошо, так это действительность монополии и действительность конкуренции. Еще хуже, что монополия и конкуренция взаимно пожирают друг друга. Что же делать? Так как эти две вечные мысли бога противоречат друг другу, г. Прудону кажется очевидным, что в лоне бога имеется равным образом и синтез обеих мыслей, в котором зло монополии уравнивается конкуренцией, и обратно. Борьба между обеими идеями будет иметь то последствие, что наружу выступит только их хорошая сторона. Надо вырвать у бога эту тайную мысль, а затем применить ее, и все будет прекрасно. Надо найти синтетическую формулу, скрытую во мраке безличного разума человечества. Г-н Прудон, ни минуты не колеблясь, выступает в качестве лица, открывающего эту тайну.

Но бросьте на миг взгляд на действительную жизнь. В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не *формулой*, а *движением*. Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И, однако, это уравнение, не устраняя трудностей современного положения, как это воображают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный *способ* производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез — движение, в котором и происходит действительное уравнивание конкуренции и монополии.

Теперь я приведу Вам образец диалектики г. Прудона.

Свобода и рабство образуют антагонизм. Мне нет нужды говорить ни о хороших, ни о дурных сторонах свободы. Что касается рабства, нечего говорить о его дурных сторонах. Единственно, что надо объяснить, — это хорошую сторону рабства. Речь идет не о косвенном рабстве, не о рабстве пролетария. Речь идет о прямом рабстве, о рабстве черноко-

жих в Суринаме, Бразилии, южных областях Северной Америки.

Прямое рабство является такой же основой нашей современной промышленности, как машины, кредит и т. д. Без рабства нет хлопка, без хлопка нет современной промышленности. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, а мировая торговля — необходимое условие крупной машинной промышленности. До установления торговли неграми колонии давали Старому Свету мало продуктов и не изменяли сколько-нибудь заметно лица мира. Таким образом, рабство — это экономическая категория огромного значения. Без рабства Северная Америка — самая прогрессивная страна — превратилась бы в страну патриархальную. Вычеркните только Северную Америку из карты мира, и вы получите анархию, полный упадок торговли и современной цивилизации. Но уничтожение рабства означало бы, что Америка стирается с карты мира. Таким образом, рабство именно вследствие того, что оно является экономической категорией, встречается с сотворения мира у всех народов. Современные народы сумели лишь замаскировать рабство у самих себя и ввести его открыто в Новом Свете. Что же предпримет добрейший г. Прудон после этих размышлений о рабстве? Он будет искать синтеза свободы и рабства, истинной золотой середины, иначе говоря — равновесия между рабством и свободой.

Г-н Прудон очень хорошо понял, что люди производят сукно, холст, шелковые ткани, и не велика заслуга понять такие мелочи. Но чего г. Прудон не понял, так это того, что людисообразно своим производительным силам производят также *общественные отношения*, в которых они производят сукно и холст. Еще меньше понял г. Прудон, что люди, производящие общественные отношения соответственно их материальному производству, создают также и *идеи* и *категории*, т. е. отвлеченные, идеальные выражения этих самых общественных отношений. Таким образом, категории так же мало являются вечными, как и те отношения, выражением которых они являются. Это — продукты исторические и переходящие. Для г. Прудона же, совсем наоборот, первоначальной причиной являются абстракции, категории. По его мнению, это они, а не люди, создают историю. *Абстракция, категория, взятая как таковая*, т. е. оторванная от людей и их материальной деятельности, является, конечно, бессмертной, неизменной, неподвижной. Она представляет собой лишь порождение чистого разума, что обозначает просто-напросто, что абстракция как таковая абстрактна. Восхитительная *тавтология!*

Таким образом, экономические отношения, рассматриваемые в форме категорий, являются для г. Прудона вечными формулами, не имеющими ни происхождения, ни развития.

Другими словами: г. Прудон не утверждает прямо, что *буржуазная жизнь* является для него *вечной истиной*. Он утверждает это косвенно, обожествляя категории, которые в форме идей выражают буржуазные отношения. Коль скоро продукты буржуазного общества представляются ему в форме категорий мышления, он принимает их за возникающие сами по себе (спонтанейно), одаренные собственной жизнью вечные существа. Таким образом, он не выходит за пределы буржуазного горизонта. Так как он имеет дело с буржуазными идеями, считая их вечными истинами, он ищет синтеза этих идей, их равновесия и не видит, что современный способ их уравнивания есть единственно возможный.

В сущности он делает то, что делают все добрые буржуа. Все они говорят вам, что конкуренция, монополия и т. д. являются в принципе, т. е. если их взять как отвлеченные понятия, единственными основами жизни, но что на практике они оставляют желать многого. Все они хотят конкуренции без печальных последствий конкуренции. Все они хотят невозможного, т. е. условий буржуазной жизни без необходимых последствий этих условий. Все они не понимают, что буржуазный способ производства есть историческая и преходящая форма, подобно тому как преходящей была форма феодальная. Эта ошибка происходит оттого, что для них человек-буржуа является единственной основой всякого общества, оттого, что они не представляют себе такого общественного строя, в котором человек перестал бы быть буржуа.

Г-н Прудон неизбежно является поэтому *доктринером*. Историческое движение, совершающее переворот в современном мире, сводится для него к задаче открыть правильное равновесие, синтез двух буржуазных мыслей. Таким образом, при помощи ухищрений этот ловкий малый открывает скрытую мысль бога, единство двух отдельных мыслей, которые только потому являются отдельными, что г. Прудон их отделил от практической жизни, от современного производства, являющегося сочетанием тех реальностей, которые этими мыслями выражены. На место великого исторического движения, рождающегося из конфликта между уже приобретенными производительными силами людей и их общественными отношениями, которые не соответствуют больше этим производительным силам; на место страшных войн, которые готовятся между различными классами одной нации и между различными нациями; на место практической и революционной деятельности масс, которая одна будет в силах

разрешить эти столкновения, — на место этого обширного, продолжительного и сложного движения г. Прудон ставит причудливые движения своей головы. Итак, историю делают ученые, люди, способные похитить у бога его сокровенную мысль. А простой народ должен лишь применять на практике их откровения. Вы теперь понимаете, почему г. Прудон является отъявленным врагом всякого политического движения. Разрешение современных вопросов заключается для него не в общественном действии, а в диалектических вращениях, совершающихся в его голове. Так как для него категории являются движущими силами, то незачем изменять практическую жизнь для того, чтобы изменить категории. Совсем наоборот. Надо изменить категории, и последствием этого явится изменение существующего общества.

Желая примирить противоречия, г. Прудон совершенно обходит вопрос: а не надо ли ниспровергнуть самую основу этих противоречий? Он во всем походит на политического доктринера, который желает сохранить и короля, и палату депутатов, и верхнюю палату в качестве составных частей общественной жизни, как вечные категории. Он лишь ищет новую формулу для того, чтобы уравновесить эти силы, равновесие которых как раз и состоит в их современном движении, где одна из этих сил является то победительницей, то рабыней другой. Так, в XVIII веке множество посредственных голов старалось найти истинную формулу, чтобы уравновесить общественные сословия, дворянство, короля, парламенты и т. д., а на другой день не оказалось ни короля, ни парламентов, ни дворянства. Истинным равновесием этого антагонизма было ниспровержение всех общественных отношений, служивших основой этим феодальным установлениям и основой антагонизма этих феодальных установлений.

Так как г. Прудон по одну сторону ставит вечные идеи, категории чистого разума, а по другую сторону — людей и их практическую жизнь, являющуюся, по его мнению, применением этих категорий, то вы встретите у него с самого начала дуализм между жизнью и идеями, между душой и телом — дуализм, повторяющийся в различных формах. Вы теперь видите, что этот антагонизм — это только лишь неспособность г. Прудона понять обыденную историю и происхождение категорий, которые он обожествляет.

Мое письмо слишком затянулось, и я не смогу уже останавливаться на смешных обвинениях г. Прудона против коммунизма. Пока Вы согласитесь со мной, что человек, не понявший современного состояния общества, еще менее способен понять то движение, которое стремится разрушить

это общество, и литературные выражения этого революционного движения.

Единственный пункт, в котором я вполне согласен с г. Прудонем, — это его отвращение к социалистической сентиментальности. До него я вызвал против себя много вражды своими насмешками над социализмом бараньим, сентиментальным, утопическим. Но сам г. Прудон разве не создает себе странных иллюзий, противопоставляя свою сентиментальность мелкого буржуа, — я имею в виду его декламации о домашнем очаге, о супружеской любви и все его банальности, — социалистической сентиментальности, которая у Фурье, например, гораздо более глубока, чем претенциозные пошлости нашего доброго г. Прудона. Он сам настолько хорошо чувствует всю ничтожность своих доводов, свою полную неспособность говорить обо всех этих вещах, что вдруг, не помня себя, приходит в ярость, в благородное негодование, начинает вопить, беснуется, ругается, обличает, проклинает, бьет себя в грудь и бахвалится перед богом и людьми, что он чист от социалистических мерзостей! Он не подвергает критике социалистическую сентиментальность или то, что он считает сентиментальностью. Он, как святой, как папа, предает анафеме бедных грешников и поет славу мелкой буржуазии и жалким любовным и патриархальным иллюзиям домашнего очага. И это не случайно. Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии. *Мелкий буржуа* в развитом обществе, в силу самого своего положения, с одной стороны, делается социалистом, а с другой — экономистом, т. е. он ослеплен великолепием крупной буржуазии и сочувствует страданиям народа. Он в одно и то же время и буржуа и народ. В глубине своей души он гордится тем, что он беспристрастен, что он нашел истинное равновесие, которое имеет претензию отличаться от золотой середины. Такой мелкий буржуа обожествляет *противоречие*, потому что противоречие есть основа его существа. Он сам — не что иное как воплощенное общественное противоречие. Он должен оправдать в теории то, чем он является на практике, и г. Прудону принадлежит заслуга быть научным истолкователем французской мелкой буржуазии; это — действительная заслуга, потому что мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций.

Я хотел бы иметь возможность послать Вам вместе с этим письмом мою книгу о политической экономии, но до сих пор мне не удалось издать ни этой работы, ни критики германских философов и социалистов, о которой я Вам рассказывал в Брюсселе¹. Вы не можете себе представить, какие

¹ Маркс имеет в виду «Критику политики и политической экономии» и «Немецкую идеологию». *Ред.*

затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, являющихся заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю. А что касается нашей собственной партии, то она не только бедна, но, кроме того, значительная часть немецкой коммунистической партии сердита на меня за то, что я выступаю против их утопий и декламаций.

Весь Ваш *Карл Маркс*.

Вы, пожалуй, спросите меня, почему я пишу Вам на плохом французском языке, а не на хорошем немецком. Это потому, что я имею дело с французским автором.

Вы меня очень обяжете, если не слишком задержите свой ответ. Я хочу знать, поняли ли Вы меня под этой оболочкой моего варварского французского языка.

1847 год

9

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

[23 ноября 1847 г.]

Дорогой Маркс,

Только сегодня вечером выяснилось, что я приеду. Итак, в субботу вечером в Остенде в гостинице «Корона», у бассейна напротив вокзала, а в воскресенье утром — через канал¹. Если вы поедете с поездом, который отходит между четырьмя и пятью, то вы приедете приблизительно в одно время со мной.

Если, сверх ожидания, окажется, что в воскресенье нет почтового парохода на Дувр, то сообщи мне об этом немедленно. Так как мое письмо ты получишь в четверг утром, то тебе нужно будет немедленно навести справки и ответить мне, если понадобится, в тот же вечер, сдав письмо на главный почтамт до 5 часов. Итак, если ты хочешь что-либо изменить в нашей встрече, то время еще есть. Если же в пятницу утром письма от тебя не будет, то я буду рассчитывать встретить вас с Тедеско в субботу вечером в «Короне». У нас тогда останется еще достаточно времени, чтобы обо всем договориться. Этот конгресс будет решающим, так как на этот раз все будет в наших руках...

...Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом». Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, для чего теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу с со-

¹ Имеется в виду поездка Маркса и Энгельса в Лондон на второй конгресс Союза коммунистов в ноябре 1847 г. Этот конгресс принял основные программные положения, защищавшиеся Марксом, и поручил Марксу и Энгельсу составить программу Союза. *Ред.*

бой здешний проект, составленный мною¹. Он написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо, наспех отредактирован. Я начинаю с вопроса, что такое коммунизм, и затем перехожу прямо к пролетариату — история его происхождения, отличие от прежних работников, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы. Попутно — различные второстепенные вещи, и в конце партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить открыто. Здешний проект целиком еще не утверждался, но я надеюсь добиться того, чтобы в него не попало — за исключением некоторых, не имеющих значения мелочей — ничего такого, что противоречило бы нашим взглядам...

¹ «Принципы коммунизма» Энгельса — первый набросок «Манифеста Коммунистической партии». *Ред.*

1848 год

10

ЭНГЕЛЬС — Э. БЛАНКУ

28 марта 1848 г.

... Крупные буржуа и рабочие прямо противостоят друг другу. Мелкие буржуа играют посредническую, но очень жалкую роль. Однако во временном правительстве они имеют большинство (Ламартин, Марраст, Дюпон де л'Эр, Мари, Гарнье-Пажес и до некоторой степени Кремье). Они, а вместе с ними и временное правительство, сильно колеблются. Чем спокойнее обстановка, тем в большей степени правительство и мелкобуржуазная партия склоняются на сторону крупной буржуазии. Чем тревожнее обстановка, тем больше они снова стараются сблизиться с рабочими. Недавно, например, когда буржуа опять настолько обнаглели, что даже затеяли шествие к ратуше отряда национальной гвардии в 8 000 человек для протеста против декрета временного правительства, а именно против энергичных мероприятий Ледрю-Роллена, им действительно удалось запугать большинство правительства, и в особенности бесхарактерного Ламартина, так что он публично отмежевался от Ледрю-Роллена. Но на следующий день, 17 марта, 200 000 рабочих отправились к ратуше, выразили Ледрю-Роллену свое безусловное доверие и принудили Ламартина и большинство правительства взять свое решение обратно¹. Таким образом, в данный момент перевес снова оказался на стороне приверженцев «Réforme» (Ледрю-Роллен, Флокон, Луи Блан, Альбер, Араго). Из

¹ 16 марта 1848 г. буржуазные роты национальной гвардии (так называемые «медвежий шапки») устроили демонстрацию в знак протеста против декрета временного правительства, отменявшего их привилегированное положение. Это контрреволюционное выступление буржуазии заставило пролетариат «стать на сторону буржуазной республики, которая казалась ему в опасности» (Маркс). *Ред.*

всего правительства они больше, чем кто-либо другой, представляют интересы рабочих и являются коммунистами, сами того не подозревая. К сожалению, маленький Луи Блан очень компрометирует себя своим тщеславием и своими сумасшедшими планами. Он скоро здорово оскандалится. Зато Ледрю-Роллен ведет себя очень хорошо.

Хуже всего то, что правительство, с одной стороны, вынуждено давать рабочим обещания, а с другой — не может сдержать ни одного из них, так как оно не имеет мужества обеспечить себе необходимые для этого денежные средства с помощью революционных мероприятий, направленных против буржуазии: высоких прогрессивных налогов, налогов на наследство, конфискации собственности всех эмигрантов, запрещения вывоза золота, учреждения государственного банка и т. д. Людям из «Réforme» предоставляют давать обещания, а затем, путем нелепейших консервативных решений, их ставят в такое положение, когда они оказываются не в состоянии выполнить обещанное.

В Национальном собрании присоединяется только один новый элемент: крестьяне, составляющие $\frac{5}{7}$ французской нации и стоящие за мелкобуржуазную партию, за «National». Очень вероятно, что эта партия победит, что сторонники «Réforme» падут, и тогда снова произойдет революция. Возможно также, что депутаты, очутившись в Париже, увидят, как обстоят здесь дела, и поймут, что у власти долгое время могут удержаться только сторонники «Réforme». Но это мало вероятно.

Отсрочка выборов на две недели также является победой парижских рабочих над буржуазной партией...

11

МАРКС — РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «АЛБА»

[Май 1848 г.]

Милостивый государь!

С 1 июня в Кельне начнет выходить, под редакцией г. Карла Маркса, новая ежедневная газета под названием «Новая Рейнская Газета». Эта газета будет у нас на севере бороться за те же демократические принципы, которые «Alba» представляет в Италии. Не может, следовательно, быть никакого сомнения относительно того, какую позицию «Новая Рейнская Газета» займет в спорных вопросах между Италией и Австрией. Мы будем отстаивать дело итальянской

независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как и в Германии и в Польше. Братски протягиваем мы руку итальянскому народу и хотим ему доказать, что немецкий народ отвергает какое бы то ни было участие в его угнетении. Ваш народ подвергается угнетению со стороны тех самых людей, которые и у нас постоянно боролись против свободы. Мы сделаем все возможное, чтобы подготовить союз и доброе согласие между обоими великими и свободными народами, которые до сих пор, благодаря гнусному образу правления, были приучены к мысли, что они являются враждебными друг другу. Мы требуем поэтому, чтобы грубая австрийская солдатчина была немедленно отозвана из Италии и чтобы итальянскому народу была дана возможность проявить свою суверенную волю в деле выбора угодной ему формы правления.

Чтобы мы имели возможность следить за итальянскими событиями, а Вы — судить об искренности наших заявлений, предлагаем Вам регулярный обмен нашими газетами. Мы могли бы ежедневно посылать Вам «Новую Рейнскую Газету», а Вы нам — «Alba». Льстим себя надеждой, что Вы согласитесь на это предложение, и просим Вас начать присылать «Alba» по возможности скорее, чтобы мы могли использовать ее уже в наших первых номерах.

Если бы оказалось, что Вы можете присылать нам и другую информацию, мы просим направлять ее нам и заверяем Вас, что всему, что может служить делу демократии в той или другой стране, мы, со своей стороны, окажем максимальное внимание.

Привет и братство.

Редакция «Новой Рейнской Газеты».
Редактор д-р *Карл Маркс*.

12

ЭНГЕЛЬС — Э. БЛАНКУ

24 мая 1848 г.

... Между прочим, Бармен скучнее, чем когда-либо, и охвачен всеобщей ненавистью к той жалкой свободе, которой там пользуются. Эти ослы считают, что весь мир существует только для того, чтобы они могли выколачивать хорошие прибыли, а так как сейчас это не выходит, то они и кричат во всю глотку. Если они хотят свободы, то дол-

жны заплатить за нее. Ведь французам и англичанам также пришлось расплачиваться, но в Бармене думают, что они все получают даром. Здесь¹ дело обстоит несколько лучше, но не на много. Пруссаки все еще ведут себя по-старому, поляков ругают последними словами, и в тот момент, когда я пишу эти строки, *пруссаки бомбардируют Майнц* из-за того, что гражданская гвардия арестовала нескольких пьяных, бесчинствовавших солдат. Суверенное национальное собрание во Франкфурте слышит стрельбу, но его это, повидимому, нисколько не трогает². В Берлине Кампгаузен бездействует, а реакция, чиновничество и господа-дворяне нагледят с каждым днем, раздражают народ; народ бунтует, и бессилие и трусость Кампгаузена прямым путем ведут нас к новым революциям. Так выглядит сейчас Германия! Прощай.

Твой Ф. Э.

¹ — в Кельне. *Ред.*

² Бессильный Франкфуртский парламент (18 мая 1848 г. — 18 июня 1849 г.) вместо того, чтобы организовывать массы для решительной борьбы с абсолютизмом и с раздробленностью Германии, свел всю свою деятельность к бесплодным прениям об имперской конституции. *Ред.*

1849 год

13

ЭНГЕЛЬС — ЖЕННИ МАРКС

25 июля 1849 г.

Дорогая госпожа Маркс!

И Вы и Маркс, вероятно, удивляетесь, что я так долго не подавал о себе вестей. Вот причины этого. В тот самый день, когда я написал Марксу (из Кайзерслаутерна), пришло известие, что Гомбург занят пруссаками и, таким образом, сообщение с Парижем прервано. Отослать письмо было уже нельзя, и я отправился к Виллиху. В Кайзерслаутерне я держался в стороне от всякого участия в так называемой революции, но когда явились пруссаки, я не смог противиться соблазну принять участие в войне. Единственным офицером, который чего-либо стоил, был Виллих, — я пошел к нему и сделался его адъютантом. Я участвовал в четырех боях, из которых два — особенно при Раштадте — были довольно серьезны. Я убедился, что хваленое мужество в атаке — самое заурядное качество, которое может иметь человек. Свист пуль — сущие пустяки, и, хотя мне пришлось наблюдать немало трусости, я за всю кампанию не видел и дюжины людей, которые держали бы себя трусливо *в бою*. Зато сколько «храброй глупости»! Так или иначе, я счастливо миновал опасности, и в конце концов хорошо, что один из сотрудников «Новой Рейнской Газеты» принимал участие в боях, потому что вся демократическая сволочь была в Бадене и в Пфальце и теперь хвастается подвигами, которых она не совершала. Опять поднялся бы крик, что господа из «Новой Рейнской Газеты» чересчур трусливы, чтобы сражаться. Но изо всех господ демократов никто не сражался, кроме меня и Кинкеля. Последний записался в наш полк стрелком и отделался довольно дешево. В первом же бою,

в котором ему пришлось участвовать, он был легко ранен в голову и попал в плен.

После того как наш отряд прикрыл отступление баденской армии, мы перешли в Швейцарию на сутки позже всех остальных и вчера прибыли сюда, в Вевер. Во время кампании и пока мы шли по Швейцарии, у меня не было никакой возможности написать ни строчки. Зато теперь я спешу подать весть о себе и скорее написать Вам, тем более, что где-то в Бадене я слышал, что Маркс арестован в Париже. Мы совсем не имели газет и ничего не могли узнать, так что я так и не смог проверить, правда это или нет. Вы представляете себе, как я встревожен; я очень прошу Вас как можно скорей успокоить меня, поставив меня в известность о судьбе Маркса. Я не слышал, чтобы слух об аресте Маркса подтвердился, а потому все еще надеюсь, что это неправда. Зато Дронке и Шаппер сидят, в этом я почти не сомневаюсь. Итак, если Маркс еще на свободе, перешлите ему это письмо и попросите его немедленно мне ответить. Если в Париже он не чувствует себя в безопасности, то здесь, в кантоне Во, он мог бы жить вполне спокойно. Само правительство называет себя красным и сторонником непрерывной революции. То же самое в Женеве. Там находится Шили из Трира, который был одним из командиров в Майнцском отряде.

Как только я получу из дому немного денег, я направлюсь, вероятно, в Лозанну или в Женеву и там решу, как дальше быть. Наш отряд, который храбро сражался, надоел мне, и делать мне здесь нечего. Виллих в бою храбр, хладнокровен, ловок, он быстро и правильно ориентируется в обстановке, но вне сражения — это более или менее скучный резонер и «кистишный социалист». Большая часть людей из отряда, с которыми можно было поговорить, разбрелась.

Если бы только у меня была уверенность, что Маркс на свободе! Я часто думал о том, что под прусскими пулями я подвергался гораздо меньшей опасности, чем наши в Германии и, в особенности, Маркс в Париже. Избавьте же меня скорее от этой неизвестности.

Ваш *Энгельс*.

1851 год

14

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

7 января 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Я пишу сегодня для того, чтобы предложить тебе небольшой теоретический вопрос, разумеется политико-экономического свойства.

Начну *ab ovo* [с самого начала]. Тебе известно, что, согласно теории ренты Рикардо, рента есть не что иное, как разница между издержками производства и ценой продукта земли или, как он иначе выражает эту мысль, — разница между ценой, по которой должна продавать наихудшая земля, чтобы возместить свои издержки (непреренно включая в издержки прибыль арендатора и проценты на его капитал), и той ценой, по которой может продавать самая лучшая земля.

Рост ренты показывает, согласно Рикардо, как он сам излагает свою теорию, следующее:

1. Прибегают к обработке земель все худшего качества, или одно и то же количество капитала, последовательно применяемое к одному и тому же участку земли, дает неодинаковый продукт. Одним словом, земля ухудшается в той же мере, в какой население вынуждено предъявлять к ней все более высокие требования. Она становится относительно все менее плодородной. Именно это и послужило Мальтусу реальным основанием для его теории народонаселения, и именно в этом его ученики ищут теперь свой последний якорь спасения.

2. Повышение ренты (по крайней мере, *экономически закономерное*) возможно только при повышении хлебных цен; она должна падать с их падением.

3. Если *сумма ренты целой страны* возрастает, то это можно объяснить только тем, что в обработку пошло очень большое количество относительно худшей земли.

История повсюду противоречит этим трем положениям.

1. Несомненно, что с прогрессом цивилизации в обработку поступают все худшие земли. Но несомненно также и то, что в силу прогресса науки и индустрии эти худшие сорта земли относительно хороши по сравнению с теми, которые прежде считались хорошими.

2. Начиная с 1815 г., цены на хлеб упали с 90 шиллингов до 50 шиллингов и ниже — накануне отмены хлебных законов, они падали неравномерно, но непрерывно. Рента же постоянно возрастала. Так было в Англии и, с соответствующими изменениями, повсюду на континенте.

3. Во всех странах, как заметил уже Петти, мы встречаемся со следующим явлением: когда хлебные цены падают, общая сумма земельной ренты в стране возрастает.

При всем этом главной задачей остается согласовать закон ренты с прогрессом производительности земледелия вообще; только при таком условии можно будет объяснить исторические факты, а, с другой стороны, устранить теорию Мальтуса об ухудшении не только рабочих рук, но также и земли.

Я полагаю, что дело объясняется весьма просто, а именно следующим образом:

Предположим, что при данном состоянии земледелия цена квартера пшеницы — 7 шиллингов и что акр земли лучшего качества, приносящий 10 шиллингов ренты, производит 20 бушелей. Доход с акра равен, таким образом, 20×7 , или 140 шиллингам. Издержки производства составляют в данном случае 130 шиллингов. Значит, 130 шиллингов есть цена продукта, получаемого с наилучшей из возделываемых земель.

Допустим теперь, что наступает общее улучшение земледелия. Допуская это, мы в то же время предполагаем рост науки, промышленности и населения. Общее возрастание плодородия земли, являющееся результатом улучшения обработки, предполагает эти условия в отличие от плодородия, являющегося результатом случайных обстоятельств — благоприятной погоды.

Положим, цена пшеницы падает с 7 до 5 шиллингов за квартал. Лучшая земля № 1, которая приносила прежде 20 бушелей, приносит теперь 30 бушелей. Доход с нее, следовательно, не 20×7 , или 140 шиллингов, а 30×5 , или 150 шиллингов. Значит, рента теперь 20, а не 10 шиллингов, как прежде. Самая плохая земля, не приносящая ренты, должна приносить 26 бушелей, потому что, согласно нашему

предположению, необходимая цена ее продуктов составляет 130 шиллингов, а $26 \times 5 = 130$. Если улучшение, т. е. общий прогресс науки, идущий рука об руку с общим прогрессом общества, ростом населения и т. д., не является настолько всеобщим, чтобы самая плохая из подлежащих обработке земель могла приносить 26 бушелей, то цена хлеба не может упасть до 5 шиллингов за кварталер.

20 шиллингов ренты выражают, как и прежде, разницу между издержками производства и ценой хлеба с лучшей земли, или разницу между издержками производства на самой худшей и издержками производства на самой лучшей земле. Относительно одна земля остается все такой же неплодородной по сравнению с другой, как и раньше. Но *общее плодородие* возросло.

Мы предполагаем только, что если цена хлеба падает с 7 до 5 шиллингов, то потребление, спрос соответственно возрастает, иначе говоря, что производительность не превысит того спроса, на который можно рассчитывать при цене в 5 шиллингов. Насколько неверным было бы такое предположение, если бы цена упала с 7 до 5 шиллингов в результате исключительно благоприятной осени, настолько оно необходимо в случае постепенного подъема плодородия, достигнутого самими производителями. Во всяком случае здесь речь идет только об экономической вероятности этой гипотезы.

Отсюда следует:

1. Рента может возрастать, хотя цена земледельческих продуктов падает, и все же *закон Рикардо остается правильным*.

2. Закон ренты, в виде простейшего тезиса, выдвинутого Рикардо, если мы оставим в стороне дальнейшие выводы из него, вовсе не предполагает убывающего плодородия земли, а только то обстоятельство, что, *несмотря на всеобщее возрастание плодородия земли, которым сопровождается развитие общества*, плодородие разных участков земли все же различно, или что при последовательном применении капитала к одному и тому же участку земли результат получается различный.

3. Чем более всеобщим является улучшение земли, тем большее количество сортов земель оно будет охватывать, и сумма ренты всей страны может возрастать, хотя бы цена хлеба в общем и падала. Если взять для примера вышеприведенный случай, то тут все зависит только от того, как велико число участков земли, производящих больше, чем 26 бушелей по 5 шиллингов, причем совершенно не обязательно, чтобы они производили 30 бушелей; иными словами, все зависит от того, насколько разнообразно качество раз-

личных земель, занимающих промежуточное место между наихудшей и наилучшей землей. Это не касается размера ренты лучшей земли. Это вообще не касается непосредственно размера ренты.

Ты знаешь, что вся соль вопроса о ренте заключается в том, что рента создается благодаря выравниванию цен на продукты, произведенные при различных издержках производства, но что этот закон рыночной цены есть не что иное, как закон буржуазной конкуренции. И все-таки даже и после уничтожения буржуазного производства оставалось бы то затруднение, что земля относительно становится все менее и менее плодородной, что одинаковое количество труда, последовательно применяемое, дает меньшие результаты, хотя тогда, в отличие от буржуазного строя, наилучшая земля и не доставляла бы такого же дорогого продукта, как наихудшая. Но это опасение отпадает в результате вышеизложенного.

Прошу тебя высказаться по этому вопросу...

15

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

17 июля 1851 г.

...Выписка газет здесь опять упорядочена, и я, наконец, увидел в «Kölnische Zeitung» наш старый документ¹. Между прочим, «Augsburger Zeitung» в статье «Дрезден», автор которой, видимо, хорошо информирован, сообщает, что при помощи мучительных допросов удалось, наконец, сломить Нотьюнга, и он признался почти во всем. Я считаю, во всяком случае, весьма возможным, что ловкие следователи загнали его в тупик и запутали в самых нелепых противоречиях. Туда якобы послан прусский чиновник, чтобы выжать из него еще больше. Ганноверский король будто бы отказался начать преследование в своих владениях, по крайней мере в той грубой форме, как это делается в Пруссии, Гамбурге и т. д. Письмо Микеля как будто подтверждает это. Что Мартенс арестован в Гамбурге, ты, конечно, знаешь. Глупость пруссаков ни в чем, впрочем, не обнаружилась так ярко, как в обыске у «Карла на Рейне», которого также

¹ Речь идет о первом обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов (март 1850), составленном Марксом и Энгельсом. Это обращение было конфисковано прусской полицией и опубликовано в буржуазной прессе в связи с арестом членов ЦК Союза коммунистов и подготовкой Кельнского процесса коммунистов. *Ред.*

заподозрили в принадлежности к Союзу коммунистов и у которого нашли лишь письма от Раво!

В старом документе повредить арестованным может только место относительно «эксцессов» — все остальное направлено против демократов и ухудшило бы положение лишь в том случае, если бы обвиняемые предстали перед полудемократическим судом присяжных. Но, повидимому, их будет судить специально подобранный имперский суд присяжных, если их вообще будут судить. К тому же в документе Бюргера¹, который был сразу же захвачен полицией, все эти вещи по большей части уже находились в переработанном виде. С другой стороны, во всех отношениях прекрасно, что этот документ был опубликован и попал во все газеты. Для отдельных, действующих втихомолку кружков начинающих коммунистов, о которых никто ничего не знает, но которые, как показывает опыт, существуют во всех углах Германии, этот документ явится прекрасной точкой опоры. Уже из статьи «Augsburger Zeitung» видно, что этот документ задел ее гораздо сильнее, чем первые открытия. Изложение его содержания в этой газете показывает, что она прекрасно поняла это «безумство», — да и как было его не понять.

При этом феодальная реакция так неистовствует, с такой слепой яростью идет напролом, что весь этот взрыв не производит на буржуазию ни малейшего впечатления. Потешно видеть, как «Kölnische Zeitung» ежедневно проповедует теперь, что «надо пройти через красное море», и признает все ошибки конституционалистов 1848 года. Да и на самом деле, если обер-президентом Кобленца назначается Клейст-Ретцов и если бесстыдная «Kreuzzeitung»² становится все нахальнее в своих плоских шутках и неуклюжих стихах, то что же остается делать образованной и степенной конституционной оппозиции? Жаль, что мы не получаем здесь «Kreuzzeitung». Мне попадались выдержки из нее. Просто невероятно, с какой вульгарной, балаганной, вонюче-тупо-прусской манерой нападает эта газета на приличных, состоятельных и достопочтенных конституционных деятелей. Если бы у господ вроде Беккерата и компании было хоть на грош мужества и чувства собственного достоинства, они, конечно, предпочли бы переносить ругань и оскорбления какого-нибудь простонародно-рейнского «Père Duchesne»³ и весь

¹ Циркулярное письмо кельнского Центрального комитета Союзу коммунистов от 1 декабря 1850 г., разосланное Бюргером вместе с проектом устава Союза. *Ред.*

² «Kreuzzeitung» — так называли «Neue Preussische Zeitung», ежедневную берлинскую газету, орган реакционного прусского юнкерства. *Ред.*

³ «Le Père Duchesne» — газета, выходившая под редакцией Эбера во время французской буржуазной революции конца XVIII в.; пользовалась большой популярностью среди городской бедноты. *Ред.*

красный террор, чем то обращение, которому они ежедневно подвергаются со стороны юнкеров и «Кгеузzeitung»...

Но так им и надо, ведь эти собаки называли статьи «Новой Рейнской Газеты» «подлой руганью»; пусть они на своей собственной трусливой шкуре почувствуют различие обращения. Они еще будут стоской вспоминать бесконечно тонкие насмешки «Новой Рейнской Газеты»...

16

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

[ок. 20 июля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Возвращаю документы. Письмо Микеля мне понравилось. По крайней мере, это парень с головой; он стал бы, вероятно, совсем дельным, если бы побыл некоторое время за границей. Его опасения, что наш опубликованный теперь документ произведет плохое впечатление на демократов, совершенно справедливы, поскольку дело идет о его провинции. Нижнесаксонская, самобытная, среднекрестьянская демократия, к которой еще недавно подлизывалась «Kölnische Zeitung», предлагая ей союз, — что этой демократии как раз к лицу, — стоит гораздо ниже мещанской демократии более крупных городов, которая все же верховодит ею. А эта нормальная мелкобуржуазная демократия, хотя, по видимому, и сильно оскорбленная нашим документом, сама слишком ущемлена и придавлена, чтобы не признать вместе с крупной буржуазией необходимости «пройти через красное море». Эта публика все больше и больше будет примиряться с необходимостью кратковременного террористического господства пролетариата, уверив себя, что долго оно продолжаться не сможет, потому что положительное содержание документа настолько, мол, нелепо, что о постоянном господстве подобных людей и об окончательном осуществлении подобных принципов не может быть и речи! Наоборот, ганноверский крупный и средний крестьянин, ничего не имеющий, кроме своего участка земли; чей дом, усадьба и амбары подвергаются всевозможным опасностям ввиду вероятного банкротства всех страховых обществ; отведавший, к тому же, со времени Эрнста Августа всю сладость законного сопротивления, — этот немецкий sturdy yeoman [крепкий свободный крестьянин] трижды подумает прежде чем решится вступить в «красное море».

Судя по письму Бермбаха, предателем является Гаупт; не могу этому поверить. Во всяком случае, эту историю надо расследовать. Подозрительно, правда, что Гаупт, насколько мне известно, все еще на свободе. О поездке в Гамбург из Кельна или Геттингена нечего и думать. Трудно сказать, найдем ли мы когда-нибудь какие-либо указания по этому поводу в судебных документах или протоколах. Если этот человек изменник, то этого не следует забывать, и при первом удобном случае он должен быть примерно наказан.

Я надеюсь, что Даниэльса скоро выпустят. Ведь это единственная политическая фигура в Кельне. Он, наверное, сумел бы, несмотря на полицейскую слежку, продолжать вести дело как следует.

Возвращаюсь снова к вопросу о действии нашего документа на демократов. Микелю следовало бы помнить, что мы непрестанно и систематически преследовали господ демократов, нападая на них во всех документах, близких по своему характеру к партийным манифестам. Почему же вдруг такой шум по поводу программы, которая в весьма спокойной форме, а, главное, совершенно не затрагивая личностей, только резюмирует то, что уже давно было напечатано? Может быть наши ученики на континенте отреклись от нас, может быть они вступили в более тесные сношения с демократами, чем это допустимо с точки зрения партийной политики и партийной чести? Если революционная трескотня демократов объясняется именно отсутствием разногласий, то спрашивается, кто же виноват в этом отсутствии разногласий? Во всяком случае не мы, а скорее всего немецкие коммунисты в самой Германии. В этом-то, кажется, и заключается вся суть дела. Всякий сколько-нибудь понимающий демократ должен был наперед знать, чего ему ждать от нашей партии; документ не мог дать ему ничего особенно нового. Если они заключили временный союз с коммунистами, то они были прекрасно осведомлены об условиях и продолжительности этого союза. Только ганноверским крестьянам и адвокатам могло притти в голову, что коммунисты с 1850 г. отреклись от принципов и политики «Новой Рейнской Газеты». Вальдеку и Якоби ничего подобного, наверное, и не снилось. Во всяком случае такого рода публикации ничего не изменят ни в «природе вещей», ни в «понятии стношения», выражаясь языком Штирнера. Демократическая трескотня и заговоры скоро снова будут процветать, и демократы будут сотрудничать с коммунистами. А что эти господа на другой день после революции будут нам делать всякие пакости, — это мы знаем давно, и этого никакой дипломатией не предотвратишь.

Зато меня очень обрадовало, что, как я и предвидел, повсюду на основе «Манифеста» возникают маленькие комму-

нистические группы. Это как раз то, чего нам нехватало при слабости нашего теперешнего генерального штаба. Когда условия для этого созреют, солдаты найдутся сами собой, но очень приятно перспектива иметь такой генеральный штаб, который не состоит из филистеров-ремесленников и допускает возможность более свободного выбора, чем теперь, когда у нас всего 25 человек, имеющих хоть какое-нибудь образование. Хорошо бы рекомендовать вести повсюду пропаганду среди конторских служащих. На случай, если бы пришлось организовать управление, без подобного рода людей не обойтись. Они привыкли к усидчивой работе и к толковому ведению книг. Коммерция — единственная практическая школа для хороших канцеляристов. Наши юристы и т. п. для этого не годятся. Конторщики для ведения книг и отчетности, талантливые образованные люди для составления депеш, писем, документов — вот что нам надо. С шестью конторщиками я берусь организовать любую отрасль управления в тысячу раз проще, толковее и практичнее, чем с шестьюдесятью статскими советниками и бюрократами из финансового ведомства. Последние не умеют даже разборчиво писать и так испакостят книги, что сам черт в них не разберется. Ввиду того, что обстоятельства все более и более вынуждают нас готовиться к такой возможности, дело это не лишено значения. Кроме того, эти конторские служащие привыкли к усидчивой механической работе, менее прихотливы, их легче отучить от безделья, а в случае непригодности легче устроить.

Письмо в Кельн уже отправлено — ему придан подходящий вид. Если и оно не дойдет, то не знаю, как быть. А вообще адрес Шульца не очень хорош — бывший соиздатель!

17

МАРКС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

11 сентября [1851 г.]

...Г-ну Мадзини также пришлось убедиться в том, что наше время — время распада «демократических» временных правительств. После ожесточенной борьбы меньшинство вышло из итальянского комитета. Это, вероятно, наиболее передовая часть.

Политику Мадзини я считаю в корне ложной. Побуждая Италию немедленно порвать с Австрией, он действует исключительно в интересах Австрии. С другой стороны, он

забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, в этой веками угнетаемой части Италии, и, забывая об этом, он подготавливает новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и «просвещенными гражданами». Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которое так же, как и ирландское крестьянство, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для выпященной фразеологии его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов. Но, несомненно, нужно много мужества, чтобы заявить буржуазии и дворянству, что первый шаг к независимости Италии состоит в полном освобождении крестьян и в превращении испольной системы аренды в свободную буржуазную собственность. Мадзини, повидимому, считает, что заем в десять миллионов франков имеет более революционное значение, чем привлечение на свою сторону десятка миллионов людей. Я очень, опасаюсь, что в критический момент австрийское правительство *само* изменит форму землевладения в Италии и проведет реформу «по-галицийски»¹.

Передай Дронке, что я напишу ему через несколько дней. Сердечный привет тебе и твоей жене от меня и жены. Подумай еще раз, не сделать ли тебе попытки устроиться здесь.

Твой К. Маркс.

18

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

13 сентября 1851 г.

...Итальянский комитет тоже раскололся. Из него вышло значительное меньшинство. Огорченный Мадзини рассказывает об этом событии в «*Voix du peuple*». Главные мотивы будто бы таковы. Во-первых, бог. Они не желают бога. Затем, — и это важнее, — они упрекают Мадзини в том, что, проповедуя восстание, т. е. вызывая его преждевременно, он действует в интересах Австрии. Наконец, они настаивают на прямой защите материальных интересов итальянских крестьян.

¹ Пытаясь заручиться поддержкой галицийского крестьянства в своей борьбе с национально-освободительным движением, австрийское правительство объявило в 1848 г. об отмене барщины в Галиции. В дальнейшем, однако, были изданы законы, устанавливающие высокие выкупные платежи со стороны крестьян. *Ред.*

Но этого нельзя сделать, не задев, с другой стороны, материальных интересов буржуа и либерального дворянства, из которых состоит великая фаланга Мадзини. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. Если Мадзини или кто-либо иной, кто станет во главе итальянской агитации, не превратит на сей раз крестьян, смело и немедленно, из полонников в свободных земельных собственников (положение итальянских крестьян ужасно, я теперь основательно изучил эту гнусность), то австрийское правительство прибегнет, в случае революции, к галицийским средствам. Оно уже угрожало в «Lloyd» «полным переворотом в формах владения» и «уничтожением беспокойного дворянства». Если у Мадзини и теперь не откроются глаза, то он болван. Правда, тут замешаны интересы агитации. Откуда взять 10 миллионов франков, если оттолкнуть от себя буржуа? Как сохранить поддержку дворянства, если объявить ему, что дело идет прежде всего о его экспроприации? Все это трудности для подобных демагогов старой школы. . .

19

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

23 сентября 1851 г.

. . . Раскол между итальянцами превосходен. Замечательно, что завзятый фантазер Мадзини натолкнулся, наконец, на своем пути на преграду материальных интересов и притом в своей собственной стране. Достижением итальянской революции является то, что она и в Италии втянула в движение наиболее отсталые классы, и что теперь, в противовес старо-мадзинистской эмиграции, там возникает новая, более радикальная партия, которая постепенно оттесняет г. Мадзини. По газетным сведениям тоже создается впечатление, что «мадзинизм» начинает пользоваться дурной славой даже среди людей, не являющихся ни конституционалистами, ни реакционерами, и что эти люди используют последние остатки свободы печати в Пьемонте для выпадов против Мадзини, а правительство не понимает значения этих выпадов. В общем же итальянская революция далеко превосходит немецкую бедностью мыслей и богатством фраз. Счастье, что в этой стране, где вместо пролетариев почти одни только лаццарони¹,

¹ «Лациарони» назывались в Италии деклассированные, люмпен-пролетарские элементы населения, которые неоднократно использовались абсолютнистскими правительствами в их борьбе против буржуазии.
Ред.

имеются, по крайней мере, хоть половники. Остальные мотивы, выдвигаемые итальянскими раскольниками, также очень хороши, и в конце концов это прекрасно, что единственная до сих пор официально нерасколота эмиграция теперь тоже затеяла драку...

20

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

[26 сентября 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Что касается теховской военной истории¹, то она и с военной точки зрения чрезвычайно плоска и местами прямо неверна. Оставляя в стороне глубокие истины, что на насилие надо отвечать насилием, и нелепые открытия, что революция может победить лишь тогда, когда она является всеобщей (т. е. если понимать буквально, — когда она не встречает никакого сопротивления, а по смыслу, — когда она является буржуазной революцией); оставляя в стороне благонамеренный замысел подавить фатальную «внутреннюю политику», т. е. подлинную революцию, при помощи какого-нибудь, до сих пор еще не найденного несмотря на Кавеньяка и Виллиха, военного диктатора; иными словами, оставляя в стороне эту весьма знаменательную политическую формулировку взглядов подобных господ на революцию, — с военной точки зрения нужно заметить следующее:

1) Железная дисциплина, которая одна может обеспечить победу, является как раз обратной стороной «откладывания внутренней политики» и военной диктатуры. Откуда может взяться эта дисциплина? Должны же были эти господа извлечь какие-то уроки в Бадене и Пфальце. Ведь несомненный факт, что дезорганизация армий и полное разрушение дисциплины были одновременно условием и результатом всех происходивших до сих пор победоносных революций. Франции понадобилось время с 1789 до 1792 г., чтобы заново организовать только одну армию Дюмурье, численностью приблизительно в 60 000—80 000 человек, но и эта армия вновь распалась, и во Франции не было, можно сказать, никакой организованной армии до конца 1793 года. Венгрии потребовалось время с марта 1848 г. до середины 1849 г., прежде чем она получила правильно организованную армию. А кто уста-

¹ «Очерки грядущей войны» — статья лейтенанта Техова, начальника штаба баденской революционной армии в 1849 г.; опубликована в нью-йоркской «*Staatszeitung*». *Ред.*

новил дисциплину в армии во время первой французской революции? Отнюдь не генералы, которые начинают пользоваться влиянием и авторитетом у импровизированных армий лишь после нескольких побед революции, а террор, проводившийся во внутренней политике гражданской властью...

21

ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ

3 декабря 1851 г.

«Представители Франции, заседайте с миром!»

В самом деле, где же эти господа могут более мирно заседать, как не в казарме д'Орсэ под охраной батальона венсенских стрелков!

История Франции вступила в стадию совершеннейшего комизма. Что может быть смешнее, чем эта пародия на 18 брюмера, устроенная в мирное время при помощи недовольных солдат самым ничтожным человеком в мире и не встретившая, повидимому, пока никакого сопротивления. А как ловко были пойманы все эти старые ослы! Самая хитрая лиса во всей Франции — старый Тьер, самый тертый калач из всего адвокатского сословия — г. Дюпен попались в западню, которую им расставил самый отъявленный болван нынешнего столетия; они попались так же легко, как и хвостун Шангарнье и как генерал Кавеньяк со своей глупой республиканской добродетелью! А в довершение картины — охвостье парламента с Одилоном Барро в роли «Леве-фон-Кальбе», и этот самый Одилон требует, чтобы его, ввиду такого нарушения конституции, арестовали, и никак не может добиться, чтобы его отправили в Венсенскую тюрьму! Вся эта история как будто нарочно придумана для красного Вольфа; отныне только он может писать историю Франции. Был ли когда-нибудь в мире совершен переворот, который сопровождался бы такими вздорными заявлениями, как этот? А смехотворный наполеоновский маскарад, годовщина коронавания и Аустерлица, спекуляция конституцией консульства и т. п. Одно то, что все это могло удалиться хотя бы на один день, свидетельствует о таком ребячестве господ французов, которое не имеет себе равного.

Великолепен захват великих говорунов «порядка», в особенности маленького Тьера и храброго Шангарнье. Великолепно заседание охвостья парламента в 10-м округе с г. Беррье, который до тех пор кричал в окно: «Да здрав-

ствует республика», пока весь этот сброд не был захвачен и заперт под охраной солдат во дворе казармы. А этот глупый Наполеон, который сразу же начал укладываться, чтобы перебраться в Тюильри. Хоть целый год промучайся, не выдумаешь комедии лучше этой.

А вечером, когда глупец Наполеон наконец-то бросился в давно желанную постель в Тюильри, этот умник все еще, наверное, не сознавал, каково в сущности его положение. Консульство без первого консула! Никаких особо серьезных внутренних трудностей — не больше, чем вообще за последние три года, — никаких особых финансовых затруднений, даже в его собственном кармане, никакой угрозы границам со стороны коалиции, никакой необходимости переходить через Сен-Бернар или одерживать победу при Маренго! Есть от чего притти в отчаяние. Нет больше даже Национального собрания, которое расстраивало бы великие планы непризнанного героя. Сейчас, по крайней мере, этот осел так же свободен, так же не связан, обладает такой же абсолютной властью, как Наполеон I вечером 18 брюмера, и он чувствует себя настолько непринужденно, что не может не обнаруживать на каждом шагу свою ослиную природу. Ужасная перспектива отсутствия противоречий!

Но народ, народ! Народу наплевать на всю эту лавочку, он радуется как ребенок дарованному ему избирательному праву и, вероятно, использует его также по-ребячески. Чего можно ожидать от этих смехотворных выборов в воскресенье на той неделе, если они вообще состоятся! Ни печати, ни митингов, осадное положение в полной силе, и к тому же еще приказ выбрать депутатов в течение двух недель.

Что же может получиться из всей этой чепухи? «Встанем на всемирно-историческую точку зрения», и мы будем иметь великолепную тему для декламации. Так, например: теперь должно выясниться, возможен ли преторианский режим эпохи Римской империи, предпосылками которого являлись совершенно по-военному организованное обширное государство, обезлюдившая Италия и отсутствие современного пролетариата, — возможен ли подобный режим в такой географически компактной, густо населенной стране, как Франция, где имеется многочисленный промышленный пролетариат. Или: у Луи-Наполеона нет собственной партии; он попирал ногами легитимистов и орлеанистов, теперь ему придется сделать поворот налево. Поворот налево означает амнистию, амнистия означает столкновение и т. д. Или еще: всеобщее избирательное право — основа власти Луи-Наполеона, он не может его нарушить, но существование всеобщего избирательного права *в настоящее время* несовместимо с существованием Луи-Наполеона. И другие тому подобные отвлеченные темы, на ко-

торые так легко рассуждать. Но после того, что мы вчера наблюдали, нечего рассчитывать на народ. Кажется, право, будто историей в роли мирового духа руководит из гроба старый Гегель, с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды: первый раз в качестве великой трагедии и второй раз — в качестве жалкого фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Бартеlemi вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и этот ублюдок с дюжиной запутавшихся в долгах проходимцев-офицеров вместо маленького капрала с его плеядой маршалов. До 18-го брюмера мы, стало быть, уже добрались.

Ребячески глупо вел себя парижский народ: «Нас это не касается, пусть президент и Собрание перегрызут друг другу горло, не все ли нам равно!» Но то, что армия осмелилась навязать Франции правительство, да еще такое правительство, — это уже несомненно касается народа, и чернь еще удивится тому всеобщему «свободному» избирательному праву, которое ей предстоит осуществлять «впервые с 1804 года»!

Как далеко наш, видимо, очень раздосадованный на человечество мирской дух заведет этот фарс, придется ли нам в течение одного года пережить консульство, империю, реставрацию и т. д., необходимо ли, чтобы наполеоновскую династию поколотили на улицах Парижа, прежде чем она станет невозможной во Франции, — этого и сам черт не знает. Мне кажется, однако, что дела принимают исключительно нелепый оборот и что французских обывателей ждут неслыханные унижения.

Допустим даже, что Луи-Наполеон временно укрепит свою власть, но ведь не может же такая ерунда затянуться надолго, как бы низко ни пали французы. Что же дальше? Одно ясно, что перспектив на революцию чертовски мало, и если гг. Луи Блан и Ледрю-Роллен еще вчера днем укладывали свои пожитки, то сегодня они спокойно могут снова их распаковывать. «Громовой голос народа еще не призывает их на родину».

Здесь и в Ливерпуле эта история сразу же застопорила торговлю. Но сегодня в Ливерпуле спекуляция уже снова в полном разгаре. А французские фондовые бумаги упали лишь на 2 процента.

При нынешних обстоятельствах придется, конечно, отложить попытки выступить в английской печати в защиту кельнцев.

О статьях для «Трибуны»¹ — они, очевидно, в ней уже появились — напиши *по-английски* редактору. Возможно, что

¹ «Нью-Йоркская • Ежедневная Трибуна» («New-York Daily Tribune») — левобуржуазная газета, основанная в 1841 г. В 50-х — начале 60-х годов в газете сотрудничали Маркс и Энгельс. *Ред.*

Дана отсутствует, но на деловое письмо, наверное, последует ответ. Скажи ему, чтобы он прислал с обратным пароходом точные сведения о том, что он сделал с этими рукописями. Если они были использованы в «Трибуне», то пусть он пришлет с той же оказией номера газеты, в которых они были напечатаны; скажи ему, что копий у нас нет, а не имея перед глазами уже отосланных статей, мы не можем после такого долгого промежутка времени писать продолжение серии¹.

Вероятно, было очень забавно наблюдать, какой эффект произвели известия из Франции на европейскую эмигрантскую чернь. Хотелось бы мне это видеть.

В ожидании известий от тебя,

твой Ф. Э.

22

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

9 декабря 1851 г.

Дорогой Фредерик!

Я заставил тебя долго ждать ответа, так как был страшно поражен этими трагикомическими событиями в Париже. Я не мог сказать, подобно Виллиху: «Странно, нам не прислали из Парижа никакого уведомления!» И не мог я, подобно Шапперу, разглагольствовать без конца за кружкой пива у Шертнера. Для спасения отечества Шаппер с несколькими оруженосцами, под предлогом необходимости быть на страже, проспал две ночи у Шертнера. Эти господа, как «Леве-фон-Кальбе» и К^о, упаковали свои чемоданы, но так как осторожность — лучший вид храбрости, то они решили перебраться туда лишь тогда, когда дело окончательно «разрешится».

Читал ли ты плаксивые излияния Луи Блана²? На следующий день Бернар-клубист заявил протест против того, что он якобы также присоединился к этим жалобным воплям...

...Итак, что же можно сказать о положении вещей? Ясно одно, что пролетариат берег свои силы, Бонапарт пока что победил, так как в эту ночь он превратил открытое голосование в тайное. С помощью миллиона фунтов стерлингов, действительно украденных из банка, вопреки всем последующим заявлениям д'Аргу, он купил армию. Удастся ли ему вторично совершить такой переворот, если результаты выборов будут

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии». *Ред.*

² Воззвание группы французских эмигрантов в Лондоне во главе с Луи Блапом к французскому народу в связи с государственным переворотом 2 декабря 1851 г. *Ред.*

против него? Примет ли вообще большинство участие в выборах? Орлеаны уехали во Францию. Трудно, даже невозможно предвидеть исход драмы, героем которой является Крапулинский. Во всяком случае, мне кажется, что государственный переворот скорее улучшил, чем ухудшил положение. С Бонапартом легче справиться, чем с Национальным собранием и его генералами. А диктатура Национального собрания стояла уже у дверей.

Великолепно разочарование Техова и К^о, видевших во французской армии прямо апостолов демократической триединой формулы свободы, равенства и братства. Бедняги! Господа Мадзини и Ледрю-Роллен тоже могут теперь спокойно ложиться спать. Эта катастрофа означает полный крах эмиграции. Обнаружилось, что эмиграция не играет никакой роли в революции. А ведь эти господа *решили* приостановить мировую историю до возвращения Кошута. Кстати: подписка, проведенная в пользу последнего, дала в Лондоне ровно 100 пенсов, так и читай — пенсов.

Привет.

Твой К. М.

23

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

11 декабря 1851 г.

Дорогой Маркс!

Возвращаю тебе письма Рейнгардта и Пипера, последнее я задерживал у себя из-за кельнских дел.

Из грандиозной экспедиции 700 бродяг в Париж, о которой торжественно возвестили газеты, кажется, ничего не выходит; маленький Луи Блан, судя по его новым жалобным воплям в сегодняшнем «Daily News», пока тоже находится в безопасном месте, хотя, повидимому, и не в Лондоне. Его первые плаксивые излияния были просто божественны по сравнению с сегодняшними. «Французский народ... благородная гордость... неукротимое мужество... бесконечная любовь к свободе... слава побежденным храбрецам»... — затем этот человек делает полуоборот направо и проповедует взаимное доверие и единение между народом и буржуазией. Сравни Прудона: «Призыв к буржуазии», стр. 2. А эти рассуждения! Если повстанцы были разбиты, то это потому, что они не были «настоящим народом», «настоящий народ» не может быть разбит; а если «настоящий народ» не сражался, то это объясняется тем, что он не хотел сражаться за Национальное собрание. На это можно было бы, конечно, возразить,

что если бы «настоящий народ» одержал победу, он сам сделался бы диктатором, но, застигнутый врасплох, он не мог думать об этом, да к тому же его так часто обманывали!

Это старая пошлая логика демократов, широко применявшаяся после каждого поражения революционной партии. По моему, если на этот раз пролетариат в массе своей не дрался, то это произошло потому, что он вполне сознавал свою собственную спячку и бессилие, и он до тех пор будет с фаталистической покорностью соглашаться на повторение кругооборота республики, империи, реставрации и новой революции, пока, — пройдя через ряд бедствий в течение нескольких лет господства сравнительного спокойствия, — он не накопит свежие силы. Я не утверждаю, что это так и будет, но мне кажется, что таково было инстинктивное убеждение, преобладавшее у парижского народа во вторник и в среду, а также после установления тайного голосования и отступления буржуазии, которое последовало за этим в пятницу. Нелепо говорить, что момент был неподходящим для народа. Если пролетариат станет дожидаться, пока его вопрос не будет выдвинут самим правительством, пока не наступит коллизия, в которой конфликт выльется в еще более резкую и четкую форму, чем это было в июне 1848 года, — то ему придется долго ждать. Последний раз вопрос о пролетариате и буржуазии встал в достаточной мере резко в связи с избирательным законом 1850 г., но тогда народ предпочел уклониться от драки. Это обстоятельство, как и постоянные ссылки на 1852 г., уже сами по себе служили доказательством спячки и давали нам достаточное основание для довольно плохих прогнозов и на 1852 г., исключая случай торгового кризиса. Трудно требовать от официальных партий, чтобы после отмены всеобщего избирательного права и вытеснения пролетариата с официальной трибуны, они стали ставить вопрос так, чтобы это удовлетворило пролетариат. А как обстояло дело в феврале? Тогда народ, так же как и теперь, стоял в стороне от событий. А ведь нельзя отрицать, что если революционная партия начинает упускать решающие поворотные моменты в революционном развитии, оставаясь в стороне, или если она вмешивается, но не одерживает победы, то ее можно с полной уверенностью считать на некоторое время похороненной. Доказательство — восстания после термидора и после 1830 года. А господа, так громко провозглашающие теперь, что «настоящий народ» выжидает подходящего момента, рискуют со временем очутиться в таком же положении, как бессильные якобинцы 1795—1799 гг. и республиканцы 1831—1839 гг., и здорово оскандалиться.

Нельзя также отрицать, что сильное впечатление, произведенное восстановлением тайного голосования на буржуазию,

мелкую буржуазию, да, наконец, *также и на многих пролетариев* (об этом говорят все сообщения) рисует в странном свете мужество и проницательность парижан. Многие, очевидно, даже не подумали о том, до чего нелепо поставлен Луи-Наполеоном вопрос и где же гарантии правильного подсчета голосов, но большинство, наверное, раскусило это надувательство и все же постаралось убедить себя, что теперь все в порядке, *лишь бы найти повод увильнуть от драки.*

Судя по письму Рейнгардта, по ежедневным новым разоблачениям о бесчинствах солдат и особенно об их эксцессах на бульварах против всех штатских, независимо от того, кто они — рабочие или буржуа, красные или бонапартисты — судя по все вновь поступающим сведениям о местных восстаниях даже в самых отдаленных углах, где никто не ожидал сопротивления, судя, наконец, по письму бывшего французского депутата и промышленника во вчерашнем «Daily News», — судя по всему этому «апелляция к народу», повидимому, принимает неприятный для Бонапарта оборот. Широким кругам парижской буржуазии, повидимому, не очень-то по вкусу этот новый режим с его пожалованными законами о ссылке. Система военного террора развивается слишком быстро и слишком бесстыдно. Две трети Франции на осадном положении. Я думаю, что после всего этого широкие круги буржуазии совсем не будут участвовать в голосовании, что весь фарс с голосованием кончится ничем, так как во всех сомнительных местах, где в голосовании примут массовое участие противники Луи-Наполеона, жандармы будут нарочно затевать стычки с избирателями, чтобы добиться затем полной кассации выборов. Тогда Луи-Наполеон объявит Францию в неменяемом состоянии и провозгласит армию единственной спасительницей общества. Тогда эта грязная история будет совершенно ясна, а вместе с тем будет ясна и фигура Луи-Наполеона. Но как раз во время этой избирательной кутерьмы дело могло бы принять очень неприятный оборот, если бы и тогда можно было еще ожидать серьезного сопротивления против уже упрочившегося правительства.

Миллион голосов ему обеспечен среди чиновников и солдат. Полмиллиона голосов, если не больше, он получит среди имеющихся в стране бонапартистов. Полмиллиона, если не больше, трусливых горожан будет также голосовать за него. Полмиллиона глупцов-крестьян, миллион при ошибочном подсчете — это составляет уже $3\frac{1}{2}$ миллиона; больше этого не имел и старый Наполеон в империи, которая обнимала весь левый берег Рейна и Бельгию, т. е. насчитывала, по меньшей мере, 32 миллиона жителей. Почему бы ему не удовольствоваться этим на первых порах? Если бы он получил это количество, имея против себя, скажем, даже миллион голосов, то

буржуа очень скоро перешли бы на его сторону. Но возможно, что он не получит этих 2½ миллионов и возможно, — хотя это значило бы предъявлять слишком высокие требования к честности французских чиновников, — что ему не удастся добиться того, чтобы ему накинули миллион голосов в результате ошибочного подсчета. Во всяком случае, очень много зависит от тех мер, которые он вынужден будет предпринять за это время. Впрочем, кто может помешать чиновникам до начала голосования бросить в избирательные урны несколько сот «да»? Печати больше не существует — проверять будет некому.

Во всяком случае, скверно для Крапулинского, что фонды опять начинают падать, а для Луи Блана — что он должен теперь признать Англию свободной страной.

Через несколько месяцев красным опять, наверное, представится случай показать себя, может быть, уже при голосовании; но если они и тогда станут выжидать, они — пропавшие люди; в таком случае они и в момент сильнейшего торгового кризиса добьются только того, что получают хорошую трепку, которая на несколько лет устранил их со сцены. Какая польза от этого сброда, если он разучился даже драться?

Разве Пипер опять в Лондоне? Я хотел бы дать ему поручение во Франкфурт относительно книг, но не знаю, в Брайтоне он еще или нет.

Хуже всего то, что у тебя теперь будут затруднения с Левенталем. Было бы лучше, если бы контракт был уже подписан.

На ливерпульской бирже спокойно, цены вчерашние; в Манчестере положение прочное; часть излишков уходит на Восток. Немецкие покупатели все еще отсутствуют на рынке.

Твой Ф. Э.

1852 год

24

МАРКС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

5 марта 1852 г.

Дорогой Вейвей!

Боюсь, как бы не произошло путаницы, так как я, не поняв твоего последнего письма, неправильно написал на двух последних письмах адрес: «Контора «Revolution», 7 Chambers-street, ящик 1817». Путаницу вызвал проклятый «ящик 1817», так как ты писал мне, что нужно сделать эту приписку к «старому адресу», но не указал, идет ли речь о первом адресе или о втором. Но я надеюсь, что дело выяснится еще до прибытия этого письма, тем более, что письмо от прошлой пятницы содержало очень пространную пятую часть моей работы¹. Шестую, заключительную часть я не мог закончить на этой неделе. Если твоя газета уже снова выходит, то это промедление не может вызвать никакой задержки, так как у тебя и без того достаточно материала.

Твоя статья против Гейнца, которую Энгельс, к сожалению, прислал мне слишком поздно, очень хороша, груба и тонка в одно и то же время — как раз то, что требуется от настоящей полемики. Я показал твою статью Э. Джонсу и прилагаю здесь его письмо к тебе, предназначенное для печати. Так как Джонс пишет очень неразборчиво, с сокращениями, и так как я подозреваю, что ты еще не стал заправским англичанином, то вместе с оригиналом я посылаю копию, написанную моей женой, и тут же немецкий перевод с тем, чтобы ты напечатал рядом и то и другое — подлинник и перевод. К письму Джонса ты можешь еще сделать следующую приписку: что касается *Джорджа Джулиана Гарни*, который тоже является авторитетом для г. Гейнца, то в своем «Red Republican» он напечатал в английском переводе

¹ К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»; впервые напечатано Вейдемейером в изданном им № 1 журнала «Die Revolution» (Нью-Йорк 1852). *Ред.*

наш «Коммунистический манифест», с примечанием, что это «самый революционный документ, который когда-либо появлялся», а в своем «Democratic Review» он перевел «опровергнутую» Гейнценом премудрость — мои статьи о французской революции¹ из «Revue der Neuen Rheinischen Zeitung». В одной статье о Луи Блане он ссылается на эти статьи как на «правдивую критику» французских событий. В Англии, впрочем, нет нужды ссылаться на одних только «крайних левых». Если член парламента становится в Англии министром, то он должен быть переизбран, и вот *Дизраэли*, новый лорд-канцлер казначейства, пишет 1 марта своим избирателям:

«Мы постараемся положить конец этой *классовой борьбе*, оказавшей в последние годы такое пагубное влияние на благополучие нашего королевства».

По этому поводу «Times» от 2 марта замечает: «Если что-либо в нашей стране может расколоть классы до такой степени, что примирение будет невозможным и не останется надежды на справедливый и почетный мир, так это ввозные пошлины на хлеб».

А чтобы какой-нибудь невежественный «тип», вроде Гейнца, не вообразил себе, что аристократы за, а буржуа против хлебных законов, потому что первые отстаивают «*монополию*», а вторые «*свободу*», — ведь для добродетельного филистера противоположности существуют только в этой идеологической форме, — надо отметить, что в XVIII веке аристократы в Англии стояли за «свободу» (торговли), а буржуа за «монополию», т. е. занимали позицию, подобную той, какую занимают оба эти класса по отношению к «хлебным законам» в данный момент в «Пруссии». «Neue Preussische Zeitung» — самая яркая сторонница свободной торговли.

Наконец, на твоём месте я указал бы вообще господам демократам, что им следовало бы ознакомиться с самой буржуазной литературой, прежде чем твякать на ее противников. Эти господа должны были бы, например, изучить исторические работы Тьерри, Гизо, Джона Уэйда и др., чтобы выяснить себе прошлую «историю классов». Прежде чем критиковать критику политической экономии, им надо бы познакомиться с основными положениями политической экономии. Достаточно, например, раскрыть главное произведение Рикардо², чтобы найти на первой же странице следующие слова, которыми он начинает свое предисловие:

«Продукт земли, все, что добывается на ее поверхности путем объединенного применения труда, машин и капитала,

¹ Имеется в виду работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». *Ред.*

² *Д. Рикардо*. «Начала политической экономии и податного обложения». *Ред.*

распределяется между *тремя классами* общества, а именно — между собственником земли, владельцем капитала, требующегося для ее обработки, и рабочими, трудом которых обрабатывается земля».

Блестящий пример того, как мало еще созрело буржуазное общество в Соединенных Штатах для того, чтобы сделать понятной и очевидной происходящую в нем классовую борьбу, дает Ч.-Г. Кэри (из Филадельфии), единственный значительный северо-американский экономист. Он нападает на Рикардо, на этого классического представителя (выразителя) интересов буржуазии и самого стойкого противника пролетариата, как на человека, произведения которого являются настоящим арсеналом для анархистов, социалистов и для всех врагов буржуазного строя. Не только его, но и Мальтуса, Милля, Сэя, Торренса, Уэкфильда, Мак-Кэллоха, Сениора, Уотли, Р. Джонса и др., — словом, всех авторитетных экономистов Европы, он упрекает в том, что своим доказательством того, что экономические основы различных классов порождают неизбежный и все растущий антагонизм между ними, они разрывают общество на части и готовят гражданскую войну. Он старается их опровергнуть, но не так, как пошляк Гейнцен, который существование классов связывает с наличием *политических привилегий и монополий*. Кэри хочет показать, что *экономические условия* — рента (земельная собственность), *прибыль* (капитал) и заработная плата (наемный труд) — представляют собою условия ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма. В действительности же он доказывает лишь то, что «незрелые» общественные отношения Соединенных Штатов расцениваются им как «нормальные общественные отношения».

Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*, 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов и к обществу без классов*. Невежественные олухи, вроде Гейнца, отрицающие не только борьбу, но и самое существование классов, доказывают этим только то, что они, несмотря на весь свой кровожадный и якобы человеколюбивый вой, считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, крайним пределом истории,

доказывают, что они — лишь слуги буржуазии. И это прислужничество тем отвратительнее, чем меньше понимают эти болваны также и величие и преходящую необходимость самого буржуазного строя.

Используй из вышеприведенных замечаний все, что тебе покажется ценным. Между прочим, «централизацию» Гейнцен позаимствовал от нас взамен своей «федеративной республики» и т. д. Когда те взгляды на классы, которые мы теперь распространяем, станут тривиальными и войдут в обиход «обыкновенного человеческого рассудка», тогда этот дурак громогласно объявит их новейшим продуктом «собственного глубокомыслия» и поднимет вой против дальнейшего развития нами этих взглядов. Так, основываясь на своем «собственном глубокомыслии», он тявкал на гегелевскую философию, пока она носила прогрессивный характер, а теперь он питается ее потерявшими всякий вкус крохами, которые изрыгает не переваривший их Руге.

Вместе с этим письмом ты получишь окончание венгерской корреспонденции. Если твоя газета существует, попытайся использовать что-либо оттуда, тем более, что *Семере*, бывший премьер-министр Венгрии, пообещал мне из Парижа написать для тебя обстоятельную статью *за своей подписью*.

Если твоя газета стала выходить, пришли *побольше* экземпляров, чтобы их можно было шире распространить.

Твой К. Маркс.

25

ЭНГЕЛЬС—МАРКСУ

18 марта 1852 г.

...Вообще Джонс очень хорошо делает, что теперь, когда старый О'Коннор окончательно сошел с ума, он натягивает все струны. Сейчас шансы в его пользу, и, если к тому же отпадет гражданин Гип-Гип-Ура¹, то успех Джонсу обеспечен. Судя по всему, что я вижу, чартисты находятся в состоянии такого полного разложения и распада и в то же время им так нехватает дельных людей, что либо они совсем разбредутся в разные стороны и распадутся на отдельные клики, т. е. превратятся практически в настоящих прихвостней *financials*², либо какой-нибудь дельный человек реоргани-

¹ Дж. Гарни. *Ред.*

² Энгельс имеет в виду Лигу парламентской и финансовой реформы, возглавляемую вождями фритредеров — Брайтом, Кобденом и др. В начале 50-х годов XIX в. правое крыло чартистов встало на путь сближения с этой буржуазной лигой. *Ред.*

зует движение на совершенно новой основе. Джонс стоит на вполне правильном пути, и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу и не додумался бы до того, как можно, с одной стороны, не только сохранять инстинктивную классовую ненависть рабочих против промышленных буржуа — этот единственно возможный базис для реконструкции чаргистской партии, — но даже усиливать и развивать ее и класть ее в основу просветительной пропаганды, а с другой стороны, быть прогрессивным, выступать против реакционных вожделиний рабочих и их предрассудков. Г-н Гарни будет еще удивлен результатами своего поведения; клика восторженных почитателей, которая его поддерживает, весьма скоро отвернется от него, и его не спасут даже портреты Костюшко и других «патриотов», которые он весьма некстати всюду развешивает...

26

ЖЕННИ МАРКС — А. КЛУССУ

[28 октября 1852 г.]

Дорогой г. Клусс!

Вы, наверное, следите за громким процессом коммунистов по «Kölnische Zeitung». Заседание 23 октября придало всему делу такой величественный, интересный и выгодный для обвиняемых оборот, что все мы снова как-то ожили. Вы, конечно, понимаете, что «партия Маркса» работает день и ночь, работает головой, руками и ногами... Все утверждения полиции — чистейшая ложь. Она крадет, подделывает, изламывает письменные столы, дает ложные присяги, лжесвидетельствует и, вдобавок ко всему, настаивает на своем привилегированном положении по отношению к коммунистам, поскольку они поставлены вне общества. Буквально волосы дыбом становятся от всего этого и от той манеры, с какой полиция, в лице самой гнусной своей фигуры¹, присваивает себе все функции министерства юстиции, отодвигает Зедта на задний план, а незасвидетельствованные записки, простые слухи, донесения, сплетни выдает за действительно установленные судебным путем факты и доказательства. Доказательства того, что все это фальсифицировано, надо было доставлять отсюда. Моему мужу приходилось, таким образом, работать днем и ночью. Надо было представить официально удостоверенные свидетельские показания хозяев; почерки мнимых составителей

¹ Имеется в виду начальник прусской политической полиции Штибер. Ред.

протоколов, Либкнехта и Рингса, также должны были быть официально заверены, дабы разоблачить полицейские махинации. А затем документы, переписанные в шести и даже восьми копиях, надо было различными путями отправлять в Кельн через Франкфурт, Париж и т. д., так как все письма на имя моего мужа также, как и письма отсюда в Кельн, вскрываются и похищаются. Все это вместе взятое составляет ту борьбу, которая ведется сейчас между полицией и моим мужем; ему приписывают решительно все, всю революцию, и даже руководство процессом... Борьба с этой официальной властью, снабженной золотом и всевозможными боевыми средствами, безусловно представляет большой интерес; если она закончится нашей победой, то это будет тем более почетно, что на их стороне находятся деньги, власть и все прочее, тогда как мы часто не знаем, как достать бумагу для писем и т. п. и т. п.

Прилагаю заявление, посланное сегодня в газеты от имени Фрейлиграта, Маркса, Энгельса и Вольфа¹. Мы посылаем его сегодня в «Трибуну». Вы также можете его опубликовать...

... От Веерта и Энгельса только что получены целые кипы купеческих адресов и мнимо коммерческих писем, чтобы без риска пересылать документы и пр. Только что прибыла «Kölnische Zeitung», полная новых невероятно скандальных историй. Две депеши тотчас же отправляются по купеческим адресам. У нас теперь целая канцелярия. Двое-трое пишут, другие бегают по поручениям, третьи раздобывают пенсы, чтобы писцы смогли существовать и бросить в лицо старому официальному миру доказательств неслыханнейшего скандала. А в добавление ко всему раздается пение и свист трех моих неугомонных ребят, которые то и дело получают нагоняй от своего отца. Вот суматоха-то!

Прощайте, дорогой г. Клусс, и напишите поскорее своим друзьям.

С высочайшего разрешения

Женни Маркс.

¹ Заявление в защиту обвиняемых по Кельнскому процессу коммунистов, направленное против клеветнических выпадов газет «Times» и «Daily News». *Ред.*

1853 год

27

ЭНГЕЛЬС — П. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

12 апреля 1853 г.

...Старые кампании (т. е. с 1792 г.) я более или менее вызубрил; наполеоновские походы так просты, что в них много не напутаешь. Жюмини в конце концов является все же их лучшим историком, а «самобытный гений» Клаузевиц, несмотря на некоторые прекрасные вещи, мне не совсем по вкусу. Для ближайшего будущего, т. е. для нас, русская кампания 1812 г. является самой важной, она — единственная, где остаются еще не решенными крупные стратегические вопросы. В Германии и Италии невозможно другое направление операций, кроме установленного Наполеоном; в России, напротив, все остается еще темным и неясным. Вопрос о том, заключался ли оперативный план Наполеона в 1812 г. с самого начала в том, чтобы сразу идти на Москву или в первую кампанию продвигаться только до Днепра и Двины, снова встает перед нами при ответе на вопрос, что должна делать революционная армия в случае удачного наступления на Россию. Пока что мне кажется, что этот вопрос, — если не принимать, конечно, в расчет случайности и исходить лишь из приблизительного равновесия сил, — разрешается только на море -- у Зунда и Дарданелл, в Петербурге, Риге и Одессе. Это при том условии, конечно, если оставить в стороне также и *внутренние* движения в России, а, между тем, дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна. Г-н Герцен весьма облегчил себе задачу («О развитии революционных идей в России»), гарантировав себя от неудач тем, что по-гегелевски сконструировал демократически-социальную коммунистически-прудонистскую русскую республику под главенством триум-

вирата Бакунин — Герцен — Головин. Между тем совершенно неизвестно, жив ли еще Бакунин. Во всяком случае, огромная, обширная, мало населенная Россия — это страна, которую очень трудно завоевать. Что касается бывших польских провинций по эту сторону Двины и Днепра, то я о них и слышать не хочу с тех пор, как узнал, что все крестьяне там украинцы, поляками же являются только дворяне и отчасти горожане, и что для тамошнего крестьянина, как и в Украинской Галиции в 1846 г., восстановление Польши означало бы восстановление старой дворянской власти во всей ее силе. Во всех этих местностях, вне Польского королевства в собственном смысле, живет самое большее 500 000 поляков!

Впрочем, хорошо, что на этот раз революция встречает в лице России солидного противника, а не такие бессильные пугала, с какими ей пришлось иметь дело в 1848 году.

Тем временем появляются всякого рода симптомы. Процветание хлопчатобумажной промышленности достигает здесь мало-помалу головокружительной высоты, в то время как отдельные отрасли хлопчатобумажной промышленности (грубые материи, так называемые домашние ткани) находятся в состоянии полного упадка. Спекуляция рассчитывает спастись от головокружительного падения тем, что она только в Америке и Франции мошенничает оптом (постройка железных дорог на английские деньги), здесь же — по мелочам и в розницу, втягивая, таким образом, постепенно *все* товары в сферу мошенничества. Выдавшиеся здесь совершенно необычные зима и весна, по всей вероятности, повредили хлебу, а если, как по большей части бывает, за этим последует необычное лето — урожай погибнет. Нынешнее процветание, по моему мнению, не может продолжаться дольше осени. Между тем в течение одного года компрометирует себя уже третье английское министерство, притом это — последнее министерство, возможное без прямого участия радикальных буржуа. Виги, тори, коалиционисты — все они по очереди терпят крушение не из-за налогового дефицита, а из-за налоговых излишков. Этим характеризуется вся политика и в то же время крайнее бессилие старых партий. Если теперешние министры провалятся, то Англией нельзя будет управлять без значительного расширения круга избирателей; по всей вероятности это совпадет с началом кризиса.

Продолжающийся период скучного благополучия почти лишает несчастного Бонапарта возможности сохранить свое достоинство — мир скучает, и Бонапарт ему тоже наскучил. К сожалению, он не может каждый месяц вступать в новый брак. Этот мошенник, пропойца и шулер идет ко дну, потому что он вынужден хотя бы для видимости осуществлять

на практике «Княжеское зеркало» Энгеля. Этот прохвост в роли «отца отечества»! Значит, он действительно в отчаянном положении. Он не может даже начать войну: при малейшем своем движении он наткнется на сомкнутые ряды, на сплошную стену штыков. К тому же мир дает крестьянам необходимое время для размышлений о том, как человек, обещавший раздавить Париж ради крестьян, теперь украшает Париж за счет крестьян, а ипотеки и налоги, несмотря ни на что, скорее растут, чем уменьшаются. Словом, на этот раз события готовятся методически, и тут можно многого ожидать.

В Пруссии правительство сильно вооружило против себя буржуазию, введя подоходный налог. Налоговые ставки бюрократия повышает самым наглым образом, и ты можешь себе представить, с каким наслаждением роются теперь эти благородные чернильные душонки в коммерческих тайнах и в торговых книгах всех купцов. Даже мой старик, заядлый пруссак, вне себя от ярости. Этим господам приходится теперь испить до дна все прелести «дешевого» конституционно-отечественно-прусского правительства. Прусский государственный долг, составлявший перед 1848 г. около 67 миллионов талеров, увеличился с тех пор, вероятно, вчетверо, а они хотят снова занимать! Надо думать, толстый король согласен еще раз попотеть так, как в мартовские дни, лишь бы ему обеспечили эти кредиты до его блаженной кончины. При этом Луи-Наполеон помог ему опять восстановить таможенный союз, Австрия из страха перед войной немножко сдала, «и теперь дай, господи, рабу твоему с миром сойти в могилу!»

Австрийцы делают все возможное, чтобы снова привести в движение Италию, которая до миланского путча была всецело поглощена торговлей и процветанием, поскольку это последнее было совместимо с налогами. Если все это будет продолжаться еще месяца два, то Европа будет отлично подготовлена, и понадобится только толчок, который и будет дан кризисом. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что необычайно продолжительное и всеобщее процветание с начала 1849 г. гораздо быстрее восстановило истощенные силы партий (поскольку они не совсем еще иссякли, как, например, у французских монархистов), чем это было, например, после 1830 г., когда положение торговли оставалось очень долгое время неустойчивым и в общем вялым. Кроме того, в 1848 г. только парижский пролетариат, а позднее Венгрия и Италия были истощены упорной борьбой; о восстаниях же во Франции после июня 1848 г. почти не стоит и говорить — они ведь *подорвали силы* только старых монархистских партий. И в довершение всего — комический результат

движения во *всех* странах; ведь ничего серьезного и важного не получилось, кроме колоссальной иронии истории и концентрации русских военных сил. При таких условиях, даже при самой трезвой оценке, мне кажется совершенно немислимым, чтобы теперешнее положение вещей пережило весну 1854 года.

Очень хорошо, что на этот раз *наша партия* выступит при совершенно иных условиях: Все те социалистические глупости, которые в 1848 г. приходилось еще отстаивать против чистых демократов и южно-германских республиканцев, нелепые идеи Луи Блана и т. п., — более того, даже такие вещи, которые *мы* принуждены были выдвигать, чтобы найти опорные точки для наших взглядов в запутанной обстановке Германии, — все это будут теперь отстаивать уже наши противники — Руге, Гейнцен, Кипкель и др. Предварительные условия пролетарской революции, меры, подготовляющие нам плацдарм и расчищающие нам путь, — как, например, единая неделимая республика и т. п. вещи, которые *мы* тогда должны были отстаивать *против* людей, которые в силу своего естественного призвания должны были бы их осуществить или, по крайней мере, добиваться их, — все это теперь уже признано, эти господа всему этому научились. На этот раз *мы* сможем начать прямо с *Манифеста*¹, в частности благодаря также и Кельнскому процессу, на котором немецкий коммунизм (особенно в лице Резера) сдал свой экзамен на аттестат зрелости.

Все это, конечно, относится только к теории; на практике же *мы*, как всегда, будем вынуждены ограничиваться тем, чтобы требовать прежде всего решительных мероприятий и абсолютной беспощадности. И в этом-то и заключается беда. Мне думается, что в одно прекрасное утро *наша партия*, благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий, вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые лежат непосредственно не в наших интересах, а в интересах общереволюционных и в интересах специфически мелкобуржуазных; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, *мы* будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых *мы* сами отлично знаем, что они несвоевременны. При этом *мы* потеряем головы, — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, но и что нам было бы наплевать, но и

¹ Имеется в виду «Манифест Коммунистической партии». *Ред.*

дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу. В такой отсталой стране, как Германия, в которой имеется передовая партия и которая втянута в передовую революцию вместе с такой передовой страной, как Франция, — эта передовая партия должна обязательно очутиться у власти, как только дело дойдет до серьезного конфликта и как только будет угрожать *действительная опасность*. А для этой партии это было бы во всяком случае *преждевременным*. Однако все это не важно, и самое лучшее, что можно сделать, — это уже заранее подготовить в нашей партийной *литературе* историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет.

Впрочем, наше выступление на историческую сцену вообще будет теперь куда внушительнее, чем в прошлый раз. Во-первых, в персональном отношении мы счастливо отделались от всех старых шалопаев — Шапперов, Виллихов и их сподвижников; во-вторых, мы все же в известной мере усилились; в-третьих, мы можем рассчитывать на молодое поколение в Германии (достаточно одного Кельнского процесса, чтобы нам это гарантировать), и, наконец, все мы многому научились в изгнании. Конечно, и среди нас есть люди, руководящиеся принципом: «Зачем нам зубрить, для этого существует отец Маркс, призвание которого — все знать». Но в общем партия Маркса порядочно-таки занимается, и когда помотришь на ослов эмигрантов, пахватавших там и сям новых фраз и от этого окончательно запутавшихся, то становится очевидным возросшее абсолютное и относительное превосходство нашей партии. Да это и необходимо — работа предстоит трудная. . .

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

[ок. 24 мая 1853 г.]

. . . Вчера я прочел книгу об арабских надписях, о которой я тебе говорил. Она не лишена интереса, хотя и противно, что в каждой строке проглядывает поп и защитник Библии. Своим величайшим триумфом автор считает то, что ему удалось обнаружить несколько ошибок *Гиббона* в древней географии, откуда он делает вывод, что и теология *Гиббона* тоже никуда не годится. Книга называется «Историческая география Аравии, составленная его преподобием Чарлзом Форстером». Наиболее интересные выводы из нее следующие:

1. Приводимая в книге Бытия генеалогия, выдаваемая за генеалогию Ноя, Авраама и т. д., является довольно

исчерпывающим перечислением бедуинских племен того времени по степени родства их наречий и т. д. До настоящего времени бедуинские племена называют себя, как известно, Бени Салед, Бени Юсуф и т. д., т. е. сыновья такого-то и такого-то. Подобные названия, происходящие из древне-патриархального уклада, приводят в конце концов к такого рода генеалогии. Перечисление родов в книге Бытия подтверждается в большей или меньшей степени древними географами, а новейшие путешественники свидетельствуют, что эти старинные имена, хотя и измененные в соответствии с местными диалектами, продолжают по большей части существовать и теперь. Из этого вытекает, что сами евреи являются таким же мелким бедуинским племенем, как и все остальные, но пришли в столкновение с другими бедуинами в силу местных условий, земледелия и т. д.

2. По поводу великого арабского нашествия, о котором мы говорили раньше, выясняется, что бедуины, подобно монголам, предпринимали периодические нашествия, что Ассирийское и Вавилонское царства были основаны бедуинскими племенами на том же самом месте, где впоследствии возник Багдадский халифат. Основатели Вавилонского царства, халдеи, продолжают еще и теперь существовать в той же местности под тем же самым именем Бени Халед. Быстрое возникновение громадных городов Ниневии и Вавилона происходило точно так же, как и создание, всего лишь триста лет тому назад, таких же гигантских городов Агры, Дели, Лагора, Муттана в Ост-Индии в результате вторжения афганских или татарских племен. Таким образом, магометанское нашествие в значительной степени утрачивает характер чего-то особенного.

3. Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, — они были, видимо, таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их постройки. Это также многое объясняет в магометанском нашествии. Что же касается религиозного надувательства, то из древних южно-арабских надписей, в которых все еще преобладает старинная, национально-арабская традиция монотеизма (как у американских индейцев), причем еврейский монотеизм является лишь *небольшой частицей* ее, — из этих старинных надписей явствует, что религиозная революция Магомета, как и *всякое* религиозное движение, была, повидимому, *формально реакцией*, мнимым возвратом к старому, к простому.

Теперь мне совершенно ясно, что еврейское так называемое священное писание есть не что иное, как запись древне-арабских религиозных и родовых традиций, видоизмененных благодаря раннему отделению евреев от своих — родственников по племени, но оставшихся кочевыми, — соседей. То об-

стоятельство, что Палестина с арабской стороны окружена пустыней, страной бедуинов, объясняет самостоятельность изложения. Но древне-арабские надписи, традиции и Коран, а также и та легкость, с которой распутываются все родословные и т. д., — все это доказывает, что основное содержание было арабским или вернее обще-семитическим, это так же, как у нас с Эддой и немецкими сказаниями о героях.

Твой Ф. Э.

29

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

2 июня 1853 г.

...Твое письмо о евреях и арабах я прочел с большим интересом. Между прочим: 1) У всех восточных племен можно проследить с самого начала истории *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части. 2) Во времена Магомета торговый путь из Европы в Азию сильно изменился, и города Аравии, принимавшие ранее большое участие в торговле с Индией и т. д., находились в торговом отношении в упадке; это, конечно, также дало толчок. 3) Что же касается религии, то этот вопрос можно свести к общему вопросу, на который легко ответить: почему история Востока *принимает вид* истории религий?

По вопросу об образовании восточных городов нет ничего более блестящего, наглядного и яркого, чем книга старого Франсуа Бернье (он девять лет был врачом у Ауленгзеба): «Путешествия, содержащие описание владений Великого Могола и т. д.» Он также очень хорошо описывает состояние военного дела, организацию снабжения продовольствием этих громадных армий и т. д. Он говорит об этом между прочим: «Главное ядро составляет кавалерия, пехота не так многочисленна, как говорят, если не смешивать с настоящими воинами всех тех слуг и торговцев, которые следуют за армией. Если же считать всех, то, пожалуй, правильно насчитывать двести и триста тысяч в одной только армии, двигающейся за государем; иногда в ней бывает и больше людей, например, в тех случаях, когда рассчитывают, что государь надолго покидает столицу. Все это, однако, не удивит того, кому знакомо невероятное множество палаток, кухонь, одежды, всякого скарба и часто даже женщин, а следовательно, и слонов, верблюдов, быков, лошадей, носильщиков, поставщиков фуража и продовольствия, торговцев всякого сорта и слуг, которые тянутся за этими армиями; все это не покажется странным тем, кто знаком с положением и своеобразным

управлением страны, кому известно, что *государь является единственным собственником всех земель* в государстве, откуда неизбежно вытекает, что целые *столицы*, как Дели или Агра, живут почти исключительно за счет войска и поэтому вынуждены следовать за государем, когда тот отправляется на некоторое время в поход. Города эти отнюдь не похожи на Париж, *в сущности говоря, это военные лагеря*, только несколько более благоустроенные и удобнее расположенные, чем лагеря, разбитые в открытом поле».

По поводу похода Великого Могола в Кашемир с армией в 400 000 человек и т. д. он говорит следующее: «Трудно понять, как может пропитаться в походе такая огромная армия, такое громадное количество людей и животных. Чтобы понять это, достаточно представить себе, что индийцы, как оно и есть на самом деле, очень умеренны и непритязательны в пище и что из всей этой огромной массы всадников едва ли десятая или даже двадцатая часть ест в походе мясо. Они довольствуются своим кичери — смесью вареного риса с овощами, политого топленным маслом. Далее надо иметь в виду, что верблюды очень выносливы в работе и легко переносят голод и жажду; им надо немного пищи и едят они все, что угодно. На стоянках погонщики верблюдов пускают их пасться поблизости, и они едят там все, что найдут. Кроме того, купцы, которые содержат лавки в Дели, обязаны содержать их также и в походе, точно так же и мелкие торговцы и т. д. . . Наконец, что касается фуража, то все эти бедняки разбредаются по окружающим деревням, чтобы купить там что-нибудь и заработать на этом. Самое обычное и основное их занятие состоит в том, что они чем-то вроде скребка собирают чахлую траву с целых полей, обмывают или отряхивают ее и приносят затем на продажу в армию. . .»

Бернье совершенно правильно разглядел, что в основе всех восточных порядков (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ даже к восточному небу. . .

30

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

6 июня 1853 г.

. . .Отсутствие земельной собственности действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объяс-

няется главным образом климатом и характером почвы, в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до самых высоких азиатских горных массивов. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве). Британское правительство в Индии организовало № 1 и № 2, придав им более филистерский вид, а № 3 совсем забросило, в результате чего индийское земледелие гибнет. Свободная конкуренция там совершенно оскандалилась. Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок; этим объясняется тот непонятный иначе факт, что целые области, прежде прекрасно обработанные, теперь заброшены и пустыньны (Пальмира, Петра, развалины в Йемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане). Этим объясняется и тот факт, что достаточно бывало одной опустошительной войны, чтобы обезлюдить страну и уничтожить ее цивилизацию на сотни лет. К этому же разряду явлений относится, по моему мнению, и уничтожение южно-арабской торговли в эпоху, предшествующую Магомету, которое ты совершенно справедливо считаешь одним из важнейших моментов магометанской революции. Я недостаточно хорошо знаком с историей торговли шести первых столетий христианской эры, чтобы быть в состоянии судить, насколько именно обще-мировые материальные условия заставили предпочесть торговый путь через Персию к Черному морю и через Персидский залив в Сирию и Малую Азию торговому пути через Красное море. Но во всяком случае немалую роль играло то, что в упорядоченном персидском царстве Сассанидов караваны ходили сравнительно безопасно, в то время как Йемен с 200 до 600 года почти постоянно находился в порабощении у абиссинцев, которые завоевывали и грабили страну. Города южной Аравии, еще цветущие во времена римлян, в VII веке представляли собой пустынные груды развалин. Соседние бедуины за эти 500 лет создали чисто мифические, сказочные легенды об их происхождении (см. Коран и арабского историка Новаири), а алфавит, которым были сделаны надписи в этих городах, был почти совершенно неизвестен, хотя *другого алфавита не было*, так что фактически всякая письменность была забыта. Подобные явления дают повод заключить, что наряду с упадком, вызванным общими торговыми условиями, произошло и прямое насильственное разрушение, которое можно объяснить

только вторжением эфиопов. Изгнание абиссинцев произошло за 40 лет до Магомета; это было первым актом пробуждающегося арабского национального чувства, которое еще более возбуждалось нашествиями с севера персов, доходивших почти до Мекки. К изучению истории самого Магомета я приступлю только на-днях. Пока что мне представляется, что эта история носит характер бедуинской реакции против оседлых, но все больше опускающихся городских феллахов, которые и в религиозном отношении находились тогда в состоянии распада и смешивали остатки культа природы с разлагающимся иудейством и христианством.

Отрывки из старого Бернье действительно прекрасны. Как приятно снова прочесть что-нибудь, написанное старым, трезвым, здравомыслящим французом, который всегда попадает в самую точку, не подавая и вида, что он это замечает...

31

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

14 июня 1853 г.

... Американский экономист *Кэри* выпустил новую книгу: «Рабство у нас и за границей». Под «рабством» он понимает здесь все формы порабощения, наемное рабство и т. д. Он прислал мне свою книгу и несколько раз цитировал меня (по «Трибуне») то как «нового английского писателя», то как «корреспондента «Нью-Йоркской Трибуны»». Я уже говорил тебе, что во всех своих прежних работах он изображал «гармонию» экономических основ буржуазного общества и все зло выводил из чрезмерного вмешательства государства. Государство было его пугалом. Теперь он поет другую песню. Все зло происходит от централизующего влияния крупной промышленности. А в этом централизующем влиянии виновата Англия, которая превращается в мастерскую мира и отбрасывает все остальные страны назад к грубому и оторванному от мануфактуры земледелию. За грехи же Англии несет ответственность теория Рикардо — Мальтуса и, в особенности, теория земельной ренты Рикардо. Необходимым следствием как теории Рикардо, так и промышленной централизации явится коммунизм. Чтобы избежать всего этого, чтобы противопоставить централизации локализацию и повсеместный союз рассеянных по всей стране фабрик с земледелием, ярый сторонник свободы торговли рекомендует в конце

концов — *покровительственные пошлины*. Желая избежать последствий буржуазной промышленности, ответственность за которые он возлагает на Англию, он как чистокровный янки ищет выхода в том, чтобы искусственно ускорить это развитие в самой Америке. Вообще же его вражда против Англии приводит его к *сисмондистскому* восхвалению мелкобуржуазных порядков в Швейцарии, Германии и Китае и т. д., и это делает тот самый человек, который в свое время постоянно высмеивал Францию за ее сходство с Китаем. Единственно действительно интересное в книге — это сравнение прежнего английского рабства негров на Ямайке и т. д. с рабством негров в Соединенных Штатах. Кэри доказывает, что основная масса негров на Ямайке и т. д. всегда состояла из вновь ввозимых варваров, потому что при английском обращении не только не сохранялись прежние размеры имевшегося негритянского населения, но и постоянно погибало $2/3$ ежегодного привоза новых негров. Между тем в Америке негры нынешнего поколения — уже местного происхождения; все они в большей или меньшей степени стали похожи на янки, говорят по-английски и потому становятся *способными к эмансипации*.

«Трибуна», разумеется, расхваливает книгу Кэри изо всех сил. Общим у них обоих является то, что, выступая под видом сисмондистски-филантропически-социалистического антииндустриализма, они защищают интересы протекционистской, т. е. промышленной буржуазии Америки. В этом весь секрет, вот почему «Трибуна», несмотря на все свои «измы» и социалистическую болтовню, может являться «руководящей газетой» в Соединенных Штатах.

Твоя статья о Швейцарии¹ была, конечно, прямым ударом по «передовицам» «Трибуны» (против централизации и т. д.) и ее Кэри. Я продолжил эту скрытую войну в первой статье об Индии², изобразив в ней уничтожение Англией местной промышленности как *революционный* акт. Это им очень не понравится. Вообще же говоря, все хозяйничанье британцев в Индии — свинство и остается таковым по сей день.

Застойный характер этой части Азии, несмотря на все бесцельные движения, происходящие на политической поверхности, вполне объясняется двумя дополняющими друг друга обстоятельствами: 1) общественные работы — дело центрального правительства; 2) наряду с тем, что существует это правительство, все государство, если не считать немногих крупных городов, распадается на множество *общин*, каждая

¹ Ф. Энгельс. «Политическое положение Швейцарской республики» («Нью-Йоркская Трибуна» от 17 мая 1853 г.). *Ред.*

² К. Маркс. «Британское владычество в Индии» («Нью-Йоркская Трибуна» от 25 июня 1853 г.). *Ред.*

из которых имеет свою самостоятельную организацию и представляет собой особый замкнутый мирок. В одном парламентском отчете эти общины описаны следующим образом:

«Село в географическом отношении представляет собой пространство, содержащее несколько сот или тысяч акров возделанной и пустующей земли; в политическом отношении оно похоже на корпорацию или городскую общину. В самом деле, каждое село представляет собой и, повидимому, всегда представляло отдельную общину или республику. Должностные лица: 1) *Potail*, *Goud*, *Mundil* и т. д., как он называется на различных языках, — это староста, который имеет общий надзор за делами села, улаживает споры обывателей, заведует полицией и исполняет обязанность сборщика налогов внутри села. . . 2) *Curnum*, *Shanboag*, или *Putwagee*, — ведает учетом, 3) *Taliary*, или *Sthulwar*, и 4) *Totie* — должны охранять село и урожай. 5) *Neerguntee* распределяет воду из потоков или водохранилищ между различными полями в соответствующей пропорции. 6) *Ioshee*, или астролог, определяет время посева и жатвы, сообщает о благоприятных и неблагоприятных днях и часах для всех земледельческих работ. 7) *Кузнец* и 8) *плотник* выделывают грубые земледельческие орудия и строят еще более грубое жилище крестьянина. 9) *Гончар* изготовляет всю домашнюю утварь в деревне. 10) Особое лицо, занимающееся стиркой, содержит в чистоте несложную одежду. . . 11) *Цырюльник*, 12) *серебряных дел мастер*, который часто соединяет в своем лице также и поэта и школьного учителя деревни. Затем *браман*, ведающий делами культа. Под этой примитивной формой общинного правления население жило с незапамятных времен. Границы сел редко изменялись, и, хотя самые села иногда переживали тяжелые времена и подвергались опустошению вследствие войны, голода и болезней, то же название, те же границы, те же интересы и даже те же семьи продолжали существовать из века в век. Жителей этих сел нисколько не беспокоят гибель и разделы королевств; поскольку их село остается целым и невредимым, их мало интересует, под власть какой державы оно подпало и какому государю оно подчиняется; основа их внутреннего хозяйства остается неизменной».

Должность *Potail* обычно наследственна. В некоторых из этих общин земли всего села обрабатываются сообща, но в большинстве случаев каждый владелец обрабатывает свой собственный участок. Внутри общины существует рабство и кастовый строй. Пустующие земли используются как общие пастбища. Жены и дочери занимаются домашним ткачеством и прядением. Эти идиллические республики, которые заботятся лишь ревниво о том, чтобы охранить границы своей общины от соседней общины, все еще существуют в почти

нетронутым виде в северо-западных провинциях Индии, только недавно захваченных англичанами. Мне кажется, что трудно придумать более солидную основу для азиатского деспотизма и застоя. И хотя англичане сильно ирландизировали страну, все же разрушение этих стереотипных первобытных форм являлось неременным условием европеизации. Сборщик подарков один не мог справиться с этой задачей. Необходимо было уничтожение древней промышленности, что отняло у этих общин их самодовлеющий характер.

На Бали — остров у восточного берега Явы — вместе с индусской религией сохранилась еще в полной мере и эта индусская организация. Следы ее, как и вообще индусского влияния, можно обнаружить на всей Яве. Что касается *вопроса о собственности*, то среди английских писателей, занимающихся Индией, в этом пункте — серьезное *разногласие*. В разобренных горных местностях к югу от Кришны собственность на землю, повидимому, существует. На Яве же, как говорит в своей «Истории Явы» сэр Стэмфорд Раффлс, бывший *английский* губернатор Явы, абсолютным собственником всей земли в стране, «которая дает сколько-нибудь значительную земельную ренту», является государь. Во всяком случае, магометане, повидимому, сначала только принципиально установили «отсутствие собственности на землю» во всей Азии.

По поводу вышеупомянутых общин надо еще заметить, что они фигурируют уже у Ману, и вся организация Ману строится так: 10 общин подчинены высшему сборщику, потом 100, потом 1000.

Напиши мне поскорее.

Твой К. М.

1854 год

32

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

27 июля 1854 г.

... Меня очень заинтересовала книга Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия», 1853. Удивительно, как этот господин, отец «классовой борьбы» во французской историографии, негодует в предисловии на «новых», которые теперь также видят антагонизм между буржуазией и пролетариатом и находят следы этой противоположности уже в истории третьего сословия до 1789 года. Он изо всех сил старается доказать, что третье сословие включает в себя все сословия, кроме дворянства и духовенства, и что буржуазия играет роль представительницы всех этих остальных элементов. Он приводит, например, цитату из донесений венецианских посланников: «Так называемые сословия королевства состоят из трех групп лиц: из духовенства, дворянства и всех остальных, которых можно назвать общим именем *народа*». Если бы г. Тьерри прочел наши книги, то он бы знал, что резкий антагонизм между буржуазией и народом возникает, естественно, лишь с того момента, как только буржуазия перестает противостоять дворянству и духовенству в качестве третьего сословия. Что же касается «исторических корней», «родившегося *лишь вчера* антагонизма», то как раз его собственная книга дает яркое доказательство того, что эти «корни» возникли вместе с возникновением третьего сословия. Из выражения «*Senatus populusque Romanus*» [сенат и римский народ] этот, вообще говоря, остроумный критик должен был бы сделать со своей точки зрения вывод, что в Риме никогда не существовало другого антагонизма, кроме как между сенатом и народом. Меня очень заинтересовало, что слово «*catalla*», «*capitalia*», т. е. капитал — это видно из приводимых им документов, — входит в употребление вместе

с ростом городских коммун. Кроме того, совсем этого не желая, он доказал, что ничто так не задерживало победу французской буржуазии как то, что лишь в 1789 г. она решилась действовать заодно с крестьянами. Очень недурно изображено, хотя тоже без соответствующих выводов:

1. Как сразу же, по крайней мере с момента возвышения городов, французская буржуазия становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократии и т. д., а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности. Это безусловно характерно даже и для современной Франции.

2. Из его изложения прекрасно видно, каким образом происходит возвышение класса, в то время как те различные формы, в которых в разное время сосредоточивается его центр тяжести, исчезают, и различные части класса, приобретавшие влияние благодаря этим формам, гибнут. Этот последовательный ряд метаморфоз, претерпеваемых классом, пока он не достигнет господства, нигде, по-моему, до этого не был изображен так хорошо — по крайней мере по богатству материала. К сожалению, он ограничился самыми общими и общеизвестными фразами, поскольку дело идет о *maîtrises*, *jurandes*¹ и т. д., короче говоря, о формах, в рамках которых развивалась промышленная буржуазия, хотя и в этой области только он один знает материал. Что он хорошо показывает и подчеркивает — это заговорщический и революционный характер городских движений в XII веке. Германские императоры, например Фридрих I и Фридрих II, издавали указы против этих «*communiones*», «*conspirationes*», «*conjuraciones*» [коммун, тайных объединений, товариществ, основанных на присяге] совершенно в духе германского Союзного совета. Например, Фридрих II в 1226 г. даже отменяет все «советы консулов»² и прочие свободные муниципальные учреждения в городах Прованса: «До нашего сведения дошло недавно, что общины некоторых городов, местечек и других селений учреждают по собственному почину суды, власти, советы консулов, управления и иные установления подобного рода... и так как в ряде случаев это уже породило злоупотребления и дурные обычаи... то мы императорской нашей властью и в силу имеющихся у нас точных сведений отменяем и объявляем лишенными законной силы все такие суды и пр. и все права на них, полученные через графов Прованса и Форкалькье».

Далее: «Мы решительно запрещаем всякие соглашения и

¹ *Maîtrises*, *jurandes* — привилегированная верхушка цеха — мастера, выборные должностные лица. *Ред.*

² В средние века члены городских советов в Провансе носили название консулов. *Ред.*

товарищества, основанные на присяге, как внутри, так и вне городов... между городом и городом, между лицом и лицом или между городом и липом, какого бы рода они ни были» (Мирная хартия Фридриха I).

«Ни один город, ни одно неукрепленное городское поселение не смеют организовывать коммуны, объединения, общества, союзы или товарищества, основанные на присяге, какого бы то ни было рода, как бы они ни назывались. И мы не должны и не можем разрешать возникшим в нашей державе городам и неукрепленным городским поселениям организовывать без разрешения их господина коммуны, объединения, всякого рода товарищества, основанные на присяге» (Декрет короля Генриха против городских коммун).

Разве это не тот же самый тяжеловесный профессорский стиль, который впоследствии безраздельно господствовал в «Союзной центральной комиссии»? «*Commune jurée*» [«Коммуна, основанная на присяге»] проникла в Германию не дальше Трира, и там в 1161 г. император Фридрих I положил ей конец. «Всякая коммуна граждан Трира, называемая также товариществом, основанным на присяге, которую мы уничтожили в городе, но которая, как мы слышали, создана вновь, должна быть распущена и объявлена несуществующей».

Эту политику германских императоров использовали французские короли. Они оказывали тайную поддержку «товариществам, основанным на присяге» и «коммунам» в Лотарингии, Эльзасе, Дофинэ, Франшконтэ, Лионне и т. д., чтобы отколоть их от Германской империи: «Как стало известно нашему величеству, король Франции... старается подорвать вашу искреннюю преданность» (Рудольф I, послание гражданам Безансона). При помощи точно такой же политики эти господа делали итальянские города гвельфскими¹.

Забавно, что слово «*communió*» — коммуна, объединение нередко встречалось такой же руганью, как в наши дни коммунизм. Так, например, поп Гвиберт Ножанский пишет: «Коммуна — новое и очень скверное слово».

Мещане XII века порой возвышались до пафоса, приглашая крестьян бежать в города — в коммуны, основанную на присяге. Так, например, в хартии Сен-Кантена говорится:

«Они (граждане Сен-Кантена) дали все вместе клятву, что каждый будет оказывать помощь члену коммуны и у них будет совместный совет, совместное поручительство и совместная защита. Сообща мы постановили, что всякий, кто вступит в нашу коммуны и будет оказывать нам поддерж-

¹ Гвельфами назывались противники германских императоров в итальянских городских республиках в XII—XIII вв. *Ред.*

ку своим добром, все равно по каким причинам, — потому ли, что спасается бегством, или из страха перед своими врагами, или из-за другого какого-либо преступления... каждый может вступить в коммуну, *ибо ворота открыты для всех*. И если его сеньер задержит его имущество несправедливо и не захочет поступить с ним по праву, то мы совершим в таком случае правосудие».

Твой К. Маркс.

1856 год

33

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

5 марта 1856 г.

... Второй целью приезда Леви было передать мне сведения о состоянии рабочего движения в Рейнской области. Дюссельдорфские рабочие продолжают поддерживать связи с кельнскими, причем «господ» больше уже не видно. Однако, во главе угла стоит теперь пропаганда среди фабричных рабочих в Золингене, Изерлоне и окрестностях, в Эльберфельде и во всем герцогстве Вестфальском. В округах металлургической промышленности рабочие хотят поднять восстание; удерживают их только расчеты на французскую революцию, а также то, что «лондонцы считают это пока несвоевременным». Но если дело затянется еще надолго, то, по мнению Леви, вряд ли удастся предотвратить бунт. Во всяком случае, восстание в Париже послужило бы сигналом к нему. Люди эти, повидимому, твердо уверены, что *мы и наши друзья немедленно же поспешим к ним*. Они чувствуют, разумеется, потребность в политических и военных руководителях. Нельзя осуждать их за это. Но я боюсь, что при их весьма упрощенных планах их, пожалуй, четырежды успеют уничтожить, прежде чем нам удастся покинуть Англию. Во всяком случае нужно точно разъяснить им с военной точки зрения, что можно и чего нельзя делать. Я заявил, разумеется, что *мы, если обстоятельства это позволят*, явимся к рейнским рабочим; что всякое восстание на собственный страх и риск, без инициативы со стороны Парижа, Вены или Берлина, было бы нелепостью; что если Париж даст сигнал, то нужно будет рисковать всем при любых обстоятельствах, так как тогда даже временное поражение будет иметь лишь временно тяжелые последствия; что я подробно обсужу со своими друзьями, каковы должны быть непосредственные задачи рабочих Рейнской области; я им сказал, чтобы они через некоторое время снова послали

в Лондон представителя, но *нишего* не предпринимали, не сталкивавшись предварительно с нами.

Эльберфельдские (или барменские?) кожевники, построенные в 1848 и 1849 гг. весьма реакционно, теперь держатся особенно революционно. Леви уверял меня, что вуппертальские рабочие считают тебя «своим» человеком. Повидимому, на Рейне вообще довольно распространена вера в французскую революцию, и даже филистеры говорят: теперь дело пойдет иначе, чем в 1848 году; на этот раз появятся такие люди, как Робеспьер и т. д., вместо болтунов 48 года. Престиж демократов, по крайней мере на Рейне, упал очень низко.

Привет.

Твой К. М.

34

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

16 апреля 1856 г.

... Третьего дня был небольшой банкет по случаю годовщины «People's Paper»¹. На этот раз я принял приглашение, так как мне это показалось своевременным, тем более, что из всей эмиграции приглашен был я *один* (о чем было объявлено в газете) и первый тост был предоставлен мне. Я должен был провозгласить тост за суверенитет пролетариата во всех странах. Я произнес по-английски небольшую речь, однако в печать ее не дам. Поставленная мною цель достигнута. Г-н Талантье, которому пришлось заплатить за входной билет 2½ шиллинга, и вся остальная французская и прочая эмигрантская банда убедились, что мы являемся единственными *близкими* союзниками чартистов и что, если мы воздерживаемся от публичных демонстраций и представляем французам публично заигрывать с чартистами, то все же в нашей власти в любой момент снова занять исторически уже принадлежащее нам место. Это стало тем более необходимым, что на митинге 25 февраля, под председательством Пиа, выступил старый немецкий неуч *Шерцер* и в духе поистине ужасающей цеховой ограниченности сделал донос на немецких «ученых», на «умственных работников», которые покинули их, неучей, и заставили их осрамиться перед другими нациями. Ты, конечно, знаешь Шерцера еще по

¹ Чартистская газета «People's Paper» выходила в Лондоне с 1852 по 1858 г. под редакцией Э. Джонса. Маркс сотрудничал в этой газете и принимал участие в ее редактировании. *Ред.*

Парижу. Я снова виделся несколько раз с другом *Шанпером* и нашел в нем кающегося грешника. Замкнутая жизнь, которую он ведет последние два года, повидимому, довольно благотворно подействовала на его умственные способности. Ты понимаешь, что на всякий случай всегда хорошо иметь этого человека под рукой, а еще важнее вырвать его из рук Виллиха. Шаппер сейчас в большой ярости на остолопов с Виндмиллстрит¹.

Письмо твое к Стеффену я доставлю. Письмо Леви тебе следовало оставить у себя. Поступай так вообще со всеми письмами, о возвращении которых я не прошу. Чем меньше они будут проходить через почту, тем лучше. Я совершенно согласен с твоим взглядом на Рейнскую область. Роковым для нас является то, что, заглядывая в будущее, я вижу там нечто такое, что будет пахнуть «изменой отечеству». От того, какой оборот примут дела в Берлине, будет зависеть, не придется ли и нам попасть в такое положение, в какое попали в старой революции майнцские клубисты². Это будет не легко. Мы-то ведь хорошо знаем храбрых французских братьев по ту сторону Рейна! Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно...

35

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

23 мая 1856 г.

Дорогой Маркс!

Путешествие наше по Ирландии шло таким образом: мы поехали из Дублина в Гальвэй на западном берегу, потом двадцать миль к северу в глубь страны, потом в Лимерик, потом вниз по Шаннону в Тарберт, Тралл, Килларней и назад в Дублин. Всего около 450—500 английских миль. Мы видели, следовательно, около двух третей всей страны. За исключением Дублина, который относится к Лондону, как Дюссельдорф к Берлину, целиком носит характер бывшей маленькой столицы и построен на английский лад, вся страна, а особенно города, оставляет такое впечатление, будто

¹ На Виндмиллстрит в Лондоне находилось помещение немецкого рабочего просветительного союза. *Ред.*

² Маркс имеет в виду членов якобинского клуба в городе Майнце, которые примкнули к французским революционным войскам, занявшим Майнц в 1792 г. *Ред.*

находишься во Франции или в Северной Италии. Жандармы, попы, адвокаты, бюрократы, дворяне-помещики — в приятном изобилии и полное отсутствие какой бы то ни было промышленности, так что могло бы показаться прямо непонятным, чем же живут все эти паразиты, если бы нищета крестьян не объясняла всего. «Строгие мероприятия» заметны во всех углах. Правительство вмешивается повсюду, о так называемом самоуправлении нет и речи. Ирландию можно считать первой английской колонией, именно такой, которая в силу своей близости к метрополии управляется все еще по-старому. И здесь прекрасно видно, что так называемая свобода английских граждан основана на угнетении колоний. Нигде я не видал столько жандармов, и прусское жандармско-спиртуозное выражение лица доведено у этих констеблей, вооруженных карабинами, штыками и ручными кандалами, до высшей степени совершенства.

Характерны для страны развалины. Древнейшие относятся к V и VI столетиям, новейшие — к XIX столетию со всеми переходными ступенями между ними. Древнейшие — все только церкви. С 1100 г. — церкви и замки. С 1800 г. — крестьянские дома. На западе, особенно в окрестностях Гальвэй, повсюду разбросаны такие развалины крестьянских домов, покинутых жителями по большей части с 1846 г. Я никогда не думал, чтобы голод имел такую, так сказать, осязательную реальность. Опустели целые деревни, и посреди них расположены великолепные парки более мелких помещиков, которые почти одни там и живут. Это по большей части адвокаты.

К этому привело совместное действие голода, эмиграции и «чистки земель». При этом даже скота на полях нет. Эта часть страны представляет собой буквально пустыню, которая никому не нужна. В графстве Клэр, к югу от Гальвэй, немного лучше — там есть все же скот, а ближе к Лимерику — холмы, прекрасно обработанные фермерами, по большей части шотландцами. Развалины там убраны, и страна имеет зажиточный вид. На юго-западе местность гористая, много болот и удивительно пышные леса, потом опять тянутся прекрасные пастбища, особенно в Типперери; ближе к Дублину идут места, где заметно, что земля постепенно переходит в руки крупных фермеров.

Завоевательные войны англичан, продолжавшиеся с 1100 до 1850 г. (в действительности войны и осадное положение продолжались именно так долго), вконец разорили страну. Множество развалин ведет свое происхождение именно от войны. В результате всего этого и народ приобрел своеобразный характер. Несмотря на весь национально-ирландский фанатизм, присущий этим людям, они уже не

чувствуют себя дома в своей собственной стране. Ирландия — для саксов! Это теперь осуществляется. Ирландец знает, что у него нет возможности соперничать с англичанином, который пришел, снабженный средствами, превосходящими во всех отношениях средства ирландца. Эмиграция будет продолжаться до тех пор, пока преимущественно, даже почти исключительно, кельтский характер населения, наконец, совсем не исчезнет. Сколько раз ирландцы пытались достичь чего-нибудь, и всякий раз и в политическом и в промышленном отношении бывали раздавлены. Систематическим угнетением они искусственно превращены в совершенно нищенскую нацию, специальностью которой заведомо стало снабжать Англию, Америку, Австралию и т. д. проститутками, поденщиками, сутенерами, преступниками, жуликами, нищими и другими бездельниками. Обнищание проникло здесь и в аристократию. Землевладельцы повсюду в других странах обуржуазились, здесь же совершенно обнищали. Их поместья окружены громадными превосходными парками, но кругом — пустыня, и совершенно неизвестно, откуда достать денег. Это удивительно комичные типы. Смешанной крови, по большей части высокого роста, полные, красивые парни, они носят огромные усы под громадными римскими носами, прикидываются полковниками в отставке, разъезжают по стране в погоне за всевозможными развлечениями, а когда справишься о них, — оказывается, что у них ни гроша за душой, что они по уши в долгах и живут в страхе попасть за долги под суд.

Относительно методов английского управления этой страной — методов репрессий и коррупции, применявшихся Англией задолго до опытов этого рода со стороны Бонапарта — в следующий раз, если ты сам не приедешь сюда. Как обстоит дело с твоим приездом?

Твой Ф. Э.

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

30 октября 1856 г.

... У Мерославского¹ ты сам заметишь: 1) что тот самый человек, который считает невозможным «дипломатическое королевство» в Польше, собирался произвести там «дипломатическую революцию», т. е. революцию под покровитель-

¹ Л. Мерославский. «О польской национальности в рамках европейского равновесия». Ред.

ством Луи Бонапарта и Пальмерстона; 2) что судьба «демократической» польской гмины была неизбежна: действительный феодальный суверенитет [dominium] узурпируется короной, аристократией и т. д.; патриархальные отношения между феодалом и крестьянскими общинами приводят к крепостничеству; благодаря возможности парцеллирования создается своего рода *крестьянское среднее сословие*, «*сословие всадников*», подниматься до которого крестьянин может, лишь пока продолжаются завоевательные войны и колонизация; однако оба эти условия в свою очередь ускоряют его упадок. Лишь только этот период завершается, — это «сословие всадников», не способное играть роль настоящего среднего сословия, превращается в люмпен-пролетариат аристократии. Такова же судьба феодального суверенитета и крестьянства среди румынского населения Молдавии и Валахии и т. д. Этот вид развития интересен тем, что тут можно показать возникновение крепостничества чисто экономическим путем, без промежуточного звена в виде завоевания или расового дуализма. . .

37

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

2 декабря 1856 г.

. . . При моих последних занятиях польской историей меня, впрочем, решительным образом настроил в пользу Польши тот исторический факт, что сила и жизненность всех революций, начиная с 1789 г., довольно точно измеряется их отношением к Польше. Польша — их «внешний» термометр. Это можно подробно показать на примере французской истории. В короткий период нашей немецкой революции, точно так же как и венгерской, это бросается в глаза. Из всех революционных правительств, включая сюда и Наполеона I, единственным исключением является Комитет общественного спасения, исключением в том смысле, что он отказался от вмешательства не из слабости, а из «недоверия». В 1794 г. они вызвали к себе уполномоченного польских повстанцев и задали этому «гражданину» следующие вопросы: «Как объяснить, что ваш Костюшко — народный диктатор — терпит рядом с собой короля, который к тому же, как это Костюшке должно быть известно, посажен на трон Россией? Как объяснить, что ваш диктатор не осмеливается произвести массовую мобилизацию крестьян из страха

перед аристократами, которые не желают поступиться «рабочими руками»? Как объяснить, что его прокламации теряют свою революционную окраску по мере его удаления от Кракова? Как объяснить, что он *немедленно* покарал виселицами народное восстание в Варшаве, в то время как аристократические «изменники отечества» разгуливают на свободе или укрываются благодаря волоките судебного делопроизводства? Отвечайте!» Польскому «гражданину» оставалось только молчать.

Что ты скажешь по поводу Невшателя и Валанжена¹? Этот случай дал мне повод пополнить мои совершенно недостаточные познания в области прусской истории. Поистине, всемирная история никогда не производила ничего более ничтожного. Длинная история о том, как французские короли, бывшие таковыми лишь по имени, стали настоящими королями, также полна мелочной борьбы, измен, интриг. Но это — история возникновения нации. История Австрии — история того, как вассал Германской империи основывает могущество своего дома, — интересна тем, что этот вассал обманным образом разыгрывает роль императора, пользуясь запутанными отношениями с Востоком, Богемией, Италией, Венгрией и т. д. и, наконец, тем, что могущество этого дома принимает такие размеры, что Европа начинает бояться, как бы это государство не стало мировой монархией. В Пруссии — ничего подобного. Она не покорила ни одной сильной славянской нации. За 500 лет ей не удалось овладеть даже Померанией, пока, наконец, она не получила ее путем «обмена». Вообще настоящих *завоеваний* маркграфство Бранденбургское, с тех пор как им завладели Гогенцоллерны, никогда не совершало — за исключением завоевания *Силезии*. Вероятно, потому, что это является его *единственным* завоеванием, Фридрих II и называется «Единственным»! Мелкие мошенничества, подкупы, прямая купля, погоня за наследствами и т. д. — к подобной мерзости сводится вся прусская история. Все, что есть интересного в феодальной истории: борьба сюзерена с вассалами, происки в отношении городов и т. д., — все это здесь в карикатурно-карликовом виде, потому что города здесь мелочно-сучны, феодалы — ничтожное дубье, а верховный господин страны — сам ничтожество. Во время реформации, как и во время Французской революции, мы видим здесь разнообразные формы вероломства, нейтралитет, сепаратный мир. Прусские короли — в постоянной погоне за крохами, которые бросала им Россия во время устраиваемых

¹ Маркс имеет в виду монархический путч невшательских и валанженских дворян в 1856 г. с целью возврата своих феодальных привилегий и восстановления сюзеренных прав прусского короля. Восстание было быстро подавлено швейцарским правительством. *Ред.*

ею разделов, как это было, например, со Швецией, Польшей и Саксонией. При этом в списке правителей встречаются всего лишь три характерные фигуры, которые чередуются как день и ночь — это ханжа, унтер-офицер и шут. Нарушается порядок только из-за перестановки фигур, новый тип не появляется никогда. Государство держится *посредственностью* — *aurea mediocritas* [золотая середина], — аккуратным счетоводством, отсутствием крайностей, пунктуальностью военного устава, известной доморощенной пошлостью и «церковным уставом». Все это — отвратительно!..

1857 год

38

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

25 сентября 1857 г.

...Твоя «Армия»¹ очень хороша, только размеры ее поразили меня, ибо я знаю, как вредно для тебя так много работать. Если бы я знал, что ты станешь работать до поздней ночи, я лучше послал бы к чорту всю эту затею.

История *армии* всего нагляднее подтверждает правильность нашего воззрения на связь производительных сил и общественных отношений. Вообще армия важна для экономического развития. Например, заработная плата впервые развилась вполне в армии у древних. Равным образом у римлян *peculium castrense* [лагерное имущество] явилось первой правовой формой, в которой стали признавать движимую собственность не отцов семейства. Точно так же цеховой порядок возник впервые в корпорациях *fabri* [ремесленников при войске]. Здесь же впервые встречается в крупных размерах и применение машин. Даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег, повидимому, основывалось первоначально на их военном значении, как только миновал гриммовский каменный век. И разделение труда *внутри* одной отрасли промышленности было впервые проведено также в армиях. Тут, далее, в сжатом, выпуклом виде — вся история буржуазных обществ. Если у тебя когда-нибудь будет время, ты должен разработать вопрос с этой точки зрения.

Единственные пункты, упущенные, по моему мнению, в твоём изложении, следующие: 1) Первое появление настоящего наемного войска в крупных размерах и сразу у

¹ Статья Энгельса «Армия», напечатанная в «Новой Американской Энциклопедии». *Ред.*

карфагенян (я просмотрю для нашего собственного употребления сочинение о карфагенском войске одного берлинца, о котором я узнал лишь недавно). 2) Развитие военного дела в Италии в XV и в начале XVI века. Именно здесь выработались тактические хитрости. Кстати, у Макиавелли в его истории Флоренции имеется очень забавное описание того, как сражались кондотьеры. Я сделаю выписку для тебя. Впрочем, если я приеду к тебе в Брайтон (когда?), я лучше привезу с собой том Макиавелли. Его история Флоренции — это шедевр. Наконец, 3) азиатская военная система в том виде, как она впервые появляется у персов; впоследствии она встречается в самых различных видоизменениях у монголов, турок и т. д. ...

39

МАРКО — ЭНГЕЛЬСУ

24 ноября 1857 г.

... Джонс играет очень глупую роль. Ты знаешь, что он задолго до кризиса, — не имея других намерений, просто для того, чтобы найти предлог для агитации в период затишья, — наметил созыв чартистской конференции, на которую должны были быть приглашены и буржуазные радикалы (не только Брайт, но даже господа вроде Кэннингэма). Вообще предплагалось заключение компромисса с буржуа, причем *они* должны были получить тайное голосование, если согласятся предоставить рабочим избирательное право для всех взрослых мужчин. Это предложение вызвало расколы в чартистской партии, что в свою очередь привело к тому, что Джонс стал еще крепче держаться за свой проект. Вместо того чтобы воспользоваться кризисом и заменить неудачно выбранный предлог для агитации настоящей агитацией, он упорно держится своей нелепой выдумки и возмущает рабочих проповедью сотрудничества с буржуазией, не внушая в то же время и последней ни малейшего доверия к себе. Некоторые радикальные газеты льстят ему, чтобы окончательно его погубить. В его собственной газете старый осел Фрост, которого он сам провозгласил героем и назначил председателем своей конференции, выступил против него с грубейшим письмом, в котором, между прочим, говорит: если он, Джонс, признает необходимым сотрудничество с буржуазией, — а без такого сотрудничества *ничего* не сделаешь, — то пусть действует добросовестно. Кто дал ему право составить программу конференции *без ведома* союзни-

ков? Кто уполномочил его назначить Фроста председателем, а самому разыгрывать роль диктатора и т. д.? Таким образом, Джонс сел в лужу и впервые играет не только *глупую*, но и *двусмысленную роль*. Я его давно не видел, но теперь хочу навестить его. Я считаю его честным человеком, а так как в Англии *общественный деятель* не может погубить себя глупостью и т. д., то все дело в том, чтобы он как можно скорее вырвался из западни, которую он сам себе поставил. Этот осел должен прежде всего *создать* партию, для чего ему надо отправиться в фабричные округа. Тогда радикальные буржуа сами придут к нему добиваться компромиссов.

Привет.

Твой К. М.

1858 год

40

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

14 января 1858 г.

...У меня порядочные успехи. Например, я выбросил за борт все учение о прибыли в том виде, в каком оно имелось до сих пор. В *методе* обработки материала мне очень пригудилось то, что я вновь перелистал «Логикку» Гегеля, случайно попавшую мне в руки, — Фрейлиграт нашел несколько томов Гегеля, принадлежавших прежде Бакунину, и прислал мне их в подарок. Если бы когда-нибудь снова пришло время для подобных работ, я охотно изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной обыкновенному человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время подверг мистификации...

41

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

1 февраля 1858 г.

...«Гераклит Темный» Лассалья Ясного¹ в сущности учебническая стряпня. По поводу каждого из того множества образов, при помощи которых Гераклит уясняет себе единство утверждения и отрицания, выступает Лассаль и преподносит нам какой-либо отрывок из гегелевской «Логикки», которая вряд ли выигрывает от этого. Делается это всегда так многословно, точно выступает школьник, который на заданном ему уроке должен показать, что он осилил и «сущность»,

¹ Ф. Лассаль. «Философия Гераклита Темного из Эфеса». Ред.

и «явление», и «диалектический процесс». Если школьник навострился философствовать таким образом, то можно быть уверенным, что его мыслительный процесс будет идти лишь по точно предписанному рецепту, в точно установленных формах. Так же и наш Лассаль. Он как будто задался целью уяснить себе на Гераклите гегелевскую «Логичку» и неустанно начинает этот процесс сызнова. При этом выставляется на показ невероятная бездна учености. Однако всякому знатоку известно, как легко устроить подобную выставку цитат, когда имеешь время и деньги и можешь, как г. Лассаль, по желанию получать на дом книги прямо из Боннской университетской библиотеки. Видно, что парень кажется самому себе невероятно важным в этом мишурном филологическом облачении, он выступает с грацией человека, в первый раз в жизни надевшего элегантнй костюм. Так как большинству филологов *чужды* спекулятивные понятия, господствующие у Гераклита, то, конечно, каждый гегельянец обладает неоспоримым преимуществом понимать то, чего не понимает филолог. (На самом деле было бы странно, если бы человек, не будучи философом, когда он говорит *по-немецки*, становился бы философом, когда он говорит *по-гречески*, т. е. только потому, что он изучает греческий язык.) Вместо того чтобы попросту считать это само собою разумеющимся, г. Лассаль преподносит нам все это в квази-лессинговском духе. С адвокатским многословием доказывает он правильность гегелевского толкования в противовес ложным заключениям филологов, объясняющимся недостаточным знанием дела. Таким образом, мы получаем двойное удовольствие: во-первых, нам со всей подробностью воспроизводятся диалектические вещи, которые мы почти уже перезабыли; а во-вторых, это «спекулятивное наследие» преподносится нам как плод особого филолого-юридического хитроумия и учености г. Лассалья в противоположность неспекулятивным филологам. Впрочем, несмотря на хвастовство Лассалья, что до сих пор Гераклит был книгою за семью печатями, он по существу не прибавил *абсолютно ничего нового* к тому, что говорит Гегель в «Истории философии». Он только развивает различные детали, для чего, разумеется, было бы вполне достаточно двух печатных листов. Тем более не приходит парню в голову высказать какие-либо критические мысли насчет самой диалектики. Если собрать вместе все отрывки Гераклита, то они едва составят половину печатного листа. Только тот, кто печатает книги на средства страшного «человека», может позволить себе выпустить в свет по такому поводу два тома в 60 листов.

У «Гераклита Темного» есть изречение, в котором, желая пояснить превращение всех вещей в свою противоположность,

он говорит: «Так золото превращается во все вещи, а все вещи превращаются в золото». Золото, говорит Лассаль, здесь — деньги (это правильно), а деньги — стоимость. Итак, идеальное — это всеобщность, единое (стоимость), а вещи, реальность — это особенное, множественное. Он выставляет это поразительное положение, чтобы в длинном примечании указать на серьезность своих открытий в политической экономии. Тут, что ни слово, то ошибка, но все это преподносится с удивительной претенциозностью. Из этого примечания я вижу, что в своем втором великом творении он собирается изложить по-гегелевски политическую экономию. Но тут он, к великому своему огорчению, увидит, что одно дело — путем критики довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было изложить диалектически, и совсем другое дело, имея одни только слабые намеки подобной системы, приложить к ним абстрактную, готовую систему логики.

Как я тебе писал уже после его первого самовлюбленного письма, старогегельянцы и филологи, должно быть, были очень довольны, найдя столь старомодную сущность в молодом человеке, пользующемся репутацией великого революционера. К тому же он льстит и расшаркивается на все стороны, чтобы обеспечить себе благоприятный прием. Как только просмотрю книгу, пошлю ее тебе.

Привет.

Твой К. М.

МАРКС — Ф. ЛАССАЛЮ

22 февраля 1858 г.

Дорогой Лассаль!

Нутт прислал мне, наконец, «Гераклита». Как только я его прочту, я сообщу тебе свое мнение о нем. Но некоторое время ты должен потерпеть, ибо как раз сейчас у меня чрезвычайно мало свободного времени. Я лично не исследовал у стоиков их отношения к Гераклиту с натурфилософской стороны, потому что мне казалось, что в этой дисциплине они держат себя строго по-ученически. Наоборот, у Эпикура можно детально показать, что хотя он и исходит из натурфилософии Демокрита, он всюду поворачивает острие вопроса в обратную сторону. Вряд ли можно упрекать Цицерона и Плутарха за то, что они этого не понимали, ведь даже люди такого тонкого ума, как Бэйль и «сам» Гегель, не додумались до этого. Впрочем, от Гегеля, который впервые

охватил историю философии в целом, нельзя требовать, чтобы он не делал ошибок в частности...

...Я хочу рассказать тебе, как обстоит дело с моей экономической работой. Я действительно уже несколько месяцев занимаюсь окончательной ее обработкой. Но дело подвигается очень медленно, так как предметы, которые делаешь в течение многих лет главным объектом своих исследований, обнаруживают все новые и новые стороны и вызывают новые размышления, как только хочешь покончить с ними. К тому же я не господин своего времени, а скорее раб. Для себя самого у меня остается только ночь, да и этой ночной работе мешают часто повторяющиеся приступы болезни печени. При таких обстоятельствах для меня было бы всего удобнее, если бы я мог издать всю работу отдельными выпусками. Быть может, это имело бы еще и то преимущество, что было бы легче найти издателя, так как при этом потребовалось бы меньше предпринимательского капитала. Ты меня, конечно, обяжешь, если узнаешь, нельзя ли найти какого-нибудь предпринимателя в Берлине. Под «выпусками» я подразумеваю нечто вроде тех, какими, например, постепенно выходила «Эстетика» Фишера.

Работа, которая должна выйти в первую очередь, — это *критика экономических категорий*, или, если угодно, система буржуазной экономии, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее, даваемая самим изложением. Я еще не знаю, сколько печатных листов составит весь труд. Если бы у меня было время, спокойствие и средства, чтобы обработать все в целом, прежде чем опубликовать работу, то я дал бы ее в гораздо более сжатом виде, так как я всегда любил метод сжатого изложения. А в таком виде — может быть, более удобном для понимания публики, но несомненно в ущерб форме — при печатании отдельными, следующими друг за другом выпусками, работа неизбежно несколько растянется. *Не забудь*: как только ты выяснишь, можно *или нельзя* устроить это дело в Берлине, будь добр, напиши мне, так как, если там не удастся, я сделаю попытку в Гамбурге. Другое затруднение заключается в том, что издатель, который возьмется за это дело, должен мне *заплатить* — необходимость, из-за которой в Берлине все дело может расстроиться.

Изложение, я имею в виду манеру его, вполне научно и, следовательно, в таком виде работа не нарушает полицейских правил в обычном смысле. Вся работа подразделяется на шесть книг: 1. О капитале (содержит несколько вводных глав). 2. О земельной собственности. 3. О наемном труде. 4. О государстве. 5. Международная торговля. 6. Мировой рынок. Я не могу, конечно, обойтись без того, чтобы там и

сям не подвергать критике других экономистов, в особенности не могу избежать полемики с Рикардо, поскольку даже он, как буржуа, вынужден совершать ошибки *даже со строго экономической точки зрения*. Однако критика и история политической экономии и социализма в целом должны составить предмет другой работы. Наконец, краткий *исторический очерк* развития экономических категорий, т. е. отношений, это — третья работа. Но, в конце концов, я предчувствую, что как раз теперь, когда после пятнадцатилетнего изучения я могу, наконец, написать свой труд, мне, по всей вероятности, помешают бурные события извне. Ну, что же. Если я кончу слишком поздно, когда мир перестанет интересоваться подобного рода вещами, то вина, очевидно, будет лежать на мне...

43

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

2 апреля 1858 г.

... Вот вкратце содержание первой части. Все будет распадаться на шесть книг: 1) О капитале. 2) Земельная собственность. 3) Наемный труд. 4) Государство. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок.

1. *Капитал* распадается на четыре отдела: а) *Капитал* вообще (это — *предмет первого выпуска*). б) *Конкуренция* или действие многих капиталов друг на друга. в) *Кредит*, в котором капитал выступает по отношению к отдельным капиталам как всеобщий элемент. г) *Акционерный капитал* как его совершеннейшая форма (подводящая к коммунизму), вместе с тем со всеми его противоречиями. Переход от капитала к земельной собственности есть вместе с тем исторический переход, так как современная форма земельной собственности есть продукт воздействия капитала на феодальную и т. д. земельную собственность. Точно так же и переход от земельной собственности к наемному труду есть не только диалектический, но и исторический, так как последний продукт современной земельной собственности есть всеобщее установление наемного труда, который и является базисом всего. Ну, ладно (сегодня мне трудно писать), перейдем теперь к *corpus delicti* [предмету преступления].

1. *Капитал*. *Первый отдел. Капитал вообще*. (Во всем этом отделе предполагается, что заработная плата всегда равна своему минимуму. Движения самой заработной платы и падение или повышение ее минимума относятся к части о

наемном труде. Затем земельная собственность приравнивается к нулю, т. е. в земельной собственности как особом экономическом отношении здесь еще нет надобности. Только таким путем можно избежать необходимости при исследовании каждого отношения говорить обо всех сразу.)

1. *Стоимость.* Начисто сводится к количеству труда; время как мера труда. Потребительная стоимость, — рассматривать ли ее субъективно, как полезность труда, или объективно, как потребительную стоимость продукта, — выступает здесь лишь как вещественная предпосылка стоимости, которая пока совершенно выпадает из экономического определения формы. Стоимость как таковая не имеет никакого иного «вещества», кроме самого труда. Это определение стоимости, впервые только намеченное у Петти и в чистой форме разработанное у Рикардо, есть лишь самая абстрактная форма буржуазного богатства. Оно само по себе уже предполагает: 1) уничтожение первобытного коммунизма (Индия и т. д.), 2) всех недоразвитых, добуржуазных способов производства, в которых обмен еще не господствует полностью. Хотя это и абстракция, но абстракция историческая, которая могла быть произведена только на основе определенного экономического развития общества. Все возражения против этого определения стоимости либо взяты из менее развитых производственных отношений, либо основываются на путанице, когда более конкретные экономические определения, от которых стоимость абстрагирована и которые поэтому, с другой стороны, могут рассматриваться также как дальнейшее развитие стоимости, противопоставляются последней в этой ее абстрактной неразвитой форме. При неясности у самих господ экономистов насчет того, как эта абстракция относится к более поздним конкретным формам буржуазного богатства, возражения эти имели в известной мере свое оправдание.

Из противоречия между общими характерными чертами стоимости и ее вещественным бытием в виде определенного товара и т. д. — эти общие черты те же самые, которые затем выступают в деньгах, — вытекает категория денег.

2. Деньги.

Кое-что о благородных металлах как носителях денежного отношения.

а) *Деньги как мера.* Несколько замечаний об идеальной мере у Стюарта, Аттвуда, Уркварта; в более вразумительной форме у проповедников рабочих денег (Грэй, Брэй и т. д. Несколько ударов по этому случаю по прудонистам). Стоимость товара, переведенная на деньги, это — его *цена*, которая пока выступает лишь в этом *чисто формальном* отличии от стоимости. Согласно общему закону стоимости, опре-

деленное количество денег выражает здесь лишь определенное количество овеществленного труда. Поскольку деньги являются мерой, изменчивость их собственной стоимости безразлична.

б) *Деньги как средство обмена или простое обращение.*

Здесь нужно рассмотреть только самую простую форму этого обращения. Все обстоятельства, развивающие определение этой формы, лежат вне ее и потому подлежат рассмотрению лишь впоследствии. (Они предполагают более развитые отношения.) Если назовем товар Т, а деньги Д, то простое обращение обнаруживает, правда, два кругооборота или круга: Т—Д—Д—Т и Д—Т—Т—Д (последнее составляет переход к с), но исходный и конечный пункты отнюдь не совпадают или совпадают только случайно. Большинство так называемых законов, установленных экономистами, рассматривает денежное обращение не в пределах его собственной сферы, а как подчиненное более высшим движениям и определяемое ими. Все это надо оставить в стороне. (Это относится отчасти к учению о кредите, отчасти же подлежит рассмотрению в тех пунктах, где деньги снова всплывают, но в своем более развитом определении.) Здесь, стало быть, деньги как средство обращения (*монета*), но в то же время и как *реализация* (не только мимолетняя) цены. Из простого определения, что товар, при установлении *цены*, уже идеально обменяется на деньги, раньше чем он реально обменивается на них, сам собой вытекает важный экономический закон, что *масса циркулирующих средств обращения определяется ценами, а не наоборот*. (Здесь несколько исторических замечаний о полемике по поводу этого пункта.) Отсюда следует далее, что скорость оборота может заменять массу [денег], но что необходима *определенная масса* для одновременных актов обмена, поскольку сами они не относятся друг к другу, как плюс и минус — взаимное погашение, которого, однако, в данном пункте приходится коснуться лишь в порядке предварительного замечания. Здесь я не вдаюсь в дальнейшее развитие этого отдела. Замечу только еще, что распадение на Т—Д и Д—Т есть наиболее абстрактная и поверхностная форма, в которой выражается возможность кризисов. Из развития закона, согласно которому обращающаяся масса [денег] определяется ценами, вытекает, что здесь создаются предпосылки, которые существуют отнюдь не при всех состояниях общества; поэтому нелепо, например, приток денег из Азии в Рим и действие этого на тогдашние цены попросту приравнять к современным коммерческим условиям. Самые абстрактные определения, при более точном рассмотрении их, всегда указывают на дальнейший конкретный, определенный исторический базис.

(Это и понятно, ибо как раз от него они и абстрагированы в этой определенности.)

с) *Деньги как деньги.* Это — развитие формы Д—Т—Т—Д. Деньги как самостоятельное по отношению к обращению бытие стоимости: материальное бытие абстрактного богатства. Это обнаруживается уже в обращении, поскольку деньги выступают не только как средство обращения, но и реализуют цену. В этом качестве с), в котором а) и б) выступают лишь как функции, деньги представляют собой всеобщий товар при заключении договоров (тут становится важной изменчивость их стоимости, определяемой рабочим временем), предмет собирания сокровищ. (Эта функция и по сей день еще играет важную роль в Азии и вообще в древнем мире и в средние века; в настоящее время она существует лишь в подчиненном виде в банковском деле. Во времена кризисов важное значение денег опять в этой форме. Деньги в этой форме, рассматриваемые в связи с порождаемыми ими всемирно-историческими заблуждениями и т. д. Их разрушительные свойства и т. д.) Как реализация всех высших форм, в которых будет выступать стоимость; окончательные формы, в которых все отношения стоимости внешне завершаются. Но, неподвижно оставаясь в этой форме, деньги перестают быть экономическим отношением, последнее гаснет в материальных носителях денег — золоте и серебре. С другой стороны, поскольку они вступают в обращение и снова обмениваются на Т, из экономического отношения выпадает в свою очередь заключительный процесс — потребление товара. Простое денежное обращение не включает в себя принципа самовоспроизводства и заставляет поэтому искать его за своими пределами. В деньгах, — как показывает развитие их определений, — заложено требование, чтобы была стоимость, вступающая в обращение, сохраняющаяся в нем и в то же время полагающая самое себя, — т. е. *капитал*. Этот переход есть вместе с тем и исторический. Допотопная форма капитала есть торговый капитал, который всегда развивает деньги. В то же время возникновение действительного капитала из денег или из купеческого капитала, который овладевает производством.

д) Рассматриваемое само по себе это простое обращение, — а оно есть поверхность буржуазного общества, где стерты более глубокие процессы, из которых оно [простое обращение] происходит, — не обнаруживает никакого различия между субъектами обмена, кроме формального и мимолетного. Это — *царство свободы, равенства и основанной на «труде» собственности*. Накопление, как оно здесь выступает в форме собирания сокровищ, лишь результат большей бережливости и т. д. Пошлая манера, с одной стороны,

проповедников экономической гармонии, современных фри-тредеров (Бастиа, Кэри и т. д.), применять к более развитым производственным отношениям и их антагонизмам это наиболее поверхностное и абстрактное отношение как *их* истину. Пошлая манера прудонистов и тому подобных социалистов противопоставлять соответствующие этому обмену эквивалентов (или предполагаемому таковым) идеи равенства и т. д. неравенству и пр., к которому этот обмен приводит и из которого он исходит. Законом присвоения в этой сфере является присвоение посредством труда, обмен эквивалентов, так что обмен дает лишь ту же самую стоимость, но в иной материализации. Словом, здесь все «прекрасно», но все приходит к ужасному концу и как раз вследствие закона эквивалентности. Мы подходим теперь именно к

3. *Капиталу*. Это, в сущности, самое важное в этом первом выпуске, по поводу чего я в особенности хочу знать твое мнение. Но сегодня я не могу продолжать письмо. История с желчью лишает меня возможности писать, а наклонение головы над бумагой вызывает головокружение. Иiak, в следующий раз.

Привет.

Твой К. М.

44

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

14 июля 1858 г.

...Кстати. Пришли же мне обещанную «Философию природы» Гегеля. Я занимаюсь сейчас немного физиологией, а затем думаю заняться сравнительной анатомией. В этих науках имеются сугубо философские вещи, совсем недавно открытые. Мне очень хочется узнать, не предвидел ли старик что-нибудь из всего этого. Несомненно одно: если бы он писал свою «Философию природы» *теперь*, то все эти вещи слетались бы к нему со всех сторон. Хотя, вообще говоря, успехи, достигнутые в естествознании за последние тридцать лет, очень мало кому известны. Для физиологии решающее значение имели, во-первых, огромные успехи в области органической химии, во-вторых, микроскоп, которым научились правильно пользоваться только за последние двадцать лет. Пользование микроскопом привело к еще более важным результатам, чем успехи химии. Главное, что революционизировало всю физиологию и сделало возможной сравнительную физиологию, это — открытие клетки; в растении — Шлейденем, в животном организме — Шванном (около 1836 г.). Все есть клетка. Клетка есть гегелевское в-себе-бытие и проходит

в своем развитии в точности гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается «идея», данный законченный организм.

Другой результат, который очень порадовал бы старика Гегеля, — это взаимодействие сил в физике¹, или закон, в силу которого при определенных условиях механическое движение, т. е. механическая сила (например, путем трения) превращается в теплоту, теплота — в свет, свет — в химическое сродство, химическое сродство (например, в вольтовом столбе) — в электричество, а это последнее — в магнетизм. Эти переходы могут совершаться также и иначе в том и в другом направлении. В настоящее время один англичанин, имени которого я не припомню², доказал, что эти силы переходят друг в друга в совершенно определенных количественных отношениях, так что известное количество одной силы, например, электричества, соответствует известному количеству всякой другой, например, магнетизма, света, теплоты, химического сродства (положительного или отрицательного, связывающего или разъединяющего) и движения. Нелепая теория скрытой теплоты, таким образом, отбрасывается. Не является ли это великолепным материальным примером того, каким образом рефлексивные определения переходят друг в друга?

Как бы то ни было, изучая сравнительную физиологию, начинаешь испытывать величайшее презрение к идеалистическому возвеличению человека над всем прочим зверьем. На каждом шагу натыкаешься на полнейшее совпадение строения человека со строением остальных млекопитающих; в основных чертах это совпадение простирается и на всех позвоночных и даже — в более скрытой форме — на насекомых, ракообразных, червей и т. д. Гегелевская история с качественным скачком в количественном ряде сюда тоже прекрасно подходит. В конце концов, у низших инфузорий мы приходим к прообразу, к простой, самостоятельно живущей клетке, которая опять-таки ничем осязательным не отличается от низших растений (от одноклеточных грибов — болезнетворных грибков картофеля или винограда) и от зародышей высших ступеней развития, вплоть до человеческого яйца и семенных телец; по внешности она не отличается от независимых клеток в живом организме (кровяные тельца, клетки эпителия и слизистой оболочки, клетки, выделяемые железами, почками и т. д.)...

¹ Энгельс говорит здесь о законе превращения энергии. Он употребляет слово «сила», так как в его время еще не существовало ясного разграничения понятий «сила» и «энергия». Словом «сила» обозначалась и сила в собственном смысле (по Ньютону) и энергия. *Ред.*

² Джемс Джоуль — английский физик, открывший одновременно с Майером и Гельмгольцем закон превращения (сохранения) энергии. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

7 октября 1858 г.

... История с Джонсом отвратительна. Он устроил здесь митинг и говорил совершенно в духе нового союза. После этой истории, пожалуй, можно действительно прийти к выводу, что английское рабочее движение в его старой традиционной чартистской форме должно окончательно погибнуть, прежде чем оно сможет развиваться в новую жизнеспособную форму. И, однако, трудно предвидеть, какова же будет эта новая форма. Мне думается, что новый поворот Джонса, как и все прежние более или менее удачные попытки подобного союза, объясняется, очевидно, тем, что английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно. Тут могут помочь только несколько очень плохих годов, но их, повидимому, не так-то легко дожидаться с тех пор, как открыты золотые россыпи¹...

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

[8 октября] 1858 г.

... При оптимистическом повороте мировой торговли в данный момент (хотя громадные скопления денег в банках Лондона, Парижа и Нью-Йорка доказывают, что дела еще отнюдь не в порядке) утешительно, по крайней мере, то, что в России *началась революция*, ибо я считаю началом ее

¹ Поворот Джонса к политике соглашательства с буржуазией привел в дальнейшем к разрыву между ним и Марксом. 1 февраля 1859 г. Маркс писал Вейдемейеру:

«С Эрнстом Джонсом я порвал. Несмотря на мои неоднократные предупреждения и несмотря на то, что я с точностью предсказывал ему, что произойдет, а именно, что он погубит себя и дезорганизует чартистскую партию, — он все-таки вступил на путь попыток к соглашению с радикальными буржуа. Теперь он — погибший человек, а вред, причиненный им английскому пролетариату, чрезвычайно велик. Ошибка, конечно, будет исправлена, но весьма благоприятный момент для действия упущен. Представь себе армию, генерал которой накануне сражения перебегает в лагерь противника». *Ред.*

созыв «нотаблей» в Петербурге¹. В Пруссии также дела обстоят теперь хуже, чем в 1847 г., и смешные иллюзии насчет симпатий прусского наследника к буржуазии разлетятся как дым и уступят место бешеной злобе. Французам будет не вредно убедиться, что мир движется и без них, *mon't*, как говорят в Пенсильвании. Одновременно среди славян, особенно в Богемии, происходят необычайные движения; хотя они и контрреволюционны, но все же служат ферментом для движения. Как ни ничтожна была война с Россией 1854—55 гг. и как ни мало отразились ее последствия на русских (она повредила скорее туркам), все же она, очевидно, ускорила тот поворот событий, который мы наблюдаем сейчас в России. Единственное, что делало немцев в их революционном движении всецело зависимыми от Франции, было поведение России. С началом внутреннего движения в Московии это нелепое положение прекращается. Как только революционное движение станет там более заметным, мы сможем убедиться в том, что почтенный статский советник Гакстгаузен был основательно околпачен «чиновниками» и дрессированными этими чиновниками крестьянами.

Нельзя отрицать, что буржуазное общество вторично пережило свой шестнадцатый век, который, как я надеюсь, прозвучит для него похоронным звоном, так же как первый шестнадцатый век вызвал его к жизни. Подлинная задача буржуазного общества состоит в том, чтобы создать мировой рынок, хотя бы в его общих чертах, и производство, покоящееся на его основе. А так как земля кругла, то с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии это дело можно как будто считать законченным. Трудным для нас вопросом является следующий: на континенте революция неизбежна и примет сразу социалистический характер. Не будет ли она в этом маленьком уголке необходимо раздавлена ввиду того, что на неизмеримо более широкой территории развитие буржуазного общества идет все еще по восходящей линии?

Что касается специально Китая, то путем тщательного изучения движения торговли с 1836 г. я пришел к выводу, *во-первых*, что подъем английского и американского вывоза с 1844 по 1846 г. уже в 1847 г. оказался чистойшей спекуляцией и что в течение следующих десяти лет вывоз в среднем оставался почти без изменений, между тем как ввоз из Китая в Англию и Америку чрезвычайно возрос. *Во-вторых*,

¹ Собранием «нотаблей» в Петербурге Маркс называет Главный комитет по крестьянскому делу (1858 г.) по аналогии с собранием нотаблей во Франции в 1787 г., поскольку Комитет так же, как и собрание нотаблей во Франции, был создан в связи с растущим революционным брожением в стране с целью спасения монархии. *Ред.*

открытие пяти гаваней и захват Гонконга привели лишь к тому, что торговля переместилась из Кантона в Шанхай. Другие «торговые пункты» не в счет. Основной причиной неудачи этого рынка является, повидимому, торговля опиумом, за счет которой только и происходит, по существу дела, рост экспорта в Китай. Вторая причина — это внутренняя экономическая организация страны, ее карликовое земледелие и т. д.; чтобы сломить ее, потребуется огромное количество времени. Теперешний договор Англии с Китаем, который, по моему мнению, был выработан Пальмерстоном в согласии с петербургским правительством и вручен лорду Эльджину перед самым его отъездом, является с начала до конца надувательством...

1859 год

47

МАРКС — Ф. ЛАССАЛЮ

4 февраля 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Извещение о получении рукописи от г. Дункера¹ еще не приходило, так что у меня еще нет уверенности, что рукопись уже вышла из рук *властей*. Из прилагаемой квитанции видно, что из Лондона она была послана 26 января.

Относительно войны: здесь все думают, что война в Италии неизбежна. Несомненно одно: г. Эммануилу теперь не до шуток, а г. Бонапарту было не до шуток. Поведение последнего определяют следующие обстоятельства: 1) *Страх перед итальянскими кинжалами.* Со времени смерти Орсини он непрерывно вел тайком нечестную игру с карбонариями, причем роль посредника играл *Плон-Плон*, муж «Клотильды». 2) *Чрезвычайно стесненное финансовое положение.* Действительно, продолжать кормить французскую армию «в мирные времена» становится невозможным, а Ломбардия — лакомый кусок. К тому же, в случае войны стали бы возможными и «военные займы». Всякий же другой заем теперь «невозможен». 3) За последние два года Бонапарт с каждым днем все более и более терял авторитет в глазах всех партий во Франции, а его дипломатия также представляла собою ряд сплошных неудач. Поэтому для восстановления престижа *необходимо*, чтобы что-то произошло. Даже в деревнях сильно ворчат из-за разорительно-низких цен на хлеб, и г. Бонапарт тщетно пытался искусственно вздуть цены на пшеницу своими декретами о хлебных складах. 4) Россия подталкивает тюильрийского выскочку. С помощью панславистского движения в Богемии, Моравии, Гали-

¹ Имеется в виду работа Маркса «К критике политической экономии», вышедшая впервые в Берлине в 1859 г. в изд. Ф. Дункера. *Ред.*

ции, Южной, Северной и Восточной Венгрии, Иллирии и т. д. и войны в Италии Россия почти наверняка сломила бы сопротивление, все еще оказываемое ей Австрией. (Россия со страхом ждет аграрной революции внутри страны, и внешняя война, не говоря уже о всяких дипломатических целях, была бы, пожалуй, желательна для правительства в качестве громоотвода.) 5) Г-н Плон-Плон, сын бывшего вестфальского короля, и его клика (во главе которой стоит Жирарден и весьма пестрый сброд венгерских, польских и итальянских псевдореволюционеров) делает все, чтобы довести дело до развязки. 6) Война с Австрией в Италии — это единственная война, в которой Англия, не имея возможности выступить прямо за папу и т. п. и *против* так называемой свободы, останется нейтральной, по крайней мере вначале. Россия же держала бы Пруссию под угрозой, если бы эта последняя — чего я, однако, не думаю — пожелала вмешаться уже в начале борьбы.

С другой стороны, г. Луи Бонапарт несомненно смертельно боится настоящей, серьезной войны: 1) человек этот всегда полон сомнений и, подобно всем игрокам, отнюдь не отличается решительностью. Он постоянно подползал к Рубикону, но людям, стоявшим сзади него, всегда приходилось его туда сталкивать. Под Булонью, под Страсбургом, в декабре 1851 г. его каждый раз *вынуждали* отнестись, наконец, серьезно к своим планам. 2) Чрезвычайная холодность, с которой был принят во Франции его проект, конечно, не придает ему бодрости. Массы относятся к нему безразлично, но зато крупные финансисты, промышленники, торговцы, партия попов, наконец, высший генералитет (например, Пелисье и Канробер) оказывают ему прямое и серьезное сопротивление. Да и на самом деле военные перспективы не блестящи, даже если принимать за чистую монету хвостовство «*Constitutionnel*». Если Франция наберет в общей сложности 700 000 человек, то по самому щедрому расчету способными к военной службе из них будут 580 000. Отсюда надо отнять: 50 000 для Алжира; 49 000 — жандармов и т. п.; 100 000 (минимум) для охраны городов (Париж и т. д.) и крепостей во Франции; по меньшей мере 181 000 нужно выделить в качестве наблюдательной армии на швейцарской, германской и бельгийской границах. Остается 200 000. Если даже прибавить сюда небольшую пьемонтскую армию, то это отнюдь не составит подавляющей силы по отношению к австрийцам, занимающим сильные позиции на Минчио и Адидже.

Как бы то ни было, если Бонапарт теперь отступит, то в глазах массы французской армии он окончательно погиб, и это соображение может заставить его в конце концов все же выступить.

Ты думаешь, повидимому, что такая война вызовет восстание в Венгрии. Я в этом сильно сомневаюсь. Австрия, конечно, выставит на галицийско-венгерской границе наблюдательный корпус против России и тем самым одновременно будет держать под ударом Венгрию. Венгерские полки (поскольку они не распределены среди своих врагов — чехов, сербов, словенцев и т. д., а в большинстве случаев это так) будут размещены в германских провинциях.

Война, конечно, приведет к серьезным и в конце концов к революционным последствиям. Но вначале она окажет поддержку бонапартизму во Франции, ослабит внутреннее движение в Англии и России, пробудит самые мелочные страсти по вопросу о национальностях в Германии и т. д. Поэтому прежде всего она окажет, по моему мнению, во всех отношениях контрреволюционное действие...

48

МАРКС — Ф. ЛАССАЛЮ

19 апреля 1859 г.

... Здесь, в Англии, классовая борьба развивается самым отчаянным образом. К сожалению, в данный момент не существует ни одной чартистской газеты, и потому вот уже около двух лет, как я вынужден был прекратить свое литературное участие в этом движении.

Перехожу теперь к «Францу фон-Зикингену»¹. Прежде всего я должен похвалить композицию и живость действия, а это больше, чем можно сказать о любой современной немецкой драме. Во-вторых, оставляя в стороне чисто критическое отношение к этой работе, она при первом чтении сильно взволновала меня, а, следовательно, на читателей, у которых в большей мере преобладает чувство, она подействует еще сильнее. Это вторая, очень важная сторона.

А теперь другая сторона медали. *Во-первых* — это чисто формальный момент, — раз уж ты писал стихами, ты мог бы отделать свои ямбы несколько более художественно. Впрочем, хотя *профессиональные поэты* и будут шокированы этой небрежностью, я в общем считаю ее преимуществом, так как у наших поэтов-эпигонов не осталось ничего, кроме формального лоска. *Во-вторых*. Задуманная тобой коллизия не только трагична, но она есть именно та самая трагическая

¹ Драма Лассаля «Франц фон-Зикинген». *Ред.*

коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848 и 1849 годов. Поэтому я могу только всецело приветствовать мысль сделать ее центральным пунктом современной трагедии. Но я спрашиваю себя, годится ли взятая тобой тема для изображения этой коллизии? Бальтазар, конечно, может вообразить, что если бы Зикинген не выдавал свой мятеж за рыцарскую расприю, а выкинул знамя борьбы против имперской власти и открытой войны с князьями, он победил бы. Но можем ли мы разделять эту иллюзию? Зикинген (а вместе с ним в известной степени и Гуттен) погиб не из-за своего собственного лукавства. Он погиб потому, что восстал против существующего или, вернее, против новой формы существующего как *рыцарь* и как *представитель гибнущего класса*. Если отнять у Зикингена то, что свойственно ему как личности с ее особыми природными склонностями, образованием и т. д., то останется Гец фон-Берлихинген. А в этом жалком субъекте воплощена в ее адекватной форме трагическая противоположность между рыцарством, с одной стороны, и императором и князьями — с другой, и потому Гете был прав, избрав его героем. Поскольку Зикинген, — а отчасти и сам Гуттен, хотя у него, как и у всех идеологов определенного класса, подобные высказывания должны были выражаться в значительно измененной форме, — выступает против князей (ведь против императора он идет только потому, что император из императора рыцарей превращается в императора князей), постольку он на самом деле просто Дон-Кихот, хотя и имеющий историческое оправдание. То, что он начинает мятеж под видом рыцарской распри, означает только, что он начинает его *по-рыцарски*. Если бы он начал его по-иному, то он должен был бы непосредственно, и притом с самого же начала, апеллировать к городам и крестьянам, т. е. как раз к тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства.

Если ты не хотел свести коллизии только к той, которая изображена в «Геце фон-Берлихингене», — а это не входило в твои планы, — то Зикинген и Гуттен должны были погибнуть, потому что они в своем воображении были революционерами (последнего нельзя сказать о Геце), и совершенно так же, как *образованное* польское дворянство 1830 г., стали, с одной стороны, проводниками современных идей, а с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса. Следовательно, не надо было, чтобы весь интерес сосредоточивался, как это происходит в твоей драме, на *дворянских* представителях революции, за чьими лозунгами единства и свободы все еще скрывается мечта о старой империи и кулачном праве. И, наоборот, представители кре-

стьян (особенно их) и революционных элементов городов должны были бы составить весьма существенный активный фон. Тогда ты мог бы в гораздо большей степени высказывать устами своих героев как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме, между тем как сейчас основной идеей остается в сущности, кроме *религиозной* свободы, гражданское *единство*. Тебе волей-неволей пришлось бы тогда в большей степени *шекспиризировать*, между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь по-шиллеровски, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени. Не совершаешь ли ты сам до известной степени, подобно твоему Францу фон-Зикингену, дипломатическую ошибку, ставя лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?..

49

ЭНГЕЛЬС — Ф. ЛАССАЛЮ

18 мая 1859 г.

...Что касается исторического содержания¹, то Вы очень наглядно и с правильным учетом дальнейшего развития изобразили обе стороны тогдашнего движения, которые Вас наиболее интересовали: национальное дворянское движение, представляемое Зикингеном, и гуманитарно-теоретическое движение с его дальнейшим развитием в теологической и церковной области, т. е. с реформацией. Больше всего мне понравились тут сцены между Зикингеном и императором и между легатом и архиепископом Трирским (здесь Вам удалось дать прекрасную индивидуальную характеристику, противопоставляя светского, эстетически и классически образованного, политически и теоретически дальновидного легата тупому немецкому князю-попу, — характеристику, которая в то же время прямо вытекает из *репрезентативного* характера обоих действующих лиц); большой меткостью отличается обрисовка характеров и в сцене между Зикингеном и Карлом. Что касается автобиографии Гуттена, *содержание* которой Вы справедливо считаете существенным, то Вы несомненно пошли на весьма рискованный шаг, вставив это содержание в драму. Очень важен также разговор между Бальтазаром и Францем в V акте, где первый излагает своему господину

¹ В этом письме Энгельс дает критику драмы Лассаля «Франц фон-Зикинген». *Ред.*

подлинно революционную политику, которой тот должен был бы следовать. Именно здесь выступает подлинно трагическое, и мне кажется, что именно эту сторону дела, ввиду ее большого значения, следовало бы несколько резче подчеркнуть уже в III акте, который дает для этого достаточно поводов. Но я опять занялся второстепенными вопросами.

Позиция городов и князей того времени также изображена во многих местах очень ярко, и таким образом более или менее исчерпаны так называемые *официальные* элементы тогдашнего движения. Но я считаю, что Вы уделите недостаточно внимания неофициальным плебейским и крестьянским элементам и сопутствующим им их теоретическим выразителям. Крестьянское движение было в своем роде столь же национально и было в такой же степени направлено против князей, как и движение дворянства, а огромный размах борьбы, в которой оно потерпело поражение, составляет резкий контраст с той легкостью, с какой дворянство, бросив Зикингена на произвол судьбы, примирилось со своим историческим призванием — раболепством. Именно поэтому и при Вашем понимании драмы, которое, как Вы, вероятно, заметили, я считаю слишком абстрактным, недостаточно реалистичным, крестьянское движение заслуживало более внимательного рассмотрения; правда, крестьянская сцена с Иоссом Фрицем характерна, и индивидуальность этого «смутьяна» изображена вполне правильно, но она не оттеняет с достаточной силой, в противовес дворянскому движению, бурно разлившийся уже тогда поток крестьянских волнений. Согласно *моему* пониманию драмы, требующему, чтобы за идеальным не забывать реалистического, за Шиллером — Шекспира, привлечение тогдашней, поразительно пестрой плебейской общественной сферы дало бы совершенно иной материал для оживления драмы, дало бы неоценимый фон для разыгрывающегося на авансцене национального дворянского движения и впервые представило бы в истинном свете само это движение. Какие только поразительно характерные образы ни дает эта эпоха распада феодальных связей в лице бродячих королей-нищих, собирающихся ландскнехтов и всякого рода авантюристов — поистине фальстафовский фон, который в исторической драме *такого* типа был бы еще эффективнее, чем у Шекспира! Но не говоря уже об этом, мне кажется, что, отодвинув на задний план крестьянское движение, Вы тем самым неверно изобразили в одном отношении и национальное дворянское движение и вместе с тем упустили из виду *подлинно* трагический элемент в судьбе Зикингена. По-моему, масса тогдашнего имперского дворянства не думала о заключении союза с крестьянами; этого не допускала его зависимость от доходов, получаемых путем

угнетения крестьян. Скорее был бы возможен союз с городами, но и он либо совсем не осуществлялся, либо осуществлялся только частично. А между тем проведение национальной дворянской революции было возможно только в союзе с городами и крестьянами, в особенности с последними. Как раз в том, на мой взгляд, и заключается трагический момент, что союз с крестьянами — это основное условие — был невозможен, что вследствие этого политика дворянства должна была по необходимости сводиться к мелочам, что в тот момент, когда оно захотело встать во главе национального движения, *масса* нации, крестьяне, запротестовала против его руководства, и оно таким образом неизбежно должно было пасть. Насколько исторически обосновано Ваше предположение, что Зикинген был все же в какой-то степени связан с крестьянами, я не могу судить. Да это и не важно. Впрочем, насколько я припоминаю, там, где в своих произведениях Гуттен обращается к крестьянам, он лишь слегка задевает щекотливый пункт об отношении к дворянству и старается направить всю ярость крестьян главным образом против попов. Но я отнюдь не хочу оспаривать у Вас права рассматривать Зикингена и Гуттена как деятелей, поставивших себе целью освобождение крестьян. Однако тут и получается то трагическое противоречие, что оба они оказались стоящими между дворянством, бывшим решительно *против* этого, с одной стороны, и крестьянами — с другой. В этом и заключалась, по моему, трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления. Упуская этот момент, Вы умаляете трагический конфликт, сводя дело к тому, что Зикинген, вместо того чтобы сразу вступить в борьбу с императором и империей, начинает борьбу только с одним князем (хотя Вы и здесь с должным тактом вводите крестьян) и гибнет просто из-за равнодушия и трусости дворянства. Эта трусость была бы совершенно иначе мотивирована, если бы Вы уже до этого сильнее подчеркнули нарастающую угрозу крестьянского движения и ставшее неизбежно более консервативным после «Союза Башмака» и «Бедного Конрада»¹ настроение дворянства. Но все это, впрочем, лишь *один* из путей, каким можно ввести в драму крестьянское и плебейское движение, и существует по крайней мере десятков других, столь же или еще более подходящих способов. . .

¹ «Союз Башмака» и «Бедный Конрад» — заговорщические крестьянско-плебейские организации, возникшие в конце XV — начале XVI вв. и ставившие своей целью упразднение крепостной зависимости и раздел церковных и монастырских земель. *Ред.*

1860 год

50

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

11 января 1860 г.

... Заметка в «Darmstädter Militärzeitung» весьма кстати. Своим памфлетом ты закрепил за собою в Германии положение военного критика. При ближайшем удобном случае ты издашь какую-нибудь вещь под своим именем и подпинешся под ней — автор «По и Рейна». Наши подлые враги постепенно убедятся, что мы импонируем публике, не спрашивая разрешения ни у нее самой, ни у ее Бет.

По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, и, с другой стороны, — движение рабов в России. Ты, конечно, заметил, что дворянство в России занялось прямой агитацией за конституцию и что два или три члена самых знатных семей уже сосланы в Сибирь. В то же время Александр испортил свои отношения и с крестьянами, заявив буквально в своем последнем манифесте, что «коммунистическое начало» должно исчезнуть вместе с освобождением. Так началось «социальное» движение на Западе и на Востоке. Вместе с предстоящим крахом в Центральной Европе это будет грандиозно.

Я только что прочел в «Трибуне», что в Миссури было новое восстание рабов, — разумеется, подавленное. Но сигнал уже дан. Если дело будет становиться все серьезнее, то что станет с Манчестером?

Леонард Хорнер покинул свой пост. Его последний краткий отчет полон горькой иронии. Не можешь ли ты разузнать, не повинны ли манчестерские фабриканты в этой отставке?

По отчетам фабричных инспекторов (с «1855 г.» до «первого полугодия 1859 г.») видно, что английская промышленность баснословно развилась с 1850 года. Состояние здоровья взрослых рабочих улучшилось со времени выхода твоего «Положения рабочего класса» (я его снова перечитал здесь в Музее), тогда как состояние здоровья детей ухудшилось (смертность).

Привет.

Твой К. М.

51

МАРКС — Ф. ФРЕЙЛИГРАТУ

29 февраля 1860 г.

Дорогой Фрейлиграт!

Мне было очень приятно получить твое письмо, так как я вступаю в дружбу лишь с очень немногими, но зато дорожу ею. Люди, бывшие моими друзьями в 1844 г., остались ими и поныне. Что же касается собственно официальной части твоего письма, то она основана на крупных недоразумениях. Поэтому скажу в пояснение следующее:

1. *Процесс Эйхгофа — Штибера*¹.

«Материал», который я доставил Юху (при этом я ему заявил, что ни он, ни Эйхгоф не заслуживают моей поддержки по двум причинам: *во-первых*, из-за того, в каком духе они писали в «*Neumann*» о Кельнском процессе; *во-вторых*, потому, что я убежден, что Эйхгоф является простым орудием в руках бывшего полицейского чиновника Дункера, который хочет отомстить Штиберу совершенно так же, как некогда в Париже Видок отомстил Жискэ; но что я, тем не менее, сделаю все возможное, чтобы содействовать падению и наказанию Штибера, хотя бы для того, чтобы отомстить за смерть моего друга д-ра Даниэльса), — этот «материал» сводится к следующему:

Я дал Юху экземпляр «Разоблачений о кельнском процессе коммунистов» — заметь, мое печатное произведение, изданное сначала в Швейцарии, а затем в Бостоне и цитируемое Фогтом в качестве общеизвестной книги, т. е. отнюдь не «секретный материал».

¹ Процесс, возбужденный берлинским прокурором против начальника прусской политической полиции Штибера на основании статей Эйхгофа, разоблачавших прусскую полицейскую систему. Прусский юнкерский суд оправдал Штибера как «спасителя государства», а Эйхгоф был приговорен к тюремному заключению. *Ред.*

Я сказал Юху, что эта книга содержит все, что я знаю. Наконец, я указал ему на то, что Левальду (защитник Эйхгофа) следует вызвать в качестве свидетеля находящегося в Гамбурге Гирша. Это было сделано. Гирш показал теперь под присягой, что «Книга протоколов» была *прусским изделием* и все остальное было также *беззаконием*.

Итак, «разоблачения», которые будут сделаны на этом процессе на основании моих «материалов», снимают с бывших членов Союза даже видимость юридической *виновности* и «разоблачают» *прусскую полицейскую систему*, которая, раз утвердившись в результате «Кельнского процесса» и гнусной трусости кельнских присяжных, выросла в Пруссии в господствующую силу, ставшую теперь, наконец, невыносимой даже для самих буржуа и для министерства Ауэрсвальда. Вот и все.

К тому же меня просто *удивляет*, что тебе могла прийти в голову мысль, будто я способен предоставить что-либо к услугам полиции. Вспомни небезызвестные тебе письма из Кельна (1849 и 1850 гг.), в которых меня *прямо* упрекали в том, что я дал заглухнуть агитационной деятельности Союза (я это сделал тогда, имея на то веские причины и уж, конечно, не из личных соображений).

2. Мой процесс против «Nationalzeitung»¹.

Прежде всего замечу, что с тех пор, как в ноябре 1852 г., по *моему предложению*, Союз [коммунистов] был распущен, я больше *никогда* не принадлежал и не принадлежу ни к какому *тайному* или *открытому* обществу, и, следовательно, *партия* в этом совершенно эфемерном смысле слова вот уже восемь лет как перестала для меня существовать. Лекции по политической экономии, которые я читал после выхода моей работы (с осени 1859 г.) некоторым избранным рабочим, в том числе и *бывшим* членам Союза, не имели ничего общего с замкнутым обществом, даже меньше, например, чем доклады г. Герстенберга в шиллеровском комитете.

Ты помнишь, что я получил от руководителей довольно разветвленного Нью-Йоркского коммунистического союза (в числе их был и Альбрехт Комп, директор «Дженераль банк», 44 Exchange Place, Нью-Йорк) прошедшее через твои руки письмо, в котором меня в сущности просили реорганизовать старый Союз. Прошел целый год, прежде чем я ответил, а затем я написал, что с 1852 г. я не связан *ни с каким* объединением и что я глубоко убежден в том, что мои теоретические работы приносят больше пользы рабочему

¹ Маркс возбудил судебное дело против «Nationalzeitung» за клеветнические статьи против него. Жалоба Маркса на газету была отклонена прусскими судебными инстанциями. *Ред.*

классу, чем участие в объединениях, время для которых на континенте миновало. После этого в лондонской «Neue Zeit» г. Шерцера не раз помещались резкие нападки на меня за эту «бездеятельность»; хотя мое имя и не упоминалось, но было совершенно ясно, о ком идет речь.

Когда Леви приехал (в первый раз) из Дюссельдорфа — он и тебя тогда часто посещал, — он вздумал даже соблазнить меня перспективой восстания фабричных рабочих в Изерлоне, Золингене и пр. Я резко высказался против такого бесполезного и опасного *безумства*. Кроме того, я ему заявил, что не принадлежу больше ни к какому «союзу» и ни в коем случае *не могу* вступать в такого рода объединения, хотя бы уже потому, что подобные связи опасны для наших людей в Германии. Леви вернулся в Дюссельдорф и, как мне вскоре оттуда написали, с большой похвалой отзывался о тебе, всячески обличая в то же время мое «доктринерское» безразличие.

Итак, о «партии» в том смысле, в каком ты о ней пишешь, я *ничего* не знаю начиная с 1852 года. Если ты — *поэт*, то я — *критик*, и, право, с меня хватит опыта 1849 — 1852 годов. «Союз», так же как и «Общество времен года» в Париже¹, как сотни других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, которая повсюду стихийно вырастает на почве современного общества.

В Берлине мне нужно доказать две вещи (я имею в виду старую и уже устарелую историю с Союзом):

Во-первых, что с 1852 г. не существует общества такого рода, членом которого я бы состоял.

Затем, что г. Фогт — *гнуснейший клеветник*, поскольку он забрасывает существовавшее до 1852 г. общество коммунистов худшей грязью, чем забрасывал это общество Теллеринг.

Последнее ты, несомненно, сам можешь подтвердить, и *твое письмо к Руге* (написанное летом 1851 г.) служит доказательством того, что в течение периода, о котором здесь *только и идет речь*, ты рассматривал подобного рода нападки как направленные и против тебя лично.

Заявление в «Morning Advertiser», «Spectator», «Examiner», «Leader», «People's Paper» было подписано также и тобой. *Одна* из копий этого заявления находится среди *судебных материалов Кельнского процесса*.

К тому же ты не сделал никаких возражений, когда об этом было вновь упомянуто в моих «Разоблачениях» (стр. 47 *бостонского* издания)².

¹ «Общество времен года» — заговорщическое тайное общество (1837—1839), руководимое Бланки. *Ред.*

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 536. *Ред.*

Ты фигурировал также в качестве казначея в нашем печатном воззвании по сбору пожертвований в пользу осужденных.

Впрочем, едва ли нужно напоминать об этом.

Но совершенно необходимо, чтобы мой берлинский адвокат имел в руках следующее мое письмо Энгельсу, которое является юридическим документом, так как было послано без конверта и на нем имеются оба почтовых штемпеля — Лондона и Манчестера:

«Лондон, 19 ноября 1852 г.
28, Deanstreet, Soho.

Дорогой Энгельс! В прошлую среду Союз, по моему предложению, *распустил себя* и *объявил* также *несвоевременным* дальнейшее существование Союза на континенте. Впрочем, на континенте он фактически уже не существует со времени ареста Бюргерса и Резера. Прилагаю *заявление* для английских газет и т. д. Кроме того, я пишу литографированную корреспонденцию (вместо нее я выпустил впоследствии у Шабелица брошюру) ¹ с подробным изложением *полицейских безобразий* и пр., а для Америки — воззвание о жертвованиях в пользу арестованных и их семейств. *Казначей — Фрейлиграт*. Подписано всеми нашими людьми. (Остальные несколько строк не имеют значения.)

Твой К. М.»

В подобном документе я, разумеется, не могу вычеркнуть *ни одного имени*. Это единственный случай, когда я пользуюсь твоим именем с целью *установления факта*, а именно факта *распуска Союза*, поскольку твое имя случайно встречается в *моем* письме от 1852 года. Я не вижу в этом ничего для тебя компрометирующего.

Одно твое письмо, написанное в 1851 г., я хотел бы использовать для брошюры, которая выйдет *после* процесса ². В нем нет абсолютно *ничего* компрометирующего в юридическом смысле. Но так как это продлится еще много недель, то я переговорю с тобой по этому поводу лично.

Из вышесказанного следует:

«Собрания, постановления и выступления партии» *после 1852 г.* относятся к *миру фантазии*, о чем ты, Впрочем, мог бы знать и без моих заверений и, судя по твоим весьма многочисленным письмам ко мне, повидимому, знал.

Единственная деятельность, которую я вместе с несколькими *единомышленниками* по ту сторону океана продолжал

¹ К. Маркс. «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов». *Ред.*

² Памфлет Маркса «Господин Фогт». *Ред.*

и после 1852 г., пока это было нужно, т. е. до конца 1853 г., — была «система презрительных насмешек», как окрестил ее г. Людвиг Симон в 1851 г. в «Трибуне», насмешек над *демократическим эмигрантским жульничеством и игрой в революцию*. Твое стихотворение против Кинкеля, так же как и твоя переписка со мной в течение этого времени, доказывают, что ты был в этом со мной вполне солидарен.

Впрочем, это не имеет никакого отношения к предстоящим процессам.

Теллеринг, Бандя, Флери и др. *никогда* не принадлежали к «Союзу». Что в бурю поднимается пыль, что во время революции не пахнет розовым маслом и что время от времени кто-нибудь оказывается забрызганным грязью, это — несомненно. Или — или. Однако, если принять во внимание, какие огромные усилия употребляет весь официальный мир в борьбе против нас, официальный мир, который, чтобы нас погубить, не только слегка нарушал уголовный кодекс, а прошел через всю уголовщину; если принять во внимание грязную клевету «демократии глупости», которая не может простить, что у нашей партии больше ума и характера, чем у нее самой; если известна история всех остальных партий *того же периода*; если, наконец, спросить себя, какие же факты (а не *гнуности* какого-нибудь Фогта и Теллеринга, которые можно опровергнуть перед судом) могут быть выдвинуты против всей партии, — то приходишь к заключению, что в этом XIX столетии наша партия выделяется своей *чистотой*.

Разве в обиходе и деловых отношениях буржуазного общества возможно избежать грязи? Как раз там ее естественное место. Пример — сэр Р. Карден (см. парламентскую «Синюю книгу» о подкупах на выборах); пример — г. Клапка, о личности которого я теперь получил самые точные сведения. Клапка ни на иоту не лучше, пожалуй даже хуже, чем Бандя, которому, впрочем, он и Кошут, несмотря на его черкесские подвиги и на *мои* публичные разоблачения, *до сих пор* в Константинополе оказывают протекцию, только потому, что он *слишком близко* заглянул им в карты...

Респектабельную подлость или подлую респектабельность платежеспособной (впрочем, и это, как показывает всякий торговый кризис, лишь с весьма двусмысленными оговорками) морали я не ставлю ни на грош выше нереспектабельной подлости, от которой не были вполне свободны ни первые христианские общины, ни Клуб якобинцев, ни наш покойный «Союз». Только при буржуазных взаимоотношениях привыкаешь к тому, что теряется чувствительность к респектабельной подлости или подлой респектабельности...

1861 год

52

МАРКС — Ф. ЛАССАЛЮ

16 января 1861 г.

... Очень значительна работа Дарвина¹, она годится мне как естественно-научная основа исторической борьбы классов. Приходится, конечно, мириться с грубо английской манерой изложения. Но, несмотря на все ее недостатки, здесь впервые не только нанесен смертельный удар «телеологии» в естественных науках, но и эмпирически выяснен ее рациональный смысл...

53

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

27 февраля 1861 г.

... По вечерам я читал для отдыха Аппиана о гражданских войнах в Риме, в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной основы этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий полководец (не Гарибальди), благородный характер истинный представитель античного пролетариата. Помпей же — настоящая дрянь; он незаслуженно прославился благодаря тому, что присвоил себе сначала успехи Лукулла (против Митридата), затем успехи Сертория (в

¹ Ч. Дарвин. «Происхождение видов путем естественного отбора». Ред.

Испании) и т. п., наконец, в качестве «юного наперсника» Суллы и т. д. Как полководец, он — римский Одилон Барро. Как только ему пришлось показать в борьбе против Цезаря, чего он стоит, обнаружилось его ничтожество. Цезарь совершал крупнейшие военные ошибки, намеренно нелепые, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой заурядный римский полководец, какой-нибудь Красс, шесть раз разбил бы Цезаря во время Эпирской войны. Но с Помпеем можно было себе все позволить. Мне кажется, что Шекспир, когда писал комедию «Бесплодные усилия любви», имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был на деле.

Привет.

Твой К. М.

1862 год

54

МАРКС — И.-Ф. БЕККЕРУ

26 февраля 1862 г.

...Что касается подписки на Вашу работу¹, то я сделаю *все возможное*, но мало рассчитываю на успех. Организованная в различные союзы сволочь, за исключением не имеющего *никаких средств* Рабочего просветительного общества, настроена вся *конституционно*, даже в духе прусского Национального союза². Эти молодцы скорее согласились бы дать денег на то, чтобы запретить книгу, подобную Вашей. Ведь эти немцы, молодежь и старики, — все мужчины благородные, солидные, с практической сметкой; таких людей, как мы с Вами, они считают за незрелых глупцов, все еще не излечившихся от революционного фантазерства. А отечественная сволочь не лучше, чем здесь за границей. Во время моего пребывания в Берлине и т. д. я убедился, что совершенно напрасны все попытки воздействовать на этих каналов *литературными средствами*. Самодовольная глупость этих субъектов, для которой жалкая немецкая пресса является прекрасным жизненным эликсиром, просто невероятна. К этому присоединяется еще духовная вялость. *Дубина* — вот единственное средство, чтобы расшевелить немецкого Михеля, который, потеряв свои философские иллюзии и отдавшись делу наживы, делу «малой Германии» и «практическому конституционализму», стал теперь пошлым, бездарным клоуном...

¹ Речь идет о работе И.-Ф. Беккера «Как и когда», посвященной вопросам образования и воспитания. *Ред.*

² «Национальный союз» — основанное осенью 1859 г. политическое объединение немецкой крупной буржуазии, ставившее себе целью создание «малой Германии», т. е. объединение всех немецких государств, за исключением Австрии, под гегемонией Пруссии. Впоследствии «Национальный союз» поддерживал политику Бисмарка. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

23 мая 1862 г.

... Мак-Клеллан продолжает все в том же духе. Конфедераты¹ постоянно ускользают от него, потому что он никогда не обрушивается на них, объясняя это тем, что они значительно сильнее его. Оттого-то они все время, очевидно, и удирают. Ни одна война никогда еще не велась таким образом, и его еще поблагодарят за это. Между тем, этих маленьких злосчастных боев при отступлении и этого постоянного бегства достаточно, чтобы сильно деморализовать конфедератов, и это скажется, когда дело дойдет до решительного сражения.

Взятие Нового Орлеана — мастерская операция со стороны флота. Великолепно, в частности, прохождение мимо фортов. После этого все остальное уже было просто. Морально это, очевидно, очень сильно подействовало на конфедератов, да и материальный эффект уже, наверное, сказался. Борегару теперь нечего защищать в Коринфе. Эта позиция имела смысл, лишь пока она прикрывала Миссисипи и Луизиану и, в особенности, Новый Орлеан. Борегар попал стратегически в такое положение, когда одно проигранное сражение не оставляет ему иного выхода, как разбить свою армию на ряд партизанских отрядов, ибо, не имея в своем тылу крупного города, куда сходились бы железные дороги и где были бы сосредоточены ресурсы, он *не сможет* удержать вместе большую массу войска.

Если армия конфедератов в Виргинии будет разбита, то она после всех предшествующих деморализующих историй скоро сама распадется на ряд партизанских отрядов. Правда, эта армия находится в лучшем положении, потому что на пути ее отступления имеется ряд рек, пересекающих страну от горного хребта к морю, и потому что ее противником является этот осел Мак-Клеллан. Но сама логика вещей заставит ее либо принять решительный бой, либо *без боя* распасться на банды. Совершенно так же, как русские были вынуждены биться под Смоленском и Бородино *против* воли генералов, правильно расценивавших положение.

Если Борегар или виргинская армия даже выиграют сражение, хотя бы и самое большое, то это им мало поможет.

¹ Армия южных рабовладельческих штатов во время гражданской войны в Северной Америке (1861—1865 гг.), называвшаяся так по имени Конфедерации этих штатов, созданной ими после выхода из Союза в начале 1861 г. *Ред.*

Конфедераты не смогут извлечь из этого никакой пользы. Они не могут продвинуться вперед и на 20 английских миль, не застрыв где-нибудь, и вынуждены, стало быть, ждать нового нападения. У них нехватка во всем. Впрочем, такой случай я считаю совершенно невозможным без прямого предательства.

Вся судьба армий Конфедерации зависит теперь, стало быть, от одной-единственной битвы. Остается еще лишь взвесить шансы партизанской войны. Но поразительнее всего в этой войне как раз то, как мало участвует в ней население, вернее, совсем не участвует. В 1813 г. коммуникационные линии французов непрерывно нарушались и прерывались Колломбом, Люцовым, Чернышевым и десятками других партизанских вождей и казачьих атаманов; в 1812 г. в России население совершенно исчезло с пути французского продвижения; в 1814 г. французские крестьяне вооружились и убивали патрули союзников и отставших солдат. Здесь же ничего не происходит. Люди покорно ждут, *чтобы их судьбу решили крупные сражения*, и утешают себя мыслью, что «победа угодна богам» и т. д. Хвастали, что будут драться «до конца», а на поверку все это оказалось чистойшей чепухой. Разве мыслима на такой почве партизанская война? Правда, я допускаю, что после окончательного разложения армий «белый сброд» Юга попытается устроить что-нибудь в этом роде, но я слишком убежден в буржуазной природе плантаторов, чтобы хоть на миг усомниться в том, что это немедленно сделает их ярыми сторонниками Союза. Как только те начнут свои «набеги», плантаторы повсюду станут встречать янки с распростертыми объятиями. В «иллюминации» у Миссисипи повинны целиком два кентуккийца, приехавшие будто бы из Луизвиля отнюдь не по Миссисипи. Пожар в Новом Орлеане было легко устроить, и это будет повторяться и в других городах; да и вообще многое будет сожжено. Но это неизбежно приведет к полному разрыву между плантаторами и купцами, с одной стороны, и «белым сбродом» — с другой стороны, и тогда вся сецессия полетит к чорту.

Фанатическая преданность ново-орлеанских купцов Конфедерации объясняется просто тем, что у них масса конфедеральных долговых обязательств, которые они вынуждены были принять вместо звонкой монеты. Я знаю здесь целый ряд таких случаев. Этого не следует забывать. Хороший принудительный заем — это отличное средство приковать буржуа к революции, так как в этом случае его классовые интересы отступают на второй план перед его личными интересами.

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

56

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

18 июня 1862 г.

... В общем я теперь усиленно работаю, и, как это ни странно, моя черепная коробка уже много лет не работала так хорошо, как сейчас, при всей окружающей меня нищете. Я значительно расширю этот том, так как немецкие собаки измеряют ценность книги ее кубическим объемом. Попутно я уже, наконец, разделался окончательно с поганой земельной рентой (которой, однако, в этой части рабсты *не* хочу даже и *бегло касаться*). У меня уже давно были сомнения относительно полной правильности теории Рикардо, а теперь я, наконец, вскрыл обман. С тех пор как мы не виделись, я открыл также ряд очень интересных и неожиданно новых вещей, которые войдут уже в этот том.

У Дарвина, которого я снова просмотрел, меня забавляет его утверждение, что он применяет «мальтусовскую» теорию *также* к растениям и животным, между тем как у г. Мальтуса вся соль как раз в том, что его теория применяется *им не* к растениям и животным, а *только* к людям — [размножающимся] в геометрической прогрессии — в противоположность растениям и животным. Замечательно, что Дарвин в мире животных и растений вновь узнает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование». Это — гоббсова «война всех против всех», и это напоминает Гегеля в «Феноменологии», где гражданское общество изображается как «духовное животное царство», тогда как у Дарвина царство животных фигурирует в виде гражданского общества...

57

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

2 августа 1862 г.

Дорогой Фредерик!

Большое спасибо за 10 фунтов.

Мне очень неприятно, что тебе из-за меня приходится стеснять себя в денежном отношении, но что поделаешь? Кто может противостоять такому кризису, как американский? К тому же мне особенно не повезло, что я связался с такой паршивенькой газеткой, как венская «Presse», иначе она могла бы в какой-то степени заменить мне «Трибуну». Не ду-

маешь ли ты, что настало время обратиться, скажем, в «Evening Post» (аболиционистская газета в Нью-Йорке) с предложением своих корреспондентских услуг?

Прямо чудо, что мне все же удалось в такой степени продвинуть свои теоретические работы. Я все-таки собираюсь дать теорию ренты уже в этом томе; я включу ее в виде вставки, как «иллюстрацию» к выдвинутому уже раньше положению. Хочу изложить тебе в двух словах эту *весьма пространную и запутанную в подробном изложении историю*, чтобы ты мог *сообщить мне свое мнение*.

Ты знаешь, что я различаю две части капитала: *постоянный капитал* (сырье, вспомогательные материалы, машины и пр.), стоимость которого лишь *вновь проявляется* в стоимости продукта, и затем *переменный капитал*, т. е. капитал, затраченный на заработную плату и содержащий меньшее количество овеществленного труда, чем рабочий отдает взамен его. Например, если ежедневная заработная плата равна 10 часам, а рабочий работает 12 часов, то он возмещает переменный капитал плюс $\frac{1}{5}$ последнего (2 часа). Этот избыток я называю *прибавочной стоимостью* (surplus value).

Предположим, что *норма прибавочной стоимости* (т. е. длина рабочего дня и избыток прибавочного труда сверх необходимого труда, который рабочий выполняет для воспроизводства заработной платы) дана, например, она равна 50%. В таком случае рабочий при 12-часовом рабочем дне работал бы 8 часов на себя, а 4 часа (8 : 2) на хозяина. Предположим, что это отношение существует во всех отраслях промышленности, так что возможные колебания среднего рабочего времени являются лишь компенсацией за большую или меньшую трудность работы и т. д.

В таком случае при *равномерной* эксплуатации рабочих в различных отраслях промышленности различные капиталы *равной величины* дадут в *различных* сферах производства *весьма различные* суммы прибавочной стоимости и отсюда *весьма различные нормы прибыли*, так как [норма] прибыли есть не что иное как отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу. Это будет зависеть от *органического состава* капитала, т. е. от его деления на постоянный и переменный капитал.

Предположим, как мы сделали выше, что прибавочный труд составляет 50%. Значит, если, например, 1 фунт стерлингов = рабочему дню (все равно, можно подразумевать под этим рабочую неделю и т. п.), рабочий день равен 12 часам, а необходимый труд (воспроизводящий заработную плату) равен 8 часам, то заработная плата 30 рабочих (или за 30 рабочих дней) будет равна 20 фунтам, стоимость же их труда равна 30 фунтам; переменный капитал на одного

рабочего (в день или неделю) равен $\frac{2}{3}$ фунта, а создаваемая рабочим стоимость равна 1 фунту. Сумма прибавочной стоимости, производимой капиталом в 100 фунтов в различных отраслях промышленности, будет весьма различна в зависимости от того отношения, в каком капитал в 100 фунтов делится на постоянный и переменный капитал. Назовем постоянный капитал C , а переменный V . Если, например, в хлопчатобумажной промышленности состав капитала был бы C 80, V 20, то стоимость продукта была бы равна 110 (при 50% прибавочной стоимости или прибавочного труда). Масса прибавочной стоимости составила бы 10 и норма прибыли — 10%, ибо [норма] прибыли равняется отношению 10 (прибавочная стоимость) к 100 (общая стоимость затраченного капитала). Предположим, что в крупных портняжных мастерских состав капитала такой: C 50, V 50, так что продукт равен 125, прибавочная стоимость (при норме в 50%, как и выше) равна 25 и норма прибыли равна 25%. Возьмем другую отрасль промышленности, в которой существует отношение: C 70, V 30, тогда продукт равен 115, норма прибыли равна 15%. Наконец, возьмем отрасль, в которой состав — C 90, V 10, тогда продукт равен 105 и норма прибыли равна 5%.

Мы имеем здесь при *одинаковой эксплуатации* труда весьма различные суммы прибавочной стоимости, а отсюда и весьма различные нормы прибыли для капиталов равной величины, приложенных в различных отраслях.

Возьмем все 4 вышеуказанных капитала вместе, и мы получим:

	Стоимость продукта		
1. C 80, V 20	110	Норма прибыли =	10%
2. C 50, V 50	125	»	» = 25%
3. C 70, V 30	115	»	» = 15%
4. C 90, V 10	105	»	» = 5%
			Норма прибавочной стоимости во всех случаях = 50%

Капитал = 400

Прибыль = 55

Это дает на каждые 100 фунтов норму прибыли в $13\frac{3}{4}\%$.

Если рассматривать *совокупный капитал* (400) *класса* [капиталистов], то норма прибыли = $13\frac{3}{4}\%$, а капиталисты — братья. Конкуренция (перенесение капитала или отлив капитала из одной отрасли в другую) приводит к тому, что *равновеликие* капиталы в *различных* отраслях, несмотря на их различный органический состав, приносят *одну и ту же среднюю* норму прибыли. Другими словами: *среднюю* прибыль, которую приносит капитал, скажем, в 100 фунтов, вложенный в известную отрасль, он приносит не в качестве данного, особо примененного капитала и, стало быть, не в том отношении, в каком он сам производит прибавочную стоимость, а в качестве *соответствующей части* совокупного капитала клас-

са капиталистов. Это — доля, дивиденды по которой уплачиваются пропорционально ее размерам из всей суммы прибавочной стоимости (или неоплаченного труда), производимой всем переменным (т. е. затраченным на заработную плату) капиталом класса [капиталистов].

Для того, чтобы в приведенном примере [владельцы капиталов] 1, 2, 3, 4 получили одну и ту же *среднюю прибыль*, каждый из них должен продавать свои товары за $113\frac{3}{4}$ фунтов. 1 и 4 будут продавать их *выше* их стоимости, 2 и 3 — *ниже* их стоимости.

Эта установленная таким образом *цена*, равная затратам капитала плюс средняя прибыль (например, 10%), и есть то, что Смит называет *естественной ценой, ценой производства* и т. д. Это та *средняя цена*, к которой конкуренция между различными отраслями (путем перенесения капитала или отлива капитала) сводит цены в различных отраслях производства. Конкуренция, следовательно, сводит товары *не* к их *стоимости*, а к их *ценам производства*, которые, в зависимости от органического состава капиталов, бывают то *выше*, то *ниже*, то *равны* их *стоимостям*.

Рикардо смешивает *стоимости* и *цены производства*. Поэтому он думает, что если бы существовала *абсолютная рента* (т. е. рента, *не зависящая* от разницы в плодородии различных сортов земли), то земледельческие продукты и пр. продавались бы постоянно *выше своей стоимости*, ибо они продавались бы *выше цены* производства (авансированный капитал плюс средняя прибыль). Это опровергало бы основной закон. Таким образом, он отрицает абсолютную ренту и признает только дифференциальную ренту.

Но его отождествление *стоимостей* товаров с *ценами производства товаров* в корне неправильно; он перенял это по традиции от А. Смита.

Дело обстоит так:

Допустим, что *средний* состав всего *не* земледельческого капитала — С 80 и V 20, тогда продукт (при 50% норме прибавочной стоимости) будет равен 110 и норма прибыли — 10% .

Допустим далее, что *средний* состав *земледельческого капитала* — С 60, V 40. (По данным статистики эти цифры для Англии довольно близки к действительности; скотоводческие ренты и т. д. в данном случае безразличны, ибо они определяются не сами по себе, а хлебной рентой.) Тогда продукт — при той же степени эксплуатации труда, что и выше, — будет равен 120 и норма прибыли равна 20% . Поэтому, если фермер продает земледельческий продукт по *его стоимости*, то он продает его за 120, а не за 110, не по *цене производства*. *Земельная собственность*, однако, препятствует тому, чтобы фермер, подобно своим братьям-капиталистам, приравнивал

стоимость продукта к его *цене производства*. Конкуренцией капиталов нельзя этого добиться. Тут вмешивается земельный собственник и присваивает себе *разницу между стоимостью и ценой производства*. Небольшая величина постоянного капитала по сравнению с переменным вообще является выражением низкого (или относительно низкого) развития производительной силы труда в той или иной сфере производства. Поэтому, если средний состав земледельческого капитала равняется, например, $C\ 60, V\ 40$, тогда как средний состав неземледельческого капитала равен $C\ 80, V\ 20$, то это доказывает, что земледелие не достигло еще той степени развития, какой достигла промышленность. (Это вполне понятно, так как, не говоря уже об всем остальном, промышленность основывается на более старой науке — механике, а земледелие — на совершенно новых науках: химии, геологии, физиологии.) Если отношение в земледелии будет равно $C\ 80, V\ 20$ (при вышеуказанных условиях), тогда *абсолютная рента* отпадает. Остается одна *дифференциальная рента*, теорию которой я развиваю таким образом, что рикардовская предпосылка о непрерывном ухудшении земледелия становится в высшей степени смешной и произвольной.

По поводу вышеприведенного определения *цены производства* в отличие от *стоимости* нужно еще заметить, что кроме различия между постоянным капиталом и переменным капиталом, различия, вытекающего из *непосредственного процесса производства* капитала, имеется еще различие между *основным и оборотным капиталом*, вытекающее из *процесса обращения* капитала. Но если бы я принял в расчет еще и это, то формула получилась бы слишком сложной.

Вот тебе, в грубых чертах, — ибо вещь эта довольно сложная, — критика рикардовской теории. Ты должен будешь во всяком случае признать, что благодаря тому, что учитывается *органический состав капитала*, отпадает множество кажущихся противоречий и проблем.

Кстати! Для определенной цели, о которой я тебе сообщу в следующем письме, было бы *очень желательно*, чтобы ты прислал мне подробную военную критику (политическую я сделаю сам) лассалевско-рюстовских освободительных фантазий.

Твой К. М.

Привет дамам.

Имандт предупредил о своем приезде. Итциг¹ уезжает в понеделник.

Ты увидишь, что при моем понимании «абсолютной ренты» *земельная собственность* в самом деле (при известных исто-

¹ Ф. Лассаль. Ред.

рических условиях) *удорожает* цены на сырье. С коммунистической точки зрения это можно хорошо использовать.

Если вышеизложенная точка зрения правильна, то совсем *не обязательно*, чтобы *абсолютная рента* уплачивалась при всех обстоятельствах и с земель *всякого сорта* (если даже принять предположенный выше состав земледельческого капитала). Она не выплачивается там, где — фактически или юридически — *нет собственности на землю*. В этом случае применение капитала в земледелии не встречает особенных препятствий. И капитал движется в этой стихии столь же непринужденно, как и во всякой другой. Тогда продукты земледелия продаются, как это постоянно бывает с массой продуктов промышленности, *ниже* своей стоимости, по *цене производства*. Фактически *земельная собственность* может отпасть также и в том случае, когда капиталист и земельный собственник соединяются в одном лице и т. д.

Но здесь не стоит останавливаться на этих деталях.

Просто дифференциальная рента, — которая возникает не из-за того, что капитал вложен в землю, а не в какую-либо другую область применения капитала, — не представляет в географическом отношении никаких трудностей. Она — не что иное, как сверхприбыль, существующая в любой сфере промышленного производства для любого капитала, действующего в условиях выше средних. Только в земледелии она упрочивается, так как имеет под собой такую солидную и (относительно) прочную основу, как различные степени естественного плодородия различных сортов земли.

7 августа 1862 г.

...С твоими взглядами на американскую гражданскую войну я не совсем согласен. Я не думаю, что все пропало. Во главе северян с самого начала стояли представители пограничных рабовладельческих штатов, которые и выдвинули на первое место Мак-Клеллана, этого старого приверженца Брекинриджа. Юг же с самого начала действовал единодушно. Север сам превратил рабство в военную силу Юга, вместо того чтобы повернуть его против последнего. Юг сваливает весь производительный труд на плечи рабов, и это дало ему возможность беспрепятственно бросить все свои боевые силы на фронт. У него имелось единое военное командование,

а у Севера нет. Из всех операций кентуккийской армии после захвата Теннесси ясно, что никакого стратегического плана у северян не было. По моему мнению, вся эта история скоро примет иной оборот. Север, наконец, начнет вести войну всерьез и прибегнет к революционным средствам, устранив от руководства людей из пограничных рабовладельческих штатов. Даже один только полк, составленный из негров, окажет поразительное действие на нервы южан.

Трудность получить 300.000 человек кажется мне чисто политической. Северо-запад и Новая Англия стремятся заставить и заставят правительство отказаться от своего прежнего дипломатического способа ведения войны; они вырабатывают теперь условия, на которых будут выставлены эти 300.000 человек. Если Линкольн не уступит (а он уступит), то произойдет революция.

Что касается недостатка в военных талантах, то практиковавшийся до сих пор способ выбора генералов, исключительно по дипломатическим и партийным соображениям, вряд ли особенно способствовал выдвиганию талантов. Все же генерал Поп кажется мне энергичным человеком.

Что касается финансовых мероприятий, то они неискусны, как и следовало ожидать в стране, где до сих пор (для всего государства в целом) никаких налогов, в сущности, не существовало, но все же они далеко не так бессмысленны, как мероприятия Питта и К^о. Теперешнее обесценение денег объясняется, на мой взгляд, не экономическими, а чисто политическими причинами — недоверием. С изменением политики это, стало быть, изменится.

Короче говоря, я считаю, что подобные войны надо вести революционно, янки же до сих пор пытались вести ее конституционно.

Привет.

Твой К. М.

9 августа 1862 г.

...Что касается *теории ренты*, то я, конечно, должен сперва дождаться твоего письма. Но для того, чтобы упростить «дебаты», как сказал бы Генрих Бюргерс, скажу следующее:

1. Единственно, что я должен *теоретически* доказать, это *возможность* абсолютной ренты без нарушения закона стоимости. Это тот пункт, вокруг которого вертится *теоретический* спор со времени физиократов и до наших дней. Рикардо отри-

дает эту возможность; я ее утверждаю. Я утверждаю в то же время, что его отрицание основывается на теоретически ложной, перенятой от А. Смита догме — на предполагаемом тождестве *цен производства* и *стоимостей товаров*. Я утверждаю далее, что во всех тех случаях, когда Рикардо иллюстрирует вопрос *примерами*, он постоянно предполагает такие условия, при которых либо не существует капиталистического производства, либо не существует — фактически или юридически — *земельной собственности*. А ведь дело идет именно о том, чтобы исследовать закон при наличии этих вещей.

2. Что касается *существования* абсолютной земельной ренты, то это такой вопрос, который следовало бы разрешать для каждой страны *на основании статистики*. Но важность чисто теоретического решения явствует из того, что вот уже в течение 35 лет статистики и вообще практики отстаивают наличие абсолютной земельной ренты, а (рикардовские) теоретики путем весьма искусственных и теоретически слабых абстракций пытаются его опровергнуть. До сих пор я всегда убеждался, что в подобного рода спорах теоретики постоянно оказываются неправыми.

3. Я доказываю, что если даже допустить существование абсолютной земельной ренты, то из этого вовсе еще не следует, что худшая из всех обрабатываемых земель или худший рудник при всех обстоятельствах уплачивает ренту; наоборот, очень возможно, что они вынуждены продавать свои продукты по рыночной стоимости, но *ниже их индивидуальной* стоимости. Чтобы доказать противное, Рикардо все время предполагает, — а это теоретически неверно, — что рыночную стоимость, при всяких рыночных условиях, всегда определяет товар, произведенный при *самых неблагоприятных* условиях. Против этого ты выставил правильные возражения еще в «Deutsch-Französische Jahrbücher».

Вот что я хотел добавить относительно ренты...

15 ноября 1862 г.

...С нетерпением ожидаю парохода, который должен привезти известия о нью-йоркских выборах¹. Если демократы победят в штате Нью-Йорк, то я уже не знаю, что и думать об этих янки. Никак не могу понять, каким образом народ,

¹ Выборы губернатора штата Нью-Йорк; избранным оказался кандидат демократической партии Сеймур. *Ред.*

поставленный перед великой исторической дилеммой, когда дело идет о его собственном существовании, может после восемнадцатимесячной борьбы стать в своей массе реакционным и голосовать за малодушную уступчивость. Хотя это и хорошо, что буржуазная республика основательно оскандалилась также и в Америке, так что в будущем уже нельзя будет проповедывать ее как самоцель, а придется говорить о ней только как о средстве и переходной форме к социальной революции, но все же меня злит, что какая-то паршивая олигархия с населением в два раза меньшим оказывается столь же сильной, как и неуклюжая, большая, беспомощная демократия. К тому же, если демократы победят, то безусловно возьмет верх бравый Мак-Клееллан и уэст-пойнты¹, и тогда всему делу конец. Эти люди способны заключить мир, если Юг вернется в Союз на том условии, что президентом должен быть всегда южанин, а Конгресс должен состоять из равного числа южан и северян. Более того, они способны немедленно объявить Джефферсона Дэвиса президентом Соединенных Штатов и отказаться от пограничных штатов, если иначе нельзя будет добиться мира. И тогда прощай, Америка!

Провозглашенная Линкольном эмансипация² также не имела до сих пор другого действия, кроме того, что Северо-запад голосовал за демократов из страха перед чрезмерным наплывом негров.

Переходя от великого к малому, что ты скажешь о бравом Вильгельме³? Он, наконец, опять стал самим собой; покаялся в своих либеральных прегрешениях и сказал хромой Елизавете: «мать, я согрешил». За это господь даровал ему власть рассеять хилую рать либералов, и тогда Вильгельм сказал: «для этого мне нужны солдаты». Он так разъярен, что даже Бисмарк кажется ему уже недостаточно реакционным. Что ты, Шаппер, глуп — это мы знаем, и это ты сам знаешь, но что ты *так глуп* и т. д. и т. д. Дела идут блестяще. Что может быть лучше такого положения, когда либеральная буржуазия через 14 лет после 1848 г. оказывается поставленной перед самой крайней революционной дилеммой из-за каких-то дрянных 6 млн. талеров, т. е. 850 000 фунтов стерлингов⁴.

¹ Энгельс имеет в виду элементы, сочувствующие рабовладельцам. Уэст-Пойнт — единственное военное училище в Соединенных Штатах перед гражданской войной, пополнявшееся почти исключительно за счет молодежи из рабовладельческих семейств пограничных и южных штатов. *Ред.*

² Декларация Линкольна о предстоящей отмене рабства на территории мятежных штатов с 1 января 1863 г. *Ред.*

³ Прусский король Вильгельм I. *Ред.*

⁴ Речь идет о так называемом «конституционном конфликте» — конфликте между королем и палатой по поводу увеличения расходов на армию в связи с ее реорганизацией. *Ред.*

Только бы этот старый осел снова не сдал. Правда, сейчас он рвется в бой, но у этих пруссаков нельзя полагаться ни на что, даже на их глупость. Если и дальше дела пойдут таким образом, то драка совершенно неминуема, и когда дело дойдет до крайности, то Вильгельм будет удивлен, услышав, в каком тоне разговаривают «военные»; простые солдаты постараются отблагодарить его за то, что он заставляет их сражаться за трехлетний срок службы вместо двухлетнего.

Сердечный привет твоей жене и девочкам.

Твой Ф. Э.

1863 год

61

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

28 января 1863 г.

... В прошлом письме я запрашивал тебя относительно сельфактора. Вопрос в следующем: в чем заключалась работа так называемого прядильщика до изобретения сельфактора? Сельфактор для меня понятен, но я не понимаю, что было до него.

Я пополняю сейчас главу о машинах. Там есть ряд любопытных вопросов, которые я обошел при первой обработке. Для того, чтобы уяснить себе все это, я перечитал целиком свои тетради (выписки) по технологии и слушаю практический (чисто экспериментальный) курс для рабочих профессора Уиллиса (на Jermynstreet в Геологическом институте, где читал свои лекции и Гексли). С механикой у меня та же история, что и с языками. Математические законы я понимаю, но простейшая техническая реальность, связанная с наглядным представлением, дается мне труднее, чем самому большому тупице.

Ты знаешь, а может быть, и не знаешь, — ибо дело это само по себе не представляет интереса, — что ведутся большие споры по поводу того, чем отличается *машина* от *орудия*. Английские механики (математики) со свойственным им упрощением называют орудие простой машиной, а машину сложным орудием. Английские же технологи, несколько больше считающиеся с экономической стороной вопроса (а за ними и многие, даже большинство английских экономистов), видят их различие в том, что в одном случае двигательной силой является человек, а в другом случае — сила природы. Немецкие ослы, которые в таких мелочах особенно отличаются, сделали отсюда вывод, что *плуг*, например, есть машина, а сложнейшая «Дженни»¹ и т. п.,

¹ «Дженни» — бумагопрядильная машина, изобретенная в 1765 г. англичанином Харгривсом и названная так в честь его дочери. *Ред.*

раз она приводится в движение рукой, — не машина. Но, если мы взглянем на машину в ее *элементарной* форме, то нам станет совершенно ясно, что промышленная революция начинается не с *двигательной силы*, а с той части машины, которую англичане называют *working machine* [рабочая машина]. Таким образом, суть дела не в замене, например, поги, приводившей в движение прялку, водой или паром, а в изменении самого непосредственного процесса прядения и в вытеснении не той части человеческой работы, где человек действует как простая сила (как, например, нажатие на педаль колеса), а той, которая относится к обработке, к непосредственному воздействию на обрабатываемые материалы. С другой стороны, столь же очевидно, что если речь идет не об *историческом* развитии машин, а о машинах на основе нынешнего способа производства, то единственно решающей является *рабочая машина* (например, у швейной машины), ибо раз этот процесс уже механизирован, то всякий теперь знает, что механизм этот, в зависимости от своих размеров, может приводиться в движение рукой, водой или паром.

Для чистых математиков эти вопросы безразличны, но они становятся очень важными, когда речь идет о том, чтобы показать связь между общественными отношениями людей и развитием этих материальных способов производства.

Перечитав вторично свои выписки по истории техники, я пришел к выводу, что если оставить в стороне изобретение пороха, компаса и книгопечатания — эти необходимые предпосылки буржуазного развития — то за время с XVI до середины XVIII века, т. е. за период мануфактуры, развивающейся из ремесла до собственно крупной промышленности, имелись две материальные основы, на которых внутри мануфактуры строилась подготовительная работа для перехода к машинной индустрии, это — *часы* и *мельница* (сначала зерновая мельница, а именно, водяная), и оба эти механизма унаследованы от древности. (Водяная мельница была занесена из Малой Азии в Рим во времена Юлия Цезаря.) Часы — это первый автомат, употребленный для практических целей. На их основе развилась вся теория *производства равномерных движений*. По своему характеру они сами базируются на сочетании полухудожественного ремесла с теорией в прямом смысле слова. Так, например, Кардан писал (и давал практические советы) об устройстве часов. «Ученое (нецеховое) ремесло», — так называли часовое ремесло немецкие писатели XVI века; на развитии часового дела можно было бы проследить, как сильно разнится соотношение между ученостью и практикой на основе ремесла от соотношения между ними, например, в крупной промышленности. Не подлежит также ни малейшему сомнению, что в XVIII веке часы

впервые подали мысль применить автоматы (и, в частности, пружинные) к производству. Можно исторически доказать, что попытки *Вокансона* в этом отношении оказали большое влияние на фантазию английских изобретателей.

С другой стороны, в *мельнице* с самого начала, с тех пор как была создана водяная мельница, имелись все существенные элементы организма машины. Механическая движущая сила. Первичный двигатель, который она приводит в действие; передаточный механизм; и, наконец, рабочая машина, захватывающая материал; все эти элементы существуют независимо друг от друга. На основе мельницы было создано учение о *трении*, а вместе с тем были проведены исследования о математических формах зубчатой передачи, зубьев и т. д. На ее же основе впервые было разработано учение об измерении величины движущей силы, о лучших способах ее применения и т. д. Почти все великие математики, начиная с середины XVII столетия, поскольку они занимаются практической механикой и подводят под нее теоретическую основу, исходят из простой водяной мельницы для зерна. Отсюда и название: *Mühle* и *mill* [мельница], которое стали применять ко всякому механическому двигателю, употребляемому для практических целей; это название возникло в мануфактурный период.

Но в мельнице совершенно так же, как и в прессе, механическом молоте, плуге и т. п., собственно работа, т. е. удары, расплющивание, размалывание, раздробление и т. д., производится с самого начала *без* человеческой работы, даже если движущей силой является человек или животное. Оттого-то этот род машин, по крайней мере, в своем зародышевом состоянии, очень древнего происхождения, и в них сперва применялась собственно механическая движущая сила. Оттого-то они и являются почти единственными машинами, которые мы встречаем в период мануфактуры. *Промышленная революция* начинается тогда, когда механизм применяется там, где издавна для получения конечного результата требовалась работа человека, а отнюдь не там, где, как в вышеописанных орудиях, к собственно обрабатываемому материалу рука человека с *самого начала никогда* не прикасалась. Иначе говоря, промышленная революция начинается с применением механизма там, где человек по самой природе вещей не действует с самого начала лишь как *простая сила*. Если же вместе с немецкими ослими называть применение животной силы (т. е., по существу, такого же *дсбровольного движения*, как и человеческое) — *машиной*, то никак нельзя упускать из виду, что применение этого рода двигателей гораздо древнее самого простого ремесленного инструмента. . .

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

9 апреля 1863 г.

... Лассаль прислал мне третьего дня свое открытое «Ответное письмо» на обращение Центрального комитета по созыву лейпцигского рабочего (читай: *филистерского*) съезда. Он держит себя совсем как будущий рабочий диктатор, бросая с важным видом фразы, заимствованные у нас. Конфликт между заработной платой и капиталом он разрешает «играючи, легко» (буквально). А именно: рабочие должны агитировать за *всеобщее избирательное право* и затем послать в парламент таких людей как он, «вооруженных холодным оружием науки». Затем они создадут рабочие фабрики, капитал для которых будет авансирован *государством*, и эти заведения покроют постепенно всю страну. Как это поразительно ново!..

... Я присутствовал на митинге, устроенном тред-юнионами, на котором председательствовал Брайт¹. Он выглядел совершенно как индипендент, и каждый раз, как он говорил: «В Соединенных Штатах нет ни короля, ни епископов», — раздавался гром аплодисментов. Сами рабочие говорили *превосходно*, без всяких следов буржуазного фразерства и ничуть не скрывая своего антагонизма по отношению к капиталистам (на которых, впрочем, обрушился и папаша Брайт).

Скоро ли избавятся английские рабочие от их очевидного буржуазного развращения, покажет будущее. В остальном же, что касается главного в твоей книге², то все это до мельчайших подробностей подтвердилось дальнейшим развитием после 1844 года. Я как раз снова сравнил твою книгу с моими заметками о позднейшем времени. Только мелкие немецкие мещанишки, меряющие всемирную историю на аршин и судящие о ней по последним «интересным газетным сообщениям», могут вообразить, что в подобных великих исторических развитиях 20 лет значат больше, чем один день, хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которых сосредоточивается по 20 лет.

Когда я вновь перечитывал твою книгу, я с сожалением заметил, что мы старимся. Как свежо, страстно, смело заглядывая вперед, без ученых и научных сомнений написана

¹ Речь идет о митинге, созванном тред-юнионами для выражения симпатий борцам против рабства в Северной Америке и для предотвращения интервенции Англии в пользу рабовладельческих штатов. *Ред.*

² Ф. Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

эта вещь! И даже самая иллюзия, что завтра или послезавтра исторически уже обнаружится результат, придает всему так много теплоты и жизнерадостного юмора! Как чертовски невыгодно отличается от этого позднейший «серый тон».

Привет.

Твой К. М

63

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

11 июня 1863 г.

... Дела в Польше в последнее время, повидимому, уже не так хороши. Движение в Литве и в Малороссии развивается явно слабо, да и в самой Польше повстанцы как будто не добились успеха. Все вожди или погибают, или их берут в плен и расстреливают, что доказывает, повидимому, что им приходится сильно рисковать, чтобы увлечь за собой своих людей. Качественно повстанцы теперь уже не те, что в марте и апреле: все лучшие люди погибли. Впрочем, поляки не поддаются никакому учету, и дело еще может повернуться хорошо, хотя шансов теперь меньше. Если они продержатся некоторое время, то может быть они дождутся общеевропейского движения, которое их спасет. Зато, если дело не выгорит, то Польша лет на 10 выбудет из строя; подобное восстание исчерпает все силы боеспособного населения на многие годы.

Европейское движение кажется мне весьма вероятным, потому что буржуа опять потерял всякий страх перед коммунистами и, в случае необходимости, готов тоже выступить. Это доказывают как французские выборы, так и истории в Пруссии со времени последних выборов. Но я не думаю, чтобы подобное движение началось во Франции. Выборы в Париже дали *слишком* буржуазные результаты; везде, где рабочие выставили своих собственных кандидатов, они провалились, и у них нехватило даже силы на то, чтобы принудить буржуа хотя бы к радикальным выборам. Кроме того, Бонапарт знает способ, как держать в узде крупные города.

В Пруссии они продолжали бы болтать, если бы brave Бисмарк не заткнул им рта. Но как бы там дальше дело ни пошло, мирному конституционному развитию приходит конец, и филистер должен быть готов к драке. Это уже много. Как ни низко я ценю храбрость наших старых друзей демократов, мне все же кажется, что именно там накапливается

больше всего горючего материала, и так как вряд ли можно предполагать, что Гогенцоллерны не впутаются в области внешней политики в самые дурацкие истории, то очень легко может случиться, что половина войск будет стоять на польской границе, половина на Рейне, а Берлин останется обнаженным, и тогда будет нанесен удар. Будет достаточно скверно для Германии и Европы, если Берлин окажется во главе движения.

Больше всего меня удивляет то, что в Великокороссии не начинается крестьянское движение. Повидимому, польское восстание оказывает тут определенно неблагоприятное влияние...

64

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

6 июля 1863 г.

... Прилагаемую *«экономическую таблицу»*, которой я заменяю таблицу Кенэ¹, просмотри внимательно, если сможешь это сделать в такую жару, и сообщи мне свои замечания. Она охватывает весь процесс воспроизводства.

Как тебе известно, *Адам Смит* составляет *«естественную»* или *«необходимую цену»* из заработной платы, прибыли (процента), ренты, иначе говоря, целиком разлагает ее на *доход*. Эта бессмыслица воспроизводится и у *Рикардо*, хотя он и исключает из перечня ренту как явление только акцидентальное. Почти *все* экономисты переняли это у Смита, а те, которые с этим не согласны, приходят к другим нелепостям.

Смит сам чувствует, что допускает нелепость, разлагая *совокупный продукт общества* на один только *доход* (который может быть ежегодно потреблен), тогда как в *каждой отдельной* отрасли производства он разлагает цену на *капитал* (сырье, машины и т. д.) и *доход* (заработная плата, прибыль, рента). Если бы это было так, то общество должно было бы ежегодно начинать сызнова, *без капитала*.

Что же касается моей таблицы, фигурирующей в одной из последних глав моего сочинения в качестве *резюме*, то для ее понимания надо иметь в виду следующее:

1. Цифры безразличны, обозначают миллионы.

2. Под *жизненными средствами* здесь понимается все, что ежегодно входит в *фонд потребления* (или все, что могло бы войти в фонд потребления *без накопления*, которое из таблицы *исключено*).

¹ Таблица, приведенная в работе Ф. Кенэ «Анализ экономической таблицы». *Ред.*

В классе I (жизненные средства) *весь продукт* (700) состоит из *жизненных средств*, которые, следовательно, по самой своей природе *не* входят в *постоянный капитал* (состоящий из сырья, машин, зданий и т. д.). Точно так же в классе II *весь продукт* состоит из товаров, образующих *постоянный капитал*, т. е. вновь входящих в процесс воспроизводства в виде сырья и машин.

3. *Восходящие* линии отмечены *пунктиром*, *нисходящие* — *непрерывной чертой*.

4. *Постоянный капитал* — это та часть капитала, которая состоит из сырья и машин. *Переменный капитал* — тот, который обменивается на труд.

5. В земледелии, например, и т. д. одна часть какого-либо продукта (например, пшеницы) образует жизненные средства, тогда как другая его часть (опять-таки пшеницы) в своем натуральном виде (как *семена*, например) вновь вступает в процесс воспроизводства в виде сырья. Но это дела не меняет, так как подобные отрасли производства фигурируют в силу одного свойства в классе I, а в силу другого свойства — в классе II.

6. Итак, суть всей истории в следующем:

Категория I. Жизненные средства.

Материал труда и машины (т. е. та часть *машин*, которая, *снашиваясь*, переходит в годовой продукт. Непотребленная часть машин вообще *не* фигурирует в таблице) равны, например, 400 фунтов. Переменный капитал, обмененный на труд = 100. Он воспроизводится в виде 300, из которых 100 возмещают в продукте заработную плату, а 200 представляют собой прибавочную стоимость (*неоплаченный прибавочный труд*). Продукт = 700; в том числе 400 представляют стоимость постоянного капитала, целиком, однако, перенесенного на продукт, и который, следовательно, должен быть возмещен.

При этом соотношении переменного капитала и прибавочной стоимости предполагается, что рабочий $\frac{1}{3}$ рабочего дня работает на себя, а $\frac{2}{3}$ — на свое «естественное начальство».

Итак, 100 (переменный капитал), как показывает пунктир, выплачивается деньгами в виде заработной платы. Рабочий покупает на эти 100 *продукт* этого же класса, т. е. жизненные средства на 100 (показано нисходящей линией). Таким образом, деньги притекают обратно капиталистам класса I.

Прибавочная стоимость 200 в своей общей форме = прибыли, которая, в свою очередь, распадается на *промышленную прибыль* (включая и *торговую*), затем на *процент*, который промышленный капиталист выплачивает деньгами, и

на ренту, которую он тоже выплачивает деньгами. Эти деньги, выплаченные в виде промышленной прибыли, процента и ренты, притекают обратно (показано нисходящими линиями) благодаря тому, что на них покупается продукт класса I. Таким образом, все деньги, затраченные промышленным капиталистом внутри класса I, притекают к нему обратно благодаря тому, что 300 из всего продукта в 700 потребляется рабочими, предпринимателями, денежными капиталистами и земельными собственниками. В классе I остается *излишек* продукта (в виде жизненных средств) — 400 и дефицит в постоянном капитале — 400.

Категория II. Машины и сырье.

Так как *весь продукт этой категории* — не только та часть продукта, которая возмещает постоянный капитал, но и та, которая представляет эквивалент заработной платы и прибавочной стоимости, — состоит из *сырья* и *машин*, то доход этой категории не может быть реализован в своем собственном продукте, а лишь в продукте I категории. Если оставить в стороне накопление, как мы здесь и делаем, то категория I может купить у категории II только столько, сколько ей нужно для возмещения своего постоянного капитала, а категория II может затратить на продукты категории I только ту часть своего продукта, которая представляет заработную плату и прибавочную стоимость (*доход*). Итак, рабочие категории II затрачивают свои деньги = $133\frac{1}{3}$ на продукт категории I. То же самое происходит и с прибавочной стоимостью категории II, которая, как и в первом случае, распадается на промышленную прибыль, процент и ренту. Таким образом, промышленным капиталистам категории I притекает от категории II в форме денег — 400; категория I отпускает за это категории II свой остаток продукта — 400.

На эти 400 (денег) класс I покупает у категории II, что ему нужно для возмещения своего постоянного капитала — 400, и таким образом к категории II вновь притекают деньги, затраченные ею на заработную плату и потребление (самых промышленных капиталистов, денежных капиталистов и земельных собственников). От всего ее продукта категории II остается, следовательно, $533\frac{1}{3}$, чем она и возмещает свой собственный сношенный постоянный капитал.

Движение, отчасти в пределах категории I, отчасти между категориями I и II, показывает в то же время, каким образом к соответствующим промышленным капиталистам обеих категорий притекают обратно деньги, из которых они снова выплачивают заработную плату, процент и земельную ренту.

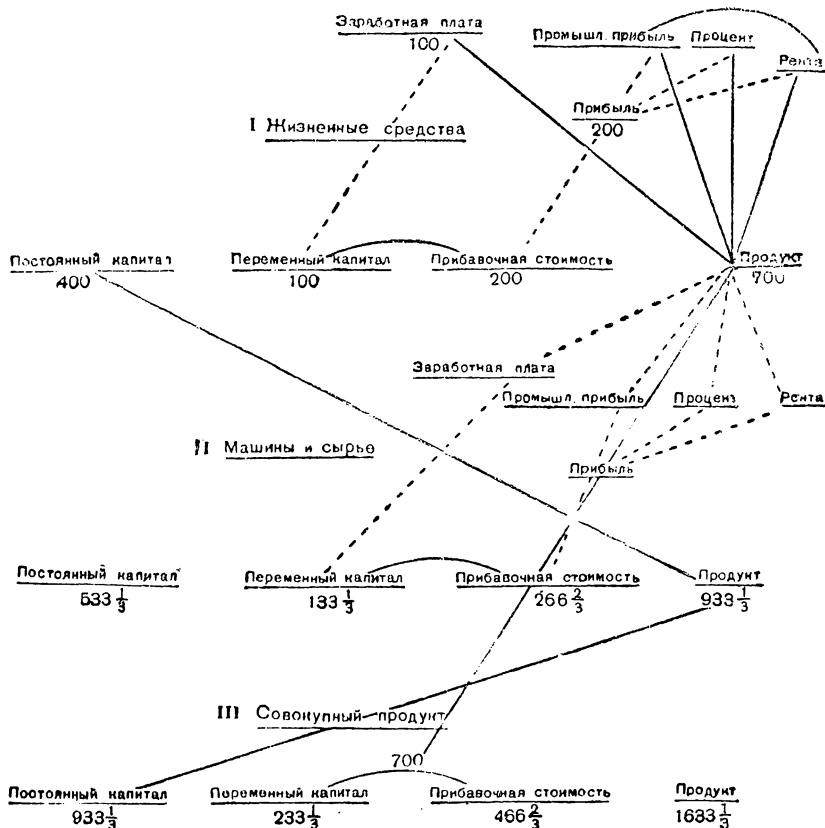
Категория III изображает все воспроизводство.

Весь продукт категории II выступает здесь в качестве постоянного капитала всего общества, а весь продукт категории I — в качестве той части продукта, которая возмещает переменный капитал (фонд заработной платы) и доходы классов, делящих между собой прибавочную стоимость.

Под своей таблицей я поместил таблицу Кенэ, которую я вкратце поясню в следующем письме.

Привет.

Твой К. М.



Экономическая таблица доктора Кенэ

производительный класс	Собственники	непроизводительный класс
а) 2 миллиарда	е) 2 миллиарда	1 миллиард f)
б) 1 миллиард		1 миллиард g)
в) 1 миллиард		1 миллиард h)
г) 1 миллиард		1 миллиард h)
Ежегодные авансы	2 миллиарда	итого 2 миллиарда
итого	5 миллиардов	

Таблицы, приложенные Марксом к своему письму от 6 июля 1863 г.

1864 год

65

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

4 ноября 1864 г.

... *Международное Товарищество Рабочих.*

Некоторое время тому назад лондонские рабочие послали парижским рабочим обращение по поводу Польши и пригласили их к совместному выступлению по этому вопросу.

Парижане, со свсей стороны, прислали депутацию, во главе которой был рабочий по имени *Толен* — *подлинный рабочий кандидат на последних выборах в Париже*, — очень славный парень. (Его спутники были тоже славные ребята.) На 28 сентября 1864 г. был назначен митинг в Сент-Мартинс Холле. Он был созван Оджером (сапожник, председатель здешнего совета всех лондонских тред-юнионов и тред-юнионистского агитационного общества за избирательное право, общества, поддерживающего связь с Брайтом) и Кримером — каменщиком, секретарем союза каменщиков. (Это они оба устроили в Сент-Джемс Холле под председательством Брайта большой митинг тред-юнионов для выражения симпатий Северной Америке, а также манифестации в честь Гарибальди.) Ко мне прислали некоего *Ле Любе*, чтобы спросить, не приму ли я участие в качестве представителя от немецких рабочих; он просил также непременно прислать на митинг в качестве оратора немецкого рабочего. Я выдвинул Эккариуса, который прекрасно справился со своей задачей; сам я также присутствовал — в виде безмолвной фигуры на трибуне. Я знал, что на этот раз как от Лондона, так и от Парижа были представлены действительные «силы», и поэтому решил отступить от своего обычного правила — отказываться от всех подобных приглашений...

... На митинге — зал был *битком набит* (потому, что теперь, очевидно, начинается новый подъем движения рабочего

класса), — лондонское *итальянское* рабочее общество было представлено майором Вольфом (Турн-Таксис, адъютант Гарибальди). Было решено учредить Международное Товарищество Рабочих, Генеральный Совет которого должен находиться в Лондоне и «связывать между собой» рабочие общества в Германии, Италии, Франции и Англии. В 1865 г. должен быть созван всеобщий рабочий конгресс в Бельгии¹. На митинге был избран временный комитет, куда вошли Оджер, Криммер и многие другие, частью старые чартисты, старые оуэнисты и т. д. — от Англии; майор Вольф, Фонтана и другие итальянцы — от Италии; Ле Любе и т. д. — от Франции; Эккариус и я — от Германии. Комитету предоставлено право привлекать в свой состав сколько угодно новых членов.

Прекрасно. Я присутствовал на первом заседании комитета. Была выбрана *комиссия* (куда попал и я) для выработки декларации принципов и составления временного устава. Болезнь помешала мне присутствовать на заседании комиссии и на бывшем вслед за этим заседании пленума комитета.

На этих двух заседаниях — комиссии и последовавшем за ним заседании пленума комитета, — на которых я не присутствовал, произошло следующее:

Майор *Вольф* предложил использовать для нового общества устав *итальянских рабочих обществ* (у них имеется центральная организация, но, как позднее выяснилось, они, в сущности, являются обществами взаимопомощи). Я потом видел эту чепуху. Это было, совершенно очевидно, стряпней *Мадзини*, и потому ты заранее можешь догадаться, в каком духе и в каких выражениях изображался там действительный вопрос — рабочий вопрос; равным образом — как в ней протаскивался вопрос о национальностях.

Кроме того, составил чрезвычайно путаную и невероятно многословную программу старый оуэнист Уэстон — теперь сам фабрикант, очень милый и славный человек.

Следующее пленарное заседание комитета поручило комиссии переработать программу Уэстона, а также устав Вольфа. Сам Вольф уехал, чтобы присутствовать на съезде итальянских рабочих обществ в Неаполе и убедить их присоединиться к лондонскому центральному Товариществу.

На вторичном заседании комиссии я тоже не присутствовал, так как меня уведомили о нем слишком поздно. Ле Любе огласил там «декларацию принципов» и переработанный им устав Вольфа; комиссия приняла и то и другое с

¹ Вместо конгресса в Бельгии в 1865 г. состоялась конференция Интернационала в Лондоне, на которой был принят ряд организационных решений. *Ред.*

тем, чтобы внести их на обсуждение пленума. Пленум заседал 18 октября. Так как Эккариус написал мне, что промедление грозит опасностью, я явился. Я прямо ужаснулся, услышав прочитанное милейшим Ле Любе чрезвычайно фразистое, плохо написанное, совершенно незрелое введение, имеющее претензию быть декларацией принципов, где на каждом шагу проглядывал Мадзини из-под коры самых расплывчатых обрывков французского социализма. Кроме того, в общем и целом был принят итальянский устав, который, не говоря уже о других ошибках, ставил себе целью нечто действительно невозможное: нечто вроде центрального правительства рабочих классов *Европы* (конечно, с Мадзини на заднем плане). Я в мягкой форме возражал, и после долгих толков и разговоров Эккариус предложил, чтобы эти документы снова были «проредактированы» комиссией. «Чувства» же, высказанные в декларации Ле Любе, были приняты.

Два дня спустя, 20 октября, у меня на квартире собрались Кример от англичан, Фонтана (Италия) и Ле Любе (Уэстон не мог быть). У меня до тех пор не было в руках документов (Вольфа и Ле Любе), поэтому я ничего не смог приготовить заранее. Но я твердо решил по возможности не оставить без изменения ни одной строчки этой чепухи. Чтобы выиграть время, я предложил: прежде чем нам «редактировать» введение, необходимо «обсудить» устав. Так и сделали. Был уже час ночи, когда первый из 40 пунктов устава был принят. Кример сказал (*я этого как раз и добивался*): «Нам нечего предложить комитету, который должен заседать 25 октября. Надо его отложить до 1 ноября. А комиссия может собраться 27 октября и сделать попытку достичь окончательного результата». Это предложение было принято, и «документы» были «оставлены» мне для просмотра.

Я увидел, что нет никакой возможности сделать что-нибудь из этой чепухи. Чтобы несколько оправдать тот в высшей степени своеобразный способ, каким я собирался отредактировать уже «вотированные чувства», я написал *Манифест к рабочему классу* (чего в первоначальном плане не было. Нечто вроде обзора судеб рабочего класса с 1845 г.). Под предлогом того, что в этот Манифест вошел уже весь фактический материал и что не стоит повторять трижды одно и то же, я изменил все введение, выкинув «декларацию принципов», и, наконец, вместо 40 пунктов устава оставил 10. Когда в Манифесте речь идет об интернациональной политике, я говорю о странах, а не о национальностях и разоблачаю Россию, а не менее важные государства. Комиссия приняла все мои предложения. Меня только обязали во введении к уставу вставить две фразы о «долге» и «праве», а также об «истине, нравственности и справедливости» Но

они вставлены таким образом, что никакого вреда принести не могут.

На заседании Генерального Комитета мой Манифест и т. д. был принят с большим энтузиазмом (единогласно). Обсуждение вопроса о напечатании и т. д. состоится в ближайший вторник. Ле Любе взял копию Манифеста для перевода на французский язык, а Фонтана — для перевода на итальянский. (Прежде всего это появится в еженедельнике под названием «Bee-Hive»¹, который выходит под редакцией тред-юниониста Поттера, нечто вроде «Официальных известий».) Перевести эту вещь на немецкий язык взялся я сам.

Было очень трудно так поставить дело, чтобы наши взгляды были выражены в форме, которая делала бы их приемлемыми для современного уровня рабочего движения. Эти же самые люди недели через две будут устраивать митинги вместе с Брайтом и Кобденом по поводу избирательного права. Требуется время, пока вновь пробудившееся движение сделает возможной прежнюю смелость речи. Необходимо быть сильнее на деле и умереннее по форме. Как только эта вещь будет напечатана, ты ее получишь. . .

66

ЭНГЕЛЬС — И. ВЕЙДЕМЕЙЕРУ

24 ноября 1864 г.

... Здесь в Европе сейчас скучные времена. Подавление польского восстания было последним значительным событием; за свое содействие в этом деле Бисмарк получил от царя разрешение отнять у датчан Шлезвиг-Гольштейнию. Пройдет много времени, прежде чем Польша снова сможет подняться, — даже при посторонней помощи, — а, между тем, Польша нам совершенно необходима. Виною всему подлость немецких либеральных мещан. Если бы эти скоты обнаружили в прусской палате больше понимания и мужества, то все могло бы пойти хорошо. Австрия готова была в любой момент выступить в защиту Польши. Помешала этому только позиция Пруссии и измена г. Бонапарта, который, разумеется, только при том условии намеревался сдержать

¹ «The Bee-Hive Newspaper» — газета Лондонского совета тред-юнионов; с 1864 по май 1870 г. являлась органом Генерального Совета I Интернационала. *Ред.*

обещания, данные полякам, если бы он мог действовать *на-верняка*, т. е. если бы его поддержали Пруссия и Австрия.

Происходящая у вас война является одним из грандиознейших событий, которые только приходится переживать. Несмотря на множество глупостей, совершаемых северными армиями (их достаточно и у южан), волна наступления медленно, но верно катится вперед, и в 1865 г., несомненно, наступит момент, когда *организованное* сопротивление Юга сразу рухнет, и война примет форму бандитизма, как это было с карлистской войной в Испании и недавно в Неаполе. Такой народной войны с обеих сторон не было еще ни разу с тех пор, как существуют крупные государства; несомненно, что исход ее определит будущее всей Америки на сотни лет вперед. Как только будет взорвано рабство, — это величайшее препятствие, сковывающее политическое и социальное развитие Соединенных Штатов, — в стране наступит такой подъем, который в кратчайший срок обеспечит ей совершенно иное место в мировой истории, и армия и флот, созданные во время войны, быстро найдут тогда себе применение.

Вполне понятно, почему Северу с трудом удалось создать себе армию и генералов. Олигархия Юга заранее подчинила своему руководству немногочисленные военные силы страны, она поставляла офицеров и к тому же завладела арсеналами. У Севера не оказалось никаких воинских кадров, кроме милиции, между тем как Юг готовился в течение ряда лет. Юг с самого начала располагал населением, привыкшим к верховой езде и приспособленным для легкой кавалерии, между тем как Север в этом отношении отставал. Север усвоил себе введенный Югом метод раздачи постов сторонникам определенной партии; Юг, охваченный революцией и находящийся под властью военной диктатуры, мог с этим не считаться. Отсюда все промахи. Я не отрицаю, что Ли — лучше всех генералов Севера и что его последние операции вокруг укрепленного ричмондского лагеря представляют собой образцы высокого мастерства, которые многому могли бы научить прославленного принца Фридриха-Карла прусского. Но решительные атаки Гранта и Шермана в конце концов сделали бесполезной всю эту стратегию. Ясно, что Грант приносит в жертву огромное количество людей, — но может ли он поступать иначе? Я не имею никакого представления о степени дисциплинированности вашей армии, о ее стойкости в бою, о ее способности и готовности выносить тяготы войны и особенно о ее *моральном состоянии*, т. е. о том, чего можно от нее требовать, не рискуя ее деморализовать. Все это нужно знать, прежде чем позволить себе составить то или иное суждение, особенно, если находишься по другую сторону океана, не располагаешь достаточными сведениями и

не имѣешь сколько-нибудь порядочныхъ карт. Но мне кажется несомненнымъ одно, что армія, которой сейчасъ руководитъ Шерманъ, — самая лучшая изъ вашихъ армій и настолько же превосходитъ армію Гуда, насколько армія Ли превосходитъ армію Гранта.

Вашъ военный уставъ и элементарная тактика заимствованы, какъ я слышалъ, целикомъ у французовъ, — следовательно, основной строевой формой является, повидимому, колѣнна съ дистанціями между взводами. Какая у васъ теперь полевая артиллерія? Если ты можешь сообщить мнѣ данные по этимъ вопросамъ, я буду тебе очень благодаренъ. . .

1865 год

67

МАРКС — П. Б. ШВЕЙЦЕРУ

24 января 1865 г.

Милостивый государь!

Я получил вчера письмо, в котором Вы требуете от меня подробной оценки Прудона. Недостаток времени не позволяет мне удовлетворить Ваше желание. К тому же у меня нет под рукой ни одного из его произведений. Однако в доказательство своей готовности пойти Вам навстречу, я наскоро набросал краткий очерк. Вы его можете потом дополнить, сделать к нему добавления, сократить его — словом, сделать с ним все, что Вам заблагорассудится.

Первых опытов Прудона я уже не помню. Его ученическая работа о «Всемирном языке» показывает, с какой бесцеремонностью он брался за вопросы, для решения которых ему не доставало самых элементарных знаний.

Его первое произведение «Что такое собственность?» является безусловно самым лучшим его произведением. Оно составило эпоху, если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой говорить старое. В произведениях известных ему французских социалистов и коммунистов «собственность», разумеется, не только была подвергнута разносторонней критике, но и утопически «упразднена». Этой книгой Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю. По сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден. Однако после Гегеля он сделал эпоху, так как выдвинул на первый план некоторые неприятные христианскому сознанию и важные для успехов критики пункты, которые Гегель оставил в мистической полутьме.

Если можно так выразиться, в этом произведении Прудона преобладает еще сильная мускулатура стиля. И стиль этот я считаю главным его достоинством. Видно, что даже

там, где Прудон только воспроизводит старое, для него это самостоятельное открытие; то, что он говорит, для него самого было ново и расценивается им как новое. Вызывающая дерзость, с которой он нападает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающее тут и там глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность — всеми этими качествами книга «*Что такое собственность?*» электризовала читателей и при первом своем появлении в свет произвела сильное впечатление. В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания. Но подобного рода сенсационные произведения играют свою роль в науке так же, как и в изящной литературе. Возьмите, например, книгу Мальтуса «*О народонаселении*». В первом издании это было не что иное, как «*сенсационный памфлет*» и вдобавок — *плагиат* с начала до конца. И все-таки какое сильное впечатление произвел этот *пасквиль на человеческий род!*

Будь книга Прудона у меня под рукой, легко было бы показать на нескольких примерах его *первоначальную манеру* писать. В тех параграфах, которые он сам считал наиболее важными, он подражает в трактовке *антиномий Канта* — это единственный немецкий философ, с которым он был тогда знаком по переводам, — и создается определенное впечатление, что для него, как и для Канта, разрешение антиномий является чем-то таким, что лежит «*по ту сторону*» человеческого рассудка, т. е., что для его собственного рассудка остается неясным.

Несмотря на всю кажущуюся архиреволюционность, уже в «*Что такое собственность?*» наталкиваешься на противоречие: с одной стороны, Прудон критикует общество сквозь призму взглядов французского парцелльного крестьянина (позже — *мелкого буржуа*), а с другой стороны, прилагает к нему масштаб, заимствованный им у социалистов.

Уже само заглавие указывало на недостатки книги. Вопрос был до такой степени неправильно поставлен, что на него невозможно было дать правильный ответ. *Античные «отношения собственности»* были уничтожены *феодальными*, а феодальные — *буржуазными*. Сама история подвергла, таким образом, критике *отношения собственности* прошлого. То, о чем в сущности шла речь у Прудона, была существующая *современная буржуазная собственность*. На вопрос: что она такое? — можно было ответить только критическим анализом «*политической экономии*», обнимающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выра-

жении как *волевых отношений*, а в их реальной форме, т. е. как *производственных отношений*. Но так как Прудон связывал всю совокупность этих экономических отношений с общим юридическим представлением «собственность», *«la propriété»*, то он и не мог выйти за пределы того ответа, который дал Бриссо еще до 1789 г. в тех же словах и в подобном же сочинении: «Собственность — это кража».

В лучшем случае из этого вытекает только то, что буржуазно-юридические представления о «краже» применимы также к «честному» доходу самого буржуа. С другой стороны, ввиду того что «кража», как насильственное нарушение собственности, *предполагает собственность*, Прудон запутался во всевозможных, для него самого неясных умствованиях относительно *истинной буржуазной собственности*.

Во время моего пребывания в Париже в 1844 г. у меня завязались личные отношения с Прудоном. Я потому упоминаю здесь об этом, что и на мне до известной степени лежит доля вины в его «софистике» («Sophistication», как называют англичане фальсификацию товаров). Во время долгих споров, часто продолжавшихся всю ночь напролет, я заразил его, к большому вреду для него, гегельянством, которого он, однако, при незнании немецкого языка, не мог как следует изучить. То, что я начал, продолжал после моей высылки из Парижа г. Карл Грюн. В качестве преподавателя немецкой философии он имел передо мной еще то преимущество, что сам ничего в ней не понимал.

Незадолго до появления своего второго крупного произведения — «Философия нищеты и т. д.», — Прудон сам известил меня о нем в очень подробном письме, в котором, между прочим, имеются следующие слова: «Жду Вашей строгой критики». Действительно, эта критика вскоре обрушилась на него (в моей книге «Нищета философии и т. д.», Париж 1847) в такой форме, что навсегда положила конец нашей дружбе.

Из того, что здесь сказано, Вы видите, что в книге Прудона «Философия нищеты, или система экономических противоречий» в сущности впервые дан был им ответ на вопрос: «Что такое собственность?». В самом деле, только после появления своей первой книги Прудон начал свои экономические занятия; он открыл, что на поставленный им вопрос можно ответить не *бранью*, а лишь *анализом* современной «политической экономики». В то же время он сделал попытку диалектически изложить систему экономических категорий. Вместо неразрешимых «антиномий» Канта, теперь в качестве средства развития должно было выступить *гегелевское «противоречие»*.

Критику его двухтомного, пухлого произведения Вы найдете в моем ответном сочинении. Я показал там, между про-

чим, как мало проник Прудон в тайну научной диалектики и до какой степени, с другой стороны, он разделяет иллюзии спекулятивной философии, когда, вместо того чтобы видеть в *экономических категориях теоретические выражения исторических, соответствующих определенной степени развития материального производства, производственных отношений*, он нелепо превращает их в искони существующие, *вечные идеи*, и как таким окольным путем он снова возвращается к точке зрения буржуазной экономии*.

Далее я еще показываю, сколь недостаточным, порой просто ученическим, является его знакомство с «*политической экономией*», критику которой он предпринял, и как вместе с утопистами он гоняется за так называемой «*наукой*», с помощью которой можно а priori изобрести формулу для «решения социального вопроса, вместо того чтобы источником науки делать критическое познание исторического движения, движения, которое само создает *материальные условия освобождения*». Особенно же там показано, насколько неясными, неверными и половинчатыми остаются представления Прудона об основе всего — *меновый стоимости*; более того, он видит в утопическом истолковании теории стоимости *Рикардо* основу новой науки. Свое суждение о его общей точке зрения я резюмирую в следующих словах:

«Всякое экономическое отношение имеет свою хорошую и свою дурную сторону — вот единственный пункт, в котором г. Прудон сам себя не опровергает. Хорошую сторону, по его мнению, выставляют экономисты; дурную же изобличают социалисты. Он заимствует у экономистов убеждение в необходимости вечных отношений; у социалистов же он заимствует ту иллюзию, в силу которой они видят в нищете только нищету (вместо того чтобы видеть в ней революционную разрушительную сторону, которая ниспровергнет старое общество). Он соглашается и с теми и с другими, пытаясь при этом опереться на авторитет науки. Наука у него сводится к тощим размерам научной формулы; это человек, гоняющийся за формулами. Таким образом, г. Прудон льстит себя мыслью, что подверг критике и политическую экономию и коммунизм, а на деле он стоит ниже их обоих. Он ниже экономистов, так как воображает, что ему как философу, обладающему магической формулой, можно не вдаваться в

* «Говоря, что существующие отношения — отношения буржуазного производства — являются *естественными*, экономисты дают этим понять, что это именно те отношения, при которых богатство создается и производительные силы развиваются согласно законам природы. Следовательно, сами эти отношения являются не зависящими от влияния времени *естественными законами*. Это — *вечные законы*, которые должны всегда управлять обществом. Таким образом, до сих пор была история, а теперь ее более нет» (стр. 113 моей работы). [Примечание Маркса.]

чисто экономические детали; он ниже социалистов, так как не имеет ни достаточно мужества, ни достаточно проницательности, чтобы возвыситься, хотя бы лишь умозрительно, над уровнем буржуазного кругозора... Как муж науки он хочет витать над буржуа и пролетариями, но *он всего лишь мелкий буржуа*, вечно колеблющийся между капиталом и трудом, между политической экономией и коммунизмом»*.

Как ни сурово звучит этот приговор, я и теперь подписываюсь под каждым его словом. При этом, однако, не следует забывать, что в то время, когда я объявил книгу Прудона кодексом мелкобуржуазного социализма и теоретически это доказал, экономисты и социалисты предавали Прудона анафеме как ультра-революционера. Вот почему я и позднее никогда не присоединял своего голоса к тем, кто кричал об его «измене» революции. Не его вина, если, с самого начала ложно понятый как другими, так и самим собою, он не оправдал необоснованных надежд.

В противоположность к «*Что такое собственность?*» в «*Философии нищеты*» все недостатки прудоновской манеры изложения очень невыгодно бросаются в глаза. Стиль сплошь и рядом *атрошлэ* (напыщенный), как говорят французы. Высокопарная спекулятивная тарбарщина, выдаваемая за немецкую философскую манеру, выступает повсюду, где ему изменяет галльская острота ума. Так и режет ухо самохвальство, базарно-крикливый, рекламный тон, в особенности чванство мнимой «наукой», бесплодная болтовня о ней. Искренняя теплота, которой проникнута его первая работа, здесь в определенных местах систематически подменяется лихорадочным жаром декламации. К тому же это беспомощное и отвратительное старание самоучки шегольнуть своей ученостью, самоучки, у которого врожденная гордость оригинальностью и самостоятельностью своего мышления уже сломлена и который, как выскочка в науке, воображает, что должен чваниться тем, чем он не является, чего у него совсем нет. И вдобавок эта психология мелкого буржуа, который непристойно, грубо, неостроумно, неглубоко и прямо-таки неправильно обрушивается на такого человека, как *Кабэ*, заслуживающего уважения за ту роль, которую он сыграл в движении французского пролетариата; зато он очень любезен, например, с *Дюнуайе* (как-никак «государственный советник»), хотя все значение этого Дюнуайе заключается в комичной серьезности, с какой он на протяжении трех толстых и невыносимо скучных томов проповедует ригоризм, так охарактеризованный Гельвецием: «*От несчастных требуют совершенства*».

* Там же, стр. 119, 120. [Примечание Маркса.]

Февральская революция произошла для Прудона действительно совсем некстати, ведь он всего лишь за несколько недель до нее неопровержимо доказал, что *«эра революций»* навсегда миновала. Его выступление в Национальном собрании, хотя оно и обнаружило, как мало он понимал все происходящее, заслуживает всяческой похвалы. После июньского восстания это было актом высокого мужества. Кроме того, его выступление имело тот положительный результат, что г. Тьер в произнесенной против предложений Прудона речи, которая потом была издана в виде отдельной брошюры, доказал всей Европе, какой жалкий детский катехизис служил пьедесталом этому духовному столпу французской буржуазии. В сравнении с г. Тьером Прудон и в самом деле вырастал до размеров допотопного колосса.

Изобретение *«дарового кредита»* и основанного на нем *«народного банка»* принадлежит к последним экономическим «подвигам» г. Прудона. В моей книге *«К критике политической экономии»*, вып. 1, Берлин 1859 (стр. 59—64), доказывається, что теоретическая основа его взглядов имеет своим источником незнание основных элементов буржуазной *«политической экономии»*, именно — отношения *товаров к деньгам*, тогда как практическим фундаментом было простое воспроизведение более старых и значительно лучше разработанных проектов. Что кредит, как это было, например, в Англии в начале XVIII века, а затем снова в начале XIX века, способствовал переходу имущества из рук одного класса в руки другого, что при определенных экономических и политических условиях он может содействовать ускорению освобождения пролетариата, это не подлежит ни малейшему сомнению и разумеется само собой. Но считать *капитал, приносящий проценты, главной формой капитала*, пытаться сделать особое применение кредита, минимум отмену процента, основой общественного преобразования — это насквозь *мещанская фантазия*. И действительно, мы видим, что эта фантазия подробно развивалась уже *экономическими идеологиями английской мелкой буржуазии XVII века*. Полемика Прудона с Бастиа (1850 г.) о капитале, приносящем проценты, стоит значительно ниже *«Философии нищеты»*. Он доходит до того, что даже Бастиа удаётся его побить, и он комично неистовствует всякий раз, когда противник наносит ему удар.

Несколько лет тому назад Прудон написал на конкурс, объявленный, кажется, лозаннским правительством, сочинение о *«Налогах»*. Здесь исчезают и последние следы гениальности, и остается *чистейший мелкий буржуа*.

Что касается политических и философских сочинений Прудона, то во всех них обнаруживается тот же самый противоречивый, двойственный характер, что и в экономических

работах. К тому же они имеют чисто местное значение — только для Франции. Однако его нападки на религию, церковь и т. д. были большой заслугой в условиях Франции в то время, когда французские социалисты считали уместным видеть в религиозности знак своего превосходства над буржуазным вольтерьянством XVIII и немецким безбожием XIX века. Если Петр Великий варварством победил русское варварство, то Прудон сделал все от него зависящее, чтобы фразой победить французское фразерство.

Его книгу о «*Государственном перевороте*» надо рассматривать не просто как плохое произведение, а как прямую подлость, которая, однако, вполне соответствует его мелкобуржуазной точке зрения; здесь он кокетничает с Луи Бонапартом и старается сделать его приемлемым для французских рабочих; таково же его последнее произведение против *Польши*, в котором он в угоду царю обнаруживает цинизм кретина.

Прудона часто сравнивали с *Руссо*. Нет ничего ошибочнее такого сравнения. Он скорее похож на *Ник. Ленге*, книга которого «*Теория гражданских законов*», впрочем, гениальное произведение.

Прудон по натуре был склонен к диалектике. Но так как он никогда не понимал подлинно научной диалектики, то он не пошел дальше софистики. В действительности это было связано с его мелкобуржуазной точкой зрения. Мелкий буржуа, так же как и историк *Раумер*, составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он во всем. Он — воплощенное противоречие. А если при этом, подобно Прудону, он человек остроумный, то он быстро привыкает жонглировать своими собственными противоречиями и превращать их, смотря по обстоятельствам, в неожиданные, кричащие, подчас скандальные, подчас блестящие парадоксы. Шарлатанство в науке и политическое приспособленчество неразрывно связаны с такой точкой зрения. У подобных субъектов остается лишь один побудительный мотив — их *тщеславие*; подобно всем тщеславным людям, они заботятся лишь о минутном успехе, о сенсации. При этом неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, *Руссо* от всякого, хотя бы только кажущегося, компромисса с существующей властью.

Быть может, потомство, характеризуя этот недавний период французской истории, скажет, что Луи Бонапарт был его Наполеоном, а Прудон — его Руссо-Вольтером.

А теперь я всецело возлагаю на Вас ответственность за то, что Вы так скоро после смерти этого человека навязали мне роль его посмертного судьи.

Уважающий Вас *Карл Маркс*.

68

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

30 января 1865 г.

.. Что за народ наши прогрессисты, это обнаружилось опять из их поведения в вопросе о коалициях. *Между прочим*, прусский закон против коалиций, как и все аналогичное континентальное законодательство, ведет свое начало от декрета *Учредительного собрания от 14 июня 1791 г.*, в котором французские буржуа очень сурово, — например, потерей гражданских прав на один год, — карали подобные вещи, т. е. всякого рода рабочие ассоциации, под тем предлогом, что это является *восстановлением цехов* и противоречит дарованной конституцией свободе и «правам человека». Весьма характерно для Робеспьера, что в то время, когда «конституционность» в духе Собрания 1789 г. считалась преступлением, достойным гильотины, все законы этого собрания *против рабочих* продолжали сохранять свою силу...

69

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

3 февраля 1865 г.

Дорогой Фредерик!

Посылаю:

1) письмо Зибеля, в котором он дает отчет о своем свидании с Клингсом, состоявшемся по моему «распоряжению». Я замечу только, что *больше* я в это дело вмешиваться *не буду*. Если Клингсу удастся без *нашего* содействия устранить вместе со старухой и Бернгарда Беккера с его приобретенным по завещанию значением, то я буду доволен. С Рабочим союзом¹ в том виде, как его завещал барон Итциг,

¹ Всеобщий германский рабочий союз — политическая организация германских рабочих, созданная в 1863 г. Лассалем. Союз просуществовал до 1875 г., когда на съезде в Готе произошло объединение лассальянцев и эйзенахцев (партии, возглавлявшейся Либкнехтом и Бебелем) в Социалистическую рабочую партию Германии. *Ред.*

ничего нельзя сделать; чем скорее он будет распушен, тем лучше.

2) «Rheinische Zeitung» с передовицей, повидимому, Красного Беккера. Это — призыв к милосердию со стороны «прогрессистов».

По-моему, *мы оба* должны выступить с заявлением, и мне думается, что этот кризис как раз дает нам удобный предлог, чтобы опять занять нашу «законную» позицию. Дней десять тому назад я писал Швейцера, что он должен повернуть фронт против Бисмарка так, чтобы не было больше и тени заигрывания рабочей партии с Бисмарком и т. д. В благодарность он «сразу же» стал кокетничать с Бисмарком больше, чем когда-либо.

«И опять же» в № 16 «Social-Demokrat»¹, где появилось испещренное опечатками мое письмо о Прудоне, Моисей Гесс «уже» во второй раз *пишет донос* на «Международное Товарищество». Я написал вчера по этому поводу свирепое письмо Либкнехту и заявил ему, что это мое *самое последнее* предупреждение ему; что я ни в грош не ставлю «добрые намерения», которые на деле являются проводниками злой воли; что я не в состоянии убедить здешних членов «Международного комитета», что подобные вещи происходят *без* злого умысла, просто по глупости; что их ничтожная газетка, продолжая прославлять Лассалья, хотя теперь они знают, какую измену он замышлял, и трусливо кокетничая с Бисмарком, имеет в то же время бесстыдство позволять плон-плонисту Гессу обвинять нас в плон-плонизме и т. д.

Я думаю, что теперь надо поступить так: воспользоваться допросом или подозрением, высказанным Моисеем, и, прежде всего, в нескольких словах объявить войну Бонапарту Плон-Плону, не забывая попутно и приятеля Моисея, раввина Эйнгорна. Затем воспользоваться случаем, чтобы выступить также против Бисмарка, а тем самым и против тех подлецов или дураков, которые мечтают или болтают о союзе между Бисмарком и рабочим классом. В заключение следует, конечно, заявить этим свиньям прогрессистам, с одной стороны, что они своей политической трусостью и беспомощностью погубили дело, и с другой, что если они требуют союза с рабочим классом против правительства, — а это было бы в данный момент единственно правильным, — то они должны сделать рабочим по крайней мере те уступки, которые соответствуют их собственному принципу «свободы торговли» и «демократизма», т. е. отменить все исключительные законы против рабочих, к которым, помимо законов о коалициях,

¹ «Der Social-Demokrat» (Берлин 1864—1871) — орган лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Издавался Швейцерам при тайной финансовой поддержке Бисмарка. *Ред.*

стносится также и нынешнее прусское законодательство о печати. Они должны также, хотя бы принципиально, высказаться за восстановление всеобщего избирательного права, уничтоженного в Пруссии государственным переворотом. Вот минимум того, что от них требуется. Следовало бы, пожалуй, вставить кое-что и о военном вопросе. Во всяком случае, все это нужно сделать возможно быстрее. Ты должен набросать свои «идеи» по поводу этого заявления. Я добавлю свои, свяжу все воедино, пошлю тебе все в целом еще раз и т. д. Мне думается, что момент для такого «государственного переворота» подходящий. Мы не можем упустить этот момент для нашего «восстановления в правах» ни из-за Либкнехта, ни из-за кого-либо другого¹.

В то же время ты должен как можно скорее послать в «Social-Demokrat» свою статью по военному вопросу.

Я написал бы им при этом по поводу заявления, что, если они сами немедленно его *не* напечатают, то оно «сразу же» появится в других газетах.

Если они его примут, — прекрасно. Не страшно даже, если они из-за этого взлетят на воздух. (Хотя в данный момент Бисмарк поостережется прибегать к насильственным мерам.) Если же они не поместят заявления, то у нас будет удобный предлог для того, чтобы от них отделаться. Во всяком случае атмосфера должна быть очищена, а партия избавлена от оставленной Лассалем вони.

Твой К. М.

70

**МАРКС и ЭНГЕЛЬС —
В РЕДАКЦИЮ «SOCIAL-DEMOKRAT»**

[6 февраля 1865 г.]

Заявление

В номере 16 Вашей газеты г. М. Гесс из Парижа ставит под подозрение совершенно ему не известных *французских членов Лондонского центрального комитета Международного Товарищества Рабочих*, заявляя следующее: «*Действительно нельзя понять, какое кому дело, если в Лондонском обществе состоят также и некоторые друзья Пале-Рояля: ведь*

¹ В ответном письме от 5 февраля 1865 г. Энгельс полностью одобрил мысль Маркса о совместном заявлении в редакцию «Social-Demokrat» и предложил указать в заявлении на то, что «подло в такой преимущественно земледельческой стране, как Пруссия, нападать от имени промышленных рабочих только на буржуа, забывая при этом о патриархальной палочной эксплуатации сельских рабочих крупным феодальным дворянством». *Ред.*

оно публичное и т. д.» В прежнем номере, в болтливой заметке о газете «L'Association» тот же г. М. Гесс пустил в ход аналогичные инсинуации против *парижских друзей* Лондонского комитета. Мы объявляем его инсинуации вздорной клеветой.

Вообще же мы рады, что этот инцидент подтвердил наше убеждение, что парижский пролетариат, как и прежде, непримиримо враждебен бонапартизму в обоих его видах — и в образе Тюильри и в образе Пале-Рояля¹ — и что ни на один момент у него не появлялась мысль продать свою историческую честь (или, может быть, надо сказать вместо «свою историческую честь» — «свое историческое право первородства в качестве носителя революции»?) за чечевичную похлебку. Мы рекомендуем этот пример немецким рабочим.

71

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

11 февраля 1865 г.

Дорогой Фред!

Так как сегодня суббота, то я полагаю, что ты сегодня еще не отправишь рукописи² и что еще не поздно внести «дополнительно» следующие изменения:

1) В том месте, где ты *задаешь вопрос, чего же хотят рабочие*, я не ответил бы, как это сделано у тебя, что рабочие Германии, Франции и Англии требуют того-то и того-то. Это выглядит так (по крайней мере будет так *истолковываться*), будто бы мы принимаем лозунги *Итцига*. Я бы сказал иначе:

«Повидимому, требования, выставляемые в настоящий момент самыми передовыми рабочими *Германии*, сводятся к следующему и т. д.» Таким образом, ты себя ничем не связываешь; это и лучше, так как в дальнейшем ты сам критикуешь всеобщее избирательное право, если оно не сопровождается соответствующими условиями. (Слово «прямое» к тому же не имеет для Англии, например, и пр. никакого смысла и противопоставляется лишь изобретенному пруссаками «непрямому» избирательному праву.) Форма, в которой филистеры в Германии представляют себе государственное вмешательство à la Лассаль, такова, что нужно остерегаться

¹ — т. е. в лице Наполеона III и его двоюродного брата Жозефа-Шарля-Поля Бонапарта («Плон-Плон»). *Ред.*

² Это письмо написано Марксом по поводу брошюры Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». *Ред.*

в какой бы то ни было мере солидаризироваться с «таковыми». Будет лучше (и вернее), если ты поймаешь их на слове и *предоставишь им самим сказать*, чего они хотят. (Я говорю *филистеры*, потому что это именно умничающая, *зараженная лассальянством* часть рабочих.)

2) Я бы не сказал, что движение 1848—1849 гг. потерпело неудачу, потому что буржуазия противилась *прямоу, всеобщему избирательному праву*. Наоборот, франкфуртцы объявили его «истинно-германским» правом, и правитель империи также провозгласил его с соблюдением всех формальностей. (Я придерживаюсь также того взгляда, что когда этот вопрос встанет в Германии серьезно, то нужно будет рассматривать это избирательное право как *уже законно существующее*.) Так как у тебя нет места для слишком пространных объяснений, то я отделался бы фразой, что буржуазия тогда предпочла мир, соединенный с рабством, одной только *перспективе* борьбы, соединенной со свободой, или что-нибудь в этом роде.

В общем твоя брошюра очень хороша, и особое удовольствие мне доставило то место, где говорится, что теперешнее мещански-ограниченное движение существует фактически лишь по милости полиции.

Очень спешу.

Привет.

Твой К. М.

72

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

18 февраля 1865 г.

Дорогой Фред!

Прилагаю два письма от Либкнехта, одно тебе, другое мне, и письмо от Швейцера, *более раннее*.

Мое мнение таково:

Раз уж Либкнехт заявил о выходе¹, то надо с этим покончить. Если бы он отложил, то и мы также могли бы отложить, так как твоя брошюра еще в работе.

Я считаю, что Швейцера не исправим (у него, вероятно, тайное соглашение с Бисмарком).

В этом меня убеждает:

1. Подчеркнутое мною место в его письме от 15-го, которое я тебе посылаю.

¹ — из редакции «Social-Demokrat». *Ред.*

2. *Время*, когда появился его «Бисмарк III»¹.

Чтобы ты мог оценить и то и другое, я сообщаю тебе *дословно выдержку* из моего письма к нему от 13 февраля.

«...благодаря корреспонденции Моисея Гесса в полученном сегодня номере 21, наше заявление отчасти устарело, поэтому оставим пока все это дело. Правда, в нашем заявлении был еще и другой пункт — похвала парижскому пролетариату за его антибонапартистскую позицию и совет немецким рабочим подражать этому примеру. Это для нас было важнее, чем выступление против Гесса. Но мы подробно изложим наш взгляд на отношение рабочих к прусскому правительству где-нибудь в другом месте.

В Вашем письме от 4 февраля Вы пишете, что я сам предостерегал Либкнехта, советуя ему быть осторожнее для того, чтобы его не прогнали к чертям. Совершенно верно. Но я тут же писал ему, что можно говорить *все*, если найти подходящую форму. Даже и та форма полемики *против* правительства, которая «возможна» под берлинским меридианом, во всяком случае сильно отличается от заигрывания или даже от кажущегося компромисса с правительством! Я писал Вам лично, что «Social-Demokrat» должен избегать даже и тени такого компромисса.

Судя по Вашей газете, правительство, желая выиграть время, занимает двусмысленную позицию по вопросу об отмене законов против коалиций. Между тем в телеграмме «Times» сообщается, что правительство высказалось одобрительно по поводу предполагаемой государственной помощи кооперативным обществам. Меня несколько не удивит, если окажется, что на этот раз «Times» в виде исключения поместил правильные сведения!

Коалиции и вырастающие из них профессиональные союзы имеют чрезвычайно важное значение не только как средство организации рабочего класса для борьбы с буржуазией, — значение их в этом отношении обнаруживается, между прочим, в том, что даже рабочие Соединенных Штатов, несмотря на избирательное право и на республику, не могут обойтись без союзов; в Пруссии и вообще в Германии они имеют огромное значение также и потому, что здесь право коалиций означает брешь в господстве полиции и бюрократизма, оно кладет конец «уставу о челяди»² и хозяйничанию дворянства в деревне; словом, это такая мера превращения

¹ Третья статья Швейцера о министерстве Бисмарка, появившаяся в «Social-Demokrat» уже после того, как Маркс в своем письме потребовал от Швейцера прекратить заигрывания с Бисмарком. *Ред.*

² «Устав о челяди» 1854 г. — один из многочисленных законов, устанавливавших полное бесправие батраков; по этому закону одна попытка батраков устроить стачку каралась тюремным заключением. *Ред.*

«подданных» в полноправных граждан, на которую в тысячу раз скорее согласится любая прогрессистская партия, т. е. любая буржуазная оппозиционная партия в Пруссии (если она не сошла с ума), чем прусское правительство и тем более правительство Бисмарка. Наоборот, королевско-прусская правительственная помощь кооперативным обществам, — а всякий, кто знаком с прусскими условиями, знает наперед о ее неизбежно карликовых размерах, — как экономическая мера равна нулю, в то же время эта помощь означает расширение системы опеки, подкуп части рабочего класса, оскопление движения. Подобно тому, как буржуазная партия в Пруссии опозорила себя и дошла до теперешнего жалкого состояния именно благодаря тому, что серьезно поверила, будто вместе с «новой эрой» ей по милости принца-регента достанется правительственная власть, так и рабочая партия опозорит себя еще больше, если вообразит, что при эре Бисмарка или какой-либо другой прусской эре к ней в рот, по милости короля, будут падать золотые яблоки. Нет никакого сомнения, что разочарование в злосчастном заблуждении Лассалья относительно социалистического вмешательства прусского правительства непременно наступит. Логика вещей сделает свое. Но *честь* рабочей партии требует, чтобы она отказалась от таких иллюзий еще до того, как их призрачность будет обнаружена на опыте. Рабочий класс либо революционер, либо он ничто».

И что же! На это мое письмо от 13-го он отвечает своим письмом от 15-го, в котором требует, чтобы во всех «практических» вопросах я придерживался *его* тактики, он отвечает своим «Бисмарком III» в качестве нового образца этой тактики!! И теперь мне действительно кажется, что та *дерзкая* манера, с какой он поставил вопрос об отставке из-за нашего заявления против Гесса, вызвана была не нежностью к Моисею, а *твердым решением ни под каким видом* не помещать в «Social-Demokrat» наш совет немецким рабочим.

Так как с этим субъектом все равно надо порвать, то лучше сделать это теперь же. Что касается зараженных ласальянством немецких рабочих, то пусть себе кричат сколько угодно. Ведь лучшая их часть рано или поздно все равно примкнет к нам. Если ты одобряешь прилагаемое заявление, то перепиши его, подпиши и пришли мне. Так как оно было написано наслех, то измени все, что тебе кажется неподходящим, или напиши все заново, как хочешь.

Твой К. М.

73

МАРКС и ЭНГЕЛЬС — В РЕДАКЦИЮ «SOCIAL-ДЕМОКРАТ»

23 февраля 1865 г.

Нижеподписавшиеся обещали свое сотрудничество в «Social-Demokrat» и разрешили опубликовать свои имена в списке сотрудников лишь при определенном условии, что газета будет редактироваться в духе той краткой программы, которая была им сообщена. Ни на минуту не упускали они из виду трудного положения «Social-Demokrat» и поэтому никаких требований, не подходящих для берлинского меридиана, не предъявляли. Но они неоднократно требовали, чтобы против министерства и феодально-абсолютистской партии выступали, по крайней мере столь же смело, как против прогрессистов. Тактика, которой придерживается «Social-Demokrat», исключает возможность их дальнейшего сотрудничества в нем. Взгляд нижеподписавшихся на королевско-прусский правительственный социализм и на правильную позицию рабочей партии по отношению к такого рода обману был уже подробно развит в № 73 «Deutsche Brüsseler Zeitung» от 12 сентября 1847 г.¹ в ответ на № 206 выходившего тогда в Кельне «Rheinischer Beobachter», в котором предлагался союз «пролетариата» с «правительством» против «либеральной буржуазии». Мы и сегодня подписываемся под каждым словом нашего тогдашнего заявления.

Фридрих Энгельс. Карл Маркс.

74

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

23 февраля 1865 г.

Уважаемый друг!

Вчера я получил Ваше очень интересное для меня письмо и отвечаю на него по пунктам.

Прежде всего я хочу вкратце выяснить Вам мое отношение к Лассалю. Во время его агитации наши отношения были прерваны: 1) вследствие его назойливого самохвальства, которое в то же время сочеталось у него с бесстыднейшим плагиатом моих и иных сочинений, 2) потому, что я реши-

¹ Речь идет о статье «Коммунизм «Рейнского Обозревателя»». *Ред.*

тельно осудил его политическую тактику, 3) потому, что здесь, в Лондоне, еще до начала его агитации я подробно разъяснил и «доказал» ему, что непосредственно социалистическое вмешательство «государства Пруссии» — это бессмыслица. В своих письмах ко мне (с 1848 по 1863 г.), как и при личных свиданиях со мной, он всегда объявлял себя сторонником представляемой мною партии. Но как только он убедился в Лондоне (в конце 1862 г.), что со мной ему не удастся вести свою игру, он решил выступить в качестве «рабочего диктатора» против меня и старой партии. Несмотря на все это, я признавал его агитационные заслуги, хотя к концу его короткой карьеры даже и эта агитация стала казаться мне все более и более двусмысленной. Его внезапная смерть, старая дружба, жалобные письма графини Гатцфельд, отвращение к трусливой наглости буржуазных газет по отношению к тому, кого они так боялись при жизни, — все это побудило меня выступить с кратким заявлением против подлого Блинда (Гатцфельд послала это заявление в «Nordstern»). Заявление это не касалось, однако, содержания деятельности Лассалья. По тем же соображениям и в надежде устранить элементы, которые казались мне опасными, я вместе с Энгельсом обещал сотрудничество в «Social-Demokrat» (газета поместила перевод Учредительного манифеста и, по ее желанию, я написал по случаю смерти Прудона статью о нем) и, получив от Швейцера удовлетворительную программу его редактирования, разрешил ему назвать нас в качестве сотрудников. Гарантией нам служило еще то обстоятельство, что В. Либкнехт был неофициальным членом редакции. Между тем скоро обнаружилось — доказательства этого попали в наши руки, — что на самом деле Лассаль изменил партии. Он заключил форменный договор с Бисмарком (не обеспечив себя при этом, конечно, никакими гарантиями). В конце сентября 1864 г. он должен был отправиться в Гамбург и там (совместно с сумасбродным Шраммом и прусским полицейским шпионом Марром) «принудить» Бисмарка к присоединению Шлезвиг-Голштинии, т. е. провозгласить это присоединение от имени «рабочих» и т. д., за что Бисмарк обещал всеобщее избирательное право и кое-какие социалистические шарлатанства. Жаль, что Лассалю не пришлось разыграть этой комедии! Она представила бы его в таком смешном и глупом свете, что раз навсегда положила бы конец всяким попыткам подобного рода!

Лассаль попал на этот ложный путь, потому что он был «реальным политиком» на манер г. Микеля, только большего масштаба и с более крупными целями. (Кстати, я уже давно настолько раскусил Микеля, что объяснял себе его выступление тем, что для маленького ганноверского адвоката

Национальный союз является прекрасным средством добиться того, чтобы быть услышанным в Германии, за пределами своего маленького околотка, и, повысив, таким образом, *«реальность»* своей собственной персоны, добиться путем обратного действия признания в своем ганноверском отечестве, разыгрывая под *«прусской»* охраной ганноверского Мирабо.) Подобно тому, как Микель и его теперешние друзья ухватились за провозглашенную прусским принцем-регентом «новую эру», чтобы, включившись в Национальный союз, прицепиться к «прусской верхушке», и подобно тому, как они вообще развивали свою «гражданскую гордость» под *прусской охраной*, точно так же и Лассаль хотел разыгрывать маркиза Позу пролетариата с бранденбургским Филиппом II, предоставив Бисмарку роль сводника между ним и прусской короной. Он лишь подражал господам из Национального союза. Но в то время, как те взывали к прусской реакции в интересах буржуазии, он пожимал руку Бисмарку во имя интересов пролетариата. Господа из Национального союза имели для этого больше оснований, чем Лассаль, поскольку буржуа привык видеть лишь непосредственно под его носом лежащие выгоды как *«реальность»* и поскольку этот класс фактически везде заключал компромисс даже с феодализмом, в то время как рабочий класс по самой природе вещей необходимо должен быть честно «революционным».

Для такой тщеславно-театральной натуры, какой был Лассаль (которого, однако, нельзя было подкупить такими подачками, как должности, пост бургомистра и т. д.), была очень соблазнительной мысль о непосредственном подвиге в интересах пролетариата, совершенном Фердинандом Лассалем. Но на самом деле он был слишком невежествен относительно действительных экономических условий такого подвига, чтобы критически отнестись к себе самому! С другой стороны, вследствие подлой *«реальной политики»*, в силу которой германская буржуазия терпела реакцию 1849—1859 гг. и была простым зрителем одурачения народа, германские рабочие были слишком *«деморализованы»*, чтобы не приветствовать столь широкообещательного избавителя, который одним прыжком сулил перенести их в обетованную землю!

Итак, возвратимся к тому, о чем я начал говорить. Лишь только «Social-Demokrat» был основан, как оказалось, что старуха Гатцфельд хочет, наконец, выполнить «завещание» Лассалья. Через Вагенера (из «Kreuzzeitung») она поддерживала связь с Бисмарком. Она предоставила в распоряжение последнего «Рабочий союз» (Всеобщий германский), «Social-Demokrat» и т. п. В «Social-Demokrat» предстояло провозгласить ашиксию Шлезвиг-Голштинии, вообще признать Бисмарка покровителем и т. д. Весь этот прекрасный

план был *расстроен* благодаря тому, что в Берлине и в редакции «Social-Demokrat» мы имели Либкнехта. Хотя Энгельсу и мне не нравилась редакция газеты — льстивый культ Лассалья, заигрывание время от времени с Бисмарком и т. д., — было, конечно, важнее поддерживать пока официально связь с газетой, чтобы воспрепятствовать интригам старухи Гатцфельд и полному компрометированию рабочей партии. Мы делали поэтому хорошую мину при плохой игре, хотя частным образом постоянно писали редакции, что они должны вести борьбу с Бисмарком в такой же мере, как и с прогрессистами. Мы терпели даже тогда, когда надутый фат Бернгард Беккер, принявший всерьез значение, унаследованное им по завещанию от Лассалья, интриговал *против Международного Товарищества Рабочих*.

Между тем статьи г. Швейцера в «Social-Demokrat» становились все более бисмарковскими. Я еще раньше писал ему, что прогрессистов можно *запугать* в «вопросе о коалициях», но что *прусское правительство никогда и ни за что* не пойдет на полную отмену законов о коалициях, потому что это пробило бы брешь в бюрократизме, привело бы к предоставлению гражданских прав рабочим, к уничтожению устава о челяди, к отмене практикуемого дворянами наказания розгами в деревне и т. д. и т. д., чего Бисмарк никогда не допустит и что вообще несовместимо с прусским *бюрократическим* государством. Я добавлял, что если палата отвергнет законы о коалициях, правительство отделается *фразами* (вроде того, например, что социальный вопрос требует «более глубоких» мер и т. д.), чтобы сохранить эти законы в силе. Все это подтвердилось. А что сделал г. фон-Швейцер? Он написал статью за Бисмарка и приберег все свое геройское мужество против таких бесконечно малых, как Шульце, Фаухер и т. д.

Я думаю, что у Швейцера и пр. *честные* намерения, но они «*реальные политики*». Они хотя и считаются с *существующими* условиями и не желают уступать *привилегии* «реальной политики» г. Микелю и К^о. (Последние хотят, повидному, сохранить за собой привилегию сотрудничества с прусским правительством.) Они знают, что рабочая пресса и рабочее движение в Пруссии (а стало быть, и в остальной Германии) существуют лишь с соизволения полиции. Они хотят поэтому брать обстоятельства такими, каковы они есть, не хотят раздражать правительство и т. д., совершенно так же, как наши «*республиканские*» реальные политики «*принимают*» *императора* из Гогенцоллернов. Но так как я не «реальный политик», то я счел необходимым публично заявить вместе с Энгельсом (Вы скоро прочтете это заявление в

той или иной газете) об отказе от сотрудничества в «Social-Demokrat».

Вы видите также из этого, почему я в настоящий момент не могу *ничего* сделать в Пруссии. Тамашнее правительство прямо отказало в восстановлении меня в правах прусского гражданства. *Агитацию* там мне разрешили бы только в том случае, если бы она приняла желательную для г. фон-Бисмарка форму.

Я во сто раз предпочитаю мою агитацию здесь через «*Международное Товарищество*». Влияние на *английский* пролетариат получается непосредственное и в высшей степени важное. Теперь мы налагаем здесь на вопрос о всеобщем избирательном праве, который имеет здесь, конечно, *совершенно иное значение*, чем в Пруссии.

В общем, успех этого «Товарищества» здесь, в Париже, в Бельгии, Швейцарии и Италии *превозмог всякие ожидания*. Только в Германии мне, конечно, противодействуют последователи Лассаля, которые: 1) глупейшим образом боятся потерять свое влияние; 2) знают, что я открытый противник того, что немцы называют «реальной политикой». (Это такого рода «*реальность*», которая ставит Германию далеко позади всех цивилизованных стран.)

Так как каждый человек, который приобретает за 1 шиллинг членский билет, может стать членом Товарищества; так как французы (а также бельгийцы) избрали эту форму индивидуального членства, потому что закон запрещает им примкнуть к нам в виде «ассоциации»; так как в Германии дело обстоит точно так же, — я решил теперь предложить моим здешним друзьям и друзьям в Германии повсюду создавать маленькие общества, безразлично с каким количеством членов; каждый член такого общества приобретал бы английский членский билет. Ввиду того что английское общество *легальное*, этот метод не встречает препятствий даже во Франции. Я очень хотел бы, чтобы и Вы вместе с наиболее близко стоящими к Вам людьми связались таким путем с Лондоном.

Благодарю Вас за рецепт. По странному совпадению за три дня до его получения несносная болезнь обнаружилась снова. Таким образом, рецепт оказался очень кстати.

Через несколько дней я пришлю Вам еще 24 экземпляра «Учредительного манифеста». Сейчас мне приходится прервать письмо, так как пришел один из моих друзей; но так как я хочу отправить свое письмо, то других пунктов Вашего письма я коснусь в следующем раз.

Ваш К. М.

75

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЛАНГЕ

29 марта 1865 г.

Милостивый государь!

Очень прошу извинить меня, что я так долго не отвечал на Ваше дружеское письмо от 2—4-го с. м. Но не осуждайте меня, предварительно не выслушав. Дело в том, что в первые дни я был крайне занят, отчасти множеством накопившихся текущих дел, отчасти не терпящей отлагательства перепиской, которая всегда завязывается, если после долгого *otium cum (vel sine) dignitate* [достойно (а может быть и недостойно) проведенного досуга] сразу вдруг снова выступаешь перед публикой и с тобой еще при этом происходят такие веселые приключения, какие нам пришлось пережить с этим милейшим «Social-Demokrat». Кроме того я переезжал на другую квартиру, из-за чего бумаги мои были в известном беспорядке, и Ваше письмо куда-то затерялось. Я нашел его только третьего дня и спешу ответить Вам.

Очень благодарен Вам за любезное предложение послать Марксу и мне Ваш «Sphinx» и другие издания. Мой здешний книготорговец — г. Франц Тимм в Манчестере; Вы можете пересылать мне все через него. При пересылке этим путем книги обычно доходят в 3—4 недели, поэтому я буду Вам очень благодарен, если Вы хотя бы первые номера перешлете мне по почте простой, открытой бандеролью (это стоит недорого); я с удовольствием возьму расходы. Посылки Марксу направляйте, пожалуйста, через меня — он получит их через двенадцать часов по их прибытии. Как Вы сами правильно заметили, я не могу дать Вам сейчас никаких обещаний относительно возможности будущего сотрудничества; давайте оставим пока этот вопрос открытым, хотя, сотрудничая у Вас, мы и не рискуем попасть под подозрение, будто мы из Англии собираемся управлять какой-нибудь частью пролетариата в Германии.

Невольная задержка моего ответа дала мне возможность получить за это время Вашу книгу о рабочем вопросе; я прочел ее с большим интересом¹. Мне тоже при первом чтении Дарвина бросилось в глаза поразительное сходство его изображения жизни растений и животных с теорией

¹ Книгу Ф.-А. Ланге «Рабочий вопрос, его значение в настоящем и будущем» Энгельс получил от Маркса. В письме к Энгельсу 11 марта 1865 г. Маркс следующим образом характеризовал эту книгу: «Зибель прислал мне брошюру Ланге. Путаник, помесь мальтузианства с дарвинизмом, строит глазки всем и вся, но есть все же несколько дельных мест против Лассалья и буржуазных кооператоров. Я пошлю тебе ее на-днях». *Ред.*

Мальтуса. Только вывод я сделал не тот, что сделали Вы. А именно: я считаю, что для современного буржуазного развития величайшим позором является то обстоятельство, что оно не вышло еще из экономических форм животного царства. Для нас так называемые «экономические законы» являются не вечными законами природы, но законами историческими, возникающими и исчезающими, а кодекс современной политической экономии, поскольку экономисты составили его объективно правильно, является для нас лишь совокупностью законов и условий, при которых только и может существовать современное буржуазное общество. Словом, это есть отвлеченное выражение и резюме условий производства и обмена современного буржуазного общества. Поэтому для нас ни один из этих законов, поскольку он выражает *чисто буржуазные отношения*, не старше современного буржуазного общества. Те законы, которые в известной мере имеют силу для всей предшествующей истории, выражают только такие отношения, которые являются общими для всякого общества, покоящегося на классовом господстве и на классовой эксплуатации. К первым принадлежит так называемый закон Рикардо, который не имеет силы ни для крепостного строя, ни для античного рабства. К последним относится то, что есть правильного в так называемой теории Мальтуса.

Эту теорию, как, впрочем, и все остальные свои идеи, поп Мальтус просто украл у своих предшественников. Ему тут ничего не принадлежит, кроме чисто произвольного применения обеих прогрессий. Самая теория уже давно введена английскими экономистами в разумные рамки. Население оказывает давление не на средства существования, а на средства, *необходимые для труда*. Человечество могло бы размножаться быстрее, чем это может требоваться современному буржуазному обществу. Для нас это является лишним основанием, чтобы объявить это буржуазное общество препятствием развитию, таким препятствием, которое должно быть устранено.

Вы сами ставите вопрос, каким образом привести в соответствие возрастание населения с возрастанием средств существования. Но, кроме одной фразы в предисловии, я не нашел у Вас ни одной попытки разрешения этого вопроса. Мы исходим из того, что те же самые силы, которые создали современное буржуазное общество — паровая машина, современное машинное производство, массовая колонизация, железные дороги и пароходы, мировая торговля — и которые теперь благодаря непрерывно повторяющимся торговым кризисам уже работают над его разрушением и над его окончательным уничтожением, — что эти средства производ-

ства и обмена будут также вполне достаточны для того, чтобы в течение короткого времени превратить все соотношение в противоположное и настолько поднять производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек; что городская промышленность сможет обойтись без достаточного количества людей для того, чтобы направить в сельское хозяйство совсем иные силы, чем это было до сих пор; что теперь, наконец, наука сможет быть применена в сельском хозяйстве в массовом масштабе и с той же последовательностью, как и в промышленности; что эксплуатацию областей Юго-восточной Европы и Западной Америки, неисчерпаемо плодородных, удобренных самой природой, можно будет производить в грандиозных размерах, совсем иначе, чем это делалось до сих пор. Если после того, как все эти области будут перепаханы, наступит недостаток в продуктах, то будет еще достаточно времени, чтобы предупредить опасность.

Производится слишком мало — вот в чем дело. Но *почему же* производится слишком мало? Совсем не потому, что исчерпаны пределы производства, даже на сегодняшний день, при современных средствах. Совсем нет, а потому, что пределы производства определяются не количеством голодных желудков, но количеством покупающих, способных платить *кошельков*. Буржуазное общество не желает и не может желать производить больше. Безденежные рабочие с пустыми желудками, труд которых нельзя применить с *прибылью* и которые, стало быть, не в состоянии покупать, попадают в цифру смертности. Если при внезапном промышленном подъеме, как это постоянно случается, их труд становится возможно применить с *прибылью*, тогда у этих рабочих появляются деньги на покупку, и в таком случае средства существования всегда находятся. Это тот вечный заколдованный круг, в котором вертится вся экономика. Исходят из факта существования совокупности буржуазных отношений и затем доказывают, что всякая отдельная часть является их необходимой частью, следовательно, «вечным законом».

Меня очень позабавил Ваш рассказ о товариществах Шульце¹. Нечто вроде этого существовало также и здесь, но теперь это уже отходит в прошлое. У немцев еще явится пролетарская гордость.

Я не могу не упомянуть о Вашем замечании по поводу

¹ Имеются в виду кооперативные товарищества, создававшиеся в 60-х годах XIX века Шульце-Деличем. Своей пропагандой кооперативных товариществ и ссудо-сберегательных касс Шульце-Делич пытался отвлечь немецких рабочих от политической борьбы, подчинить рабочее движение буржуазному влиянию. *Ред.*

старика Гегеля, которому Вы отказываете в глубоком математическом и естественно-научном образовании. Гегель знал математику настолько, что никто из его учеников не был в состоянии издать оставшиеся после него многочисленные математические рукописи. Единственный человек, знающий, насколько мне известно, достаточно математику и философию для того, чтобы это сделать, — это Маркс. Охотно признаю, конечно, что в подробностях натурфилософии встречается бессмыслица, но его *настоящая* натурфилософия заключается во второй части «Логики», в учении о сущности, которое, собственно говоря, и есть ядро всего учения. Современная естественно-научная теория о взаимодействии сил природы (Гров — «Взаимодействие сил», книга, появившаяся, как мне кажется, впервые в 1838 г.), есть лишь иное выражение или, лучше сказать, положительное доказательство правильности развитых Гегелем мыслей относительно причины, действия, взаимодействия, силы и т. д. Я, конечно, теперь больше уже не гегельянец, но чувствую все еще большое почтение и привязанность к великому старику.

Уважающий Вас

Фридрих Энгельс.

76

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

1 мая 1865 г.

...Международное Товарищество добилось крупного успеха. Он состоит в следующем:

Лига реформы — дело наших рук¹. В узком комитете, состоящем из 12 человек (6 буржуа и 6 рабочих), все рабочие — члены нашего Совета (среди них Эккартус). Все компромиссные попытки буржуазии совлечь рабочий класс с правильного пути нам удалось разбить. Движение в провинции находится на этот раз в полной зависимости от лондонского. Эрнст Джонс, например, был в отчаянии, пока мы не двинули дело. Если удастся этим путем вновь оживить политическое движение английского рабочего класса, то наше Товарищество, безо всякого шума, сделает для европейского рабочего класса больше, чем это было возможно каким-либо другим путем. А есть все основания надеяться на успех...

¹ «Лига реформы» была создана при ближайшем участии Генерального Совета Интернационала в марте 1865 г. В противовес буржуазному требованию распространения избирательного права на всех домовладельцев, «Лига реформы» выставила требование предоставления избирательного права всему мужскому населению. *Рос.*

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

20 мая 1865 г.

... Сегодня вечером экстренное заседание «Интернационала». Старый чудак, старый оуэнист Уэстон (плотник) выставил два положения, которые он постоянно защищает в «Bee-Hive»:

1) что общее повышение уровня заработной платы не может принести рабочим никакой пользы;

2) что вследствие этого и пр. тред-юнионы *вредны*.

Если бы оба эти тезиса, в которые в нашем обществе верит лишь *он* один, были приняты, мы оказались бы в самом смешном положении как перед лицом здешних тред-юнионов, так и перед лицом той эпидемии стачек, которая царит теперь на континенте.

Так как на это заседание будут допущены не только члены, то Уэстон получит поддержку со стороны одного коренного англичанина, написавшего брошюру в этом же духе. Публика ждет, конечно, что я опровергну эти взгляды. Мне, собственно, следовало бы приготовить к сегодняшнему вечеру свое возражение, но я счел более важным продолжать писать книгу и должен поэтому полагаться на импровизацию¹.

Я, разумеется, знаю заранее, к чему сводятся оба основных пункта:

1) что стоимость товаров определяется *заработной платой*;

2) что если капиталисты платят сегодня 5 шиллингов вместо 4, то они будут завтра (возросший спрос даст им эту возможность) продавать свои товары за 5 шиллингов вместо 4.

Хоть все это и плоско и не идет глубже поверхности явлений, однако, не легко разъяснить круглым невеждам все связанные с этим экономические вопросы. Невозможно изложить курс политической экономии в течение одного часа, но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Эдгар² считает хорошей приметой, что он встретил в Англии прежде всего тебя. Лиззи очень ему понравилась.

Привет.

Твой К. М.

¹ Для опровержения положений, выставленных Уэстоном, Маркс на заседаниях Генерального Совета 20 и 27 июня 1865 г. прочел доклад, известный под названием «Заработная плата, цена и прибыль». *Ред.*

² Брат Жени Маркс. *Ред.*

1866 год

78

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

15 января 1866 г.

Дорогой друг!

Поздравляю с Новым годом и сердечно благодарю за Ваше дружеское письмо.

Извините за краткость этих строк, она объясняется большой перегруженностью работой в настоящий момент. В следующий раз я напишу подробнее.

Прилагаю два члских билета. Вопросы, которые должны будут обсуждаться в конце мая на публичном конгрессе в Женеве, я сообщу Вам в следующем письме.

Наше общество делает большие успехи. Оно имеет уже три официальных органа: в Лондоне «The Workman's Advocate», в Брюсселе «La Tribune du Peuple» и орган французской секции в Швейцарии: «Journal de l'Association Internationale des Travailleurs» (Женева). На-днях начнет выходить журнал немецко-швейцарской секции «Der Vorbote» под редакцией *И.-Ф. Беккера*. (Его адрес: 6, rue du Molc, Женева, *И.-Ф. Беккеру* — на случай, если бы Вы захотели послать ему когда-нибудь корреспонденцию по политическим или социальным вопросам.)

Нам удалось вовлечь в движение единственную действительно крупную рабочую организацию — английские «*тред-юнионы*», которые раньше занимались исключительно вопросами заработной платы. Основанное нами английское общество для борьбы за *всеобщее избирательное право* (Центральный комитет этого общества состоит наполовину из рабочих — членов нашего Центрального Комитета) устроило с их помощью несколько недель тому назад грандиозный митинг, на котором выступали только рабочие. О результатах его Вы можете судить из того, что «*Times*» в двух номерах подряд посвятил этому митингу свои передовицы.

Что касается моей работы, то я теперь по 12 часов в день переписываю ее начисто. Я думаю в марте отвезти рукопись первого тома в Гамбург и повидаться при этом с Вами...

79

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

13 апреля 1866 г.

...Итак, Бисмарк нанес удар с помощью всеобщего избирательного права¹, хотя и без своего Лассала. Повидимому, после некоторого сопротивления немецкий буржуа примирится с этим, потому что бонапартизм — истинная религия современной буржуазии. Для меня становится все яснее, что буржуазия неспособна властвовать сама непосредственно, и поэтому там, где олигархия не может взять на себя за хорошее вознаграждение (как она это делает здесь в Англии) управление государством и обществом в интересах буржуазии, — там нормальной формой является бонапартистская полудиктатура. Она отстаивает существенные материальные интересы буржуазии даже против ее воли, но в то же время не допускает буржуазию к самой власти. С другой стороны, сама эта диктатура, в свою очередь, вынуждена против своей воли принимать близко к сердцу эти материальные интересы буржуазии. Так, г. Бисмарк принял теперь программу Национального союза. Будет ли он ее выполнять — это, конечно, другой вопрос, однако Бисмарк вряд ли потерпит неудачу из-за немецкого буржуа. Только что возвратившийся сюда немец рассказывает, что многие уже попались на эту приманку; по сообщению Рейтера буржуа Карлсруэ уже одобрили эту историю, а необыкновенное замешательство «Kölnische Zeitung» по поводу всего этого ясно указывает на предстоящий поворот...

80

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

7 июня 1866 г.

...Итак, война все-таки будет, если не случится какое-нибудь чудо. Пруссаки раскаются в своем хвастовстве, и во всяком случае идиллии в Германии наступил конец.

¹ Энгельс имеет в виду предложение Бисмарка Союзному сейму о созыве парламента на основе всеобщего избирательного права для решения вопроса об изменении конституции Германского союза. Своим предложением Бисмарк преследовал цель заручиться поддержкой народных масс в предстоящей войне с Австрией. *Ред.*

Прудоновская клика среди парижских студентов («*Congrès Français*») проповедует мир, объявляет войну устаревшей, национальности — бессмыслицей, нападает на Бисмарка и Гарибальди и т. д. Как полемика с шовинизмом эта тактика полезна и объяснима. Но когда верующие в Прудона (к ним принадлежат также мои здешние добрые друзья Лафарг и Лонге) думают, что вся Европа может и должна сидеть тихо и смиренно на своей задней, пока господа во Франции отменят «нищету и невежество», под власть которых они том более поддаются, чем сильнее кричат о «социальной науке», — то они смешны...

81

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

20 июня 1866 г.

Дорогой Фред!

Отвратительная погода действует особенно скверно на мое здоровье; вот почему я не известил тебя о получении вина и вообще не написал. Поехать в Манчестер мне нельзя, так как в теперешнем состоянии я не могу уехать из дому; кроме того я должен быть здесь из-за Интернационала, так как мои французские друзья уже воспользовались однажды моим отсутствием, чтобы в теперешней весьма трудной обстановке делать глупости от имени Товарищества.

Что касается английских газет, то, по-моему, если в Манчестере ничего не выйдет, лучше всего послать хорошую военную статью в «*Times*», которому ты можешь отрекомендоваться английским корреспондентом «*Darmstädter Militärzeitung*». Политические соображения не должны тебя останавливать, так как все лондонские газеты одинаково плохи, и речь идет о том, чтобы получить доступ к возможно более широкой публике.

Ты должен теперь «критически» держать меня в курсе событий в Италии и Германии.

Вчера были прения в Совете Интернационала о теперешней войне. Об этом было объявлено заранее, и наша коммюна была полна народу. Господа итальянцы также прислали своих. Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» вообще и о нашем отношении к нему. В ближайший вторник будет продолжение обсуждения этого вопроса.

Французы, которых было очень много, не скрывали своего искреннего нерасположения к итальянцам.

Представители «Молодой Франции» (*нерабочие*) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и самая нация — «устарелые предрассудки». Прудонистское штирнерианство. Разложить все на мелкие «группы» или «коммуны», которые затем образуют «союз», но не государство. И в то время как происходит эта «индивидуализация» человечества и развивается соответствующий *mutualisme* [взаимопомощь], история во всех остальных странах должна приостановиться, и весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они сделают на наших глазах этот опыт, и весь остальной мир, побежденный силой их примера, сделает то же. Это как раз то, чего ожидал Фурье от своего образцового фаланстера. Вообще же все, кто усложняет «социальный» вопрос «суетвериями» старого мира, — «реакционеры».

Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам *«по-французски»*, т. е. на языке, непонятном для $\frac{9}{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под стрижанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией.

Вообще положение очень трудное, так как необходимо выступать в одинаковой мере как против глупого английского италиянофильства, так и против неправильной французской полемики с ним, и в особенности избегать всякой демонстрации, которая увлекла бы наше Товарищество на путь односторонности.

Привет.

Твой К. М.

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

7 июля 1866 г.

...Демонстрации лондонских рабочих, грандиозные по сравнению с теми, которые мы здесь видели после 1849 г., исключительно дело рук *Интернационала*. Г-н Лекрафт, например, бывший главным лицом в Трафальгар-сквере¹, — член нашего Совета. В этом обнаруживается разница между теми, кто *действует* за кулисами и публично не выступает, и демократами с их манерой выставлять себя напоказ и *ничего не белать*.

¹ Имеется в виду митинг в Трафальгар-сквере, созванный с целью борьбы за реформу избирательного права в Англии. *Ред.*

Дни «Commonwealth» сочтены. На будущей неделе Фокс уходит оттуда. Кстати. Штумпф пишет мне из Майнца, что спрос среди рабочих на твою книгу *«Положение рабочего класса в Англии»* увеличивается с каждым днем и что ты, хотя бы уж в интересах партии, непременно должен выпустить второе издание. Вместе с тем он полагает на основании своих личных наблюдений, что в Германии сейчас же после войны «рабочий вопрос» заметно выступит на передний план...

...Разумеется, Бонапарт сейчас не хочет войны, пока он не ввел игольчатое ружье или другое оружие равной силы. Один прусский эмигрант-офицер (Вильке) уверяет, что какой-то *американец* предложил здесь военному министерству ружье, которое по абсолютной простоте конструкции, незначительной нагреваемости, меньшей потребности в чистке и дешевизне настолько же превосходит игольчатое ружье, насколько последнее превосходит «Old Bess»¹. Наша теория об определении *организации труда средствами производства* нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в «человекоубойной промышленности». Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (у меня для этого нехватает знаний), что можно было бы за твоей подписью внести в мою книгу в виде приложения. Подумай об этом, но если это делать, то надо делать для первого тома, где я эту тему исследую подробно. Ты понимаешь, как приятно было бы мне, если бы и в моем главном труде (до сих пор я писал только мелочи) ты фигурировал непосредственно в качестве соавтора, а не только цитировался!

Я мимоходом изучаю теперь Конта, потому что англичане и французы так много кричат о нем. Их подкупает в нем энциклопедичность, синтез. Но по сравнению с Гегелем это нечто жалкое (хотя Конт превосходит его в качестве специалиста-математика и физика, т. е. превосходит в деталях, ибо в целом Гегель бесконечно выше даже и здесь). И этот дрянной позитивизм появился в 1832 году!

25 июля 1866 г.

Дорогой Мавр!

Я надеюсь, что на сей раз ты получил банковые билеты; очевидно, я по рассеянности вложил вместо них записку, на которой отметил себе номера. Самые же билеты я сунул

¹ «Old Bess» — винтовка старого образца. *Ред.*

под крышку своего бювара, где и нашел их, после того как пришел в себя от первого изумления, вызванного твоей телеграммой. Надеюсь, что они получились еще во-время.

Положение дел в Германии кажется мне теперь очень простым. С того момента, как Бисмарк с таким колоссальным успехом провел при помощи прусской армии малогерманский план буржуазии, развитие Германии так решительно пошло в этом направлении, что мы, как и другие, вынуждены признать этот совершившийся факт, нравится он нам или нет. Что касается *национальной* стороны дела, то Бисмарк во всяком случае создаст малогерманскую империю в тех пределах, которые имела в виду буржуазия, т. е. включая Юго-западную Германию; фразы о линии Майна и о возможности отдельной южно-германской федерации рассчитаны только на французов, а тем временем пруссаки продвигаются к Штутгарту. Немецкие провинции Австрии в очень недалеком будущем тоже достанутся этой империи, поскольку Австрия должна теперь сделаться венгерской, и немцы станут третьей нацией в империи — позади славян.

Политически Бисмарк будет вынужден опереться на буржуазию, которая нужна ему в противовес имперским князьям. Может быть, она понадобится ему еще не сейчас, так как пока ему достаточно престижа и армии. Но уже для того, чтобы добиться от парламента необходимых условий для центральной власти, он должен дать что-нибудь буржуа, и естественный ход вещей постоянно будет вынуждать его или его преемников снова апеллировать к буржуазии; так что, если даже в настоящий момент Бисмарк, возможно, и не даст буржуа больше того, что он *вынужден* дать, то все же обстоятельства будут все более и более толкать его в сторону буржуазии.

Все это имеет ту хорошую сторону, что положение упрощается и революция облегчается тем, что устраняется драка маленьких столиц и, во всяком случае, ускоряется развитие. В конце концов, германский парламент это совсем не то, что прусская палата депутатов. Все мелкие государства будут вовлечены в движение, прекратятся самые худшие локализирующие влияния, и партии станут, наконец, действительно национальными, а не только местными.

Главный минус, и минус очень крупный, заключается в том, что Германия будет неизбежно затоплена пруссачеством. Затем — временное отделение немецкой Австрии, что будет иметь своим последствием немедленное усиление славянства в Богемии, Моравии, Каринтии. Но против того и другого, к сожалению, ничего не поделаешь.

Итак, по-моему, нам не остается ничего другого, как просто считаться с фактом, не одобряя его, и использовать как

можно шире открывающиеся теперь большие возможности для *национальной* организации и объединения германского пролетариата.

Штумпфу незачем было писать мне, что брат Либкнехт ударился в фанатическую приверженность к Австрии, — это и не могло быть иначе. Несомненно, именно он писал в «*Neue Frankfurter Zeitung*» яростные корреспонденции из Лейпцига. Эта блиндовская, смерть государям несущая «*Neue Frankfurter Zeitung*» зашла так далеко, что бросила Пруссии упрек в позорном обращении с «*почтенным курфюрстом Гессенским*» и носится с бедным слепым Вельфом!

В «*Guardian*» я больше не писал.

Твой Ф. Э.

84

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

27 июля 1866 г.

...Я вполне согласен с тобой, что надо брать эту пакость такой, какова она есть. Но все-таки приятно оставаться в отдалении в это время первой юной любви. Наглость пруссаков, глупость красавца Вильгельма, воображающего, что после победы, доставшейся легко как во сне, ничего не изменилось, кроме того что он стал великодержавным государем и т. д., — все это окажет свое действие. Австрийцы находятся теперь в таком положении, в каком их хотели видеть пражские славянские фанатики в 1848 году. Однако потеря ими Венеции и вынужденная концентрация их сил пока совсем не благоприятны для русских. Сделавшись сама панславистской империей, Австрия будет еще более враждебна москвитам. Правда, при чрезвычайном упадке Габсбургов, можно опасаться, что австрийцы постепенно позволят русским привлечь себя к совместному нападению на Турцию.

Для рабочих, конечно, выгодно все, что централизует буржуазию. Однако же мир, если даже его заключат завтра, будет еще менее долговечным, чем мир, заключенный в Виллафранке или Цюрихе. Как только в разных странах будет проведена «реформа вооружения», так снова пойдет «потасовка», как говорил Шаппер. Во всяком случае, и Бонапарт также потерпел неудачу, хотя образование справа и слева милитаристских королевств подходит к плон-плонистскому плану «всеобщей демократии».

Здесь правительство чуть-чуть не довело дело до мятежа¹. Англичанин, конечно, нуждается еще в революционном воспитании, но для этого было бы достаточно двух недель, если бы сэр Ричард Майн получил право самовластно всем распоряжаться. Действительно, все висело на волоске. Если бы для нападения на полицию и для защиты от нее были пущены в ход железные прутья, — а до этого уже доходило, — и человек 20 полицейских было бы убито, то войскам пришлось бы «вмешаться», а не только парадировать. Вот тогда заварилась бы каша. Несомненно одно, что эти крепкоголовые Джоны Були, у которых черепа как будто нарочно сфабрикованы для полицейских дубинок, ничего не добьются без действительного кровавого столкновения с властью имущими...

83

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

9 октября 1866 г.

Дорогой друг!

Я надеюсь, что не должен заключить из Вашего долгого молчания, что мое последнее письмо чем-нибудь обидело Вас. Его смысл был как раз обратный. Каждый человек, находясь в отчаянном положении, чувствует иногда потребность высказаться откровенно. Но он делает это только по отношению к тем людям, которые пользуются его особым, исключительным доверием. Уверяю Вас, что мои житейские дела угнетают меня гораздо больше потому, что они мешают окончанию моей работы, чем по каким бы то ни было личным или семейным причинам. Я бы мог поправить их хотя бы с завтрашнего дня, если бы взялся за что-нибудь практическое вместо того, чтобы работать для нашего дела. Я надеюсь также, что Вас мало беспокоит то обстоятельство, что *Вы* лично не можете помочь беде. Это было бы уже совсем неосновательной причиной.

Ну, перейду теперь к кое-каким делам общего характера.

Я очень опасался за первый конгресс в Женеве, но вопреки моему ожиданию он прошел в целом хорошо². Влияние

¹ В связи с тем, что правительство запретило назначенный в Гайдпарке митинг по вопросу об избирательной реформе, в Лондоне произошли рабочие волнения. *Ред.*

² Женевский конгресс I Интернационала, состоявшийся 3—8 сентября 1866 г., закончился решительным поражением прудонистов. На конгрессе был утвержден написанный Марксом устав Интернационала, а в основу остальных его решений легла составленная Марксом программа лондонских делегатов («Инструкция делегатам временного Центрального Совета по отдельным вопросам»). *Ред.*

его во Франции, Англии и Америке превзошло все ожидания. Я не мог и не хотел поехать на конгресс, но написал программу лондонских делегатов. Я ограничил ее намеренно такими пунктами, на которых рабочим можно непосредственно согласиться и действовать совместно и которые дают потребностям классовой борьбы и организации рабочих в класс непосредственный материал и толчок. У господ парижан големы набиты пустейшими прудонистскими фразами. Они болтают о науке, а сами ничего не знают. Они презрительно огносятся ко всякому *революционному*, т. е. вытекающему из самой классовой борьбы, действию, ко всякому концентрированному общественному движению, т. е. такому, которое может быть проведено также и *политическими* средствами (как, например, *законодательное* сокращение рабочего дня). Под *предлогом* свободы и антигувернаментализма [отрицания всякого правительства] или индивидуализма, враждебного всяким авторитетам, эти господа, — которые 16 лет преспокойно выносили и выносят самый позорный деспотизм, — проповедуют на деле лишь прудонистски идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство! Прудон принес громадный вред. Сначала его мнимая критика и его мнимая противоположность утопистам (сам он представляет собой мелкобуржуазного утописта, тогда как в утопиях таких людей, как Фурье, Оуэн и др., есть предвосхищение и фантастическое изображение нового мира) захватила и подкупила «блестящую молодежь», студентов, потом рабочих, особенно парижских, которые, будучи заняты производством предметов роскоши, сильно тяготеют, сами того не сознавая, к старому хламу. Невежественные, тщеславные, претенциозные, болтливые, надутые ложным пафосом, они чуть было все не испортили, явившись на конгресс в таком большом количестве, которое совершенно не соответствовало числу их членов. В отчете, не называя их прямо, я им вздам должное.

Большую радость доставил мне происходивший одновременно американский рабочий конгресс в Балтиморе. Лозунгом служила там организация для борьбы против капитала, и удивительное дело, большинство выработанных мной для Женевы требований было точно так же выдвинуто и там благодаря верному инстинкту рабочих.

Здесь движение за реформу¹, которое вызвал к жизни наш Центральный Совет (в чем не малая доля и моего участия), приняло теперь огромные размеры и становится непреодолимым. Я все время держался за кулисами и не беспокоюсь больше об этом, раз дело пошло на лад.

Ваш К. Маркс.

¹ Движение за реформу избирательного права в Англии. *Ред.*

1867 год

86

МАРКС — Э. МЕЙЕРУ

30 апреля 1867 г.

Дорогой друг!

Вы, вероятно, очень плохого мнения обо мне и будете еще худшего, если узнаете, что Ваши письма не только доставляли мне *большую радость*, но и были для меня *настоящим утешением* на протяжении того очень мучительного периода, когда они приходили ко мне. Сознание, что я привлек к нашей партии ценного человека, стоящего на высоте ее принципов, вознаграждает меня даже за самое худшее. К тому же Ваши письма были полны самых дружеских чувств по отношению ко мне лично, а Вы понимаете, что, ведя жесточайшую борьбу со всем (официальным) миром, я менее всего способен недооценивать это.

Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подох, не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи.

Первый том работы появится через несколько недель в издании *Отто Мейснера* в Гамбурге. Заглавие: «*Капитал. Критика политической экономии*». Для того чтобы отвезти рукопись, я поехал в Германию, где на обратном пути в Лондон я остановился на несколько дней у одного друга в Ганновере.

Том I охватывает «*Процесс производства капитала*». Кроме общего теоретического исследования, я даю — на

основании еще не использованных *официальных* источников — весьма подробное описание положения английского земледельческого и промышленного пролетариата *за последние 20 лет*, а также и положения в *Ирландии*. Вы, конечно, понимаете, что все это служит для меня лишь в качестве «argumentum ad hominem» [«апелляции к человеку»].

Я надеюсь, что ровно через год вся работа будет напечатана. *Во II томе* дается продолжение и окончание теории¹, а в *томе III* — *история политической экономии с середины XVII столетия*.

Что касается Международного Товарищества Рабочих, то в Англии, Франции, Швейцарии и Бельгии оно стало крупной силой. Образуйте побольше филиалов его в Америке. Членские взносы составляют 1 пенс (около 1 зильбергроша) в год. Впрочем, каждая община дает столько, сколько она может дать. Конгресс состоится в этом году в Лозанне, 3 сентября. Каждая община может послать одного представителя. Напишите мне об этом, а также о Вашей жизни в Америке и об общем положении вещей. Если Вы не ответите, я буду считать, что Вы еще не дали мне отпущения грехов.

С сердечным приветом.

Ваш Карл Маркс.

87

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

16 июня 1867 г.

Дорогой Мавр!

В течение последней недели мне так мешали различные препирательства с г. Готфридом и другие истории и препятствия подобного рода, что я имел лишь очень мало досуга для изучения формы стоимости. Иначе я давно вернул бы уже тебе листы². На втором листе лежит печать некоторой подавленности, вызванной карбункулами, но этого уже не изменишь, и я полагаю, что никакого дополнения по этому вопросу писать не стоит. Ведь филистер не привык к такого рода абстрактному мышлению и, наверное, не станет мучить себя ради формы стоимости. Самое большее, что можно было бы сделать, это несколько более пространно доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем; так сказать, испытать достигнутое на примере истории, хотя са-

¹ Первоначально Маркс предполагал объединить во II томе «Капитала» все то, что впоследствии вошло во II и III томы. *Ред.*

² Имеются в виду корректурные листы I тома «Капитала» Маркса. *Ред.*

мое необходимое для этого и так уже сказано. Но у тебя так много материала, что ты, наверное, сможешь сделать отличный экскурс на эту тему и доказать филистеру историческим путем необходимость образования денег и показать происходящий при этом процесс.

Ты совершил большую ошибку, не сделав ход мыслей этого абстрактного исследования более наглядным при помощи более мелких подразделений и отдельных подзаголовков. Эту часть ты должен был бы дать, по примеру гегелевской Энциклопедии, в виде кратких параграфов, подчеркивая каждый диалектический переход особым заголовком и, по возможности, печатая все экскурсы и примеры особым шрифтом. Это придало бы книге в известной мере вид учебника, но зато существенно облегчило бы ее понимание для широкого круга читателей. Публика, даже ученая, теперь уже отвыкла от такого рода мышления, и необходимо предоставить ей все возможные облегчения.

По сравнению с прежним изложением (Дункер) сделан очень значительный шаг вперед в смысле отчетливости диалектического развития, но само изложение некоторых мест нравится мне больше в прежнем виде. Очень жаль, что как раз второй лист, весьма важный, пострадал из-за карбункулов. Но этого уже нельзя изменить, и кто способен мыслить диалектически, тот поймет. Остальные листы очень хороши и доставили мне большую радость...

...Гофмана¹ прочитал. Новейшая химическая теория, при всех своих ошибках, является большим шагом вперед по сравнению с прежней атомистической. Молекула как мельчайшая часть материи, *способная к самостоятельному существованию*, — вполне рациональная категория. Говоря словами Гегеля, это — «узел» в бесконечном ряду делений, узел, который не замыкает этого ряда, но устанавливает качественную разницу. Атом, который прежде изображался как предел делимости, теперь — только *отношение*, хотя сам г. Гофман на каждом шагу возвращается к старому представлению, будто существуют действительно неделимые атомы. В общем, констатированные в книге успехи химии действительно огромны, и Шорлеммер говорит, что эта революция непрерывно продолжается, так что каждый день можно ожидать новых переворотов.

Наилучший привет твоей жене, девочкам и электрику².
Твой Ф. Э.

Пять листов отсылаю сегодня обратно.

¹ А. Гофман. «Введение в современную химию». Ред.

² Л. Гартман. Ред.

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

22 июня 1867 г.

...Я надеюсь, что ты останешься доволен следующими четырьмя листами. До сих пор ты был доволен — это для меня важнее всего того, что может сказать весь свет по этому поводу. Во всяком случае, я надеюсь, что буржуазия всю свою жизнь будет помнить о моих карбункулах. Вот еще одно доказательство ее подлости! Ты знаешь, что Комиссия по обследованию детского труда работала пять лет. После ее первого отчета, появившегося в 1863 г., были немедленно «притянуты к ответу» те отрасли промышленности, на которые она указывала. В начале этой сессии торийское министерство через посредство Вальпола, этой плакучей ивы, внесло билль, по которому принимались все предложения Комиссии, хотя и в очень урезанном виде. Притянутые к ответу господа, среди которых были владельцы крупных металлообрабатывающих заводов, а также вампиры «домашней промышленности», смущенно молчали. Теперь они подают в парламент петицию и требуют — *нового расследования!* Препрежнее-де было пристрастным!

Они рассчитывают на то, что билль о реформе поглощает все внимание общества, так что дело будет обделано потихоньку, в своем кругу, тем более что ветер дует против тред-юнионов. Самое гнусное в *«отчетах»* — это *собственные показания этих господ*. Поэтому они знают, что новое расследование означает только одно, но как раз то, чего «мы, буржуа, хотим», а именно новую отсрочку для продолжения эксплуатации еще на пять лет! К счастью, мое положение в Интернационале дает мне возможность расстроить тонкие планы этих прохвостов. Это дело чрезвычайной важности. Речь идет об *отмене пыток* для полутора миллионов человек, не считая взрослых рабочих-мужчин!

Что касается развития *формы стоимости*, то я и последовал твоему совету и не последовал ему, желая и в этом отношении остаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал *добавление*, в котором излагаю *тот же вопрос* возможно более просто и возможно более по-школьному, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждый этап развития в *параграф с собственным подзаголовком*. В *предисловии* я советую «*недиалектическому*» читателю пропустить такие-то страницы и вместо них прочесть *добавление*. Здесь дело идет не только о филистере, но и о стремящейся к знанию молодежи и т. п. Кроме того, этот раздел слишком важен для всей книги. До сих пор господа экономисты

проглядели чрезвычайно простую вещь, а именно, что форма: *20 аршин холста = 1 сюртуку*, есть лишь неразвитая основа формы: *20 аршин холста = 2 фунтам стерлингов*; что, таким образом, *простейшая форма товара*, в которой его стоимость выражена еще не в виде отношения ко всем другим товарам, но лишь в виде *отличия* от его собственной натуральной формы; *заключает в себе всю тайну денежной формы*, и тем самым, в зародыше — *тайну всех буржуазных форм продукта труда*. В первом изложении (Дункер) я избегаю трудности развития тем путем, что собственно анализ *выражения стоимости* даю только тогда, когда это выражение выступает в развитом виде, как денежное выражение.

Относительно Гофмана ты совершенно прав. Между прочим, из заключительной части моей III главы¹, где указывается на превращение ремесленного мастера в капиталиста в результате чисто *количественных* изменений, ты увидишь, что я там в *тексте* привожу открытый Гегелем *закон преерращения чисто количественного изменения в качественное*, как закон, имеющий силу в истории и в естествознании. В *примечании* же к тексту (я как раз слушал тогда Гофмана) я упоминаю о *молекулярной теории*, но не о Гофмане, который *ничего* не открыл в этой области, а лишь придал ей последний лоск, а о Лоране, Жераре и Вюрце, из которых последний является *настоящим творцом* этой теории. После твоего письма я смутно припомнил все это и потому просмотрел свою рукопись...

89

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

27 июня 1867 г.

...Я получил последним по счету двадцатый лист. Во всей книге будет от сорока до сорока двух листов. *Дальнейших чистых листов*, кроме посланных тебе, я до сих пор не получил. Те, которые имеются у тебя на руках, отошли мне обратно при отъезде.

Что касается упомянутого тобой неизбежного возражения *мещанина и вульгарного экономиста*² (которые, конечно,

¹ Речь идет о 3 главе в первом издании I тома «Капитала»; в последующих изданиях ей соответствует 9 глава. *Ред.*

² Маркс отвечает здесь на следующее место из письма Энгельса от 26 июня 1867 г.:

«О возникновении прибавочной стоимости еще следующее: фабрикант и с ним вместе вульгарный экономист немедленно возразят тебе: если капиталист оплачивает рабочему за его двенадцатичасовое рабочее время только цену шести часов, то стюда не может возникнуть никакой

забывают, что, если они принимают в расчет *оплаченный труд* под именем *заработной платы*, то они *неоплаченный труд* принимают в расчет под именем *прибыли* и т. д.), то, выражаясь научно, это сводится к вопросу:

Как стоимость товара превращается в его цену производства, в которой

1) *весь труд представляется оплаченным в форме заработной платы;*

2) прибавочный же труд, или прибавочная стоимость, принимает под именем процента, прибыли и т. д. форму *надбавки на цену, надбавки на издержки производства* (равные цене постоянного капитала + заработная плата).

Ответ на этот вопрос предполагает:

I. Что показано *превращение, скажем, дневной стоимости рабочей силы в заработную плату или цену дневного труда*. Это делается в главе V этого тома.

II. Что показано *превращение прибавочной стоимости в прибыль, прибыли в среднюю прибыль* и т. д. Это предполагает предварительное изображение *процесса обращения капитала*, так как при этом играет роль оборот капитала и т. д. Поэтому речь об этом может идти лишь в третьей книге (том II содержит вторую и третью книги). Здесь обнаружится, на чем основывается *характер представлений* мещанина и вульгарного экономиста, именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления отношений*, а не их *внутренняя связь*. Если бы, впрочем, последнее имело место, то зачем вообще нужна была бы тогда *наука?*

Если бы я захотел *предупредить* все такого рода возражения, то я бы испортил весь диалектический метод исследования. Наоборот, этот метод имеет то преимущество, что он ставит этим господам на каждом шагу *ловушки* и тем вынуждает их преждевременно обнаружить свою непроходимую глупость.

Впрочем, непосредственно за § 3: «*Норма прибавочной стоимости*», последним, который был в твоих руках, следует

прибавочной стоимости, ибо тогда каждый рабочий час фабричного рабочего считается равным лишь получасу работы — в соответствии с тем, как он оплачивается, — и входит в стоимость продукта труда лишь как стоимость получасовой работы. Затем следует пример обычной калькуляционной формулы: столько-то на сырье, столько-то на снашивании, столько-то на заработную плату (*действительно израсходованную* на действительный часовой продукт) и т. п. Как ни слаб этот аргумент, как ни отождествляет он меновую стоимость с ценой, а стоимость труда с заработной платой, как ни абсурдна его предпосылка, что рабочий час, если он оплачивается только как полчаса, входит в стоимость лишь в виде получаса, — но все-таки я удивляюсь, что ты не принял этого во внимание, ибо это возражение будет тебе *неосомненно* немедленно сделано, и лучше заранее опровергнуть его». *Ред.*

параграф «Рабочий день» (борьба за продолжительность рабочего времени), содержание которого наглядно показывает, насколько господину буржуа *практически* ясны источник и субстанция его прибыли. Это видно также из случая с *Сениором* — из уверения буржуа, что источником всей его прибыли и процентов служит *последний неоплаченный рабочий час*.

Сердечный привет миссис Лиззи

Твой К. М.

90

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

2 часа ночи, 16 августа 1867 г.

Дорогой Фред!

Только что закончил корректуру *последнего* (49-го) листа книги. Добавление — *Форма стоимости*, — напечатанное *мелким шрифтом*, занимает 1¼ листа.

Предисловие тоже просмотрел и вчера отослал. *Итак, этот том готов*. Только тебе обязан я тем, что это оказалось возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не смог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности!

При сем два чистых листа.

Пятнадцать фунтов стерлингов получил, большое спасибо.

Привет, мой дорогой, верный друг!

Твой К. Маркс.

Чистые листы понадобятся мне обратно только тогда, когда книга выйдет в свет.

91

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

24 августа 1867 г.

...Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости независимо от ее особых форм*: прибыли, процента, земельной ренты и пр. Это обнаружится в особенности во втором томе. Исследование этих

особых форм в классической экономии, которая постоянно смешивает их с общей формой, представляет собой настоящую мешанину.

Твои пожелания, возражения, вопросы и т. п. прошу *вписывать* в чистые листы. Это очень важно для меня, так как я рассчитываю рано или поздно на второе издание. Что касается главы IV, то мне стоило немалого труда установить *сами эти вещи*, т. е. их *связь*. После того как это было сделано во время окончательной *обработки*, посыпались одна за другой Синие книги, и я был восхищен, видя, как факты вполне подтверждают мои теоретические выводы. Наконец, надо учесть, что глава писалась при карбункулах и ежедневных приставаниях кредиторов!

В связи с последней частью второй книги (*процесс обращения*), которую я *теперь* пишу, я должен опять, как много лет тому назад, обратиться к тебе с одним вопросом!

Основной капитал приходится восстанавливать в натуре лишь по истечении — скажем примерно — десяти лет. За это время его стоимость возвращается [фабриканту] частично и постепенно, по мере продажи товаров, изготовленных при помощи этого капитала. Если оставить в стороне ремонт и т. д., то надобность в этих все увеличивающихся возвратах для возмещения основного капитала возникает только после того, как он перестает существовать в своей вещественной форме, например в виде машин. *Все же время до этого* капиталист пользуется этими последовательными возвратами.

Много лет тому назад я писал тебе, что мне кажется, что таким образом образуется *фонд накопления*, так как ведь капиталист *пользуется* возвращенными деньгами в *промежуточное время*, прежде чем он *возместит* при их помощи основной капитал. В одном из писем ты несколько поверхностно возражал против этого. *Впоследствии* я узнал, что Мак-Кэллох изображает этот *амортизационный фонд* в виде *фонда накопления*. Будучи уверен, что все, что говорит Мак-Кэллох, неправильно, я отказался от этого. *Апологетические* цели, которые Мак-Кэллох преследовал своим утверждением, были опровергнуты уже мальтузианцами, но и *они признают самый факт*.

Ты как фабрикант должен знать, что вы делаете с возвратами в счет основного капитала *до* того времени, когда вы восстанавливаете этот капитал *в натуре*. И ты должен ответить мне на этот вопрос (без теории, *чисто практически*).

Привет тебе и миссис Лиззи.

Твой К. М.

2 sleep days

^x
2 1/2 sleep days
16 Aug 1867
2 1/2 sleep days - 16 Aug 1867
number of sleep days, total 2 1/2 sleep days

Dear Fred,

from the London Library (49.) I've been
feeling complete I've been - Myself -
the subject, subject 1 1/4 hours
read I'll you correct yourself
all the best of the day. Let the man
I've been at, days days might you. I've
been feeling better than if
might I might be in the
blind man. I've been you, full
of thanks!

I've been feeling better than if.

I've been feeling better than if.

Let me know, Myself again!

Dear H. Marx

Письмо Маркса Энгельсу от 16 августа 1867 г. об окончании первого тома «Капитала».

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

11 сентября 1867 г.

...На ближайшем конгрессе в Брюсселе я лично покончу с этими ослами-прудонистами¹. Я вел все это дело дипломатически и не хотел выступать *лично*, прежде чем моя книга [«Капитал»] не вышла в свет, а наше Общество не пустило корней. Кроме того я отделаю их в официальном отчете Генерального Совета. Несмотря на все свои усилия, парижские болтуны не смогли помешать тому, чтобы нас выбрали снова.

Между тем наше Общество сделало крупные успехи. Паршивая «Star», пытавшаяся совершенно нас игнорировать, вчера в передовой статье объявляет, что мы имеем больше значения, чем Конгресс мира². Шульце-Делич не мог помешать своему «Рабочему союзу» в Берлине примкнуть к нам. Английские мерзавцы из числа тред-юнионистов, для которых мы идем чересчур «далеко», прибежали к нам. Кроме «Courrier Français» о нашем конгрессе поместили сообщения: «Liberté» Жирардена, «Siècle», «Mode», «Gazette de France» и т. д. События движутся. И когда наступит революция, которая, возможно, ближе, чем это кажется, то *в наших руках*, т. е. у тебя и у меня, будет эта могучая машина. Сравни с этим результаты махинаций Мадзини и других за тридцать лет! И притом без денежных средств! С интригами прудонистов в Париже, Мадзини в Италии, с завистливыми Оджером, Кримером, Поттером в Лондоне, с Шульце-Деличем и лассальянцами в Германии! Мы можем быть очень довольны!..

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

30 ноября 1867 г.

...Если ты читал газеты, то ты, вероятно, знаешь, что:
1) Совет Интернационала послал Гарди обращение в защиту

¹ Брюссельский конгресс I Интернационала состоялся в 1868 г. Маркс на этом конгрессе не присутствовал, но руководил его подготовкой. *Ред.*

² Первый конгресс буржуазной «Лиги мира и свободы» (сентябрь 1867 г., Женева), созданной в противовес I Интернационалу. *Ред.*

фениев¹, и 2) прения о фенианизме (во вторник на прошлой неделе) были публичные, и «Times» поместил о них отчет. Присутствовали также репортеры дублинских газет «Irishman» и «Nation». Я пришел очень поздно (около двух недель у меня была высокая температура, которая спала только два дня тому назад) и не собирался выступать, во-первых, из-за нездоровья, а, во-вторых, ввиду запутанности положения. Однако председатель Уэстон хотел заставить меня говорить, и потому я внес предложение отложить заседание, что обязывало меня выступить в прошлый вторник. Действительно, ко вторнику я подготовил хотя не речь, но план речи. Однако ирландские репортеры не явились... По открытии заседания я поэтому заявил, что ввиду позднего времени уступаю слово Фоксу. И действительно — ввиду последовавшей за это время казни в Манчестере² — наша тема — «фенианизм» — возбудила бы страсти и раскалила бы атмосферу, что вынудило бы *меня* (но не абстрактного Фокса) разразиться громовой революционной речью вместо предполагавшегося делового анализа положения дел и движения. Таким образом, ирландские репортеры оказали мне большую услугу своим отсутствием и вызванным этим запоздалым открытием заседания. Я не люблю смешиваться с людьми типа Робертса, Стефенса и т. п.

Речь Фокса была хороша, во-первых, потому, что ее произнес *англичанин*, во-вторых, поскольку она касалась только политической и интернациональной стороны вопроса. Но именно поэтому она была поверхностна. Предложенная им резолюция была нелепа и бессодержательна. Я возражал против нее и добился передачи ее в Постоянную комиссию.

Англичане еще не знают того, что с 1846 г. экономическое содержание, а потому и политическая цель английского господства в Ирландии вступили в совершенно новую стадию, и именно поэтому фенианизм отличается социалистической тенденцией (в отрицательном смысле, как движение, направленное против присвоения земли) и тем, что стал движением низших классов. Нет ничего нелепее смешивать зверства Елизаветы или Кромвеля, желавших вытеснить ирландцев и заменить их английскими колонистами (в римском смысле), с теперешней системой, которая хочет заменить

¹ Фени — члены тайной ирландской революционной организации, поднявшей в 1867 г. восстание с целью свержения английского владычества в Ирландии. Генеральный Совет Интернационала требовал помилования четырех фениев, приговоренных манчестерским судом к смертной казни за организацию успешного побега из тюрьмы двух активных участников восстания. *Ред.*

² Трое из приговоренных фениев были казнены 23 ноября 1867 г.; одному смертная казнь была заменена пожизненной каторгой. *Ред.*

ирландцев овцами, свиньями и быками. Система, существовавшая с 1801 до 1846 г. (насильственные изгнания имели место в это время лишь как исключение, специально в Лейнстере, где почва особенно подходит для скотоводства) с ее чрезмерно высокими арендными платами и посредниками, потерпела крах в 1846 году. Уничтожение хлебных пошлин, явившееся отчасти прямо результатом ирландского голода и во всяком случае ускоренное им, отняло у Ирландии *монополию* снабжать Англию хлебом в нормальные времена. Шерсть и мясо стали лозунгом дня, а это означало превращение пашни в пастбище. Отсюда начало систематического укрупнения ферм. Акт об обремененных долгами поместьях, превративший массу прежних разбогатевших посредников в земельных собственников, ускорил этот процесс. *Очистка поместий в Ирландии* — вот единственный смысл теперешнего английского господства в этой стране. *Глупое* английское правительство в Лондоне само, конечно, ничего не знает об этой громадной перемене с 1846 года. Но ирландцы знают об этом. Начиная с *прскламации Мигера* (1848), вплоть до *избирательного воззвания Хенесси* (тори и урквартиста) (1866), ирландцы высказывают это вполне ясно и в весьма энергичной форме.

Спрашивается, что *мы* должны советовать *английским* рабочим? По моему мнению, они должны сделать пунктом своей программы *gereal* [разрыв] *союза* — короче говоря, требование 1783 года, только демократизированное и приноровленное к современным условиям. Это — единственно *легальная* форма ирландского освобождения и потому единственно возможная для принятия в программу *английской* партии. Опыт впоследствии должен показать, сможет ли существовать длительно простая личная уния между обеими странами. Я наполовину верю, что это возможно, если это произойдет своевременно.

Ирландцам необходимо следующее:

1. Самоуправление и независимость от Англии.
2. Аграрная революция. Англичане, при самом искреннем желании, не могут сделать революцию за ирландцев, но они могут дать им легальные средства, чтобы те сами сделали ее для себя.

3. *Покровительственные пошлины против Англии*. С 1783 до 1801 г. все отрасли ирландской промышленности процветали. Уния, вместе с которой были отменены покровительственные пошлины, установленные ирландским парламентом, разрушила всю промышленную жизнь в Ирландии. Незначительная льняная промышленность ни в каком случае не может возместить этого. Уния 1801 г. оказала на ирландскую промышленность совершенно такое же влияние, как меры

для уничтожения ирландской шерстяной промышленности и т. д., принимавшиеся английским парламентом при Анне, Георге II и др. Как только ирландцы станут самостоятельными, нужда заставит их стать протекционистами, подобно Канаде, Австралии и т. д.

Раньше чем изложить свои взгляды в Центральном Совете (в ближайший вторник, на этот раз, к счастью, без репортеров), я очень хотел бы, чтобы ты сообщил мне в нескольких словах свое мнение.

Привет.

Твой К. М.

1868 год

94

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

8 января 1868 г.

Дорогой Фред!

По поводу Дюринга¹. С его стороны и то уже много, что он почти целиком принимает отдел о «первоначальном накоплении». Он еще молод. Как последователь Кэри — прямой противник фритредеров. Кроме того — *приват-доцент*, следовательно, его не огорчает, что *профессор* Рошер, который всем им мешает продвинуться вперед, получает пинки. Из его характеристики мне особенно бросилось в глаза одно, а именно: пока определение стоимости рабочим временем, как у самого Рикардо, остается «неопределенным», оно не возбуждает сомнений у этих людей. Но как только оно ставится в строгую связь с рабочим днем и его изменениями, дело выступает перед ними в новом, весьма неприятном свете. Я полагаю вообще, что Дюринг дал отзыв о книге также из желания досадить Рошеру. А его боязнь самому попасть в положение Рошера действительно весьма заметна. Удивительно, что он не уловил трех совершенно новых положений в книге:

1) Что, в противоположность *всей* прежней политической экономии, которая с самого начала исследует, как нечто данное, особые части прибавочной стоимости в их фиксированных формах ренты, прибыли, процента, — у меня прежде всего рассматривается общая форма прибавочной стоимости, в которой все это заключается еще в недифференцированном виде, так сказать, в состоянии раствора.

2) Что от внимания всех экономистов без исключения ускользнула та простая вещь, что если товар представляет собою нечто двойственное, а именно — потребительную стоимость и стоимость меновую, то и воплощенный в товаре труд должен иметь двойственный характер, в то время как

¹ Речь идет о рецензии Е. Дюринга на I том «Капитала». *Ред.*

простой анализ труда *sans phrase* [без дальнейших определений], как у Смита, Рикардо и т. д., постоянно должен наталкиваться на необъяснимые вещи. В этом, в сущности, и заключается вся тайна критического понимания вопроса.

3) Что впервые заработная плата представлена как иррациональная форма проявления скрывающегося за нею отношения, и это ясно показано на обеих формах заработной платы: повременной и сделной. (Мне очень помогло то, что в высшей математике часто встречаются такие формулы.)

Что касается сделанных г. Дюрингом скромных возражений против определения стоимости, то во втором томе он с удивлением увидит, как мало значит «непосредственно» определение стоимости в буржуазном обществе. На самом деле *никакая форма* общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство. Но пока это регулирование осуществляется не путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем, — что возможно лишь при общественной собственности, — а через движение товарных цен, до тех пор остается в силе то, что ты весьма правильно сказал еще в «*Deutsch-Französische Jahrbücher*»¹...

95

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

6 марта 1868 г.

Дорогой друг!

Как только Коппель исчез, состояние мое снова ухудшилось. Я не думаю, впрочем, чтобы это было благодаря его отъезду. *Post*, а не *propter* [после, а не в силу этого]. (Впрочем, он в своем роде очень милый человек. Но это такой род здорового человека, который «не слишком» гармонирует с моим теперешним состоянием.) Итак, вот причина моего молчания, и вот почему я даже не написал Вам о получении книги Тюнена. В последнем есть что-то трогательное. Это — мекленбургский юнкер (впрочем, с *немецкой* способностью мыслить), который считает свое имение Теллов за образец *сельского хозяйства вообще*, а Шверин в Мекленбурге — за образец *города вообще*, и, исходя из этих предпосылок, с помощью наблюдения, дифференциального исчисления, практического счетоводства и т. п. конструирует самостоятельно рикардовскую теорию земельной ренты. Это и достойно уважения и смешно в одно и то же время.

¹ Статья Энгельса «Очерки критики политической экономии». *Ред.*

Странно смущенный тон г. Дюринга в его критике мне теперь понятен. Вообще говоря, это пренесносный, нахальный субъект, корчащий из себя революционера в политической экономии. Он совершил два подвига. Во-первых, опубликовал «Критические основы политической экономии» (около 500 стр.) — в теории исходит из взглядов Кэри, — а затем новую «Естественную диалектику» (направленную против гегелевской). Моя книга поставила над ним крест в обоих отношениях. Из ненависти к Рошеру и другим он стал писать о ней. При этом он допустил ряд ложных утверждений — отчасти умышленно, отчасти вследствие недомыслия. Он отлично знает, что мой метод исследования не тот, что у Гегеля, ибо я — материалист, а Гегель — идеалист. Гегелевская диалектика является основной формой всякой диалектики, но лишь *после* очищения ее от ее мистической формы, а это-то как раз и отличает *мой* метод. Что касается Рикардо, то оскорбило г. Дюринга как раз то, что в моем анализе нет тех слабых пунктов сочинения Рикардо, на которые указал Кэри и сотня других писателей до Кэри. Дюринг старается поэтому путем передержек взвалить на меня ошибки, свойственные Рикардо. Но это ничего не значит. Я должен быть благодарен этому человеку за то, что он первый из специалистов вообще заговорил о моей книге.

Во втором томе (который, вероятно, никогда не появится, если состояние моего здоровья не изменится), между прочим, будет анализирована и земельная собственность, конкуренция же — лишь постольку, поскольку этого требуют остальные темы.

Во время моего нездоровья (которое теперь, надеюсь, скоро совсем пройдет) я не мог писать, но проглотил огромную массу статистического и другого «материала», который сам по себе мог бы вызвать нездоровье у людей, обладающих желудками, недостаточно привычными к такого рода пище и к быстрому перевариванию ее.

Положение у меня сейчас очень затруднительное, потому что я не мог доставать денег посторонними заработками, а ради детей всегда должен был поддерживать известный декорум. Если бы мне не нужно было написать еще эти два проклятые тома (и, кроме того, отыскать *английского* издателя), что возможно только в Лондоне, я переехал бы в Женеву, где я мог бы жить очень хорошо на имеющиеся в моем распоряжении средства. Моя дочь № 2¹ выходит замуж в конце этого месяца.

Привет Френцхен.

Ваш К. М.

¹ Лаура Маркс. Ред.

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

25 марта 1868 г.

Дорогой Фред!

Хотел писать тебе вчера в Музее, но мне вдруг стало так плохо, что я вынужден был захлопнуть очень интересную книгу, которую держал в руках. У меня потемнело в глазах. При этом страшнейшая головная боль и стеснение в груди. Пришлось поплестись домой. Воздух и свет оказали свое благотворное влияние, а дома я немного поспал. Состояние мое таково, что по-настоящему я должен был бы на некоторое время отказаться от всякой работы и умственной деятельности; но это было бы мне тяжело, даже если бы у меня и были средства для бездельничания.

О Маурере. Его книги имеют громадное значение. Не только первобытная эпоха, но и все позднейшее развитие, вольные имперские города, пользующиеся иммунитетом помещики, государственная власть, борьба между свободным крестьянством и крепостничеством — все это получает совершенно новое освещение.

В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Даже самые выдающиеся умы принципиально, вследствие какой-то «слепоты суждения», не замечают вещей, находящихся у них под носом. А потом, когда наступает время, начинают удивляться тому, что всюду обнаруживаются еще следы тех самых явлений, которых раньше не замечали. Первая реакция против Французской революции и связанного с нею просветительного движения, естественно, состояла в том, чтобы видеть все в средневековом, романтическом свете, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого. Вторая же реакция, — и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают о своей связи с ним, — заключается в том, чтобы заглянуть за средневековье в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до поборников равенства, идущих так далеко, что это привело бы в ужас самого Прудона.

До какой степени все мы бываем связаны этой «слепотой суждения»: как раз на *моей* родине, на *Гунсрюкене*, древнегерманская система продолжала существовать вплоть до *последних* лет. Я вспоминаю теперь, что мой отец, как *адвокат*, рассказывал мне об этом! Другое доказательство: подобно тому, как геологи, даже лучшие, вроде Кювье, истолковывали некоторые факты совершенно превратно, так и фи-

дологи такого калибра, как Гримм, *переводили* неверно самые простые латинские фразы, потому что находились под влиянием Мезера и т. д. (который, помнится, восхищается тем, что у немцев никогда не существовало «свободы», но зато «воздух делает крепостным»). Например, известное место у Тацита: «*arva per annos mutant et superest ager*», что означает: они меняют (по жребию, откуда *sortes* во всех позднейших варварских «Правдах») поля (*arva*), и, кроме того, остается общинная земля (*ager* в противоположность *arva* как *ager publicus*), Гримм и др. переводят: они возделывают каждый год новые поля, и все же остается еще (невозделанная) земля!

Точно так же место: *colunt discreti ac diversi* [пахут землю в одиночку и порознь] должно было служить доказательством того, что германцы испокон веков хозяйничали на хуторах, подобно вестфальским юнкерам. А между тем в *том же* месте дальше говорится: «*Vicos locant non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis: suum quisque locum spatio circumdat*» [деревни они строят не по нашему обычаю — со смежными и соприкасающимися друг с другом зданиями: усадьбу каждого окружает свободное пространство], и подобного рода первобытные германские деревни вышеописанной формы все еще существуют кое-где в Дании. Скандинавия, естественно, должна была приобрести такое же значение для германской юриспруденции и экономической науки, как и для германской мифологии. И лишь исходя из этого, мы смогли вновь разобраться в нашем прошлом. Впрочем, и сам Гримм и др. находили у Цезаря, что германцы всегда селились родовыми общинами, а не в одиночку: «*gentibus cognationibusque, qui una coeierunt*» [родами и союзами родственников, которые селились вместе].

Но что сказал бы старик Гегель, если бы узнал на том свете, что *общее* (Allgemeine) означает у германцев и северян не что иное, как общинную землю, а *частное* (Sondere, Besondere) — не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность. Выходит, что логические категории — проклятие — прямо вытекают из «наших отношений» (aus unserer Verkehr).

Очень интересна работа Фрааза (1847): «*Климат и растительный мир во времени, их история*», где доказывается, что и в исторические времена климат и флора меняются. Он — дарвинист до Дарвина и допускает возникновение *видов* даже в историческую эпоху. Но в то же время он агроном. Он утверждает, что вместе с культурой — и соответственно степени ее развития — исчезает столь желанная для крестьян «влажность» (отсюда переселение растений с юга на север) и, наконец, образуются степи. Первоначальное влияние культуры благотворно, но в конце концов она действует

опустошающим образом, вызывая обезлесение и т. д. Этот человек такой же серьезный ученый филолог (он писал книги *по-гречески*), как химик, агроном и т. д. Вывод таков, что культура, если она развивается стихийно, а не *направляется сознательно* (до этого он как буржуа, разумеется, не додумывается), оставляет после себя пустыню: Персия, Месопотамия и т. д., Греция. Следовательно, и тут бессознательная социалистическая тенденция!..

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

6 апреля 1868 г.

...Злобой дня является у нас ирландский вопрос. Глэдстон и К^о, разумеется, эксплуатируют его только для того, чтобы снова стать у кормила правления и, прежде всего, чтобы заполучить *избирательный лозунг* на ближайших выборах, основанных на household suffrage [право голоса каждого домохозяина]. *Ближайшие* последствия этого оборота дел вредны рабочей партии, вредны тем, что интриганы среди рабочих, которые стремятся попасть в будущий парламент, каковы Оджер, Поттер и др., получили теперь новый *предлог*, чтобы присоединиться к буржуазным либералам.

Впрочем, это *наказание*, которое Англия — а следовательно, и английский рабочий класс — несет за свое тяжелое многовековое преступление против Ирландии. Но в конце концов это опять-таки пойдет на пользу английскому рабочему классу. А именно: *английская государственная церковь в Ирландии*, — или, как здесь принято ее называть, *ирландская церковь*, — является религиозной твердыней *английского лендлордизма* в Ирландии и в то же время передовым укреплением государственной церкви в самой Англии (я говорю здесь о государственной церкви как *земельном собственнике*). С падением государственной церкви в Ирландии она падет и в Англии, а за ними последует (в падении) лендлордизм — сначала в Ирландии, потом в Англии. А я давно был убежден, что социальная революция *серьезно* должна начаться с самых основ, т. е. с земельной собственности¹.

¹ Непереводаемая игра слов: Grund — основа, земля; Grundeigentum — земельная собственность. *Ред.*

Кроме того, все это приведет к тому полезному результату, что, как только ирландская церковь сойдет со сцены, *протестантские* ирландские фермеры провинции Ульстер примкнут к католическим фермерам и их движению в трех остальных провинциях Ирландии. До сих же пор лендлордизм мог эксплуатировать этот *религиозный* антагонизм...

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

30 апреля 1868 г.

...Пора, однако, познакомить тебя с методом развития нормы прибыли. Я набросаю тебе поэтому *в самых общих* чертах ход моих мыслей. Во II книге, как ты знаешь, будет изображен *процесс обращения* капитала на основе предположений, развитых в первой книге. Стало быть, новые определения форм, вытекающие из процесса обращения, как основной и оборотный капитал, оборот капитала и т. д. Наконец, в I книге мы довольствовались предположением, что если в процессе возрастания стоимости 100 фунтов превращаются в 110, то эти 110 *находятся* на рынке те элементы, в которые они снова превращаются. Теперь же мы исследуем условия этого нахождения, т. е. общественное сплетение различных капиталов, частей капитала и дохода (= m) друг с другом.

В III книге мы приходим к вопросу о превращении прибавочной стоимости в ее различные формы и обособленные друг от друга составные части.

I. *Прибыль* для нас прежде всего лишь *другое название* или другая категория для *прибавочной стоимости*. Так как благодаря форме заработной платы весь труд выступает как оплаченный, то неизбежно кажется, что неоплаченная часть его возникает не из труда, а из капитала, и притом не из переменной части его, а из всего капитала в целом. Вследствие этого *прибавочная стоимость* приобретает форму *прибыли* без *количественного* различия между той и другой. Это лишь иллюзорная форма проявления прибавочной стоимости.

Далее, потребленная при производстве товара часть капитала (авансированный на его производство капитал, постоянный и переменный, *минус* та часть *основного* капитала, которая применена, но не потреблена) выступает теперь в виде *издержек производства* товара, так как для капиталиста

издержками производства *товара* является та часть товарной стоимости, в которую ему обходится товар, а содержащийся в нем неоплаченный труд, с его точки зрения, напротив, в издержки производства *товара* не входит. Прибавочная стоимость = прибыль выступает теперь в виде *избытка продажной цены товара над его издержками производства*. Если назвать стоимость товара W , а его издержки производства K , то $W = K + m$, следовательно $W - m = K$, т. е. W больше K . Новая категория издержек производства весьма необходима для дальнейшего детального развития проблемы. С самого начала становится ясно, что капиталист может с выгодой продавать товар *ниже его стоимости* (лишь бы *выше* его издержек производства), а это — *основной закон* для понимания выравниваний, производимых конкуренцией.

Итак, если прибыль отличается от прибавочной стоимости сначала *лишь формально*, то, наоборот, отличие *нормы прибыли от нормы прибавочной стоимости* сразу же является

реальным, ибо в одном случае мы имеем $\frac{m}{v}$, в другом $\frac{m}{c+v}$,

откуда само собою следует, что так как $\frac{m}{v}$ больше, чем

$\frac{m}{c+v}$, то норма прибыли меньше, чем норма прибавочной стоимости, если только c не равно 0.

Из того, что сказано во II книге, следует, однако, что норму прибыли нельзя вычислять по отношению к любому, например, недельному, товарному продукту, но что $\frac{m}{c+v}$ имеет в виду прибавочную стоимость, произведенную *в течение года* в ее отношении к капиталу, *авансированному* (в отличие от *обернувшегося*) в продолжение года. Итак, $\frac{m}{c+v}$ означает тут *годовую норму прибыли*.

Мы исследуем затем прежде всего, как различный оборот капитала (зависящий частью от соотношения между оборотной и основной частями капитала, частью от числа оборотов оборотного капитала за год и т. д. и т. д.) изменяет *норму прибыли* при неизменной *норме прибавочной стоимости*.

Предполагая же оборот данным и исходя из определенной величины $\frac{m}{c+v}$ как годовой нормы прибыли, мы исследуем, как эта норма может меняться независимо от изменений нормы прибавочной стоимости и даже ее массы.

Так как m , масса прибавочной стоимости, = *норме прибавочной стоимости, помноженной на переменный капитал*,

то если мы назовем норму прибавочной стоимости g , а норму прибыли p' , то $p' = \frac{g \cdot v}{c + v}$. Тут мы имеем четыре величины: p' , g , v , c , с тремя из которых всегда можем оперировать, отыскивая неизвестную четвертую величину. Отсюда можно вывести все возможные случаи движения нормы прибыли, поскольку они отличны от движения нормы прибавочной стоимости и, в известной степени, даже массы прибавочной стоимости. До сих пор все это было для экономистов, разумеется, *необъяснимым*.

Найденные таким образом законы, весьма важные, например, для понимания влияния цены сырья на норму прибыли, остаются правильными, как бы ни делилась впоследствии прибавочная стоимость между производителем¹ и т. д. Это может изменить лишь *форму проявления*. Вместе с тем эти законы приложимы *непосредственно* и в том случае, если $\frac{m}{c + v}$ рассматривается как отношение произведенной обществом прибавочной стоимости к общественному капиталу.

II. То, что в I книге рассматривалось либо как *движения капитала* в одной определенной отрасли производства, либо как *движения общественного капитала*, — движения, благодаря которым изменяется его состав и т. д., — то теперь рассматривается как *различия масс капитала, вложенных в различные отрасли производства*.

Тогда оказывается, что при *равной норме прибавочной стоимости*, т. е. степени эксплуатации труда, производство стоимости, а потому и производство прибавочной стоимости, а потому и *норма прибыли* в различных отраслях производства *различны*. Но из этих различных норм прибыли конкуренция образует среднюю, или общую, норму прибыли. Если свести ее к ее абсолютному выражению, то эта норма прибыли есть не что иное, как *прибавочная стоимость*, произведенная *классом капиталистов* (за год), в отношении к авансированному в пределах всего общества капиталу. Например, если общественный капитал = 400 $c + 100 v$, а ежегодно производимая им прибавочная стоимость = 100 m , то состав общественного капитала = 80 $c + 20 v$, а состав продукта (в процентах) = 80 $c + 20 v || + 20 m = 20\%$ нормы прибыли. Это и есть *общая норма прибыли*.

Конкуренция между массами капитала, вложенными в различные сферы производства и имеющими различный состав, стремится к достижению *капиталистического коммунизма*, т. е. того, чтобы на долю *массы капитала, вложенной в любую из сфер производства*, приходилась соответственная

¹ Маркс имеет здесь в виду промышленного капиталиста. *Ред.*

часть совокупной прибавочной стоимости, пропорционально тому, какую часть совокупного общественного капитала она составляет.

Это достигается лишь в том случае, если в каждой сфере производства (принимая попрежнему, что совокупный капитал = $80 c + 20 v$, а общественная норма прибыли = $\frac{20 m}{80 c + 20 v}$) годовой товарный продукт продается по цене издержек производства + 20% прибыли на авансированную капитальную стоимость (при этом безразлично, какая часть авансированного основного капитала входит или не входит в годовые издержки производства). Но для этого цена товаров должна отклоняться от их стоимости. Только в тех отраслях производства, где состав капитала в процентном отношении равен $80 c + 20 v$, цена товаров — K (издержки производства) + 20% на авансированный капитал — совпадает с их стоимостью. Там, где этот состав выше (например, $90 c + 10 v$), цена будет выше их стоимости; там, где состав ниже (например, $70 c + 30 v$), цена ниже их стоимости.

Выравненная таким образом цена, равномерно распределяющая общественную прибавочную стоимость между массами капитала пропорционально их величине, есть цена производства товаров, центр, вокруг которого происходит колебание рыночных цен.

Те отрасли производства, где имеется естественная монополия, исключаются из этого процесса выравнивания даже в том случае, когда их норма прибыли выше общественной. Это важно в дальнейшем для развития теории земельной ренты.

В этой главе следует далее выяснить различные причины выравнивания между различными капиталовложениями; вульгарному экономисту они представляются различными причинами возникновения прибыли.

Далее: нужно исследовать ту измененную форму проявления остающихся в силе и ранее развитых законов стоимости и прибавочной стоимости, которую эти законы принимают теперь, после превращения стоимостей в цены производства.

III. Тенденция нормы прибыли к понижению вместе с прогрессом общества. Она вытекает уже из того, что было сказано в I книге об изменении в составе капитала в результате развития производительных сил общества. Это — один из величайших триумфов над камнем преткновения прежней политической экономии.

IV. До сих пор речь шла о производительном капитале. Теперь выступают на сцену изменения, вносимые купеческим капиталом.

По нашему предположению *производительный капитал* общества = 500 (миллионов или миллиардов, безразлично). А именно: $400 c + 100 v || + 100 m$; p' , всеобщая норма прибыли = 20% . Положим теперь, что торговый капитал = 100. Тогда 100 m надо брать в отношении к 600, а не к 500. Общая норма прибыли поэтому уменьшается с 20% до $16\frac{2}{3}\%$. Цена производства (для упрощения примем, что во 400 c , т. е. весь основной капитал, входит в *издержки производства* произведенной за год товарной массы) теперь = $583\frac{1}{3}$. Купец продает за 600 и, таким образом, если мы оставим в стороне основную часть его капитала, реализует $16\frac{2}{3}\%$ на свои 100, столько же, сколько производительные капиталисты, или, другими словами, присваивает себе $\frac{1}{6}$ общественной прибавочной стоимости. Товары — в своей совокупности и в масштабе всего общества — продаются по *их стоимости*. Его 100 фунтов (оставляя в стороне основной капитал) служат ему лишь оборотным денежным капиталом. Все, что купец присваивает себе сверх этого, сводится либо к простому мошенничеству или спекуляции на колебаниях товарных цен, либо — в подлинно мелкой торговле — к заработной плате, хотя и за паршивый непроизводительный труд, которая уплачивается под видом прибыли.

V. Теперь мы свели прибыль к той форме, в какой она выступает на практике, — в нашем примере к $16\frac{2}{3}\%$. Далее идет *разделение этой прибыли на предпринимательский доход и процент. Капитал, приносящий проценты. Кредит.*

VI. *Превращение добавочной прибыли в земельную ренту.*

VII. Наконец, мы приходим к *формам проявления*, которые для вульгаризатора служат *исходным пунктом*, — к земельной ренте, источником которой является земля, к прибыли (проценту), возникающей из капитала, заработной плате, возникающей из труда. С нашей же точки зрения дело представляется теперь иначе. Кажущийся процесс находит свое объяснение. Далее опровергается нелепое положение А. Смита, являющееся *краеугольным камнем* всей прежней политической экономии, — что цена товара состоит из указанных выше трех доходов, т. е. только из переменного капитала (заработная плата) и прибавочной стоимости (земельная рента, прибыль (процент)). Затем — идет весь процесс в целом в этой форме его проявления. Наконец, так как эти три формы (заработная плата, земельная рента, прибыль (процент)) составляют источники доходов трех классов — земельных собственников, капиталистов и наемных рабочих, — то как итог всего *классовая борьба*, в которой находят свое разрешение это движение, которая поканчивает со всей этой дрянью...

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

11 июля 1868 г.

Дорогой друг!

Здоровье детей улучшается, хотя они все еще слабы.

Очень благодарен Вам за Вашу посылку. Фаухеру *отнюдь не* пишите. Этот Mannequin piss слишком уже возомнит о себе. Все, чего он добился, это того, что во втором издании¹ — там, где речь идет о *величине стоимости*, — я дам Бастиа несколько полагающихся ему ударов. Я не сделал этого потому, что третий том будет содержать особую и обстоятельную главу о представителях «вульгарной экономики». Впрочем, согласитесь, вполне естественно, что Фаухер и братия выводят «меновую стоимость» своего собственного маранья не из *массы израсходованной рабочей силы*, но из *отсутствия этого израсходования*, а именно из «*сбереженного труда*». И достойный Бастиа не сам сделал это столь приятное таким господам «открытие», но, по своему обыкновению, «списал» его у своих предшественников. Его источники, конечно, неизвестны Фаухеру и К^о.

Что касается «Centralblatt», то автор статьи в этом журнале делает мне наивозможно большую уступку, допуская, что если вообще придавать какой-нибудь смысл понятию стоимости, то неизбежно приходится соглашаться с моими выводами. Несчастный не видит, что если бы в моей книге вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я даю, содержал бы в себе данные и доказательства действительных отношений стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта *необходимость разделения* общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; измениться может лишь форма *ее проявления*. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма*, в которой эти законы проявляются.

¹ Маркс имеет в виду второе издание I тома «Капитала». *Ред.*

А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда, — эта форма и есть *меновая стоимость* этих продуктов.

Задача науки состоит именно в том, чтобы объяснить, как проявляется закон стоимости; следовательно, если бы захотели сразу «объяснить» все кажущиеся противоречащими закону явления, то пришлось бы дать науку *раньше* науки. В том-то и состоит как раз ошибка Рикардо, что он в своей первой главе о стоимости предполагает *банными* все возможные категории, которые еще должны быть выведены, чтобы доказать их адекватность закону стоимости.

С другой стороны, *история теории*, конечно, доказывает, как Вы верно указали, что понимание отношения стоимости было *всегда одним и тем же*, только более ясным или более туманным, сильнее опутанным иллюзиями или более научно определенным. Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития и, в частности, развития органа мышления. Все остальное вздор.

Вульгарный экономист не имеет ни малейшего представления о том, что действительные, обыденные отношения обмена и величины стоимости *не могут быть непосредственно тождественными*. Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нем а priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое проявляется лишь как слепое действующее среднее. А вульгарный экономист думает, что делает великое открытие, когда он раскрытию внутренней связи гордо противопоставляет тот факт, что в явлениях вещи иначе выглядят. И выходит, что он гордится тем, что пресмыкается перед видимостью, принимает видимость за конечное. К чему же тогда вообще наука?

Но за этим скрывается еще и нечто другое. Раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы. Да и за что же, как не за это, платят сикофантам-болтунам, которые козыряют в науке тем, что в политической экономии вообще не разрешается мыслить?

Однако довольно и предовольно. Характерно во всяком случае, до чего пали эти попы буржуазии: рабочие и даже

фабриканты и купцы поняли мою книгу и сумели разобраться в ней, а эти «*ученые книжники*»(!) жалуются, что я предъявляю чрезмерные требования к их рассудку.

Перепечатывать статью Швейцера я *не* советую, хотя для его газеты статья Швейцера была хороша.

Вы очень обяжете меня, прислав мне несколько номеров «*Staatsanzeiger*».

Адрес Шнаке Вы, наверное, можете узнать, справившись в «*Elberfelder Zeitung*».

Сердечный привет Вашей жене и Френцхен.

Ваш К. М.

Кстати. Я получил статью Дицгена о моей книге; посылаю эту статью Либкнехту.

100

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

26 августа 1868 г.

...Полученное мною приглашение на съезд Всеобщего германского рабочего союза (на 22—25 августа в Гамбурге) подписано Швейцером в качестве председателя и более чем 20 рабочими из разных округов Германии (членами *правления* союза). В своем ответе мне пришлось считаться с этим последним обстоятельством. Свой отказ приехать я объясняю тем, что я занят делами Центрального Совета Международного Товарищества Рабочих и выражаю свою радость по поводу того, что в *программе* их съезда выдвигаются такие вопросы, как агитация за полную политическую свободу, ограничение рабочего дня и международное сотрудничество рабочего класса, т. е. исходные пункты всякого «серьезного» рабочего движения. Другими словами, я поздравляю их с тем, что они отказались от *программы Лассалья*. Посмотрим, поймут ли они, в чем соль. Швейцер — единственная умная голова во всей лассальянской банде — несомненно поймет. Но сочтет ли он нужным показать это или же прикинется дурачком, это будет видно.

Твой К. М.

101

МАРКС — Г. ЭККАРИУСУ и Ф. ЛЕССНЕРУ

10 сентября 1868 г.

Дорогие Эккарнус и Лесснер!

Прежде всего благодарю Лесснера за его длинное и интересное письмо.

Вы не должны допустить, чтобы конгресс¹ продлился дольше этой недели. До сих пор — поскольку дело идет об Англии — не случилось еще ничего конфузного.

Если бельгийцы и французы опять будут настаивать на включении в порядок дня ряда новых вопросов, дайте им понять, что это не годится, так как:

1) немцы представлены очень слабо, ибо почти одновременно в Германии собираются их конгрессы²;

2) Англия по случаю кампании за избирательное право почти совсем не представлена;

3) швейцарские немцы пока вовсе не представлены, так как они только сейчас присоединились, а давно существующие секции исчерпали свои средства в женевской забастовке;

4) прения ведутся теперь односторонние, только на французском языке;

5) вследствие этого необходимо избегать принятия *резолуций по общим теоретическим вопросам*, так как это вызвало бы только в дальнейшем протесты со стороны не-бельгийцев и не-французов.

Естественно, что публика больше всего интересуется вопросом о войне. Длинные декларации и напыщенные фразы в данном случае вреда не принесут. Резолюция, которую следует принять по этому вопросу, должна попросту гласить, что рабочий класс еще недостаточно организован, чтобы оказать решающее влияние на ход событий, но что конгресс от имени рабочего класса заявляет протест и обличает зачинщиков войны; что война между Францией и Германией есть междоусобная война, гибельная для обеих стран, гибельная и для всей Европы. Замечание, что война может принести пользу только русскому правительству, вряд ли будет принято господами французами и бельгийцами.

Кланяйтесь другу Беккеру.

К. Маркс.

Если на сцену выплывет вопрос о взаимном кредите, то Экарриус должен попросту заявить, что рабочим Англии, Германии и Соединенных Штатов нет никакого дела до прудоновских догм и что они считают вопрос о кредите второстепенным.

Резолюции конгресса надо будет сообщить лондонским газетам по телеграфу. Итак, смотрите не оскандальтесь!

К. М.

¹ Речь идет о Брюссельском конгрессе I Интернационала (6—13 сентября 1868 г.). *Ред.*

² Берлинский съезд лассальянского Всеобщего германского рабочего союза и Нюрнбергский съезд саксонских рабочих обществ, положивший в основу их программы принципы I Интернационала. *Ред.*

102

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

10 октября 1868 г.

... Когда ты был здесь в последний раз, ты видел Синюю книгу об ирландских земельных отношениях 1844—1845 годов. Случайно я натолкнулся в лавочке букиниста на «Доклады и материалы по ирландскому арендному праву 1867 г. (Палата лордов)». Это было настоящей находкой. В то время как господа экономисты ведут чисто догматический спор о том, является ли земельная рента платой за естественные различия почвы или просто процентом на вложенный в землю капитал, здесь мы имеем перед собой практическую борьбу не на жизнь, а на смерть между фермером и лендлордом из-за того, *в какой степени рента должна включать в себя, кроме платы за различия почвы, также* и процент на капитал, вложенный в землю не лендлордом, а арендатором. Только если поставить на место противоречащих друг другу догм скрывающиеся за ними противоречивые факты и действительные антагонизмы, можно превратить политическую экономию в положительную науку.

Привет.

Твой К. М.

103

МАРКС — И. Б. ШВЕЙЦЕРУ

13 октября 1868 г.

Милостивый государь!

Если Вы не получили ответа на Ваше письмо от 15 сентября, то виною этому недоразумение с моей стороны. Я понял это письмо так, что Вы хотите прислать мне Ваши «проескты» для ознакомления. Я ждал их. Но затем состоялся Ваш конгресс, после чего я решил (будучи очень перегружен работой), что с ответом можно не спешить. Как секретарь Интернационала для Германии я еще до получения Вашего письма от 8 октября *неоднократно* призывал к миру. Мне ответили (и в доказательство прислали выдержки из «Social-Demokrat»), что Вы сами провоцируете *войну*. Я заявил, что обязан ограничиваться ролью «беспристрастного судьи» в этой дуэли...

... Прежде всего, что касается лассалевского союза, то он был основан в эпоху реакции. Лассаль — и это остается его бессмертной заслугой — вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки. Но он совершил крупные ошибки. Он слишком поддавался влиянию непосред-

ственных условий того времени. Мелкую исходную точку — свою противоположность такому пигмею, как Шульце-Делич, — он сделал центральным пунктом своей агитации: государственная помощь в противоположность самопомощи. Таким образом, он снова выдвинул тот лозунг, который Бюше — глава французского католического социализма — выставил в 1843 г. против подлинного рабочего движения во Франции. Будучи слишком умен, чтобы считать этот лозунг чем-то большим, чем переходным средством на худой конец, Лассаль мог оправдать его только его непосредственной (якобы) осуществимостью. Для этой цели он должен был утверждать, что этот лозунг осуществим в *ближайшем* будущем. «Государство» превратилось, таким образом, в прусское государство, вследствие чего он вынужден был делать уступки прусской монархии, прусской реакции (феодалной партии) и даже клерикалам. С лозунгом Бюше о государственной помощи ассоциациям он соединил чартистский лозунг всеобщего избирательного права. Он проглядел, что условия в Германии и Англии различны. Он не понял уроков Второй империи в вопросе о всеобщем избирательном праве во Франции. Затем он с самого начала придал своей агитации религиозный, сектантский характер, как и всякий, кто утверждает, что у него в кармане имеется всеспасающее средство против страданий масс. В действительности всякая секта религиозна. Далее, как и всякий учредитель секты, он отрицал всякую естественную связь с прежним рабочим движением *как в Германии, так и за границей*. Он впал в ошибку Прудона, состоявшую в том, что он не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по некоему определенному доктринерскому рецепту.

Большую часть того, что я говорю теперь задним числом, я говорил Лассалю заранее, когда он в 1862 г. приехал в Лондон и приглашал меня стать вместе с ним во главе нового движения.

Вы на собственном опыте узнали, в чем противоположность между сектантским движением и классовым движением. Для секты смысл ее существования и вопрос чести состоят не в том, что у нее есть *общего* с классовым движением, а в том *особенном талисмани*, который ее от этого движения *отличает*. Поэтому, когда Вы предложили созвать съезд в Гамбурге для учреждения профессиональных союзов, то Вы смогли сломить сектантское сопротивление только своей угрозой отказаться от президентства. Вы были кроме того вынуждены как бы раздвоиться, заявив, что Вы в одном случае действуете как глава секты, а в другом — как представитель классового движения.

Роспуск Всеобщего германского рабочего союза давал Вам *исторический* повод сделать большой шаг вперед и заявить, доказать, если это требовалось, что теперь наступила новая стадия развития и момент созрел для растворения сектантского движения в классовом движении и для того, чтобы покончить со всяким сектантством. А то, что было истинного у секты, то она, подобно всем прежним рабочим сектам, внесла бы в общее движение в качестве элемента, обогащающего это движение. Вместо этого Вы фактически потребовали от классового движения, чтобы оно подчинилось особому сектантскому движению. Ваши недруги сделали отсюда тот вывод, что Вы хотите во что бы то ни стало сохранить свое «собственное рабочее движение».

Что касается берлинского конгресса, то, прежде всего, нечего было спешить, потому что закон о коалициях еще не прошел. Вы должны были поэтому сговориться с лидерами *вне* лассальянских кругов и совместно с ними выработать план и созвать конгресс. Вместо этого Вы только предоставили им альтернативу — присоединиться к *Вам* или идти *против Вас*. Самый конгресс оказался лишь расширенным изданием гамбургского конгресса.

Что касается проекта устава, то я считаю его принципиально ошибочным, а в области профессиональных союзов у меня, я думаю, больше опыта, чем у любого из моих современников. Не вдаваясь в детали, замечу только, что организация, построенная на основе *централизма*, пригодна для тайных обществ и сектантских движений, но противоречит сущности профессиональных союзов. Будь она даже возможна, — а я заявляю, что она просто-напросто невозможна, — она была бы нежелательна, особенно в Германии, где рабочий с детских лет живет в атмосфере бюрократической регламентации и верит в авторитеты, в начальство, и где его нужно прежде всего *приучать к самостоятельности*.

Но Ваш план и в других отношениях непрактичен. В «Союзе» получают три независимые власти различного происхождения: 1) *комитет*, избираемый по *профессиональным союзам*; 2) *председатель* (в данном случае совершенно излишнее лицо), избираемый *всеобщим голосованием*; 3) конгресс, избираемый *местными организациями*. Таким образом, повсюду — коллизии, и это якобы должно благоприятствовать «быстроте действия». (В уставе Международного Товарищества Рабочих тоже фигурирует председатель Товарищества. Но фактически его единственная функция сводится к тому, что он председательствует на заседаниях Генерального Совета. По моему предложению это звание, от которого я отказался в 1866 г., было в 1867 г. совсем уничтожено и заменено председательствующим, который избирается на каж-

дом еженедельном заседании Генерального Совета. В *Лондонском совете тред-юнионов* тоже имеется только председательствующий. Постоянным должностным лицом является там лишь *секретарь*, так как он ведет текущую деловую работу.) Лассаль сделал большой промах, заимствовав из французской конституции 1852 г. «избираемый всеобщим голосованием». Тем более это не годится для профессионального движения! Последнее вращается главным образом вокруг денежных вопросов, и Вы вскоре убедитесь, что здесь наступает конец всякому диктаторству.

Впрочем, каковы бы ни были ошибки организации, их, может быть, удастся более или менее устранить разумной практикой. В качестве секретаря Интернационала я готов выступить посредником между Вами и нюрнбергским большинством, прямо примкнувшим к Интернационалу, — но, конечно, на разумных условиях. То же самое я написал в Лейпциг¹. Я не закрываю глаз на трудности Вашего положения и не забываю о том, что действия каждого из нас больше зависят от обстоятельств, чем от собственной воли.

Обещаю Вам во всяком случае быть беспристрастным — это моя обязанность. Но, с другой стороны, я не могу Вам обещать, что я не выступлю в печати как *частное лицо*, с открытой критикой лассальянских предрассудков, как я это сделал в свое время по отношению к прудонистским, когда сочту это абсолютно необходимым в интересах рабочего движения.

Заверяя Вас лично в моих лучших чувствах к Вам, остаюсь преданный Вам

К. М.

104

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

6 ноября 1868 г.

Дорогой Мавр!

Возвращаю Эйхгофа и рукопись Дицгена. Последнюю я убрал *подальше*, чтобы она не затерялась при уборке, и совершенно забыл о ней.

Трудно высказать вполне определенное суждение об этой вещи; человек этот — не прирожденный философ и к тому же наполовину самоучка. Часть его источников (например, Фейербах, твоя книга и популярные книжонки по естественным наукам) можно сразу определить по его терминологии; но что он читал кроме этого, сказать трудно. Терминология, разумеется, еще очень путаная и отсюда недостаток

¹ В. Либкнехту. *Ред.*

четкости и частые повторения в иных выражениях. Диалектика тоже имеется, но больше в виде проблесков, чем в связном виде. Изображение вещи в себе как мысленной вещи было бы очень хорошо и даже гениально, если бы можно было быть *уверенным*, что *он сам* додумался до этого. В его работе много остроумия и, несмотря на грамматические промахи, виден значительный стилистический талант. В общем же у него замечательный инстинкт, раз он добился таких правильных выводов при столь скудной научной подготовке¹...

105

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

7 ноября 1868 г.

... Боркгейм переводит для меня главные места из одного русского сочинения о распаде прежних аграрных отношений и дал мне также французскую книжку русского Шедо-Ферроти по этому вопросу. Последний — он вообще крайне поверхностный субъект — очень ошибается, когда утверждает, что русская община возникла лишь вследствие запрещения крестьянам уходить с земли. В этой общине все абсолютно, *до малейших деталей*, тождественно с *первобытной германской* общиной. Что является специфическим у русских (но это встречается также у *части индийских общин* — не в Пенджабе, а на юге), так это, во-первых, не *демократический*, а *патриархальный* характер управления общиной и, во-вторых, *круговая порука* при уплате государственных податей и т. д. Из второго пункта следует, что чем прилежнее русский крестьянин, тем больше эксплуатирует его государство, не только в форме податей, но и в форме натуральных повинностей, поставок лошадей и т. п. при постоянных передвижениях войск, казенных курьеров и т. д. Но вся эта дрянь на пути к разрушению.

Исследование Дицгена, кроме тех мест, где проглядывает влияние Фейербаха и т. д., словом, его источники, я считаю вполне самостоятельной работой. В остальном я согласен со всем, что ты говоришь. Насчет повторений я скажу ему несколько слов. Очень плохо для него, что как раз Гегеля он *не* изучал...

¹ Замечания Энгельса относятся к рукописи И. Дицгена о «Способности мышления», которую Маркс переслал Энгельсу на отзыв. В письме к Кугельману от 5 декабря 1868 г. Маркс писал об этой работе: «Уже давно Дицген прислал мне отрывок рукописи о «Способности мышления», который, несмотря на некоторую путаницу в понятиях и на слишком частые повторения, содержит в себе много превосходных и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, достойных изумления мыслей». *Ред.*

1869 год

106

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

3 марта 1869 г.

...Во Франции происходит очень интересное движение.

Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе. Сначала *происхождение империи* — декабрьский государственный переворот. Последний был совершенно позабыт, подобно тому как реакции* удалось в Германии совершенно вытравить воспоминания о 1848—1849 годах.

Вследствие этого книги Тено о государственном перевороте¹ обратили на себя чрезвычайное внимание в Париже и провинции и в короткое время выдержали десять изданий. Тогда стали выходить дюжинами другие книги об этом периоде. Это была настоящая горячка, поэтому на этой почве возникла спекуляция книгопродавцев.

Сочинения эти исходили от *оппозиции* — Тено, например, сотрудник «*Siècle*» (я имею в виду либеральную буржуазную газету, а не наше столетие)². Все либеральные и нелиберальные прохвосты, принадлежащие к официальной оппозиции, покровительствуют этому движению. Так же относится к нему и республиканская демократия — люди вроде *Делеклюза*, например, который раньше был адъютантом Ледрю-Роллена, а теперь в качестве республиканского патриарха редактирует в Париже «*Réveil*».

До сих пор все — все, кроме бонапартистов, — упивались этими посмертными разоблачениями или, вернее, воспоминаниями прошлого.

¹ Книги Э. Тено о государственном перевороте Луи Бонапарта — «Париж в декабре 1851 г.» и «Провинция в декабре 1851 г.» *Ред.*

² В оригинале игра слов: слова «сотрудник «*Siècle*»» Маркс написал по-французски: «*homme du Siècle*», что значит буквально: «человек века». *Ред.*

Но потом выступила обратная сторона медали.

Сначала само французское правительство через ренегата Ипполита Кастиля опубликовало «Июньские убийства 1848 г.». Это было ударом кулака для господ Тьера, Фаллу, Мари, Жюля Фавра, Жюля Симона, Пельтана и пр. — одним словом, для главарей так называемого во Франции «Либерального союза». Либеральные главари хотят жульнически использовать ближайшие выборы. Старые подлые собаки!

Затем наступила очередь социалистической партии, которая стала «разоблачать» оппозицию и республиканских демократов старого покроя.

Сюда относятся, между прочим: *Верморель*, «Деятели 1848 г.» и «Оппозиция».

Верморель — прудонист.

Наконец, выступили в печати и бланкисты, например *Г. Тридон*: «Жиронда и жирондисты».

И вот кипит весь котел у чародейки-истории.

Когда-то *у нас* дойдет до этого!

А вот Вам материал насчет того, как хорошо осведомлена французская полиция.

Я собирался поехать в начале будущей недели в Париж, чтобы повидаться с дочерью.

В прошлую субботу полицейский агент является к Лафаргу и спрашивает, приехал ли уже г. Маркс. Я, мол, имею поручение к нему. — Предупредили!

Сердечный привет Вашей милой жене и Френцхен.

Как поживает г-жа Тенге?

Ваш К. М.

107

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

5 марта 1869 г.

Дорогой Фред!

Прилагаемый документ получен *вчера* (хотя помечен 27 февраля)¹. Верни его тотчас же по прочтении, так как в ближайший вторник мне надо доложить о нем Совету. Господам из «Альянса» понадобилось немало времени, чтобы сострять это произведение.

¹ Письмо Центрального комитета бакунинского Альянса социалистической демократии. Добиваясь принятия в Интернационал, Альянс заявлял о готовности отказаться от своей самостоятельной организации при условии, если Генеральный Совет признает принципы программы Альянса. *Ред.*

Нам, в сущности, было бы гораздо приятнее, если бы они оставили при себе свои «несметные легионы» во Франции, Испании и Италии.

Бакунин думает: если мы одобрим его «радикальную программу», то он сможет ее разблаговестить и таким образом до известной степени скомпрометировать нас. Если мы выскажемся против, то нас ославят как контрреволюционеров. Кроме того, если мы примем Альянс, то Бакунин позаботится о том, чтобы на Базельском конгрессе его поддержали какие-нибудь сволочные элементы.

Я думаю, нужно ответить следующим образом.

Согласно § 1 устава допускается всякое рабочее общество, «стремящееся к одной и той же цели, а именно к защите, развитию и *полному освобождению рабочего класса*».

Так как степень развития различных слоев рабочих одной и той же страны, а также рабочего класса разных стран, конечно очень различна, то и действительное движение с необходимостью получает свое выражение в теоретических формах, чрезвычайно различных.

Общность действий, которую Международное Товарищество Рабочих вызывает к жизни, обмен мыслей при помощи различных органов секций во всех странах, наконец, непосредственное обсуждение на общих конгрессах постепенно создадут для всеобщего рабочего движения также и общую теоретическую программу.

Поэтому, что касается программы «Альянса», то Генеральному Совету не к чему подвергать ее критическому разбору. Ему незачем исследовать, является ли она полным и правильным научным выражением рабочего движения. Ему надо лишь выяснить, не противоречит ли ее *общая тенденция* общей тенденции Международного Товарищества Рабочих — полному освобождению рабочего класса!

Этот упрек может относиться лишь к одной фразе программы, § 2: «Альянс добивается прежде всего политического, экономического и социального уравниения *классов*». Если буквально толковать выражение «уравниение классов», то это есть не что иное, как другими словами выраженная мысль о «гармонии между капиталом и трудом», которую проповедывали буржуазные социалисты. Не «уравниение классов», что логически невозможно, а исторически необходимое «уничтожение классов» составляет конечную цель Международного Товарищества Рабочих. Но из контекста, в котором находится эта фраза в программе, вытекает, однако, что она представляет собой простую описку. Генеральный Совет не сомневается поэтому ни минуты, что эта фраза, которая может повести к очень серьезным недоразумениям, будет из программы удалена.

При этом предположении, согласно принципам Международного Товарищества Рабочих, каждой секции предоставляется самой нести ответственность за свою собственную программу. Таким образом, препятствий к превращению секций «Альянса» в секции Международного Товарищества Рабочих не имеется.

Как только это последует, необходимо будет, согласно уставу, переслать Генеральному Совету список вновь вступивших секций с указанием страны, местности и числа членов.

Этот последний пункт — счет их легионов — особенно не понравится этим господам. Когда будешь возвращать письмо, напиши мне, какие изменения желал бы ты внести в мой проект ответа...

108

ЭНГЕЛЬС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

10 июля 1869 г.

...Разложение лассальянской секты и, с другой стороны, освобождение саксонских и южно-германских рабочих от помочей «Народной партии» — таковы два основных условия для образования новой подлинной немецкой рабочей партии. Лассальянцы сами позаботятся о том, чтобы сделать свое дело, и перегрызут друг другу горло, но гораздо труднее отделаться от южно-германских республиканско-мещанских ограниченных взглядов, которые Либкнехт систематически вбивает в голову рабочим. Чего стоит одна эта глупость — написать на своей газете¹: орган Народной партии, т. е. южно-германских мещан! Если бы Бебель обладал хотя небольшим теоретическим образованием, ничего подобного бы не случилось, — он кажется мне вполне дельным малым, у него только один этот недостаток. А тут еще Либкнехт требует, чтобы мы открыто вступились за него и за Народную партию против Швейцера! Между тем ведь само собой понятно, что 1) с Народной партией, как с буржуазной партией, у нас еще гораздо меньше общего, чем со швейцеровскими лассальянцами, которые все же являются рабочей сектой, и 2) что Маркс, как секретарь Международного Товарищества Рабочих для Германии, *обязан* с должным вниманием относиться к *каждому* вождю, которого достаточное количество рабочих выдвигает своим руководителем и выбирает в парламент...

¹ Имеется в виду газета «Demokratisches Wochenblatt», выходившая под редакцией В. Либкнехта в Лейпциге в 1868—1869 гг. *Ред.*

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

10 августа 1869 г.

... Напечатанная в приложении часть речи Вильгельма (произнесенной в Берлине), несмотря на имеющиеся в ней глупости, свидетельствует о неоспоримой ловкости, с какой он умест преподнести вопрос. Впрочем, это очень мило! *Так как* рейхстагом можно пользоваться *только* как *средством для агитации*, то *никогда* не следует *агитировать* там за что либо разумное и непосредственно затрагивающее интересы рабочих! Поистине восхитительна иллюзия бравого Вильгельма, что если Бисмарк «любит» рабочелюбивые речи, то он не будет противиться *действительным мероприятиям в пользу рабочих!* «Как будто», — как сказал бы Бруно Бауэр, — г. Вагенер не высказывается в рейхстаге теоретически *за* фабричное законодательство, а *на практике* против него, «так как в прусских условиях оно было бы бесполезно!» «Как будто» г. Бисмарк, если бы он действительно хотел и *мог* сделать что-либо для рабочих, не добился бы *исполнения* существующих законов *в самой Пруссии!* Уже по одному тому, что это имело бы место в *Пруссии*, либеральная «Саксония» и т. д. *вынуждена* была бы последовать ее примеру. Вильгельм не понимает, что нынешние правительства, хотя и кокетничают с рабочими, но очень хорошо знают, что их единственная опора — буржуазия, и поэтому они могут пугать ее рабочелюбивыми фразами, но никогда не *могут* на деле действовать против нее.

Это животное верит в будущее *«государство демократии!»* При этом мыслится то конституционная Англия, то буржуазные Соединенные Штаты, то жалкая Швейцария. О революционной политике *«оно»* не имеет ни малейшего представления. То, что он приводит — вслед за швабским Майером¹ — в доказательство дееспособности демократии, это — калифорнийская железная дорога. Но она построена благодаря тому, что буржуа через конгресс *подарили* самим себе громадную массу «народной земли», следовательно, *экспроприировали* ее у рабочих, что они ввезли китайских кули, чтобы понизить заработную плату, и, наконец, что они создали новую ветвь — «финансовую аристократию»...

¹ В «Demokratische Korrespondenz», выходявшей под редакцией Майера, появились статьи, прославлявшие американскую буржуазную республику в связи со строительством Тихоокеанской железной дороги.
Ред.

110

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

30 октября 1869 г.

...Чтобы вполне понять письма Гегга и Бонгорста, ты должен знать, что зараженная лассальянством часть рабочих (или, вернее, их представители) в Швейцарии, Австрии и Германии кричат караул по поводу постановления Базельского конгресса о *земельной собственности*¹.

Глупость и нерешительность (использованные более умным Швейцером), с какими Вильгельм и компания отвечают на вой швабского Майера и других поддерживающих его недоброжелателей Народной партии, — возмутительны. Ни одному из этих ослов до сих пор не пришло в голову спросить либеральных крикунов: разве в Германии, наряду с мелкой крестьянской собственностью, нет крупной земельной собственности, базы отжившего феодального хозяйства, разве не следует во время революции покончить с нею хотя бы уже только для того, чтобы уничтожить современное государство, и можно ли это сделать устарелым способом 1789 года? Так нет же. Эти ослы верят швабскому Майеру, что земельный вопрос имеет непосредственный практический интерес только для Англии!

Одним из следствий Базельского конгресса надо считать организацию «*Лиги земли и труда*»² (созданную, между прочим, непосредственно Генеральным Советом). Это ведет к тому, что рабочая партия становится совершенно самостоятельной по отношению к буржуазии, причем исходным пунктом является национализация земли. Эккариус назначен действительным секретарем (наряду с Буном в качестве почетного секретаря) и будет за это получать жалованье.

Мне поручено Генеральным Советом написать пару слов к английскому рабочему классу по поводу демонстрации в пользу ирландских заключенных, которая состоялась в прошлое воскресенье. При моей теперешней занятости я отнюдь не расположен к этому, но дело должно быть сделано. Демонстрация совершенно неверно описана в лондонских газетах. Она была превосходна.

Наилучшие пожелания миссис Лиззи, а также воскресным гостям.
Твой К. М.

¹ Резолюция Базельского конгресса I Интернационала (6—11 сентября 1869 г.) гласила, что «общество имеет право упразднить частную собственность на землю и превратить ее в общественную собственность» и что «это превращение является необходимостью». *Ред.*

² «Лига земли и труда» в Англии выставляла следующие требования: национализация земли, прогрессивный прямой подоходный налог, сокращение рабочего дня, всеобщее избирательное право и пр. В комитет Лиги вошло 10 членов Генерального Совета Интернационала. *Ред.*

III

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

1 ноября 1869 г.

Дорогой Мавр!

Резолюция о земельной собственности сотворила истинные чудеса. Впервые, с тех пор как Лассаль начал свою агитацию, она заставляет молодцов в Германии мыслить, что до сих пор считалось совершенно излишним. Это ясно видно из письма Бэнгорста. Письмо мне в общем понравилось: несмотря на рисовку и малую интеллигентность, в нем есть какой-то здоровый народный юмор, да и в вопросе об ипотеках он попал как раз в точку. Люди забывают, впрочем, помимо главного вопроса о крупной земельной собственности, также и то, что существуют разного рода крестьяне: 1) крестьянин-арендатор, которому безразлично, принадлежит ли земля государству или крупному землевладельцу; 2) крестьянин-собственник; во-первых, крупный крестьянин, против реакционного естества которого следует восстановить поденщика и батрака; во-вторых, средние крестьяне, которые тоже будут реакционными и численность которых не очень велика, и, в-третьих, задолженный мелкий крестьянин, которого можно привлечь благодаря ипотеке. К тому же можно сказать, что пролетариат пока что не заинтересован в том, чтобы поднимать вопрос о *мелкой* земельной собственности. . .

III

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

26 ноября 1869 г.

Дорогой Фред!

На этой неделе я чувствовал себя не совсем хорошо, да и с рукой еще не все уладилось. Поэтому я не успел до сих пор поблагодарить тебя за твои заметки о Кэри, книгу которого я также вчера получил.

В моей книжке против Прудона, когда я еще полностью разделял теорию ренты Рикардо, я уже показал, что в ней неверного даже с его (Рикардо) точки зрения.

«Предположив буржуазное производство как необходимое условие существования ренты, Рикардо тем не менее применяет понятие о ренте к земельной собственности всех времен и народов. Это — общее заблуждение всех экономистов, которым отношения буржуазного производства представляются в виде вечных категорий». Г-н Прудон, разумеется,

тотчас же превратил теорию Рикардо в нравственное выражение равенства и увидел поэтому в ренте, как ее определил Рикардо, «огромный *кадастр*, составляемый с противоположных сторон собственниками и фермерами... ради высшей цели. Конечным результатом такого кадастра должно быть уравнение владения землей и т. д.».

На это я заметил между прочим:

«Только в условиях современного общества тот или иной создаваемый рентой кадастр может иметь какую-нибудь практическую ценность. Но мы уже доказали, что *арендная плата*, уплачиваемая фермером [земельному] собственнику, является более или менее точным выражением *ренты* лишь в странах, наиболее развитых в промышленном и торговом отношениях. Да и тут в арендную плату включается часто *процент* на капитал, вложенный в землю ее собственником. Положение земельных участков, соседство городов и многие другие обстоятельства влияют также на арендную плату и видоизменяют ренту... С другой стороны, рента не может служить и *постоянным* показателем *степени плодородия данного участка земли*... современное приложение химии беспрестанно меняет природу почвы, а геологические знания начинают именно в настоящее время *опрокидывать все старые оценки сравнительного плодородия*... плодородие вовсе не является таким естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными *общественными отношениями*».

Что касается прогресса земледелия в самих Соединенных Штатах, то г. Кэри игнорирует самые общеизвестные факты. Например, английский агроном-химик Джонстон сообщает в своих «Заметках о Северной Америке»: земледельческие переселенцы из Новой Англии в штат Нью-Йорк покинули худшую землю для лучшей (лучшую не в смысле Кэри, которую надо еще создать, а в химическом и в то же время экономическом смысле); земледельческие же переселенцы из штата Нью-Йорк, осевшие на первое время по ту сторону внутренних озер, например, в Мичигане, покинули лучшую землю для худшей и т. д. Виргинские поселенцы так хищнически эксплуатировали землю, наиболее благоприятную *по положению и плодородию* для их главного продукта, табака, что вынуждены были переселиться в Огайо, где земля представляет худшие условия для этого продукта (хотя и не для пшеницы и т. д.). Национальность иммигрантов также играла роль в их расселении. Люди из Норвегии и наших гористых местностей выбирали суровую, северную, лесистую часть Висконсина, янки же оседали в той же области в прериях и т. д.

Прерии как в Соединенных Штатах, так и в Австралии являются поистине бельмом на глазу для Кэри. По его мне-

нию, почва, которая не заросла сплошь лесом, от природы бесплодна, таковыми, следовательно, являются все естественные луга.

Лучше всего то, что оба важных заключительных вывода Кэри (по отношению к Соединенным Штатам) находятся в прямом противоречии с его догмой. *Во-первых*, благодаря дьявольскому влиянию Англии, люди, вместо того, чтобы в обществе обрабатывать хорошую, образцовую почву Новой Англии, расселялись на худших (!) землях Запада. Следовательно — переход от лучшей земли к худшей (между прочим, это рассеяние в противоположность объединению целиком списано Кэри у Уэкфильда). *Во-вторых*, на юге Соединенных Штатов беда в том, что рабовладельцы (которых г. Кэри как проповедник гармонии интересов во всех своих прежних сочинениях всегда защищал) слишком рано берут под обработку лучшие земли, минуя худшие. Итак, начали с лучшей земли, чего не должно быть! На этом примере Кэри сам себе доказывает, что те люди, которые действительно обрабатывают землю (в данном случае рабы), руководствуются не экономическими или какими-либо иными собственными соображениями, а действуют под давлением *внешнего принуждения*. Поэтому он безо всякого труда мог бы убедиться в том, что то же самое происходит и в других странах.

Согласно его теории, земледельческая культура в Европе должна была зародиться на горах Норвегии и оттуда спускаться к странам Средиземного моря, вместо того, чтобы развиваться в обратном направлении.

Существует одно неприятное экономическое явление, состоящее в том, что, в противоположность другим улучшенным машинам, *непрерывно улучшающаяся*, по его мнению, земля-машина *удорожает* свои продукты (по крайней мере, в определенные периоды), вместо того чтобы их *удешевлять* (это было одним из обстоятельств, повлиявших на Рикардо; но он не сунул носа дальше истории хлебных цен в Англии за время приблизительно с 1780 по 1815 г.); от этого обстоятельства Кэри старается отделаться при помощи в высшей степени нелепой и фантастической теории денег.

В качестве защитника гармонии интересов он прежде всего указал, что не существует никакого антагонизма между капиталистом и наемным рабочим. Вторым шагом было доказательство существования гармонии между земельным собственником и капиталистом; это доказывается тем, что земельная собственность рассматривается как *нормальное* явление там, где она *еще не* развилась. О важном, решающем различии между колонией и страной старой цивилизации, заключающемся в том, что в последней народные массы, благодаря существованию *частной собственности на землю*,

отстранены от земли, — безразлично, плодородной или неплодородной, возделанной или невозделанной, — тогда как в колонии земля, говоря относительно, может еще быть присвоена теми, кто сам ее обрабатывает, — об этом обстоятельстве ни слова. Ему не отводится абсолютно никакой роли в быстром развитии колоний. Неприятный «*вопрос собственности*», и притом в его неприятнейшей форме, испортил бы всю гармонию.

С другой стороны, Кэри делает сознательную передержку, когда из того обстоятельства, что в стране с развитым производством естественное плодородие почвы является существенным фактором в производстве прибавочной стоимости (или, как говорит Рикардо, влияет на норму прибыли), он делает обратный вывод, что в наиболее плодородных от природы местностях должно существовать и наиболее богатое и развитое производство, так что, например, в Мексике оно должно быть выше, чем в Новой Англии. На это я ответил уже в «*Капитале*», стр. 502 и сл.

Единственная заслуга Кэри состоит в том, что он так же односторонне настаивает на переходе от худшей земли к лучшей, как Рикардо на обратном, между тем как в действительности всегда одновременно обрабатываются почвы разной степени плодородия, и потому у германцев, славян, кельтов происходило очень тщательное распределение клочков земли различного рода между членами общины, благодаря чему впоследствии так затруднен был раздел общинных земель. Что же касается исторического развития земледельческой культуры, то, смотря по обстоятельствам, это развитие идет либо одновременно в обоих направлениях, либо, в зависимости от эпохи, господствует то одно, то другое направление.

Что касается *процента* на вложенный в землю капитал, то его превращение в составную часть *дифференциальной ренты* совершается именно благодаря тому, что земельный собственник получает процент на капитал, который вложил в землю не *он*, а *арендатор*. И этот общеизвестный во всей Европе факт Кэри хочет объявить экономически не существующим, потому что в Соединенных Штатах арендная система *еще не* развита. Между тем это происходит и там, только в другой форме. Земельный спекулянт, а не арендатор, составляет в конце концов уплатить себе *в цене* земли за капитал, затраченный арендатором. И в самом деле, история пионеров и земельных спекулянтов в Соединенных Штатах нередко напоминает величайшие гнусности, совершающиеся, например, в Ирландии.

Но к чорту Кэри! Да здравствует О'Донован Росса!

Последнее заседание во вторник было очень пламенным, горячим, бурным. Г-н Мэдльхед или чорт его знает, как он на-

зывается ¹, — чартист, старый друг Гарни, — привел с собою из предосторожности Оджера и Эппльгарта. С другой стороны, отсутствовали Уэстон и Лекрафт — они были на каком-то ирландском балу. Рейнольдс поместил в своем субботнем номере мои резолюции вместе с выдержками из моей речи (поскольку это мог сделать Эккариус, не умеющий быстро писать); Рейнольдс напечатал все это на первой же странице газеты, сразу за передовой. Это, повидимому, напугало тех, кто заигрывает с Гладстоном. Отсюда появление Оджера и длинная, бессвязная речь Мэдльхеда, которому здорово влетело от Милнера (он сам ирландец). Эппльгарт сидел рядом со мною и потому не посмел говорить *против*, а говорил скорее *за*, правда, скрепя сердце. *Оджер* заявил, что если резолюция будет голосоваться немедленно, то он вынужден будет голосовать за нее, но что легче достигнуть единогласия, если внести несколько мелких поправок и т. д. В ответ на это, желая прижать к стене именно *его*, я предложил, чтобы *он* представил свои поправки к следующему заседанию! Итак, на последнем заседании, несмотря на отсутствие многих наших надежнейших членов, мы провели бы резолюцию против *одного единственного* голоса. Во вторник мы будем в полном составе ².

Привет.

Твой К. М.

113

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

29 ноября 1869 г.

... Мое долгое и до некоторой степени преступное молчание ты должен объяснить себе тем, что я должен был наверстать массу работ, не только для своих научных занятий, но также относящихся к *Интернационалу*, что я, кроме того, начал изучать *русский язык* ввиду того, что мне прислали из Петербурга книгу о положении рабочего класса (конечно, включая сюда и крестьян) в России, и, наконец, что состояние моего здоровья далеко не удовлетворительно.

Ты видел, вероятно, в «*Volksstaat*» предложенные мною резолюции против Гладстона по вопросу об ирландской амнистии. Я напал теперь на Гладстона, — точно так же как раньше на Пальмерстона, — и это здесь наделало шуму. Здешние

¹ Моттерсхед (Мэдльхед, как в насмешку пишет Маркс, значит путаная голова). *Ред.*

² Предложенная Марксом резолюция по ирландскому вопросу была единогласно принята Генеральным Советом 30 ноября 1869 г. *Ред.*

эмигранты-демагоги любят нападать на континентальных деспотов из безопасного далека. Для меня же это имеет лишь тогда свою прелесть, когда совершается *vultu instantis tyranni* [перед лицом самого тирана].

Однако мое выступление по вопросу об ирландской амнистии так же, как и мое последующее предложение в Генеральном Совете относительно того, чтобы обсудить позицию английского рабочего класса по отношению к Ирландии и вынести по этому поводу решение, преследовало, конечно, еще и другие цели, кроме той, чтобы громко и решительно высказаться за угнетенных ирландцев против их угнетателей.

Я все более и более прихожу к убеждению, — и теперь дело в том, чтобы вкоренить это убеждение в умы английского рабочего класса, — что он никогда не будет в состоянии сделать в самой Англии решительного шага вперед, пока не порвет окончательно с политикой господствующих классов в ирландском вопросе, пока он не только не станет действовать заодно с ирландцами, но и не возьмет на себя инициативу в деле упразднения основанной в 1801 г. унии и замены ее свободным союзом на федеративных началах. И такой политики английский пролетариат должен держаться не из сочувствия к ирландцам, а потому что она является необходимой с точки зрения его собственных интересов. Если это не будет сделано, то английский народ попрежнему будет идти на поводу у господствующих классов, потому что он должен будет действовать заодно с ними против Ирландии. Каждое народное движение в самой Англии парализуется разладом с ирландцами, которые и в самой Англии составляют очень значительную часть рабочего класса. *Первое условие* освобождения пролетариата в Англии — низвержение английской земельной олигархии — остается неосуществимым, так как нельзя сокрушить ее позиций в самой Англии, пока она сохраняет за собой свои сильно укрепленные форпосты в Ирландии. Но как только ирландский народ возьмет дело в свои руки, как только он сам станет законодателем и правителем своей страны и добьется автономии, — уничтожение земельной аристократии (по большей части — это *те же лица*, что и английские лендлорды) произойдет там несравненно легче, чем здесь, потому что для Ирландии это не только экономический вопрос, но в то же время и *национальный*, ибо лендлорды в Ирландии не являются, как в Англии, традиционными сановниками и представителями страны, а смертельно ненавистными угнетателями национальности. И не только внутреннее социальное развитие Англии парализовано теперешними отношениями к Ирландии, но и ее внешняя политика, особенно ее политика по отношению к России и Соединенным Штатам Америки.

А так как английский рабочий класс имеет безусловно решающее значение на чаше весов социального освобождения вообще, то важно найти точку опоры именно в Англии. В самом деле, ведь английская республика при Кромвелле в сущности разбилась об Ирландию¹. Пусть же не случится этого и во второй раз! Ирландцы сыграли с английским правительством отличную шутку выбором в депутаты парламента «convict felon» [осужденного заговорщика] О'Донован Росса. Правительственные газеты грозят уже новой отменой Habeas Corpus Act'a², возобновлением системы террора! Да и в самом деле, Англия никогда иначе не управляла Ирландией и не *может* управлять ею иначе, — пока держится теперешняя уния, — как посредством гнуснейшего террора да подлеешего подкупа...

114

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

9 декабря 1869 г.

...Историю с «Irishman» я отчасти ожидал³. Ирландия все еще остается «священным островом», чаяния которого никоим образом не следует смешивать с вульгарной классовой борьбой прочего грешного мира. В известной мере это несомненно является настоящим помешательством у этих людей, отчасти же, и столь же несомненно, это — сознательно рассчитанная тактика вождей, чтобы удержать свое господство над крестьянами. Сюда присоединяется еще то обстоятельство, что крестьянская нация всегда вынуждена брать себе представителей из среды городской буржуазии и ее

¹ Во время английской революции XVII века в Ирландии вспыхнуло восстание, приведшее к почти полному отпадению от Англии большей части острова. Восстание это было подавлено в 1649 г. Кромвелем. «Усмирение» Ирландии было проведено с необычайной жестокостью и закончилось массовой экспроприацией земли у ирландского населения, что превратило Ирландию в активную силу, борющуюся против английской революции. *Ред.*

² *Habeas Corpus Act* — акт, по которому каждый приказ об аресте должен быть мотивирован и арестованный либо должен быть в очень короткий срок представлен в суд, либо освобожден. Был принят английским парламентом в 1679 г. *Ред.*

³ Дублинская газета «Irishman» обошла молчанием прения и резолюции Генерального Совета об Ирландии. Маркс писал в связи с этим Энгельсу 4 декабря 1869 г., что Интернационалу придется вести борьбу с предрассудками и ограниченностью вожаков в Дублине. Редактор «Irishman», писал Маркс, считает, что «к ирландскому вопросу должен быть совсем особый подход, и нужно *замалчивать* тот факт, что английские рабочие симпатизируют ирландцам! Что за тупое животное! Так относиться к Интернационалу, который имеет органы во всей Европе и в Америке!». *Ред.*

идеологов, и в этом отношении Дублин для Ирландии приблизительно то же, что Копенгаген для Дании (я имею в виду *католический* Дублин). Для этих же господ всякое рабочее движение — чистейшая ересь, и ирландский крестьянин не должен знать, что социалистические рабочие — его единственные союзники в Европе...

115

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

10 декабря 1869 г.

...*Об ирландском вопросе.* В прошлый вторник я не пошел в Центральный Совет. Я намеревался открыть прения, но моя семья не позволила мне выходить в такой туман при моем теперешнем состоянии здоровья.

Что касается отчета в «National Reformer», то там мне не только приписали нелепости, но и то, что передано *правильно*, по существу также *неверно*. Но мне не хотелось требовать исправления. Во-первых, я обидел бы этим репортера (Гарриса). А во-вторых, пока я не вмешиваюсь, все эти отчеты отнюдь не имеют официального характера. Если же я что-либо поправлю, то тем самым я признаю, что все остальное верно. А все, что напечатано, неверно. Кроме того, у меня есть причины не допускать того, чтобы эти отчеты получили *юридическую силу* как свидетельства против меня, а это случилось бы, если бы я начал исправлять детали.

В следующий вторник я доложу вопрос в таком виде: совершенно независимо от всякой «интернациональной» и «гуманитарной» фразы о справедливости к Ирландии, — ибо это само собою разумеется в Совете Интернационала, — *прямой абсолютный интерес английского рабочего класса требует разрыва его теперешней связи с Ирландией.* Таково мое самое глубокое убеждение, основанное на причинах, которые я отчасти не могу раскрыть самим английским рабочим. Я долго думал, что возможно ниспровергнуть ирландский режим подъемом английского рабочего класса. Я всегда защищал этот взгляд в «Нью-Йоркской Трибуне». Более глубокое изучение вопроса убедило меня в обратном. Английский рабочий класс *нишего не подделает*, пока он не избавится от Ирландии. Рычаг должен быть приложен в Ирландии. Вот почему ирландский вопрос имеет такое большое значение для социального движения вообще.

Дэвиса я много читал в извлечениях. Самую же книгу я лишь поверхностно перелистал в Музее. Поэтому ты окажешь мне большую услугу, если выпишешь места, относящиеся к *общинной собственности*. Обязательно приобрети себе

«Речи Кэррана», изданные Дэвисом (Лондон, Джемс Дэффи, 22 Paternoster Row). Я хотел дать их тебе, когда ты был в Лондоне. Теперь книга ходит по рукам среди английских членов Центрального Совета, и бог знает, когда я ее получу обратно. Для периода с 1779 по 1800 гг. (Союз) она имеет решающее значение, не только из-за речей Кэррана (особенно судебных; я считаю Кэррана единственным крупным адвокатом (народным адвокатом) XVIII века; это благороднейшая личность, между тем как Грэттен — парламентский прохвост), но и потому, что в ней ты найдешь все источники относительно «объединенных ирландцев»¹. Этот период представляет величайший интерес — и научный и драматический. Во-первых, в 1788—1789 гг. повторяются (пожалуй, в еще больших размерах) гнусности англичан 1588—1589 годов. Во-вторых, в самом ирландском движении легко можно обнаружить классовое движение. В-третьих, гнусная политика Питта. В-четвертых, — это будет весьма неприятно господам англичанам, — доказательство того, что Ирландия потерпела неудачу потому, что фактически, с революционной точки зрения, ирландцы были слишком передовыми для стоявшей за короля и церковь английской черни, и в то же время, с другой стороны, английская реакция в Англии (как во времена Кромвеля) коренилась в порабощении Ирландии. Этому периоду должна быть посвящена, по крайней мере, одна глава; к позорному столбу Джона Буля!..

...Что касается теперешнего ирландского движения, то тут есть три важных момента: 1) Оппозиция против адвокатов, профессиональных политиков и красноречия. 2) Оппозиция против руководства попов, этих благородных господ, которые, как и во времена О'Коннеля и в период 1793—1800 гг., являются предателями. 3) Выступление класса сельскохозяйственных рабочих против фермерского класса на последних митингах (аналогичные явления в 1795—1800 гг.).

«Irishman» расцвел только вследствие запрещения фенианских газет. Он долго держался в оппозиции к фенианизму. Лэби и другие из «Irish People» и пр. были образованными людьми, относившимися к религии как к пустяку. Правительство запрятало их в тюрьму, и тогда на сцену выступили Пиготты и К^о. «Irishman» будет играть какую-либо роль лишь до тех пор, пока эти люди не выйдут из тюрьмы. Пиготт это знает, хотя и наживает теперь политический капитал на декламации в пользу «осужденных заговорщиков».

¹ Общество «объединенных ирландцев» — тайная революционная организация, возникшая под влиянием Французской революции и ставившая своей целью образование независимой Ирландской республики. «Объединенные ирландцы» явились организаторами ирландского восстания 1798 г. *Ред.*

1870 год

116

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

10 февраля 1870 г.

...Из книги Флеровского¹ я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это — первая книга, в которой сообщается правда об экономическом положении России. Автор — решительный враг того, что он сам именует «русским оптимизмом». У меня никогда не было особенно радужных представлений об этом коммунистическом Эльдorado, но Флеровский превосходит все ожидания. Поистине удивительным и во всяком случае показателем какого-то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге.

«У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария»².

Характер изложения весьма оригинален, больше всего напоминает в некоторых местах Монтейля. Видно, что человек этот сам всюду побывал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собственности), никаких нигилистических преувеличений. Кое-где имеется небольшая доза благодушной чепухи, которая, однако, вполне соответствует уровню развития тех людей, для которых предназначена книга. Во всяком случае, это — самая значительная книга о «Положении рабочего класса», какая только появилась после твоей работы...

¹ «Положение рабочего класса в России». *Ред.*

² Фраза, заключенная в кавычки, написана Марксом по-русски. *Ред.*

117

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

17 февраля 1870 г.

... Брошюра, которую ты мне прислал, представляет собою одну из защитительных речей, с которыми привилегированные сословия немецко-русско-балтийских провинций обращаются в настоящее время к немцам, чтобы возбудить их сочувствие. Эти *каналы*, отличавшиеся издавна ревностной службой в русской дипломатии, армии и полиции, охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за признание за ними законного права на эксплуатацию крестьян, подняли теперь крик, видя, что их привилегированное положение колеблется. Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян, — вот что они называют *немецкой культурой*, во имя охраны которой должна-де подняться теперь вся Европа. Отсюда и последнее слово этой брошюры: *земельная собственность, как основа цивилизации*, и притом такая земельная собственность, которая, по признанию самого же этого жалкого писаки, состоит большею частью из господских поместий или из крестьянских хозяйств, *обложенных оброком* в пользу помещиков.

В своих цитатах — поскольку они касаются русской общины — этот молодец выказывает свое невежество и свое ослиное копыто. Шедо-Ферроти — это один из тех, которые считают общину причиной бедственного положения русских крестьян (конечно, в интересах помещиков), точь в точь как раньше *уничтожение крепостного права* в Западной Европе — а не потеря крепостными их земли — было провозглашено причиной пауперизма. Подобного же калибра и русская книга *«Земля и Воля»*. Ее автор — остзейский помещик *фон-Лилленфельд*¹. Причина обнищания русских крестьян та же, в силу которой нищенствовали и французские крестьяне при Людовике XIV и т. д., — *государственные налоги и оброк крупным земельным собственникам*. Община не только не вызывает нищеты, а наоборот, одна только и смягчает ее.

Затем, исторически это ложь, будто община — *монгольского* происхождения. Как я указывал в различных своих сочинениях, она — *индийского* происхождения и вследствие этого встречается у всех европейских культурных народов на заре их развития. Специфически *славянская* (не монгольская) форма общины в России (встречающаяся также у *нерусских южных славян*) больше всего похожа *mutatis mutandis* [с соответствующими изменениями] на *древне-германскую* разновидность индийской общины...

¹ У Маркса неточно, должно быть Лилленталь. *Ред.*

МАРКС — Э. МЕЙЕРУ и А. ФОГТУ

9 апреля 1870 г.

...Послезавтра (11 апреля) я пошлю вам те из документов Интернационала, какие у меня имеются под руками. (Сегодня уже слишком поздно отправлять их на почту.) Я пришлю также еще несколько «базельских»¹.

Среди посылаемого вы найдете также несколько экземпляров известных уже вам резолюций Генерального Совета от 30 ноября об ирландской амнистии, написанных мною, а также ирландский памфлет о том, как обращаются с осужденными фениями.

Я намеревался внести еще несколько резолюций о необходимости превращения теперешней унии (т. е. рабства Ирландии) в свободную и равноправную федерацию с Великобританией. Дальнейшее продвижение этого вопроса, поскольку дело идет о публичных резолюциях, пока приостановлено вследствие моего вынужденного отсутствия в Генеральном Совете. Ни один из прочих членов последнего не обладает достаточным знанием ирландских дел и достаточным авторитетом у английских членов Генерального Совета, чтобы заменить меня в этом.

Впрочем, время прошло не зря, и я прошу вас уделить особое внимание нижеследующему.

После многолетней работы над ирландским вопросом я пришел к заключению, что решительный удар господствующим классам Англии (а он является решающим для рабочего движения во всем мире) может быть нанесен не в Англии, а только в Ирландии.

1 декабря 1869 года Генеральный Совет выпустил конфиденциальный, составленный мною на французском языке циркуляр (для воздействия на Англию пригодны только французские, а не немецкие газеты) о связи ирландской национальной борьбы с освобождением рабочего класса и, следовательно, о той позиции, которую надлежит занять Международному Товариществу по отношению к ирландскому вопросу.

Сообщу вам здесь вкратце главные пункты.

Ирландия является цитаделью английской земельной аристократии. Эксплуатация этой страны служит не только главным источником ее материальных богатств. Она составляет ее величайшую моральную силу. Английская аристократия фактически воплощает господство Англии над Ирландией.

¹ Маркс имеет в виду отчеты о Базельском конгрессе I Интернационала, изданные Генеральным Советом. *Ред.*

Ирландия является поэтому важнейшим средством, с помощью которого английская аристократия сохраняет свое господство в самой Англии.

С другой стороны, если английская армия и полиция покинут завтра Ирландию, в Ирландии тотчас же начнется аграрная революция. Но падение английской аристократии в Ирландии обуславливает и имеет своим необходимым следствием ее падение в Англии. Тем самым были бы созданы предварительные условия пролетарской революции в Англии. Так как в Ирландии земельный вопрос является до сих пор исключительной формой социального вопроса, так как он представляет собою вопрос существования, *вопрос жизни или смерти* для огромного большинства ирландского народа и в то же время неотделим от *национального* вопроса, то уничтожение английской земельной аристократии в Ирландии — бесконечно более легкая операция, чем в самой Англии, не говоря уже о более страстном и более революционном характере ирландцев в сравнении с англичанами.

Что же касается английской *буржуазии*, то прежде всего она заинтересована вместе с английской аристократией в том, чтобы превратить всю Ирландию в одно сплошное пастбище, которое поставляло бы на английский рынок мясо и шерсть по возможно более дешевым ценам. В ее интересах также довести ирландское население путем изгнания арендаторов из поместий и принудительной эмиграции до такого незначительного числа, которое дало бы возможность *английскому капиталу* (арендному капиталу) «надежно» функционировать в этой стране. Она так же заинтересована в «очистке» ирландских поместий, как была заинтересована в очистке сельских областей Англии и Шотландии. Следует, кроме того, принять в расчет те 6 000—10 000 фунтов стерлингов доходов землевладельцев, не живущих в своих имениях, и других ирландских доходов, которые теперь ежегодно текут в Лондон.

Но английская буржуазия имеет еще гораздо более существенные интересы в современном ирландском хозяйстве.

Ирландия благодаря все увеличивающейся концентрации арендных участков постоянно поставляет свой излишек [рабочих рук] на английский рабочий рынок и давит таким путем на заработную плату и на материальное и моральное положение английского рабочего класса.

И, наконец, самое важное! Все промышленные и торговые центры Англии обладают в настоящее время рабочим классом, который *разделен* на два *враждебных* лагеря: английский пролетариат и ирландский пролетариат. Обыкновенный английский рабочий ненавидит ирландского рабочего как конкурента, понижающего его средний уровень жизни. Он чувствует себя по отношению к нему членом *господствующей* нации и именно

потому делается орудием в руках своих аристократов и капиталистов *против Ирландии* и этим укрепляет их господство *над самим собой*. Он питает религиозные, социальные и национальные предубеждения по отношению к ирландскому рабочему. Он относится к нему приблизительно так, как белые бедняки (poor whites) относятся к неграм в бывших рабовладельческих штатах американского Союза. Ирландец отплачивает ему той же монетой с процентами. Он видит в английском рабочем одновременно соучастника и слепое орудие *английского господства в Ирландии*.

Этот антагонизм искусственно поддерживается и усиливается прессой, церковными проповедями, юмористическими журналами, короче говоря, — всеми средствами, которыми располагают господствующие классы. *В этом антагонизме заключается тайна бессилия английского рабочего класса*, несмотря на его организованность. В нем же заключается тайна сохраняющейся власти капиталистического класса. Последний вполне это сознает.

Но зло этим не ограничивается. Оно перекидывается через океан. Антагонизм между англичанами и ирландцами является скрытой основой конфликта между Соединенными Штатами и Англией. Он делает невозможным всякое серьезное и искреннее сотрудничество между рабочими классами обеих стран. Он дает возможность правительствам обеих стран всегда, когда им заблагорассудится, лишать социальный конфликт его остроты путем натравливания обеих стран друг на друга и в случае нужды путем войны между ними.

Англия, как метрополия капитала, как держава, до сих пор господствующая на мировом рынке, является пока самой важной страной для рабочей революции, и к тому же *единственной* страной, в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости. Поэтому важнейшая цель Международного Товарищества Рабочих — ускорить социальную революцию в Англии. А единственное средство к тому — сделать Ирландию независимой.

Поэтому Интернационал должен поставить себе задачей — всюду выдвигать на первый план конфликт между Англией и Ирландией и всюду открыто принимать сторону Ирландии. Специальная задача Центрального Совета в Лондоне — пробудить в английском рабочем классе сознание, что *национальное освобождение Ирландии является для него не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но первым условием его собственного социального освобождения*.

Таковы приблизительно главные положения циркулярного письма, которое в то же время объясняло и мотивы резолюций Центрального Совета по поводу ирландской амнистии. Вскоре после этого я послал резкую анонимную статью —

об обращении англичан с фениями и т. п. против Гладстона и т. д. — в «Internationale» (орган нашего Бельгийского центрального комитета в Брюсселе). В то же время я обвинял там французских республиканцев («Marseillaise» напечатала глупую статью об Ирландии, написанную здесь жалким Таландые) в том, что в своем национальном эгоизме они сосредоточивают весь свой гнев на Французской империи.

Это возымело действие. Моя дочь Женни, подписавшись «Ж. Вильямс» (в частном письме в редакцию она назвала себя Женни Вильямс), поместила в «Marseillaise» ряд статей и опубликовала, между прочим, письмо О'Донован Росса. Это вызвало большой шум.

После долголетних циничных отказов *Гладстон благодаря этому* был, наконец, вынужден согласиться на *парламентское расследование* обращения с заключенными фениями. Женни состоит сейчас постоянным корреспондентом «Marseillaise» по ирландскому вопросу. (*Это, конечно, между нами.*) Английское правительство и английская пресса до крайности раздражены тем, что ирландский вопрос стоит теперь во Франции *в центре внимания* и что за этими каналами через посредство Парижа следят на всем континенте и что они разоблачены.

Тем же выстрелом убит и другой заяц. Мы заставили ирландских вождей, журналистов и т. д., находящихся в Дублине, завязать с нами отношения, что до сих пор *Генеральному Совету* не удавалось!

У вас в Америке широкое поле для того, чтобы работать в том же духе. Объединение *немецких рабочих с ирландскими* (конечно, также и с теми английскими и американскими рабочими, которые на это согласятся) — такова важнейшая задача, которую вы можете теперь осуществить. Это надо делать от имени Интернационала. Надо разъяснить социальное значение ирландского вопроса.

В следующий раз я специально напишу о положении английских рабочих.

Привет и братство!

Карл Маркс,

18 мая 1870 г.

... Наши французские члены наглядно демонстрируют французскому правительству, в чем разница между политическим тайным обществом и действительным рабочим объединением. Едва успели запрятать в тюрьму всех членов

парижского, лионского, руанского, марсельского и др. комитетов (частью они бежали в Швейцарию и Бельгию), как *вдвое более многочисленные комитеты* смело и вызывающе объявляют себя в газетах их преемниками (причем предусмотрительно сообщают *свои частные адреса*). Французское правительство сделало, наконец, то, чего мы давно уже желали, — превратило политический вопрос: империя или республика — в вопрос жизни или смерти для рабочего класса.

Вообще плебисцит¹ дает империи последний пинок! Ввиду того, что так много голосовало за империю, окруженную ореолом конституционности, Бустрада рассчитывает теперь без всяких церемоний восстановить империю без прикрас, т. е. декабрьский режим. По всем частным сведениям в Париже полностью восстановлено и весьма энергично действует «Общество 10 декабря»².

Твой К. М.

120

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

27 июня 1870 г.

Дорогой император Венцель!

Я вернулся сюда на этой неделе после месячного пребывания в Манчестере и нашел твое последнее письмо.

Я, право же, не могу тебе ответить относительно времени моего отъезда и даже на вопрос, который ты мне не задавал, — а именно: *пойду ли я вообще?*

Я рассчитывал в прошлом году на то, что буду иметь после пасхи второе издание своей книги и, следовательно, *гонорар* за первое издание. Но, как ты увидишь из прилагаемого письма Мейснера, полученного сегодня, до этого еще далеко. (Письмо верни мне, пожалуйста, обратно.)

Господа немецкие профессора увидели себя вынужденными последнее время упоминать то там, то тут обо мне, хотя и в очень нелепой форме, как, например, А. Вагнер в брошюре о земельной собственности, Гельд (Бонн) в брошюре о сельской кредитной системе в Рейнской провинции.

¹ Плебисцит был проведен Наполеоном III в мае 1870 г. в целях укрепления империи и подрыва республиканской агитации в стране. При проведении плебисцита были пущены в ход всевозможные демагогические уловки и меры правительственного давления на избирателей. *Ред.*

² «Общество 10 декабря» — центр бонапартистской пропаганды — было организовано Луи Бонапартом в 1849 г. из подонков различных классов населения и названо так в память дня избрания Луи Бонапарта президентом французской республики (10 декабря 1848 г.). *Ред.*

Г-н Ланге («О рабочем вопросе и т. д.», 2-е издание) сильно хвалит меня, но лишь с целью самого себя выставить великим человеком. Дело в том, что г. Ланге сделал великое открытие. Всю историю можно подвести под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во фразе «struggle for life», «борьба за существование» (выражение Дарвина в этом употреблении его становится пустой фразой), а содержание этой фразы составляет мальтусовский закон о населении, или, вернее, о перенаселении. Следовательно, вместо того чтобы анализировать эту «struggle for life», как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу «struggle for life», а эту фразу в мальтусовскую «фантазию о населении»! Нельзя не признаться, что это очень убедительный метод для напыщенного, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лени мысли.

То, что тот же самый Ланге говорит о гегелевском методе и о моем применении его, является поистине ребяческим. Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем критическом способе его применения. В одном отношении он напоминает мне Моисея Мендельсона. Этот прототип пустейшего человека писал Лессингу: как это могло Вам притти в голову принимать всерьез «эту мертвую собаку — Спинозу»? Точно так же г. Ланге удивляется, что Энгельс, я и др. принимаем всерьез мертвую собаку — Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно согласились на том, что они его, беднягу, давно похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь на редкость свободно». Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраз известного метода изучения материала, — именно, *диалектического метода*...

...Что касается настойчивых запросов Мейснера о втором томе, то не одна моя болезнь мешала его окончанию в течение всей зимы. Я нашел нужным приняться за русский язык, потому что при изучении аграрного вопроса необходимо штудировать по первоисточникам русские отношения земельной собственности. К тому же случилось так, что вследствие возбуждения ирландского земельного вопроса английское правительство издало целый ряд «синих книг» (издание было скоро прекращено) об аграрных отношениях во всех странах. Наконец, — это между нами, — я желал бы сначала выпустить второе издание первого тома. Было бы неудобно, если бы

оно совпало с окончательной подготовкой к печати второго тома.

Сердечный привет от Женни и меня всем членам семейства Кугельман.

Твой К. М.

121

МАРКС — ЭНГЕЛЬСУ

28 июля 1870 г.

...Генеральный Совет во вторник постановил напечатать Воззвание¹ в 1 000 экземпляров. Жду сегодня корректурные листы.

Пение марсельезы во Франции — пародия, как и вся Вторая империя. Но, по крайней мере, эта собака [Наполеон III] чувствует, что песня «Отправляясь в Сирию» — теперь не к месту. В Пруссии, напротив того, подобные фокусы не нужны. «Иисус, мое прибежище», пропетое Вильгельмом I, с Бисмарком «одесную» и Штибером «ошую», — вот германская марсельеза! Как в 1812 г. и т. д. немецкий филистер, кажется, прямо восхищен, что может теперь, не стесняясь, проявлять свое прирожденное холопство. Кто бы мог подумать, что через 22 года после 1848 г. национальная война в Германии получит *такое* теоретическое выражение²!

К счастью, все эти демонстрации исходят от буржуазии. Рабочий класс, исключая прямых приверженцев Швейцера, не принимает в них никакого участия. К счастью, война классов в обеих странах, во Франции и в Германии, достигла такого развития, что никакая внешняя война не может серьезно повернуть назад колесо истории...

122

МАРКС — И.-Ф. БЕККЕРУ

2 августа 1870 г.

...Я получил письмо от русских друзей в Женеве. Передай им от меня за него благодарность.

В самом деле, лучше всего было бы, если бы они написа-

¹ Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. *Ред.*

² В ответном письме Энгельс писал Марксу по этому поводу: «Чем больше пресмыкается немецкий филистер перед своим полагающимся на бога и ползающим перед богом Вильгельмом, тем нахальнее становится он по отношению к Франции. Старый вой из-за Эльзас-Лотарингии уже снова поднялся — впереди всех «Augsburger Zeitung». Но лотарингские крестьяне покажут пруссакам, что это не так просто». *Ред.*

ли брошюру о Бакуanine, но это надо сделать в *ближайшее время*. Если это будет сделано, то им не надо присылать мне дальнейших документов о происках Бакунина.

Они спрашивают меня, что делал Бакунин в 1848 году? Во время своего пребывания в Париже с 1843 по 1848 г. он разыгрывал из себя решительного социалиста. После революции он отправился в Бреславль и связался там с *буржуазными демократами*, агитировал среди них за избрание (во Франкфуртский парламент) *Арнольда Руге*, бывшего в то время ярым врагом социалистов и коммунистов. Потом — в 1848 г. — он организовал панславистский конгресс в Праге. Сами панслависты упрекали его в том, что он вел там фальшивую игру. Но я этому не верю. Если он и делал там ошибки (с точки зрения его панславистских друзей), то, по моему мнению, только «невольные». В начале 1849 г. Бакунин издал манифест (памфлет) — сентиментальный панславизм! Единственно похвальное, что можно сообщить о его деятельности во время революции, — это его участие в Дрезденском восстании в мае 1849 года.

Очень существенно для его характеристики выступление, сделанное им тотчас же после возвращения из Сибири¹. Об этом достаточно материала в «Колоколе» и в боркгеймовских «Русских письмах» в «Zukunft», которые у тебя, наверное, есть. Скажи русским друзьям, что разоблачаемая ими в письме личность здесь не появлялась, что их поручение к Боркгейму я выполнил и что я буду очень рад, если кто-нибудь из них придет сюда.

Наконец, я буду им очень благодарен, если они пришлют мне только что *вышедший четвертый том сочинений Чернышевского*. Деньги за него я пришлю им почтой.

Твоя статья о войне в последнем номере «Vorboten» очень хороша и была одобрена всей моей семьей, которая шлет тебе сердечный привет.

Прощай!

Твой Карл Маркс.

123

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

15 августа 1870 г.

Дорогой Мавр!

Когда, как я, испытываешь в течение трех дней резкие боли в желудке, перемежающиеся с легкой лихорадкой, то даже при начавшемся улучшении теряешь всякую охоту

¹ Статья М. Бакунина в герценовском «Колоколе» за февраль 1862 г. — «Русским, польским и всем славянским друзьям». *Ред.*

распространяться на тему о политике Вильгельма¹. Но так как ты должен эту ерунду получить обратно, то быть по сему.

Не знаю, насколько Бракке, безусловно очень неустойчивый, дал себя увлечь национальному воодушевлению. Не могу я также, получая, самое большее, *один* номер «*Volksstaat*»² в две недели, судить о позиции Комитета³ в этом вопросе, кроме как по письму Бонгорста Вильгельму, в общем сдержанному, но выдающему его теоретическую неуверенность. По сравнению с этим производит выгодное впечатление обычная ограниченная уверенность доктринера Либкнехта.

Мне кажется, что дело обстоит следующим образом: Германия втянута Баденгэ⁴ в войну за ее национальное существование. Если она окажется побежденной Баденгэ, то бонапартизм укрепится на многие годы, а Германии на многие годы, — может быть, на целые поколения, — конец. О самостоятельном немецком рабочем движении в таком случае не будет и речи, борьба за восстановление национального бытия будет поглощать все силы, и в лучшем случае германские рабочие будут тащиться на буксире французских. Если Германия победит, то с французским бонапартизмом будет во всяком случае покончено, вечные раздоры из-за создания германского единства, наконец, прекратятся, германские рабочие смогут организовать в совершенно ином национальном масштабе, чем до сих пор, а французские, какое бы там ни создано правительство, будут несомненно иметь более свободное поле деятельности, чем при бонапартизме. Вся масса немецкого народа всех классов поняла, что в первую очередь дело идет именно о национальном существовании, и потому сразу заявила о поддержке. Мне представляется невозможным, чтобы при таких обстоятельствах какая-либо немецкая политическая партия проповедывала на манер Вильгельма полную обструкцию и выдвигала всякого рода побочные соображения взамен главного.

К тому же Баденгэ не смог бы вести этой войны без шовинизма массы французского населения: буржуа, мелких буржуа, крестьян и созданного Бонапартом в крупных городах империалистически настроенного, османовского⁵ строительного пролетариата, вышедшего из крестьянства. До тех пор, пока этому шовинизму не будет нанесен удар и крепкий

¹ Либкнехта. *Ред.*

² «*Der Volksstaat*» — центральный орган Социал-демократической рабочей партии Германии (Эйзенахцев). Выходил в Лейпциге под редакцией Либкнехта в 1869—1876 гг. *Ред.*

³ Имеется в виду Центральный комитет Социал-демократической рабочей партии Германии, находившийся в Брауншвейге. *Ред.*

⁴ Прозвище Наполеона III. *Ред.*

⁵ По имени Османа, префекта департамента Сены при Наполеоне III, перестраивавшего Париж. *Ред.*

удар, — мир между Германией и Францией невозможен. Можно было ожидать, что это сделает пролетарская революция; но после того как началась война, немцам не остается ничего другого, как сделать это самим и немедленно.

Теперь второстепенные соображения. В том, что эта война ведется под руководством Лемана¹, Бисмарка и К⁰ и, если они удачно закончат ее, послужит к их временному возвеличению, — в этом повинно бессилие германской буржуазии. Это, конечно, очень гнусно, но тут ничего не поделаешь. Однако было бы абсурдом делать по этой причине единственным руководящим принципом антибисмаркизм. Во-первых, Бисмарк и теперь, как и в 1866 г., выполняет кусочек нашей работы; он это делает *по-своему* и сам того не желая, но он это делает. Он создает больше простора для нашей деятельности, чем мы имели до сих пор. И затем, сейчас не 1815 год. Южные немцы теперь неизбежно войдут в рейхстаг, и тем самым будет создан противовес пруссачеству. К тому же национальные обязанности, которые лежат на Бисмарке, делают заведомо невозможным, как ты сам пишешь, союз с Россией. Вообще глупо, подобно Либкнехту, желать переделать всю историю с 1866 г., потому что она ему не нравится. Но мы ведь знаем наших образцовых южных немцев. С этими дураками ничего не поделаешь.

Я думаю, что наши могут:

1) примкнуть к национальному движению, — как оно сильно, ты видишь из письма Кугельмана, — постольку и до тех пор, пока оно ограничивается защитой Германии (это не исключает при известных обстоятельствах наступления вплоть до заключения мира);

2) подчеркивать при этом разницу между национально-германскими и династически-прусскими интересами;

3) противодействовать всякой аннексии Эльзаса и Лотарингии — у Бисмарка проглядывает намерение присоединить их к Баварии и Бадену;

4) как только в Париже у кормила правления окажется республиканское, нешовинистическое правительство, — добиваться почетного мира с ним;

5) постоянно подчеркивать единство интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряли войны и не воюют друг с другом;

6) *Россия* — как в воззвании Интернационала.

Забавно утверждение Вильгельма, что так как Бисмарк бывший сообщник Баденгэ, то правильная точка зрения — сохранять нейтралитет. Если бы таково было в Германии общее мнение, то скоро мы снова получили бы Рейнский союз, и

¹ Прозвище Вильгельма I. *Ред.*

благородный Вильгельм увидел бы, какую роль ему пришлось бы играть в нем и что стало бы с рабочим движением. Народ, получающий постоянно пинки и удары, — это, конечно, и есть настоящий народ, призванный совершить социальную революцию, и притом в излюбленных Вильгельмом бесчисленных мелких государствах.

Как мило, что этот бедняга пытается призвать меня к ответу за то, что «якобы» было напечатано в «Elberfelder Zeitung». Бедное животное!

Развал во Франции, видимо, ужасный. Все разорено, все продано, все расхищено. Шасспо плохи и оказываются негодными в бою, их уже больше нехватает, приходится разыскивать старые кремневые ружья. Тем не менее революционному правительству, если оно появится *скоро*, не следует отчаиваться. Но оно должно предоставить Париж его участи и продолжать войну, опираясь на юг. Возможно, что тогда оно сумеет продержаться до тех пор, пока не будет закуплено оружие и организованы новые войска, при помощи которых враг постепенно будет вновь оттеснен к границе. Собственно говоря, это было бы настоящим концом войны, пусть бы обе страны доказали друг другу свою непобедимость. Но если это скоро не произойдет, то комедии конец. Операции Мольтке образцовы — старый Вильгельм, повидимому, предоставляет ему полную свободу действий, и батальоны четвертой очереди уже вливаются в армию, тогда как французские еще не существуют.

Если Баденгэ не отошел еще от Меца, то ему может прийти плохо.

При ревматизме морское купанье вредно. Но Гумперт, который уехал на месяц в Уэльс, утверждает, что *морской воздух* действует очень хорошо. Надеюсь, ты скоро избавишься от болей, это очень мучительно. Во всяком случае, это не опасно, и общая поправка здоровья гораздо важнее.

Сердечный привет.

Твой Ф. Э.

17 августа 1870 г.

Дорогой Фред!

Большое спасибо от меня (а также и от г-жи Маркс за письмо к ней) за труд, который ты при таких тяжелых обстоятельствах взял на себя. Твое письмо совершенно согласуется с планом ответа, который я уже составил в голове. Тем не менее в таком важном деле я не хотел действовать,

не посоветовавшись с тобой — тут речь идет не о Вильгельме, а о директивах, намечающих линию поведения немецких рабочих.

Вильгельм заключает о своем согласии со мною

1) на основании Воззвания *Интернационала*, которое он, конечно, предварительно перевел на свой, вильгельмовский язык;

2) на том основании, что я одобрил его и Бебеля заявление в рейхстаге¹. То был «момент», когда сугубая принципиальность являлась актом мужества, но отсюда отнюдь не следует, что момент этот продолжается, и еще менее, что позиция германского пролетариата по отношению к войне, сделавшейся национальной, исчерпывающе определяется антипатией Вильгельма к пруссакам. Это было бы равносильно тому, как если бы мы на том основании, что в свое время мы выступили с протестом против «бонапартистского» освобождения Италии, стали возражать против той относительной независимости, какую Италия получила в результате этой войны.

Притязания на Эльзас-Лотарингию преобладают, повидному, в двух кругах — среди прусской камарильи и среди южно-германских квасных патриотов. Это было бы величайшим несчастьем как для Европы, так в особенности для Германии. Ты, вероятно, заметил, что большинство русских газет говорит уже о необходимости европейского дипломатического вмешательства для сохранения европейского равновесия.

Кугельман смешивает оборонительную войну с оборонительными военными операциями. Значит, если какой-нибудь негодяй нападет на меня на улице, то я могу лишь парировать его удары, но не смею побить его, потому что превращусь тогда в *нападающего!* У всех этих людей в каждом слове проглядывает недостаток диалектики.

Уже четыре ночи, как я совсем не сплю из-за ревматизма и фантазирую все это время о Париже и т. п. Сегодня вечером приму снотворное, прописанное Гумпертом.

А я оказался целиком прав в отношении Бонапарта, говоря о «похоронном звоне по Второй империи», которая «кончится тем же, чем началась: жалкой пародией»²! Можно ли себе представить лучшую пародию на поход Наполеона 1814 года? Полагаю, мы оба являемся единственными людьми, которые с самого начала раскусили все *ничтожество* Бустропы

¹ Бебель и Либкнехт воздержались в рейхстаге от голосования за военные кредиты на войну с Францией и выразили при этом свой принципиальный протест против всякой династической войны. *Ред.*

² Маркс приводит здесь место из написанного им первого воззвания Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. *Ред.*

и видели в нем простого шарлатана; мы ни разу не позволили ввести себя в заблуждение его временными успехами.

Кстати. Буржуазная Лига мира послала Генеральному Совету Интернационала 20 фунтов для напечатания Воззвания на французском и немецком языках.

Привет.

Твой К. М.

125

МАРКС — КОМИТЕТУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ¹

[1 сентября 1870 г.]

Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это [захват Пруссией Эльзаса и Лотарингии] — средство навсегда оградить Германию от войны с Францией. Наоборот, это — вернейший способ превратить эту войну в европейскую *институцию*. Это — действительно наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над *западной Польшей* — Эльзасом и Лотарингией. Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие до тех пор, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у нее территорию обратно. Это — безошибочное средство разорить Германию и Францию путем взаимного самоистребления.

Негодяи и глупцы, которые изобрели такие гарантии вечного мира, должны были бы знать из прусской истории, на примере жестких условий, поставленных Наполеоном при заключении Тильзитского мира, что подобные насильственные меры для усмирения жизнеспособного народа приводят к прямо противоположным результатам. А что представляет из себя Франция, даже после потери Эльзаса и Лотарингии, по сравнению с Пруссией после Тильзитского мира!

Если французский шовинизм, пока держался *старый государственный порядок*, находил известное материальное оправдание в том, что с 1815 г. столица Франции — Париж, а тем самым и сама Франция оказывалась, после немногих проигранных сражений, беззащитной, то какую богатую пищу получит этот шовинизм, как только граница пройдет на востоке — у Вогезов, а на севере — у Меца?

Что лотарингцы и эльзасцы благословляют *германское правительство*, — этого не смеет утверждать даже и... тев-

¹ Настоящее письмо сохранилось только в отрывках, вошедших в манифест о войне, опубликованный в форме листовки ЦК Социал-демократической рабочей партии Германии. *Ред.*

тон. Теперь провозглашается принцип пангерманизма и «надежных» границ; к хорошим же результатам для Германии и Европы приведет это на востоке!

Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или *не заинтересован* в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. так же неизбежно чревата войной между Россией и Германией, как война 1866 г. была чревата войной 1870 года.

Я говорю *неизбежно, непременно*, если, — что мало вероятно, — до того времени не вспыхнет *революция в России*.

Если этот маловероятный случай не произойдет, то войну между Германией и Россией уже сейчас надо рассматривать как совершившийся факт.

Будет ли эта война вредна или полезна, — целиком зависит от нынешнего поведения немцев-победителей.

Если они захватят Эльзас-Лотарингию, то Франция *вместе* с Россией будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны.

Если же они заключат с Францией почетный мир, то эта война освободит Европу от московитской диктатуры, растворит Пруссию в Германии, создаст возможность мирного развития на западе континента и, наконец, поможет прорваться социальной революции в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке, — стало быть, такая война будет полезна и для русского народа.

Но я опасаюсь, что негодяи и глупцы будут беспрепятственно продолжать свою безумную игру, если весь германский рабочий класс не поднимет своего голоса.

...Нынешняя война открывает новую всемирно-историческую эпоху тем, что Германия, даже при условии исключения немецкой Австрии, доказала свою способность, *независимо от заграницы*, идти своей собственной дорогой. То, что Германия первоначально обретает свое *единство в прусской казарме*, является наказанием, ею вполне заслуженным. Но результат, хотя и *таким способом*, все же достигнут. Вздорные мелочи, как, например, конфликт между северо-германскими национал-либералами и южно-германской Народной партией, впредь не будут становиться понапрасну поперек дороги. Отношения развернутся в большом масштабе и упростятся. И если тогда германский рабочий класс не сыграет выпавшей на его долю исторической роли, то это — его вина. *Нынешняя война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию.* Тем самым на германский рабочий класс ложится большая ответственность.

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

4 сентября 1870 г.

Да что мне, просить Христа ради
 Пушу и детей и жену!
 Иная на сердце забота:
 В плену император, в плену!

Мировая история — величайшая поэтесса, она сумела пародировать самого Гейне. В плену император, в плену! И притом еще в плену у «вонючих пруссаков», а бедный Вильгельм стоит тут же и уверяет в сотый раз, что он, право же, не виноват во всех этих историях и что все это божья воля! Вильгельм смахивает при этом на школьника: Кто создал вселенную? — Я, господин учитель, я это сделал, но, право, я больше не буду!

И вот появляется жалкий Жюль Фаври предлагает, чтобы Паликао, Трошю и несколько простаков составили правительство. Такой сволочной компании еще свет не видал. Но все-таки надо ожидать, что когда это станет известно в Париже, то что-нибудь да произойдет. Не могу представить себе, чтобы этот поток новостей, который сегодня или завтра обрушится на публику, не произвел никакого впечатления. Может быть, это приведет к созданию левого правительства, которое, после некоторой видимости сопротивления, заключит мир.

Война подходит к концу. Армии во Франции больше нет. Как только Базен капитулирует, — что, наверное, случится на этой неделе, — одна половина немецкой армии направится к Парижу, другая перейдет Луару и очистит страну от всех скоплений вооруженных людей...

...В надувательстве с Эльзасом, наряду с древне-тевтонскими моментами, выдвигаются главным образом стратегические соображения: желание получить в качестве защитной линии Вогезы и немецкую Лотарингию. (Граница языков: если ты от Донона или Ширмека в Вогезах проведешь прямую линию на час пути восточнее Лонгви, где сходятся бельгийско-люксембургская и французская границы, то это почти точно; от Донона вдоль Вогезов к швейцарской границе.) Дело в том, что Вогезы севернее Донона не так высоки и круты, как южные. Полагать, что Франция будет «скована» благодаря тому, что у нее отнимут эту узкую полосу, в которой живет около 1¼ миллиона жителей, могут только ослы из «Staatsanzeiger» и Брасс и К°. Вопли филистера о «гарантиях» вообще бессмысленны, но они имеют успех, потому что это выгодно придворным кругам...

...В Саарбрюккене французы произвели столько разрушений, сколько смогли. Но, конечно, обстрел длился только несколько часов, а не дни и ночи в течение недель, как в Страсбурге.

Письмо от Какаду¹ с благодарностью возвращаю. Оно очень интересно. Защита Парижа, если внутри города не произойдет чего-либо чрезвычайного, будет забавным эпизодом. При виде этой вечной склонности французов впадать в панику по поводу всякой мелочи и их боязни смотреть правде в глаза, — при виде всего этого получаешь гораздо лучшее представление об эпохе террора. Мы понимаем под последней господство людей, внушающих ужас; напротив того, это — господство людей, которые сами напуганы. Террор, это — большей частью бесполезные жестокости, совершаемые для собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убежден, что вина за террор в 1793 г. падает почти исключительно на перепуганных, выставляющих себя патриотами буржуа, на делающих от страха в штаны мещан и на прохвостов, обдelyвавших свои делишки при терроре. Террор — дело рук тех же самых классов.

Сердечный привет от всех нас, включая Жоллимеьера и Мура, всем вам.

Твой Ф. Э.

127

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

12 сентября 1870 г.

...Если в Париже можно было бы что-либо сделать, то следовало бы помешать выступлению рабочих до заключения мира. Обстоятельства таковы, что перед Бисмарком вскоре станет вопрос о заключении мира, вследствие ли взятия Парижа или потому, что положение в Европе принудит его к окончанию войны. Каков бы ни был мир, его надо заключить прежде, чем рабочие смогут что-либо сделать. Если они победят сейчас — служа делу национальной обороны, — им придется взять на себя наследство Бонапарта и нынешней паршивой республики; они будут бесполезно раздавлены немецкими армиями и снова отброшены на двадцать лет назад. Сами они ничего не потеряют от выжидания. Возможные изменения границ носят лишь временный характер и будут снова опрокинуты. Сражаться с пруссаками ради буржуазии было бы безумием. Каково бы ни было правительство, которое

¹ Дочь Маркса — Лаура Лафарг. *Ред.*

заклучит мир, оно уже по одному этому окажется недолговечным, а возвратившаяся из плена армия будет не так уже опасна во внутренних конфликтах. После заключения мира все шансы будут больше, чем когда-либо, на стороне рабочих. Но не дадут ли они себя увлечь под давлением чужеземного нападения и не провозгласят ли социальную республику накануне штурма Парижа? Было бы ужасно, если бы немецким армиям в виде последнего акта войны пришлось вести баррикадную борьбу против парижских рабочих. Это отбросило бы нас на пятьдесят лет назад и породило бы такую путаницу, что все и вся очутились бы в фальшивом положении; и к тому же — национальная ненависть и господство фразы, которые *тогда* расцветут среди французских рабочих!..

128

МАРКС — Э.-С. БИЗЛИ

19 октября 1870 г.

Милостивый государь!

Деак против рабочих. Он па самом деле — венгерское издание английского вига.

Что касается Лиона, то я получил письма, которые не подлежат опубликованию. Сначала все шло прекрасно. Под давлением секции Интернационала республика была провозглашена раньше, чем в Париже. Тотчас же было установлено революционное правительство — *Коммуна*, состоявшая частью из рабочих, принадлежавших к Интернационалу, частью из буржуазных радикальных республиканцев. Городские ввозные пошлины были немедленно уничтожены — и вполне правильно. Бонапартистские и клерикальные интриганы были терроризированы. Были приняты энергичные меры к вооружению всего народа. Буржуазия не сочувствовала, разумеется, новому порядку вещей, но, по крайней мере, стала ему спокойно покоряться. Лионское выступление немедленно нашло отклик в Марселе и в Тулузе, где секции Интернационала сильны.

Но ослы — Бакунин и Клюзерэ — приехали в Лион и испортили все дело. Так как оба они принадлежат к Интернационалу, то у них, к несчастью, оказалось достаточно влияния, чтобы сбить с толку наших друзей. Ратуша была захвачена — на короткое время — и изданы самые нелепые декреты *об уничтожении государства* и тому подобной чепухе. Одного того, что русский (которого буржуазные газеты изображали агентом Бисмарка) претендует на звание лидера *Комитета*

спасения Франции, было, как Вы понимаете, достаточно, чтобы перетянуть чашу весов общественного мнения. Что касается *Клюзерэ*, то он вел себя как дурак и как трус. Оба после своего провала покинули Лион.

В Руане, как и в большинстве других промышленных городов Франции, секции Интернационала, следуя примеру Лиона, настояли на официальном допущении рабочих в «комитеты обороны».

Я должен Вам, однако, сказать, что, по всем сведениям, которые я получаю из Франции, буржуазия в целом предпочитает прусское завоевание победе республики с социалистическими тенденциями.

Искренне преданный Вам

Карл Маркс.

129

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

13 декабря 1870 г.

Дорогой Кугельман!

Мое долгое молчание ты должен объяснить тем, что во время этой войны, которая увлекла во Франции большую часть корреспондентов Генерального Совета, ведавших заграничными сношениями, я должен был вести почти всю международную переписку, а это не безделица. Кроме того, при той «свободе почтовых сношений», которая господствует теперь в Германии, особенно в Северо-германском союзе и совсем «особенно» в Ганновере, опасно, правда, не для меня, а для моих немецких корреспондентов, если я буду писать им о своих взглядах на эту войну, а о чем же другом можно писать в настоящий момент?

Ты желаешь, например, получить от меня наше первое Воззвание о войне. Я послал его тебе. Очевидно, оно было перехвачено. Сегодня я посылаю тебе как оба Воззвания, соединенные в одну брошюру, так и статью профессора Бизли из «*Fortnightly Review*» и сегодняшний «*Daily News*». Так как эта газета пруссофильская, то, вероятно, все дойдет. Профессор Бизли как последователь Конта не может не выкидывать всяких вывертов, но в остальном очень дельный и смелый человек. Он — профессор истории в Лондонском университете.

Повидимому, не только Бонапарт, его генералы и его армия захвачены в плен Германией, но вместе с ним и весь империализм со всеми его пороками акклиматизирован в стране дубов и лип.

Что касается немецких буржуа, то меня несколько не удивляет их опьянение завоеваниями. Во-первых, захват — это жизненный принцип всякой буржуазии, а захват чужих провинций всегда будет «захватом». Кроме того, немецкий буржуа так долго и покорно сносил всяческие пинки ногой от своих отцов отечества и особенно от Гогенцоллернов, что для него должно быть настоящим наслаждением, если этих пинков отведает для разнообразия и чужестранец.

Во всяком случае, эта война освободила нас от «буржуазных республиканцев». Она нанесла этой шайке окончательный и ужасный удар. И этот результат имеет большое значение. Война дала нашим профессорам прекраснейший повод осрамить себя перед всем светом как холопствующих педантов. Условия, которые являются следствием этой войны, будут представлять из себя лучший материал для пропаганды наших принципов.

Здесь, в Англии, в начале войны настроение общества было ультра-прусским, теперь его сменило прямо противоположное. В кафе-шантанах, например, немецких певцов с их «Стражей на Рейне» освистывают, тогда как французским певцам, исполняющим «Марсельезу», подпевают хором. Кроме решительной симпатии народной массы к республике и досады «респектабельных» по поводу ныне очевидного союза Пруссии и России, — по поводу наглого тона прусской дипломатии со времени военных успехов, — кроме этого, всеобщее негодование вызвал способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстреливание партизан, взятие заложников и тому подобные повторения Тридцатилетней войны. Конечно, англичане поступали точно так же в Индии, на Ямайке и т. д., но французы — не индусы, не китайцы и не негры, а пруссаки — не «рожденные небом англичане»! Это чисто гогенцоллернская идея, будто народ совершает преступление, продолжая защищаться сам, когда все его постоянное войско уничтожено. В самом деле, прусская народная война против Наполеона I была настоящим бельмом на глазу у бравого Фридриха-Вильгельма III, как в этом можно убедиться из исторического труда профессора Пертца о Гнейзенау, который в своих законах о ландштурме возвел партизанскую войну в систему. Фридрих-Вильгельм III негодовал на то, что народ воевал самостоятельно и независимо от высочайших распоряжений.

Впрочем, еще посмотрим. Война во Франции может принять еще очень «неожиданное» направление. Противодействие, оказанное Луарской армией, «не входило в расчеты», и теперешнее разбрасывание немецких военных сил направо и налево, которое должно было терроризировать население, имеет на деле лишь тот результат, что вызывает повсюду к

жизни оборонительную силу и ослабляет силу наступательную. Даже угроза бомбардировать Париж представляет из себя не что иное, как простую уловку. Серьезного впечатления на Париж она, судя по всем правилам теории вероятности, произвести не может. Разрушат несколько внешних укреплений, пробьют брешь, какой будет толк от этого, если число осажденных больше числа осаждающих? А если осажденные производят исключительно успешные вылазки, заставляя противника защищаться за окопами, то что выйдет, когда роли переменятся?

Единственным верным средством является принудить Париж к сдаче голодом. Но если такая осада затянется настолько, что даст возможность образованию армий и развитию народной войны в провинциях, то и она не достигнет цели и лишь перенесет центр тяжести в другое место. Кроме того, даже и после капитуляции Парижа, который нельзя занять и удержать в повиновении какой-нибудь горстью людей, большая часть вторгнувшихся во Францию войск будет оторвана от военных действий.

Но как бы ни окончилась война, она обучила французский пролетариат владеть оружием, а это является лучшей гарантией будущего...

1871 год

130

МАРКС — РЕДАКТОРУ «DAILY NEWS»

16 января 1871 г.

Милостивый государь!

Когда Бисмарк обвинял французское правительство в том, что оно сделало невозможным во Франции свободное выражение мнений в прессе и с депутатской трибуны», то он, очевидно, хотел лишь отпустить берлинскую остроту. Если Вы хотите узнать «действительное» общественное мнение Франции, то обратитесь, пожалуйста, к г. Штиберу, редактору версальского «Moniteur» и известному прусскому полицейскому шпиону!

Гг. Бебель и Либкнехт были арестованы по личному приказу Бисмарка по обвинению в государственной измене только за то, что посмели исполнить свой долг в качестве представителей германского народа, т. е. протестовать в рейхстаге против аннексии Эльзаса и Лотарингии, голосовать против новых кредитов на войну, выразить свои симпатии французской республике и разоблачить попытку превратить Германию в сплошную прусскую казарму. С членами Брауншвейгского комитета социал-демократической партии с начала сентября прошлого года обращаются как с каторжниками за то, что они выразили подобные же взгляды, и до сих пор над ними висит курьезное обвинение в государственной измене. Подобная же участь постигла массу рабочих, распространявших Брауншвейгский манифест. Под аналогичным предлогом возбуждено обвинение в государственной измене против г. Гепнера, второго редактора лейпцигской газеты «Volksstaat». Немногочисленные независимые германские газеты, которые издаются вне Пруссии, запрещены в гогенцоллернских владениях. Рабочие собрания в Германии, устраиваемые для того, чтобы требовать почетного мира с Францией, ежеднев-

но разгоняются полицией. Согласно официальной прусской доктрине, наивно изложенной генералом Фогель фон-Фалькенштейном, каждый немец, «пытающийся противодействовать тем целям, которые ставит себе Пруссия в войне с Францией», повинен в государственной измене.

Если бы г. Гамбетта и К^о были принуждены, подобно Гогенцоллернам, силой подавлять общественное мнение, то им следовало бы применить прусский метод и под предлогом войны ввести во всей Франции осадное положение. Французские солдаты, находящиеся на немецкой территории, томятся в прусских тюрьмах. Но, несмотря на это, прусское правительство чувствует себя обязанным полностью сохранять осадное положение, т. е. наиболее грубую и возмутительную форму военного деспотизма, уничтожение всех законов. Французская территория наводнена почти миллионом германских захватчиков. И все-таки французское правительство оказалось в состоянии отказаться от этого прусского способа «делать возможным свободное выражение общественного мнения». Пусть сравнят картину немецких порядков с французскими! Одной Германии оказалось, однако, слишком мало для всеобъемлющей любви Бисмарка к свободе мнений. Когда люксембуржцы стали открыто выражать свои симпатии к Франции, Бисмарк использовал это в качестве одного из предлогов, чтобы отречься от Лондонского договора о нейтралитете. Когда подобный же грех совершила бельгийская пресса, прусский посол в Брюсселе, г. фон-Балан, потребовал от бельгийского министерства запрещения не только всех антипруских газетных статей, но и задержки опубликования известий, имеющих целью поощрять французов в их освободительной борьбе. Поистине очень скромное требование — уничтожить бельгийскую конституцию «pour le roi de Prusse!» [ради прусского короля]. Как только некоторые стокгольмские газеты позволили себе невинные остроты на тему об общеизвестном ханжестве Вильгельма-Аннександера, Бисмарк обратился к шведскому кабинету с яростными посланиями. Ему удалось открыть даже под Санкт-Петербургским меридианом чересчур свободную прессу. По его униженной просьбе, редакторы важнейших петербургских газет были призваны к обер-цензору, который предписал им воздержаться от каких бы то ни было критических заметок о верном прусском вассале царя. Один из этих редакторов, г. Загуляев, был настолько неосторожен, что раскрыл тайну этого *предостережения* на страницах «Голоса». Русская полиция сейчас же набросилась на него и выслала его в какую-то отдаленную губернию.

Было бы ошибкой думать, что эта жандармская политика объясняется только пароксизмом военной лихорадки. Напро-

тив того, это настоящее, методическое применение самого духа прусских законов. В прусском уголовном кодексе существует действительно оригинальная статья, в силу которой каждый иностранец за свои действия или писания в своей или в какой-нибудь другой стране может быть преследуем за «оскорбление прусского короля» и за «государственную измену в отношении Пруссии». Франция борется теперь не только за свою собственную национальную независимость, но и за свободу Германии и Европы, и ее дело, к счастью, может считаться далеко не безнадежным.

С уважением

Карл Маркс.

131

МАРКС — Э. МЕЙЕРУ

21 января 1871 г.

...В Петербурге выходит полуофициальный «Архив судебной медицины» (на русском языке). Один из сотрудничающих в этом журнале врачей поместил в номере за последний квартал статью «О гигиенических условиях, в которых живет западно-европейский пролетариат», в которой главным образом — но с указанием источника — цитирует мою книгу. В результате произошло следующее несчастье: цензор получил сильный нагоняй от министра внутренних дел, главный редактор смещен, а самый номер журнала — все экземпляры, которые еще можно было захватить, — предан сожжению!

Не знаю, сообщал ли я Вам, что с начала 1870 г. мне пришлось самостоятельно заняться изучением русского языка, на котором я теперь читаю довольно бегло. Это вызвано тем, что мне прислали из Петербурга представляющую весьма значительный интерес книгу Флеровского о «Положении рабочего класса в России» (в особенности крестьян) и что я хотел познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность приговоренного 7 лет тому назад к сибирской каторге). Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков. Идеиное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа...

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

4 февраля 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Я с сожалением узнал из твоего последнего письма, что состояние твоего здоровья снова ухудшилось. Что касается моего, то осенью и в зимние месяцы оно было сносно, хотя кашель, который я схватил во время моего последнего пребывания в Ганновере, продолжается до сих пор.

Я послал тебе номер «Daily News», в котором помещено мое письмо¹. Оно, очевидно, опять было перехвачено, как и другие мои посылки. Я вкладываю сегодня эту вырезку вместе с первым Воззванием Генерального Совета. Письмо содержит в сущности одни лишь факты, но именно благодаря этому оно и оказало действие.

Ты знаешь мой взгляд на героев буржуазии. Но г. Жюль Фавр (стяжавший себе дурную славу еще со времен Временного правительства и Кавеньяка) и К⁰ превзошли, однако, все мои ожидания. Во-первых, они дали возможность этому «солдафону» и «военному крестину», как Бланки верно охарактеризовал Трошю, осуществить его «план». А план этот состоял просто в том, чтобы протянуть *пассивное сопротивление* Парижа до крайности, т. е. до момента, когда голод заставит сдаться, наступательную же борьбу ограничить, напротив, притворными маневрами, «платоническими вылазками». Я высказываю здесь не «предположение». Я знаю содержание одного письма, которое сам Жюль Фавр писал Гамбетте и где он жалуется, что он и другие члены той части правительства, которая находится в Париже, тщетно побуждали Трошю к серьезным наступательным действиям. Трошю отвечал постоянно, что тогда возьмет верх *парижская демагогия*. Гамбетта ответил ему: «Вы изрекли приговор самому себе». Трошю считал гораздо более важным держать в подчинении красных в Париже при помощи своей бретонской лейб-гвардии, которая оказывала ему те же услуги, что корсиканцы — Луи Бонапарту, чем побеждать пруссаков. Вот в чем настоящий секрет поражений не только в Париже, но и везде во Франции. Повсюду буржуазия — в согласии с большинством местных властей — действовала по этому же самому принципу.

Раз уже план Трошю был доведен до своего кульминационного пункта, — до того, что парижанам предстояло или сдаться, или умереть с голоду, — Жюль Фавр и К⁰ должны были просто последовать примеру коменданта крепости Туля.

¹ См. стр. 254 этого сборника. Ред.

Этот комендант не капитулировал. Он просто заявил пруссакам, что из-за недостатка в съестных припасах он вынужден прекратить оборону и открыть ворота крепости. Пусть, дескать, осаждающие делают теперь, что угодно.

Но Жюль Фавр не довольствуется тем, что подписывает формальную капитуляцию. Объявляя себя самого, своих товарищей по правительству и Париж военнопленными прусского короля, он имеет наглость *выступать от имени всей Франции*. Что знал он о положении Франции, за исключением Парижа? Абсолютно ничего, кроме того, что ему соблаговолил сообщить Бисмарк.

Более того. Эти *господа, пленники прусского короля*, идут дальше и заявляют, что часть французского правительства, оставшаяся на свободе в Бордо, лишилась своих полномочий и имеет право действовать лишь *в согласии с ними, военнопленными прусского короля*. Но так как они сами, как военнопленные, *могут* действовать лишь по приказу победителя, то они тем самым провозгласили прусского короля *de facto высшей властью* во Франции.

Даже Луи Бонапарт, когда он сдался и был взят в плен при Седане, был менее бесстыден. На предложения Бисмарка он ответил, что не может вести переговоры, потому что, сделавшись прусским пленным, он потерял всякую власть во Франции.

В крайнем случае Жюль Фавр мог принять перемирие для всей Франции *условно*, т. е. если оно будет санкционировано правительством в Бордо, которое притом одно имело право и имело возможность обсудить отдельные статьи этого договора о перемирии с Пруссией. Правительство в Бордо во всяком случае не позволило бы Пруссии исключить из договора о перемирии *восточную* часть театра военных действий. Оно не позволило бы Пруссии округлить границу своей оккупационной линии таким выгодным для нее образом!

Бисмарк, обнаглев вследствие того, что его военнопленные узурпировали не принадлежащие им права и, будучи пленниками, продолжают разыгрывать роль французского правительства, — вмешивается уже без стеснения во внутренние французские дела. Он *протестует* — о благородный! — против декрета Гамбетты о всеобщих выборах в Национальное собрание, потому что этот декрет нарушает, дескать, свободу выборов! В самом деле! Гамбетта должен бы был ответить протестом против осадного положения в Германии и других германских порядков, уничтожающих свободу выборов в рейхстаг.

Я надеюсь, что Бисмарк будет настаивать на своих условиях мира! 400 миллионов фунтов стерлингов военной контрибуции — половина английского государственного долга! Это поймут даже французские буржуа! Может быть, они

поймут, наконец, что в худшем случае они *могут только выиграть* от продолжения войны.

Толпа, и знатная и простая, судит по внешности, по лицевой стороне, по непосредственному успеху. Так, она прославляла Луи Бонапарта на весь свет в течение 20 лет. Я же всегда, даже во время его апогея, разоблачал его как *посредственную каналью*. Таков же мой взгляд и на юнкера Бисмарка...

133

ЭНГЕЛЬС — ИСПАНСКОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

13 февраля 1871 г.

Граждане!

Ваше письмо от 14 декабря Генеральный Совет получил с чувством большого удовлетворения. Предшествующее ваше письмо от 30 июля также дошло до нас; оно было передано гражданину Серрайе, секретарю для Испании, с поручением ответить вам от нашего имени. Но спустя некоторое время гражданин Серрайе отправился во Францию, чтобы бороться за республику, и оказался запертым в Париже. Итак, вот почему вы не получили ответа на ваше письмо от 30 июля, которое еще находится в его руках. В настоящее время Генеральный Совет на заседании от 7-го числа текущего месяца уполномочил нижеподписавшегося, Ф. Энгельса, временно вести корреспонденцию с Испанией и передал ему ваше последнее письмо.

Мы пока регулярно получали следующие испанские рабочие газеты: барселонскую «La Federacion», мадридскую «La Solidaridad» (до декабря 1870 г.) и выходящие в Пальме «El Obrero» (до ее закрытия) и с недавнего времени — «La Revolucion Social» (только первый номер). Эти газеты держали нас в курсе того, что происходит в рабочем движении Испании; к нашему величайшему удовлетворению, мы убедились, что идеи социальной революции находят все больше сочувствия в рабочем классе вашей страны.

Без сомнения, пустая декламация старых политических партий привлекала к себе, как вы это указываете, слишком много внимания народа и создавала таким путем значительное препятствие для нашей пропаганды. То же самое происходило повсюду в первые годы пролетарского движения. Во Франции, в Англии, в Германии социалисты должны были — и до сих пор еще вынуждены — бороться с влиянием и деятельностью старых политических партий как аристократических, так

и буржуазных, как монархических, так даже и республиканских. Опыт показал повсюду, что лучшим средством освободить рабочих от этого господства старых партий было создание в каждой стране пролетарской партии, которая ведет самостоятельную политику, ясно отличающуюся от политики других партий, так как она должна выражать условия освобождения рабочего класса. Детали этой политики могут меняться в зависимости от особых обстоятельств в каждой стране; но так как основные отношения между трудом и капиталом всюду одни и те же и факт политического господства имущих классов над классами эксплуатируемыми существует повсюду, то принципы и цели пролетарской политики будут везде одни и те же, по крайней мере во всех странах Запада. Имущие классы, земельная аристократия и буржуазия, держат трудящийся народ в рабстве не только силой своего богатства, путем одной только эксплуатации труда капиталом, но также и силой государства, при помощи армии, бюрократии, судов. Отказаться от борьбы с нашими противниками на политической арене — значило бы отказаться от одного из самых могущественных средств борьбы и в особенности организации и пропаганды. Всеобщее избирательное право дает нам прекрасное средство борьбы. В Германии рабочие, организованные в крепкую политическую партию, добились посылки шести депутатов в так называемое национальное представительство; и оппозиция, которую наши друзья Бебель и Либкнехт могли там организовать против завсвательной войны, оказала гораздо более могущественное действие в интересах нашей международной пропаганды, чем долготелняя пропаганда, проводившаяся через печать и собрания. В настоящий момент и во Франции только что избраны представители рабочих, и они во всеуслышание провозглашают наши принципы в Национальном собрании. На ближайших выборах то же самое произойдет и в Англии.

Мы с удовольствием узнали, что вы хотите передать нам взносы секций вашей страны; мы примем их с благодарностью. Перешлите их, пожалуйста, аккредитивом на какого-нибудь лондонского банкира, в распоряжение Джона Уэстона, нашего казначея, с заказным письмом, адресованным на нижеподписавшегося, либо по адресу: 256, High Holborn, Лондон (местопребывание нашего Совета), либо по месту его жительства: 122, Regent's Park Road.

Мы ожидаем также с большим интересом статистических сведений о вашей Федерации, которые вы нам обещали прислать.

Что касается конгресса Интернационала, то до тех пор, пока продолжается настоящая война, о созыве его нечего и думать. Если же, что весьма вероятно, мир будет вскоре вос-

становлен, Совет немедленно займется этим важным вопросом и примет во внимание ваше дружеское предложение созвать конгресс в Барселоне.

У нас еще нет секций в Португалии; может быть, вам было бы легче, чем нам, завязать сношения с рабочими этой страны. Если это так, будьте добры написать нам снова по этому поводу. Мы думаем также, что было бы лучше, по крайней мере для начала, если бы сношения с типографами Буэнос-Айреса завязали вы, с тем чтобы впоследствии уведомить нас о достигнутых результатах. А пока вы нам окажете любезную и полезную для дела услугу, если вышлете нам один номер «Anales de la Sociedad de tipografos de Buenos Aires», чтобы мы могли с ним ознакомиться.

Во всех других странах международное движение продолжает развиваться несмотря на все препятствия. В Англии центральные советы тред-юнионов (Trades Councils) Бирмингэма и Манчестера только что непосредственно присоединились к нашему Товариществу, а через них и рабочие двух самых значительных фабричных городов этой страны. В Германии мы подвергаемся в данный момент таким же преследованиям со стороны правительства, каким год тому назад нас подвергал Луи Бонапарт во Франции. Наши немецкие друзья, из числа которых больше пятидесяти находятся в тюрьме, в прямом смысле страдают за международное дело; их арестовали и преследуют за то, что они всеми силами противились завоевательной политике и требовали, чтобы германский народ братался с французским. В Австрии тоже много наших друзей было заключено в тюрьму, но движение, тем не менее, развивается. Во Франции наши секции были повсюду центром сопротивления вторжению; они захватили местную власть в больших южных городах, и если Лион, Марсель, Бордо, Тулуза развили невиданную доселе энергию, то только благодаря усилиям членов Интернационала. В Бельгии у нас сильная организация; наши бельгийские секции только что провели свой VI национальный конгресс. В Швейцарии распри, возникшие между нашими секциями несколько времени тому назад, повидимому, начинают сглаживаться. Из Америки мы получили сообщения о присоединении новых секций, французских, немецких и чешских (богемских), и, кроме того, мы продолжаем поддерживать братские отношения с крупной организацией американских рабочих — Лигой труда (Labour League).

В надежде вскоре получить новые сведения от вас шлем вам наш братский привет.

За Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих

Ф. Э.

134

МАРКС — В. ЛИБКНЕХТУ

6 апреля 1871 г.

Дорогой Либкнехт!

Известие, что ты и Бебель, а также и брауншвейгцы освобождены, было здесь, в Центральном Совете, встречено великим ликованием.

Повидимому, парижане будут побеждены. Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *честности*. Центральный комитет, а затем и Коммуна дали злобному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы: 1) потому, что они по глупости не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание, призванное лишь решить вопрос о войне или мире с пруссаками, не объявило немедленно войну *республике*? 2) Чтобы их нельзя было упрекнуть в противозаконном захвате власти, они потеряли драгоценные мгновения на избрание Коммуны, организация которой и т. д. опять-таки потребовала времени, — а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (Вандомская площадь) ¹.

Из всей той чепухи, которую пишут в газетах о внутренних событиях в Париже, ты не должен верить ни одному слову. Все это — ложь и обман. Никогда еще буржуазное подлое газетомаранье не проявлялось в таком блеске.

Крайне характерно, что император единой Германии, единая империя и единый парламент в Берлине словно *вовсе не существуют* для внешнего мира. Всякое дуновение ветра в Париже вызывает больше интереса ...

135

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

12 апреля 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Твои медицинские советы оказали то действие, что я обратился к своему доктору Матесону и лечусь пока у него. Он находит, однако, что мои легкие в полном порядке и ка-

¹ На Вандомской площади в Париже 22 марта 1871 г. состоялось контрреволюционное выступление, целью которого было свержение Коммуны; попытка мятежа была подавлена Национальной гвардией, *Ред.*

шель объясняется бронхитом и т. п. Но кашель может повлиять на печень.

Вчера мы получили далеко не утешительное известие о том, что Лафарг (не Лаура) находится в настоящее время в Париже.

Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей. Какая гибкость; какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской Национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы чудовищный выродок Тьер не начал ее уже своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности! Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, — если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филлистерства.

Кстати. В *официальном издании* документов о субсидиях, выданных непосредственно из кассы Луи Бонапарта, имеется указание, что *Фогт* получил в августе 1859 г. 40 000 франков! Я сообщил это Либкнехту для дальнейшего использования.

Ты можешь послать мне Гакстгаузена, так как в *последнее время* я получаю в сохранности различные брошюры и т. п. не только из Германии, но даже из Петербурга.

Благодарю за присылку различных газет (прошу посылать их больше, так как я хочу кое-что написать о Германии, рейхстаге и т. п.).

Сердечный привет Графине и Совушке.

Твой К. М.

136

МАРКС — Л. КУГЕЛЬМАНУ

17 апреля 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Твое письмо получил. В настоящее время у меня полны руки дел. Поэтому пишу только несколько слов. Для меня совершенно непонятно, как ты можешь сравнивать мелкобуржуазные демонстрации à la [на манер] 13 июня 1849 г.¹ и пр. с теперешней борьбой в Париже.

Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа. Парижане знали это очень хорошо. Это знали и буржуазные версальские каналы. Потому-то они и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдать без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван.

Прощай.

К. М.

¹ 13 июня 1849 г. в Париже состоялась демонстрация протеста, устроенная партией Горы против насильственного низложения римской республики французскими войсками. Демонстрация эта почти без труда была разогнана и подтвердила только банкротство мелкобуржуазной революционной демократии во Франции. *Ред.*

137

МАРКС — Л. ФРАНКЕЛЮ и Л.-Э. ВАРЛЕНУ

13 мая 1871 г.

Дорогие граждане Франкель и Варлен!

Я виделся с подателем письма.

Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских каналов? Подобная мера предосторожности никогда не помешает.

Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано четыре члена Интернационала. В провинции начинается брожение. К несчастью, движение носит слишком местный и «мирный» характер.

Я написал в защиту вашего дела несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения.

Даже английские буржуазные газеты отказались от своего первоначального злобного отношения к Коммуне. Время от времени мне даже удается контрабандным путем помещать в них сочувственные заметки.

Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счета. Видно, что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Однако это не имело бы еще значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время.

Совершенно необходимо, чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии и в других странах. Пруссаки не передадут фортов в руки версальцев, но после заключения окончательного мира (26 мая) позволят правительству окружить Париж своими жандармами. Так как Тьер и К^о в договоре, заключенном Пуйэ-Кертье, выговорили себе, как вы знаете, огромную взятку¹, то они отказались от предложенной Бисмарком помощи немецких банкиров, — иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления *их* договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до занятия Парижа; Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам всевозможные облегчения, чтобы ускорить взятие Парижа. Поэтому будьте настороже!

¹ Имеется в виду двухмиллиардный внутренний заем, при заключении которого Тьер, Ж. Фавр и другие члены правительства выговорили себе несколько миллионов франков комиссионных. *Ред.*

МАРКС — Э.-С. БИЗЛИ

12 июня 1871 г.

Милостивый государь!

Лафарг, его семья и мои дочери находятся в Пиренеях у испанской границы, но на французской стороне. Так как Лафарг родом с Кубы, то он смог достать испанский паспорт. Все же мне хочется, чтобы он окончательно поселился на испанской стороне, так как в Бордо он играл крупную роль.

Несмотря на мое восхищение Вашими статьями в «Bee-Hive», я почти сожалею, что нахожу Ваше имя в этой газете. Разрешите мне, между прочим, заметить, что я в качестве партийного человека занимаю решительно враждебную позицию по отношению к контизму, а как человек науки очень невысокого мнения о нем, но Вас я считаю единственным контистом как в Англии, так и во Франции, который рассматривает поворотные пункты (Crises) в истории не с точки зрения сектанта, а с точки зрения историка в лучшем смысле этого слова. «Bee-Hive» выдает себя за рабочую газету, на самом же деле — это орган ренегатов, продавшийся Сэмюэлю Морлею и К^о. Во время последней, франко-прусской войны Генеральный Совет Интернационала был принужден порвать всякие сношения с этой газетой и заявить публично, что она только выдает себя за рабочую газету. Однако крупные лондонские газеты отказались напечатать это заявление, за исключением местной лондонской «Eastern Post». При таких обстоятельствах Ваше сотрудничество в «Bee-Hive» — это еще одна жертва, которую Вы приносите правому делу.

Одна моя приятельница через три или четыре дня едет в Париж. Я дам ей самые настоящие паспорта, чтобы она отвезла их некоторым членам Коммуны, которые сейчас еще скрываются в Париже. Если Вы или кто-нибудь из Ваших друзей хочет дать туда поручения, напишите, пожалуйста, мне.

Что меня утешает, так это тот вздор, который ежедневно печатается в бульварной печати по поводу моих статей и моих отношений к Коммуне и ежедневно присылается мне из Парижа. Это доказывает, что у версальской полиции нет настоящих документов. Мои отношения к Коммуне поддерживались через одного немецкого купца, который в течение всего года разъезжает по делам между Парижем и Лондоном. Все передавалось устно, за исключением двух случаев:

Во-первых, я послал членам Коммуны — через этого же посредника — письмо в ответ на их запрос, каким образом они могли бы продать на Лондонской бирже некоторые ценные бумаги.

Во-вторых, 11 мая, за десять дней до катастрофы, я сообщил тем же путем все подробности тайного договора между Бисмарком и Фавром во Франкфурте¹.

Я получил эту информацию от правой руки Бисмарка² — человека, прежде (от 1848 и до 1853 г.) принадлежавшего к тайному обществу, вождем которого был я. Этот человек знает, что у меня еще хранятся все отчеты, которые он посылал мне из Германии и о Германии. Он всецело зависит от моей скромности. Отсюда его постоянные старания доказать мне свои добрые намерения. Это — тот же самый человек, который, как я Вам говорил, предупредил меня, что Бисмарк решил меня арестовать, если я в этом году снова приеду к Кугельману в Ганновер.

Если бы Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке; я разоблачил им Пиа, Груссе и Везинье; я требовал, чтобы они немедленно прислали в Лондон все бумаги, компрометирующие членов [правительства] национальной обороны, чтобы таким образом до известной степени сдерживать неистовства врагов Коммуны, — тогда план версальцев был бы отчасти расстроен.

Если бы версальцы нашли эти документы, они не публиковали бы подложных.

«Воззвание» Интернационала³ появится не раньше среды. Я тогда немедленно пришлю Вам экземпляр. Материал, рассчитанный на четыре-пять листов, был напечатан на двух листах. Это вызвало многочисленные корректуры, просмотры и печатки. Отсюда и задержка.

Преданный Вам

Карл Маркс.

139

МАРКС — А. ГЮБЕРУ

10 августа 1871 г.

...Версальский прокурор составил смехотворный обвинительный акт против *Интернационала*. Может быть, было бы

¹ При подписании 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне окончательного мирного договора между Францией и Германией Жюль Фавр и Бисмарк заключили тайное соглашение об активной помощи пруссаков в разгроме Коммуны. *Ред.*

² Иоганн Микель, в свое время — член Союза коммунистов. *Ред.*

³ Речь идет о «Гражданской войне во Франции» К. Маркса, опубликованной в 1871 г. в виде воззвания Международного Товарищества Рабочих. *Ред.*

полезно в интересах защиты сообщить г. Биго следующие факты:

1) Препровождаемые при сем под № 1 два Воззвания *Генерального Совета* о франко-прусской войне. В своем первом Воззвании от 23 июля 1870 г. *Генеральный Совет* заявляет, что война была начата не французским народом, а империей и что по существу Бисмарк был так же виновен, как и Бонапарт. В то же время *Генеральный Совет* обращается к немецким рабочим с призывом не позволять прусскому правительству превратить оборонительную войну в войну завоевательную.

2) Второе Воззвание от 9 сентября 1870 г. (5 дней спустя после провозглашения республики) представляет собой весьма энергичное разоблачение завоевательных планов прусского правительства. Это призыв к немецким и английским рабочим стать *на сторону Французской республики*.

Действительно, в Германии рабочие, принадлежавшие к *Международному Товариществу*, оказали такое сильное сопротивление политике Бисмарка, что он приказал противозаконно лишить свободы и заключить в прусские крепости главных немецких представителей *Интернационала*, предъявив им ложное обвинение в «заговоре» с неприятелем.

В Лондоне, по призыву Совета, английские рабочие организовали большие митинги с целью принудить свое правительство признать Французскую республику и всеми силами сопротивляться расчленению Франции.

3) И далее: неужели французское правительство не знает о поддержке, которую *Интернационал* оказал Франции во время войны? Напротив. Консул Жюль Фавра в Вене, г. Лефевр, имел даже нескромность опубликовать — от имени французского правительства — благодарственное письмо гг. Либкнехту и Бебелю, двум представителям *Интернационала* в германском рейхстаге. В этом письме он говорит, между прочим (я перевожу его с немецкого перевода письма Лефевра): «Вы, господа, и *ваша партия* (т. е. *Интернационал*) одни остаетесь верны старой немецкой традиции, т. е. духу гуманности и т. д.».

И что же! Это письмо фигурирует на процессе *о государственной измене*, который саксонское правительство, под давлением Бисмарка, вынуждено было начать против Либкнехта и Бебеля и который продолжается еще и в данный момент. Оно послужило Бисмарку предлогом арестовать Бебеля после отсрочки сессии германского рейхстага.

В тот самый момент, когда гнусные газеты доносили на меня Тьеру как на агента Бисмарка, Бисмарк заключил в

тюрьму моих друзей по обвинению в государственной измене против Германии и дал приказ арестовать меня в случае моего появления в Германии.

4) За несколько времени до перемирия «добряк» *Жюль Фавр*, — как об этом сообщил *Генеральный Совет* в письме, помещенном в «*Times*» от 12 июня, копия которого приложена здесь (№ 2), — просил нас через своего личного секретаря, д-ра Рейтлингера, организовать в Лондоне общественные демонстрации в пользу «правительства обороны». Рейтлингер, как сообщает *Генеральный Совет* в своем письме в «*Times*», добавил, что не следует говорить о «*республике*», но только о «*Франции*». *Генеральный Совет* отказал в своем содействии демонстрациям *подобного рода*. Но все это доказывает, что само французское правительство считало *Интернационал* союзником Французской республики против прусского завоевателя. И действительно, он был единственным союзником Франции во время войны.

Братский привет.

К. М.

140

МАРКС — Ф. БОЛЬТЕ

23 ноября 1871 г.

... *Интернационал* был учрежден для того, чтобы заменить социалистические и полусоциалистические секты действительной организацией рабочего класса для борьбы. Первоначальный устав и Учредительный манифест сразу же указывают на это. С другой стороны, *Интернационал* не смог бы упрочиться, если бы сектантство не было уже разбито ходом истории. Развитие социалистического сектантства и развитие действительного рабочего движения всегда находятся в обратном отношении друг к другу. Секты имеют свое (историческое) оправдание до тех пор, пока рабочий класс еще не созрел для самостоятельного исторического движения. Как только он достигает такой зрелости, все секты становятся в сущности реакционными. Впрочем, в истории *Интернационала* повторилось то же самое, что обнаруживается повсюду в истории. Устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм.

История *Интернационала* тоже была *непрерывной борьбой Генерального Совета* против сект и дилегантских опытов, которые стремились упрочиться внутри самого *Интернационала* против подлинного движения рабочего класса. Борьба

эта велась на *конгрессах* и в еще большей степени в специальных совещаниях Генерального Совета с отдельными секциями.

Так как в Париже прудонисты (мютюэлисты)¹ были в числе учредителей Товарищества, то естественно, что в первые годы они стояли в Париже во главе движения. Впоследствии там в противовес им образовались, конечно, коллективистские, позитивистские и прочие группы.

В Германии — клика лассальянцев. Я сам в продолжение двух лет состоял в переписке с пресловутым Швейцером и неопровержимо доказал ему, что лассальянская организация есть просто сектантская организация и как таковая враждебна организации *действительного* рабочего движения, к которой стремится Интернационал. Но у него было свое «основание» не понять этого.

В конце 1868 г. в *Интернационал* вступил русский Бакунин с целью создать внутри него и *под своим собственным руководством второй Интернационал* под названием «Альянс социалистической демократии». Он, человек без всяких теоретических знаний, претендовал на то, чтобы в этой особой организации представлять *научную* пропаганду Интернационала, и хотел сделать ее специальностью этого второго *Интернационала внутри Интернационала*.

Его программой была поверхностно надерганная отовсюду мешанина — *равенство классов (!)*, *отмена права наследования* как *исходная точка* социального движения (сен-симонистская чепуха), *атеизм*, предписываемый членам Интернационала как *догма*, и т. д., а в качестве главной догмы (*по-прудонистски*) — *воздержание от участия в политическом движении*.

Эта детская азбука встретила сочувственный прием (и до известной степени находит поддержку еще и теперь) в Италии и Испании, где реальные предпосылки рабочего движения еще мало развиты, а также среди некоторых тщеславных, честолюбивых, пустых доктринеров в романской Швейцарии и в Бельгии.

Для г. Бакунина его доктрина (белиберда, составленная из кусочков, взятых у Прудона, Сен-Симона и пр.) была и есть дело второстепенное, лишь средство для его личного возвеличения. Но если он в теоретическом отношении нуль, то как интриган — он в своей стихии.

Генеральному Совету приходилось годами бороться против этого заговора (который до известной степени встречал поддержку у французских прудонистов, особенно в южной

¹ *Мютюэлисты* — так звали прудонистов, потому что они выдвигали лозунг «взаимопомощи» («mutuel» — «взаимный»). *Ред.*

Франции). В конце концов резолюциями конференции — I, 2 и 3, IX, XVI и XVII¹ — он нанес давно подготовлявшийся удар.

Само собой понятно, что Генеральный Совет не станет поддерживать в Америке того, против чего он борется в Европе. Резолюции I, 2, 3 и IX дают теперь Нью-Йоркскому комитету законное оружие, чтобы покончить со всяким сектанством и дилетантскими группами и в случае надобности исключить их...

... Политическое движение рабочего класса имеет, само собой разумеется, своей конечной целью завоевание им для себя политической власти, а для этого, конечно, необходима предварительная организация рабочего класса, достигшая известной степени развития и вырастающая из самой его экономической борьбы.

Но, с другой стороны, всякое движение, в котором рабочий класс выступает как *класс* против господствующих классов и пытается победить их путем «давления извне», есть политическое движение. Так, например, попытка принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в отдельной отрасли промышленности с помощью стачек и т. п. ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать *закон* о восьмичасовом рабочем дне и т. п., есть *политическое* движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает *политическое* движение, т. е. движение *класса*, стремящегося провести свои интересы в общей форме, т. е. в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную организацию, то, с другой стороны, они в такой же степени являются и средством развития этой организации.

Там, где рабочий класс еще недостаточно развил свою организацию, чтобы начать решительный поход против коллективной власти, т. е. политической власти господствующих классов, его нужно во всяком случае готовить к этому при помощи постоянной агитации против этой власти и при помощи враждебной позиции по отношению к политике господствующих классов. В противном случае рабочий класс

¹ Упомянутые Марксом резолюции Лондонской конференции I Интернационала (сентябрь 1871 г.) посвящены следующим вопросам: укреплению Интернационала, усилению централизма и руководящей роли Генерального Совета; необходимости самостоятельной политической партии пролетариата и неразрывной связи политической борьбы с экономической; ликвидации фракционной бакунистской группировки (Альянс). *Ред.*

останется игрушкой в их руках, как это доказала сентябрьская революция во Франции и как это до известной степени доказывает игра, которая до сих пор удается г. Гладстону и К^о в Англии.

141

ЭНГЕЛЬС — В РЕДАКЦИЮ ТУРИНСКОЙ ГАЗЕТЫ «IL PROLETARIO ITALIANO»¹

29 ноября 1871 г.

Граждане!

В 39-м номере вашей газеты помещено заявление туринских рабочих, где мы читаем:

«Мы заявляем публично, что решение Генерального Совета в Лондоне — поставить социализм на второй план после политики — было сообщено нам редакцией «Proletario» немедленно по его обнародовании и что такое решение не носило официального характера, потому что было снова отменено Генеральным Советом ввиду того, что многие европейские ассоциации целиком его отвергли бы, так же, как и мы».

Это утверждение вынуждает Генеральный Совет заявить:

- 1) что он никогда не принимал никакого решения поставить социализм на второй план после политики;
- 2) что поэтому он не может отменить такого решения;
- 3) что никакая европейская или американская ассоциация не могла отвергнуть такое решение и не отвергала никакого иного решения Генерального Совета.

Позиция Генерального Совета в отношении политического действия пролетариата достаточно определена.

Она определяется:

1) Общим уставом, который гласит в четвертом пункте: «что экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство».

2) Текстом Учредительного манифеста Товарищества (1864) — этим официальным и обязательным комментарием к уставу, в котором говорится: «Но хозяева земли и капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своей экономической монополии. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут воздвигать всевоз-

¹ «Il Proletario Italiano» — орган общества «Освобождение пролетариата», примыкавшего к Интернационалу; выходил в Турине в 1871—1872 гг. под редакцией бакуниста Терцаги. *Ред.*

возможные препятствия на его пути... Завоевание политической власти стало поэтому великой обязанностью рабочего класса».

3) Резолюцией Лозаннского конгресса (1867), принятой с этой целью: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением».

4) IX резолюцией Лондонской конференции (сентябрь 1871 г.), которая, в согласии со всем предшествующим, напоминает членам Интернационала, что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и его политическое действие неразрывно связаны между собой.

Этой предписанной таким образом линии поведения Совет всегда следовал и будет следовать в будущем.

Поэтому вышеупомянутое сообщение, сделанное неизвестно кем редакции «Proletario», он объявляет ложным и клеветническим.

По распоряжению и от имени Генерального Совета

Секретарь для Италии Ф. Э.

Р. С. Сию минуту получил из Женевы «La Révolution Sociale», в которой сообщается, что небольшая группа из Юры отвергла решения Лондонской конференции. Никакого официального сообщения Генеральному Совету сделано не было. Как только Совет получит такое сообщение, он примет необходимые меры.

1872 год

142

ЭНГЕЛЬС — К. ТЕРЦАГИ

14 января 1872 г.

Дорогой Терцаги!

Если на Ваше письмо от 4-го минувшего декабря я не ответил раньше, то только потому, что хотел дать Вам точный ответ на вопрос, который Вас интересует прежде всего, а именно — о деньгах для «Proletario».

Вы знаете, что миллионы Интернационала существуют только в испуганном воображении буржуазии и правительств, которые не могут понять, каким образом товарищество, подобное нашему, могло завоевать такое выдающееся положение, не располагая миллионами. Посмотрели бы они отчеты, представленные последней конференции!

Несмотря на всю бедность, мы готовы были втирывать вам 150 франков, когда пришла «Gazzettino Rosa» с известием и т. д.¹ Это изменило все. Если бы вы просто решили послать делегата на будущий конгресс, это было бы еще ничего. Но конгрессу адресован циркуляр, полный выдумок и ложных обвинений против Генерального Совета. Неужели вы не могли хотя бы подождать ответа Генерального Совета на этот циркуляр?² Совет увидел в вашей резолюции только доказательство того, что вы стали на сторону обвинителей,

¹ «Gazzettino Rosa» сообщила, что Туринская секция открыто встала на сторону бакунистов и высказалась за досрочный созыв конгресса Интернационала. *Ред.*

² Конгресс Юрской федерации, состоявшийся в ноябре 1871 г. в Сонвилле, разослал циркулярное обращение ко всем секциям Интернационала, полное клеветнических нападок на Генеральный Совет и на решения Лондонской конференции Интернационала 1871 года. В циркуляре выставлялось требование немедленного созыва всемирного конгресса. Генеральный Совет ответил выпуском составленного Марксом негласного циркуляра «Мнимые расколы в Интернационале», в котором была полностью разоблачена раскольническая деятельность бакунистов. *Ред.*

не дождавшись объяснений Совета, и разрешение переслать вам деньги, о которых идет речь, было отменено. Теперь Вы уже получили «Egalité» с ответом Романского комитета, который в десять раз больше, чем юрцы, представляет швейцарских рабочих. Но из самого юрского циркуляра уже обнаруживается злостное намерение авторов.

Сначала они стремились поспорить с нами под предлогом конференции, теперь же они нападают на нас, потому что мы выполняем резолюции Базельского конгресса — резолюции, которые мы *обязаны* выполнять. Они не признают никакой власти за Генеральным Советом, даже *если бы эта власть была добровольно признана всеми*. Я очень хотел бы знать, как без этой власти (autorità, как они ее называют) можно было бы воздать по заслугам и Толену, и Дюрану, и Нечаеву, равно, каким образом с помощью красивой фразы об автономии секций, — как об этом заявляется в циркуляре, — намерены они помешать вторжению мардохейцев¹ и предателей. Конечно, никто не оспаривает у секций их автономии, но нельзя представить себе федерацию, которая не уступила бы некоторых прав федеральным комитетам и, в конечной инстанции, Генеральному Совету.

А знаете ли Вы, кто были авторы и защитники этих *авторитарных* резолюций? Делегаты Генерального Совета? Отнюдь нет. Эти авторитарные мероприятия были предложены бельгийскими делегатами, а также Швицгебелем, Гильомом и Бакуниным, которые были *самыми горячими их защитниками*. Вот как обстоит дело.

Мне кажется, что они слишком злоупотребляют фразами об «авторитете» и централизации. Я не знаю вещи более авторитарной, чем революция, и, мне кажется, когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, как это делается во всякой революции, то осуществляется именно акт власти. Недостаток централизации и власти стоил жизни Парижской Коммуне. После победы делайте с властью и т. д., что хотите, но для борьбы необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в одном пункте атаки. А когда мне говорят о власти и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при всяких обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорят, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами лишь на словах.

Если Вы хотите знать, что сделали на практике для Интернационала авторы циркуляра, прочтите их собственный официальный отчет конгрессу о положении Юрской федерации («Révolution Sociale», Женева, номер от 23 ноября

¹ Тайных полицейских агентов. *Ред.*

1871 г.), и Вы увидите, до какого состояния разложения и слабости они довели федерацию, бывшую еще за год до этого очень крепкой. Вот каковы те люди, которые хотят реформировать Интернационал!

Братский привет.

Ваш Ф. Энгельс.

143

ЭНГЕЛЬС — Т. КУНО

24 января 1872 г.

Дорогой Куно!

Только что получил через Беккера Ваше письмо и вижу из него, что проклятые мардохейцы перехватили мое подробное письмо к Вам от 16 декабря. Это тем досаднее, что оно содержало все необходимые сведения о Закунинских интригах, и Вы были бы осведомлены обо всем целым месяцем раньше. Кроме того в этом письме я просил Вас, — так как Вы в качестве иностранца подлежите высылке, — держаться лучше несколько в стороне от публичной агитации, чтобы Вы могли там оставаться и сохранить свое место, но тем временем все это, к сожалению, пошло к чоргу.

Карточки отменены решением конференции и замснены марками. Ими уже давно сильно злоупотребляли, так как очень много бланков попадало всюду в руки полиции, которая их использовала. Через несколько дней я пришлю 100 марок взамен расписки на 10 франков — сейчас у меня марок нет. О старом капитане с деревянной ногой здесь ничего не известно, с Генеральным Советом он не связан.

Я с удовольствием прислал бы Вам *устав*, если бы у меня был хоть один экземпляр. На французском и английском языках он уже отпечатан, на немецком выйдет на-днях, итальянский перевод лежит, готовый к печати, у меня в письменном столе, но 1) у нас нет денег, чтобы отпечатать его за свой счет, и 2) ввиду поднятого Бакуниным всеобщего возмущения итальянцев против конференции и Генерального Совета весьма сомнительно, признают ли там вообще издание, пересмотренное и выпущенное Генеральным Советом согласно постановлениям конференции; пока это не выяснено, печатание, по-моему, бесполезно. Между тем, там появилось несколько изданий устава на итальянском языке, например, в Джирдженти (экспедиция «Eguaglianza») и в Равенне (экспедиция закрывшейся «Romagnolo» — справки можно получить у Лодовико Набруцци в Равенне); «Plebe» в Лоди, Корсо Палестро, также объявила о выпуске устава по 10 сантимов за экземпляр. Правда, все эти переводы сделаны плохо, а частью и неверно, и содержат только пер-

воначальные организационные постановления, но пока придется пользоваться ими.

Беккер пишет, что сообщит Вам об интригах Бакунина, но я на это не полагаюсь и сообщу Вам вкратце самое необходимое. Бакунин, который до 1868 г. вел интриги против Интернационала, вступил затем в него, потерпев фиаско на Бернском конгрессе мира¹, и тотчас же начал *внутри Интернационала* устраивать заговоры против Генерального Совета. У Бакунина своеобразная теория — смесь прудонизма с коммунизмом, причем в его прудонизме самым существенным является то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал, а следовательно, и не классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшую в результате общественного развития, а *государство*. В то время как массы социал-демократических рабочих так же, как и мы, держатся того взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, которую создали себе господствующие классы — землевладельцы и капиталисты — для того, чтобы защищать свои общественные привилегии, Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего уничтожить государство, и тогда капитал сам собой полетит к чорту. Мы же говорим обратное: уничтожьте капитал — сосредоточение всех средств производства в руках немногих, — и тогда само собой падет и государство. Разница существенная: отмена государства без предварительного социального переворота — бессмыслица; уничтожение же капитала — именно *и есть* социальный переворот и заключает в себе преобразование всего способа производства. Но так как для Бакунина государство есть основное зло, то не следует делать ничего, что могло бы поддержать жизнь государства, т. е. какого бы то ни было государства — республики, монархии и т. п. Отсюда — *полное воздержание от всякой политики*. Совершить политический акт, в особенности же принять участие в выборах, — это измена принципу. Надо вести пропаганду, поносить государство, организоваться, и когда, наконец, будешь иметь на своей стороне *в с е х* рабочих, следовательно, большинство, тогда уничтожаются, наконец, все государственные учреждения, отменяется государство, и на его место становится организация Интернационала. Этот великий акт, которым начинается тысячелетнее царство, называется *социальной ликвидацией*.

¹ Имеется в виду Бернский конгресс буржуазной «Лиги мира и свободы», одним из руководителей которой до октября 1868 г. был Бакунин. *Ред.*

Все это звучит необычайно радикально и так просто, что это можно выучить наизусть в пять минут, — вот почему эта бакунинская теория быстро встретила сочувствие в Италии и Испании среди молодых адвокатов, докторов и других доктринеров. Но масса рабочих никогда не допустит убедить себя в том, что общественные дела их собственной страны не являются в то же время их собственными делами, они по природе своей *политически активны*, и всякого, кто предлагает им отказаться от политики, они в конце концов покидают. Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — это значит загонять их в объятия попов или буржуазных республиканцев.

Так как, по Бакунину, Интернационал создан не для политической борьбы, а для того, чтобы при социальной ликвидации немедленно занять место старой государственной организации, то он должен возможно более приблизиться к бакунинскому идеалу будущего общества. В этом обществе, прежде всего, не существует никакого *авторитета*, так как авторитет — государство — абсолютное зло. (Каким образом эти господа собираются пустить в ход фабрики и железные дороги, управлять кораблем без воли, решающей в последней инстанции, без единого руководства, — этого они нам, конечно, не говорят.) Прекращается также и власть большинства над меньшинством. Каждая личность, каждая община автономны, но каким образом общество, состоящее хотя бы из двух человек, возможно без того, чтобы каждый из них не поступился чем-нибудь из своей автономии, — об этом Бакунин снова умалчивает.

Так вот и Интернационал тоже должен быть построен по такому образцу. Каждая секция автономна, и внутри каждой секции автономна каждая личность. К чорту *базельские постановления*, которые дают Генеральному Совету пагубную и его самого деморализующую власть! Даже если эта власть предоставлена *добровольно*, она должна быть уничтожена, — именно *потому*, что она — власть!

Таковы основные пункты всего этого надувательства. Но кто же эти авторы базельских постановлений? *Сам г. Бакунин* и компании!

Когда эти господа увидели на Базельском конгрессе, что им не удастся осуществить свой план — перенести Генеральный Совет в Женеву, т. е. забрать его в свои руки, — они стали действовать иначе. Они основали Альянс социалистической демократии, интернациональное общество *внутри* большого Интернационала под тем предлогом, который Вы теперь снова встретите в бакунистской итальянской прессе, например, в «Proletario», «Gazzettino Rosa»: для пылких латинских рас нужна более яркая программа, чем для холод-

ных, медлительных северян. Этот маленький план потерпел неудачу благодаря противодействию Генерального Совета, который, конечно, не мог допустить существования какой-либо отдельной *интернациональной* организации *внутри* Интернационала. С тех пор тот же план появлялся вновь в различных формах в связи со стремлением Бакунина и его сторонников подменить программу Интернационала программой Бакунина; с другой стороны, реакция, начиная с Жюля Фавра и Бисмарка и кончая Мадзини, всегда обрушивалась именно на бакунинское пустое и хвастливое фразерство, когда дело шло о нападках на Интернационал. Отсюда необходимость декларации против Мадзини и Бакунина от 5 декабря, которая была напечатана также и в «Gazzettino Rosa».

Ядро бакунинщины состоит из нескольких десятков юрцев, которые в общем едва ли имеют за собой 200 рабочих; авангардом являются молодые адвокаты, доктора и журналисты в Италии, которые теперь всюду выступают в качестве представителей итальянских рабочих, отдельные подобные же лица в Барселоне и Мадриде и кое-где одиночки в Лионе и Брюсселе, среди них почти нет рабочих; здесь только один единственный экземпляр, Робен.

Конференция¹, созванная по необходимости, из-за невозможности созвать конгресс, явилась для них предлогом, а так как в Швейцарии большинство находящихся там французских эмигрантов перешло на их сторону, — ибо они (прудонисты) нашли там много родственного, а также по личным мотивам, — то они и начали кампанию. Конечно, в Интернационале повсюду можно найти недовольное меньшинство и непризнанных гениев — на них-то не без основания и рассчитывали. В настоящее время их боевые силы таковы:

1. Сам Бакунин — Наполеон этой кампании.
2. 200 юрцев и 40—50 членов французских секций (эмигранты в Женеве).
3. В Брюсселе Гинс, редактор «Liberté», который, однако, *открыто* за них *не* выступает.
4. Здесь — остатки никогда не признававшейся нами «Французской секции 1871 г.», которая уже раскололась на три враждующие между собой части; затем около 20 выкинутых из немецкой секции (из-за предложения о массовом *выходе из Интернационала*) лассальянцев типа г. фон-Швейцера, которые в качестве защитников крайней централизации и сильной организации удивительно подходят к союзу анархистов и автономистов.

¹ Лондонская конференция Интернационала 1871 г. *Ред.*

5. В Испании несколько личных друзей и последователей Бакунина, которые имели сильное влияние, по крайней мере теоретически, на рабочих, в особенности в Барселоне. Но, с другой стороны, испанцы обращают большое внимание на организацию, и отсутствие ее у других бросается им в глаза. Может ли Бакунин рассчитывать здесь на успех, выяснится только на испанском конгрессе в апреле, но так как на нем будут преобладать рабочие, то я не испытываю опасений.

6. Наконец, в Италии, насколько мне известно, секции Турина, Болоньи и Джирдженти высказались за *досрочный* созыв конгресса. Бакунистская пресса утверждает, что к ним примкнули 20 итальянских секций, мне они неизвестны. Во всяком случае руководство почти всюду находится в руках друзей и приверженцев Бакунина, которые поднимают большой шум; но, вероятно, при более точном расследовании дела выяснится, что за ними народу стоит немного, так как в конце концов огромнейшая масса итальянских рабочих все еще до сих пор состоит из мадзинистов и останется ими до тех пор, пока Интернационал будет отождествляться там с воздержанием от политики.

Но во всяком случае в Италии дело обстоит так, что бакунисты являются там пока хозяевами положения в Интернационале. Генеральный Совет и не думает на это жаловаться; итальянцы имеют право делать сколько угодно глупостей, и Генеральный Совет будет этому противодействовать только путем мирных дебатов. Они имеют также право высказываться за конгресс в духе юрцев, хотя, конечно, в высшей степени странно со стороны секций, которые только что примкнули [к Интернационалу] и ни о чем еще не осведомлены, сразу же вставать на определенную сторону в таком вопросе, в особенности же до того, как они выслушали обе стороны! Я уже высказал туринцам откровенно свой взгляд на это и сделаю то же самое в отношении других секций, которые высказались подобным образом. Ибо всякое такое заявление о присоединении является косвенным одобрением содержащихся в циркуляре ложных обвинений и клеветы против Генерального Совета, который, впрочем, в скором времени выпустил свой циркуляр по этому вопросу. Если Вы *до появления его* сможете помешать подобному же заявлению миланцев, то Вы этим пойдете навстречу нашим желаниям.

Всего комичнее то, что те же самые туринцы, которые высказались за юрцев и, следовательно, упрекают нас здесь в авторитаризме, теперь вдруг требуют от Генерального Совета, чтобы он властно выступил против соперничающей туринской «Рабочей федерации», и притом таким образом, как он этого еще никогда не делал, чтобы он подверг отлучению

Бегелли из «Fiscapaso», который даже не входит в Интернационал, и т. п. И все это, прежде даже чем мы выслушали «Рабочую федерацию», прежде чем мы услышали, что она скажет по этому поводу.

В прошлый понедельник я послал Вам «Révolution Sociale» с напечатанным там юрским циркуляром, один номер женевской «Egalité» (у меня, к сожалению, нет больше ни одного номера с ответом Женевского федерального комитета, который представляет в двадцать раз больше рабочих, чем юрцы) и один номер «Volksstaat», из которого Вы увидите, что думают об этой истории в Германии. Саксонский областной съезд — 120 делегатов из 60 мест — *единогласно* высказался за Генеральный Совет.

Бельгийский конгресс (25—26 декабря) требует пересмотра устава, но на *очередном* конгрессе (в сентябре). Из Франции мы ежедневно получаем выражения одобрения. Здесь, в Англии, все эти интриги, само собой разумеется, не находят подходящей почвы. И, конечно, Генеральный Совет не созовет чрезвычайного конгресса в угоду нескольким интригующим и важничавшим особам. Пока эти господа держатся на законной почве, Генеральный Совет охотно предоставляет им свободу действий — эта коалиция самых разнообразных элементов скоро сама собой распадется; но, как только они предпримут что-нибудь, противоречащее уставу или постановлениям конгрессов, Генеральный Совет исполнит свой долг.

Если представишь себе, в какой момент, — как раз тогда, когда Интернационал всюду подвергается самой ожесточенной травле, — эти люди начинают свой заговор, то никак не можешь отделаться от мысли, что господа из международной полиции замешаны в этом деле. Так оно действительно и есть. В Безье женевские бакунисты имеют своим корреспондентом главного комиссара полиции. Два видных бакуниста, Альбер Ришар из Лиона и Леблан, были здесь и заявили одному рабочему, Шоллю из Лиона, к которому они обратились, что единственное средство свергнуть Тьера — это снова посадить на трон Бонапарта, и поэтому они разъезжают *на бонапартовские деньги*, чтобы вести *пропаганду* среди эмигрантов *в пользу бонапартистской реставрации!* Вот что эти господа называют воздержанием от политики! В Берлине субсидируемый Бисмарком «Neuer Social-Demokrat» поет ту же песню. Насколько в этом деле замешана русская полиция, этот вопрос я пока оставляю открытым, но Бакунин был сильно запутан в нечаевской истории (он, правда, это отрицает, но мы имеем здесь подлинные русские отчеты, а так как Маркс и я понимаем по-русски, то он нам втереть очки не может). Нечаев же либо русский агент-

провокатор, либо, во всяком случае, действовал как таковой; а кроме того среди русских друзей Бакунина есть всякого рода подозрительные личности.

Мне очень жаль, что Вы лишились своего места, я нарочно писал Вам, чтобы Вы избегали всего, что может к этому привести. Ваше пребывание в Милане гораздо важнее для Интернационала, чем тот незначительный эффект, который можно вызвать *публичным выступлением*: действуя тайно, можно тоже многое сделать и т. п. Если я смогу Вам помочь в отношении переводов, я сделаю это с величайшим удовольствием. Скажите мне только, с каких языков и на какие Вы можете переводить и чем я могу Вам быть полезен.

Итак, полицейские собаки мою фотографию тоже перехватили. Посылаю Вам другую и прошу прислать две Ваших: одна предназначается для того, чтобы побудить фрейлейн Маркс дать одну фотографию ее отца для Вас (только у нее есть еще несколько хороших).

Еще раз прошу Вас быть осторожным со *всеми* лицами, которые связаны с Бакуниным. Все секты отличаются тем, что члены их крепко держатся друг за друга и интригуют. *Всякое Ваше сообщение* — можете быть в этом уверены — тотчас же будет передано Бакунину. Одним из его принципов является утверждение, что верность своему слову и тому подобные вещи — не что иное, как буржуазные предрассудки, которыми истинный революционер в интересах дела должен всегда пренебрегать. В России он говорит об этом открыто, в Западной Европе — это тайное учение.

Пишите мне *как можно скорее*. Если бы нам удалось добиться того, чтобы Миланская секция не участвовала в общем хоре итальянских секций, то это было бы очень хорошо.

Братский привет.

Ваш Ф. Энгельс.

1873 год

144

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

30 мая 1873 г.

Дорогой Мавр!

Сегодня утром в постели мне пришли в голову следующие диалектические мысли по поводу естественных наук:

Предмет естествознания — движущаяся материя, телá. Телá неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть. Поэтому естествознание познает телá, только рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познание различных форм движения и есть познание тел. Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания.

1. Простейшая форма движения, это — перемена *места* (во времени, чтобы доставить удовольствие старому Гегелю), *механическое* движение.

а) Движения *отдельно взятого* тела не существует; однако, говоря относительно, *падение* можно рассматривать как таковое. Движение к одной центральной точке, общей для многих тел. Но как только отдельное тело должно двигаться не к центру, а в *ином* направлении, то хотя оно и подпадает все еще под законы *падения*, но эти законы видоизменяются

б) в законы траектории и ведут прямо к взаимному движению нескольких тел — планетарное и т. д. движение, астрономия, равновесие — временное или кажущееся в самом движении. Но *действительным* результатом этого рода движения в конце концов бывает всегда *контакт* движущихся тел; они падают друг на друга.

с) Механика контакта — соприкасающиеся тела. Простая механика, рычаг, наклонная плоскость и т. д. Но *этим не*

исчерпываются действия контакта. Он проявляется непосредственно в двух формах — в трении и ударе. И то и другое обладают тем свойством, что при определенной степени интенсивности и при определенных обстоятельствах производят *новые*, уже не только механические действия: *теплоту, свет, электричество, магнетизм.*

2. *Собственно физика* — наука, изучающая эти формы движения, исследовав каждую из них в отдельности, констатирует, что при определенных условиях они *переходят друг в друга*, и в заключение находит, что все они при определенной степени интенсивности, меняющейся у различных движущихся тел, вызывают действия, которые выходят за пределы физики, изменения внутреннего строения тел — *химические действия.*

3. *Химия.* При исследовании прежних форм движения было более или менее безразлично, производилось ли оно над одушевленными или неодушевленными телами. Неодушевленные тела даже показывают эти явления в их наибольшей *чистоте.* Напротив, химия может познать химическую природу важнейших тел только на таких веществах, которые возникают из процесса жизни; главной задачей химии все больше и больше становится искусственное изготовление этих веществ. Она образует переход к науке об организме, но диалектический переход может быть установлен только тогда, когда химия совершит этот действительный переход или будет близка к этому.

4. *Организм* — здесь я пока не пускаюсь ни в какую диалектику.

Так как ты там сидишь в центре естествознания, то лучше всего будешь в состоянии судить, что тут верного.

Твой Ф. Э.

Если вы полагаете, что все это имеет какое-либо значение — не рассказывайте никому об этом, чтобы какой-нибудь проклятый англичанин не обокрал меня; обработка все же еще потребует много времени.

145

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

20 июня 1873 г.

Дорогой Бебель!

Я сперва отвечаю на Ваше письмо, потому что письмо Либкнехта еще находится у Маркса, и он сейчас не может его разыскать.

Вовсе не Гепнер, а письмо Йорка Гепнеру, подписанное Комитетом, заставило нас здесь опасаться, что партийное руководство — к несчастью насквозь лассальянское — вос-

пользуется Вашим заключением для того, чтобы превратить «Volksstaat» в нечто вроде «честного» «Neuer Social-Demokrat». Йорк недвусмысленно признался в этих планах, а так как Комитет приписал себе право назначения и смещения редакторов, то опасность была, несомненно, достаточно велика. Предстоявшая высылка Гепнера еще более укрепила эти планы. При таких обстоятельствах мы должны были знать совершенно точно, как обстоит дело; отсюда — эта переписка...

...Что же касается отношения партии к лассальянству, то Вы, разумеется, могли бы лучше судить о том, какая тактика в отдельных случаях должна применяться. Но надо принять во внимание и следующее. Когда, подобно Вам, приходится до известной степени конкурировать со Всеобщим германским рабочим союзом, то легко может случиться, что уделяешь слишком много внимания сопернику и привыкаешь по каждому поводу думать прежде всего о нем. Но ведь Всеобщий германский рабочий союз и Социал-демократическая рабочая партия, вместе взятые, все еще составляют лишь ничтожное меньшинство германского рабочего класса. По нашему же мнению, подтвержденному многолетним опытом, правильная тактика в пропаганде состоит не в том, чтобы то тут, то там отбивать у противника отдельных лиц и группы членов организации, а в том, чтобы воздействовать на широкие, еще не втянутые в движение массы. Один свежий человек, которого мы сами извлекли из целины, ценнее десятка лассальянских перебежчиков, всегда приносящих с собой в партию элементы своих неправильных воззрений. Если бы удалось заполучить только массы без их *местных вожakov*, то это бы еще куда ни шло. К сожалению, всегда приходится получать в придачу уйму подобных вожakov, которые связаны своими прежними публичными выступлениями, если не своими прежними взглядами, и которые хотят во что бы то ни стало показать, что они не отреклись от своих принципов, что, наоборот, Социал-демократическая рабочая партия проповедует *истинное* лассальянство. Это и было бедой в Эйзенахе¹ — в то время, быть может, неизбежной бедой, — но партии эти элементы безусловно повредили, и еще вопрос, не была ли бы партия в настоящее время, по крайней мере, не менее сильной и без тех, кто к ней тогда присоединился. Во всяком случае было бы, по-моему, несчастьем, если бы эти элементы получили подкрепление.

Нельзя позволить сбивать себя с толку криками об «объединении». Как раз те, кто больше всего носится с этим

¹ Энгельс имеет в виду Эйзенахский съезд 1869 г., на котором оформилась Социал-демократическая рабочая партия Германии. *Ред.*

лозунгом, и являются главными зачинщиками раздоров; таковы нынешние бакунисты Швейцарской Юры, инициаторы всех расколов, которые ни о чем так громко не кричат, как об объединении. Эти фанатики объединения — либо ограниченные люди, желающие смешать все и вся в неопределенную кашу, которой стоит только немного устояться, чтобы различные элементы, сваленные в общий котел, пришли в еще более острое противоречие между собой (в Германии у вас есть превосходный пример в лице господ, проповедующих примирение рабочих и мелких буржуа); либо это люди, желающие бессознательно (как, например, Мюльбергер) или сознательно фальсифицировать движение. Вот почему заядлые сектанты и величайшие склочники и прохвосты в известные моменты громче всех кричат об объединении. Ни от кого мы в течение нашей жизни не видали больших неприятностей и подвохов, чем от крикливых проповедников объединения.

Конечно, всякое партийное руководство стремится к успехам, и это очень хорошо. Но бывают обстоятельства, когда надо иметь мужество пожертвовать успехом *немедленным* ради более важных вещей. Особенно такая партия, как наша, конечный успех которой абсолютно обеспечен и которая за наше время и на наших глазах так гигантски выросла, вовсе не нуждается всегда и безусловно в немедленном успехе. Возьмите, к примеру, Интернационал. После Коммуны он имел огромный успех. Перепуганные насмерть буржуа считали его всемогущим. Массы в самом Интернационале думали, что так будет продолжаться вечно. Мы знали отлично, что пузырь *должен* лопнуть. К Интернационалу присасывалась всякая шваль. Находившиеся в нем сектанты обнаглели, злоупотребляли своей принадлежностью к Интернационалу и надеялись, что им будут дозволены величайшие глупости и низости. Мы этого не потерпели. Прекрасно зная, что пузырь когда-нибудь должен лопнуть, мы старались не оттягивать катастрофы, а вывести из нее Интернационал чистым и нефальсифицированным. В Гааге пузырь лопнул, и Вы знаете, что большинство участников конгресса разъехалось по домам с тяжелым чувством разочарования. А ведь почти все эти разочарованные, воображавшие, что в Интернационале они найдут идеал всеобщего братства и примирения, занимались у себя дома еще более жестокой дракой, чем та, которая разразилась в Гааге! Теперь сектантствующие склочники проповедуют примирение и кричат о нас, что мы — люди неуживчивые, диктаторы! А если бы мы в Гааге выступали примиренчески, если бы мы замяли назревший раскол, — каковы бы были последствия? Сектанты, т. е. бакунисты, получили бы в свое распоряжение лишний год вре-

мени, чтобы совершать от имени Интернационала еще большие глупости и мерзости, рабочие самых развитых стран отвернулись бы с отвращением; пузырь не лопнул бы, он медленно бы съежился, поврежденный булавочными уколами, и ближайший конгресс, тот, на котором кризис все же должен был бы разразиться, превратился бы в самую пошлую и скандальную личную склоку, так как *принцип* уже был бы принесен в жертву в Гааге! Вот тогда бы Интернационал действительно погиб, погиб от «единства»! Вместо этого мы отделались с честью для нас от гнилых элементов (присутствовавшие на последнем, решающем заседании члены Коммуны говорят, что ни одно заседание Коммуны не производило на них такого потрясающего впечатления, как этот суд над предателями европейского пролетариата); мы предоставили им в течение десяти месяцев изо всех сил лгать, клеветать, интриговать, а что из этого вышло? Эти мнимые представители огромного большинства Интернационала сами теперь заявляют, что они не отваживаются явиться на ближайший конгресс (подробности в статье, которая посылается одновременно с этим для «Volksstaat»). И если бы нам пришлось действовать еще раз, мы в общем и целом поступили бы не иначе; тактические ошибки, разумеется, всегда возможны.

Во всяком случае, я уверен, что лучшие элементы из числа лассальянцев со временем сами придут к вам, и было бы поэтому неразумно срывать плод, пока он еще не созрел, как этого хотят горе-объединители.

Впрочем, еще старик Гегель сказал: партия доказывает свою жизнеспособность тем, что идет на *раскол* и способна выдержать этот раскол. Движение пролетариата неизбежно проходит через различные ступени развития; на каждой ступени застревает часть людей, которая дальше не идет. Только этим и объясняется, почему «солидарность пролетариата» в действительности повсюду осуществляется в виде различных партийных группировок, которые борются между собой не на жизнь, а на смерть, подобно христианским сектам в Римской империи в период тягчайших преследований.

Вы не должны забывать также и того, что если у «Neuer [Social-Demokrat]» больше подписчиков, чем у «Volksstaat», то это объясняется тем, что каждой *секте* непременно присущ фанатизм, и благодаря этому фанатизму — в особенности же там, где секта нова (как, например, Всеобщий германский рабочий союз в Шлезвиг-Голштинии) — она добивается гораздо более крупных немедленных успехов, чем партия, которая без всяких сектантских причуд просто представляет действительное движение. Но зато фанатизм недолговечен.

Кончаю, сейчас отправляется почта. Второпях еще об одном: Маркс не может взяться за Лассалья, пока не будет закончен французский перевод [«Капигала»] (приблизительно в конце июля), к тому же он настоятельно нуждается в отдыхе, потому что очень переутомлен.

Вы стоически переносите свое заключение и притом занимаетесь, — это превосходно. Мы все заранее радуемся, что увидим Вас здесь в будущем году.

Сердечный привет Либкнехту.

Искренне Ваш Ф. Энгельс.

146

МАРКС — Ф.-А. ЗОРГЕ

27 сентября 1873 г.

...Принимая во внимание положение дел в Европе, я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала и только, если это возможно, не выпускать из рук центрального пункта в Нью-Йорке, чтобы идиоты, вроде Перре, или авантюристы, вроде Клузерэ, не захватили руководства и не скомпрометировали все дело. События и неизбежное развитие и усложнение обстановки сами позаботятся о восстановлении Интернационала в улучшенной форме. Пока же достаточно будет не упускать из рук связей с наиболее дельными элементами во всех странах, а в остальном не обращать ни малейшего внимания на местные женовские решения и просто игнорировать их. Единственное хорошее решение, которое было там принято, — отложить конгресс на два года — облегчает подобный образ действия. Кроме того, планы континентальных правительств расстраиваются тем, что при *предстоящем крестовом походе реакции* они не смогут использовать призрак Интернационала, больше того — буржуа всюду считают этот призрак благополучно похороненным...

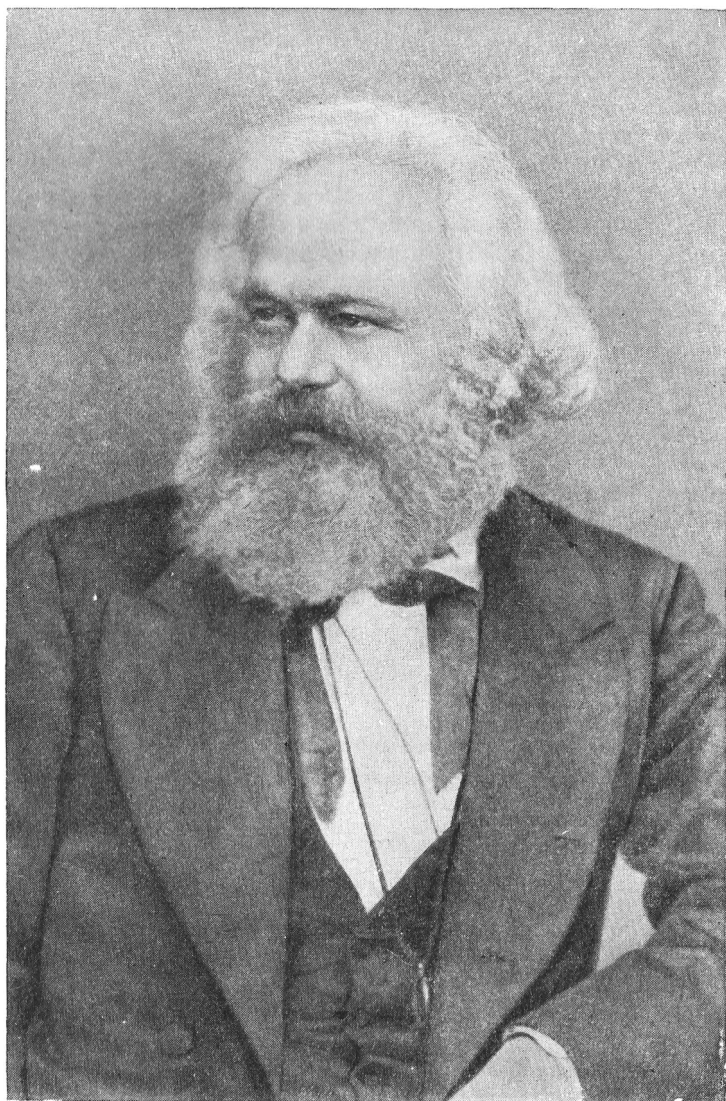
147

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

10 декабря 1873 г.

Дорогой Мавр!

Прилагаю половинки трех пятифунтовых билетов; пожалуйста, сейчас же извести о получении, чтобы можно было послать остальное.



КАРЛ МАРКС
(1872 г.).

Со вчерашнего утра — густой туман, от которого я спасся часовой прогулкой в Хис. Там наверху голубое небо и горячее солнце — остров света в море тумана.

Негодяй Родерих Бенедикс выпустил дурно пахнущую толстую книгу против «шекспиромании», в которой он подробно доказывает, что Шекспир не может равняться с нашими великими поэтами и даже с поэтами нового времени. Повидимому, Шекспира надо просто сбросить с пьедестала, чтобы на его место поставить толстозадого Р. Бенедикса. В одном только первом акте «Виндзорских проказниц» больше жизни и движения, чем во всей немецкой литературе; один только Лаунс¹ со своей собакой Крабом стоит больше, чем все немецкие комедии вместе взятые. А неуклюжий глупец Бенедикс пускается в столь же серьезные как и дешевые рассуждения о том, как бесцеремонно Шекспир часто обрывает развязку, сокращая этим скучную, хотя в действительности и неизбежную болтовню. Поделом ему!

Вчера получил геологическую карту Рейнской провинции. Сделанные мной на месте первоначальные предположения в большинстве случаев подтверждаются.

Сердечный привет Тусси.

Твой Ф. Э.

¹ Персонаж комедии Шекспира «Два веронца». *Ред.*

1874 год

148

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

12—17 сентября 1874 г.

...С твоим уходом *старый* Интернационал полностью завершил свое существование. И это хорошо. Он принадлежал к периоду Второй империи, когда царивший во всей Европе гнет предписывал только что пробуждающемуся вновь рабочему движению единство и воздержание от всякой внутренней полемики. Это был момент, когда всеобщие космополитические интересы пролетариата были выдвинуты на первый план, когда Германия, Испания, Италия, Дания только что вступили в движение или еще только вступали. В 1864 г. теоретический характер движения во всей Европе, т. е. в массах, был еще очень неясен, немецкий коммунизм еще не существовал как рабочая партия, прудонизм был слишком слаб, чтобы выезжать на своем излюбленном коньке, а новая белиберда Бакунина не существовала еще даже и в его собственной голове; даже вожди английских тред-юнионов считали возможным вступить в движение на основе программы, изложенной в введении к Уставу. Первый крупный успех должен был разрушить это наивное сотрудничество всех фракций. Таким успехом была Коммуна, которая была, несомненно, духовным детищем Интернационала, хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того, чтобы вызвать ее к жизни; таким образом, на Интернационал до известной степени вполне справедливо возлагалась ответственность за Коммуну. Когда же Интернационал благодаря Коммуне стал в Европе моральной силой, — тотчас началась склока. Каждое течение хотело использовать этот успех для себя. Начался распад, который был неизбежен. Зависть к растущей силе единственных людей, которые действительно готовы были продолжать работу на основе старой широкой программы, — к немецким коммунистам — толкнула бельгийских

прудонистов в объятия бакунистских авантюристов. Гаагский конгресс был в действительности концом, и притом для обеих партий. Америка была единственной страной, где именем Интернационала еще можно было что-то сделать, почему здоровый инстинкт и подсказал перенести туда высшее руководство. Но теперь и там престиж его исчерпан, и всякое дальнейшее усилие вдохнуть в него новую жизнь было бы глупостью и бесплодной тратой сил. В течение десяти лет Интернационал господствовал над одной стороной европейской истории — именно той стороной, в которой заложено будущее, и он может с гордостью оглянуться на свою работу. Но в старой форме он себя пережил. Для того, чтобы был создан новый Интернационал наподобие старого, союз всех пролетарских партий всех стран, для этого было бы необходимо всеобщее подавление рабочего движения, подобно 1849—1864 гг. Но для этого пролетарский мир стал теперь слишком велик, слишком обширен. Я думаю, что следующий Интернационал — после того как произведения Маркса в течение ряда лет будут оказывать свое влияние — будет чисто коммунистическим и провозгласит именно наши принципы. . .

1875 год

149

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

18—28 марта 1875 г.

Дорогой Бебель!

Получил Ваше письмо от 23 февраля и радуюсь, что Вы так хорошо себя чувствуете.

Вы спрашиваете меня, каково наше мнение по поводу истории с объединением? К сожалению, мы оказались в том же положении, что и Вы. Ни Либкнехт, ни кто-либо другой нам ничего не сообщал; поэтому и мы знаем не больше того, что есть в газетах, а в них ничего не писали, пока дней восемь тому назад не прибыл проект программы¹. Проект этот, конечно, поверг нас в немалое изумление.

Наша партия так часто протягивала лассальянцам руку, предлагая примирение или, по крайней мере, хотя бы сотрудничество, и так часто встречала наглый отказ со стороны Газенклеверов, Гассельманов и Тельке, что даже ребенок должен был бы отсюда сделать такой вывод: раз эти господа теперь сами приходят с предложением примирения, значит они находятся в дьявольски затруднительном положении. Но, имея в виду хорошо известный характер этих людей, мы обязаны использовать их затруднительное положение и выговорить себе все возможные гарантии, чтобы эти господа за счет нашей партии не укрепили вновь в глазах рабочих свои поколебленные позиции. Их следовало встретить как можно более холодно и недоверчиво, обусловить объединение степенью их готовности отказаться от своих сектантских лозунгов и от своей «государственной помощи» и принять в основном эйзенахскую программу 1869 г. или же ее исправленное издание, приноровленное к настоящему моменту. Нашей партии *абсолютно нечему учиться* у лассаль-

¹ Речь идет о проекте программы, принятой на объединительном съезде германской социал-демократии (эйзенахцев и лассальянцев) в Готе 22—27 мая 1875 г. *Ред.*

явцев в теоретическом отношении, т. е. в том, что для программы имеет решающее значение; лассальянцы же могли бы, конечно, поучиться у нашей партии. Первое условие объединения должно было заключаться в том, чтобы они перестали быть сектантами, лассальянцами, — следовательно, чтобы они прежде всего отказались от всеисцеляющего знахарского средства государственной помощи или хотя бы признали ее подчиненной переходной мерой наряду со многими другими возможными мерами. Проект программы доказывает, что наши люди, будучи в теоретическом отношении в сто раз выше лассальянских лидеров, оказались во столько же раз ниже их в смысле политической ловкости; «честных» и на этот раз жестоко околпачили нечестные.

Во-первых, принята напыщенная, но исторически ложная лассалевская фраза о том, что по отношению к рабочему классу все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу. Это положение верно только в отдельных исключительных случаях, например, во время такой пролетарской революции, какой была Коммуна, или в такой стране, где не только буржуазия создала государство и общество по своему образу и подобию, но вслед за ней и демократическая мелкая буржуазия уже довела это преобразование до крайних его последствий. Если бы, например, в Германии демократическая мелкая буржуазия принадлежала к этой реакционной массе, то как могла бы Социал-демократическая рабочая партия годами идти рука об руку с нею, с Народной партией? Как мог бы «Volksstaat» черпать почти все свое политическое содержание из мелкобуржуазно-демократической «Frankfurter Zeitung»? И как было бы возможно включить в эту самую программу целых семь требований, прямо и буквально совпадающих с программой Народной партии и мелкобуржуазной демократии? Я имею в виду семь политических требований: 1—5 и 1—2, среди которых нет ни одного, не являющегося *буржуазно-демократическим*¹.

¹ Эти политические требования проекта Готской программы гласили: «В качестве свободной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для всех мужчин, начиная с 21 года, на всех выборах в государстве и общине. 2. Прямого народного законодательства с правом вносить и отвергать предложения. 3. Всеобщего военного обучения. Народного ополчения взамен постоянного войска. Предоставления решения вопроса о войне и мире народному представительству. 4. Отмены всех исключительных законов, в особенности законов о печати, союзах и собраниях. 5. Народного суда. Бесплатного судопроизводства.

В качестве духовной и нравственной основы государства германская рабочая партия требует:

1. Всеобщего и равного для всех народного воспитания чрез посредство государства. Обязательного посещения школы. Бесплатного обучения. 2. Свободы науки. Свободы совести». *Ред.*

Во-вторых, принцип интернациональности рабочего движения практически для настоящего времени совершенно отбрасывается, и отбрасывается людьми, которые целых пять лет и при труднейших обстоятельствах проводили этот принцип самым блестящим образом. Германские рабочие оказались в авангарде европейского движения *главным образом* благодаря своему подлинно интернационалистскому поведению во время войны; никакой другой пролетариат не мог бы держать себя так хорошо. И вот теперь им предлагают отречься от этого принципа, отречься в тот самый момент, когда за границей рабочие повсюду начинают подчеркивать его в той же мере, в какой правительства стремятся подавить всякую попытку осуществить этот принцип в рамках какой-либо организации! Что же остается в конце концов от интернационализма рабочего движения? Только слабая надежда — даже не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем, в борьбе за свое освобождение, нет, — а на будущее «интернациональное братство народов», на «Соединенные Штаты Европы» господ буржуа из Лиги мира!

Конечно, не было надобности говорить об Интернационале как таковом. Но нужно было по меньшей мере не сделать ни шагу назад от программы 1869 г. и сказать примерно так: *хотя* германская рабочая партия действует *прежде всего* внутри положенных ей государственных границ (она не имеет права говорить от имени европейского пролетариата и, в особенности, говорить что-либо ложное), тем не менее она сознает свою солидарность с рабочими всех стран и всегда готова будет выполнять и впредь, как выполняла до сих пор, вытекающие из этой солидарности обязательства. Подобные обязательства существуют и без того, чтобы провозглашать себя или считать себя частью Интернационала; к ним относятся, например, помощь и недопущение штрейк-брехерства во время стачек, забота о том, чтобы германские рабочие были осведомлены партийными органами о движении за границей, агитация против угрожающих или разражающихся династических войн, во время таких войн — тактика, подобная той, которая была образцово проведена в 1870 в 1871 гг., и т. п.

В-третьих, наши позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», основанный на совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимум* заработной платы, и именно потому, что, согласно мальтузианской теории народонаселения, всегда имеется избыток рабочих (такова была аргументация Лассаля). Однако Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от обстановки получает

перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железны, а, напротив, очень эластичны и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль. Мальтузианское обоснование списанного Лассалем у Мальтуса и Рикардо (с извращением последнего) закона, как оно, например, цитируется на стр. 5 «Книги для чтения рабочих» из другой брошюры Лассалья, подробно опровергнуто Марксом в отделе о «процессе накопления капитала». Приняв лассалевский «железный закон», признали, следовательно, ложное положение и его ложное обоснование.

В-четвертых, программа выдвигает в качестве *единственного социального* требования лассалевскую государственную помощь в самом неприкрытом виде, в каком Лассаль ее украл у Бюше. И это после того, как Бракке очень хорошо вскрыл всю никчемность этого требования¹, после того, как почти все, если не все, ораторы нашей партии вынуждены были в борьбе с лассальянцами выступить против этой «государственной помощи»! Большого унижения для нашей партии нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гегга, социализм, опустившийся до буржуазного республиканизма Бюше, который выдвинул это требование *в противовес социалистам*, в целях борьбы с ними!

В лучшем же случае «государственная помощь» в лассалевском смысле есть только *одно* из многих мероприятий для достижения цели, что здесь, в проекте программы, выражено беспомощными словами: «для того, чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса», — как будто для нас еще существует какой-то теоретически *не разрешенный социальный вопрос!* Если, стало быть, сказать: «германская рабочая партия стремится к уничтожению наемного труда и тем самым классовых различий посредством осуществления коллективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе; она выступает за всякое мероприятие, которое пригодно для достижения этой цели», — то ни один лассальянец не сможет что-либо против этого возразить.

В-пятых, об организации рабочего класса как класса посредством профессиональных союзов не сказано ни слова. А это весьма существенный пункт, потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не может задушить даже самая жестокая реакция (как теперь в Париже). При той важности, которую эта организация

¹ Энгельс имеет в виду брошюру В. Бракке «Предложение Лассалья». *Ред.*

приобретает также и в Германии, было бы, по нашему мнению, безусловно необходимо упомянуть о ней в программе и по возможности отвести ей определенное место в партийной организации.

Вот что сделали наши в угоду лассальянцам. А чем поступились те? Тем, что в программе фигурирует куча довольно путаных, *чисто демократических требований*, из коих некоторые являются просто предметами моды, как, например, «прямое народное законодательство», которое существует в Швейцарии и приносит там больше вреда, чем пользы, если вообще что-нибудь приносит. «Управление чрез посредство народа» еще имело бы какой-нибудь смысл. Отсутствует также первое условие всякой свободы — ответственность всех чиновников за все свои служебные действия по отношению к любому из граждан перед обыкновенными судами и по общему праву. О том, что такие требования, как свобода науки, свобода совести, фигурируют во всякой либеральной буржуазной программе и здесь выглядят несколько странно, я распространяться не стану.

Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона¹, а затем «Коммунистический манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово «община» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна».

«Устранение всякого социального и политического неравенства» — тоже весьма сомнительная фраза вместо «уни-

¹ Имеется в виду «Нищета философии». *Ред.*

чтожения всех классовых различий». Между отдельными странами, областями и даже местностями всегда будет существовать *известное* неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью. Обитатели Альп всегда будут иметь другие жизненные условия, чем жители равнин. Представление о социалистическом обществе как о царстве равенства есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом «свободы, равенства и братства», — представление, которое как определенный *этап развития* было правомерно в свое время и на своем месте, но которое, подобно всем односторонностям прежних социалистических школ, теперь должно быть преодолено, так как оно вносит только путаницу и так как теперь найдены более точные способы изложения этого вопроса.

Я заканчиваю, хотя почти каждое слово в этой программе, написанной к тому же вялым и бесцветным языком, заслуживает критики. Программа эта такова, что в случае если она будет принята, Маркс и я *никогда* не согласимся примкнуть к основанной на таком фундаменте *новой* партии и должны будем очень серьезно задуматься над вопросом о том, какую позицию (также и публично) занять по отношению к ней. Учтите, что за границей за все и всякие выступления и действия германской социал-демократической рабочей партии делают ответственными нас. Так Бакунин в своем сочинении «Государственность и анархия» делает нас ответственными за всякое необдуманное слово, сказанное или написанное Либкнехтом со времени основания «Demokratisches Wochenblatt». Люди воображают, что мы отсюда командуем всем движением, тогда как Вы знаете не хуже меня, что мы почти никогда не вмешивались ни в малейшей мере во внутренние дела партии, а если и вмешивались, то только для того, чтобы по возможности исправить допущенные, на наш взгляд, ошибки, да и то *лишь теоретические*. Но Вы сами поймете, что эта программа образует поворотный пункт, который очень легко может заставить нас сложить с себя всякую ответственность за партию, признавшую такую программу.

Вообще официальная программа партии имеет меньшее значение, чем то, что партия делает в действительности. Но все же *новая* программа всегда представляет собою открыто водруженное знамя, и внешний мир судит о партии по этому знамени. Поэтому программа ни в коем случае не должна быть шагом назад, каким рассматриваемый проект является по сравнению с эйзенахской программой. Ведь надо же было подумать и о том, что скажут об этой программе рабочие других стран, какое впечатление произведет эта капитуляция

всего германского социалистического пролетариата перед лассальянством.

Притом я убежден, что объединение на *такой* основе не продержится и года. Неужели лучшие люди нашей партии согласятся пережевывать в своих выступлениях заученные наизусть фразы Лассалья о железном законе заработной платы и о государственной помощи? Хотел бы я увидеть, например, Вас в этой роли! А если бы они и пошли на это, их освистали бы их слушатели. Между тем я уверен, что лассальянцы настаивают как раз на *этих* пунктах программы, как ростовщик Шейлок на своем фунте мяса. Произойдет раскол; но предварительно мы восстановим «честное» имя Гассельмана, Газенклевера, Тельке и компании; после раскола мы окажемся ослабленными, а лассальянцы — укрепимся; наша партия утратит свою политическую непорочность и уж никогда не сможет беззаветно бороться против лассалевских фраз, которые она на некоторое время сама же начертала на своем знамени; и если лассальянцы опять будут заявлять тогда, что они — самая подлинная и единственная рабочая партия, а наши сторонники — буржуа, то в доказательство они смогут указать на эту программу. Все социалистические мероприятия в этой последней принадлежат *им*, в то время как *наша* партия внесла туда только требования мелкобуржуазной демократии, которую, однако, *она сама* в той же самой программе охарактеризовала как часть «реакционной массы».

Я задержал отправку этого письма, так как Вы будете освобождены лишь 1 апреля, в честь дня рождения Бисмарка, и я не хотел подвергать письмо риску быть перехваченным при попытке доставить его контрабандным путем. Но вот только что пришло письмо от Бракке, у которого тоже возникли серьезные сомнения по поводу программы и который хочет узнать наше мнение. Поэтому я для ускорения дела посылаю настоящее письмо ему, чтобы он прочел его и чтобы мне не пришлось еще раз писать всю эту капитель сначала. Впрочем, я изложил дело напрямую также и Рамму, а Либкнехту написал лишь вкратце. Я не могу ему простить того, что он не сообщил нам *ни слова* обо всем этом деле (между тем как Рамм и другие думали, что он нас точно осведомил), пока не стало уже, так сказать, слишком поздно. Правда, так поступал он издавна, — и отсюда та обширная неприятная переписка, которую нам, Марксу и мне, пришлось с ним вести, — но на этот раз дело приняло слишком уж скверный оборот, и *мы решительно отказываемся идти вместе с ним по такому пути.*

Постарайтесь устроить так, чтобы летом приехать сюда. Будете жить, конечно, у меня, и, если погода будет хоро-

шая, мы могли бы на несколько дней поехать на морские купанья; после продолжительной отсидки это будет для Вас очень полезно.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

150

МАРКС — В. БРАККЕ

5 мая 1875 г.

Дорогой Бракке!

Нижеследующие критические замечания к объединительной программе¹ будьте добры по прочтении передать для ознакомления Гейбу и Ауэру, Бебелю и Либкнехту. Я завален работой и вынужден переступить уже далеко за рамки рабочего времени, разрешенного мне врачами. Поэтому мне отнюдь не доставляло особого «удовольствия» исписать так много бумаги. Но это было необходимо для того, чтобы партийные друзья, для которых предназначаются эти заметки, не истолковали впоследствии ложно те шаги, которые я, со своей стороны, должен буду предпринять. — Я имею в виду краткое заявление, которое Энгельс и я опубликуем после объединительного съезда; мы заявим, что мы совершенно непричастны к указанной принципиальной программе и не имеем с ней ничего общего.

Это необходимо, так как за границей распространен заботливо поддерживаемый врагами партии взгляд, — взгляд совершенно ложный, — будто мы тайно руководим отсюда движением так называемой эйзенахской партии. Еще в своей недавно появившейся на русском языке книге² Бакунин возлагает, например, на меня ответственность не только за все программы и т. д. упомянутой партии, но даже и за каждый шаг, сделанный Либкнехтом со дня его сотрудничества с Народной партией.

Помимо того, мой долг не позволяет мне, хотя бы лишь путем дипломатического молчания, признать программу, которая, по моему убеждению, решительно никуда не годится и деморализует партию.

Каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ. Поэтому, если нельзя было — а обстоятельства этого не допускали — пойти *далее* эйзенахской программы, то следовало бы просто заключить соглашение о действиях

¹ Речь идет о написанных Марксом «Замечаниях к программе германской рабочей партии», известных под названием «Критика Готской программы». *Ред.*

² М. Бакунин. «Государственность и анархия». *Ред.*

против общего врага. Составляя же принципиальные программы (вместо того чтобы отложить это дело до того момента, когда оно будет подготовлено более длительной совместной работой), воздвигают тем самым перед лицом всего мира вежи, по которым люди судят об уровне партийного движения. Вожди лассальянцев пришли к нам потому, что их вынудили к этому обстоятельства. Если бы им заявили с самого начала, что ни на какое торгашество принципами не пойдут, то они *должны* были бы удовлетвориться программой действия или организационным планом в целях совместного действия. Вместо этого им разрешают являться во всеоружии мандатов и, со своей стороны, признают эти мандаты обязательными, т. е. сдают на милость или немилость тех, кто сам нуждается в помощи. К довершению всего они созывают съезд еще *до согласительного* съезда, между тем как собственная партия созывает свой съезд только по окончании дела. Здесь явно стремились сорвать всякую критику и не дать опомниться собственной партии. Известно, что рабочих удовлетворяет самый факт объединения; но ошибаются те, кто думает, что этот минутный успех куплен не слишком дорогой ценой.

Впрочем, программа никуда не годится и независимо от того, что она канонизирует лассалевский символ веры.

В ближайшее время я пришлю Вам последние выпуски французского издания «Капитала»¹. Печатание было на долгое время задержано запрещением французского правительства. На этой неделе или в начале следующей книга будет готова. Получили ли Вы 6 первых выпусков? Сообщите мне, пожалуйста, также адрес Бернгарда Беккера, которому я тоже должен послать последние выпуски.

У книгоиздательства «Volksstaat» своеобразные нравы. Так, до сих пор, например, мне даже не прислали ни одного экземпляра нового издания «Кельнского процесса коммунистов».

С сердечным приветом

Ваш Карл Маркс.

151

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

12 октября 1875 г.

Дорогой Бебель!

Ваше письмо всецело подтверждает наше мнение о том, что объединение было с нашей стороны опрометчивым шагом и носит в себе зародыш будущего раскола. Хорошо еще,

¹ Французский перевод I тома «Капитала», проредактированный самим Марксом, выходил в 1872—1875 гг. в Париже отдельными выпусками. *Ред.*

если удастся оттянуть этот раскол до окончания ближайших выборов в рейхстаг...

Программа в ее теперешнем виде состоит из трех частей:

1) из лассалевских фраз и лозунгов, принятие которых для нашей партии — позор. Когда две фракции сходятся на общей программе, они вносят в нее то, в чем они согласны, и не касаются того, в чем не согласны. Лассалевская государственная помощь имела, правда, и в эйзенахской программе, но лишь как *одна из многих переходных мер*, и, судя по всем сведениям, которые до меня дошли, можно было бы почти не сомневаться, что, если бы *не произошло* объединения, она в этом году была бы вычеркнута на съезде партии по предложению Бракке. Теперь она фигурирует в программе как непогрешимое и исключительное средство исцеления от всех социальных недугов. Позволить навязать себе «железный закон заработной платы» и другие лассалевские фразы было для нашей партии огромным моральным поражением. Она обратилась в лассалевскую веру. Этого уж никак нельзя отрицать. Эта часть программы представляет собой Кавдинское ущелье, через которое наша партия проползла к вящей славе святого Лассалья;

2) из демократических требований, сформулированных вполне в духе и стиле Народной партии;

3) из требований, предъявляемых к «современному государству» (причем неизвестно, к кому же обращены прочие «требования»), очень путаных и нелогичных;

4) из общих положений, большей частью заимствованных из «Коммунистического манифеста» и устава Интернационала, но переделанных так, что они содержат либо *совершенно ложные* утверждения, либо *чистую бессмыслицу*, как это подробно показал Маркс в известном Вам документе¹.

Вся программа в целом в высшей степени неряшлива, сбивчива, бессвязна, нелогична и позорна. Если бы в буржуазной прессе нашелся хоть один толковый человек, он разобрал бы ее по косточкам, исследовал бы действительное содержание каждой фразы, показал бы воочию ее бессмысленность, вскрыл бы все противоречия и экономические ошибки (например, утверждение, будто средства труда составляют ныне «монополию класса капиталистов», как будто нет на свете землевладельцев, или разговоры об «освобождении труда» вместо освобождения рабочего класса, тогда как труд в наше время именно *чересчур свободен!*) и выставил бы всю нашу партию в чудовищно смешном виде. Вместо этого безмозглые буржуазные писаки приняли эту программу всерьез, вычитали из нее то, чего в ней нет, и

¹ Имеется в виду «Критика Готской программы». *Ред.*

истолковали ее в коммунистическом смысле. Рабочие поступают, повидимому, так же. *Только это обстоятельство* и позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы. Пока наши противники, а равно и рабочие, вкладывают в эту программу наши взгляды, мы имеем право о ней молчать.

Если Вы довольны результатами в вопросе о личном составе, то, значит, требования с нашей стороны понизились довольно сильно. Двое наших и трое лассальянцев! И тут, стало быть, наши являются не равноправными союзниками, а побежденной стороной, заранее обреченной на роль меньшинства. Деятельность Комитета, насколько мы о ней знаем, не очень-то отрадна: 1) постановление *не* вносить в список партийной литературы работу Бракке и две работы Б. Беккера о лассальянстве¹; если это постановление взято обратно, то тут ни Комитет, ни Либкнехт не при чем; 2) запрещение Вальтейху принять предложение Зоннемана стать корреспондентом «Frankfurter Zeitung». Об этом Зоннеман сам рассказал Марксу, когда тот был там проездом. Еще больше, чем наглость Комитета и готовность, с какой Вальтейх подчинился ему, вместо того чтобы наплевать на него, поражает меня невероятная глупость этого решения. Ведь Комитету скорей следовало бы позаботиться о том, чтобы такая газета, как «Frankfurter Zeitung», обслуживалась отовсюду *только* нашими людьми...

...Что вся эта история представляет собою педагогический эксперимент, который и при настоящих условиях сулит весьма благоприятные результаты, — в этом Вы совершенно правы. Объединение как таковое — очень крупный успех, если оно просуществует даже два года. Но его можно было, без сомнения, добиться гораздо более дешевой ценой...

152

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

15 октября 1875 г.

...Маркс очень жаловался на непостижимое примечание в № 104 к месту из его «Анти-Прудона» («социалисты, точно так же как и экономисты, осуждали коалиции»): под социалистами надо-де понимать «социалистов в стиле Прудона»

¹ Речь идет о предложении Комитета изъять из списка партийной литературы антилассальянские работы Б. Беккера «Разоблачения о трагической кончине Фердинанда Лассалья» и «История агитации Фердинанда Лассалья среди рабочих», а также работу В. Бракке «Предложения Лассалья». *Ред.*

на»¹. Во-первых, тогда еще не существовало ни одного социалиста в стиле Прудона, кроме самого Прудона. Во-вторых, утверждение Маркса относится ко *всем* выступавшим до того времени социалистам (за исключением нас двоих², которые во Франции еще не пользовались известностью) — поскольку им приходилось высказываться о коалициях — во главе с *Робертом Оуэном!* Оно относится и к оуэнистам, а из французов, между прочим, и к Кабэ. Ввиду того, что во Франции не было права коалиций, вопроса этого там касались мало. Но так как до Маркса существовал лишь социализм феодальный, буржуазный, мелкобуржуазный или утопический, или социализм, смешанный из разных этих элементов, то ясно было, что все эти социалисты, каждый из которых мнил себя обладателем особого всенселяющего средства и стоял вне действительного рабочего движения, видели во *всякой* форме действительного движения, а следовательно и в коалициях и стачках, ложный путь, уводящий массы в сторону от единственного спасительного пути истинной веры. Вы видите, что примечание было не только неверным, но и абсолютно бессмысленным. Но нашим людям, во всяком случае некоторым из них, кажется совершенно невозможным держаться при писании статей в пределах того, что они действительно поняли. Доказательство — бесконечные столбцы теоретико-социалистического содержания, принадлежащие перу К—ого, Симмахоса³ и им подобных, экономическое невежество которых и ошибочные взгляды, а также незнание социалистической литературы служат великолепным средством для того, чтобы совершенно уничтожить теоретическое превосходство, которым до сих пор отличалось германское движение. Маркс чуть было не выступил с заявлением по поводу этого примечания.

Но довольно жалоб. Будем надеяться, что чаяния и надежды, которые связывались с объединением, проведенным с такой опрометчивой поспешностью, оправдаются, что лассальянскую массу удастся повернуть от культа Лассалья к правильному пониманию своего классового положения и что раскол, неизбежность которого так же несомненна, как то,

¹ Имеется в виду примечание к статье «Карл Маркс о забастовках и рабочих коалициях», напечатанной в «Volksstaat» и содержавшей в переводе отрывки из «Нищеты философии» Маркса. *Ред.*

² В письме к Дж. Ледлоу от 10 апреля 1869 г. Маркс писал по поводу своей оценки профсоюзов в «Нищете философии»: «Так как Вы цитируете мой ответ Прудону — «*Нищета философии*», — то Вы не можете не знать из последней главы этого произведения, что в 1847 г., когда все политико-экономы и все социалисты были согласны в одном единственном пункте — в осуждении *тред-юнионов*, я доказывал историческую необходимость последних». *Ред.*

³ Псевдонимы К. Каутского. *Ред.*

что дважды два — четыре, произойдет при благоприятных для нас условиях. Требовать, чтобы и я во все это верил, было бы уж чересчур.

Если не считать Германии и Австрии, то страной, за которой нам надо наиболее внимательно следить, остается Россия. Там, как и у нас, правительство — главный союзник движения, но гораздо лучший союзник, чем наш Бисмарк и Штиберы-Тессендорфы. Русская придворная партия, которая теперь является, можно сказать, правящей, пытается взять назад все уступки, сделанные в течение «новой эры» 1861 г. и следующих за ним лет, и притом истинно русскими способами. Так, например, снова в университеты допускаются лишь «сыны высших сословий», и, чтобы провести эту меру, всех остальных проваливают на выпускных экзаменах. Эта судьба в одном лишь 1873 г. постигла не менее 24 000 молодых людей, вся карьера которых была тем самым испорчена, так как им даже запретили занимать места учителей в начальных школах! И после этого удивляются распространению «нигилизма» в России. Если бы Вальстер, который ведь знает русский язык, захотел обработать несколько изданных *либеральной* оппозицией и появившихся в Берлине у Бера брошюр, или если бы нашелся кто-нибудь, кто достаточно понимал бы по-польски, чтобы читать львовские газеты (например, «Dziennik Polski» или «Gazeta Narodowa») и делать из них выдержки, то «Volksstaat» мог бы сделаться лучшей газетой в Европе по русским делам. Положительно кажется, что на этот раз Россия первая пустится в пляс. А если это совершится во время *неизбежной* войны между германо-прусской империей и Россией, — что весьма вероятно, — то неизбежно и обратное воздействие на Германию.

Маркс шлет Вам сердечный привет.

Искренне Ваш Ф. Энгельс.

Сердечный привет Либкнехту.

153

ЭНГЕЛЬС — П. Л. ЛАВРОВУ

12—17 ноября 1875 г.

Дорогой г. Лавров!

Вернувшись из поездки в Германию, я принялся, наконец, за Вашу статью¹, которую прочел с большим интересом. Посылаю Вам свои замечания к ней, которые пишу по-не-

¹ В этом письме Энгельс по просьбе Лаврова дает отзыв о статье Лаврова «Социализм и борьба за существование», опубликованной в журнале «Вперед» (15 (3) сентября 1875 г.). *Ред.*

мецки, так как это дает мне возможность быть более кратким.

1) В учении Дарвина я согласен с *теорией развития*, дарвиновский же способ доказательства (борьба за существование, естественный отбор) считаю всего лишь первым, временным, несовершенным выражением только что открытого факта. До Дарвина именно те господа, которые теперь всюду видят только *борьбу* за существование (Фогт, Бюхнер, Молешотт и др.), делали ударение как раз на *сотрудничестве* в органической природе, на том, что мир растений доставляет животному миру кислород и пищу, а животный мир, наоборот, дает растениям углекислоту и удобрение, как это особенно подчеркивал Либих. Оба эти взгляда до известной степени правильны, но как тот, так и другой одинаково односторонни и ограничены. Взаимодействие тел — как мертвой, так и живой природы — включает в себя как гармонию, так и коллизию, как борьбу, так и сотрудничество. Если поэтому какой-нибудь, с позволения сказать, естествоиспытатель позволяет себе сводить все богатство и разнообразие исторического развития к односторонней и сухой формуле «борьба за существование», к формуле, которая даже в области природы может быть принята лишь весьма условно, то такой метод сам себе выносит обвинительный приговор.

2) Из трех названных Вами «убежденных дарвинистов»¹ внимания заслуживает, повидимому, только Гельвальд. Зейдлиц — в лучшем случае мелкая величина, а Роберт Бир — романист, роман которого «Трижды» печатается в настоящее время в журнале «Ueber Land und Meer». Там вполне уместно все его фанфаронство.

3) Не отрицая преимуществ Вашего метода критики, который я назвал бы психологическим, я выбрал бы другой метод. На каждого из нас в большей или меньшей степени влияет интеллектуальная среда, в которой мы преимущественно вращаемся. Для России, где Вы лучше меня знаете свою публику, и для пропагандистского журнала, который апеллирует к «связующему аффекту»¹, к нравственному чувству, Ваш метод, возможно, является наилучшим. Для Германии, где ложная сентиментальность причиняла и продолжает еще причинять такой неслыханный вред, он бы не годился, он был бы неправильно понят, был бы извращен в сентиментальном духе. У нас скорее нужна ненависть, чем любовь, — по крайней мере на ближайшее время, — и прежде всего необходим отказ от последних остатков немецкого идеализма, восстановление материальных фактов в их исторических

¹ Слова, взятые в кавычки, написаны Энгельсом по-русски (латинскими буквами). Ред.

правах. Поэтому я повел бы атаку (и в свое время, может быть, и сделаю это) на этих буржуазных дарвинистов следующим образом:

Все учение Дарвина о борьбе за существование — это просто-напросто перенесение из общества в область живой природы учения Гоббса о войне всех против всех и буржуазно-экономического учения о конкуренции наряду с теорией народонаселения Мальтуса. Проделав этот фокус (безусловную допустимость которого я оспариваю, как уже было указано в 1-м пункте, в особенности в отношении теории Мальтуса), опять переносят эти же самые теории из органической природы в историю и затем утверждают, будто доказано, что они имеют силу вечных законов человеческого общества. Наивность этой процедуры бросается в глаза, на это не стоит тратить слов. Но если бы я хотел остановиться на этом подробнее, то я сделал бы это так, что прежде всего показал бы, что они — плохие экономисты, и только затем, что они — плохие естествоиспытатели и философы.

4) Существенное отличие человеческого общества от общества животных состоит в том, что животные в лучшем случае *собирают*, между тем как люди *производят*. Уже одно это, правда, основное различие делает невозможным простое перенесение законов животного общества на человеческое общество. Благодаря этому различию стало возможным, как Вы правильно заметили, чтобы «человек вел борьбу не только за существование, но за наслаждение и за *увеличение своих наслаждений*... готов был для высшего наслаждения отречься от низших»¹. Не оспаривая Ваших дальнейших выводов из этого, я бы, исходя из своих предпосылок, сделал следующие выводы: человеческое производство на известной ступени достигает, следовательно, такой высоты, что могут быть произведены не только предметы для удовлетворения необходимых потребностей, но и для удовлетворения потребностей в роскоши, сперва, правда, только для меньшинства. Борьба за существование, — если мы на момент оставим здесь в силе эту категорию, — превращается, таким образом, в борьбу за наслаждения, в борьбу не за одни только средства *существования*, но и за средства *развития*, за *общественно-производимые* средства развития, а к этой ступени категории из мира животных уже не могут быть применены. Но если производство в своей капиталистической форме, как это происходит в настоящее время, создает гораздо большее количество средств существования и развития, чем может потребить капиталистическое общество, по-

¹ Фраза, заключенная в кавычки, написана Энгельсом по-русски (латинскими буквами). *Ред.*

тому что оно искусственно отстраняет подавляющее большинство действительных производителей от пользования этими средствами существования и развития; если собственный закон жизни этого общества вынуждает его к тому, чтобы постоянно расширять это и без того уже чрезмерно большое для него производство, и потому оно вынуждено периодически, каждые десять лет, само уничтожать не только массу продуктов, но и самые производительные силы, — то какой же смысл имеет здесь болтовня о «борьбе за существование»? Борьба за существование может здесь заключаться еще только в том, что производящий класс отнимет руководство производством и распределением у класса, в руках которого это руководство находилось до сих пор, но который уже более неспособен к нему, а это уже будет социалистическая революция.

Между прочим, достаточно взглянуть на предыдущий ход истории как на непрерывный ряд классовых битв, чтобы стала ясной вся поверхностность понимания этой истории как незначительной вариации проявлений «борьбы за существование». Поэтому я никогда не сделал бы такого одолжения этим псевдо-натуралистам.

5) По той же причине я соответственно иначе сформулировал бы Ваш по существу совершенно правильный тезис, «что идея солидарности для облегчения борьбы могла... вырасти, наконец, до того, чтобы охватить все человечество и противопоставить его как солидарное общество братьев остальному миру минералов, растений и животных»¹.

6) Но, с другой стороны, я не могу согласиться с Вами, что «борьба всех против всех»¹ была первой фазой человеческого развития. По моему мнению, общественный инстинкт был одним из важнейших рычагов развития человека из обезьяны. Первые люди, вероятно, жили стадами, и, поскольку наш взгляд может проникнуть в глубь веков, мы находим, что так это и было.

17 ноября. Мне опять помешали, и я вновь берусь за это письмо, чтобы отправить его Вам. Вы видите, что мои замечания относятся скорее к форме, к методу Вашей критики, чем к ее существу. Надеюсь, что Вы найдете их достаточно ясными, я писал их второпях и, перечитывая, хотел бы многое изменить, но опасаясь сделать письмо слишком неудобочитаемым.

Сердечный привет.

Ф. Энгельс.

¹ Фраза, заключенная в кавычки, написана Энгельсом по-русски (латинскими буквами). *Ред.*

1876 год

154

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

28 мая 1876 г.

Дорогой Мавр!

Тебе легко говорить. Ты можешь лежать в теплой постели, заниматься русскими земельными отношениями в частности и земельной рентой вообще, и ничто тебе не мешает. Я же должен сидеть на жесткой скамье и тянуть холодное вино, потом вдруг все бросать и снова приниматься за скучного Дюринга. Но ничего не поделаешь, раз уж я тоже втягиваюсь в полемику, конца которой не видно; ведь все равно я не буду иметь покоя. К тому же друг Мост своим хвалебным отзывом по адресу «Курса философии» Дюринга сам ясно указал мне, откуда и как следует вести нападение. Эту книгу необходимо принять во внимание, потому что во многих решающих пунктах она лучше вскрывает слабые стороны и основы аргументации, развиваемой в «Экономии»¹. Я сейчас же выпишу ее. В сущности, в ней совсем нет собственно философии — формальной логики, диалектики, метафизики и пр.; она скорее пытается дать общую теорию науки, в которой природа, история, общество, государство, право и пр. рассматриваются в их мнимой внутренней связи. Затем в ней имеется целый раздел, в котором описывается будущее или так называемое «свободное» общество, меньше всего с экономической стороны, и между прочим разработан уже учебный план для первоначальной и средней школы будущего. В ней, таким образом, преподносятся пошлости в еще более упрощенной форме, чем в экономическом сочинении, и беря обе книги вместе, можно дать критику этого господина

¹ Е. Дюринг. «Критическая история политической экономии и социализма». Ред.

одновременно и с этой точки зрения. Для критики исторической концепции нашего рыцаря, — сводящейся к тому, что до Дюринга была одна дрянь, — эта книга имеет еще то преимущество, что по ней можно цитировать его собственные грубости. Так или иначе, теперь он у меня в руках. Я уже составил себе план. Вначале я подхожу к этой ерунде чисто деловым образом и как будто принимаю ее всерьез, но постепенно, по мере того, как я разоблачаю его нелепости, с одной стороны, и пошлости — с другой, критика становится все резче, а под конец удары сыплются на него градом. Таким путем Мост с компанией лишаются предлога говорить о «жестокости» и т. п., а Дюрингу достается по заслугам. Должны же мы показать этим господам, что умеем разделяться с ними самыми различными способами.

Надеюсь, Вильгельм¹ напечатает статью Моста в «Neue Welt», для которого она, повидимому, написана. Мост, как всегда, не умеет списывать и приписывает Дюрингу в области естествознания самые потешные нелепости — например, отделение *колец* (по кантовской теории) от *неподвижных звезд!*

Дело не только в том, что Вильгельму нехватает материала, этому можно было бы помочь другими статьями на злободневные темы, как это делалось во времена Гепнера и Блоса. Главное, это страстное желание Вильгельма восполнить пробелы нашей теории, иметь ответ на всякое филистерское возражение и дать картину будущего общества, потому что и филистер задает вопросы на этот счет; вместе с тем он хочет быть по возможности независимым от нас в теоретическом отношении, что ему, при полном отсутствии у него всякой теории, всегда удавалось гораздо лучше, чем он сам подозревает. Этим он заставляет меня, однако, признать, что Дюринг все же является образованным человеком по сравнению с теоретическими пачкунами из «Volksstaat», и его сочинения все же лучше, чем произведения этих субъективных и объективных путаников...

...Для Дюринга мой конспект древней истории и мои естественно-научные занятия очень мнегодились и во многих отношениях облегчают мне дело. В особенности в области естествознания я чувствую гораздо более твердую почву под ногами и могу в этой области двигаться, хотя и с большой осторожностью, но все же с некоторой свободой и уверенностью. Предо мной начинает уже вырисовываться конец и этой работы. План ее начинает принимать в моей голове определенную форму, и этому немало помогло мое бездельничанье здесь, на берегу моря, когда я мог на свободе

¹ Либкнехт. Ред.

обдумывать все подробности. При таком широком круге вопросов абсолютно необходимо время от времени прерывать планомерное изучение и продумывать уже изученное.

С 1853 года г. Гельмгольц не перестает возиться с проблемой вещи в себе и никак не может ее разрешить. Человек этот без зазрения совести спокойно перепечатывает и теперь ту чушь, которую он напечатал *до появления труда Дарвина*.

Лиззи и я шлем всем вам сердечный привет. В пятницу мы возвращаемся в Лондон. Меня очень радует, что Пумпс так усовершенствовала свой стиль, я, разумеется, тоже замечаю это, но в меньшей степени.

Твой Ф. Э.

1877 год

155

МАРКС — Ф.-А. ЗОРГЕ

27 сентября 1877 г.

... Этот кризис¹ — *новый поворотный пункт* в истории Европы. Россия, положение которой я изучил по *русским* оригинальным источникам, неофициальным и официальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже стоит на пороге больших переворотов, и все необходимые для этого элементы уже созрели. Взрыв ускорен на многие годы благодаря ударам, нанесенным молодцами турками не только русской армии и русским финансам, но и лично *командующей армией династии* (царю, наследнику и шести другим Романовым). Переворот начнется *secundum artem* [«по всем правилам искусства»] с конституционных зангрываний, и буча выйдет отменная (*il y aura un beau tapage*). И при благосклонности матери-природы мы доживем до этого торжества!

Глупости, которые проделывают русские студенты, являются только симптомом, не имея сами по себе никакого значения. Но все же это симптом. Все слои русского общества находятся в настоящее время в экономическом, моральном и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения.

Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции.

Г. Бисмарк был рад ударам турок, но не хотел, чтобы дело зашло так далеко. Слишком ослабленная Россия не смогла бы, как это было во время франко-прусской войны, держать под угрозой Австрию! А если там дело дойдет до революции, то что же станет с последним оплотом династии Гогенцоллернов?

¹ Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. *Ред.*

В данный момент все зависит от того, будут ли поляки (в Царстве Польском) вести себя смирно. Только бы там не было никаких мятежей в данный момент! А то Бисмарк тотчас же двинет туда свои полки, и русский шовинизм снова окажется на стороне царя. Если же поляки будут спокойно выжидать, пока пожар разгорится в Петербурге и Москве, и если Бисмарк выступит тогда в качестве спасителя, то Пруссия обретет... свою Мексику!¹

Я неоднократно втолковывал это тем полякам, которые пользуются влиянием на своих соотечественников и с которыми я поддерживаю связи.

По сравнению с восточным кризисом *французский кризис*² является совершенно второстепенным событием. Однако можно надеяться, что победит буржуазная республика или же старая история начнется сызнова, но никакая нация не может слишком часто повторять одни и те же глупости.

Сердечный привет от меня и жены.

Твой Карл Маркс.

156

МАРКС — Ф.-А. ЗОРГЕ

19 октября 1877 г.

...В Германии в нашей партии не столько среди масс, сколько среди вождей (выходцев из высших классов и «рабочих») пахнет гнилью. Компромисс с лассальянцами привел к компромиссу и с другими половинчатыми элементами, в Берлине (например, *Мост*) с Дюрингом и его «поклонниками» и, кроме того, с целой бандой незрелых студентов и прегумнейших докторов, поставивших себе задачей дать социализму «более высокое идеалистическое» направление, то есть заменить его материалистическую базу (требующую, раньше чем ею оперировать, серьезного объективного изучения) — новой мифологией со всеми ее богинями справедливости, свободы, равенства и братства. Одним из представителей этого направления является «вкупившийся» в партию

¹ Намек на мексиканскую экспедицию Наполеона III (1862—1867 гг.), на его вмешательство в гражданскую войну, происходившую в Мексике между республиканским правительством и монархическими мятежниками. Авантюра Наполеона III, преследовавшая цель подчинения Мексики французскому влиянию, потерпела полное фиаско. *Ред.*

² Речь идет об обострении политической борьбы во Франции в 1877 г. в связи с попыткой президента республики, маршала Мак-Магона, восстановить монархию. *Ред.*

издатель журнала «Zukunft» д-р Гехберг — допускаю, с «самыми благими» намерениями, но я на всякие «намерения» плюю. Редко появлялось на свет божий что-либо более жалкое и с более «скромной претензией», чем программа его «Zukunft».

Что касается самих рабочих, то они, когда бросают работу и становятся *профессиональными литераторами*, подобно г. Мосту и компании, всегда творят немало бед в «теории» и постоянно готовы примкнуть к сумбурным головам из так называемой «ученой» касты. В течение десятилетий мы с большим трудом старались освободить головы немецких рабочих от *утопического социализма*, от фантастического представления о будущем общественном строе, что и давало им теоретический (а потому и практический) перевес над французами и англичанами. Но вот утопический социализм снова завладевает их умами и притом в форме, гораздо более жалкой по сравнению не только с великими французскими и английскими утопистами, но и с социализмом Вейтлинга. Само собой разумеется, что утопизм, который *до* появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний в зародыше, теперь, выступая на сцену с опозданием, может быть только нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным...

157

МАРКС — В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

[ноябрь 1877 г.]

Господин редактор!

Автор статьи «Карл Маркс перед судом г. Жуковско-го»¹ — человек, повидимому, умный, и если бы он нашел в моем изложении «первоначального накопления» хотя бы одно место, подтверждающее его выводы, он бы его привел. Так как такого места нет, он оказался вынужденным ухватиться за побочную деталь, за полемическое замечание против одного русского «беллетриста»², напечатанное в добавлении к первому немецкому изданию «Капитала». В чем же я там упрекаю этого писателя? В том, что он открыл русскую общину не в России, а в книге прусского регарунгсрата Такстауэна и что в его руках русская община служит лишь аргументом для доказательства того, что старая, гнилая Европа

¹ Н. Михайловский. *Ред.*² А. Герцен. *Ред.*

должна быть возрождена путем победы панславизма. Моя оценка этого писателя может быть правильной, она может быть и ложной, но она ни в коем случае не может служить ключом к моим воззрениям на усилия «русских людей найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа»¹, и т. д.

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала», — которое автору статьи о г. Жуковском известно, так как он его цитирует, — я говорю о «великом русском ученом и критике»² с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения. И мой почтенный критик имел по меньшей мере столько же оснований заключить из моего уважения к этому «великому русскому ученому и критику», что я разделяю взгляды последнего на этот вопрос, как и из моей полемики против «беллетриста» и панслависта сделать вывод, что я эти взгляды отвергаю.

Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для досгадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.

II

Глава о первоначальном накоплении претендует лишь на то, чтобы обрисовать тот путь, которым в Западной Европе капиталистический экономический строй вышел из недр феодального экономического строя. Она изображает, таким образом, исторический процесс, который, отделяя производителей от их средств производства, превращает первых в наемных рабочих (пролетариев в современном смысле слова), а владельцев средств производства — в капиталистов. В этой

¹ Фраза, заключенная в кавычки, написана Марксом по-русски (латинскими буквами). *Ред.*

² Н. Чернышевский. *Ред.*

истории «составляют эпоху все перевороты, которые служат рычагом для возвышения возникающего класса капиталистов; в особенности же перевороты, которые, лишая значительные массы людей их традиционных средств производства и существования, внезапно выбрасывают их на рынок труда. Но основу всего этого процесса составляет экспроприация земледельцев. Радикально она осуществлена пока только в Англии... но все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» и т. д. (*французское издание «Капитала», стр. 315*). В конце главы историческая тенденция [капиталистического] производства сводится к тому, что оно «с неизбежностью процесса природы само порождает свое собственное отрицание»; что оно само создало элементы нового экономического строя, дав одновременно величайший толчок росту производительных сил общественного труда и полному развитию каждого индивидуального производителя; что капиталистическая собственность, в основе которой фактически уже лежит коллективная форма производства, не может не превратиться в собственность общественную. В этом месте я не привожу никаких доказательств по той простой причине, что это утверждение само является только общим резюме обширных исследований, заключающихся в предыдущих главах о капиталистическом производстве.

Итак, что же мог извлечь мой критик из этого исторического очерка в применении к России? Только следующее. Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудилась в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предварительно значительной части своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все. Но этого моему критику мало. Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются, — для того, чтобы притти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает, вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда, наиболее полное развитие человека. Но я прошу у него извинения. Это было бы одновременно и слишком лестно и слишком постыдно для меня. Возьмем пример.

В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеов древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе,

свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспропрированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собою не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в одно прекрасное утро налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме их рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздною *чернью*, более презренной, чем недавние «poor whites» [белые бедняки] южной части Сосдиненных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства. Таким образом, события, поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, приводят к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надисторичности.

1879 год

158

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

10 апреля 1879 г.

... А теперь, прежде всего, я должен сообщить Вам (это совершенно конфиденциально), что, по дошедшим до меня из Германии сведениям, второй том моей работы *не может быть издан*, пока нынешний режим продолжает держаться там во всей его теперешней суровости. Это сообщение, учитывая существующее положение вещей, ничуть не удивило меня и, должен сознаться, нисколько не раздосадовало — по следующим причинам.

Во-первых, я ни за что не согласился бы выпустить второй том, прежде чем нынешний английский промышленный кризис не достигнет своего предела. Его проявления на этот раз очень своеобразны и во многих отношениях очень отличны от тех, которые наблюдались в прошлом. Это своеобразие, помимо других видоизменяющих обстоятельств, легко объясняется тем, что никогда еще *английскому кризису не предшествовали* такие ужасные и длительные кризисы (тянущиеся уже почти пять лет) в *Соединенных Штатах*, в *Южной Америке*, *Германии*, *Австрии* и пр.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынешним развитием событий до их полной зрелости, прежде чем вы окажетесь в состоянии «потребить» эти факты «производитственно», я имею в виду «теоретически».

Вот, например, одна из странных особенностей нынешнего положения дел. Как Вам известно, здесь произошли банковские крахи в Шотландии, а также в некоторых английских графствах, в особенности в западных (в Корнуэлсе и Уэлсе). И, тем не менее, настоящий *центр денежного рынка* не только Соединенного королевства, но и всего мира — *Лондон*, до сих пор был мало затронут этим. Наоборот, за немногими исключениями, громадные акционерные банки, вроде Английского банка, пока только *выиграли* от общей

прострации. А какова эта прострация, Вы можете судить по тому полному отчаянию, в какое впали английские филистеры в торговом и промышленном мире, потерявшие всякую надежду на лучшие времена! Я никогда не видал ничего подобного; никогда еще не доводилось мне быть свидетелем такого морального потрясения, хотя я был в Лондоне и в 1857 г. и в 1866 г.!

Не подлежит ни малейшему сомнению, что одно из обстоятельств, благоприятствующих лондонскому денежному рынку, заключается в нынешнем состоянии *Французского банка*, который со времени недавнего развития сношений между обеими странами превратился в *филиал* Английского банка. Французский банк, вследствие того что свободный размес его кредитных билетов еще не восстановлен, держит громадный запас золота в слитках, и при первом же признаке какого-либо замешательства на лондонской бирже французские деньги наводняют ее для скупки временно обесцененных бумаг. Если бы прошлой осенью французские деньги были внезапно изъяты, Английскому банку пришлось бы наверно прибегнуть к своему последнему, крайнему средству — к *приостановке действия банковского билля*, вслед за чем у нас неизбежно произошел бы денежный крах.

С другой стороны, то спокойствие, с каким было произведено в Соединенных Штатах восстановление расплаты наличными деньгами, устранило всякие покушения с этой стороны на ресурсы Английского банка. Но что до настоящего времени особенно содействовало предотвращению краха на лондонском денежном рынке, это — внешне спокойное состояние банков *Ланкашира* и других промышленных округов (за исключением горнозаводских округов Запада), хотя вполне достоверно известно, что эти банки не только употребили значительную часть своих ресурсов на учет векселей по убыточным сделкам фабрикантов и на ссуды по этим сделкам, но некоторые из них, как, например, Ольдгемский, даже затратили значительную часть своего капитала на постройку новых фабрик. В то же самое время большие запасы товаров, в особенности хлопчатобумажных, накаплиются с каждым днем не только в Азии (преимущественно в Индии), куда их отправляют на консигнацию, но и в Манчестере и т. д. и т. д. Каким образом такое положение вещей может кончиться без всеобщего краха в промышленности, а следовательно и среди местных банков, влияющих в свою очередь непосредственно на лондонский денежный рынок, — трудно себе представить.

А пока — стачки и смятение господствуют повсюду.

Замечу *мимоходом*, что в течение прошлого года, столь неблагоприятного для всех других предприятий, *железные*

дороги процветали; но это происходило только благодаря разным исключительным обстоятельствам, вроде Парижской выставки и т. п. На самом же деле железные дороги процветают только с виду, накапливая долги и увеличивая со дня на день счет своего *капитала*.

Каким бы путем, однако, ни пошло развитие этого кризиса, столь важного во всех его подробностях для исследователя капиталистического производства и специалиста-теоретика, — он все же пройдет, как и предшествовавшие ему, и явится отправным пунктом нового «промышленного цикла» со всеми его разнообразными фазами процветания и т. д.

Но под покровом этого «с виду» прочного английского общества кроется другой кризис — *аграрный*, который произведет большие и важные перемены в социальной структуре этого общества. Я вернусь к этому предмету в другой раз, сейчас это завело бы меня слишком далеко.

Во-вторых, огромная масса материалов, полученных мною не только из *России*, но и из *Соединенных Штатов* и т. д., дает мне приятный «предлог» продолжать мое исследование, вместо того, чтобы окончательно обрабатывать его для опубликования.

В-третьих, мой врач предостерегает меня, требуя значительно сократить мой «рабочий день», если я не желаю впасть в то же состояние, в котором я находился в 1874 г. и в последующие годы, когда я испытывал частые головокружения и утрачивал работоспособность после немногих часов серьезного труда.

По поводу Вашего в высшей степени интересного письма я ограничусь немногими замечаниями. Железные дороги возникли прежде всего в качестве «увенчания здания» в тех странах, где *современная промышленность достигла наибольшего развития*, — в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и пр. Я называю их «увенчанием здания» не только потому, что это были, наконец (наряду с океанским пароходством и телеграфом), *средства сообщения*, адекватные современным средствам производства, но также и потому, что они послужили основой для возникновения громадных акционерных компаний и стали вместе с тем новым отправным пунктом для создания разного рода *других* акционерных компаний, начиная с банковских. Одним словом, они дали такой сильный толчок *концентрации капитала*, которого раньше никто не предвидел, и в то же время ускорили и расширили в громадной степени *космополитическую деятельность ссудного капитала*, благодаря чему весь мир оказался охваченным сетью финансового мошенничества и взаимной *задолженности* — этой капиталистической формой «международного» братства.

С другой стороны, возникновение сети железных дорог в передовых странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической *надстройки* в размерах, совершенно не пропорциональных основной части общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах введение железных дорог ускорило социальный и политический распад, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства. Во всех странах, за исключением Англии, правительства покровительствовали железнодорожным компаниям и обогащали их за счет государственного казначейства. В Северо-Американских Соединенных Штатах они получили в дар значительную часть государственных земель и притом не только ту землю, которая была необходима для прокладки дороги, но и целые мили земли по обеим сторонам пути, покрытые лесом, и т. п. Таким образом, они стали самыми крупными земельными собственниками. Понятно, что мелкие фермеры из иммигрантов предпочитали селиться именно на этих землях, расположение которых обеспечивало удобный способ перевозки продуктов.

Система, введенная во Франции Луи-Филиппом и заключающаяся в передаче железных дорог небольшой шайке финансовых аристократов, в обеспечении им долгосрочного владения и в гарантировании им прибылей из народного кармана и пр. и пр., достигла наиболее полного расцвета при Луи Бонапарте, правление которого в значительной мере покоилось на торговле железнодорожными концессиями, причем он был так щедр, что даже отдал в дар некоторым из железнодорожных компаний каналы и т. п.

Но в Австрии и особенно в Италии железные дороги стали новым источником невыносимой государственной задолженности и налогового обременения народных масс.

Вообще железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли; но в странах, вывозящих главным образом *сырье*, эта торговля усилила нищету масс; и притом не только оттого, что бремя новой задолженности, взятое на себя правительствами из-за железных дорог, увеличило давление *налогового прессы* на массы, но еще и потому, что с того момента, как всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие из этих продуктов, *бывшие ранее дешевыми* из-за отсутствия широкого сбыта, как, например,

фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали *дорогими* и были, таким образом, изъяты из потребления народа. В то же время и *само производство* — я имею в виду некоторые специальные *виды продукции* — также изменилось в зависимости от *большой или меньшей пригодности этой продукции для вывоза*, тогда как раньше оно приспособлялось преимущественно к *местному* потреблению. Так, например, в Шлезвиг-Голштинии пахотные земли были обращены в пастбища, потому что вывоз скота оказался более выгодным, но в то же время земледельческое население было согнано с насиженных мест. Все эти перемены оказались действительно очень выгодными для крупных земельных собственников, ростовщиков, купцов, железнодорожных компаний, банкиров и т. п., но очень плачевными для действительных производителей.

Чтобы закончить мое письмо (время отправления которого на почту подходит все ближе и ближе), скажу еще, что я считаю невозможным усматривать действительную аналогию между Соединенными Штатами и Россией. В Соединенных Штатах государственные расходы уменьшаются с каждым днем, и государственный долг ежегодно и быстро сокращается. В России же неизбежность государственного банкротства становится все более и более очевидной. Соединенные Штаты освободились (хотя и самым гнусным образом, к выгоде кредиторов и в ущерб мелкому люду) от бумажных денег, в России же ни одно производство не процветает в такой мере, как фабрикация бумажных денег. В Соединенных Штатах концентрация капитала и постепенная экспроприация масс представляют не только орудие, но и естественное порождение (хотя и ускоренное искусственно гражданской войной) неслыханно быстрого промышленного развития, земледельческого прогресса и пр.; Россия же напоминает нам скорей Францию времен Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка или, вернее, *фасад* общественного здания (имевший, правда, под собою гораздо более прочный фундамент, чем в России) выглядел насмешкой над застойностью главной страсти производства (сельскохозяйственного) и над голоданием производителей. Соединенные Штаты в настоящее время значительно перегнали Англию в темпе экономического прогресса, хотя все еще отстают от нее по размерам накопленных богатств; но в то же самое время народные массы там живее и имеют в своих руках более сильные политические средства для выражения своего негодования против той формы прогресса, которая проводится за их счет. Я не вижу нужды продолжать далее эти антитезы.

Кстати: какое русское произведение по кредиту и банковому делу Вы считаете самым лучшим?

Г. Кауфман был настолько любезен, что прислал мне свою книгу «Теория и практика банкового дела», но я был несколько удивлен, увидев из нее, что мой прежний рассудительный критик из петербургского «Вестника Европы» превратился в какого-то Пиндара современного биржевого плутовства. Кроме того, рассматривая эту книгу даже исключительно с точки зрения данной специальности, — а я вообще не ожидаю от книг этого рода ничего другого, — я нахожу ее далеко не оригинальной в ее частностях. Лучшая ее часть — полемика против бумажных денег.

Говорят, будто некие иностранные банкиры, через посредство которых некое правительство пожелало заключить новый иностранный заем, потребовали от него в виде гарантии введения у себя конституции; я лично далек от того, чтобы верить этому, так как при их нынешних методах вести такие дела они, по крайней мере до сих пор, были всегда очень равнодушны к формам правления и не изменяют этому и впредь.

Преданный Вам А. Вильямс.

159

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

17 июня 1879 г.

В ответ на Ваше письмо от 13-го, полученное мною только вчера, я с сожалением должен сообщить, что не могу назвать Вам никого, кто был бы в состоянии написать нужные статьи действительно надлежащим образом¹.

Английское рабочее движение вот уже ряд лет безвыходно вращается в узком кругу стачечной борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня, причем эти стачки рассматриваются не как мера временной помощи и не как средство пропаганды и организации, а как конечная цель. Тред-юнионы даже принципиально, на основании устава, исключают всякое политическое действие, а следовательно, и участие во всякой общей деятельности рабочего класса как класса. Рабочие делятся в политическом отношении на консерваторов и либерал-радикалов, на сторонников мини-

¹ Статьи об английском рабочем движении для цюрихского социал-реформистского журнала «Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik». *Ред*

стерства Дизраэли (Биконсфильда) и сторонников министерства Гладстона. О рабочем движении в Англии можно, следовательно, говорить лишь постольку, поскольку здесь бывают стачки, которые, удачен ли их исход или нет, не продвигают движение ни на шаг вперед. Когда подобные стачки, которые к тому же в последние годы застоя в делах зачастую намеренно вызывались самими капиталистами, искавшими предлога, чтобы закрыть свои фабрики, — когда эти стачки, при которых рабочий класс не двигается с места, раздуваются до размеров всемирно-исторической борьбы, как это делает, например, здешняя «Freiheit», то это, на мой взгляд, может только повредить делу. Не следует замалчивать то обстоятельство, что подлинного рабочего движения, в континентальном смысле слова, здесь в настоящий момент не существует; я думаю поэтому, что Вы немного потеряете, если не будете пока получать отчетов о деятельности здешних тред-юнионов.

160

ЭНГЕЛЬС — И.-Ф. БЕККЕРУ

1 июля 1879 г.

... Вполне понятно, что кротость, так некстати проявленная Либкнехтом в рейхстаге¹, произвела очень неблагоприятное впечатление как на романскую Европу, так и всюду среди немцев. Мы тогда же сообщили об этом в письме. Со старым удобным, благодушным способом агитации с прохладцей, с отсидкой время от времени в тюрьме от шести недель до шести месяцев, в Германии покончено раз и навсегда. Как бы ни кончилось нынешнее состояние, новое движение начинается на более или менее революционной основе и должно поэтому носить гораздо более решительный характер, чем завершившийся теперь первый период движения. Фразы о достижении цели мирным путем или не нужны будут, или же их перестанут принимать всерьез. Сделав эти фразы невозможными и направив движение по революционному руслу, Бисмарк сослужил нам большую службу, которая с избытком возмещает небольшой ущерб, нанесенный нам препятствиями, чинимыми в агитации.

¹ В своей речи по поводу объявления «малого осадного положения» в Берлине Либкнехт заявил (17 марта 1879 г.), что германская социал-демократия является партией реформ, что она против насильственного делания революций и будет соблюдать закон против социалистов. *Ред.*

С другой стороны, это покорное выступление в рейхстаге привело к тому, что герои революционной фразы теперь снова воспрянули духом и стремятся склокой и интригами дезорганизовать партию. Центр этих происков — здешний Рабочий союз¹...

161

**МАРКС и ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ, В. ЛИБКНЕХТУ,
В. БРАКЕ и др.
(«ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО»)**

[17—18 сентября 1879 г.]

... *Манифест цюрихской тройки.*

Тем временем прибыл гехберговский «*Jahrbuch*», содержащий статью «Ретроспективный обзор социалистического движения в Германии»². Эта статья, как сообщил мне сам Гехберг, написана именно тремя членами цюрихской комиссии и поэтому представляет собой аутентичную критику предшествующего движения со стороны этих господ, а следовательно и аутентичную программу новой газеты, поскольку линия газеты определяется этими людьми.

С самого же начала мы читаем:

«Движение, которому Лассаль приписывал огромное политическое значение, к которому он призывал не только рабочих, но и всех честных демократов, *во главе которого* должны были идти независимые представители науки и *все те, кто одушевлен истинным человеколюбием*, измельчало под руководством Иоганна-Баптиста Швейцера, превратившись в *одностороннюю борьбу промышленных рабочих за свои интересы*».

Я не стану заниматься вопросом о том, соответствует ли это и в какой мере соответствует действительности. Упрек, который здесь делается Швейцеру, состоит в том, что он, Швейцер, *низвел* лассальянство, рассматриваемое здесь как буржуазно-демократически-филантропическое движение, на степень односторонней борьбы промышленных рабочих за свои интересы; между тем, на деле он *углубил* движение

¹ Лондонский коммунистический рабочий просветительный союз в 1879 г. попал в руки сторонников «лево»-оппортунистической тактики Иоганна Моста. Мост и его сторонники скатились впоследствии на открыто анархистские позиции и в 1880 г. были исключены из рядов немецкой социал-демократии. *Ред.*

² Статья, написанная Гехбергом, Бернштейном и Шраммом и напечатанная в «*Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*». *Ред.*

как классовую борьбу промышленных рабочих против буржуазии. Далее его, Швейцера, упрекают в том, что он «оттолкнул буржуазную демократию». Но разве буржуазной демократии место в социал-демократической партии? Если буржуазная демократия состоит из «честных людей», то у нее не может и возникнуть желания войти в состав партии, а если она этого все-таки добивается, то исключительно для того, чтобы гадить.

Лассалевская партия «предпочитала *самым односторонним* образом вести себя как *рабочая партия*». Господа, которые это пишут, состоят членами партии, которая самым односторонним образом ведет себя как рабочая партия, и занимают теперь в ней официальные посты. Это вещи абсолютно несовместимые. Если они думают так, как пишут, то должны выйти из партии или по крайней мере отказаться от занимаемых ими постов. Если они этого не делают, то тем самым признаются в том, что намереваются использовать свое официальное положение для борьбы против пролетарского характера партии. Таким образом, партия сама себя предает, оставляя их на официальных постах.

Итак, по мнению этих господ, социал-демократическая партия должна быть *не* односторонней рабочей партией, а всесторонней партией «всех тех, кто одушевлен истинным человеколюбием». Чтобы доказать это, она прежде всего должна отречься от грубых пролетарских страстей и под руководством образованных и филантропически настроенных буржуа «приобрести хороший вкус» и «усвоить хороший тон» (стр. 85). Тогда «неприличные манеры» некоторых вождей уступят место благовоспитанным «буржуазным манерам» (как будто внешне неприличные манеры тех, кто здесь имеется в виду, не самое маловажное из того, в чем их можно упрекнуть!). Тогда не замедлят появиться и «*многочисленные сторонники* из среды образованных и *имущих* классов. Именно их необходимо привлечь к себе... чтобы агитация принесла *осязательные успехи*». Германский социализм «придавал слишком большое значение завоеванию *масс* и при этом пренебрегал энергичной (!) пропагандой среди так называемых высших слоев общества». Ибо «у партии все еще не хватает лиц, которые были бы в состоянии представлять ее в рейхстаге». Но «желательно и даже необходимо вверять мандаты таким людям, которые имели время и возможность основательно изучать надлежащие проблемы. Простой рабочий и мелкий ремесленник... располагают для этого достаточным досугом лишь в виде редкого исключения». Следовательно, выбирайте буржуа!

Одним словом: рабочий класс не в состоянии добиться собственными руками своего освобождения. Для этого он

должен подчиниться руководству со стороны «образованных и имущих» буржуа, так как только они «имеют время и возможность» изучить то, что может принести пользу рабочим. А во-вторых, ни под каким видом не следует бороться с буржуазией, — ее следует *привлечь на свою сторону* энергичной пропагандой.

Но если мы намерены завоевать высшие слои общества или хотя бы их благожелательно настроенные по отношению к нам элементы, то мы никоим образом не должны пугать их. И вот цюрихская троица воображает, что она сделала весьма успокоительное открытие:

«Как раз теперь, под давлением закона против социалистов, партия показывает, что она *не намерена* пойти по пути насильственной, кровавой революции, что, напротив, она решила... стать на путь законности, т. е. *реформы*». Итак, если 500—600 тысяч социал-демократических избирателей ($\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{8}$ всего числа избирателей), к тому же рассеянных по всей стране, настолько благоразумны, что не прошибают лбом стену и не пытаются один против десяти произвести «кровавую революцию», то это значит, что они раз навсегда *зарекаются* использовать какое-либо крупное событие из области внешней политики, вызванный им внезапный революционный подъем и даже самую *победу* народа, завоеванную в возникшем на этой почве столкновении! Если Берлин когда-нибудь снова проявит такую необразованность, что учинит 18 марта¹, то социал-демократы, вместо того чтобы, подобно «всякой дряни, рвущейся на баррикады» (стр. 88), принять участие в борьбе, должны будут «вступить на путь законности», утихомирить восстание, убрать баррикады и, когда это понадобится, выступить нога в ногу со славным воинством против односторонней, грубой и необразованной массы. Если господа авторы станут утверждать, что они не это хотели сказать, то что же они тогда хотели сказать?

Но это еще только цветочки.

«Чем спокойнее, объективнее, солиднее будет выступать партия, критикуя существующие порядки и внося предложения об их изменении, тем менее будет возможно повторить удавшийся сейчас (при введении закона против социалистов) шахматный ход, с помощью которого сознательная реакция скрутила в бараний рог напуганную красным призраком буржуазию» (стр. 88).

Чтобы избавить буржуазию даже от тени страха, ей нужно ясно и наглядно доказать, что красный призрак в самом деле не более как призрак, что он не существует в действи-

¹ Имеются в виду революционные баррикадные бои в Берлине 18—19 марта 1848 г. *Ред.*

тельности. В чем же, однако, тайна красного призрака, как не в страхе буржуазии перед неизбежной борьбой не на жизнь, а на смерть между нею и пролетариатом, страхе перед неминуемой развязкой современной классовой борьбы? Уничтожим классовую борьбу — и буржуазия и «все независимые люди» «не побоятся пойти рука об руку с пролетариями». Но в дураках-то останутся именно пролетарии.

Пусть, следовательно, партия своим смирением и кротким поведением докажет, что она раз навсегда отеклась от «несуразностей и эксцессов», дававших повод к введению закона против социалистов. Если она добровольно пообещает не выходить из рамок этого закона, то Бисмарк и буржуазия, конечно, будут так любезны, что отменят этот закон, который станет тогда излишним!

«Пусть нас поймут как следует», мы не хотим «отказываться от нашей партии и от нашей программы, но мы думаем, что нам на долгие годы хватит работы, если мы всю свою силу, всю свою энергию обратим на достижение определенных, вполне доступных целей, которые во что бы то ни стало должны быть достигнуты, прежде чем можно начать помышлять об осуществлении более далеких задач». Тогда к нам начнут присоединяться массами буржуа, мелкие буржуа и рабочие, которых «теперь отпугивают... слишком далеко идущие требования».

От программы не следует *отказываться*; только осуществление ее должно быть *отложено*... на неопределенное время. Ее принимают, но, собственно, не для себя, не затем, чтобы следовать ей в течение своей жизни, а лишь затем, чтобы завещать ее детям и внукам. А пока что «все силы и вся энергия» обращаются на всякие пустяки и жалкое штопанье капиталистического строя, чтобы казалось, будто что-то все-таки предпринимается, и чтобы в то же время не напугать буржуазию. Разве не лучше во много раз поведение «коммуниста» Микеля, который, будучи непоколебимо убежден, что через несколько сот лет крах капиталистического общества неминуем, на этом основании усердно спекулирует, способствует в меру своих сил краху 1873 г.¹ и тем самым *действительно* кое-что делает для подготовки крушения существующего строя.

Другим нарушением хорошего тона были «преувеличенные нападки на грюндеров», которые-де были лишь «детьми своего времени»; поэтому «было бы лучше... обойтись без брани по адресу Штраусберга и тому подобных лиц». К сожалению, все люди — только «дети своего времени», и если

¹ Крахом 1873 г. закончился период так называемого «грюндерства», период бешеной спекуляции и биржевой игры, наступивший вслед за окончанием франко-прусской войны 1870—1871 гг. *Ред.*

это — достаточное оправдание, то должны быть прекращены нападки на кого бы то ни было, и нам надо отказаться от всякой полемики, от всякой борьбы; нам надлежит спокойно принимать пинки от своих противников, ибо мы, мудрецы, знаем, что противники эти лишь «дети своего времени» и не могут поступать иначе, чем поступают. Вместо того чтобы оплачивать им сторицей за получаемые от них пинки, мы, наоборот, должны бедняжек пожалеть.

Точно так же наше выступление за Коммуну имело то дурное последствие, что «оттолкнуло от нас многих наших благожелателей и вообще усилило *ненависть* к нам *буржуазии*». И далее, партия «не совсем неповинна во введении октябрьского закона¹, ибо она совершенно ненужным образом разжигала *ненависть буржуазии*».

Вот какова программа трех цюрихских цензоров. Она не оставляет никакого места для недоразумений, особенно для нас, отлично знакомых с 1848 года с подобными речами. Перед нами представители мелкой буржуазии, которые заявляют, полные страха, что пролетариат, побуждаемый своим революционным положением в обществе, может «зайти слишком далеко». Вместо решительной политической оппозиции — всеобщее посредничество; вместо борьбы против правительства и буржуазии — попытка уговорить их и привлечь на свою сторону; вместо яростного сопротивления гонениям сверху — смиренная покорность и признание, что кара заслужена. Все исторически необходимые конфликты истолковываются как недоразумения, и всякой дискуссии кладется конец декларацией о том, что по существу никаких расхождений между нами нет. Люди, выступавшие в 1848 г. в качестве буржуазных демократов, теперь с таким же успехом могут именовать себя социал-демократами: как для первых демократическая республика, так для последних падение капиталистического строя — дело далекого будущего, не имеющее абсолютно никакого значения для политической практики современности; поэтому можно посредничать, заниматься соглашательством и филантропией сколько душе угодно. Точно так же обстоит дело с классовой борьбой между пролетариатом и буржуазией. На бумаге эту борьбу признают, потому что отрицать ее уже попросту невозможно, но на деле ее затушевывают, смазывают, ослабляют. Социал-демократическая партия *не должна* быть партией рабочего класса, не должна навлекать на себя ненависть буржуазии или вообще чью бы то ни было ненависть, она должна прежде всего вести энергичную пропаганду в среде буржуазии; вместо того, чтобы во главу угла ставить далеко идущие, отпуги-

¹ Речь идет об исключительном законе против социалистов, введенном Бисмарком в октябре 1878 г. *Ред.*

вающие буржуазию и все же недостижимые для нашего поколения цели, пусть лучше все свои силы и всю свою энергию она обратит на осуществление тех мелкобуржуазных реформ-заплат, которые укрепят старый общественный строй и тем самым, может быть, превратят конечную катастрофу в постепенный, совершающийся по частям и по возможности мирный процесс перерождения. Это те самые люди, которые под прикрытием суетливой деловитости не только сами ничего не делают, но и пытаются помешать тому, чтобы вообще что-либо происходило кроме болтовни; люди, которые в 1848 и 1849 гг. своим страхом перед любым действием тормозили движение на каждом шагу и в конце концов привели его к поражению, которые видят реакцию и весьма изумляются, что оказались в тупике, где невозможно ни сопротивление, ни бегство. Это те самые люди, которые хотят втиснуть историю в рамки своего обывательского кругозора, но с которыми история никогда не считается и идет своей дорогой.

Что касается их социалистических убеждений, то они уже подвергнуты достаточной критике в «Манифесте [Коммунистической партии]», в главе о «немецком или истинном социализме». Там, где классовая борьба отстраняется как нечто непривлекательное и «грубое», там в качестве основы социализма остаются лишь «истинное человеколюбие» и пустые фразы о «справедливости».

Самым ходом развития обусловлено то неизбежное явление, что к борющемуся пролетариату присоединяются отдельные лица из господствующего до сих пор класса и доставляют ему элементы просвещения. Об этом мы ясно высказались уже в «Манифесте». Но тут надо иметь в виду два обстоятельства.

Во-первых, чтобы принести действительную пользу пролетарскому движению, эти лица должны принести с собой действительные элементы просвещения, а этого нельзя сказать о большинстве немецких буржуа, примкнувших к движению; ни «Zukunft», ни «Neue Gesellschaft» не дали ничего такого, что хотя бы на шаг подвинуло движение вперед. Никакого действительного фактического или теоретического материала, содействующего просвещению, там нет. Вместо этого попытки согласовать поверхностно усвоенные социалистические идеи с самыми различными теоретическими взглядами, которые вынесены этими господами из университета или еще откуда-нибудь; все эти взгляды — один путанею другого, что объясняется тем процессом разложения, которому ныне подвергаются остатки немецкой философии. Вместо того чтобы прежде всего самому углубиться в изучение новой науки, каждый старался так или иначе пригнать ее к

своим извне принесенным воззрениям, наскоро сколачивал себе свою собственную приватную науку и тотчас же выступал с претензией обучать этой науке других. Поэтому у этих господ почти столько же точек зрения, сколько голов. Вместо того чтобы хоть в какой-нибудь вопрос внести ясность, они создали невероятную путаницу, к счастью, почти исключительно в своей собственной среде. Без таких просветителей, основной принцип которых обучать других тому, чего они сами не изучили, партия может отлично обойтись.

Во-вторых. Если к пролетарскому движению примыкают представители других классов, то прежде всего от них требуется, чтобы они не приносили с собой остатков буржуазных, мелкобуржуазных и тому подобных предрассудков, а безоговорочно усвоили пролетарское мировоззрение. Но те господа, как доказано, как раз битком набиты буржуазными и мелкобуржуазными представлениями. В такой мелкобуржуазной стране, как Германия, эти представления несомненно имеют свое оправдание, но только *вне рядов* социал-демократической рабочей партии. Если эти господа образуют социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступать с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д. Но в рабочей партии они чуждый элемент. Если есть основания пока что терпеть их, то мы обязаны *только* терпеть их, не давая им влиять на руководство партией и отдавая себе отчет в том, что разрыв с ними — лишь вопрос времени. Это время к тому же, повидимому, уже наступило. Каким образом партия может далее терпеть в своих рядах авторов этой статьи, нам совершенно непонятно. Если же в руки таких людей в той или иной мере попадает даже партийное руководство, значит, партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии.

Что касается нас, то, в соответствии со всем нашим прошлым, перед нами только один путь. В течение почти 40 лет мы выдвигали на первый план классовую борьбу как непосредственную движущую силу истории, и особенно классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом как могучий рычаг современного социального переворота; поэтому мы никак не можем идти вместе с людьми, которые эту классовую борьбу стремятся вычеркнуть из движения. При основании Интернационала мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, следовательно, идти вместе с людьми, которые открыто заявляют, что рабочие слишком необразованы для того, чтобы освободить самих себя, и должны быть освобождены сверху, руками филантропических крупных и мелких буржуа. Если новый партий-

ный орган примет направление, отвечающее воззрениям этих господ, если он будет буржуазным, а не пролетарским, то нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор, представляя германскую партию за границей. Но *до этого*, падо надеяться, дело не дойдет...

162

МАРКС — Ф. А. ЗОРГЕ

19 сентября 1879 г.

... Дело действительно может дойти до того, что мы с Энгельсом будем вынуждены выступить с «публичным заявлением» против лейпцигцев и связанных с ними цюрихцев.

Дело обстоит таким образом: Бебель писал нам, что в Цюрихе хотят создать партийный орган¹, и просил, чтобы наши имена фигурировали в числе сотрудников. В качестве предполагаемого редактора нам назвали Гирша. Мы на это *согласились*, и я написал прямо Гиршу — он был тогда в Париже, но с тех пор его вторично выслали оттуда, — чтобы он согласился стать редактором, потому что только он один давал нам уверенность, что весь этот сброд из докторов, студентов и т. д. и вся эта катедер-социалистическая сволочь, которая задает тон в «Zukunft» и даже начала уже проникать в «Vorwärts», не будет подпущена близко и что партийная линия будет проводиться твердо... Эти господа, в теоретическом отношении нули, а в практическом никуда не годные, хотят социализм (который они состряпали по университетским рецептам) и в особенности социал-демократическую партию сделать беззубыми, а рабочих просветить или, как они выражаются, привить им «элементы образования», сами нахватавшись только путаных полужнаний. Но прежде всего они хотят сделать партию «респектабельной» в глазах мещан. Это убогие *контрреволюционные болтуны*...

... Если «Еженедельник» — партийный орган — будет *следовать* по стопам «Jahrbuch» Гехберга, то мы будем вынуждены открыто выступить против такого опошления теории

¹ «Der Sozialdemokrat» — центральный орган германской социал-демократии; начал выходить в Цюрихе в сентябре 1879 г. *Ред.*

и партии! Энгельс составил циркулярное письмо к Бебелю и др. (конечно, только для *внутреннего обращения* среди вождей германской партии), в котором без сбинок излагается наше мнение. Итак, мы предупредили этих господ, и они достаточно хорошо знают нас, чтобы понять, что в данном случае это означает: подчинение или разрыв! Если они хотят компрометировать себя, тем хуже для них! Компрометировать *нас* мы им ни в коем случае не позволим. До чего они поглупели под влиянием парламентаризма, показывает, между прочим, тот факт, что они сочли большим преступлением со стороны Гирша то, что он в своей «*Laternen*» немного потрепал прохвоста Кайзера за его позорную речь о таможенной политике Бисмарка. Как можно, — говорят они, — раз партия, т. е. горсточка парламентских представителей партии, уполномочила Кайзера так говорить! Тем больший позор для этой горсточки людей! Но и это лишь жалкая уловка. На самом деле они были настолько глупы, что разрешили Кайзеру говорить от собственного имени и от имени своих избирателей, он же говорил от имени партии. Как бы то ни было, они настолько успели заразиться парламентским идиотизмом, что считают себя уже *выше критики* и всякую критику громят как оскорбление величества...

163

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

14 ноября 1879 г.

...И в этой связи перейду к отчету¹. Насколько удачно его начало, насколько искусен анализ прений по вопросу о покровительственных пошлинах, настолько же в третьей части неприятны уступки немецкому филистеру. К чему ненужное место о «гражданской войне», к чему это расшаркивание перед «общественным мнением», которое в Германии всегда совпадает с мнением филистера из пивной? К чему полнейшее замазывание классового характера движения? С какой стати доставлять такое удовольствие анархистам? Притом же все эти уступки совершенно бесполезны. Немецкий филистер — олицетворенная трусость, он уважает лишь того, кто внушает ему страх. Того же, кто хочет казаться в

¹ В этом письме Энгельс критикует отчет социал-демократической фракции рейхстага, который был опубликован в «*Sozialdemokrat*» в октябре 1879 г. *Ред.*

его глазах пайнкой, он считает себе подобным и уважает как себе подобного, т. е. совсем не уважает. И теперь, когда буря филистерского возмущения, именуемая общественным мнением, снова, по всеобщему признанию, улеглась и когда бремя налогов и без того уже гнетет этих людей, к чему эти медоточивые речи? Если бы Вы знали, как это воспринимается за границей! Хорошо, конечно, чтобы партийный орган редактировали люди, стоящие в центре партии, на боевых позициях. Но стоило бы Вам с полгода пробыть за границей, и Вы совсем по-иному расценили бы это совершенно излишнее самоунижение партийных депутатов перед филистером. Буря, разразившаяся над французскими социалистами после Коммуны, была ведь совсем не то, что трескотня по поводу Нобилинга¹ в Германии. А насколько независимее и достойнее держались французы! Можно ли их упрекнуть в подобной слабости, в подобных комплиментах по адресу врага? Там, где они не могли свободно высказаться, они молчали и давали обывателю накричаться вволю, зная, что их время еще придет, и теперь это время пришло...

... Впрочем, относительно инсинуаций Ауэра хочу еще заметить, что мы здесь не недооцениваем как трудностей, при которых партии приходится бороться в Германии, так и значения достигнутых, несмотря на это, успехов и образцового до сих пор поведения партийных масс. Само собою разумеется, что каждая одержанная в Германии победа радует нас так же, как и победа в любой другой стране, и даже больше, так как германская партия ведь росла, примыкая с самого же начала к нашим теоретическим положениям. Но именно поэтому мы придаем особенное значение тому, чтобы практика германской партии, в особенности же публичные выступления партийного руководства, не расходились с общей теорией. Несомненно, что критика наша многим неприятна, но больше, чем от всяких некритических комплиментов, партия выигрывает от того, что за границей у нее есть люди, свободные от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов борьбы, которые время от времени измеряют партийные события и выступления масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах, и отражают перед партией то впечатление, которое эти выступления производят за пределами Германии.

С дружеским приветом

Ф. Энгельс.

¹ В июне 1878 г. Нобилинг произвел покушение на Вильгельма I. Это покушение послужило предлогом для введения исключительного закона против социалистов. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

16 декабря 1879 г.

... В газете, которая находит возможным форменным образом *горевать* по поводу того, что была революция 1848 г., впервые открывшая дорогу социал-демократии, в такой газете нам не место. Эта статья, а также письмо Гехберга ясно показывают, что тройное созвездие претендует на то, чтобы их впервые четко высказанные в «Jahrbuch» мелкобуржуазные социалистические воззрения были представлены в «Sozialdemokrat» наравне с пролетарскими. Я не представляю себе, каким образом вы в Лейпциге, после того как воз уже так глубоко увяз, могли бы воспрепятствовать этому, не доводя дело до открытого разрыва. Вы, как и прежде, видите в этих людях товарищей по партии. Для нас это немыслимо. Статья в «Jahrbuch» резко и бесповоротно отделяет нас от них. Мы не можем даже вести с ними переговоров, пока они утверждают, что принадлежат к одной партии с нами. Вопросы, о которых здесь идет речь, — такие вопросы, по поводу которых уже ни в одной пролетарской партии и спора быть не может. Дискутировать их в пределах партии означало бы поставить под вопрос весь пролетарский социализм.

В самом деле, при таких условиях нам лучше всего не сотрудничать [в «Sozialdemokrat»]. Мы только и делали бы, что протестовали, и несколько недель спустя должны были бы заявить о своем уходе, что тоже не пошло бы на пользу делу.

Мы очень сожалеем, что не можем безоговорочно поддержать вас в такой момент, когда партия запрещена. Пока партия в Германии оставалась верна своему пролетарскому характеру, мы оставляли в стороне все другие соображения. Но теперь, когда мелкобуржуазные элементы, допущенные в партию, открыли свои карты, положение изменилось. Пока им будет разрешено протаскивать по частям контрабандным путем в орган германской партии свои мелкобуржуазные взгляды, этот орган тем самым для нас просто-напросто закрыт...

... Впрочем, мировая история идет своим путем, не считаясь с этими мудрыми и умеренными филистерами. В России через несколько месяцев дела должны принять решительный оборот. Одно из двух: либо падет самодержавие, и тогда тотчас же, с падением этого мощного оплота реакции, в Европе повеет другим ветром, либо разразится евро-

пейская война, и в неизбежной борьбе всякого народа за свое национальное бытие эта война похоронит и *нынешнюю* германскую партию. Такая война была бы для нас величайшим несчастьем, она могла бы отбросить движение на двадцать лет назад. Но новая партия, которая в конце концов должна была бы создаться в результате всего этого, освободилась бы во всех европейских странах от всяческих колебаний и мелочности, которые теперь повсюду тормозят движение.

С дружеским приветом

Ваш Ф. Э.

1880 год

165

ЭНГЕЛЬС — М. К. КАБЛУКОВОЙ

5 августа 1880 г.

Милостивая государыня!

В дополнение к моему краткому письму, посланному Вам в Биарриц, могу только сказать, что я, право, не придумаю, какие еще другие документы и отчеты я мог бы порекомендовать Вам, кроме тех, которые Вы сами перечислили в своем последнем письме. Но после школьных каникул, когда сюда вернутся некоторые мои знакомые, я наведу еще дальнейшие справки и, если найду что-нибудь новое, pošлю Вам в Москву или же сообщу об этом. Чтобы корреспонденция выглядела совершенно безобидной, я буду писать по-английски и подписываться Э. Бернс. Письма, направляемые оттуда ко мне, Вы можете адресовать мисс Э. Бернс, 122, Regent's Park Road, N. W. Лондон. Второго конверта не нужно: это моя племянница.

Я с большим интересом прочел Ваши сообщения о Вашей деятельности в Москве, а равно и о том, что Вы надеетесь с помощью председателя земской управы открыть ремесленную школу. У нас здесь есть статистические отчеты всех русских земств¹ и вообще превосходный материал об экономическом положении России. К сожалению, я не мог просмотреть их в данный момент, так как они лежат у Маркса, а он со всей семьей находится сейчас на морском курорте. Впрочем, это мало помогло бы мне ответить на Ваш вопрос, так как для этого необходимо такое знание соответствующих отраслей кустарной промышленности, характера производства в этих отраслях, производимых ими продуктов и их конкурентоспособности, которое можно получить только на месте. В общем мне кажется, что упомянутые Вами отрасли промышленности, по крайней мере большинство из них, будут еще известное время в состоянии конкурировать с

¹ «Земство» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

крупной промышленностью. Подобные промышленные перевороты происходят чрезвычайно медленно; в Германии во многих отраслях еще и до сих пор не вполне вытеснен даже ручной ткацкий станок, между тем как в Англии он изгнан из этих отраслей уже 20—30 лет тому назад. В России это должно происходить еще более медленно. Ведь долгая зима оставляет там крестьянину столько свободного времени; и если он в течение дня хоть что-нибудь заработает, он все-таки окажется в выигрыше. Конечно, эти примитивные методы производства неминуемо должны в конце концов погибнуть, и в стране с высоко развитой промышленностью, как, например, здесь, можно было бы утверждать, что гуманнее ускорить этот процесс разложения, чем замедлить его. Но вполне возможно, что в России дело обстоит иначе, — тем более, что там можно определенно предвидеть огромные изменения в общем политическом положении. Мелкие и жалкие паллиативы, которые, как Вы сами убедились, принесли чрезвычайно мало пользы в Германии и в других местах, в России, может быть, помогли бы кое-где народу пережить политический кризис и сохранить свою промышленность до тех пор, пока он сам не получит возможности сказать свое слово. И вот школы, быть может, хоть до некоторой степени помогли бы ему понять, что именно ему надо будет сказать. Этому в большей или меньшей степени содействуют всякие подлинные элементы просвещения, распространяемые в народе. Техническое образование достигло бы своей цели, пожалуй, легче всего, если бы оно попыталось, с одной стороны, более рационально организовать производство, хотя бы в самых жизнеспособных и распространенных отраслях промышленности, а с другой стороны — дало бы детям такие общие технические знания, которые облегчили бы им переход в другие отрасли промышленности. Живя вдали от всего этого, вряд ли можно сказать что-либо еще, кроме этих общих мест, но мне кажется почти несомненным, что Московская губерния еще не так скоро станет центром крупной промышленности, так как она расположена далеко от угольных районов, а дров уже и сейчас нехватает. Поэтому тот или иной вид кустарной промышленности, при всей ее изменчивости, мог бы там продержаться еще некоторое время, даже если благодаря покровительственным пошлинам получают возможность развития отдельные крупные предприятия, как, например, хлопчатобумажная промышленность Шуи и Иванова во Владимирской губернии. Но в конечном счете крестьянам можно помочь только тем, что они получают больше земли и будут ее обрабатывать коллективно.

Ваши сообщения о начинающемся распаде общины¹ и артелей подтверждают сведения, дошедшие к нам и из других источников. Тем не менее, этот процесс разложения может продолжаться еще очень долго. И так как общее развитие в Западной Европе протекает в совершенно противоположном направлении и при ближайшем потрясении оно приобретет необычайную силу, то следует ожидать, что и в России, которая выдвинула за последние 30 лет так много критически мыслящих умов, это течение во-время окажется достаточно сильным, чтобы опереться на тысячелетнее стихийное стремление народа к коллективизму еще до того, как оно успеет угаснуть. Поэтому производительные товарищества и другие формы внедрения ассоциаций среди народа следует рассматривать в России с иной точки зрения, чем на Западе. Но они все же, конечно, останутся мелкими паллиативами,

С глубоким уважением

Ф. Энгельс.

166

МАРКС — Ф.-А. ЗОРГЕ

5 ноября 1880 г.

... Дела в общем и целом (я имею здесь в виду общее положение Европы) идут превосходно, так же как и дела внутри действительно революционной партии на континенте.

Ты, вероятно, заметил, что «Égalité» (прежде всего благодаря переходу к нам Гэда и работам моего зятя Лафарга) представляет собой первую «французскую» рабочую газету (в подлинном смысле этого слова). Даже Малон в «Revue Socialiste» — правда, со всей непоследовательностью, свойственной его эклектической натуре, — был вынужден объявить себя приверженцем современного научного социализма, т. е. немецкого социализма (мы были врагами, так как он в свое время был одним из основателей Альянса). Я составил для него «Вопросник»², который сперва был напечатан в «Revue Socialiste», а потом отдельными отрывками распространен в большом количестве по всей Франции. Вскоре после этого сюда в Лондон приехал Гэд, чтобы вместе с нами (со мною, Энгельсом и Лафаргом) составить

¹ «Община» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² Маркс имеет в виду написанную им анкету относительно положения рабочего класса во Франции. Она была опубликована под названием «Анкета для рабочих». *Ред.*

избирательную программу для рабочих к предстоящим всеобщим выборам. За исключением некоторой ерунды, которую Гэд, несмотря на наши возражения, счел необходимым преподнести французским рабочим, как, например, установленный законом *минимум заработной платы* и т. п. (я сказал ему: если французский пролетариат еще настолько неразвит, что нуждается в таких приманках, то не стоит вообще пока составлять какую бы то ни было программу), этот очень сжатый документ дает в кратком введении в нескольких строках определение коммунистической цели, а в экономической части содержит только те требования, которые действительно выросли непосредственно из самого рабочего движения. Это была решительная попытка стащить французских рабочих с заоблачных высот громких фраз на почву реальной действительности, и поэтому она встретила сильное противодействие со стороны всех французских сумасбродов, для которых эти «заоблачные высоты» — родная стихия. Несмотря на сильную оппозицию анархистов, эта программа была сначала принята в *Центральном районе*, т. е. в Париже и его окрестностях, а затем уже и во многих других рабочих центрах. То, что одновременно образовались несогласные с ней рабочие группы, которые, однако (кроме анархистских, состоящих не из настоящих рабочих, а из деклассированных элементов и из немногих обманутых рабочих в качестве простых рядовых), приняли большинство «практических» требований программы, и то, что по другим вопросам были выставлены самые различные точки зрения, доказывает, по-моему, что это есть *первое действительное рабочее движение* во Франции. До сих пор там были только секты, получавшие свои лозунги от основателя секты, между тем как пролетарская масса шла за радикальными или мниморадикальными буржуа, дралась за них, когда наступал решительный день, чтобы на завтра же быть разгромленной, сосланной и т. д. теми самыми молодцами, которых сама она привела к власти.

Газета «*Émancipation*», которая начала выходить несколько дней тому назад в Лионе, будет органом «Рабочей партии», возникшей на основе немецкого социализма...

... В России, где «Капитал» больше читают и ценят, чем где бы то ни было, наш успех еще значительнее. Мы имеем там, с одной стороны, *критиков* (главным образом молодые университетские профессора, с некоторыми из них я лично знаком, а также журналисты) и, с другой стороны, *центральный комитет террористов*¹, программа которого, недавно

¹ Маркс имеет в виду Исполнительный комитет «Народной воли», созданный после раскола «Земли и воли» в 1879 г. *Ред.*

тайно напечатанная и изданная в Петербурге, вызвала большую ярость среди русских анархистов в Швейцарии, издающих в Женеве «Черный передел». Большинство из них (не все) добровольно оставило Россию, и в противоположность террористам, рискующим собственной шкурой, они образуют так называемую партию пропаганды (чтобы вести пропаганду в России, они уезжают в Женеву! Что за абсурд!). Эти господа высказываются против всякой революционной политической деятельности. Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай! Пока же они готовят этот прыжок нудным доктринерством; так называемые принципы их доктрины вошли в обиход с легкой руки покойного Бакунина.

На этот раз хватит. Напиши поскорее, что у тебя слышно. Сердечный привет от моей жены.

Весь твой Карл Маркс.

1881 год

167

МАРКС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

19 февраля 1881 г.

...Я с величайшим интересом прочел Вашу статью¹, она «оригинальна» в лучшем смысле этого слова. Оттого ее и бойкотируют. Стоит Вам только вырваться из сетей рутинной мысли, и Вы можете быть уверены, что первым делом натолкнетесь на «бойкот», — это единственное орудие защиты, которое *рутинеры* умеют пускать в ход в первый момент замешательства. Меня «бойкотировали» в Германии в течение очень многих лет. То же происходит и в Англии, с той небольшой разницей, что здесь время от времени против меня допускают такие нелепые и дурацкие выходки, что мне было бы стыдно публично отвечать на подобный вздор. Но продолжайте в том же духе! Первое, чем Вам, по-моему, следовало бы заняться, это — поразительный рост *задолженности помещиков*, представителей высшего класса в сельском хозяйстве, и показать им, как они «кристаллизуются» в общественной реторте под контролем «новых столпов общества».

Мне очень хотелось бы прочесть Вашу полемику со «Словом». Как только мой житейский корабль вступит в более спокойные воды, я выскажусь более подробно насчет Ваших «Очерков». Пока же не могу удержаться от одного замечания по этому поводу. Почва, которая непрерывно истощается и не получает путем растительного, животного или искусственного удобрения и т. п. необходимых для ее восстановления элементов, будет все же, в зависимости от изменчивых влияний погоды, т. е. от не зависящих от человека обстоятельств, продолжать приносить весьма различные по

¹ Речь идет о статье Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», опубликованной им под псевдонимом Николай — он в журнале «Слово» (октябрь 1880 г.). *Ред.*

своему изобилию жатвы; хотя при обзоре целого ряда лет, например с 1870 по 1880 г., застойный характер земледельческого производства выступает перед нами с поразительной ясностью. При таких обстоятельствах благоприятные климатические условия только пролагают путь *голодному году*, вызывая быстрое поглощение и извлечение из почвы еще скрытых в ней минеральных удобрений. *Наоборот, голодный год*, и тем более ряд последующих неурожайных годов, позволяют находящимся в почве минералам накопиться вновь и обнаружить свое благотворное действие, когда снова наступят благоприятные климатические условия. Этот процесс совершается, конечно, повсюду; однако, в *других местах* он сдерживается и видоизменяется вмешательством самого земледельца. *Единственным регулирующим фактором* он становится там, где человек перестал быть «силою» по недостатку средств.

Так, в 1870 г. в Вашей стране был прекрасный урожай, но этот год был *кульминационным годом*, за которым немедленно последовал очень плохой год. Весьма неурожайный 1871 год может рассматриваться как отправной пункт для нового малого цикла, приводящего нас к новому кульминационному — 1874 — году, за которым непосредственно следует голодный 1875 г.; затем снова начинается движение вверх, завершающееся еще более тяжелым голодным — 1880 — годом. Сводка результатов отдельных годов за весь этот период показывает нам, что средняя годовая продукция все это время оставалась та же и что изменения в отдельные годы и небольшие циклы лет вызывались только естественными факторами.

Я писал Вам несколько времени тому назад, что если тяжелый промышленный и торговый кризис, через который прошла Англия, не привел к завершающему финансовому краху в Лондоне, то это *исключительное* явление объясняется только притоком французских денег. В настоящее время это увидели и признали даже английские рутинеры. Так, по словам «The Statist» (29 января 1881 г.), «благополучие денежного рынка в течение прошлого года было результатом чистой случайности, того, что Французский банк в самом начале осени допустил сокращение своего золотого запаса с 30 миллионов ф. ст. до 22 миллионов... Нет ни малейшего сомнения, что прошлой осенью нам угрожала смертельная опасность» (!)

Английская железнодорожная система катится по той же наклонной плоскости, что и вся европейская система государственных долгов. Правящие магнаты из числа директоров разных железнодорожных компаний не только включают во все возрастающих размерах все новые и новые

займы для расширения своей железнодорожной сети, т. е. той «территории», где они царствуют как самодержавные монархи, но и расширяют эту сеть, чтобы иметь новые предлоги для заключения новых займов, дающих им возможность уплачивать проценты держателям облигаций, привилегированных акций и т. п., а также выбрасывать время от времени подачку рядовым акционерам, доверием которых постоянно злоупотребляют, в форме несколько повышенных дивидендов. Этот милый метод рано или поздно должен привести к ужасной катастрофе.

В Соединенных Штатах железнодорожные короли стали теперь мишенью нападков не только, как это было раньше, со стороны фермеров и других промышленных «предпринимателей» Запада, но также и со стороны крупнейшего представительства коммерческого мира — Нью-Йоркской торговой палаты. Один из железнодорожных королей и финансовых плутов, чудовищный спрут — Гульд, с своей стороны заявил нью-йоркским торговым магнатам: «Вы нападаете сейчас на железные дороги потому, что считаете их наиболее уязвимыми благодаря их нынешней непопулярности; но берегитесь! Вслед за железными дорогами наступит очередь для всякого рода корпораций (на языке янки это обозначает акционерные компании), после этого — для всех форм ассоциированного капитала, а в заключение — для всех форм капитала вообще; вы расчищаете, таким образом, дорогу для коммунизма, учение которого уже и сейчас все более и более распространяется в народе». У мистера Гульда «хорошее чутье».

В Индии для британского правительства готовятся серьезные осложнения, если не всеобщее восстание. То, что англичане отбирают ежегодно у индийцев — в виде ренты, железнодорожных дивидендов от совершенно бесполезных для самих индийцев железных дорог, пенсий военным и гражданским чиновникам, издержек на афганские и иные войны и пр. и пр., — то, что они берут у них без всякого эквивалента, не считая того, что они ежегодно присваивают себе в самой Индии, т. е. стоимость одних только неоплачиваемых продуктов, которые индийцы должны ежегодно отправлять в Англию, — превышает общую сумму дохода 60 миллионов земледельческих и промышленных работников Индии! Это — настоящее кровопускание, это вопиющее дело! Голодные годы следуют там один за другим, причем голод достигает размеров, о которых в Европе до сих пор даже и не подозревают. Среди населения зреет настоящий заговор, в котором участвуют совместно и индусы и мусульмане. Британское правительство знает, что что-то «затевается», но эти тупицы (я имею в виду правительственных чиновников),

ослепленные своей собственной парламентской манерой говорить и мыслить, не желают даже уяснить себе положение вещей, не хотят понимать всего размера угрожающей им опасности! Обманывать других, а тем самым и самих себя, — в этом вся суть *парламентской мудрости*. Тем лучше!

Не можете ли Вы сказать мне, переведено ли на русский язык сочинение профессора Ланкестера «*Вырождение*», которое Вы цитируете в своей статье? Он — один из моих друзей.

В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г. Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее.

Нет ли известий о нашем «общем» друге ¹?

Кстати: последняя статистическая работа Янсона, сопоставляющая Россию с Европой, произвела большую сенсацию. Я был бы очень рад взглянуть на нее.

С наилучшими пожеланиями, искренне преданный Вам

Карл Маркс.

168

МАРКС — Ф. ДОМЕЛА-НИВЕНГЕЙСУ

22 февраля 1881 г.

... Мне кажется, что «вопрос», о котором Вы мне сообщаете и который будет разбираться на предстоящем Цюрихском конгрессе, поставлен неправильно ². Как надо будет действовать в какой-либо определенный момент будущего, какие принимать *непосредственные* меры, — это, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать. Но в данном случае вопрос поставлен совершенно *отвлеченно*, представляя собой в сущности фантастическую проблему, и единственным ответом на него должна быть *критика* самого *вопроса*. Мы не можем решать уравнения, не заключающего в своих данных элементов своего решения. Впрочем, затруднения правительства, внезапно возникшего в результате победы народа, вовсе не представляют собою чего-то специально «социалистического».

¹ Г. Лопатин. *Ред.*

² В своем письме от 6 января 1881 г. Домела-Нивенгейс сообщил Марксу, что голландская партия ставит на обсуждение предстоящего Цюрихского конгресса вопрос о том, каковы должны быть первоочередные законодательные мероприятия социалистов, в случае их прихода к власти, для того чтобы обеспечить торжество социализма. *Ред.*

Наоборот. Буржуазные политики, одержав победу, сразу чувствуют себя в неловком положении из-за своей «победы», социалист же может по крайней мере действовать не стесняясь. В одном Вы можете быть уверены: социалистическое правительство не придет к власти в стране, где условия еще не настолько созрели, чтобы можно было немедленно с помощью необходимых мер так скрутить буржуазию в бараний рог, что будет обеспечено первое необходимое условие — время для дальнейших действий.

Вы, пожалуй, укажете мне на Парижскую Коммуну; но, не говоря уже о том, что это было восстание только одного города в исключительных условиях, большинство Коммуны вовсе не было социалистическим и не могло им быть. Тем не менее, обладая некоторой долей здравого смысла, она могла бы добиться выгодного для всей народной массы компромисса с Версалем, — единственно, что тогда было достижимо. Одним только захватом Французского банка был бы сразу же положен конец бахвальству версальцев и т. д. и т. д.

Общие требования французской буржуазии (при всем различии условий) были перед 1789 г. почти столь же определены, как и первые непосредственные требования пролетариата в наши дни, приблизительно одинаковые во всех странах, где господствует капиталистический способ производства. Но имел ли какой-нибудь француз XVIII века заранее, а priori, хотя бы малейшее представление о том, каким образом осуществляются требования французской буржуазии? Доктринерское, неизбежно фантастическое, предвосхищение программы действий будущей революции только отвлекает от борьбы сегодняшнего дня. Фантазия о близкой гибели мира воодушевляла древних христиан в их борьбе против Римской империи и давала им уверенность в победе. Основанное на науке понимание неизбежного и постоянно происходящего на наших глазах разложения господствующего общественного строя, массы, все более и более доводимые до бешенства правительствами, которые воплощают в себе призраки прошлого, в то же время положительное развитие средств производства, движущееся вперед гигантскими шагами, — все это служит нам порукой, что в тот момент, когда вспыхнет настоящая пролетарская революция, будут найдены и условия (конечно, совсем не идиллические) ее непосредственного ближайшего способа действия.

По моему убеждению, еще не наступил критический момент для создания нового Международного Товарищества Рабочих; поэтому я считаю, что все рабочие, а также и социалистические конгрессы, поскольку они не связаны с непосредственными условиями, имеющимися в той или иной

определенной стране, — не только бесполезны, но даже вредны. Они неизбежно будут сводиться к бесконечному пережевыванию банальных общих мест.

Дружески преданный Вам

Карл Маркс.

169

МАРКС — В. И. ЗАСУЛИЧ

8 марта 1881 г.

Дорогая гражданка!

Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо от 16 февраля. Сожалею, что не могу дать Вам пригодный для опубликования краткий ответ на вопрос, с которым Вы изволили обратиться ко мне. Несколько месяцев тому назад я уже обещал Петербургскому комитету работу на ту же тему. Надеюсь, однако, что достаточно будет нескольких строк, чтобы у Вас не осталось никакого сомнения относительно недоразумения по поводу моей так называемой теории.

Анализируя происхождение капиталистического производства, я говорю:

«В основе капиталистической системы лежит, таким образом, полное отделение производителя от средств производства... основу всего этого процесса составляет *экспроприация земледельцев*. Радикально она осуществлена пока только в Англии... Но *все другие страны Западной Европы идут по тому же пути*» («Капитал», франц. изд., стр. 315).

Следовательно, «историческая неизбежность» этого процесса *точно* ограничена *странами Западной Европы*. Причина, обусловившая это ограничение, указана в следующем месте XXXII главы:

«*Частная собственность*, основанная на личном труде... будет вытеснена *частной капиталистической собственностью*, основанной на эксплуатации чужого труда, на труде наемном» (там же, стр. 341).

В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *презрять их общую собственность в частную собственность*.

Анализ, представленный в «Капитале», не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины, но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мною из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, но для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития.

Имею честь, дорогая гражданка, оставаться преданным Вам

Карл Маркс.

176

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

12 марта 1881 г.

... Это чисто корыстная, манчестерски-буржуазная фальсификация — называть «социализмом» всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию: покровительственные пошлины, гильдии, табачную монополию, огосударствленные отдельные отрасли промышленности, прусский государственный банк, королевский фарфоровый завод. Мы должны подвергать это *кригикс*, а не *принимать на веру*. Если же мы сделаем последнее и построим на этом теоретическую систему, то она рухнет вместе со своими предпосылками, рухнет при простом доказательстве, что этот мнимый социализм является всего лишь феодальной реакцией, с одной стороны, и предлогом для выкачивания денег — с другой, а его косвенная цель — превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников, пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих. Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков — хорош социализм! Но к этому непременно придешь, если поверишь буржуазии в том, чему она сама не верит, а только прикидывается, что верит: будто государство — это социализм! . . .

**МАРКС и ЭНГЕЛЬС —
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛАВЯНСКОГО МИТИНГА,
СОЗВАННОГО 21 МАРТА 1881 г. В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ
ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ**

Гражданин!

С большим сожалением мы вынуждены сообщить Вам, что лишены возможности присутствовать на вашем митинге.

Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие, которое в конце концов должно будет неизбежно привести, хотя бы и после длительной и жестокой борьбы, к созданию Российской Коммуны.

Они никак не думали, что король Пруссии, который своей осадой Парижа заставил правящую буржуазию вооружить народ и тем самым подготовил создание Коммуны, — что этот король десять лет спустя сам окажется осажденным в своей столице социалистами и сможет удержать свой трон, только объявив на осадном положении свою собственную столицу Берлин.

С другой стороны, континентальные правительства, которые после падения Коммуны своими преследованиями принудили Международное Товарищество Рабочих отказаться от своей формальной, внешней организации и которые считали, что смогут сокрушить великое международное рабочее движение декретами и исключительными законами, — эти правительства никак не предполагали, что через десять лет это международное рабочее движение, более мощное, чем когда-либо, охватит рабочий класс не только Европы, но и Америки, и что общая борьба за общие интересы против общего врага объединит рабочих в новый и более широкий, стихийно возникающий Интернационал, все больше и больше перерастающий все внешние формы организации.

Итак, Коммуна, которую державы старого мира считали стертой с лица земли, — жива! Она стала сильнее, чем когда бы то ни было, и мы можем вместе с вами воскликнуть: Да здравствует Коммуна!

172

МАРКС — Ф.-А. ЗОРГЕ

20 июня 1881 г.

...Еще до получения твоего экземпляра книги Генри Джорджа я получил два других: один от Суинтона и другой от Вилларда Брауна; я отдал поэтому один Энгельсу, а другой Лафаргу. Сегодня я ограничусь тем, что лишь в самых кратких чертах выскажу свое мнение об этой книге.

Человек этот в теоретическом отношении совершенно отстал. Он совсем не понял сущности *прибавочной стоимости* и потому вращается, по примеру англичан, в мире спекуляций об обособившихся частях прибавочной стоимости, т. е. о соотношении прибыли, ренты, процента и т. д., причем уровень его спекуляций даже ниже, чем у англичан. Его основной догмат заключается в том, что *все было бы в порядке*, если бы земельная рента выплачивалась государству (ты найдешь подобное требование также в «Коммунистическом манифесте», там, где говорится о *переходных мероприятиях*). Этот взгляд первоначально принадлежал буржуазным экономистам и был впервые (если не считать подобных требований в конце XVIII столетия) выдвинут сразу после смерти Рикардо его первыми *радикальными* последователями. В 1847 г. я в своем сочинении, направленном против Прудона, писал об этом следующее: «Мы понимаем, почему такие экономисты, как Милль (отец, а не сын Джон Стюарт, повторивший это, только в несколько измененной форме), Шербюлье, Хильдич и другие, требовали присвоения ренты государством и употребления ее для замены налогов. Это было лишь открытое выражение ненависти *промышленного капиталиста к земельному собственнику*, являющемуся в его глазах бесполезным и излишним в общем ходе буржуазного производства».

Мы сами, как уже упоминалось, приняли это присвоение земельной ренты государством в числе ряда других *переходных мероприятий*. Эти меры — как в свою очередь отмечается в «Манифесте» — полны внутренних противоречий, что вообще свойственно переходным мероприятиям.

Но Колен первый превратил эти требования *радикальных* английских буржуазных экономистов в *социалистическую панацею* и объявил, что эта мера разрешает антагонизмы, которые заключает в себе современный способ производства. Колен, по рождению бельгиец, был некогда наполеоновским гусарским офицером, а в последние годы Гизо и в первые годы Наполеона малого он, живя в Париже, осчастливил мир многотомным трактатом об этом своем «открытии». Ему

принадлежит также открытие, что хотя бога и нет, но зато существует «бессмертная» человеческая душа и что животные «лишены ощущений». Если бы они имели ощущения, т. е. душу, то мы были бы каннибалами и царство справедливости никогда не могло бы быть установлено на земле. Его «анти-земельно-собственническая теория», вместе с теорией о существовании души и пр., проповедуется его немногочисленными уцелевшими поклонниками — большей частью бельгийцами — в течение многих лет ежемесячно на столбцах парижского журнала «Philosophie de l'Avenir». Они называют себя «разумными коллективистами» и превозносят Генри Джорджа. Вслед за ними и независимо от них прусский банкир, бывший лотерейный сборщик, Замтер из Восточной Пруссии — большой тупица — в числе прочих также разрешился толстым томом подобного «социализма».

Общим у всех этих «социалистов», начиная с Колена, является то, что, оставляя неприкосновенным *наемный труд*, а следовательно, и *капиталистическое производство*, они тем самым хотят обмануть себя или других, когда утверждают, что с превращением земельной ренты в государственный налог *все беды* капиталистического производства должны сами собой исчезнуть. Все это не что иное, как скрытая под маской социализма попытка *спасти господство капиталистов* и фактически *заново укрепить* его на *более широком*, чем теперь, *основании*.

Этот злостный умысел, а вместе с тем и глупость недвусмысленно проглядывают также и из декламаций Генри Джорджа. Ему это тем более непростительно, что от него можно было бы ждать как раз обратной постановки вопроса, а именно: чем объяснить, что в Соединенных Штатах, где относительно, т. е. в сравнении с цивилизованной Европой, приобретение земли было доступным для народных масс и до известной степени (опять-таки относительно) еще и теперь осталось таковым, капиталистическое хозяйство и связанное с ним порабощение рабочего класса развились *быстрее и в более циничной форме*, чем в какой-либо иной стране?

С другой стороны, книга Джорджа и сенсация, которую она у вас вызвала, имеет то значение, что это есть первая, хотя и неудачная попытка освободиться от ортодоксальной политической экономии.

Г. Джордж, повидимому, совершенно незнаком с историей прежних *американских противников ренты*, которые были больше практиками, чем теоретиками. Впрочем, он талантливый писатель (и талантливый рекламист в американском духе), что подтверждается его статьей о Калифорнии, напечатанной в «Atlantic». Ему также присущи отталкиваю-

шее высокомерие и самомнение, которые резко отличают всех подобных изобретателей панацей.

Болезнь моей жены, между нами говоря, к сожалению, неизлечима. Через несколько дней я поеду с ней к морю, в Истберн.

Братский привет.

Твой К. Маркс.

173

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

25 октября 1881 г.

... Правда, Гэд приезжал сюда, когда надо было составить *проект* программы французской Рабочей партии. И Маркс тут же в моей компате, в присутствии моем и Лафарга, продиктовал ему мотивировочную часть этой программы: рабочий свободен лишь тогда, когда он является владельцем своих средств производства; это возможно в индивидуальной или в коллективной форме; индивидуальную форму владения экономическое развитие преодолевает и с каждым днем будет преодолевать все более; остается, стало быть, лишь форма коллективного владения и т. д. Это был мастерский образец убедительной аргументации, сжатой и ясной для масс, равную которой мне редко приходилось встречать и которая в этой чеканной формулировке поразила меня самого. Затем мы обсуждали дальнейшее содержание программы; кое-что мы добавили, кое-что выбросили, но как мало Гэд был рупором Маркса, видно из того, что он настаивал на внесении своего нелепого требования о минимуме заработной платы, и так как отвечаем за это не мы, а французы, то мы в конце концов предоставили ему делать, как он хочет, хотя он и признал теоретическую нелепость этого пункта.

Брусс был в то время в Лондоне и охотно участвовал бы в нашем совещании. Но у Гэда не было времени, и он не без основания ожидал от Брусса пространных разглагольствований на непонятные ему самому анархистские мотивы; поэтому он настоял на том, чтобы Брусса на этом совещании не было. Это было его дело. Но Брусс ему этого не забыл, и с тех пор начались его козни против Гэда.

Эту программу французы поставили потом на обсуждение и приняли ее с некоторыми поправками, среди которых внесенные Маленом отнюдь нельзя считать улучшениями.

Затем я написал еще две статьи в «Egalité № II» по поводу «Социализма г. Бисмарка», и этим исчерпывается,

насколько мне известно, все наше активное участие во французском движении.

Но мелких завистников, которые сами ничего собой не представляют, а хотели бы быть всем, особенно бесит то, что Маркс благодаря своим теоретическим и практическим заслугам завоевал себе такое положение, что лучшие люди в рабочем движении всех стран относятся к нему с полным доверием. В *решительную минуту* они обращаются к нему за советом и обычно убеждаются в том, что его советы самые лучшие. Таково его положение в Германии, во Франции, в России, не говоря уже о мелких странах. Стало быть, не Маркс навязывает людям свое мнение, и уже тем более свою волю, а эти люди сами приходят к нему. И именно на этом основано своеобразное и имеющее величайшее значение для всего движения влияние Маркса.

Малон тоже собирался приехать, но хотел сперва добиться через Лафарга специального приглашения от Маркса, которого он, конечно, не получил. Мы охотно поговорили бы с ним, как со всяким другим, но приглашать его! К чему? Кому мы посылали такие приглашения? Такое же отношение, как к французам, существует у Маркса, а также и у меня, к движению в остальных странах. Мы все время поддерживаем с ним контакт, поскольку дело стоит того и представляется к тому возможность, но всякая попытка влиять на людей против их воли принесла бы нам только вред, уничтожила бы прежнее доверие времен Интернационала. А для этого мы слишком искушены в революционных делах...

1882 год

174

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРШТЕЙНУ

25 января 1882 г.

...Сообщения о том, что делается в Германии среди «вождей», нас очень заинтересовали. Я никогда не скрывал, что, на мой взгляд, массы в Германии гораздо лучше, чем господа вожди, особенно с тех пор, как партия благодаря прессе и агитации сделалась для этих вождей дойной коровой, снабжавшей их маслом, и вдруг Бисмарк и буржуазия эту корову прирезали. Для тысячи людей, у которых это сразу отняло средства к существованию, оказалось несчастьем, что они не очутились непосредственно в положении революционеров, т. е. в изгнании. А то очень многие из тех, что теперь предаются унынию, перешли бы в лагерь Моста или во всяком случае находили бы «Sozialdemokrat» слишком смиренным. Но большинство из них осталось в Германии и не могло сделать иначе. Они попали в довольно-таки реакционное окружение; будучи в опале, материально зависимые от филистеров, они большей частью сами погрязли в болоте филистерства. Все их надежды вскоре сосредоточились на отмене закона против социалистов. Не удивительно, что под влиянием филистерства среди них возникла в действительности нелепая иллюзия, будто этой стемы можно добиться покорностью. Германия — прескверная страна для людей со слабой волей. Узость и мелочность гражданских и политических отношений, провинциализм даже крупных городов, мелкие, но назойливые притеснения, которые приходится претерпевать в борьбе с полицией и бюрократией, — все это обессиливает, вместо того чтобы побуждать к отпору, и, таким образом, в этой «большой детской» многие сами в конце концов впадают в детство. Узость жизненных условий порождает узость кругозора, так что человеку, живущему в Германии, требуется много ума и

энергии для того только, чтобы быть в состоянии видеть несколько дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи мировых событий и не впасть в ту самодовольную «объективность», которая не видит дальше собственного носа и именно поэтому является самой узколобой субъективностью, хотя бы она и разделялась тысячами таких субъектов.

Но как ни естественно возникновение этого направления, прикрывающего «объективным» умничаньем свою ограниченность и неустойчивость, тем не менее против него должна вестись решительная борьба. И тут сами рабочие массы являются самой надежной точкой опоры. Они одни живут в Германии в более или менее современных условиях: все их малые и большие несчастья коренятся в гнет *капитала*, и в то время как всякая иная борьба в Германии — и социальная и политическая — мелочна, ничтожна и ставит себе жалкие задачи, которые в других странах давным давно уже разрешены, борьба рабочих — единственная великая борьба, единственная, стоящая на уровне эпохи, единственная, которая не обессиливает борцов, а наполняет их все новой энергией. . . »

175

ЭНГЕЛЬС — И.-Ф. БЕККЕРУ

10 февраля 1882 г.

... Мы обдумали твое предложение и пришли к выводу, что время для его осуществления еще не настало, но приближается¹. Во-первых, новый, формально реорганизованный Интернационал вызвал бы новые преследования в Германии, Австрии, Венгрии, Италии и Испании и в конце концов поставил бы нас перед выбором — либо отказаться от этого дела, либо сделать Интернационал *тайным*. Последнее было бы несчастьем из-за неизбежной страсти к конспирации и путчу и из-за не менее неизбежного проникновения шпииков. Даже во Франции несколько не исключено новое применение вовсе еще не отмененного закона против Интернационала. Во-вторых, при происходящих сейчас раздорах между «*Égalité*» и «*Prolétaire*»² на французов рассчитывать не при-

¹ И.-Ф. Беккер в письме к Энгельсу от 1 февраля 1882 г. ставил вопрос о воссоздании Интернационала. *Ред.*

² «*Égalité*» — ежедневная социалистическая газета, выходившая в Париже под редакцией Гэда и Лафарга. «*Prolétaire*» являлся органом POSSIBИЛИСТОВ (французских оппортунистов). *Ред.*

ходится. Пришлось бы высказаться в пользу одной из сторон, а в этом тоже есть свои дурные стороны. Мы лично стоим на стороне «Égalité», но все-таки поостережемся выступать за них публично *сейчас*, потому что они, несмотря на наши предупреждения, делают один тактический промах за другим.

В-третьих, с англичанами *сейчас* труднее, чем когда бы то ни было. В течение пяти месяцев я пытался через «Labour Standard»¹, где я помещал передовые статьи, распространять наши идеи, беря за исходную точку старое чартистское движение. Я хотел посмотреть, не найдет ли это отклика, но это не дало никаких результатов, и так как редактор, честный, но совершенно безвольный человек, испугался в конце концов континентальной ереси, которую я помещал в газете, то я отказался от этого.

Остается, следовательно, такой Интернационал, который, кроме Бельгии, ограничивался бы *одной лишь эмиграцией*, так как даже на швейцарцев нельзя было бы рассчитывать, за исключением Женевы и ее окрестностей, — смотри «Arbeiterstimme» и Бюркли. Основывать просто эмигрантское общество едва ли имело бы смысл, да и с голландцами, португальцами, датчанами далеко не уедешь, а с сербами и румынами — чем меньше иметь дело, тем лучше.

С другой стороны, Интернационал фактически продолжает *существовать*. Связь революционных рабочих всех стран, поскольку она осуществима, имеется налицо. Каждая социалистическая газета является международным центром; из Женевы, Цюриха, Лондона, Парижа, Брюсселя, Милана тянутся нити во всех направлениях, скрещиваясь между собой, и я, право, не знаю, могла ли бы группировка этих маленьких центров вокруг большого, основного центра придать в настоящий момент новую силу движению, — это, вероятно, лишь умножило бы трения. Но именно поэтому в нужный момент, когда понадобится соединить силы, это можно будет осуществить тотчас же, без долгой подготовки. Имена вождей каждой страны известны во всех других странах, и подписанное и поддержанное всеми выступление произвело бы колоссальное впечатление, — совершенно иное, чем большей частью неизвестные имена членов старого Генерального Совета. Именно поэтому нужно приберечь такое выступление до того момента, когда оно сможет сыграть решающую роль, т. е. когда оно будет вызвано событиями в Европе. Иначе это не даст должного эффекта в будущем и окажется холостым выстрелом. Но такого рода события назревают в

¹ «Labour Standard» — ежедневный орган тред-юнионов, выходивший в Лондоне в 1881—1884 гг. *Ред.*

России, где авангард революции вступит в бой. По нашему мнению, необходимо подождать этого и неизбежного отклика в Германии, а тогда придет момент крупного выступления и создания *официального*, настоящего Интернационала, который уже не сможет быть пропагандистским обществом, а будет непременно обществом активных действий. Поэтому мы решительно придерживаемся того мнения, что не следует ослаблять такого великолепного средства борьбы, использовав и истрепав его в сравнительно еще спокойное время, уже накануне революции.

Полагаю, что ты, подумав над этим еще раз, согласишься с нами. А пока мы оба желаем тебе быстреего выздоровления и надеемся вскоре услышать от тебя, что ты опять совершенно здоров.

Твой старый друг Ф. Э.

176

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

12 сентября 1882 г.

... Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике. То же самое, что они думают о политике вообще: то же самое, что думают о ней буржуа. Ведь здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на мировом рынке. По моему мнению, собственно колонии, т. е. земли, занятые европейским населением, Канада, Кап, Австралия, все станут самостоятельными; напротив, только подчиненные земли, занятые туземцами, Индия, Алжир, голландские, португальские, испанские владения, пролетариату придется на время перенять и как можно быстрее привести к самостоятельности. Как именно развернется этот процесс, сказать трудно. Индия, может быть, сделает революцию, даже вероятно, и, так как освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн, то с этим придется помириться, причем, разумеется, дело не обойдется без всяческого разрушения. Но подобные вещи неотделимы от всех революций. То же самое может разыграться и в других еще местах, например, в Алжире и в Египте, и для нас это было бы, несомненно, самое лучшее. У нас будет довольно работы у себя дома. Раз только будет реорганизова-

на Европа и Северная Америка, это даст такую колоссальную силу и такой пример, что полуцивилизированные страны сами собой потянутся за ними; об этом позаботятся одни уже экономические потребности. Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы. Одно лишь несомненно: победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы. Разумеется, этим не исключаются никоим образом оборонительные войны различного рода...

177

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

20 октября 1882 г.

Дорогой г. Бернштейн!

Давно уже хотел написать Вам о французских делах, но только сейчас собрался это сделать. Тем лучше, я смогу, таким образом, убить сразу двух зайцев.

1) *Сент-Этьен*. Несмотря на благонамеренные советы бельгийцев, неизбежное совершилось, непримиримые элементы разъединились¹. И это хорошо. Вначале, при основании Рабочей партии, необходимо было допускать всех, кто принимал программу; если иные принимали ее со скрытыми оговорками, это должно было обнаружиться в дальнейшем. Мы здесь никогда не заблуждались насчет Малона и Брусса. Оба они выращены в бакунистской школе интриг; Малон даже повинен в создании бакунинского тайного «Альянса» (один из 17 учредителей). Но в конце концов надо же было дать им возможность показать, отказались ли они вместе с бакунистской теорией и от бакунистской практики. Ход событий показал, что они приняли программу (и исказили ее, Малон внес в нее целый ряд ухудшений) лишь с тайным намерением ее провалить. То, что было начато в Реймсе и

¹ На Сент-Этьенском конгрессе 25 сентября 1882 г. произошел раскол французской Рабочей партии. Меньшинство во главе с Гэдом и Лафаргом покинуло конгресс и открыло свой собственный конгресс в Руане. Оппортунистическое большинство конгресса, руководимое Малоном и Бруссом, образовало отдельную партию так называемых поссибилистов. Поссибилизм являлся направлением крайнего оппортунизма во французском рабочем движении конца XIX в. *Ред.*

Париже, завершено в Сент-Этьене. Программа лишена своего пролетарского классового характера. Коммунистическое обоснование 1880 г. заменено мотивировками из устава Интернационала 1866 г., которым потому как раз и пришлось придать такую общую формулировку, что французские прудонисты были очень отсталы, а исключить их все-таки нельзя было. Положительные требования программы аннулированы, так как каждой местности предоставлено право вырабатывать для всякой специальной цели свою особую программу, когда только ей вздумается. Мнимая сент-этьенская партия не только не является рабочей партией, но это вообще не партия, потому что у нее в действительности нет никакой программы: это, самое большее, партия Малона — Брусс. Тягчайший упрек, который оба они смогли предъявить старой программе, заключался в том, что она больше людей оттолкнула от партии, чем привела к ней. Теперь это исправлено: у прудонистов и радикалов нет больше оснований оставаться вне партии, и если бы дело пошло так, как хочется Малону и К^о, «революционная каша», на которую жалуется Фольмар, была бы официальным выражением [позиции] французского пролетариата.

Во всех романских странах (а может быть, и еще кое-где) всегда царила большая снисходительность в вопросе о съездовских мандатах. Многие из этих мандатов не могли вынести дневного света. Пока этим не слишком злоупотребляли и пока дело шло о второстепенных вещах, беда была не так велика. Но бакунисты превратили это (сначала в Юре) в систему, стали заниматься систематической подтасовкой мандатов и пытались таким путем захватить руководство. То же самое мы видим теперь в Сент-Этьене. В подготовке конгресса во всем целиком господствует старая бакунистская тактика, для которой все средства хороши — ложь, клевета, тайные происки. Это единственная область, в которой Брусс — мастер. Но эти люди забывают, что то, что может иметь успех в маленьких секциях и на небольшой территории, вроде Юры, — неминуемо приведет к гибели тех, кто прибегает к подобным приемам и подвохам в настоящей рабочей партии большой страны. Мнимая сент-этьенская победа продержится недолго, и с Малоном и Бруссом скоро будет покончено навсегда.

Повидимому, всякая рабочая партия большой страны может развиваться только во внутренней борьбе, в полном соответствии с законами диалектического развития вообще. Германская партия стала тем, что она есть, в борьбе эйзенхатцев и лассальянцев, где даже сама драка играла важную роль. Объединение стало возможным лишь тогда, когда шайка прохвостов, специально выращенная Лассалем, чтобы

служить его орудием, уже изжила себя, да и тогда наши чересчур поспешно пошли на это объединение. Во Франции те люди, которые, хотя и пожертвовали бакунистской теорией, но продолжают пользоваться бакунистскими средствами борьбы и в то же время хотят принести классовый характер движения в жертву своим особым целям, тоже должны сначала изжить себя, прежде чем опять станет возможным объединение. Проповедывать при таких обстоятельствах объединение было бы чистой глупостью. Моральные проповеди не помогут против детских болезней, которые при нынешних обстоятельствах неизбежны.

Впрочем, и руанцы очень нуждаются в постоянной и строгой критике. Они слишком часто одержимы революционной фразой и беспочвенной жадой деятельности...

178

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

28 октября 1882 г.

... Вторую статью¹ я лишь бегло просмотрел, так как в это время два или три человека мне непрерывно мешали, иначе я заметил бы французское влияние в том, как автор представляет себе революцию, и по одному этому сразу узнал бы нашего Фольмара. Ты вполне правильно уловил эту сторону дела. Фраза о «единой реакционной массе» находит здесь, наконец, долгожданное осуществление: все официальные партии, сбитые в один клубок, — *здесь*; мы, социалисты, в стройном отряде, — *там*; великая решающая битва — и сразу победа по всей линии. В действительности все это происходит не так просто. В действительности революция, напротив, начинается, как ты и отметил, с того, что огромное большинство народа, а также и официальных партий объединяется *против* изолированного благодаря этому правительства и свергает его; и лишь после того, как те из официальных партий, которые смогли еще удержаться, в борьбе между собой, одна при помощи другой и одна вслед за другой потерпят крах, — только после этого произойдет то решительное деление, о котором говорит Фольмар, и вместе с тем наступит возможность нашего господства. Если бы мы вздумали вместе с Фольмаром начать революцию немедленно с ее *последнего акта*, — нам пришлось бы очень плохо...

¹ Речь идет о второй статье Фольмара в «Sozialdemokrat» по вопросу об отмене исключительного закона против социалистов. *Ред.*

... Во Франции произошел долгожданный раскол. Сотрудничество Гэда и Лафарга с Малонем и Бруссом было, впрочем, при организации партии неизбежно, но Маркс и я никогда не питали иллюзий насчет долговечности этого союза. Расхождение чисто принципиальное: должна ли борьба вестись как *классовая борьба* пролетариата против буржуазии или же допустимо оппортунистически (в переводе на социалистический язык: *поссибилистски*) отказываться от классового характера движения и от программы во всех тех случаях, когда благодаря этому отказу можно заполучить больше голосов, больше сторонников? Малон и Брусс высказались за последнее; тем самым они пожертвовали пролетарским, классовым характером движения и сделали разрыв неизбежным. Тем лучше. Развитие пролетариата повсюду сопровождается внутренней борьбой, и Франция, где теперь впервые создается рабочая партия, не является исключением. Мы в Германии уже прошли первый этап этой внутренней борьбы, другие нам еще предстоят. Единство — прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства. Кто, подобно Марксу и мне, в течение всей своей жизни боролся больше, чем против кого бы то ни было, против мнимых социалистов (буржуазию мы воспринимали как *класс* и почти никогда не затевали единичных схваток с буржуа), тот не станет особенно сокрушаться из-за того, что неизбежная борьба разразилась.

Надеюсь, что письмо это дойдет до тебя, прежде чем ты окажешься за решеткой. Маркс и Тусси шлют сердечный привет. Выздоровление Маркса идет полным ходом, и если плеврит не повторится, то будущей осенью Маркс будет крепче, чем в течение всех последних лет. Если ты встретишь Либкнехта в «Käfigturm»¹ (как говорят в Берне), кланяйся ему от всех нас.

Твой Ф. Э.

179

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

15 декабря 1882 г.

Дорогой Мавр!

Посылаю тебе приложение о марке². Будь добр, верни мне его в *воскресенье* обратно, чтобы я мог просмотреть его

¹ «Käfigturm» — «башенная клетка», т. е. тюрьма. *Ред.*

² Работа Энгельса «Марка» была впервые опубликована в 1882 г. в качестве приложения к немецкому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке». *Ред.*

в понедельник. Сегодня я не успел закончить последний просмотр.

Высказанный здесь взгляд на положение крестьян в средние века и на возникновение *второго* крепостного права с середины XV века я считаю в общем бесспорным. Я перечитал у Маурера все соответствующие места и нахожу у него почти все мои положения, и *притом с доказательствами*, а наряду с этим — прямо противоположные утверждения, но или без доказательств, или относящиеся ко времени, о котором здесь *нет* речи. В особенности это касается помещичьих хозяйств, том 4, заключение. Эти противоречия возникают у Маурера: 1) благодаря привычке приводить доказательства и примеры из всех эпох рядом и попеременно, 2) благодаря остаткам юридической узости, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании *развития*, 3) благодаря тому, что он придает совершенно недостаточное значение *насилию* и его роли, 4) благодаря «просвещенному» предрассудку, будто со времени темного средневековья *должен* иметь место постоянный прогресс к лучшему. Это мешает ему видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса.

Ты увидишь, что вещь не была написана сразу, а состоит из отдельных кусков. Первый набросок был сделан сразу, но, к сожалению, неправильно. Лишь постепенно я овладел материалом, а потому и многое исправлял.

Между прочим, повсеместное восстановление крепостного права явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII веках. Во-первых, *обратное* разделение труда у цехов, противоположное тому, что в мануфактуре: вместо разделения труда *внутри* мастерской труд делится *между цехами*. Здесь в Англии произошло переселение промышленности в не знающую цехов деревню; в Германии этому препятствовало превращение сельских жителей и обитателей торговых местечек, занимающихся земледелием, в крепостных. Но от этого погибли в конце концов и сами цехи, как только появилась конкуренция иностранной мануфактуры. Я оставляю здесь в стороне другие причины, влиявшие на задержку развития немецкой мануфактуры.

Сегодня снова весь день туман и газовое освещение. Батарея Гартмана, вероятно, непригодна для освещения, в лучшем случае она годится для телеграфа и пр. Об этом подробнее, когда дело выяснится окончательно.

Будь здоров. Надеюсь, у вас скоро установится хорошая погода, при которой ты сможешь выходить из дому.

Твой Ф. Э.

ЭНГЕЛЬС — МАРКСУ

16 декабря 1882 г.

... Больше всего меня интересует твое мнение по поводу пункта о почти полном — правовом или фактическом — исчезновении крепостного права в XIII и XIV веках, так как ты раньше высказывал по этому поводу несколько иные взгляды. Что касается земель к востоку от Эльбы, то там твердо установлена свобода *немецких* крестьян вследствие колонизации; для Шлезвиг-Голштинии Маурер признает, что в то время «все» крестьяне вновь добились свободы (может быть несколько позднее XIV века). И для Южной Германии он также признает, что именно тогда с крепостными обращались лучше всего. То же в той или иной степени в Нижней Саксонии (например, новые «*theier*» — фактически наследственные арендаторы). Он возражает лишь против взгляда Киндлингера, будто крепостное право *возникло* только в XVI веке. Но что оно затем снова ожило, появилось во втором издании, в этом у меня нет никаких сомнений. Мейтцен приводит даты, когда впервые снова заходит речь о крепостных в Восточной Пруссии, Бранденбурге, Силезии: середина XVI века; те же данные для Шлезвиг-Голштинии у Гансена. Когда Маурер называет это *смягченным* крепостным правом, то он прав, если сравнивать его с крепостничеством IX—XI веков, которое собственно являлось продолжением древне-германского рабства; он также прав, поскольку имеет в виду юрисдикцию, которой обладал помещик над крепостными согласно правовым кодексам еще в XIII веке и позднее. Но сравнительно с *фактическим* положением крестьян в XIII и XIV веках, а в Северной Германии и в XV веке, новое крепостное право было чем угодно, только не смягчением. В особенности после Тридцатилетней войны! Характерно также, что в то время как в средние века было такое множество степеней зависимости и крепостничества, что «Саксонское зеркало»¹ даже отказывается говорить о праве крепостных людей, — после Тридцатилетней войны дело поразительно упрощается. Словом, я с нетерпением жду твоего мнения. . .

¹ «Саксонское зеркало» — средневековый германский судебник, представлявший собою изложение местного, еще не записанного обычного права. *Ред.*

1883 год

181

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

18 января 1883 г.

...Нас очень порадовали ответы Грилленбергера и «Sozialdemokrat» на лицемерие Путкамера¹. Так и следует: не изворачиваться, не гнуться под ударами противника, как это делают еще очень многие, не выть, не хныкать, не лепетать извинения, что у нас, мол, не было дурных намерений. Надо отвечать ударом на удар, на каждый удар врага — двумя, тремя ударами. Такова издавна наша тактика, и до сих пор мы, кажется, недурно справлялись с любым противником. «Словом, силы наших солдат в том, что они ведут наступление: это одно уже хорошо», — говорит старый Фриц в инструкции своим генералам, — и то же можно сказать о наших рабочих в Германии. Но когда, например, Кайзер во время дебатов об исключительных законах — если только краткий отчет Фирекка верен — отступает и хнычет, что мы, мол, революционеры лишь в пиквикском смысле, — что тогда? А надо было сказать вот что: весь рейхстаг и Союзный совет сидят на своих местах только благодаря революции; старый Вильгельм, когда он проглотил три короны и один вольный город, тоже был революционером; вся законность, вся так называемая правовая почва есть не что иное, как продукт бесчисленных, но совершенных против воли народа, направленных против народа революций. О, эта проклятая немецкая дряблость мысли и воли, которую с такими усилиями протасили в партию вместе с «образованными», — когда же мы, наконец, избавимся от нее!..

¹ Энгельс имеет в виду речь с.-д. депутата рейхстага Грилленбергера и статьи, появившиеся в «Sozialdemokrat» в связи с обсуждением в рейхстаге вопроса о продлении исключительного закона против социалистов. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

27 февраля — 1 марта 1883 г.

...Мы принадлежим к германской партии едва ли в большей мере, чем к французской, американской или русской, и так же мало можем считать себя связанными немецкой программой, как и программой-минимум. Мы придаем известное значение этому нашему особому положению представителей *международного* социализма. Оно, однако, не позволяет нам принадлежать к какой-либо отдельной национальной партии, по крайней мере до тех пор, пока мы не возвратимся в Германию и не примем непосредственного участия в тамошней борьбе. Теперь это не имело бы смысла...

...С мелкобуржуазным мещанско-филистерским духом мы постоянно вели в партии самую жестокую борьбу, потому что он, развиваясь со времени Тридцатилетней войны, охватил *все* классы в Германии, сделался наследственным ее несчастьем, родным братом лакейства, верноподданнического смирения и всех прочих наследственных немецких пороков. Это он сделал нас за границей смешными и достойными презрения. Это филистерство — главная причина господствующей у нас дряблости и бесхарактерности. Оно царит на троне так же часто, как и в хижине сапожника. Лишь с тех пор, как в Германии образовался *современный* пролетариат, лишь с тех пор в его лице развился класс, почти совершенно не зараженный этой немецкой наследственной болезнью и проявивший в борьбе широту взглядов, энергию, юмор и упорство. Как же нам не бороться против всякой попытки снова искусственно привить этому здоровому — и в Германии единственному здоровому — классу старый наследственный яд филистерской ограниченности и филистерской дряблости? Однако вожди, поддавшись испугу в первый момент после покушений и закона против социалистов, выказали страх, который только доказал, что сами они слишком долго жили среди филистеров и находились под давлением филистерского мнения. В то время партия, если и не *стала* филистерской, то все же должна была *казаться* таковой. Теперь все это, к счастью, преодолено, но вовлеченные в партию незадолго до закона против социалистов филистерские элементы, состоящие преимущественно из учившихся и в большинстве случаев недоучившихся людей, все еще находятся в наших рядах, и за ними надо зорко следить...

183

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

14 марта 1883 г.

Дорогой Бернштейн!

Мою телеграмму Вы, вероятно, получили. Это произошло с ужасающей быстротой. Виды на будущее были самые лучшие, но сегодня утром — внезапный упадок сил, после чего он просто уснул. В две минуты этот гениальный мозг перестал мыслить, и именно тогда, когда врачи подавали нам очень большие надежды. Что означал для нас этот человек в области теории, а во все решающие моменты — и в области практики, об этом может иметь представление лишь тот, кто все время был с ним. Вместе с ним на долгие годы исчезнет и его широкий кругозор. Мы, остальные, еще не доросли до этого. Движение пойдет своей дорогой, но уже не будет того спокойного, своевременного, обдуманного руководства, которое не раз предохраняло его от долгих блужданий по ложным путям.

Остальное в другой раз. Сейчас полночь, а я весь день и вечер должен был писать письма и бегать по разным делам.

Ваш Ф. Э.

184

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

15 марта 1883 г. 11 ч. 45 м. вечера

Дорогой Зорге!

Твоя телеграмма получена сегодня вечером. Сердечное спасибо!

Сообщать тебе регулярно о состоянии здоровья Маркса не было возможности, так как оно постоянно менялось. Вкратце сообщу тебе главное.

Незадолго до смерти своей жены, в октябре 1881 г., он заболел плевритом. После выздоровления его направили в феврале 1882 г. в Алжир, но по дороге, из-за холодной и сырой погоды, он заболел и приехал туда с новым плевритом. Отвратительная погода продолжала держаться; едва он вылечился, его, ввиду приближавшейся летней жары, послали в Монте-Карло (Монако). Туда он прибыл опять с плевритом, но в более легкой форме. Снова отвратительная

погода. Оправившись, наконец, он уехал в Аржантейль, близ Парижа, к своей дочери, г-же Лонге. Там он пользовался против застарелого бронхита серными источниками в расположенном по соседству Энгиене. Погода и там оставалась прескверной, но все же лечение помогло. Затем он отправился на шесть недель в Веве, откуда он, как казалось, почти здоровый вернулся в сентябре. Ему разрешено было провести зиму на южном побережье Англии. Да и самому ему так надоела бездеятельная кочевая жизнь, что новое изгнание на юг Европы, вероятно, повредило бы ему морально в той же мере, в какой помогло бы физически. Когда начались лондонские туманы, его отправили на остров Уайт. Там дождь шел не переставая; он опять простудился. На новый год мы с Шорлеммером хотели его навестить, но тут получены были известия, потребовавшие немедленного отъезда туда Гусси. И сразу после этого — смерть Женни¹; он вернулся сюда с новым бронхитом. После всего предшествовавшего и в его возрасте это внушало опасения. Сверх того произошло множество осложнений, в особенности нарыв в легком и вероятно быстрый упадок сил. Несмотря на это, общее течение болезни шло благоприятно, и еще в прошлую пятницу лечивший его врач, один из лучших молодых врачей Лондона, которого особенно рекомендовал ему Рэй Лапкестер, подавал нам самые блестящие надежды. Но кто хоть раз рассматривал под микроскопом легочную ткань, тот знает, как велика опасность прободения стенки кровеносного сосуда при нагноении в легком. И поэтому я в течение шести недель каждое утро, поворачивая за угол, в смертельном страхе смотрел, не опущены ли шторы на окнах. Вчера днем в 2.30 — это был самый подходящий час для дневных посещений — я пошел туда и застал весь дом в слезах: наступает, очевидно, конец. Я стал расспрашивать, пытался найти причину, утешить. Оказывается, произошло небольшое кровоизлияние, но вслед затем сразу наступил упадок сил. Наша славная старая Ленхен, ухаживавшая за ним так, как ни одна мать не ухаживает за своим ребенком, поднялась наверх и тотчас же вернулась: он в полусне, мне можно к нему подняться. Когда мы вошли, он спал вечным сном. Пульс и дыхание исчезли. В течение этих двух минут он тихо и без страданий скончался.

Все события, наступающие в силу естественной необходимости, как бы они ни были ужасны, содержат в самих себе утешение. Так и на этот раз. Искусство врачей обеспечило бы ему, быть может, несколько лет прозябания, жизни беспомощного существа, умирающего не сразу, а посте-

¹ Старшая дочь Маркса. *Ред.*

пенно, к вящему триумфу врачебного искусства. Но этого наш Маркс никогда не перенес бы. Жить, имея перед собой множество незаконченных трудов и испытывая танталовы муки от желанья их закончить и от невозможности это сделать, — это было бы в тысячу раз горше для него, чем настигшая его тихая смерть. «Смерть — несчастье не для умершего, а для оставшегося в живых», — любил он повторять слова Эпикура. И видеть, как этот мощный, гениальный человек прозябает, превращаясь в развалину, к вящей славе медицины и на потеху филистеров, которых он в пору расцвета своих сил так часто повергал в прах, — нет, в тысячу раз лучше то, что случилось, в тысячу раз лучше снести его послезавтра в могилу, туда, где покоится его жена.

После всего того, что предшествовало этому и чего даже врачи не знают так, как знаю я, оставался, на мой взгляд, только этот выход.

Пусть так. Человечество стало ниже на одну голову, и притом на самую значительную из всех, которыми оно в наше время обладало. Движение пролетариата идет дальше своим путем, но нет того центрального пункта, куда, естественно, обращались в решающие моменты французы, русские, американцы, немцы и каждый раз получали ясный, неопровержимый совет, который мог быть дан только гением во всеоружии знания. У доморощенных знаменитостей и мелких талантов, а то и просто у шарлатанов теперь развязаны руки. Конечная победа обеспечена, но окольных путей, временных и частичных блужданий, — и без того неизбежных, — теперь будет гораздо больше. Ну что ж, с этим мы должны справиться — для того мы и существуем. Вот почему мы отнюдь не теряем мужества.

Твой Ф. Энгельс.

185

ЭНГЕЛЬС — Ф. ВАН-ПАТТЕНУ

18 апреля 1883 г.

Уважаемые товарищи!

Отвечу коротко и ясно на ваш запрос от 2 апреля о позиции Карла Маркса по отношению к анархистам вообще и к Иоганну Мосту в частности.

Маркс и я уже с 1845 г. придерживались того взгляда, что одним из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное растворение (*dissolution*) и в конечном счете исчезновение политической организации, именуемой *государством*, — организации, которая всегда имела

главной целью обеспечить посредством вооруженной силы экономическое порабощение трудящегося большинства имущим меньшинством. С исчезновением имущего меньшинства исчезает и необходимость в вооруженной государственной силе, служащей целям подавления. В то же время мы всегда считали, что для этого, а также для достижения других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции пролетариат должен будет прежде всего захватить в свои руки организованную политическую власть государства и с ее помощью сломить сопротивление класса капиталистов и реорганизовать общество. Все это изложено уже в «Коммунистическом манифесте» 1847 г., в конце второй главы.

Анархисты ставят вопрос на голову. Они говорят, что пролетарская революция должна *начать* с упразднения политической организации государства. Но после победы пролетариата именно государство является единственной организацией, которую победоносный рабочий класс находит готовой для использования. Пусть это государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. Но разрушить его совсем в такой момент означало бы разрушить единственный аппарат, посредством которого победоносный пролетариат может осуществлять свою только что завоеванную власть, подавлять своих врагов — капиталистов — и произвести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа неминуемо закончилась бы поражением и массовой резней рабочих, как это было после Парижской Коммуны.

Нужно ли мне особо доказывать, что Маркс выступал против этой анархистской бессмыслицы с первого же дня, как Бакунин пустил ее в ход в ее теперешней форме? Об этом свидетельствует вся внутренняя история Международного Товарищества Рабочих. Анархисты, начиная с 1867 г., при помощи самых гнусных средств пытались стать во главе Интернационала, и Маркс был главным препятствием на их пути. В результате пятилетней борьбы анархисты были исключены из Интернационала на Гаагском конгрессе в сентябре 1872 г.; человеком, который сделал больше всех для того, чтобы добиться этого исключения, был Маркс. Наш старый друг Ф.-А. Зорге, из Хобокена, который присутствовал на конгрессе в качестве делегата, может сообщить вам, если вы пожелаете, дальнейшие подробности.

Теперь относительно Иоганна Моста. Утверждать, что Мост, после того как он стал анархистом, имел какую бы то ни было связь с Марксом, или получал от него поддержку, может либо человек обманутый, либо заведомый лжец. После появления первого номера лондонской «Freiheit» Мост не более одного-двух раз заходил к Марксу и ко мне. Мы у него

тоже не бывали и ни разу не встречались с ним, даже случайно, с тех пор как в этой газете вскрылся его новоявленный анархизм. Мы в конце концов перестали выписывать эту газету, так как в ней «решительно ничего не было». Мы питали к анархизму Моста и к его анархистской тактике такое же презрение, как и к анархизму тех людей, от которых он всему этому научился.

Еще в Германии Мост напечатал «популярное» изложение «Капитала». Он просил Маркса просмотреть его перед вторым изданием. Маркс сделал это при моем участии. Оказалось возможным изъять только самые грубые ошибки, иначе нам пришлось бы написать всю вещь заново, с начала до конца; Маркс согласился дать свои исправления при непременном условии, чтобы его имя никогда и ни в чем не было связано с этой стряпней Иоганна Моста, даже в ее исправленном виде.

Вам предоставляется полная свобода опубликовать это письмо в «Voice of the People», если вы этого захотите.

С братским приветом

Ф. Э.

186

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

27 августа 1883 г.

...В классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией бонапартистская монархия (характеристика которой дана Марксом в «18-м брюмера» и мною в «Жилищном вопросе», II, и в других местах) играет приблизительно такую же роль, какую играла старая абсолютная монархия в борьбе между феодализмом и буржуазией. Но точно так же, как эта борьба не могла быть доведена до решительного конца в старой абсолютной монархии, а только в конституционной монархии (Англия, Франция 1789—1792 и 1815—1830 гг.), так и борьба буржуазии с пролетариатом может быть доведена до решительного конца только в республике. Если поэтому благоприятные условия и революционное прошлое помогли французам свергнуть Бонапарта и установить буржуазную республику, то у французов имеется перед нами, еще не вышедшими из мешаны полуфеодализма и бонапартизма, то преимущество, что они уже владеют формой, в которой борьба должна быть доведена до решительного конца, формой, которую нам предстоит себе еще только *завоевать*. Они обогнали

нас политически на целый этап. Поэтому монархическая реставрация во Франции имела бы своим последствием то, что борьба за восстановление буржуазной республики снова стала бы в порядок дня, в то время как сохранение республики означает возрастающее обострение *прямой*, неприкрытой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией вплоть до кризиса.

И у нас тоже первым, непосредственным результатом революции может и *должно* быть, по *форме*, не что иное, как *буржуазная* республика. Но тут это будет лишь коротким переходным моментом, так как, к счастью, у нас нет чисто республиканской буржуазной партии. Буржуазная республика, быть может с партией прогрессистов во главе, послужит нам прежде всего *для завоевания широких масс рабочих на сторону революционного социализма*; это будет проделано в течение одного-двух лет и приведет к полному истощению и саморазрушению, за исключением нас, всех еще возможных промежуточных партий. Лишь после этого мы сможем с успехом взять власть в свои руки.

Грубая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе, будто революцию можно сделать в один день. На самом же деле она представляет собою многолетний процесс развития масс в условиях, которые способствуют его ускорению. Каждая революция, которая совершалась в один день, — или устраняла лишь заранее уже обреченную на гибель реакцию (1830 г.), или приводила к результатам, прямо противоположным поставленной цели (1848 г., Франция).

Ваш Ф. Э.

1884 год

187

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

1 января 1884 г.

... Что касается Вашего прежнего запроса по поводу места из «Гражданской войны во Франции» в предисловии к «Манифесту»¹, то Вы, вероятно, согласитесь с ответом, который дан в самом оригинале («Гражданская война», стр. 19 и сл.)². Посылаю Вам экземпляр на случай, если у Вас там его нет. Речь идет просто об указании на то, что победивший пролетариат должен заново переделать старый бюрократический, административно-централизованный государственный аппарат, прежде чем сможет использовать его для своих целей; а между тем, *все* буржуазные республиканцы с 1848 г. разносили эту машину, пока были в оппозиции, но как только приходили к власти, принимали ее без изменений и использовали отчасти против реакции, но в еще большей степени против пролетариата. То, что в «Гражданской войне» *бессознательные* тенденции Коммуны поставлены ей в заслугу как более или менее сознательные планы, оправдывалось и даже было необходимо при тогдашних обстоятельствах. Русские очень хорошо сделали, присоединив это место из «Гражданской войны» к своему переводу «Манифеста». Если бы тогда не надо было так спешить с выпуском, — мы тоже могли бы добавить это и еще кое-что другое...

¹ В предисловии к немецкому изданию (1872) «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс, говоря об уроках Парижской Коммуны, приводили следующее место из «Гражданской войны во Франции»: «...рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». *Ред.*

² См. К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1941, стр. 398 и сл. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — К. БАУТСКОМУ

16 февраля 1884 г.

... Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить свирепствующий государственный социализм, воспользовавшись его образчиком на Яве, где он процветает на практике. Весь материал можно найти в книге адвоката Дж.-В.-Б. Мони «Ява, или как управлять колонией», Лондон, 1861, 2 тома. Из этой книги видно, как голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали производство государственным путем и обеспечили людям вполне удобное, по их понятиям, существование. В результате народ удерживают на ступени первобытной тупости, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 миллионов марок ежегодно (теперь, наверное, больше). Случай в высшей степени интересный, и из него легко извлечь практические уроки. Между прочим, это — доказательство того, как первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии, и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнет элемент современного коммунизма). В условиях современного общества он оказывается столь же кричащим анахронизмом (который должен либо быть устранен, либо же получить дальнейшее развитие), как и независимая община — марка старых кантонов.

Относительно первобытного состояния общества существует *капитальный* труд, имеющий такое же решающее значение, как Дарвин в биологии; открыл его, конечно, опять-таки Маркс: это Морган, «Первобытное общество», 1877. Маркс говорил об этой книге, но мне тогда было не до этого, а позднее он к ней больше не возвращался; он, очевидно, был доволен таким оборотом дела, потому что, судя по очень подробным выпискам из этой книги, *сам* хотел познакомить с ней немцев. Морган в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл марксово материалистическое понимание истории и заканчивает в отношении современного общества непосредственно-коммунистическими требованиями. Впервые римский и греческий gens [род] вполне разъяснен посредством родовой организации дикарей, в особенности американских индейцев; таким образом, найдена прочная база для истории первобытного общества. Будь у меня время, я бы обработал материал, используя замечания Маркса, в форме фельетона для «Sozialdemokrat» или «Neue Zeit», но об этом и думать нечего. Все мошенничество Тэйлора, Леббока и К⁰

окончательно лопнуло — вся эта эндогамия, экзогамия и прочий вздор. Эти господа замалчивают здесь книгу по мере своих сил, она напечатана в Америке; я заказал ее недель пять тому назад, но до сих пор еще не получил, хотя на титульном листе и значится лондонская фирма в качестве соиздателя!

Сердечный привет.

Ваш Ф. Э.

189

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

6 марта 1884 г.

Дорогая гражданка!

Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе. Само собою разумеется, что я с удовольствием предоставлю в Ваше распоряжение весь материал, который может Вам быть полезен. Вот что я предполагаю сделать.

Кроме немецкого издания в настоящее время в Париже печатается новое французское издание. Я пишу кое-какие примечания к этим двум изданиям и текст их пришлю Вам.

В качестве предисловия можно взять статью Маркса о Прудоне из берлинского «Social-Demokrat» (1865). Там сказано почти все, что нужно. Она будет напечатана в качестве введения в обоих новых изданиях, французском и немецком. Статья эта сохранилась только в одном экземпляре, принадлежащем архиву нашей партии в Цюрихе. Если не найдется другого среди бумаг Маркса или моих (я узнаю это в ближайшие недели), Вы легко сможете получить копию этой статьи через Бернштейна.

Для немецкого издания мне придется написать специальное предисловие, чтобы опровергнуть нелепое утверждение реакционных социалистов о том, что в «Капитале» Маркс совершил плагиат у Родбертуса, и доказать, что, наоборот, Маркс подверг Родбертуса критике уже в «Нищете [философии]» до того еще, как Родбертус написал свои «Социальные письма». Мне кажется, что для русской публики, куда еще не проникли наши псевдо-социалисты, это не представляет интереса. Впрочем, судите сами, предисловие, если угодно, в Вашем распоряжении.

То, что Вы мне сообщаете о росте в России интереса к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, повидимому,

нашла себе убежище в России. Вы просите меня указать Вам книги для перевода. Но ведь Вы уже перевели или обещали перевести почти все произведения Маркса; из моих Вы уже взяли лучшие; остальные наши немецкие книги либо слабы в теоретическом отношении, либо ограничиваются вопросами, представляющими интерес, главным образом, для Германии. В последнее время французы написали довольно много хороших вещей, но все это пока лишь первые ростки. Изложение «Капитала», сделанное Девилем, удачно в своей теоретической части, но описательная часть написана слишком поспешно и почти непонятна для того, кто не знаком с оригиналом. К тому же размеры его слишком велики для популярного изложения. Тем не менее, мне кажется, что, если его переработать, из него можно было бы сделать хорошую вещь. Популярное изложение «Капитала» было бы очень полезно в стране, где самую книгу можно достать лишь с трудом.

Говоря о положении в России, я, конечно, имел в виду, в частности, также и финансы, но не исключительно их. Положение правительства, которое, как петербургское, находится у последней черты, и царя-пленника, каким является гатчинский отшельник, не может не становиться все более и более напряженным. Как дворяне, так и крестьяне разорены, армия оскорблена в своих шовинистических чувствах и возмущена при виде государя¹, который постоянно прячется; необходимость внешней войны для того, чтобы дать выход «дурным страстям» и общему недовольству, и в то же время невозможность предпринять ее из-за отсутствия денег и неблагоприятной политической конъюнктуры; сильная национальная интеллигенция, горящая желанием разбить сковывающие ее цепи; ко всему этому полнейшее отсутствие денег и нож деятелей¹, приставленный к горлу правительства, — мне кажется, каждый месяц должен обострять трудности положения, и если бы нашелся конституционно настроенный и смелый великий князь, даже русское «общество» должно было бы увидеть в дворцовой революции наилучший выход из этого тупика. Спасут ли Бисмарк и Блейхрдер своих новых друзей? Сомневаюсь. Я скорее склонен задать себе вопрос о том, который из двух союзников оборвет другого.

Прилагаю при сем рукопись Маркса (копию), которой можете распорядиться так, как найдете нужным. Не знаю, в «Слове» ли или в «Отечественных Записках»² он нашел статью: «Карл Маркс перед судом г. Жуковского». Он написал этот ответ, который, повидимому, был предназначен для опубликования в России, но так и не послал его в Петербург,

¹ «Государь» и «деятели» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² Названия журналов написаны Энгельсом по-русски. *Ред.*

боясь, что одно его имя поставит под угрозу существование журнала, где будет напечатан его ответ¹.

Преданный Вам Ф. Энгельс.

Ваш перевод моей брошюры я нахожу превосходным². Как красив русский язык! Все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

190

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

24 марта 1884 г.

... Мартовская статья была все же очень хороша, наиболее существенные пункты подчеркнуты вполне правильно. Точно так же и статья в следующем номере о крестьянской проповеди члена Народной партии; плоха в ней только ссылка на «понятие» демократии. Это понятие изменяется всякий раз с изменением демоса [народа] и поэтому не продвигает нас ни на шаг вперед. По-моему, надо было сказать следующее: пролетариату для овладения политической властью также нужны демократические формы, но они для него, как и все политические формы, только средство. Если же кто-либо теперь стремится к демократии как к цели, то он должен опираться на крестьян и мелких буржуа, т. е. на классы, которые обречены на гибель, и поскольку они хотят искусственно сохранить себя, являются реакционными по отношению к пролетариату. Далее не следует забывать, что последовательной формой господства буржуазии является именно демократическая республика, которая, правда, сделалась слишком опасной вследствие уже достигнутой пролетариатом ступени развития, но, как показывает Франция и Америка, все еще возможна как прямое господство буржуазии. «Принцип» либерализма, как нечто «определенное, исторически сложившееся», является, таким образом, в сущности лишь непоследовательностью; либеральная конституционная монархия является адекватной формой господства буржуазии: 1) вначале, когда

¹ Письмо в редакцию «Отечественных Записок», написанное Марксом в 1877 г. (см. стр. 313 этого сборника), было впервые опубликовано в 1886 г. в № 5 «Вестника Народной Воли», Женева. *Ред.*

² Энгельс имеет в виду свою работу «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшую в переводе Засулич под заглавием «Развитие научного социализма», Женева, 1884. *Ред.*

буржуазия еще не вполне справилась с абсолютной монархией, и 2) в конце, когда пролетариат уже делает демократическую республику слишком опасной. И все же демократическая республика всегда останется *последней* формой господства буржуазии — той формой, в которой ему приходит конец. На этом я кончаю свои поучения.

Ним шлет привет. Тусси я вчера не видал.

Твой Ф. Э.

191

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

26 апреля 1884 г.

Дорогой Каутский!

Я собирался — и всем здесь об этом рассказывал — устроить Бисмарку каверзу и написать нечто такое (Морган), чего бы он никак не мог запретить; но при всем желании — не выходит. Главу о моногамии и заключительную главу о частной собственности, как источнике классовых противоречий и рычаге, разрушающем старую общину, я просто *не могу* написать так, чтобы они уложились в рамки закона против социалистов¹. Чорт меня побери, не могу иначе! — как говорит Люгер.

Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, используя вновь достигнутые результаты, не изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами. Это ничего не дало бы нашим рабочим. Итак: напишешь хорошо — запретят наверняка; напишешь подло — разрешат. Но подло я писать не умею.

На будущей неделе я, вероятно, кончу (Шорлеммер опять здесь, до понедельника). Получится добрых четыре листа, если не больше. Если вы по прочтении *рискнете* это напечатать в «*Neue Zeit*», то пусть все последствия падут на вашу голову, а на меня не пеняйте. Если же вы окажетесь настолько благоразумны, что не станете рисковать всем журналом ради одной статьи, то напечатайте эту вещь брошюрой — либо в Цюрихе, либо как «Женщину»². Это уже ваше дело.

Для нашего общего мировоззрения вещь эта, мне кажется, будет иметь особенное значение. Морган позволяет нам уста-

¹ Энгельс имеет в виду свою работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства». *Ред.*

² А. Бебель. «Женщина и социализм». *Ред.*

новить совершенно новые точки зрения; он дает нам своей предисторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу. Какие бы еще сомнения ни оставались у тебя относительно отдельных фактов из истории первобытного и «дикого» состояния, род в основном разрешает вопрос и разъясняет первобытную историю. И поэтому вещь должна быть серьезно обработана, тщательно взвешена и доведена до окончательных выводов, — но и должна быть написана *без оглядки на закон против социалистов*.

Еще один важный пункт: я должен показать, как гениально предвосхитил Фурье Морган в целом ряде вопросов. Критика цивилизации, данная Фурье, только благодаря Моргану выступает во всей своей гениальности; но над этим придется поработать...

192

ЭНГЕЛЬС — Э. БЕРНШТЕЙНУ

23 мая 1884 г.

...В сущности, я доволен, что закон против социалистов продлен, а *не* отменен. Либеральный филистер дал бы на выборах крупную победу консерваторам; чтобы сохранить закон против социалистов, он полезет не только в огонь и воду, но и в самую глубокую помойную яму. А результатом этого был бы еще более жесткий закон против социалистов. Судя по теперешнему положению, он продлен, вероятно, в последний раз, и если старый Вильм протянет ноги от своей болезни почек, этот закон на практике вскоре перестанет существовать. То, что германские свободомыслящие и центр так основательно оскандалились при голосовании, тоже чего-нибудь да стоит, а еще важнее — бисмарковское право на труд. С тех пор, как этот путаник ухватился за него, у нас есть надежда избавиться от кликуш вроде Гейзера. Впрочем, надо быть Бисмарком, чтобы сделать такую глупость перед лицом растущего рабочего движения, которого нельзя подавить даже исключительными законами. Наши пока действуют правильно, стараясь завлечь его как можно дальше, требуя осуществления его слов на деле; коль скоро Бисмарк несколько больше свяжет себя в этом вопросе, на что он, однако, не так легко пойдет, все это очковтирательство сведется к прусской полицейщине. В качестве избирательной программы эта пустая фраза ему очень мало поможет.

Право на труд придумал Фурье, но у него оно осуществляется только в фаланстере и, стало быть, уже предполагает

принятие последнего. Фурьеристы, миролюбивые филистеры мирной демократии, «*Démocratie Pacifique*», — как назывался их орган, — носились с этой фразой именно потому, что она так невинно звучит. Парижские рабочие 1848 г., имевшие самые смутные представления в теоретических вопросах, дали навязать себе эту фразу, потому что она выглядела такой практичной, далекой от утопизма и так легко осуществимой. Правительство осуществило ее тем единственным способом, каким только и могло ее осуществить капиталистическое общество, — в форме бессмысленных национальных мастерских. Точно таким же образом право на труд было осуществлено во время хлопчатобумажного кризиса 1861 — 1864 гг. здесь в Ланкашире посредством муниципальных мастерских. А в Германии его тоже осуществляют в виде голодных и каторжных рабочих колоний, с которыми посится теперь немецкий филистер. Выдвинутое как *отдельное* требование право на труд и *не может* осуществляться иначе. От капиталистического общества требуют, чтобы оно осуществило это право, но оно может выполнить это только в пределах *своих* условий существования, и если права на труд требуют у *него*, то его требуют при данных, определенных условиях и, стало быть, требуют создания национальных мастерских, рабочих домов и колоний. Если же требование права на труд должно *косвенно* выражать требование уничтожения капиталистического способа производства, то по отношению к нынешнему состоянию движения это является трусливым шагом назад, уступкой закону против социалистов, фразой, которая не имеет иного назначения, как сбить рабочих с толку и затемнить у них понимание тех целей, к которым они должны стремиться, и тех условий, при которых они только могут их достигнуть...

193

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

6 июня 1884 г.

...Мы до тех пор не сможем оторвать массы от либеральных партий, пока этим партиям не представится случай скомпрометировать себя на практике, стать у кормила правления и показать свое бессилие. Мы все еще, как в 1848 г., являемся оппозицией будущего, и нам необходимо иметь у власти самую крайнюю из теперешних партий, чтобы стать по отношению к ней оппозицией настоящего. Политический застой,

т. е. теперешняя бесполезная и бесцельная борьба официальных партий, не может служить нам долго на пользу. Другое дело — прогрессивная борьба этих партий при условии постоянного сдвига центра тяжести влево. Это то, что происходит сейчас во Франции, где политическая борьба, как всегда, принимает классические формы. Сменяющие друг друга правительства подвигаются все более и более влево, и можно уже предвидеть министерство Клемансо; это еще не самое крайнее из возможных буржуазных правительств. С каждым сдвигом влево рабочим делаются все новые уступки (ср. последнюю стачку в Денен, где впервые *не были* вызваны войска), и, что еще важнее, поле битвы все больше и больше расчищается для решающего боя, позиция партий становится все яснее и отчетливее. Я считаю это медленное, но неуправляемое развитие французской республики к ее необходимому конечному результату — противоположности радикальных, мнимо-социалистических буржуа и действительно революционных рабочих — одним из самых серьезных событий и надеюсь, что развитие это не будет прервано; меня радует, что наши еще не достаточно сильны в Париже (тем сильнее они зато в провинции), чтобы позволить спровоцировать себя при помощи революционной фразы на какой-нибудь путч.

Такой классической ясности развития, как во Франции, нет, конечно, в бестолковой Германии; для этого мы слишком сильно отстали и поэтому переживаем события лишь тогда, когда они уже пережиты другими. Но как бы ни были паршивы наши официальные партии, любая политическая жизнь для нас благоприятнее, чем теперешнее политическое кладбище, где не происходит ничего, кроме интриганства в области внешней политики. . .

194

ЭНГЕЛЬС — Е. ПАПРИЦ

26 июня 1884 г.

Сударыня!

Про литографированный журнал, о котором Вы говорите, я уже слышал, хотя мне не удалось еще увидеть ни одного экземпляра¹.

Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них

¹ Энгельс имеет в виду литографированные сборники «Социалистическое знание», выпускавшиеся в 1884 г. московским нелегальным «Обществом переводчиков и издателей». В первый сборник вошла работа Энгельса «Социализм утопический и социализм научный» и отдельные главы из его «Положения рабочего класса в Англии». *Ред.*

пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой. И даже среди революционеров-практиков наши идеи и экономическая наука, коренным образом переработанная Марксом, всегда встречали понимание и симпатию. Вы, наверное, знаете, что в самое последнее время были переведены и изданы по-русски многие из наших работ, а вскоре будут переведены и напечатаны еще некоторые, в частности «Нищета философии» Маркса. Его небольшая работа, написанная до 1848 г., «Наемный труд и капитал»¹, тоже принадлежит к этой серии и напечатана под этим заглавием.

Я чрезвычайно польщен тем, что Вы считаете полезным перевести мои «Очерки [критики политической экономии]». Хотя я и теперь еще немного горжусь этой своей первой работой в области социальных наук, я очень хорошо знаю, что в настоящее время она совершенно устарела и полна не только ошибок, но и грубых промахов. Боюсь, что она принесла бы больше вреда, чем пользы.

Посылаю Вам по почте экземпляр «Анти-Дюринга».

Что касается наших старых газетных статей, то их теперь было бы трудно разыскать. Большинство из них сейчас утратило свою злободневность. Когда после напечатания рукописей, оставшихся после Маркса, у меня будет достаточно свободного времени, я думаю их издать в виде сборника с примечаниями и т. д. Но это — дело будущего.

Не совсем понимаю, о каком манифесте к *английским* рабочим Вы говорите. Может быть Вы имеете в виду «Гражданскую войну во Франции», манифест Интернационала по поводу Парижской Коммуны? Могу его Вам послать.

Если бы здоровье мое позволило, я попросил бы разрешения навестить Вас. Хотя *дома* я себя чувствую сносно, но ходить по городу мне, к сожалению, запрещено. Если Вы окажете мне честь своим посещением, я всегда в Вашем распоряжении около семи или восьми часов вечера.

Примите, сударыня, уверения в моем совершенном почтении.

Ф. Энгельс.

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

26 июня 1884 г.

Дорогой Каутский!

Рукопись «Анти-Родбертуса»¹ я завтра возвращу заказным. Замечаний у меня немного — я сделал на полях несколько пометок карандашом. К этому добавлю еще следующее:

1) Римское право есть законченное право *простого товарного производства*, следовательно — докапиталистического, которое, однако, охватывает большую часть правовых отношений капиталистического периода. Стало быть, это именно то, в чем *нуждались* наши горожане в эпоху своего подъема и чего они *не находили* в местном обычном праве.

К стр. 10 у меня много возражений.

1) Прибавочная стоимость является лишь исключением при производстве посредством рабов и крепостных; нужно сказать — прибавочный *продукт*, который по большей части непосредственно потребляется, а не *реализуется на рынке*.

2) Со средствами производства дело обстоит не совсем так. Во всех обществах, основанных на естественно выросшем разделении труда, продукт, а следовательно, в известной степени, и средство производства — по крайней мере в ряде случаев — господствует над производителем: земля в средние века — над крестьянином, который служит лишь придатком к земле, ремесленный инструмент — над цеховым ремесленником. Разделение труда непосредственно означает господство орудия труда над рабочим, хотя и не в капиталистическом смысле.

Нечто подобное происходит у тебя со средствами производства в конце статьи.

1) Ты не должен так отрывать *земледелие* и *технику* от политической экономии, как это получается у тебя на страницах 21 и 22. Плодосменное хозяйство, искусственные удобрения, паровая машина, ткацкий станок — неотделимы от капиталистического производства, как неотделимы орудия дикаря и варвара от *его* производства. Орудия дикаря обуславливают *его* общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество. Твой взгляд приводит к заключению, будто производство только *теперь* определяет общественный строй, но не определяло его до капиталистического производства, так как орудия еще не совершили грехопадения.

¹ Речь идет о статье К. Каутского «Капитал» Родбертуса» (журнал «Neue Zeit», 1884). *Ред.*

Говоря о средствах производства, ты тем самым говоришь об обществе, и о том именно обществе, которое *определяется* этими средствами производства. Средства производства точно так же не существуют *в себе*, вне общества и без влияния на него, как не существует и капитал *в себе*.

Но вот что следовало бы показать: каким образом средства производства, которые в более ранние периоды, включая простое товарное производство, господствовали лишь в очень слабой форме по сравнению с нынешними, дошли до современного деспотического господства; твое объяснение мне кажется недостаточным, потому что ты не упоминаешь об одном полюсе: о возникновении такого класса, который сам не имел более средств производства, а значит — и средств к существованию, и, следовательно, должен был продавать самого себя в розницу.

В связи с позитивными предложениями Родбертуса следует подчеркнуть его прудонизм, — он ведь сам объявляет себя Прудоном I, предвосхитившим французского Прудона. Конституированная стоимость, которую Родбертус открыл уже в 1842 г., должна быть показана. Предложения эти — жалкий шаг назад по сравнению с Брэмем и с обменным банком Прудона. Рабочий должен получить лишь четверть продукта, но уже зато наверняка! Об этом мы поговорим как-нибудь после.

Покой (физический) мне великолепно помогает, я поправляюсь с каждым днем и на этот раз вылечусь. Диктовка второй части «Капитала» подвигается превосходно. Мы уже дошли до второго раздела. Но там — большие пробелы. Редакция, конечно, только предварительная, но всему свой черед. Дальнейший путь мне ясен — и этого достаточно.

Письмо Эде получил, благодарю. Но вы должны набраться терпения для переписки со мной, мне не следует снова расстраивать свое здоровье, а материала для работы и корреспонденции набирается убийственно много.

Привет.

Ваш Ф. Э.

«Наемный труд и капитал» пошлю тотчас же после сверки, возможно, завтра.

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

20 сентября 1884 г.

Дорогой Каутский!

Возвращаю тебе рукописи заказным.

Твоя статья о Родбертусе во всем, что касается экономии, была очень хороша, но я опять возражаю против безапелляционных утверждений в тех областях, где ты сам чувствуешь себя неуверенно и поэтому открываешь Шрамму свои слабые стороны, чем тот ловко воспользовался.

Это в особенности относится к «абстракции», которую ты безусловно в общем чересчур развенчал. Различие в данном случае заключается в следующем:

Маркс сводит то общее, что заключается в вещах и отношениях, к его наиболее обобщенному логическому выражению. Его абстракция, следовательно, только отражает в форме мысли то содержание, которое уже заключается в вещах.

Родбертус, наоборот, устанавливает некое более или менее несовершенное логическое выражение и измеряет вещи этим понятием, по которому они должны равняться. Он ищет истинного *вечного* содержания вещей и общественных отношений, содержание которых, однако, по существу преходяще. Таков его *истинный* капитал. Это — *не современный* капитал, который является лишь несовершенным осуществлением понятия. Вместо того, чтобы из современного, единственно только и существующего в действительности капитала вывести понятие капитала, Родбертус, желая от современного капитала притти к капиталу истинному, прибегает к помощи изолированного человека и спрашивает: что же может в производственной деятельности подобного человека фигурировать в качестве капитала? Разумеется, простое средство производства. Тем самым *истинный* капитал без околичностей смешивается со средством производства, которое, смотря по обстоятельствам, может быть или не быть капиталом. Таким образом, из капитала устраняются все *дурные*, т. е. все *действительные* его свойства. Теперь Родбертус может требовать, чтобы действительный капитал равнялся по этому понятию, т. е. функционировал только как простое общественное средство производства, сбросил бы с себя все, что делает его капиталом, и все же оставался бы капиталом, более того: именно благодаря этому стал истинным капиталом...

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

11 декабря 1884 г.

...Мы имеем то огромное преимущество, что промышленная революция у нас в полном разгаре, тогда как во Франции и в Англии она в главных чертах уже завершена. Там разделение на город и деревню, на промышленные и сельскохозяйственные области, достигло уже такой степени, что оно подвергается лишь медленным изменениям. Там массы людей в большинстве случаев вырастают в тех условиях, в каких им придется впоследствии жить; они к этим условиям привыкли и даже колебания и кризисы считают чем-то почти само собою разумеющимся. К тому же — воспоминания о прежних неудавшихся попытках движения. У нас, наоборот, все еще течет и движется. Остатки старого, рассчитанного на удовлетворение собственных потребностей, промышленного производства крестьян вытесняются капиталистической домашней промышленностью, а в других местах капиталистическая домашняя промышленность в свою очередь уступает место машинам. И именно природа нашей промышленности, ковыляющей позади других стран, делает особенно глубоким социальный переворот. Так как массовое производство предметов широкого потребления и предметов роскоши уже захвачено англичанами и французами, то на долю нашей экспортной промышленности остаются всякого рода пустяки и мелочь, которые, однако, тоже потребляются массами и производятся сперва домашней промышленностью и лишь затем, когда производство становится массовым, — при помощи машин. Благодаря этому домашняя (капиталистическая) промышленность захватывает гораздо более обширные области и тем основательнее расчищает почву. Если исключить прусские земли к востоку от Эльбы, т. е. Восточную Пруссию, Померанию, Познань и большую часть Бранденбурга, а также Старую Баварию, то останется мало областей, где крестьянин не втягивался бы все больше и больше в домашнюю промышленность. Промышленно революционизированная таким путем территория становится у нас поэтому обширнее, чем где бы то ни было.

Далее. Вследствие того, что рабочий, занятый в домашней промышленности, обычно обрабатывает свой клочок земли, возникает возможность больше, чем где бы то ни было, снижать его заработную плату. То, что прежде было счастьем мелкого люда — сочетание земледелия с промышленной деятельностью, — становится теперь сильнейшим средством капиталистической эксплуатации. Грядка картофеля, корова,

клочок пашни позволяют ему продавать свою рабочую силу ниже существующей цены; они *принуждают* его к этому, потому что приковывают рабочего к земле, которая в состоянии его прокормить лишь отчасти. Так наша промышленность приобретает способность экспортировать благодаря тому, что она сплошь и рядом дарит всю прибавочную стоимость покупателю, между тем как прибыль капиталиста образуется путем урезки нормальной заработной платы. Это в той или иной мере наблюдается во всякой сельской домашней промышленности, но нигде не выражено так резко, как у нас.

К тому же наш промышленный переворот, приведенный в движение революцией 1848 г. с ее буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были), был в громадной степени ускорен благодаря 1) устранению внутренних препятствий в 1866—1870 гг. и 2) французским миллиардам, которым надо же было дать капиталистическое применение. Таким образом, мы достигли промышленного переворота более радикального и глубокого, развернувшегося на большем пространстве и более всеобъемлющего, чем в других странах, и имея при этом совершенно свежий и нетронутый, не деморализованный поражениями пролетариат и, наконец, обладая — благодаря Марксу — таким пониманием причин экономического и политического развития и условий предстоящей революции, какого не было ни у кого из наших предшественников. Но зато мы и *обязаны* победить.

Что касается чистой демократии и ее роли в будущем, то я с тобою не согласен. Само собой разумеется, что в Германии она играет гораздо более второстепенную роль, чем в странах с более давним промышленным развитием. Но это не помешает ей приобрести временное значение в момент революции, в качестве крайней *буржуазной* партии, — каковой она явилась уже во Франкфурте, — став последним якорем спасения всего буржуазного, даже феодального хозяйства. В такой момент за ее спиной окажется вся реакционная масса и усилит ее: все, что было реакционным, наденет тогда демократическую маску. Так, вся феодально-бюрократическая масса в 1848 г., от марта до сентября, поддерживала либералов с целью подавления революционных масс и с тем, чтобы затем, когда это будет сделано, выгнать, разумеется, вон и либералов. Так, в 1848 г., от мая до декабрьского избрания Бонапарта, во Франции господствовала самая слабая из всех партий, чисто республиканская партия «National», только благодаря тому, что за ее спиной сплывалась вся объединенная реакция. Так было при каждой революции: самая сговорчивая из партий, вообще способных еще образовать правительство, привлекается к власти именно потому, что побежденные видят в ней последнюю возможность спасения. Мы не

можем рассчитывать на то, что уже к моменту кризиса на нашей стороне окажется большинство избирателей, т. е. нации. Вся буржуазия и остатки феодального имущего класса, большая часть мелкой буржуазии и сельского населения сплотятся тогда вокруг крайней буржуазной партии, которая будет на словах весьма революционна, и я считаю вполне возможным, что эта партия будет представлена во временном правительстве и даже на некоторое время образует в нем большинство. Как при таких обстоятельствах, оказавшись в меньшинстве, *не следует* действовать, показало социал-демократическое меньшинство в парижском февральском правительстве 1848 года. Впрочем, это пока что вопрос академический.

Правда, в Германии события могут принять другой оборот — по причинам военного характера. При нынешнем положении толчок извне едва ли может быть дан откуда бы то ни было, кроме России. Если из России толчка не будет и он последует из Германии, то революция может начаться только с армии. Против современной армии невооруженный народ в военном отношении — ничтожная величина. Если бы на сцену выступили наши резервы в возрасте 20—25 лет, которые не голосуют, но зато проходят военное обучение, — в таком случае можно было бы перескочить через чистую демократию. Но и этот вопрос в настоящее время тоже еще вопрос академический, хотя я, так сказать, в качестве представителя генерального штаба партии обязан иметь его в виду. Во всяком случае, в день кризиса и на другой день после него, нашим единственным противником будет *группирующаяся вокруг чистой демократии объединенная реакция*, и это обстоятельство, думается мне, не следует упускать из виду...

1885 год

198

ЭНГЕЛЬС — В. И. ЗАСУЛИЧ

23 апреля 1885 г.

Дорогая гражданка!

Я еще не ответил Вам на письмо от 14 февраля. Вот причины задержки, которая произошла, конечно, не из-за лени.

Вы спрашивали мое мнение о книге Плеханова «Наши разногласия»¹. Для этого мне нужно было ее прочесть, а я читаю по-русски довольно свободно, когда позаимствую языком в течение недели. Но бывает, что я по полгода не имею возможности этого сделать; тогда я отвыкаю от языка, и мне приходится изучать его как бы заново. Так именно и произошло с «Разногласиями»¹. Рукописи Маркса, которые я диктую секретарю, отнимают у меня весь день; вечером приходят гости, которых тоже ведь не выставишь за дверь, приходится читать корректуры, писать множество писем, и, наконец, существуют еще переводы (итальянские, датские и т. д.) моего «Происхождения [семьи]... и т. д.», которые меня просят просматривать, а их проверка иной раз является далеко не лишней и вовсе нелегкой работой. Все эти помехи не позволили мне подвинуться дальше 60-й страницы «Разногласий»¹. Если бы у меня нашлось три свободных дня, я покончил бы с этим делом и к тому же освежил бы свои знания русского языка.

Но и того немногого, что я прочел в этой книге, достаточно, как мне кажется, чтобы более или менее ввести меня в курс разногласий, о которых идет речь.

Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархическими и несколько славянофильскими традициями своих

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

предшественников. Сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России. Для меня историческая теория Маркса — основное условие всякой *выдержанной* и *последовательной* революционной тактики; чтобы найти эту тактику, нужно только приложить теорию к экономическим и политическим условиям данной страны.

Но для этого необходимо знать эти условия; что же касается меня, то я слишком мало знаком с современным положением в России, чтобы брать на себя смелость быть компетентным судьей в частных вопросах тактики, которой следует придерживаться там в тот или иной момент. Кроме того, внутренняя, сокровенная история русской революционной партии, в особенности за последние годы, мне почти совершенно неизвестна. Мои друзья из народовольцев мне о ней никогда не говорили. А это — необходимое условие, чтобы составить себе определенное мнение.

То, что я знаю или думаю, что знаю, о положении в России, склоняет меня к тому мнению, что русские приближаются к своему 1789 году. Революция *должна* разразиться в течение определенного времени; но она *может* разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной mine, к которой остается только поднести фитиль. Особенно — с 13 марта¹. Это один из исключительных случаев, когда горсточка людей может *сделать* революцию, — другими словами, одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и высвободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывчатые силы, которые затем уже невозможно будет укротить. И если когда-либо бланкистская фантазия — вызвать потрясение целого общества путем небольшого заговора — имела некоторое основание, так это, конечно, в Петербурге. Раз уж порох будет подожжен, раз уж силы будут высвобождены и народная энергия из потенциальной превратится в кинетическую (тоже излюбленный и очень удачный образ Плеханова), — люди, которые подожгли фитиль, будут подхвачены взрывом, который окажется в тысячу раз сильнее их и будет искать себе выход там, где сможет, в зависимости от экономических сил и экономического сопротивления.

Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробуют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит ко-

¹ Энгельс имеет в виду убийство Александра II 1 (13) марта 1881 г. *Ред.*

нец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали им большую силу воли, сто́ит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избегли немногие исторические деятели¹. Посмотрите на Бисмарка — революционера поневоле — и на Гладстона, который в конце концов запутался со своим обожаемым царем.

По-моему, важно, чтобы в России был дан толчок, чтобы революция разразилась. Подает ли сигнал та или иная фракция, произойдет ли это под тем или иным флагом, это не столь важно для меня. Пусть это будет дворцовый заговор — он будет сметен на другой же день. Там, где положение так напряжено, где в такой степени накопились революционные элементы, где экономическое положение огромной массы народа становится изо дня в день все более нестерпимым, где представлены все ступени общественного развития, начиная от первобытной общины и кончая современной крупной промышленностью и финансовыми воротилами, и где все эти противоречия насильственно сдерживаются деспотизмом, не имеющим себе равного, деспотизмом все более и более невыносимым для молодежи, воплощающей в себе разум и достоинство нации, — сто́ит в такой стране начаться 1789 году, как за ним не замедлит последовать 1793 год.

Я прощаюсь с Вами, дорогая гражданка. Уже половина третьего ночи, а завтра перед отправкой почты я не успею ничего к этому добавить. Если Вам удобнее, пишите мне по-русски, но не забывайте, прошу Вас, что русский *рукописный* текст мне приходится читать не каждый день.

Преданный Вам Ф. Энгельс.

ЭНГЕЛЬС — Г. ГИЛЬОМ-ШАК

[ок. 5 июля 1885 г.]

Милостивая государыня!

В ответ на Ваш запрос могу только сказать, что я не вправе делать какие бы то ни было, предназначенные в конечном счете для опубликования, сообщения о моем и Маркса сотрудничестве в политических работах, к которым

¹ «Деятели» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

мы привлекались конфиденциально. Не могу я также ни от имени Маркса, ни от своего собственного имени брать на себя какую-либо ответственность за всю французскую программу, при составлении которой мы по самому существу дела могли, в лучшем случае, только давать советы. *Доверительно* могу Вам сообщить, что *мотивировочная часть* программы Рабочей партии *руанского* направления¹ принадлежит Марксу.

Если французы меньше настаивают на ограничении женского труда, чем немцы, то объясняется это тем, что фабричный труд женщин играет во Франции, особенно в Париже, сравнительно второстепенную роль. Равной заработной платы для мужчин и женщин за равную работу на то время, пока заработная плата вообще не будет отменена, требуют, насколько мне известно, все социалисты. То, что трудящаяся женщина вследствие своих особых физиологических функций нуждается в особой защите от капиталистической эксплуатации, кажется мне очевидным. Английские поборницы формального права женщин на такую же неограниченную их эксплуатацию со стороны капиталистов, какой подвергаются мужчины, большею частью сами, прямо или косвенно, заинтересованы в капиталистической эксплуатации трудящихся своего пола. Меня же, признаюсь, здоровье будущего поколения интересует больше, чем абсолютное формальное равноправие обоих полов в последние годы существования капиталистического способа производства. Действительное равноправие женщины и мужчины может, по моему убеждению, осуществиться лишь тогда, когда будет уничтожена эксплуатация капиталом и тех и других, а работа по домашнему хозяйству, которая выполняется теперь индивидуально, превратится в отрасль общественного производства.

200

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

28 октября 1885 г.

... Хроническая депрессия во всех решающих отраслях промышленности продолжает царить и здесь, и во Франции, и в Америке, в особенности по железу и хлопку. Это — неслыханное положение, хотя оно и совершенно неизбежно вытекает из капиталистической системы; перепроизводство

¹ Рабочей партией руанского направления Энгельс называет возглавлявшуюся Гэдом и Лафаргом часть французской Рабочей партии, перешедшую в 1882 г. с POSSIBИЛИСТАМИ и создавшую свой собственный конгресс в Руане. *Ред.*

до того колоссально, что оно даже не может привести к кризису! Свободный, ищущий применения капитал так чрезмерно возрос, что фактически учетный процент колеблется здесь между 1 и 1,5⁰/₀ в год, и на краткие сроки, на условиях ежедневной выплаты или ежедневного востребования назад (money at call), деньги можно поместить за какие-нибудь 1/2⁰/₀ годовых. Но именно то, что денежный капиталист предпочитает так помещать свои деньги, а не вкладывать их в новые промышленные предприятия, показывает, насколько гнилым он считает все хозяйство. Эта боязнь новых капиталовложений и старой спекуляции, боязнь, обнаружившаяся уже во время кризиса 1867 г., и является основной причиной того, что дело не доходит до острого кризиса. Но так или иначе, он должен будет наступить, и тогда, надо надеяться, он положит здесь конец старым профессиональным союзам. Они преспокойно сохраняют отличавший их с самого начала цеховой характер, который с каждым днем становится все более невыносимым. Вы, вероятно, думаете, что в союзы механиков, плотников, каменщиков и т. д. может без околичностей вступить каждый рабочий данной профессии. Об этом не может быть и речи. Тот, кто пожелает вступить в союз, должен в течение ряда лет (чаще всего семи) пробыть учеником одного из членов этого союза. Эта мера должна была ограничивать число рабочих, но она оказалась совершенно бесполезной и привела только к тому, что мастер получал деньги, ничего при этом фактически не делая. Это было еще терпимо до 1848 года. Но с тех пор грандиозный подъем промышленности создал целый класс рабочих, численно не уступающий и даже превышающий «обученных» рабочих, входящих в тред-юнионы; они работают не хуже, а часто и лучше последних, но никогда не могут стать членами союза. Эти люди *прямо-таки воспитаны* на цеховых правилах тред-юнионов. Но ты думаешь, что союзам когда-либо приходило в голову отменить эту нелепицу? Ничуть не бывало. Я не припомню, чтобы мне довелось читать о подобном предложении, которое было бы внесено на каком-нибудь конгрессе тред-юнионов. Это дурачье хочет реформировать общество по своему образцу, а не себя в соответствии с развитием общества. Они цепляются за свой традиционный предрассудок, который им самим приносит только вред вместо того, чтобы отбросить весь этот хлам, удвоить тем самым свою численность и свою мощь и снова фактически стать тем, чем они являются все в меньшей и меньшей мере, а именно — объединениями всех рабочих данной отрасли против капиталистов. Это, я думаю, разъяснит тебе многое в поведении здешних привилегированных рабочих...

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

13 ноября 1885 г.

Милостивый государь!

Я получил Ваши два письма от 6(18) и 9(21) августа, когда был в Джерси, и тотчас же послал Вам, как Вы просили, письмо для «Северного Вестника»¹. С тех пор обилие работы мешало мне ответить Вам более подробно на эти письма, а также и на письмо от 25 августа (5 сентября).

Я не сомневался, что II том доставит Вам такое же удовольствие, как и мне. В нем развиты теории столь высокого порядка, что вульгарный читатель не даст себе труда вникнуть в их глубину и проследить их до конца. Это в действительности и происходит в Германии, где вся историческая наука, включая политическую экономию, пала так низко, что ниже опуститься едва ли возможно. Наши катедер-социалисты в теоретическом отношении никогда не поднимались над уровнем слегка филантропически настроенных вульгарных экономистов, а в настоящее время они опустились до уровня простых апологетов бисмарковского государственного социализма. Для них II том навсегда останется книгой за семью печатями. Разве не прекрасным примером того, что Гегель называет иронией всемирной истории, является тот факт, что благодаря возвышению Германии до положения первой европейской державы германская историческая наука сказала снова низведенной до такого же жалкого состояния, в котором она находилась в период глубочайшего политического упадка Германии, после Тридцатилетней войны. Но такова действительность. И вот, германская «наука» в недоумении таращит глаза на эту новую книгу, не будучи в состоянии понять ее; и только благодетельный страх перед последствиями мешает представителям этой «науки» критиковать книгу публично, и поэтому официальная экономическая литература сохраняет по отношению к ней осторожное молчание. III том, однако, заставит их заговорить.

Что касается III тома, то я закончил первоначальную работу по переписке оригинала начисто в разборчивом виде. Три четверти его почти совершенно пригодны для печати так, как они есть; но остальная четверть или, возможно, треть тома потребует много труда; первый раздел (отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли), затем следующие разделы, о кредите, а частью также и о земельной ренте, и, кроме того, отдельные места почти во всех остальных разделах. За последние два месяца мне пришлось уделять

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

внимание многим другим работам, запущенным вследствие того, что я был занят исключительно II и III томами. Это займет еще некоторое время, а затем, быть может, еще месяц уйдет на просмотр английского перевода I тома, который почти закончен, и после этого я возьмусь за III том и доведу его до конца. Возможно, что он будет издан в двух частях, так как в нем около 1 000 страниц.

Очень Вам благодарен за сделанные Вами выписки из писем автора¹ за 1879—1881 годы. Читая их, я не мог удержаться от грустной улыбки. Увы, мы все так привыкли к подобного рода оправданиям по поводу незаконченной работы! Всякий раз, когда состояние здоровья лишало его возможности продолжать работу, это лежало тяжелым бременем на его сознании, и он рад был найти хоть какое-нибудь теоретическое оправдание тому, что работа не могла быть тогда закончена. Все эти аргументы он в то время приводил и мне, и они, казалось, успокаивали его.

После того как я закончу III том и выберу из других рукописей то, что годится для опубликования, я, по всей вероятности, попытаюсь собрать ту часть переписки автора, которая имеет научное значение, и в этом отношении его письма к Вам занимают одно из первых мест. Когда дойдет до этого, я воспользуюсь Вашим любезным предложением предоставить в мое распоряжение копии этих писем.

Мне часто представляется возможность отправлять Вам брошюры и т. п. — новые издания работ автора, мои собственные произведения и т. д., но я не знаю, насколько безопасно посылать их непосредственно Вам. Я был бы Вам очень обязан, если бы Вы сообщили, как поступить.

Надеюсь, что здоровье нашего общего друга² улучшается, несмотря на неблагоприятные предсказания его врачей. Я буду рад получить о нем какие-либо известия.

Кризис, о котором автор говорит в своем письме, был действительно исключительным³. Факт тот, что он все еще продолжается, вся Европа и Америка страдают от него и по сей день. Одной из причин этого является отсутствие финансового краха. Но важнейшая причина — это, без сомнения, совершенно изменившееся положение мирового рынка. С 1870 г. Германия, и в особенности Америка, стали соперниками Англии в современной промышленности, и в то же время в большинстве других европейских стран собственная промышленность развилась в такой степени, что они перестали зависеть от Англии. Последствием этого явилось

¹ Речь идет о письмах Маркса к Даниельсону. *Ред.*

² Г. Лопатин. *Ред.*

³ См. письмо Маркса к Даниельсону от 10 апреля 1879 г. на стр. 317 этого сборника. *Ред.*

распространение процесса перепроизводства на гораздо большую территорию, чем тогда, когда этот процесс ограничивался преимущественно Англией, причем перепроизводство приобрело — и сохраняет до сих пор — не острый, а хронический характер. Отдаляя наступление грозы, которая прежде очищала атмосферу каждые десять лет, эта все продолжающаяся хроническая депрессия неизбежно приведет к краху такой силы и таких размеров, какого мы никогда раньше не знали. Тем более, что аграрный кризис, о котором говорит автор, также продолжается до сего времени, распространился почти на все европейские страны и будет продолжаться до тех пор, пока не истощится девственный чернозем¹ западных американских прерий.

Глубоко уважающий Вас

П. В. Р.

202

ЭНГЕЛЬС — М. КАУТСКОЙ

26 ноября 1885 г.

... «Старые и новые»² — за присылку их сердечно благодарен — я прочел. Жизнь рабочих соляных копей описана так же мастерски, как и жизнь крестьян в «Стефане»³. Картины венского общества тоже большей частью очень хороши. Вена ведь единственный немецкий город, где есть общество. В Берлине имеются только «известные круги», а еще больше неизвестных, и поэтому там есть почва только для романа из жизни литераторов, чиновников и актеров. Не развивается ли мотивировка действия в этой части Вашего произведения местами несколько поспешно — Вам легче судить, чем мне. Многие, что производит на нашего брата впечатление поспешности, может быть совершенно естественным в Вене при ее своеобразно интернациональном характере, при смешении южных и восточно-европейских элементов. Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкой индивидуализацией; каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, «этот», как сказал бы старик Гегель, так оно и должно быть. Однако, чтобы быть беспристрастным, я должен найти и что-нибудь отрицательное, и тут я подхожу к Арнольду. В самом деле, он чересчур безупречен, и если он, в конце концов, погибает при горном

¹ «Чернозем» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² Роман М. Каутской. *Ред.*

³ Роман М. Каутской «Стефан из Грилленгофа». *Ред.*

обвале, то примирить это с поэтической справедливостью можно, разве лишь сославшись на то, что он был слишком хорош для этого мира. Но автору никогда не следует слишком восторгаться своим героем, а мне кажется, что в данном случае Вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще сохраняет черты определенной индивидуальности, хотя тоже несколько идеализирована, но в Арнольде личность еще больше растворяется в принципе.

Корни этого недостатка чувствуются, впрочем, в самом романе. Очевидно, Вы испытывали потребность публично заявить в этой книге о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это Вы уже сделали, это уже осталось позади, и в такой форме Вам нечего повторять этого. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы ее особо подчеркивали, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов. К тому же в наших условиях роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не принадлежащих прямо к нам, кругов, а поэтому социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, правдиво изображая реальные отношения, разрывая господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнения по поводу неизменности существующего, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону. Ваше прекрасное знание как австрийского крестьянства, так и венского «общества» и удивительная свежесть изображения и того и другого найдут здесь для себя неисчерпаемый материал, а в «Стефане» Вы доказали, что умеете относиться к своим героям с той тонкой иронией, которая свидетельствует о власти писателя над своим творением...

1886 год

203

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

29 ноября 1886 г.

Дорогой Зорге!

Сегодня утром я отнес издателю последнюю корректуру предисловия¹, и у меня свалилась, наконец, эта гора с плеч. Через две недели надеюсь послать тебе экземпляр перевода. Послезавтра приезжает г-жа Либкнехт, чтобы дожидаться здесь мужа, который только третьего дня выехал из Нью-Йорка.

Шумиха с Генри Джорджем² обнаружила, конечно, множество мошеннических проделок, и я рад, что не присутствовал при этом. Однако, несмотря ни на что, это был знаменательный день. Немцы не сумели сделать из своей теории рычаг, который привел бы в движение американские массы. Они в большинстве случаев сами не понимают этой теории и относятся к ней доктринерски и догматически, считая, что ее надо выучить наизусть, — и этого уже достаточно на все случаи жизни. Для них это догма, а не руководство к действию. К тому же они из принципа не изучают английский язык. Поэтому американские массы вынуждены были искать своего собственного пути и нашли его, кажется, прежде всего в «Рыцарях труда»³, путаные принципы и смехотворная организация которых соответствуют, повидимому, их собственной путанице. Но судя по тому, что я слышу, «Рыцари труда» представляют собой, особенно в Новой Англии и

¹ Предисловие к английскому изданию I тома «Капитала» (1886). *Ред.*

² Энгельс имеет в виду выборы в муниципалитет г. Нью-Йорка в 1886 г., во время которых Генри Джордж благодаря поддержке рабочих добился крупного избирательного успеха, получив 67 тысяч голосов. *Ред.*

³ «Орден рыцарей труда», существовавший в Америке с конца 60-х до начала 90-х годов, объединял главным образом неквалифицированных рабочих. Наибольшего расцвета орден достиг в 1886 г., когда он насчитывал свыше 700 тысяч членов. *Ред.*

на Западе, действительную силу и вследствие жестокой враждебности капиталистов с каждым днем становятся ею все больше. Я думаю, что необходимо работать среди них, воспитать в среде этой еще совершенно податливой массы ядро людей, которые понимали бы движение и его цели и в силу этого сами взяли бы в свои руки руководство хотя бы частью теперешнего «ордена» при неизбежном его расколе. Слабейшей стороной «Рыцарей труда» было политическое воздержание, которое попросту сводилось к плутовству всяких Паудерли и т. д. Но этому в значительной степени положен конец поведением масс во время ноябрьских выборов, особенно в Нью-Йорке. Первым важнейшим шагом всякой вновь вступающей в движение страны должна быть организация рабочих в самостоятельную политическую партию, все равно, каким бы путем это ни было достигнуто, лишь бы она была действительно рабочей партией. И этот шаг сделан гораздо быстрее, чем мы могли этого ожидать, а это главное. То, что первая программа этой партии еще путаная и крайне неудовлетворительная, что она начертала на своем знамени имя Г. Джорджа, — все это неизбежное зло, но зло преходящее. Массам надо предоставить время и возможность развиться, а эта возможность будет у них лишь тогда, когда у них будет собственное движение — безразлично, в какой форме, лишь бы это было *их собственное* движение, в котором они будут идти вперед, участь на собственных ошибках, на собственном горьком опыте. Движение в Америке находится сейчас на той ступени, на какой оно было у нас до 1848 г.; действительно интеллигентным людям первоначально придется там играть ту роль, которую играл Союз коммунистов до 1848 г. в рабочих союзах. Но сейчас в Америке все это пойдет несравненно быстрее. Чтобы после каких-нибудь восьми месяцев существования движения можно было достигнуть таких результатов на выборах, — это просто неслыханно. А если чего и нехватает, так буржуа помогут это восполнить. Нигде во всем мире не ведут они себя так нагло и деспотически, как у вас, а ваши судьи с успехом заткнут за пояс бисмарковских крючкотворцев. Там, где буржуа ведут борьбу такими средствами, дело быстро приходит к развязке, и если мы в Европе не поторопимся, то Америка нас скоро перегонит. Но именно сейчас вдвойне необходимо, чтобы там у вас было несколько наших людей, твердо владеющих теорией и нашей испытанной тактикой, говорящих и пишущих по-английски, так как американцы, по вполне понятным историческим причинам, страшно отстали во всех теоретических вопросах. Хотя они и не переняли от Европы средневековых институтов, но зато вполне усвоили множество средневековых традиций, религию, английское

обычное (феодалное) право, суеверие, спиритизм — словом, всю эту чепуху, которая непосредственно не мешала коммерческим делам, а сейчас вполне пригодна для отупления масс. Если же там будут люди с ясным теоретическим мышлением, которые смогут заранее предсказать им последствия их собственных ошибок, разъяснят им, что каждое движение, которое не преследует в качестве своей конечной цели уничтожения системы наемного труда, должно пойти по ложному пути и потерпеть поражение, — тогда можно будет избежать многих глупостей, и весь процесс значительно сократится. Но все это должно делаться на английский манер; немецкие особенности надо откинуть, а господа из «Sozialist» вряд ли способны на это, публика же из «Volkszeitung» отличается ловкостью только в *коммерческих делах*.

Американские ноябрьские выборы произвели в Европе огромное впечатление. То, что в Англии, и в особенности в Америке, до сих пор не было рабочего движения, было главным козырем радикальных республиканцев везде и повсюду, а особенно во Франции. Теперь этим господам окончательно зажали рот; 2 ноября рухнула вся основа политики г. Клемансо; посмотрите на Америку, — было вечным его припевом, — где царит настоящая республика, там нет нужды и нет рабочего движения! В таком же положении оказались прогрессисты и «демократы» в Германии и здесь, где их собственное движение переживает сейчас свою начальную стадию. Именно то, что движение оказалось таким резко выраженным рабочим движением и так внезапно и мощно разрослось, — совершенно их оглушило.

Здесь, у нас, полное отсутствие конкурентов, с одной стороны, глупость правительства, с другой, позволили господам из Социал-демократической федерации¹ занять положение, о котором они три месяца тому назад и мечтать не смели. Шум, вызванный планом процессии, которая должна была следовать за шествием лондонского лорд-мэра 9 ноября (она никогда серьезно не предполагалась), а затем такой же шум по поводу митинга в Трафальгарском сквере 21 ноября, когда речь шла о вызове артиллерии, но в конце концов правительство все же поджало хвост, — все это заставило господ из Социал-демократической федерации устроить, наконец, 21-го самый обыкновенный митинг, без пустого фанфаронства и мнимо-революционных демонстраций, неизменно сопровождаемых уличной толпой, и филистеры вдруг прониклись уважением к людям, которые подняли столько шуму

¹ Социал-демократическая федерация, созданная в Англии в 1884 г. и руководимая Гайндманом, носила сектантский характер и проводила оппортунистическую политику, за что подвергалась резкой критике Энгельса. *Ред.*

и в то же время так прилично себя вели. А так как кроме Социал-демократической федерации никто не заботится о безработных, количество которых в период хронического застоя в делах каждую зиму все возрастает и которые терпят чрезвычайно острую нужду, то Социал-демократическая федерация оказалась в выигрыше. Здесь теперь начинается рабочее движение, в этом нет сомнений, и если на первых порах Социал-демократическая федерация пожнет плоды этого, то это будет результатом трусости радикалов и глупости Социалистической лиги¹, которая возится с анархистами и никак не может от них отделаться, так что у нее не остается времени, чтобы поинтересоваться живым движением, которое происходит у нее под самым носом. Как долго, однако, Гайндман и К^о сохранят свой теперешний, сравнительно разумный образ действий — большой вопрос. Я ожидаю, что они скоро все же опять наделают колоссальных глупостей — им невтерпеж. И тогда они увидят, что в серьезном движении это не пройдет.

В Германии час от часу не легче. В Лейпциге утвержден приговор к 4 годам *каторжной тюрьмы* по обвинению в «мятеже». Там изо всех сил стараются спровоцировать столкновение.

Сейчас у меня в столе лежит еще семь небольших работ: итальянские и французские переводы, предисловия, новые издания и т. д., — а затем перехожу прямо к третьему тому.

Твой старый Ф. Э.

ЭНГЕЛЬС — Ф. КЕЛЛИ-ВИШНЕВЕЦКОЙ

28 декабря 1886 г.

... Мое предисловие² будет, конечно, целиком посвящено огромной борьбе, которую американские рабочие вели в течение последних 10 месяцев, и, разумеется, коснется также Г. Джорджа и его плана земельной реформы³. Оно, однако,

¹ Социалистическая лига образовалась в начале 1885 г. из левого крыла Социал-демократической федерации в результате раскола последней. В дальнейшем в Лиге одержали верх анархистские тенденции; в 1890 г. она распалась. *Ред.*

² Предисловие к американскому изданию (1887) работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». *Ред.*

³ Генри Джордж выдвигал требование национализации земли путем обложения земли налогом такого размера, который означал бы конфискацию всей ренты в пользу государства. *Ред.*

не может претендовать на обстоятельное освещение этого вопроса; к тому же я не думаю, что время для этого уже настало. Гораздо важнее, чтобы движение распространялось, гармонически развивалось, пустило корни и охватило, насколько возможно, весь американский пролетариат, чем то, чтобы оно уже с самого начала шло и развивалось на безупречной теоретической основе. Для ясности теоретического понимания нет лучшего пути, чем учиться на собственных ошибках, на собственном горьком опыте, а для целого большого класса нет другого пути, особенно для такой исключительно практической и так пренебрегающей теорией нации, как американцы. Самое главное — это добиться того, чтобы рабочее движение было движением *класса*; а раз это будет достигнуто, рабочий класс скоро найдет верное направление, и все те, кто окажется помехой на его пути — будь то Г. Джордж или Паудерли, — будут выкинуты за борт со своими маленькими сектами. Поэтому я думаю, что чрезвычайно важным фактором движения являются «Рыцари труда», и к ним не следует относиться с пренебрежением со стороны, а их нужно революционизировать изнутри. Я считаю, что многие из живущих в Америке немцев совершили большую ошибку, когда они, будучи поставлены лицом к лицу с этим не ими созданным мощным и замечательным движением, попытались превратить свою импортированную и не всегда правильно понятую теорию в своего рода всепасающую догму и держались в стороне от всякого движения, не приемлющего этой догмы. Наша теория — не догма, а разъяснение процесса развития, который включает в себе ряд последовательных фаз. Рассчитывать на то, что американцы вступят в движение, вполне осознав теорию, выработанную в более старых промышленных странах, — значит рассчитывать на невозможное. Немцам следовало бы действовать согласно своей собственной теории, если они понимают ее, как понимали ее мы в 1845—1848 гг.; они должны были бы участвовать во всяком действительном общем движении рабочего класса, беря его фактическую точку управления такой, какова она есть, и постепенно поднимать его на уровень теории, показывая, как каждая допущенная ошибка, каждая неудача является неизбежным следствием неправильных теоретических взглядов первоначальной программы. Говоря словами «Коммунистического манифеста», они должны были бы в движении сегодняшнего дня отстаивать будущность движения. Но прежде всего дайте движению укрепиться и не усиливайте неизбежной на первых порах путаницы, насильно пичкая людей такими вещами, которых они в данный момент не могут по-настоящему понять, но которым они скоро научатся. Один или два миллиона ра-

бочих голосов, поданных в ноябре за действительную (bona fide) рабочую партию, в данную минуту бесконечно важнее, чем сотня тысяч голосов, поданных за безукоризненную в теоретическом отношении программу. Первая же попытка, которую вскоре придется сделать, если только движение будет развиваться, — объединить движение масс в национальном масштабе — поставит их всех лицом к лицу: сторонников Джорджа, «Рыцарей труда», тред-юнионистов и всех остальных. И если к тому времени наши немецкие друзья достаточно изучат язык страны, чтобы быть в состоянии принимать участие в дискуссии, то тогда именно и наступит для них время критиковать взгляды других и, доказав непоследовательность различных позиций, постепенно привести рабочих к пониманию действительного положения, в котором они находятся, — положения, которое создано отношением между капиталом и наемным трудом. Но все, что могло бы отсрочить или помешать, все равно на основании какой бы то ни было программы, национальному скреплению рабочей партии, — я считал бы большой ошибкой. Вот почему я не думаю, что наступило уже время полностью и исчерпывающе высказаться и о Г. Джордже, и о «Рыцарях труда»...

1887 год

205

ЭНГЕЛЬС — Ф. КЕЛЛИ-ВИШНЕВЕЦКОЙ

27 января 1887 г.

... Об американском движении именно в настоящий момент легче всего, я думаю, судить из-за океана. В самой Америке личная склока и местные споры должны сильно затемнять его значение. Единственное, что может серьезно задержать развитие движения, это — упрочение на почве этих разногласий определенных сект. До некоторой степени это неизбежно, но чем меньше, тем лучше. И немцы должны этого остерегаться больше всех. Наша теория — это теория развития, а не догма, которую надо затвердить и механически повторять. Чем меньше будут вбивать ее американцам в голову извне и чем больше они проверят ее при содействии немцев на собственном опыте, тем глубже она проникнет в их плоть и кровь. Когда мы вернулись в Германию весной 1848 г., мы примкнули к демократической партии, потому что это было единственным возможным средством быть услышанным рабочим классом; мы были самым передовым крылом этой партии, но все же ее крылом. Основывая Интернационал, Маркс составил его устав так, чтобы к нему могли примкнуть *все* пролетарские социалисты того периода — прудонисты, пьер-лериуисты и даже наиболее передовая часть английских тред-юнионов; и лишь благодаря этой широте своего охвата Интернационал сделался тем, чем он был, — средством постепенного растворения и поглощения всех этих мелких сект, за исключением анархистов, внезапное появление которых в разных странах явилось лишь результатом жестокой буржуазной реакции после Коммуны и которым мы поэтому могли спокойно предоставить умереть собственной смертью, как это и случилось. Где были бы мы теперь, если бы мы в период времени от 1864 до 1873 г. всегда хотели бы идти рука об руку только с теми, которые открыто

признавали себя сторонниками нашей программы? Мне кажется, вся наша практическая деятельность показала, что можно работать в контакте с общим движением рабочего класса на каждой стадии его развития, не принося в жертву и не скрывая своей собственной четко выраженной позиции и даже сохраняя организацию, и я боюсь, что если немцы в Америке пойдут по другому пути, то они совершат крупную ошибку. . .

1888 год

206

ЭНГЕЛЬС — М. ГАРКНЕСС

[начало апреля 1888 г.]

Дорогая мисс Гаркнесс!

Благодарю Вас за «Городскую девушку»¹, присланную мне через Визетелли. Я прочел эту вещь с величайшим удовольствием, прямо с жадностью. Это действительно, как говорит Ваш переводчик, мой друг Эйхгоф, маленький шедевр. Он к этому добавляет, и это должно доставить Вам удовлетворение, что перевод его должен быть буквальным, так как всякий пропуск или попытка изменения может только уменьшить ценность оригинала.

Что особенно поражает меня, помимо жизненной правды в Вашем рассказе, это мужество настоящего художника. Оно проявляется не только в Вашей оценке Армии спасения², резко расходящейся с понятиями самодовольных мещан, которые, быть может, впервые из Вашего рассказа узнают, *почему* Армия спасения встречает такую поддержку в народных массах; оно главным образом проявляется в той простой, неприкрашенной форме, в которую Вы облачаете старую-престарую историю девушки-пролетарки, соблазненной человеком из буржуазного класса. Посредственность попыталась бы скрыть шаблонный, с ее точки зрения, характер фабулы путем нагромождения искусственных деталей и украшений и тем не менее была бы обнаружена. Вы же почувствовали, что можете рассказать старую историю, потому что Вы в состоянии сделать ее новой благодаря одной лишь правдивости изложения.

¹ Роман М. Гаркнесс. *Ред.*

² Армия спасения — религиозно-филантропическая организация, основанная Вильямом Бутсом в 1865 г. в Англии. *Ред.*

Ваш мистер Артур Грант — шедевр.

Если я что-либо и могу подвергнуть критике, то разве только то, что рассказ все же недостаточно реалистичен. На мой взгляд, реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивость в воспроизведении типичных характеров в типичных обстоятельствах. Характеры у Вас достаточно типичны в тех пределах, в каких они действуют, но нельзя сказать того же об условиях, которые их окружают и являются стимулами их действий. В «Городской девушке» рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, не делающая даже никаких попыток и усилий к тому, чтобы помочь себе. Все попытки вырвать ее из оупляющей нищеты исходят извне, сверху. Но если это было верно для 1800 и 1810 гг. в дни Сен-Симона и Роберта Оуэна, то в 1887 г. для человека, который около 50 лет имел честь участвовать в борьбе воинствующего пролетариата, — это не так. Революционный отпор рабочего класса угнетающей среде, которая его окружает, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав вписаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма.

Я далек от того, чтобы винить Вас в том, что Вы не написали чисто социалистического рассказа, «тенденциозного романа», как мы, немцы, его называем, для того чтобы подчеркнуть социальные и политические взгляды автора. Я совсем не это имею в виду. Чем больше скрыты взгляды автора, тем лучше для произведения искусства. Реализм, который я имею в виду, проявляется даже независимо от взглядов автора. Разрешите мне привести пример. Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным мастером реализма, чем всех Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества, описывая в виде хроники, почти год за годом с 1816 по 1848 г., все усиливающийся напор поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое после 1815 г. перестроило свои ряды и снова, насколько это было возможно, подняло знамя старой французской политики. Он показывает, как последние остатки этого образцового для него общества либо постепенно гибли под натиском вульгарного богача-выскочки, либо были им развращены. Он описывает, как на место великосветской дамы, супружеские измены которой были лишь способом отстоять себя и вполне отвечали положению, отведенному ей в браке, приходит буржуазная женщина, обманывающая мужа ради денег или нарядов. Вокруг этой центральной картины Бальзак сосредоточивал всю историю французского общества, из которой я даже в смысле

экономических деталей узнал больше (например, о перераспределении реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых. Правда, Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом. Его великое произведение — нескончаемая элегия по поводу неоправдываемого разложения высшего общества; его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставлял действовать именно тех людей, которым он больше всего симпатизировал, — аристократов и аристократок. Единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, это его самые ярые политические противники, республиканцы — герои улицы Cloître Saint Merri¹, люди, которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс. Я считаю одной из величайших побед реализма, одной из наиболее ценных черт старика Бальзака то, что он принужден был идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он *видел* неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он *видел* настоящих людей будущего там, где их в то время единственно и можно было найти.

В Ваше оправдание я должен признать, что нигде в цивилизованном мире рабочий класс не проявляет менее активного сопротивления, большей покорности судьбе, большей подавленности, чем в Ист-Энде Лондона. И почему я знаю, не было ли у Вас достаточных оснований для того, чтобы довольствоваться изображением пассивной стороны жизни рабочего класса, оставляя активную сторону этой жизни для другого произведения?

¹ Речь идет о восстании 5 и 6 июня 1832 г. в Париже, которое было поднято левым крылом республиканской партии — «Обществом прав человека и гражданина». *Ред.*

1889 год

207

ЭНГЕЛЬС — Б. КАУТСКОМУ

20 февраля 1889 г.

Дорогой Каутский,

Возвращаю статьи из «Neue Zeit»¹ с беглыми критическими заметками. Главный недостаток — отсутствие хорошего материала: боготворимых филистером Тэна и Токвиля тут недостаточно. Если бы ты писал эту работу *здесь*, ты нашел бы совершенно другой материал — гораздо лучший материал из *вторых рук* и массу *первоисточников*. Помимо этого лучшая работа о крестьянах — Кареева² — написана по-русски. Если бы ты, однако, мог там достать *Моро де Жоннес*, «Экономический и общественный строй Франции со времен Генриха IV до Людовика XIV», Париж, 1868, то эту книгу тебе было бы полезно прочесть.

Раздел II, стр. 3. Здесь отсутствует ясное изложение того, *как* возникает абсолютная монархия в качестве естественно складывающегося компромисса между дворянством и буржуазией и как она поэтому вынуждена защищать интересы обеих сторон, выказывать обеим сторонам благоволение. При этом на долю дворянства, отстраненного от политических дел, выпадает грабеж крестьян, государственной казны и косвенное политическое влияние через двор, армию, церковь и высшую администрацию; на долю буржуазии — покровительственные пошлины, монополии и *относительно* упорядоченное управление и судопроизводство. Если ты начнешь с этого, многое станет яснее и понятней.

¹ Речь идет о статье Каутского «Классовые противоречия в 1789 г. К столетнему юбилею великой революции». *Ред.*

² Н. Кареев. «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». *Ред.*

В этом разделе не хватает также упоминания о судебном дворянстве (*noblesse de robe*) и о юристах (*la robe*) вообще, которые фактически тоже составляли привилегированное сословие и обладали в парламентах значительной силой, противостоявшей королевской власти; в своей *политической* деятельности они выступали как защитники учреждений, ограничивающих королевскую власть, и, таким образом, оказывались на стороне народа, но в качестве судей они были воплощением коррупции (см. «Мемуары» Бомарше). Того, что ты в дальнейшем говоришь об этой шайке, недостаточно.

III, стр. 49. Ср. примечание I из Кареева в приложении.

На стр. 50 «этот вид буржуа» вдруг превращается в «буржуа» вообще; это резко расходится с тем, что ты говоришь о расколе внутри класса буржуазии. Ты вообще слишком много обобщаешь и поэтому часто приходишь к абсолютным выводам там, где требуется наибольшая относительность.

IV, стр. 54. Здесь следовало бы все же в той или иной мере указать, *каким путем* эти, стоящие *вне* сословного порядка и поэтому бесправные, в известной мере находящиеся вне закона, плебеи лишь в ходе революции постепенно пришли к тому, что ты именуешь «санкюлотизмом» (еще один изм!), а также, какую роль они играли. Тогда тебе удастся преодолеть трудности, которые ты на стр. 53 бомбардируешь неопределенными выражениями и таинственными намеками на новый способ производства. Тогда попросту окажется, что буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебеи должны были выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с дворяном подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебеи и совершили революцию. Но это было бы невозможно без того, чтобы эти плебеи не вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было, не делали из равенства и братства крайних выводов, ставивших эти лозунги наголову, ибо буржуазный смысл этих лозунгов, доведенный до крайности, обращался в свою противоположность. Но эти *плебейские* равенство и братство могли быть только мечтой в такое время, когда дело шло о том, чтобы создать нечто, *прямо противоположное* им, и, как всегда, по иронии истории, *плебейское* понимание революционных лозунгов стало самым мощным рычагом осуществления своей противоположности — *буржуазного* равенства — перед законом — и братства — в эксплуатации.

Я гораздо меньше говорил бы о новом способе произ-

водства. Его всегда отделяет огромное расстояние от тех фактов, о которых ты говоришь, и, представленный в такой непосредственной форме, он выступает как чистая абстракция, которая не разъясняет дела, а скорее затемняет его.

Что касается террора, то он был по существу военной мерой до тех пор, пока вообще имел смысл. Класс или фракционная группа класса, которая одна только могла обеспечить победу революции, путем террора не только удерживала власть (после подавления восстаний это было нетрудно), но и обеспечивала себе свободу действий, простор, возможность сосредоточить силы в решающем пункте, на границе. К концу 1793 г. границы были почти обеспечены. 1794 г. начался благоприятно, французские армии почти повсюду продвигались вперед. Коммуна с ее крайним направлением стала излишней; ее пропаганда революции сделалась помехой для Робеспьера, как и для Дантона, которые — каждый по-своему — хотели мира. В этом конфликте трех направлений победил Робеспьер, но с тех пор террор сделался для него средством самосохранения и тем самым стал абсурдом; 26 июня при Флерюсе Журдан положил к ногам республики всю Бельгию, тем самым террор потерял под собой почву, 27 июля Робеспьер пал, и началась буржуазная оргия.

Формула: «благосостояние для всех на основе труда» выражает чересчур определенно стремления тогдашнего плебейского братства. Чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор, пока, спустя долгое время после падения коммуны, Бабеф не придал этому определенную форму. Если коммуна со своими стремлениями к братству выступила слишком рано, то Бабеф пришел слишком поздно.

Стр. 100. Нищие. — См. примечание II из Кареева.

Раздел о крестьянах страдает больше всего от отсутствия всяких источников, кроме самых заурядных.

Об ошибках Ранке¹ — хорошо! К сожалению, ты не использовал у Зибеля возражений австрийцев. Оттуда можно было бы взять немало о втором разделе Польши и т. д., и так как эти работы основаны на архивных документах, их безусловно можно использовать...

... Примечание I. Четвертое сословие.

Представление о четвертом сословии наряду с первым, вторым и третьим возникло в революции очень рано. Тотчас же, в самом начале, появилась работа Дюфурни де Вилье «Наказ четвертого сословия бедных поденщиков, калек, нищих и т. д. — сословия обездоленных, 25 апреля 1789 г.». Но в большинстве случаев под четвертым сословием подразуме-

¹ Каутский критиковал в указанной выше статье работу Л. Ранке «Об эпохах новой истории». *Ред.*

ваются *крестьяне*. Например, у Нуайяка «Самый сильный из памфлетов. Крестьянское сословие в Генеральных штатах, 26 февраля 1789 г.», стр. 9: «Заимствуем из шведской конституции четыре сословия». — Далее Варту: «Письмо крестьянина своему священнику о новом способе созыва Генеральных штатов», Сартрувиль, 1789, стр. 7: «Я слышал, что в какой-то северной стране... крестьянское сословие допускали к участию в собрании штатов». — Встречаются и иные толкования четвертого сословия; одна брошюра разумеет под четвертым сословием *купцов*, другая — *судейское сословие* и т. д.

Кареев, «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Москва, 1879, стр. 327.

Примечание II. *Нищие*.

«Замечательно, что число нищих было самое большое в тех провинциях, которые считались наиболее плодородными; происходило это по той причине, что в таких странах было очень мало пахарей-собственников.

Но пусть говорят цифры: в Аржантрэ, в Бретани, из 2 300 жителей без промышленности и торговли более половины только кое-как перебиваются, и более 500 человек доведены до нищенства. В Дэнвиле, в Артуа на 130 домов бедных 60. В Нормандии из 1 500 жителей С. Патриса 400 на милостыне, из 500 жителей С. Лорана на милостыне три четверти (Тэн). Из наказов бальяжа Дуэ мы узнаем, что в одной, например, деревне из 332 дворов половина живет милостыней (приход Бувины); в другой — на 143 двора приходится бедных 65 (приход Экс); в третьей — на 413 очень бедных около 100 (приход Ланда) и т. д. В сенешальстве Пюи в Велэ, по словам наказа местного духовенства, из 120 000 жителей около половины (58 897) не в состоянии платить какие бы то ни было налоги (Парламентский архив, 1787—1860 гг., т. V, стр. 467). В деревнях округа Карэ такие отношения: Фрероган: 10 достаточных семей, 10 бедных, 10 нищенствуют. Мотреф: 47 зажиточных семей, 74 менее достаточных, 64 нищих и поденщиков. Поль: 200 хозяйств, из коих большая часть заслуживает самым справедливым образом имя притонов нищенства (Национальный архив, т. IV, стр. 17). Наказ прихода Марбеф жалуется, что в этом приходе из 500 жителей около 100 нищенствуют (Буавен-Шампо, «Исторические заметки о революции в департаменте Эр», 1872, стр. 83). Крестьяне деревни Гарвиль говорят, что от недостатка работы целая треть их в нищенской бедности (Национальный архив. Жалоба жителей коммуны Гарвиль).

В городах не лучше. В Лионе в 1787 г. нищенствует 30 000 рабочих. В Париже на 650 000 жителей приходится 118 784 бедняка (Тэн, т. I, стр. 507). В Ренне треть жителей

жила милостыней, и другая треть постоянно была в опасности дойти до нищенского состояния (Дю Шателье, «Земледелие в Брегани», Париж, 1863, стр. 178). Жители Юрского городка Лон-де-Сонье были так бедны, что когда конституанта установила избирательный ценз, то из 6 518 жителей этого городка только 728 попали в число активных граждан (Сомье, «История революции в Юре», Париж, 1846, стр. 33). Немудрено, что во время революции людей, живущих милостыней, считали целыми миллионами. Так, одна клерикальная брошюра 1791 г. говорит, что во Франции 6 миллионов нищих, что, конечно, несколько преувеличено («Совет беднякам о нынешней революции и об имуществе духовенства», стр. 15), но цифра, даваемая для 1774 г. (1 200 000 нищих), быть может, не ниже действительной (Дюваль, «Наказы Марша», Париж, 1873, стр. 116)».

(Я полагал, что несколько *действительных* примеров будут тебе интересны.)

Кареев, стр. 211—213.

(Сжатый характер моих замечаний прошу тебя отнести за счет недостатка времени и недостатка места на полях. Кроме того мне некогда было сличать источники, и я принужден был поэтому приводить все по памяти — отсюда многое не так точно, как мне того хотелось бы.)

208

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

8 июня 1889 г.

...За исключением Социал-демократической федерации POSSИБИЛИСТЫ¹ во всей Европе не имеют на своей стороне ни одной из социалистических организаций. Им, следовательно, ничего другого не остается, как вернуться назад к несоциалистическим тред-юнионам, и они пожертвовали бы всем, чтобы заполучить хотя бы здешние старые тред-юнионы, Бродгерста и присных, но те считают, что с них уже достаточно того, что было здесь в Лондоне в ноябре². Из Америки к ним прибудет один только делегат от Рыцарей труда.

¹ См. примечание на стр. 357 этого сборника. *Ред.*

² Речь идет о международном конгрессе профсоюзов в Лондоне в ноябре 1888 г., на котором старые тред-юнионисты потерпели поражение. *Ред.*

Суть дела в том, что старый раскол в Интернационале и прежняя борьба в Гааге снова становятся в порядок дня, и в этом основная причина того, что я так горячо взялся за дело. Противник тот же, с той только разницей, что знамя анархистов заменено знаменем POSSИБИЛИСТОВ; та же продажа своих принципов буржуазии за частичные уступки, а главное за теплые местечки для вожаков (члены городского муниципалитета, биржи труда и т. д.). И тактика совершенно та же. Манифест Социал-демократической федерации, явно написанный Бруссом, это — лишь новое издание сонвильерского циркуляра. И Брусс это знает: он все еще нападает на авторитарный марксизм, используя ту же ложь и клевету, а Гайндман ему вторит. Основным источником его сведений об Интернационале и политической деятельности Маркса являются здешние недовольные элементы из Генерального Совета — Эккариус, Юнг и К^о.

Союз POSSИБИЛИСТОВ с Социал-демократической федерацией должен был составить ядро нового Интернационала, который предполагалось основать в Париже, либо вместе с немцами, если бы они захотели присоединиться в качестве третьего союзника, либо против них. Отсюда множество маленких конгрессов, следующих один за другим все чаще и чаще; отсюда и та непримиримость, с которой союзники объявляли все другие французские и английские направления несуществующими; отсюда интриги, в особенности с мелкими нациями, на которые опирался и Бакунин. Действовать в том же духе стало затруднительно, когда немцы, после Сен-Галленского решения¹, совершенно наивно — в абсолютном неведении того, что творится во вне, — включились в движение за конгресс. И так как те людишки охотнее шли против немцев, чем с ними, — ведь их считали слишком уж пропитанными марксизмом, — борьба стала неизбежной. Ты не можешь себе представить, до чего немцы наизны! Мне стоило громадных усилий разъяснить, даже самому Бебелю, в чем, собственно, тут дело, в то время как POSSИБИЛИСТЫ это прекрасно понимают и ежедневно разглагольствуют об этом. При наличии всех этих ошибок у меня было мало надежды на хороший исход — на то, что имманентный разум, постепенно развивающийся в ходе этой истории к познанию самого себя, победит уже сейчас. Тем более радует меня доказательство того, что сегодня все же такие вещи, как в 1873—1874 г., уже невозможны. Интриганы уже теперь разбиты, и значение конгресса — повлечет он за собой

¹ В 1887 г. на съезде германской социал-демократии в Сен-Галлене Правлению партии было поручено созвать осенью 1888 г. совместно с рабочими организациями других стран международный конгресс. *Ред.*

другой или нет — заключается в том, что единодушные социалистических партий Европы будет засвидетельствовано перед всем миром, а несколько интриганов, если они не смирятся, останутся не при чем...

209

ЭНГЕЛЬС — В. АДЛЕРУ

4 декабря 1889 г.

Дорогой Адлер,

Книгу Авенеля о Клоотсе¹ я предложил тебе *обработать* из следующих соображений:

По моему мнению (и по мнению Маркса), книга эта дает первое, основанное на изучении архивных материалов, правильное изображение специально *критического периода французской революции*, а именно — времени от 10 августа по 9 термидора.

Парижская коммуна и Клоотс были сторонниками войны для пропаганды революции, считая ее единственным средством спасения, тогда как Комитет общественного спасения *дипломатничал*, боялся европейской коалиции, искал мира посредством *раскола* коалиции. Дантон хотел мира с Англией, т. е. с Фоксом и с английской оппозицией, которая надеялась в результате выборов притти к власти. Робеспьер интриговал в Базеле с Австрией и Пруссией и хотел сговориться с *ними*. Оба они совместно боролись против коммуны, чтобы прежде всего свергнуть людей, которые хотели войны для пропаганды, распространения республиканского строя во всей Европе. Им удалось победить, коммуна (Эбер, Клоотс и др.) была обезглавлена. Но с этого момента стал невозможен мир между теми, кто хотел мира с одной лишь Англией, и теми, кто хотел заключить мир с одними лишь немецкими державами. Английские выборы прошли благоприятно для Питта; Фокс был на годы устранен от власти, это подорвало положение Дантона; Робеспьер победил и обезглавил его. Но — и этот пункт Авенель *недостаточно* подчеркнул — в то время террор достиг безумных размеров, он был необходим, чтобы помочь Робеспьеру при наличных внутренних условиях удержать власть в своих руках, однако террор стал совершенно излишним после победы при Флерюсе, 24 июня 1794 года. Эта победа не только освободила границы, но передала Франции Бельгию и косвенным

¹ Имеется в виду книга Авенеля «Анахарсис Клоотс, оратор человечества». *Ред.*

образом левый берег Рейна; Робеспьер стал тогда также лишним и пал 24 июля.

На всю французскую революцию огромное влияние оказывала война против коалиции, каждое биение ее пульса зависело от этой войны; проникает коалиционная армия во Францию — это вызывает преобладание блуждающего нерва, сильнее бьется сердце, наступает революционный кризис; армия коалиции должна отступать — получает преобладание симпатический нерв, сердце бьется медленнее, реакционные элементы снова выступают на первый план, плебеев — предтечу будущего пролетариата, энергия которых только и спасала революцию, — вразумляют и умирляют.

Трагично то, что партия войны беспощадной, войны за освобождение народов оказалась права, и республика победила всю Европу, но только уже после того, как сама эта партия давно была обезглавлена; и вместо войны, ведущейся для пропаганды, наступил Базельский мир и буржуазная оргия Директории.

Книгу нужно совершенно переработать и сократить — декламацию надо выбросить, факты дополнить и изложить ясно по обыкновенным историческим книгам. Клоотс при этом может отступить совсем на задний план; из «Революционных понедельников»¹ можно вставить самое важное; таким образом, может получиться такая книга о революции, какой до сих пор еще не было.

Объяснение тому, как битва при Флерюсе положила конец господству террора, дано в 1842 г. в «Рейнской Газете» (первой) К.-Ф. Кепленом в его превосходной критике «Истории французской революции» Г. Лео.

Сердечный привет твоей жене и Луизе Каутской.

Твой Ф. Э.

210

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

7 декабря 1889 г.

Дорогой Зорге,

Письма от 8 и 29 октября получил, благодарю.

Обстоятельства едва ли сложатся так благоприятно, чтобы Социалистическая рабочая партия была ликвидирована. У Розенберга, кроме Шевича, есть еще масса других последователей, и самонадеянным немецким доктринерам в

¹ Сборник статей Авенеля о французской буржуазной революции конца XVIII в. *Ред.*

Америке не хочется, конечно, отказываться от пришедшейся им по вкусу роли учителей «незрелых» американцев. Ведь если бы не это, то они бы совсем ничего собой не представляли.

Здесь мы имеем пример того, что не так-то просто вдолбить что-либо доктринерски и догматически великой нации, даже если обладаешь самой лучшей теорией, которая выросла из собственных жизненных условий этой нации, и если имеются относительно лучшие наставники, чем те, которыми располагает Социалистическая рабочая партия. Рабочее движение, наконец, *сошло* с мертвой точки, и, как мне кажется, окончательно. Но оно не является непосредственно социалистическим, и те люди среди англичан, которые были ближе всего к пониманию нашей теории, стоят вне движения: Гайндман, потому что он неисправимый интриган и завистник; Бакс, потому что он кабинетный ученый. Формально движение — прежде всего тред-юнионистское, но оно резко отличается от движения *старых* тред-юнионов квалифицированных рабочих — этой рабочей аристократии. Люди теперь совершенно иначе принимаются за дело, ведут в бой куда более широкие массы, потрясают общество гораздо глубже, выдвигают гораздо более радикальные требования: восьмичасовой рабочий день, всеобщая федерация всех организаций, полная солидарность. Союз рабочих газового производства и чернорабочих *впервые*, благодаря Гусси, добился создания женских секций. При этом они рассматривают свои теперешние требования как временные, хотя им самим еще не ясна конечная цель, которой они добиваются. Но смутное представление о ней сидит в них настолько глубоко, что заставляет их выбирать *только* среди открытых социалистов. Как и все прочие, они должны учиться на своем собственном опыте, на последствиях своих собственных ошибок. Но так как они, в противоположность старым тред-юнионам, встречают ироническим смехом всякий намек на тождество интересов капитала и труда, то на это обучение им потребуется не так уж много времени...

...Самое отвратительное здесь — это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «респектабельность». Социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные градации, из которых каждая в отдельности имеет свой «гонор» и проникнута врожденным ей чувством уважения к «лучшим» и «высшим», столь старо и столь устойчиво, что надувать массы для буржуазии не представляет большого труда. Я, например, далеко не уверен, что Джон Бернс гордится в душе более своей популярностью среди своего класса, чем своей популярностью у кардинала Маннинга, лорд-мэра и вообще у буржуазии. А Чемпион — лейтенант в отставке — еще много лет тому назад

вел какие-то делишки с буржуазными и, главным образом, консервативными элементами, а на поповском церковном съезде проповедывал социализм и т. д. И даже сам Том Манн, которого я считаю среди них самым лучшим, и тот любит рассказывать о том, как он будет завтракать у лорда-мэра. И лишь при сопоставлении их с французами убеждаешься, до чего в этом отношении благотворно влияет революция. . .

211

ЭНГЕЛЬС — Г. ТРИРУ

18 декабря 1889 г.

Дорогой г. Трир,

Большое спасибо за Ваше интересное сообщение от 8-го.

Если уж высказывать Вам свое мнение по поводу последнего копенгагенского лицедейства, разыгранного для почтеннейшей публики¹, жертвой которого Вы стали, то я начну с того пункта, в котором я с Вами *не* согласен.

Вы принципиально отвергаете решительно всякие, даже кратковременные совместные действия с другими партиями. Я в достаточной мере революционер, чтобы при обстоятельствах, когда это является более выгодным или наименее вредным, не зарекаться абсолютно также и от этого средства.

У нас нет разногласий в том, что пролетариат не может завоевать своего политического господства — единственную дверь в новое общество — без насильственной революции. Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовую партию.

Но это не значит, что эта партия не может в тот или иной момент использовать в своих целях другие партии. И это точно так же не значит, что она не может временно поддерживать другие партии в борьбе за мероприятия, которые либо непосредственно выгодны пролетариату, либо представляют собой шаг вперед в направлении экономического развития или политической свободы. Того, кто действительно борется в Германии за уничтожение майоратов

¹ Речь идет о том, что оппортунистическое руководство датской социалистической партии исключило из ЦК и из партии двух левых (в том числе и самого Трира), которые выступили против блоков с датской лево-буржуазной партией (Вейстре). *Ред.*

и других остатков феодализма, кто борется против бюрократии, покровительственных пошлин, законов против социалистов, против ограничения права собраний и союзов, — того я стал бы поддерживать. Если бы наша немецкая прогрессистская партия или ваша датская партия Венстре были действительно радикально-буржуазными партиями, а не состояли бы просто из жалких болтунов, которые при первой угрозе Бисмарка или Эструпа прячутся в кусты, то я ни в коем случае не был бы *безусловно* против любых кратковременных совместных действий с ними для достижения определенной цели. Когда наши депутаты голосуют за предложение, внесенное другой стороной (а это им приходится делать довольно часто), то ведь и это уже является совместным выступлением. Но я за это лишь в том случае, если та выгода, которая представляется непосредственно для нас или для исторического развития страны по пути к экономической и политической революции, неоспорима и стоит того, чтобы ее добиваться; и все это при условии, если пролетарский классовый характер партии тем самым не ставится под вопрос. Это для меня неременное условие. Вы найдете изложение этой политики уже в 1847 г. в Коммунистическом манифесте, мы проводили ее в 1848 г., в Интернационале, повсюду...

1890 год

212

ЭНГЕЛЬС — П. ЭРНСТУ

5 июня 1890 г.

...Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты. И если г. Бар полагает, что поймал Вас на этой ошибке, то мне думается, что тут он до известной степени прав.

Всю Норвегию и все, что там происходит, Вы подводите под одну категорию — мещанство, а затем это норвежское мещанство преспокойно подменяете своим представлением о немецком мещанстве. Но тут поперек дороги встают два факта.

Во-первых, когда победа над Наполеоном оказалась во всей Европе победой реакции над революцией и когда революция только на своей родине, во Франции, еще внушала такой страх, что вернувшаяся легитимная монархия была вынуждена дать буржуазно-либеральную конституцию, — в это время Норвегия сумела завоевать себе конституцию гораздо более демократическую, чем все существовавшие тогда в Европе.

И, во-вторых, за последние двадцать лет Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России. Мещане они или нет, но эти люди творят гораздо больше, чем другие, и налагают свою печать также и на литературу других народов, в том числе и на немецкую.

На мой взгляд, эти факты обязывают нас точнее исследовать особенности норвежского мещанства.

И тут Вы, вероятно, обнаружите сами весьма существенное различие. В Германии мещанство есть плод неудавшейся

революции, плод прерванного и задержанного развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свойственный ему крайне резко выраженный характер трусости, ограниченности, беспомощности и неспособности к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы как раз в это время переживали быстрый подъем. Этот характер немецкое мещанство сохранило и впоследствии, когда Германия была снова подхвачена потоком исторического развития; этот характер оказался достаточно устойчив, чтобы в большей или меньшей мере наложить отпечаток и на все остальные общественные классы Германии в качестве общенемецкого типа, пока наш рабочий класс не прорвал, наконец, эти узкие рамки. То, что немецкие рабочие «не имеют отечества», сильнее всего выражается именно в том, что они целиком стяхнули с себя немецкую мещанскую ограниченность.

Таким образом, немецкое мещанство — вовсе не нормальный исторический этап, а доведенная до крайности карикатура, своего рода вырождение, совершенно так же, как польский еврей — карикатура на еврея. Английский, французский и всякий другой мелкий буржуа отнюдь не стоит на одном уровне с немецким.

Напротив, в Норвегии мелкое крестьянство и мелкая буржуазия с небольшой примесью средней буржуазии — примерно так же, как было в Англии и во Франции в XVII веке, — представляет собой нормальное состояние общества в течение многих столетий. Здесь и речи нет о насильственном отбрасывании назад в условия отжившего прошлого из-за неудавшегося крупного движения или из-за какой-нибудь Тридцатилетней войны. Вследствие своей изолированности, а также вследствие природных условий страна отстала, но общее ее состояние вполне соответствовало ее производственным условиям и поэтому являлось нормальным. Лишь в самое последнее время в стране спорадически появляются кое-какие начатки крупной промышленности, но для сильнейшего рычага концентрации капиталов, для биржи, там нет места; к тому же огромный размах морской торговли оказывает как раз консервирующее влияние. Ибо, в то время как во всех других странах пароход вытесняет парусные суда, Норвегия в огромной степени увеличивает свое парусное судоходство и обладает, если не самым большим в мире, то, наверное, вторым по величине парусным флотом, составляющим по большей части собственность мелких и средних судовладельцев, как это было, скажем, в Англии около 1720 года. Но все же тем самым началось движение в старом застойном существовании, и это движение выражается также и в подъеме литературы.

Норвежский крестьянин *никогда не был крепостным*, и это дает всему развитию, так же как и в Кастилии, совсем другую подоплеку. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он *настоящий человек* по сравнению с опустившимся немецким мещанином. И норвежская мещанка также отличается как небо от земли от супруги немецкого мещанина. И каковы бы ни были недостатки, например ибсеновских драм, они рисуют нам хотя маленький и среднебуржуазный, но совершенно несоизмеримый с немецким мир — мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют, хотя зачастую с точки зрения иноземных понятий довольно странно, но самостоятельно. Подобные вещи я предпочитаю основательно изучить, прежде чем высказывать о них свое суждение...

213

ЭНГЕЛЬС — К. ШМИДТУ

5 августа 1890 г.

...Отзыв о книге Пауля Барта¹, написанный злополучным Морицем Виртом, я читал в венских «Deutsche Worte», и эта критика создала у меня неблагоприятное впечатление также и о самой книге. Я просмотрю ее, но должен сказать, что если Морицхен цитирует правильно то место, где Барт утверждает, будто он во всех сочинениях Маркса смог найти всего лишь один пример зависимости философии и т. д. от материальных условий существования, именно тот, что Декарт объявляет животных машинами, то во мне просто возбуждает жалость человек, который может писать подобные вещи. И раз этот человек еще не понял, что если материальные условия существования являются первопричиной, то это не исключает того, что идеологические области оказывают в свою очередь обратное, но вторичное воздействие на эти материальные условия, раз это ему неясно, то он ни в коем случае не мог понять и того предмета, о котором пишет. Но, повторяю, ведь это все из вторых рук, Морицхен же — опасный друг, и у материалистического понимания истории имеется теперь также множество таких друзей, для которых оно служит предлогом, чтобы *не* изучать истории. Так Маркс сказал о французских «марксистах» конца 70-х годов: «Я знаю только одно, что я не марксист».

¹ П. Барт. «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана включительно». *Ред.*

Вот тоже в «Volks-Tribüne» происходила дискуссия о распределении продуктов в будущем обществе, будет ли оно происходить соответственно количеству труда или иначе. К вопросу подошли сугубо «материалистически» в противоположность известным идеалистическим фразам о справедливости. Но, как ни странно, никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от количества распределяемых продуктов и что это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации, а следовательно, должен меняться и способ распределения. Но у всех участников дискуссии «социалистическое общество» оказывается не чем-то постоянно меняющимся и прогрессирующим, а чем-то стабильным, раз навсегда установленным, и должно, следовательно, иметь раз навсегда установленный способ распределения. Здравомысленно рассуждая, можно только: 1) попытаться открыть способ распределения, с которого будет *начато*, и 2) постараться отыскать общее *направление*, по которому пойдет дальнейшее развитие. Но об этом я во всей дискуссии не нахожу ни слова.

Вообще, для многих молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит просто в качестве фразы, которую они применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногих людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать и отличиться. Но вместо этого у многих немцев из молодого поколения фразы об историческом материализме (*все можно ведь превратить в фразу*) служат только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма скудные исторические знания (экономическая история ведь еще в пеленках!) и затем с гордостью смотреть на свой подвиг. И тогда-то и может явиться какой-нибудь Барт и даже взяться за то, что в его среде, во всяком случае, сведено уже к пустой фразе.

Но все это выравнивается. Мы в Германии теперь достаточно сильны, чтобы вынести многое. Одной из величайших

услуг, оказанных нам законом против социалистов, было то, что он освободил нас от навязчивости немецкого «ученого» с социалистическим налетом. Теперь мы достаточно сильны, чтобы переварить и этого немецкого «ученого», который снова очень уж заважничал. Вы сами действительно уже кое-что сделали и должны знать, как мало среди молодых литераторов, приставших к партии, таких, которые дают себе труд изучать политическую экономию, историю политической экономики, историю торговли, промышленности, земледелия, общественных формаций. Многие ли из них знают о Маурере больше, чем одно только его имя! Самомнение журналиста должно все преодолеть, а этому соответствуют и результаты. Эти господа сплошь и рядом воображают, что для рабочих все годится. Если бы они знали, как Маркс считал свои лучшие вещи все еще недостаточно хорошими для рабочих, как он считал преступлением предлагать рабочим что-нибудь не самое лучшее!..

 214

ЭНГЕЛЬС — И. БЛОХУ

21—22 сентября 1890 г.

...Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извращает в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, то он тем самым превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение как необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдаленна или

настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы, в которой воплотились экономические различия, различия в языке, а со времени реформации — и религиозные различия между Севером и Югом, причем это было предопределено именно только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния (прежде всего тут сказалось то обстоятельство, что Бранденбург, благодаря обладанию Пруссией, был втянут в польские дела и через это в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании могущества Австрийского дома). Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономическое существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или объяснить экономически происхождение верхненемецкого передвижения согласных, расширившего географическое разделение, образованное горной цепью от Судетов до Таунуса, до настоящей трещины, проходящей через всю Германию.

Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, *бессознательно* и *неволью*. Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что

воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет их физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или свои собственные, личные или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее.

Далее, я прошу Вас изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук — право же, это гораздо легче. Маркс не написал ничего, в чем бы эта теория не играла роли. В особенности великолепным образцом ее применения является «18 брюмера Луи Бонапарта», точно так же множество указаний и в «Капитале». Затем я могу, конечно, указать на мои сочинения: «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которых я дал самое подробное, насколько мне известно, изложение исторического материализма из всех существующих.

Маркс и я виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов»; ведь благодаря этому также возникла удивительная путаница...

215

ЭНГЕЛЬС — К. ШМИДТУ

27 октября 1890 г.

Дорогой Шмидт,

Пользуюсь первой свободной минутой, чтобы Вам ответить. Я полагаю, что Вы поступите правильно, приняв предложение работать в газете «Züricher Post». Вы там можете научиться многому в области экономики, в особенности, если

будете все время помнить, что Цюрих — это только денежный и спекулянтский рынок третьего разряда, и поэтому все впечатления, получающиеся там, ослаблены и даже сознательно фальсифицированы благодаря двойному и тройному отражению. Но Вы на практике познакомитесь со всем механизмом и вынуждены будете следить за биржевыми отчетами из Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Берлина, Вены и т. д. из первых рук. Тогда мировой рынок откроется Вам в его отражении как рынок денег и ценных бумаг. С экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу. Они проходят через призму и поэтому представляются в перевернутом виде — вниз головой. Только отсутствует тот нервный аппарат, который для нашего представления поставил бы их снова на ноги. Биржевик видит движение промышленности и мирового рынка только в перевернутом отражении денежного рынка и рынка ценных бумаг, и поэтому следствие становится для него причиной. Это я наблюдал еще в 40-х годах в Манчестере: лондонские биржевые отчеты были совершенно непригодны для того, чтобы составить по ним представление о ходе развития промышленности и ее периодических максимумах и минимумах, потому что эти господа хотели объяснить все явления кризисами денежного рынка, которые ведь по большей части сами являлись всего лишь симптомами. Тогда речь шла о том, чтобы отрицать происхождение промышленных кризисов из временного перепроизводства, и все дело поэтому имело к тому же еще и тенденциозную сторону, побуждающую прибегать к извращениям. Теперь этот пункт, для нас по крайней мере, раз навсегда отпадает, и к тому же несомненным фактом является то обстоятельство, что денежный рынок может иметь также свои собственные кризисы, при которых прямые расстройства в области промышленности играют лишь подчиненную роль или даже не играют никакой роли. Здесь надо многое еще установить и исследовать, особенно исторически за последние 20 лет.

Там, где существует разделение труда в общественном масштабе, отдельные процессы труда становятся самостоятельными друг от друга. Производство является в последнем счете решающим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом главенствует движение производства, но которое в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости все же следует своим собственным законам, присущим природе этого нового фактора. У этого движения есть свои собственные фазы, и оно в свою очередь оказывает

обратное действие на движение производства. Открытие Америки было вызвано жадной жаждой золота, которая еще до этого гнала португальцев в Африку (ср. Зетбер — «Производство драгоценных металлов»), потому что столь могуче развившаяся в XIV и XV вв. европейская промышленность и соответствовавшая ей торговля требовали больше средств обмена, чего Германия — великая страна серебра 1450—1550 гг. — дать не могла. Завоевание Индии португальцами, голландцами, англичанами с 1500 по 1800 г. имело целью *вывоз из Индии*. О вывозе туда никто не помышлял. И все же какое колоссальное обратное действие оказали на промышленность эти открытия и завоевания, вызванные чисто торговыми интересами: только потребность *вывоза в эти страны* создала и развила крупную промышленность.

Так и с денежным рынком. Как только торговля деньгами отделяется от торговли товарами, она приобретает — при известных условиях и внутри границ, определяемых производством и торговлей товарами, — свое собственное развитие, имеет особые законы и фазы, определяющиеся ее собственной природой. Когда же вдобавок к этому торговля деньгами в своем дальнейшем развитии расширяется в торговлю ценными бумагами, причем эти ценные бумаги оказываются не только государственными бумагами, но к ним присоединяются и акции промышленных и транспортных предприятий, и торговля деньгами завоевывает, таким образом, прямое господство над частью производства, которое в общем и целом господствует над нею, — тогда обратное действие торговли деньгами на производство становится еще сильнее и сложнее. Банкиры являются собственниками железных дорог, шахт, рудников и т. д. Эти средства производства приобретают двойкий характер; их работа должна приспособляться то к интересам непосредственного производства, то к потребностям акционеров, поскольку они же являются банкирами. Самый яркий пример этого — североамериканские железные дороги. Вся работа их зависит в данное время от биржевых операций некоего Джей Гульда, Вандербильта и т. д. — операций, совершенно чуждых деятельности отдельной дороги и ее интересам как средства передвижения. И даже здесь, в Англии, мы наблюдали десятилетиями продолжавшуюся борьбу различных железнодорожных обществ из-за разграничения их территорий, борьбу, в которой растрчивались колоссальные деньги не в интересах производства и транспорта, а исключительно в силу соперничества, преследовавшего лишь цель облегчить биржевые операции банкиров, владеющих акциями.

В этих нескольких замечаниях о моем понимании отношения производства к торговле товарами и их обоих к тор-

говле деньгами я в основном уже ответил на Ваши вопросы об историческом материализме вообще. Это легче всего понять с точки зрения разделения труда. Общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись. Предназначенные для этого люди образуют новую отрасль разделения труда *внутри общества*. Вместе с тем они приобретают особые интересы также и в противоположность тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и появляется государство. А затем происходит то же, что и при торговле товарами и позднее при торговле деньгами. Новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движением производства, но она в свою очередь оказывает воздействие на условия и ход производства в силу присущей ей или, вернее, однажды полученной и постепенно развивавшейся дальше относительной самостоятельности. Это есть взаимодействие двух неравных сил: экономического движения, с одной стороны, и, с другой стороны, новой политической власти, стремящейся к возможно большей самостоятельности, политической власти, одаренной также и самостоятельным движением, так как она уже возникла. Экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой — одновременно с ней порожденной оппозиции. Как в денежном рынке отражается в общем и целом, и с указанными выше оговорками, движение промышленного рынка, и, конечно, отражается *превратно*, так и в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже до этого существовавших и борющихся классов — и точно так же превратно: уже не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы, и притом так превратно, что потребовались тысячелетия для того, чтобы мы смогли разгадать, в чем дело.

Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройного рода. Она может действовать в том же направлении, — тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития, — тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов, к одному из предыдущих. Но ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию

величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве.

Кроме того, имеются еще случаи завоевания и грубого уничтожения экономических ресурсов, в силу чего прежде при известных обстоятельствах могло гибнуть целиком все экономическое развитие данной местности и данной нации. Теперь подобные факты имеют по большей части противоположные результаты, во всяком случае у больших народов. Победенный в итоге выигрывает иногда и в экономическом, и в политическом, и в моральном отношениях больше, чем победитель.

С правом то же самое. С возникновением потребности в новом разделении труда, создающем юристов по профессии, сейчас же открывается опять-таки новая самостоятельная область, которая при всей своей общей зависимости от производства и обмена все же обладает особой способностью обратно воздействовать на эти области. В современном государстве право не только должно соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть его выражением *внутренне согласованным*, которое не било бы само себя по лицу в силу внутренних противоречий. А для того чтобы этого достичь, точность отражения экономических отношений страдает все более и более. Подобное явление встречается тем чаще, чем реже случается, что кодекс законов представляет собой резкое, несмягченное, правдивое выражение господства одного класса. Это противоречило бы «правовой идее». Чистая последовательная правовая идея революционной буржуазии эпохи 1792—1796 гг. фальсифицирована во многих отношениях уже в Кодексе Наполеона, а то, что в нем воплощено, должно претерпевать ежедневно всяческие смягчения благодаря возрастающей силе пролетариата. Но это не мешает тому, что Кодекс Наполеона является тем сводом законов, который лежит в основе новых кодификаций во всех частях света. Таким образом, ход «правового развития» состоит по большей части только в том, что сначала пытаются устранить противоречия, вытекающие из непосредственного перевода экономических отношений в юридические принципы, и установить гармоническую правовую систему, а затем влияющие и принудительная сила дальнейшего экономического развития опять постоянно ломают эту систему и запутывают ее в новые противоречия. (Я здесь говорю пока только о гражданском праве.)

Отражение экономических отношений в виде правовых принципов необходимо является точно так же стоящим вверх ногами. Это отражение совершается так, что этот процесс не доходит до сознания действующего; юрист воображает, что

действует с априорными положениями, а это всего лишь экономические отражения. Таким образом, все стоит на голове. А что это извращение, создающее, пока оно еще не раскрыто, то, что мы называем *идеологическим воззрением*, в свою очередь оказывает обратное действие на экономическую основу и может ее в известных пределах изменить, — это мне кажется само собой разумеющимся. Основа наследственного права — экономическая, если брать одинаковую ступень развития семьи. Несмотря на это, будет очень трудно доказать, что, например, в Англии абсолютная свобода завещаний, а во Франции сильное ее ограничение во всех деталях имели только экономические причины. Но и то и другое очень сильно действует на экономику тем, что оказывает влияние на распределение имуществ.

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе, — религия, философия и т. д., то у них имеется предисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существе самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И хотя экономическая потребность была и с течением времени все более становилась главной пружиной двигающегося вперед познания природы, — все же было бы педанством искать для всех этих первобытных бессмыслиц экономических причин. История наук это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей. Люди, которые этим занимаются, принадлежат опять-таки к особым областям разделения труда, и им кажется, что они обрабатывают независимую область. И, поскольку они образуют самостоятельную группу внутри общественного разделения труда, постольку их произведения, включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое. Но при всем том они опять-таки сами находятся под господствующим влиянием экономического развития. В философии, например, это можно всего легче доказать для ее буржуазного периода. Гоббс был первым современным материалистом (в смысле XVIII века), но он был сторонником самодержавия в то время, когда абсолютная монархия переживала свой период расцвета во всей Европе и в Англии вступила в борьбу с народом. Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 года.

Английские деисты и их более последовательные продолжатели — французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы были даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает немецкий буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно. Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического подъема. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем политическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

О религии я сказал самое необходимое в последней главе брошюры о Фейербахе.

Следовательно, если Барт полагает, что мы отрицали всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, то он просто сражается с ветряными мельницами. Ему следует заглянуть лишь в «18 брюмера» Маркса, где только почти и идет речь о той *особой* роли, которую играют политические битвы и события, конечно, в рамках их *общей* зависимости от экономических условий; или посмотреть «Капитал», например, отдел о рабочем дне, где показано, какое решительное действие оказывает законодательство, которое ведь является политическим актом, или отдел, посвященный истории буржуазии (24-я глава). К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (т. е. государственная власть) — это есть тоже экономическая сила!

Но у меня уже теперь не остается времени критиковать самую книгу¹. Сначала должен выйти III том [«Капитала»], да к тому же это отлично может сделать, например, Бернштейн.

Чего всем этим господам нехватает, так это диалектики. Они постоянно видят здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что такие метафизические, полярные противоположности в действительном мире существуют только во время кризисов, что весь великий процесс происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень не равны: экономическое движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало.

¹ Речь идет о книге П. Барта «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана включительно». *Ред.*

1891 год

216

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

23 февраля 1891 г.

Дорогой Каутский!

Мое спешное поздравление, посланное тебе третьего дня, ты, вероятно, уже получил. А теперь вернемся опять все к тому же, к письму Маркса¹.

Опасение, что оно даст оружие в руки врагов, оказалось необоснованным. Злостные инсинуации можно, конечно, распространять по всякому поводу, но в общем и целом эта беспощадная самокритика произвела на врагов совершенно ошеломляющее впечатление и вызвала у них такое чувство: какой же внутренней силой должна обладать та партия, которая может сама себе преподносить подобные вещи! Это ясно видно из газет противников, присланных тобою (большое спасибо!) и полученных мною из других мест. Откровенно говоря, и я тоже думал об этом, когда опубликовывал этот документ. Я знал, что он должен был в первый момент кое-кого затронуть весьма неприятно. Но избежать этого было невозможно, и само содержание документа, по моему мнению, перевешивало это с избытком. Я знал, что партия была достаточно крепка, чтобы выдержать это, и был уверен, что и в настоящее время она так же выдержит тот откровенный язык, каким это было высказано 15 лет тому назад; что можно будет с заслуженной гордостью сослаться на эту пробу сил и сказать: где найдется другая такая партия, которая бы осмелилась сделать что-либо по-

¹ Речь идет о «Критике Готской программы» Маркса, которую Энгельс, вопреки сопротивлению оппортунистических вождей германской социал-демократии, опубликовал в начале 1891 г. в «Neue Zeit». Публикация рукописи Маркса именно в тот момент была вызвана тем, что на ближайшем съезде германской социал-демократической партии (Эрфуртском) предстояло принять новую программу. *Ред.*

добное? Между тем сказать это предоставили саксонский и венской «Arbeiter-Zeitung» и «Züricher Post».

Если ты в № 21 «Neue Zeit» берешь на себя ответственность за публикацию, то это очень похвально с твоей стороны, но не забудь, что первый толчок дал все-таки я и что к тому же я до известной степени принудил тебя действовать¹. Поэтому я сохраняю главную ответственность за собой. Что касается подробностей, то на этот счет можно всегда придерживаться различного мнения. Я вычеркнул и изменил все, против чего ты и Дитц возражали, и если бы Дитц отметил еще больше мест, я и тут был бы по возможности сговорчив, как это я вам всегда доказывал на деле. Но что касается главного, то *моим долгом* было опубликовать этот документ, как только программа была поставлена на обсуждение. К тому же после доклада Либкнехта в Галле, в котором он частью беззастенчиво использует, как свою собственность, свои выписки из марксовой «Критики», а частью полемизирует против нее, не называя самого документа, Маркс непременно противопоставил бы этой переработке свой оригинал, и я был обязан сделать это вместо него. К сожалению, у меня тогда еще не было под рукой самого документа; я его нашел только гораздо позже, после долгих поисков.

Ты говоришь, что Бебель писал тебе о том, что оценка Лассалья Марксом вызвала раздражение у старых лассальянцев. Очень может быть. Эти люди не знают ведь действительной истории, и не плохо их в этом отношении просветить. Если этим людям неизвестно, что все величие Лассалья основывалось на том, что Маркс позволял ему в течение долгих лет украшать себя результатами марксовых научных исследований, как своими собственными, и вдобавок извращать их из-за своей недостаточной экономической подготовки, то это не моя вина. Но я являюсь литературным душеприказчиком Маркса, и это возлагает на меня определенные обязанности.

Вот уже 26 лет, как Лассаль принадлежит истории. Если в период исключительных законов его не подвергали исторической критике, то теперь наступает, наконец, время, когда она должна вступить в свои права и выяснить истинное положение Лассалья по отношению к Марксу. Ведь не может же стать символом веры партии легенда, прикрывающая истинный образ Лассалья и превозносящая его до небес. Как бы высоко ни оценивать заслуги Лассалья перед движением, его историческая роль в нем остается двойственной. За Лассалем-социалистом по пятам следует Лассаль-

¹ Посылая Каутскому «Критику Готской программы» Маркса для опубликования ее в «Neue Zeit», Энгельс предупредил Каутского, что если эта работа не будет им напечатана, то он (Энгельс) опубликует ее в венской «Arbeiter-Zeitung». *Ред.*

демагог. Сквозь Лассалья-агитатора и организатора всюду проглядывает адвокат, ведущий Гатцфельдовский процесс: тот же цинизм в выборе средств, та же склонность окружать себя подозрительными и продажными людьми, которых можно использовать как простое орудие, а затем выбросить вон. Будучи до 1862 г. на практике специфически-прусским вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями (я только что просмотрел его письма к Марксу), он, по причинам чисто личного характера, внезапно переменял фронт и начал свою агитацию. И не прошло двух лет, как он уже начал добиваться, чтобы рабочие стали на сторону королевской власти против буржуазии, и завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он на свое счастье не был во-время застрелен. В его агитационных сочинениях то правильное, что он заимствовал у Маркса, настолько переплетено с его собственными, лассалевскими, и, как правило, неверными рассуждениями, что почти нет возможности стделить одно от другого. Та часть рабочих, которая чувствует себя оскорбленной критикой Маркса, знает Лассалья только по двум годам его агитации, да и на это смотрит сквозь розовые очки. Но перед такими предрассудками историческая критика не может навеки застыть в почтительной позе. Моим долгом было раз навсегда вскрыть, наконец, подлинное отношение между Марксом и Лассалем. Это теперь сделано. Этим я могу пока что удовольствоваться. К тому же сам я занят сейчас другими делами. А опубликованное беспощадное суждение Маркса о Лассале уже само по себе произведет нужное действие и придаст мужества другим. Но если бы обстоятельства заставили меня выступить, то у меня не осталось бы выбора: я должен был бы раз навсегда покончить с легендой о Лассале.

Поистине великолепно, что во фракции¹ раздался голоса с требованием установить цензуру над «*Neue Zeit*». Что это — призрак диктатуры фракции времен исключительного закона (диктатуры, которая была тогда необходима и пресоходно проводилась), или это воспоминания о былой строго вышколенной организации фон-Швейцера? Это в самом деле блестящая мысль — после освобождения немецкой социалистической науки от бисмарковского закона против социалистов подчинить ее новому закону против социалистов, который само социал-демократическое партийное начальство должно сфабриковать и проводить в жизнь. Впрочем,

¹ Речь идет о социал-демократической фракции германского рейхстага. *Ред.*

сама природа позаботилась о том, чтобы деревья не росли до небес¹.

Статья в «Vorwärts»² меня мало трогает. Я подожду, пока Либкнехт расскажет всю историю по-своему, и тогда уже, пожалуй, отвечу сразу и на то и на другое по возможности в дружественном тоне. В статье в «Vorwärts» придется только исправить некоторые неправильные утверждения (например, что мы якобы не желали объединения, что события якобы доказали неправоту Маркса и т. д.) и подтвердить то, что само собой разумеется. Этим ответом я думаю со своей стороны закончить настоящую дискуссию, если только новые выпады или неправильные утверждения не вынудят меня к дальнейшим шагам.

Скажи Дитцу, что я занят работой над «Происхождением»³. Но вот сегодня пришло письмо от Фишера, который тоже хочет получить от меня три новых предисловия!

Твой Ф. Э.

217

ЭНГЕЛЬС — Х. МЕСА

24 марта 1891 г.

Дорогой друг Меса!

С большим удовольствием узнали мы из Вашего письма от 2-го числа с. м. о предстоящем издании на испанском языке Вашего перевода «Нищеты философии» Маркса. Незачем и говорить, что мы всецело приветствуем это издание, которое безусловно окажет самое благоприятное влияние на развитие социализма в Испании.

Прудонистская теория, в корне подорванная книгой Маркса, бесспорно исчезла с горизонта с тех пор, как пала Парижская Коммуна. Но она все еще служит огромным арсеналом, из которого радикальные буржуа, псевдосоциалисты Западной Европы, черпают фразы для усыпления рабочих. А так как рабочие этих стран унаследовали от своих предшественников подобные же прудонистские фразы, то у

¹ Немецкая пословица, близкая по смыслу таким русским поговоркам, как «руки коротки» и «выше своей головы не прыгнешь». *Ред.*

² Редакционная статья в «Vorwärts» (в номере от 13 февраля 1891 г.) выражала официальную позицию Правления партии по отношению к «Критике Готской программы». Статья резко осуждала марксову оценку Лассаля и ставила партию в заслугу, что она приняла проект программы вопреки критике Маркса. *Ред.*

³ Речь идет о подготовке Энгельсом четвертого издания «Происхождения семьи, частной собственности и государства», вышедшего в 1891 г. *Ред.*

многих из них фразеология радикалов все еще находит отклик. Таково положение во Франции, где единственные еще оставшиеся прудонисты — это радикальные буржуа, называющие себя социалистами. И, если я не ошибаюсь, у вас, в ваших кортесах и в вашей печати, тоже есть такие республиканцы, называющие себя социалистами потому, что они в прудонистских идеях видят вполне подходящее средство противопоставить действительному социализму — верному и сжатому выражению стремлений пролетариата — низкопробный буржуазный социализм.

Братский привет!

Ф. Энгельс.

218

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

29 июня 1891 г.

Дорогой Каутский,

Я на несколько дней сбежал сюда, к Пумпс; слишком уж много навалилось на меня работы. Счастливый и довольный я только что засел за групповой брак, как на голову мне обрушилась партийная программа¹, и я *должен был* заняться ею. Я хотел было сперва сформулировать несколько более сжато вводную часть, но из-за недостатка времени мне не удалось этого сделать; к тому же я счел более важным разобрать частью предотвратимые, а частью и неизбежные недостатки политического раздела, так как это давало мне повод ударить по миролюбивому оппортунизму «Vorwärts» и по бодро-скромно-весело-свободному² «врастанию» старого свинства «в социалистическое общество». Тем временем, оказывается, ты предложил им новое введение, — тем лучше...

219

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

14 октября 1891 г.

Дорогой Каутский,

В тексте твоего проекта³, напечатанного в «Vorwärts», я нахожу, к великому моему удивлению, неожиданно выплывшую «одну реакционную массу». Пишу тебе об этом

¹ Имеется в виду проект программы германской социал-демократической партии, принятой на Эрфуртском съезде партии в октябре 1891 г. *Ред.*

² Девиз немецкого спортивного общества: frisch-fromm-fröhlich-frei. *Ред.*

³ Эрфуртской программы. *Ред.*

сейчас же, хотя боюсь, что уже поздно. Эта агитационная фраза как резкий диссонанс нарушает весь аккорд кратко и четко сформулированных научных положений. Ведь эта агитационная фраза, да еще крайне односторонняя, и поэтому в той категорической абсолютной форме, в какой она только и производит впечатление, совершенно неверна.

Она неверна, так как превращает правильную самое по себе *историческую тенденцию* в *совершившийся факт*. В тот момент, когда произойдет социалистический переворот, все остальные партии *проявят себя* по отношению к нам реакционной массой. Возможно, что они уже и теперь *таковы*, что они утратили всякую способность к какому бы то ни было прогрессивному действию, хотя это и не обязательно. Но *в настоящий момент* мы не можем этого сказать с той уверенностью, с какой мы высказываем другие положения программы. Даже в Германии условия могут сложиться так, что левые партии, несмотря на все свое убожество, *вынуждены* будут выбросить вон часть того антибуржуазного, бюрократического и феодального хлама, который еще существует там в таком огромном количестве. А при этом условии они уже не были бы реакционной массой.

До тех пор, пока мы недостаточно сильны, чтобы взять власть в свои руки и осуществить наши принципы, не может быть, строго говоря, и речи об *одной* реакционной массе *по отношению к нам*. Иначе вся нация делилась бы на реакционное большинство и бессильное меньшинство.

Неужели люди, уничтожившие в Германии систему мелких государств, предоставившие буржуазии свободу действия для осуществления промышленного переворота и установившие единство условий сообщения как для вещей, так и для людей, что в свою очередь вынудило их предоставить большую свободу движения и нам, — неужели они сделали все это, будучи «реакционной массой»?

Разве французские буржуазные республиканцы, которые в 1871—1878 гг. окончательно победили монархию и господство духовенства, которые дали Франции неслыханную до тех пор, в нереволюционные времена, свободу печати, союзов, собраний, которые ввели обязательное начальное обучение, сделали обучение общим достоянием и поставили его на такую высоту, что мы в Германии могли бы у них поучиться, — действовали как реакционная масса?

Англичане, деятели обеих официальных партий, которые чрезвычайно расширили избирательное право, впятеро увеличили число избирателей, сделали равными избирательные округа, ввели обязательное школьное обучение и улучшили систему преподавания, которые и сейчас еще в каждую парламентскую сессию голосуют не только за буржуазные

реформы, но и за постоянно новые уступки рабочим, — они идут вперед медленно и вяло, но ни один человек не может попросту заклеить их как *«одну»* реакционную массу».

Словом, мы не имеем права выставлять постепенно осуществляющуюся тенденцию как уже совершившийся факт, тем более, что в Англии, например, эта тенденция *никогда* не осуществится до конца. Когда здесь наступит переворот, буржуазия все еще готова будет пойти на всякие мелкие реформы. Но только тогда, раз система будет уничтожена в корне, эти пустяковые реформы потеряют всякий смысл.

Лассалевская фразеология в агитации имеет *при известных обстоятельствах* свое оправдание, хотя у нас ею вероятно злоупотребляли, например с 1 октября 1890 г.¹ в «Vorwärts». Но *в программе ей не место*, тут она абсолютно фальшива и вводит в заблуждение. Тут она так же нужна, как жена банкира Бетмана на балконе, который собирались пристроить к его дому: «Если вы мне сделаете балкон, там сядет моя жена и испортит мне весь фасад!»

О других изменениях в тексте, напечатанном в «Vorwärts», я не могу сейчас говорить, я куда-то засунул этот номер, а письмо уже пора отправлять.

Съезд партии открылся в славный день 14 октября — годовщину битв при Иене и Ауэрштадте, когда рухнула старая, дореволюционная Пруссия. Пусть 14 октября 1891 г. станет для опруссаченной Германии первым днем предсказанной Марксом *«внутренней Иены!»*

Твой Ф. Энгельс.

220

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

29—31 октября 1891 г.

Милостивый государь!

Когда Ваше письмо от 21 сентября прибыло сюда, я путешествовал по Шотландии и Ирландии и только сегодня нашел время и досуг, чтобы ответить на него.

Ваше письмо от 20 января действительно пропало, о чем я сожалею вдвойне: во-первых, потому, что содержащиеся в нем интересные сведения так долго не доходили до меня, а во-вторых, потому, что эта пропажа заставила Вас взять

¹ 1 октября 1890 г. — дата отмены исключительного закона против социалистов в Германии. *Ред.*

на себя труд написать его для меня еще раз. Очень Вам благодарен за это!

«Разведение миллионеров», как выражается Бисмарк, повидимому, действительно идет в вашей стране гигантскими шагами. Такие барыши, какие обнаруживает ваша официальная статистика, просто неслыханы в наши времена в английских, французских и немецких текстильных мануфактурах. 10, 15, самое большее 20 процентов средней прибыли, а в очень, очень исключительные годы процветания 25—30 процентов считаются здесь *хорошей* прибылью. Только во времена детства современной промышленности некоторые предприятия с наилучшими машинами новейшего образца, производившие свои товары с затратой значительно меньшего труда, чем общественно-необходимый труд того времени, были способны доставлять такие нормы прибыли. В настоящее время такие прибыли создаются только в результате удачных спекулятивных предприятий, эксплуатирующих какое-нибудь новое изобретение, да и то в одном таком предприятии из ста, остальные же по большей части терпят полную неудачу.

Единственная страна, в которой такие или приблизительно такие прибыли возможны и в настоящее время, и притом в главных отраслях промышленности, это — Северо-Американские Соединенные Штаты. Здесь покровительственный тариф, введенный после Гражданской войны, а теперь Мак-Кинлеевский тариф, привели к подобным же результатам, и здешние промышленные прибыли должны быть и действительно бывают просто чудовищными. Тот факт, что это положение вещей зависит исключительно от тарифного законодательства, которое может измениться во всякую минуту, вполне достаточен, чтобы помешать вторжению в эти отрасли промышленности *иностранного* капитала в сколько-нибудь крупных размерах (крупных по сравнению с размером вложенного в них отечественного капитала), а вместе с этим устраняется главный источник конкуренции и понижения прибылей.

Ваше описание перемен, которые вызвало распространение современной промышленности в жизни народных масс, а именно — постепенная гибель домашних промыслов, рассчитанных на *непосредственное потребление продуктов самими производителями*, затем мало-помалу и тех домашних промыслов, которые велись в расчете на скупщиков-капиталистов, живо напоминает мне главу нашего автора «о создании внутреннего рынка», равно как и то, что происходило в большей части Центральной и Западной Европы между 1820 и 1840 годами. Эта перемена привела, конечно, у вас к несколько иным результатам. Французский и немецкий крестьянин-

собственник живуч и упорно борется за свое существование: он будет прозябать еще в течение двух или трех поколений в руках ростовщика, прежде чем окончательно решится на то, чтобы продать свою землю и дом, по крайней мере, в тех местностях, куда еще не проникла современная промышленность. В Германии крестьянство не идет ко дну благодаря всякого рода кустарным промыслам, вроде производства трубок, игрушек, корзин и т. п., при этом оно работает на капиталистов. Крестьянин считает ни во что тот досуг, который остается у него после обработки его маленького поля; а потому всякая копейка, получаемая им за добавочный труд, кажется ему чистым барышом; отсюда — разорительно низкая заработная плата и баснословная дешевизна продуктов таких промыслов в Германии.

У вас имеется сопротивление общины¹ внешнему натиску (хотя мне кажется, что это сопротивление должно значительно ослабевать в постоянной борьбе с современным капитализмом), затем у вас имеется лишний ресурс в аренде земель у соседних крупных земельных собственников, как это описывается в Вашем письме от 1 мая; правда, эта аренда обеспечивает земельному собственнику получение прибавочной стоимости, но в то же время она способствует дальнейшему прозябанию крестьянина, его дальнейшему существованию как *крестьянина*; кулаки, насколько я вижу, тоже предпочитают лучше держать крестьянина в своих когтях как *предмет эксплуатации*, чем разорить его раз навсегда и приобрести себе принадлежащую ему землю. Из этого я заключаю, что русский крестьянин там, где он не требуется в качестве рабочего на соседнюю фабрику или в город, тоже очень живуч и тоже долго и упорно будет бороться со смертью.

Громадные барыши, получаемые молодой русской буржуазией, и зависимость этих барышей от благоприятного урожая, так хорошо показанная в Вашем исследовании, объясняют много вещей, которые иначе казались бы очень неясными. Так, например, как должен был бы я понять ниже следующее утверждение, прочитанное мною сегодня утром в корреспонденции из Одессы в одной из лондонских газет: русские коммерческие классы, повидимому, находятся в эту минуту во власти одной идеи, а именно, что война есть единственное действительное средство против все растущей депрессии и отсутствия кредита, от которого страдают в эту минуту все отрасли русской промышленности. Как мог бы я понять и объяснить себе эту фразу, если бы не знал о полнейшей зависимости искусственно созданной тарифами про-

¹ «Община» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

more natural to naive people than its rejection
by a successful war?

Very interesting are you notice the apparent con-
tradiction that, with you, a good harvest does not neces-
sarily mean a lowering of the price of corn. When we
study the local economic relations in various coun-
tries of all various stages of civilization, how frequently
excessive & deficient appears the rationalistic general-
izations of the 19th century - good old Adam Smith
who took the conditions of Edinburgh and the Scotch
as the norm of the universal law, blushed
already then that

и все еще

He suffers you some say

Корде простой продукты итвемь

Статье конать се не мур

И жемь омавевъ въ галовъ.

Yours very sincerely

J. A. Locke

that I have to begin again
with vol. III - and hope not to discontinue
and complete

This letter has been delayed with the
inconvenience of interruption.



мышленности от внутреннего рынка и от урожая в земледельческих округах, так как от него зависит покупательная сила единственных покупателей продуктов этой промышленности! А раз этот рынок ускользает, то что может быть естественнее для наивных людей, как не добиваться расширения рынка путем успешной войны?

Очень интересны Ваши заметки по поводу того кажущегося противоречия, что у вас хороший урожай *не* означает обязательного понижения хлебных цен. Когда мы изучаем таким образом реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века — хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принимал условия, господствовавшие в Эдинбурге и в окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной. Впрочем, Пушкин уже знал это, как и то,

...и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продукт имеет.
 Отец понять его не мог
 И земли отдавал в залог.¹

Искренне Ваш П. В. Рошер.

В будущий понедельник я снова приступлю к III тому и надеюсь не отрываться больше от этого дела, пока не покончу с ним совсем.

Это письмо затянулось до сегодня, 31 октября, так как меня прервали.

221

ЭНГЕЛЬС — К. ШМИДТУ

1 ноября 1891 г.

... Без Гегеля, конечно, обойтись невозможно, и притом нужно время, чтобы его переварить. Малая Логика в Энциклопедии — очень хорошее начало. Но Вы возьмите VI том «Сочинений», а не отдельное издание Розенкранца (1845), так как в первом имеется гораздо больше поясняющих добавлений из лекций, хотя осел Геннинг часто сам в них не разобрался.

В введении Вы найдете § 26 и т. д., прежде всего критику вольфовской обработки Лейбница (метафизика в

¹ Отрывок из «Евгения Онегина» написан Энгельсом по-русски. *Ред.*

историческом смысле), затем англо-французского эмпиризма, § 37 и т. д., затем Канта, § 40 и следующие, наконец, мистицизма Якоби, § 61. В отделе первом («Бытие») Вы не останавливайтесь чересчур долго на «Бытии» и «Ничто», последние параграфы — «Качество», затем «Количество» и «Мера» — гораздо лучше. Но главная часть — это учение о «Сущности». Раскрытие отвлеченных противоречий во всей их несостоятельности, причем, как только собираешься ухватиться крепко за одну сторону [противоречия], так она незаметно превращается в другую и т. д. Вы можете уяснить себе это постоянно на конкретных примерах. Например, яркий образец нераздельности тождества и различия Вы как жених найдете в себе самом и в Вашей невесте. Совершенно невозможно установить, является ли половая любовь радостью оттого, что тождество в различии или различие в тождестве? Откиньте здесь различие (в данном случае полов) или тождество (человечность обоих), и что же у Вас останется? Я припоминаю, как меня вначале мучила как раз эта нераздельность тождества и различия, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не наткнуться на это.

Но никоим образом не следует читать Гегеля так, как читал его г. Барт, именно для того, чтобы открывать в нем паралогизмы и передержки, которые ему служили рычагами для построений. Это работа школьника. Гораздо важнее отыскать под неправильной формой и в искусственной связи верное и гениальное. Переходы от одной категории к другой или от одной противоположности к следующей почти всегда произвольны. Часто это происходит при помощи остроты, как, например, положительное и отрицательное — § 120 — оба гибнут, чтобы Гегель мог перейти к категории основания¹. Раздумывать об этом много — значит просто терять время.

Так как каждая категория у Гегеля представляет собой ступень в истории философии (он по большей части и указывает такого рода ступени), то Вы сделаете хорошо, если возьмете для сравнения лекции по истории философии (одно из гениальнейших произведений). Для отдыха могу Вам порекомендовать «Эстетику». Когда Вы уже несколько работаете, то будете поражены.

Извращение диалектики у Гегеля основано на том, что она должна быть по Гегелю «саморазвитием мысли», и потому диалектика вещей — это только ее отблеск. А на самом-то деле ведь диалектика в нашей голове — это только отражение действительного развития, которое совершается

¹ По-немецки неперевожимая игра слов: zu Grunde gehen — идти ко дну, гибнуть; Grund — дно, основание. *Ред.*

в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам.

Сравните хотя бы у Маркса развитие от товара к капиталу с развитием у Гегеля от бытия к сущности, и у Вас будет прекрасная параллель: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит в действительности, и, с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой в высшей степени гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие одного понятия из другого. Таких примеров можно привести еще дюжину...

1892 год

222

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

6 января 1892 г.

...В Америке, мне кажется, еще нет места для *третьей* партии. На этой обширной территории различие в интересах настолько велико, даже *внутри* одной и той же классовой группировки, что в каждой из двух больших партий представлены, в зависимости от местности, совершенно различные группы и интересы. Несмотря на то, что в настоящее время крупная промышленность в целом составляет ядро республиканской партии, а южное крупное землевладение — ядро демократической, в очень значительной мере каждая прослойка имущего класса имеет своих представителей и в той и в другой партии. Это кажущееся случайным смешение как раз и создает великолепную почву для коррупции и эксплуатации государства, которые в Америке так пышно процветают. Лишь тогда, когда земля — государственный фонд — целиком окажется в руках спекулянтов, и колонизация, встречая таким образом все большие препятствия, станет поприщем для мошенничества, — лишь тогда, мне кажется, при *равномерном* развитии наступит время для третьей партии. Земля является основой спекуляции, американская же спекулятивная лихорадка и самая возможность спекуляции — вот главные рычаги, посредством которых коренные американские рабочие удерживаются под влиянием буржуазии. Лишь тогда, когда появится поколение коренных американских рабочих, которым больше *ничего* будет ждать от спекуляции, лишь тогда мы обретем в Америке твердую почву под ногами. Но кто же может рассчитывать на *равномерный* ход развития в Америке! Там в экономической жизни совершаются такие же скачки, как в политической жизни во Франции, и, конечно, такие же временные повороты назад.

Мелкие фермеры и мелкие буржуа едва ли когда-нибудь создадут сильную партию, это слишком быстро сменяющиеся элементы; крестьянин к тому же часто странствует, обрабатывая последовательно 2, 3, 4 фермы в разных штатах и территориях; в этих слоях иммиграция и банкротства способствуют быстрой смене людей, а экономическая зависимость от кредиторов препятствует самостоятельности, но зато они представляют благодарнейший элемент для политиканов, которые спекулируют на их недовольстве, чтобы затем продать их одной из двух больших партий.

«Упорство» янки, воскрешающих даже надувательство с гринбеками¹, вытекает из их теоретической отсталости и англо-саксонского презрения ко всякой теории. Они расплачиваются за это слепой верой во всякий философский и экономический вздор, религиозным сектантством и нелепыми экономическими экспериментами, а некоторые буржуазные клики нагревают себе на этом руки...

223

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

19 февраля 1892 г.

...Положение в Германии действительно обостряется. Дело зашло, повидимому, далеко, если даже у национал-либералов неоднократно прорываются оппозиционные настроения, а Рихтер может мечтать о германской «великой либеральной партии». Капиталистическое общество, которое формально еще не подчинило себе государства, вынуждено предоставлять действительное управление монархически-бюрократически-юнкерской наследственной касте и довольствоваться тем, что в общем и целом решающую роль все же играют в конечном счете его собственные интересы. Это общество в силу своего положения в Германии колеблется между двумя течениями. С одной стороны, течение, ведущее к блоку всех официальных и имущих слоев общества против пролетариата, — это течение ведет в конечном счете к «единой реакционной массе» и при *мирном* развитии в конце концов одерживает верх. С другой стороны — течение, которое все снова и снова ставит в порядок дня старый, из-за

¹ «Гринбеками» (Greenback) называли бумажные деньги, выпускавшиеся в Америке во время Гражданской войны (1861—1865). *Ред.*

трусости еще не разрешенный конфликт между монархией с ее абсолютистскими пережитками, земельной аристократией и мнящей себя выше всех партий бюрократией и противостоящей им всем промышленной буржуазией, материальные интересы которой ежедневно и ежечасно терпят ущерб от этих отживших элементов. Какое из этих течений в тот или иной момент берет верх, зависит от личных, местных и случайных обстоятельств. Сейчас в Германии как будто побеждает второе течение, причем промышленные короли вроде Штумма и акционеры промышленных обществ в большинстве стоят, конечно, на стороне отжившей реакции. Но это неоднократно воскрешаемое подражание старому конфликту 1848 г. может стать вполне серьезным лишь в том случае, если правительство и земельная аристократия, упоенные достигнутыми до сих пор успехами, натворят слишком уже больших глупостей. Я не считаю это невозможным, ибо доходящие до курьеза личные вожделения там, в верхах, находят себе опору во все растущем убеждении юнкеров, что промышленность долго *не сможет выдержать* пошлин на сырье и продукты питания. Далеко ли зайдет этот конфликт, зависит, как я уже сказал, от случайных поступков отдельных лиц.

Характерно, что при этом остается в силе старая манера: бить по мешку, имея в виду осла (или, вернее, обоих). Бьют по социал-демократии, но заодно здорово достается и буржуазии: ее ущемляют сначала политически, в ее либеральных принципах, которыми она вот уже 60 лет так гордо шеголяет, и в ее крохотной доле *непосредственного* участия в государственной власти; а затем, если это сходит гладко, ущемляют также и экономически — принося ее интересы в жертву интересам крупного землевладения.

Итак, подготавливается, повидимому, резкий поворот вправо, причем поводом к этому выдвигается необходимость сокрушить *наш* подъем...

224

ЭНГЕЛЬС — И. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

15 марта 1892 г.

Милостивый государь,

Мне почти стыдно отвечать на Ваши любезные и интересные письма от 12 и 21 ноября прошлого года. Но я был так завален работой, а писать при газовом освещении все

еще так вредно моим глазам (хотя в других отношениях они служат мне довольно исправно), что эта перегруженность работой и непродолжительность зимнего дня в наших краях должны послужить мне оправданием.

Ваша страна действительно проходит теперь через очень важный период, огромное значение которого трудно переоценить. Мне кажется из Ваших писем, что нынешний неурожай¹ представляется Вам не несчастной случайностью, а необходимым следствием, одним из неизбежных спутников начавшегося в России с 1861 г. экономического развития. Это также и мое мнение, поскольку я могу судить на расстоянии. С 1861 г. в России начинается развитие современной промышленности в масштабе, достойном великого народа. Давно уже созрело убеждение, что ни одна страна в настоящее время не может занять подобающего ей места среди цивилизованных наций, если она не обладает промышленностью, использующей паровые двигатели, и сама не удовлетворяет — хотя бы в значительной части — собственную потребность в фабричных изделиях. Исходя из этого убеждения, Россия и начала действовать и действовала с большой энергией. Если она оградила себя стеной покровительственных пошлин, то это вполне естественно, ибо конкуренция Англии принудила к такой политике почти все большие страны; даже Германия, где *крупная промышленность* успешно развивалась *при почти полной свободе торговли*, присоединилась к общему хору и перешла в лагерь протекционистов только для того, чтобы ускорить тот процесс, который Бисмарк называл «выращиванием миллионеров». А если Германия вступила на этот путь даже без всякой необходимости, можно ли порицать Россию за то, что для нее *было* необходимо, раз уж определилось новое направление промышленного развития?

До некоторой степени ваше нынешнее положение, мне кажется, можно сравнить с положением Франции при Людовике XIV. Там тоже мануфактуры были поставлены в благоприятные условия развития покровительственной системой Кольбера; и через 20—30 лет стало ясно, что отечественная мануфактурная промышленность при существовавших тогда условиях могла быть создана только за счет крестьянства. Крестьянское натуральное хозяйство было подорвано и вытеснялось денежным хозяйством; сложился внутренний рынок и одновременно снова оказался почти совсем разрушенным, по крайней мере на время, вследствие самого этого процесса и той беспримерной силы, с которой экономическая необходимость прокладывала себе путь, а также вследствие

¹ «Неурожай» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

роста поборов деньгами и людьми, вызванного тогда введением постоянных армий и рекрутчины, подобно тому как в наши дни рост их вызывается введением прусской системы всеобщей воинской повинности. И вот, когда в довершение всего случился недород год или два подряд, вся страна была охвачена тем состоянием всеобщего расстройтва, описание которого мы находим у Буагильбера и маршала Вобана.

Но тут есть также и огромная разница: разница между старинной «мануфактурой» и современной «крупной промышленностью», которая (в отношении влияния на крестьянина, мелкого сельскохозяйственного производителя, владеющего собственными средствами производства) соответствует разнице между старинным, гладкоствольным, кремневым мушкетом 1680 г. и современной автоматической 7,5-миллиметровой винтовкой образца 1892 года. Более того, в то время как в 1680 г. мелкое земледелие все еще было обычным способом производства, а эксплуатация больших имений только исключением, правда, *все возраставшим*, но все же всегда лишь исключением, — теперь обработка земли в крупном масштабе с применением машин становится правилом и все более является единственно возможным способом сельскохозяйственного производства. Так что крестьянин в наши дни, повидимому, обречен на неизбежную гибель.

Вы помните, что говорил наш автор в письме по поводу Жуковского¹; если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то русская крестьянская община обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться. Повидимому, приближается момент, когда — по крайней мере в некоторых областях — старые социальные устои русского крестьянства в своей совокупности не только потеряют свою ценность для отдельного крестьянина, но и станут для него путями в точности так, как это происходило ранее в Западной Европе. Боюсь, что нам скоро придется рассматривать вашу общину² как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Нет сомнения в том, что таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь. Любопытно только то, что те самые люди в России, которые не устают восхвалять несравненное превосходство первобытных русских учреждений над учреждениями гнилого Запада, — что эти же люди делают все, чтобы разрушить эти первобытные учреждения и заменить их учреждениями гнилого Запада!

Но если русский крестьянин обречен на превращение в

¹ Имеется в виду письмо Маркса в редакцию «Отечественных Записок». См. стр. 313 этого сборника. *Ред.*

² «Община» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

пролетария — промышленного или сельскохозяйственного, — то русский помещик¹, повидимому, тоже обречен. По моим сведениям этот класс чуть ли не более обременен долгами, чем крестьянство, и вынужден постепенно распродавать свои имения. А между крестьянством и помещиком, повидимому, протискивается вперед новый класс землевладельцев — деревенские кулаки¹ и городские буржуа — отцы, быть может, будущей русской земельной аристократии??

Прошлогодний неурожай вынес все это на яркий дневной свет. И я вполне разделяю Ваше мнение, что причины его чисто социального порядка. Что касается обезлесения, то оно является в не меньшей степени, чем разорение крестьянства, одним из жизненных условий буржуазного общества. Нет ни одной «цивилизованной» европейской страны, которая бы не пережила его. Америка же* — и Россия тоже, без сомнения, — переживает его сейчас. Поэтому обезлесение, на мой взгляд, по своей сути в такой же мере социальный фактор, как и социальный результат. Но оно также очень часто используется заинтересованными сторонами для того, чтобы свалить с себя вину за экономические неудачи, сведя их к такой причине, за которую, как будто, никто не может быть ответственен.

Неурожай, по-моему, только сделал очевидным то, что в скрытом состоянии существовало уже и раньше. Но он ужасающе ускорил совершающийся процесс. Этой весной к моменту сева крестьянин будет бесконечно слабее, чем он был прошлой осенью во время осеннего сева, и ему придется восстанавливать свои силы в гораздо менее благоприятных условиях. Нищий, по уши в долгах, без скота, что может он поделывать даже в тех местностях, где ему удалось перезимовать, не покидая своей деревни? Мне кажется поэтому, что потребуются целые годы, чтобы справиться вполне с последствиями нынешнего бедствия, а когда это удастся, Россия будет совсем иной страной, чем она была даже еще 1 января 1891 года. Пока же нам остается утешать себя мыслью, что все это в конце концов должно послужить делу прогресса человечества.

Прошлой осенью я послал Вам небольшую книжку «Происхождение семьи», 4-е издание. Я отправил ее заказным и поставил свой адрес на конверте. Поскольку она не была мне возвращена, я полагаю, что Вы ее получили.

Очень Вам благодарен за многочисленные присланные мне статьи и журналы — работа Менделеева оказалась

¹ «Помещик» и «кулаки» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

* В Америке я сам наблюдал это четыре года назад. Там прилагаются огромные усилия для смягчения его последствий и исправления совершенной ошибки. [*Примечание Энгельса.*]

особенно интересной. Но я очень жалею, что именно сейчас, будучи очень занят, не могу уделить им все то внимание, которого они заслуживают. Вы поймете, до какой степени я был завален экстренной работой, если я скажу, что с Нового года и до сегодняшнего дня — обычно самое спокойное для меня время — я не имел возможности посвятить III тому ни одной минуты.

Ваши поздравления были своевременно переданы в Париж.

Сердечный привет!

Ваш П. В. Рошер.

Есть ли какие-нибудь сведения о нашем общем друге¹?

225

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

18 июня 1892 г.

...Могла ли Россия в 1890 г. существовать и удерживать независимое положение в мире как чисто сельскохозяйственная страна, живущая исключительно вывозом зерна и покупающая за него заграничные продукты промышленности? Я думаю, что мы с уверенностью можем ответить — *нет*. Стомиллионная нация, играющая важную роль в мировой истории, не могла бы при современных экономических и промышленных условиях продолжать оставаться в том состоянии, в каком Россия находилась вплоть до Крымской войны. Введение паровых двигателей и машин, попытки изготовлять текстильные и металлические изделия при помощи новейших средств производства, хотя бы только для отечественного потребления, *должны* были иметь место раньше или позже, но во всяком случае в *какой-либо* момент между 1856 и 1880 годами. Если бы это не произошло, ваша отечественная патриархальная промышленность все равно была бы разрушена конкуренцией английского машинного производства, и в результате получилась бы Индия — страна, экономически подчиненная великой центральной фабрике — Англии. И даже Индия выставила покровительственные пошлины против английских хлопчатобумажных товаров; что же касается остальных британских колоний, как только они добивались самоуправления, так немедленно же ограждали пошлинами свои местные мануфактуры от подавляющей конкуренции метрополии. Английские заинтересованные писа-

¹ Г. Лопатин. *Ред.*

тели никак не возьмут в толк, почему подаваемый Англией пример свободы торговли повсюду отвергается и вызывает в ответ установление покровительственных пошлин. Конечно, они просто не *осмеливаются* видеть, что эта, ныне почти всеобщая, покровительственная система является более или менее разумным, а в иных случаях и совершенно нелепым, средством самозащиты против этой самой английской свободы торговли, которая подняла английскую промышленную монополию до ее наибольшей высоты. (Это средство нелепо, например, в Германии, которая стала крупной промышленной страной при свободе торговли и где протекционизм распространен теперь на сельскохозяйственные продукты и сырье, что увеличивает издержки промышленного производства!) Я рассматриваю этот всеобщий поворот к покровительственной системе не как простую случайность, а как реакцию против нестерпимой промышленной монополии Англии. *Форма* этой реакции, как я сказал, может быть неадекватной и даже хуже, но историческая необходимость такой реакции кажется мне вполне ясной и очевидной.

Все правительства, даже самые абсолютистские, в *конечном счете* только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они делают свое дело по-разному — хорошо, плохо или посредственно; ускоряют или замедляют экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими следствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием. Были ли те средства, с помощью которых осуществилась промышленная революция в России, наилучшими для данной цели, это особый вопрос, обсуждение которого завело бы нас слишком далеко. Для моей цели достаточно будет, если я смогу доказать, что эта промышленная революция была сама по себе неизбежна...

 226

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

4 сентября 1892 г.

... Если бы ты был здесь во время последних выборов, то иначе отзывался бы о фабианцах. В нашей тактике одно остается неизменным для всех современных стран нашего времени: вести рабочих к созданию собственной независимой партии, противостоящей всем буржуазным партиям. На последних выборах английские рабочие впервые, правда, еще только инстинктивно, подталкиваемые ходом событий, сделали в этом направлении решительный шаг; этот шаг

имел поразительный успех и способствовал прояснению сознания рабочих больше, чем какое-либо событие за последние 20 лет. А что делали фабианцы — не отдельные члены организации, а все Фабианское общество в целом? Оно проповедывало и осуществляло на практике *присоединение рабочих к либералам*, и произошло то, чего и следовало ожидать: либералы выделили для них четыре округа, завоевать которые было невозможно, и кандидаты фабианцев провалились с треском. Парадоксальный беллетрист Шоу — как беллетрист очень талантливый и остроумный, но решительно ничего не стоящий как экономист и политик, хотя он и честен и не карьерист, — писал Бебелю: если они, мол, не будут проводить эту политику, состоящую в том, чтобы навязывать либералам своих кандидатов, то не пожнут ничего, кроме «поражения» и «позора» (как будто поражение зачастую не бывает почетнее победы); ну, вот теперь они эту свою политику провели и пожинают и то и другое.

В этом суть всего вопроса. В тот момент, когда рабочие впервые выступают самостоятельно, Фабианское общество предлагает им оставаться в хвосте у либералов. И об этом нужно открыто сказать социалистам на континенте, замалчивать — означало бы стать соучастником. Поэтому меня очень огорчило, что заключительная часть статьи Эвелингов¹ не была напечатана. Это вовсе не было запоздалое размышление задним числом, а лишь упущение, вызванное спешкой при отправке статьи. Последняя остается незаконченной без характеристики позиции двух социалистических организаций по отношению к выборам; читатели «Neue Zeit» имеют право знать и это.

Я, кажется, сам писал тебе в последнем письме, что как в Социал-демократической федерации, так и в Фабианском обществе члены на местах лучше центрального руководства. Но толку от этого нет, пока позиция центра определяет позицию всей организации. Из этих замечательных ребят, кроме Баннера, я не знаю никого. Баннер, как ни странно, не показывался у меня со времени своего вступления в Фабианское общество. Я полагаю, что его толкнуло на этот шаг отвращение к Социал-демократической федерации и потребность состоять в какой-либо организации, а, может быть, и кое-какие иллюзии. Но эта ласточка еще не делает весны.

Ты усматриваешь в Фабианском обществе нечто еще не сложившееся. Напротив, эти люди *слишком* сложились. Это клика буржуазных «социалистов» различного пошиба, от карьеристов до сентиментальных социалистов и филантро-

¹ Статья Элеоноры и Эдуарда Эвелинг «Выборы в Великобритании», напечатанная в «Neue Zeit». *Ред.*

пов, объединенных только страхом перед грозящим господством рабочих и готовых на все, чтобы предотвратить эту опасность, обеспечив руководство *за собой*, за «образованными». И если они при этом допускают нескольких рабочих в свой руководящий орган, для того чтобы эти рабочие играли в нем роль всегда бессильного меньшинства на манер рабочего Альбера в 1848 г., то это никого не должно вводить в заблуждение.

Средства, которые пускает в ход Фабианское общество, абсолютно ничем не отличаются от политики продажных парламентариев: деньги, интриги, карьеризм. Чисто по-английски: считается само собой разумеющимся, что каждая политическая партия (только у рабочих должно быть по-иному!) так или иначе оплачивает своих агентов деньгами или вознаграждает их должностями. Эти люди погрязли по уши в интригах либеральной партии, занимают должности у либералов, как, например, Сидней Вебб, являющийся вообще типичным английским политическим деятелем. Эти господа практикуют все то, против чего необходимо предостерегать рабочих.

При всем том я не требую, чтобы ты рассматривал этих людей как врагов. Но, на мой взгляд, тебе, как, впрочем, и всякому другому, не следует ограждать их от критики. А ведь именно так выглядел пропуск относящегося к ним места в статье Эвелингов. Если ты, однако, хочешь, чтобы Эвелинги дали тебе статью об истории и позиции различных английских социалистических организаций, ты только скажи, и я предложу им это...

227

ЭНГЕЛЬС — Ф. МЕРИНГУ

28 сентября 1892 г.

Уважаемый г. Меринг,

Каутский прислал мне отрывок из одного Вашего письма, в котором содержится вопрос ко мне. Если Вы считаете неудобным писать мне прямо, потому что я когда-то не ответил на два Ваших письма, то я не имею права быть на это в обиде. Но ведь тогда мы принадлежали к разным лагерям, в силе был закон против социалистов, и это заставляло нас придерживаться правила: кто не с нами, тот против нас. К тому же Вы сами, если я не ошибаюсь, говорили в одном из писем, что не можете рассчитывать на ответ. Но это было давно, с тех пор мы оказались в одном лагере. Вы напечатали

в «Neue Zeit» превосходные работы, на признание которых я не скупился в своих письмах, например, к Бебелю. Поэтому я с удовольствием пользуюсь случаем ответить Вам непосредственно.

Разумеется, претензия приписывать открытие материалистического понимания истории прусским представителям романтической исторической школы является для меня новостью. У меня у самого есть «Наследство» Марвица, я читал эту книгу уже несколько лет тому назад, но ничего не обнаружил в ней, кроме превосходных мест о кавалерии и непоколебимой веры в чудодейственную силу пяти ударов кнута, когда дворянство применяет их против плебса. Вообще же я с 1841—1842 гг. абсолютно не следил за этой литературой, знакомился с ней только весьма поверхностно и, конечно, абсолютно ничем не обязан ей в упомянутом отношении. Маркс во время своего пребывания в Бонне и Берлине познакомился с Адамом Мюллером, «Реставрацией» г. фон Галлера и т. п.; он отзывался довольно презрительно об этом пошлом, высокопарно-болтливом подражании французским романтикам — Жозефу де Местру и кардиналу Бональдю. Если бы он и натолкнулся на такие места, как приводимая Вами цитата из Лавернь-Пегилена¹, то они в то время не могли произвести на него абсолютно никакого впечатления, даже если бы он вообще и понял, что эти люди хотели сказать. Маркс был тогда гегельянцем и для него это место было абсолютной ересью; о политической экономии он абсолютно ничего не знал и, следовательно, при слове «форма хозяйства» вовсе ничего не мог себе представить, и потому упомянутое место, даже если он его и знал, должно было в одно ухо войти, а в другое выйти, не оставив в его памяти сколько-нибудь заметного следа. Но я не думаю, чтобы в произведениях романтических историков, которые Маркс читал между 1837 и 1842 гг., можно было найти отзвуки чего-либо подобного.

Это место, действительно, в высшей степени примечательно, но мне бы хотелось, чтобы цитата была проверена. Я не знаю этой книги, автор ее мне, конечно, известен как последователь «исторической школы». Это место в двух пунктах расходится с современным пониманием: 1) в том, что оно выводит производство и распределение из формы хозяйства, вместо того чтобы, наоборот, выводить форму хозяйства из производства, и 2) в той роли, которую оно приписывает «соответствующему использованию» формы хозяйства, под чем можно подразумевать что угодно, пока не узнаешь из самой книги, что имеет в виду автор.

¹ Выдержка из книги М. Лавернь-Пегилена «Законы движения и производства». *Ред.*

Но всего удивительнее то, что правильное понимание истории обнаруживается *in abstracto* [в абстрактной форме] у тех людей, которые *in concreto* [в конкретной форме] всего больше искажали историю и в теории, и на практике. Эти люди уже на примере феодализма могли бы увидеть, каким образом *здесь* форма государства развивается из формы хозяйства; потому что здесь, так сказать, все неприкрыто и ясно как на ладони. Я говорю *могли бы*, так как помимо вышеупомянутого непроверенного места — Вы сами говорите, что получили его *из вторых рук*, — я нигде ничего подобного не смог обнаружить, кроме того, что, само собой разумеется, теоретики феодализма менее абстрактны, чем буржуазные либералы. Если уж один из них это представление о взаимосвязи развития культуры и формы государства с формой хозяйства в феодальном обществе обобщает настолько, что распространяет его на все формы хозяйства и государства, то как же тогда объяснить полнейшее ослепление того же романтика, лишь только речь идет об *иных* формах хозяйства, о буржуазной форме хозяйства и о соответствующих различным ступеням ее развития формах государства — о средневековой цеховой коммуне, об абсолютной монархии, о конституционной монархии, о республике? Ведь это же трудно согласовать одно с другим. И тот же человек, который видит в экономической форме основу всего общественного и государственного строя, принадлежит к школе, для которой уже абсолютная монархия XVII и XVIII веков есть грехопадение и предательство по отношению к истинной государственной доктрине!

Но это также означает во всяком случае, что форма государства так же неизбежно вытекает из формы хозяйства и из ее *соответствующего использования*, как ребенок рождается от мужчины и женщины. Принимая во внимание всемирно известную доктрину школы, к которой принадлежит автор, я могу объяснить это только таким образом: истинная форма хозяйства это — феодальная. Но так как люди по злобе своей против нее в заговоре, надо таким образом ее «соответственно использовать», чтобы защитить ее неприкосновенность от этих нападков и сохранить навеки и чтобы «форма государства» и т. д. постоянно ей соответствовала, т. е. была по возможности возвращена к тому состоянию, в котором находилась в XIII—XIV веках. Тогда одновременно нашел бы свое осуществление лучший из миров и осуществились бы прекраснейшие исторические теории. Обобщение Лавернь-Пегилена опять сведено было бы к своему истинному содержанию: что феодальное общество порождает феодальный государственный строй.

Впредь до выяснения новых данных могу только

предположить, что Лавернь-Пегилен сам не понимал, что писал. Некоторые животные, согласно пословице, тоже иной раз находят жемчужину, а среди прусских романтиков эти животные широко представлены. Во всяком случае их всегда следует сравнивать с их французскими прообразами — не заимствовано ли также и это.

Вас я могу только благодарить за то, что Вы обратили мое внимание на этот вопрос, который я, к сожалению, не смогу разобрать здесь подробнее в настоящий момент.

Искренне Ваш Ф. Энгельс.

228

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

31 декабря 1892 г.

Дорогой Зорге,

Прежде чем закончится старый год — еще несколько строк. Твои письма от 18 ноября и 16 декабря получил, большое спасибо. Получил ли ты посылку с книгами, которую я послал тебе по почте в сентябре? Там были: «Положение рабочего класса» в новом издании и «Развитие социализма от утопии к науке» в переводе Эвелинга с моим предисловием. Если не получил, я пошлю тебе их вторично заказной почтой.

Здесь, в старой Европе, несколько больше оживления, чем в вашей «юной» стране, которая все еще не может выбраться из отроческого возраста. Удивительно, хоть и вполне естественно, насколько в такой молодой стране, никогда не знавшей феодализма и с самого начала развивавшейся на буржуазной основе, буржуазные предрассудки крепко засели также и в рабочем классе. Именно из протеста против метрополии, все еще носящей феодальную маску, американский рабочий воображает; что традиционная буржуазная форма хозяйства есть нечто по самой своей природе и на все времена прогрессивное и превосходное, нечто не могущее быть превзойденным. Совершенно так же как в Новой Англии пуританство, первопричина существования всей колонии, именно поэтому и стало традиционной и почти неотъемлемой частью местного патриотизма. Как бы там американцы ни хорохорились и ни изворачивались, они не могут дисконтировать как вексель свою несомненно гигантскую будущность; им уж придется дожидаться, когда наступит срок платежа по этому векселю, и именно *потому*, что их буду-

щее так огромно, они в настоящем должны заниматься главным образом подготовкой к этому будущему; работа же эта, как в каждой молодой стране, преимущественно материального характера и обуславливает известную отсталость мышления, приверженность к традициям, связанным с формированием новой национальности. У англо-саксонской расы — у этих проклятых шлезвиг-голландцев, как постоянно называл их Маркс, — мозг и без того неповоротлив, а история этой расы в Европе, как и в Америке (успехи в экономической области и преимущественно мирное развитие в политической), еще усугубила это свойство. Тут помочь могут только крупные события, и если теперь к более или менее завершившемуся переходу государственных земель в частные руки присоединится еще расширение промышленности в условиях менее сумасбродной таможенной политики и завоевание внешних рынков, то и у вас все может пойти на лад. Классовая борьба и здесь, в Англии, была ожесточеннее в период развития крупной промышленности и затихла, как раз когда наступил период неоспоримого мирового промышленного господства Англии. В Германии развитие крупной промышленности с 1850 г. тоже совпадает с подъемом социалистического движения, и в Америке будет, вероятно, не иначе. Революционизирование всех традиционных отношений развивающейся промышленностью революционизирует также и головы.

Впрочем, американцы с давних уже пор доказали европейскому миру, что буржуазная республика — это республика капиталистических дельцов, где политика такое же коммерческое предприятие, как и всякое другое; французы же, у которых господствующие буржуазные политики уже давным давно знали это и втихомолку применяли на практике, тоже начинают, наконец, на панамском скандале¹ осознавать эту истину в национальном масштабе. А чтобы конституционные монархии не слишком хвастались своей добродетелью, у каждой из них имеется своя собственная маленькая панама: в Англии — скандалы с так называемыми строительными компаниями, одна из которых, «Освободитель», начисто «освободила» множество мелких вкладчиков от 8 миллионов фунтов стерлингов сбережений; в Германии — скандальная история с Бааре² и еврейские ружья

¹ Панамский скандал разыгрался в конце 1892 г. во Франции; после краха компании, строившей Панамский канал, вскрылась безобразная картина капиталистического спекулятивного мошенничества и политической коррупции — подкупа ряда влиятельных политических деятелей и всех крупных французских газет. *Ред.*

² Главный директор сталелитейных заводов в Бохуме Бааре судился по обвинению в утаивании доходов компании с целью неуплаты налогов, в подделке печатей и в выпуске недоброкачественных рельсов. *Ред.*

Леве¹ (доказавшие, что прусский офицер ворует, как прежде, но только совсем понемножку — единственное, в чем он скромен); в Италии — Римский банк², который является уже приближением к настоящей Панаме и ухитрился подкупить около 150 депутатов и сенаторов; документальные данные об этом деле будут, как мне сообщают, скоро опубликованы в Швейцарии. Пусть Шлютер следит за всем, что появится в газетах по поводу Римского банка. А на святой Руси исконный русский князь Мещерский возмущается равнодушием, с каким встречают в России разоблачения о Панаме, и объясняет это себе только тем, что русская добродетель испорчена французским примером и что «у нас самих имеется дома не одна панама»...

¹ Владельцы оружейных заводов Л. Леве и К^о поставляли государству заведомо недоброкачественные ружья, подкупая при этом крупных государственных чиновников. *Ред.*

² Результаты ревизии Римского банка в 1892 г. показали, что банк незаконно пустил в обращение 133 млн. кредитных билетов вместо 70 млн. и давал огромные денежные дотации депутатам, сенаторам и прочим близким к правительству лицам. *Ред.*

1893 год

229

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

18 января 1893 г.

... Фабрианцы здесь, в Лондоне, — шайка карьеристов, достаточно рассудительных, чтобы понимать неизбежность социального переворота, но ни в коем случае не желающих доверить эту исполненную работу исключительно незрелому пролетариату. И поэтому они благосклонно берутся возглавить его. Их основной принцип — страх перед революцией. Они «интеллигенты» *par excellence* [по преимуществу]. Их социализм есть муниципальный социализм: *коммуна*, а не нация должна, по крайней мере на первых порах, сделаться собственницей средств производства. Свой же социализм они рисуют крайним, но неизбежным следствием буржуазного либерализма. Отсюда их тактика: не вести решительной борьбы с либералами, как с противниками, а толкать их к социалистическим выводам, т. е. надувать их, «пропитывать либерализм социализмом», не противопоставлять либералам социалистических кандидатов, а подсовывать и навязывать их либералам, т. е. обманым путем проводить их. Но, что они при этом либо сами будут обмануты и одурачены, либо предадут социализм, — этого они, конечно, не понимают.

Фабрианцы издали с большой тщательностью, наряду с разной дрянью, и несколько хороших пропагандистских сочинений, и это наилучшее из всего того, что в этой области было сделано англичанами. Но как только они возвращаются к своей специфической тактике: затушевыванию классовой борьбы, так дело плохо. Из-за классовой борьбы они фанатически ненавидят Маркса и всех нас.

Фабрианцы насчитывают, конечно, много буржуазных сторонников, и потому они и располагают деньгами...

230

ЭНГЕЛЬС — А. БЕБЕЛЮ

24 января 1893 г.

...Стенограмму речи Зингера о бирже я жду с большим нетерпением; в «Vorwärts» она была превосходна. Но один пункт в этой теме все наши легко упускают из виду: биржа — это учреждение, в котором буржуа эксплуатируют не рабочих, а друг друга; прибавочная стоимость, переходящая на бирже из рук в руки, является уже произведенной прибавочной стоимостью, это продукт *предшествующей* эксплуатации рабочих. Лишь после того, как эта эксплуатация завершилась, прибавочная стоимость может стать средством биржевой спекуляции. Биржа интересует нас сначала лишь косвенно, поскольку и ее влияние, ее обратное действие на капиталистическую эксплуатацию рабочих является лишь косвенным, осуществляется окольным путем. Требовать, чтобы рабочие непосредственно интересовались и возмущались тем, как дерут шкуру на бирже с юнкеров, фабрикантов и мелких буржуа, означало бы — требовать, чтобы рабочие взяли за оружие для сохранения за своими прямыми эксплуататорами прибавочной стоимости, выжатой из этих же рабочих. Благодарим покорно. Но как благороднейший плод буржуазного общества, как очаг величайшей коррупции, как теплица для Панамы и других скандалов, а тем самым и как превосходное средство концентрации капиталов, разложения и распада в буржуазном обществе последних остатков естественно сложившихся связей и в то же время как средство уничтожения и превращения в свою противоположность всех узаконенных понятий морали, как несравнимый элемент разрушения и могущественнейший ускоритель грядущей революции — в этом историческом смысле биржа представляет для нас и непосредственный интерес...

231

ЭНГЕЛЬС — В РЕДАКЦИЮ БОЛГАРСКОГО
СБОРНИКА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ»

9 июня 1893 г.

Дорогие товарищи!

От всего сердца благодарю вас за присылку № 2 вашего «Социал-Демократа»; надписью над этими строками¹ я хочу

¹ В рукописи Энгельса написано по-болгарски: «До редакцията на сборникъ «Социаль-Демократъ»». *Ред.*

показать вам, что я начинаю, по крайней мере, понимать ваш язык. Требования, предъявляемые интернационализмом, растут с каждым годом. До 1848 г. можно было удовлетвориться тем, что в известной мере знаешь главные языки Западной и Центральной Европы, теперь же дело дошло до того, что мне на старости лет приходится еще изучать даже румынский и болгарский языки, чтобы следить за продвижением социализма на восток и юго-восток. Но тем не менее мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата (если бы Маркс сам дожил до этого!) и которые на приманки и угрозы русского царизма отвечают тем, что царским прокламациям противопоставляют социалистические труды передовых борцов русского пролетариата. Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык.

Да живее интернациональный социализм! ¹

Ваш Ф. Энгельс.

232

ЭНГЕЛЬС — Ф. МЕРИНГУ

14 июля 1893 г.

Дорогой г. Меринг!

Только сегодня могу, наконец, поблагодарить Вас за любезно присланную мне «Легенду о Лессинге». Я хотел не просто послать Вам формальное подтверждение в получении книги, а в то же время сказать что-нибудь о ней самой — об ее содержании. В этом причина задержки с ответом.

Я начинаю с конца — с приложения об историческом материализме², в котором главные факты Вы изложили превосходно и для всякого, кто свободен от предвзятого мнения, убедительно. Если у меня и возникают некоторые возражения, то лишь против того, что Вы приписываете мне большие заслуги, чем мне принадлежат, даже если считать все то, до чего я, быть может, додумался бы — со временем — самостоятельно, и что Маркс, обладая более проницательным глазом и более широким кругозором, открыл намного раньше. Тот, кому досталось счастье проработать в течение 40 лет вместе с таким человеком, как Маркс, при

¹ Написано Энгельсом по-болгарски. *Ред.*

² Статья Меринга «Об историческом материализме» была опубликована в 1893 г. в качестве приложения к его книге «Легенда о Лессинге». *Ред.*

его жизни обычно не пользуется тем признанием, на которое мог бы, казалось, рассчитывать. Но когда великий человек умирает, легко случается, что его менее значительного соратника начинают оценивать выше, чем он заслуживал бы, и это, повидимому, выпало сейчас на мою долю. История в конце концов все приведет в порядок, но к тому времени я благополучно отправлюсь на тот свет и ни о чем ничего не буду знать.

Кроме того, опущен еще один только пункт, который, правда, и в работах Маркса и моих, как правило, недостаточно подчеркивался, и в этом отношении вина в равной мере ложится на всех нас. А именно — главный упор мы делали сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе, — и так мы *должны были делать*. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п. Это дало нашим противникам желанный повод для кривотолков, а также для искажений, разительным примером чего является Пауль Барт.

Идеология — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении, потому что совершается *при посредстве* мышления.

Исторический идеолог (исторический означает здесь просто собирательный термин для понятий: политический, юридический, философский, теологический, — словом, для всех областей, относящихся к *обществу*, а не просто к природе) располагает в области каждой науки известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошел свой собственный самостоятельный путь развития в мозгу этих следовавших одно за

другим поколений. Конечно, на это развитие могли воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к той или иной области, но факты эти, по молчаливому соглашению, считаются опять-таки просто плодами мыслительного процесса, и таким образом мы все время продолжаем оставаться в сфере чистой мысли, которая как будто благополучно переваривает даже самые упрямые факты.

Именно эта видимость самостоятельной истории форм государственного устройства, правовых систем, идеологических представлений в любой области прежде всего и ослепляет большинство людей. Если Лютер и Кальвин «преодолевают» официальную католическую религию, а Гегель — Канта и Фихте, если Руссо своим республиканским «Общественным договором» косвенно «преодолеывает» конституционалиста Монтескье, то это — процесс, который остается внутри теологии, философии, государственной теории, представляет собой этап в развитии этих областей мышления и вовсе не выходит за пределы мышления. А с тех пор как к этому прибавилась буржуазная иллюзия о вечности и абсолютном совершенстве капиталистического производства, — с этих пор даже «преодоление» меркантилистов физиократами и Адамом Смитом рассматривается как чистая победа мысли, не отражение в области мышления изменившихся экономических фактов, а достигнутое, наконец, истинное понимание неизменно и повсюду существующих фактических условий. Выходит, что если бы Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август ввели свободу торговли, вместо того чтобы впутываться в крестовые походы, то можно было бы избежать 500 лет нищеты и невежества.

На эту сторону дела, которой я здесь смог коснуться лишь слегка, мне думается, все мы обратили внимания меньше, чем она того заслуживает. Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Повторяю, я сам это делал, и ошибка всегда бросалась мне в глаза уже после. Поэтому я не только далек от того, чтобы упрекать Вас за это, — наоборот, как виновный в том же еще раньше Вас я даже не имею на это права, — я только хотел бы обратить Ваше внимание на этот пункт для будущего.

В связи с этим находится также нелепое представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы отрицаем за ними и всякое *воздействие на историю*. В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто намеренно забывают о том, что, как

только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном итоге экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины. Так, например, Барт по поводу сословия священников и религии, у Вас стр. 475. Мне очень понравилось, как Вы разделились с этим до невероятности пошлым субъектом. И его-то назначают профессором истории в Лейпциг! Ведь там был старик Ваксмут, правда, такой же узколобый, но обладавший очень большим чутьем в области фактов, совсем другого склада человек!

О книге же вообще я могу только повторить то, что я уже не раз говорил по поводу статей, когда они появлялись в «Neue Zeit»; это наилучшее из имеющихся изложений генезиса прусского государства, могу сказать даже единственно хорошее, в большинстве случаев вплоть до мелочей правильно раскрывающее все взаимосвязи. Мне жаль только, что Вы сразу же не охватили всего дальнейшего развития вплоть до Бисмарка, и у меня невольно рождается надежда, что Вы это сделаете в другой раз и дадите общую картину в связном изложении, начиная с курфюрста Фридриха-Вильгельма и кончая старым Вильгельмом. Ведь работа Вами уже проделана предварительно и, по основным вопросам по крайней мере, даже можно считать и окончательно. А это должно быть сделано, прежде чем сможет рухнуть все старинное сооружение. Разрушение монархически-патриотических легенд хоть и не является абсолютно необходимой предпосылкой для устранения прикрывающей классовое господство монархии (ибо *чистая*, буржуазная республика в Германии оказалась пройденным этапом, не успев возникнуть), но все же оно служит одним из наиболее сильно действующих рычагов для такого устранения.

Тогда у Вас будет больше простора и больше отдельных поводов для изображения прусской местной истории как частицы общегерманской жалкой судьбы. Это и есть тот пункт, в котором я кое в чем расхожусь с Вами, именно с Вашим пониманием причин раздробленности Германии и неудачи немецкой буржуазной революции XVI века. Если мне доведется заново переработать историческое введение к моей «Крестьянской войне», что случится, надеюсь, будущей зимой, то я смогу развить там соответствующие моменты. Не то чтобы я считал неправильными приведенные Вами причины, но я выдвигаю наряду с ними и другие и несколько иначе группирую их.

При изучении немецкой истории, которая представляет собой одно сплошное убожество, я всегда считал, что лишь сравнение с соответствующими эпохами истории Франции



ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС
(1893 г.)

дает правильный масштаб, ибо там происходит как раз противоположное тому, что у нас. Там — образование национального государства из раздробленных членов феодального государства, у нас — в это время как раз период самого глубокого упадка. Там — редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас — все более и более безнадежный развал. Там — в период средневековья чужеземное вторжение представлено английским завоевателем, который вмешивается в пользу провансальской национальности против северо-французской. Войны с англичанами представляют собой своего рода Тридцатилетнюю войну, но там эти войны оканчиваются изгнанием иностранных интервентов и покорением юга севером. Затем следует борьба центральной власти против опирающегося на свои иностранные владения бургундского вассала, роль которого соответствует роли Бранденбурга — Пруссии, но эта борьба оканчивается победой центральной власти и завершает образование национального государства. У нас как раз в этот момент национальное государство разваливается окончательно (если только «немецкое королевство» в пределах Священной Римской империи можно назвать национальным государством) и начинается, в больших масштабах, разграбление немецких земель. Это для немцев в высшей степени постыдное сравнение, но оно тем более поучительно, и с тех пор как наши рабочие снова поставили Германию в первые ряды исторического движения, мы можем несколько легче проглотить позор прошлого.

Совершенно особой отличительной чертой немецкого развития является еще то, что две составные части империи, в конце концов разделившие между собой всю Германию, не являются ни та, ни другая чисто немецкими, а были колониями на завоеванной славянской земле: Австрия — баварской, Бранденбург — саксонской колонией; и власть в самой Германии они добыли себе только потому, что опирались на свои иноземные, не немецкие владения: Австрия — на Венгрию (не говоря уже о Богемии), Бранденбург — на Пруссию. На западной границе, подвергавшейся наибольшей опасности, ничего подобного не было, на северной границе защищать Германию от датчан предоставили самим датчанам, а юг так мало нуждался в защите, что те, кто должен был охранять границы — швейцарцы, — сами смогли отделиться от Германии!

Однако я увлекся всевозможными рассуждениями; пусть эта болтовня послужит Вам по крайней мере доказательством того, как живо заинтересовала меня Ваша работа.

Еще раз сердечная благодарность и привет.

Ваш Ф. Энгельс.

ЭНГЕЛЬС — Н. Ф. ДАНИЕЛЬСОНУ

17 октября 1893 г.

Милостивый государь,

Когда я получил Ваше письмо от 26 июля с извещением о Вашем возвращении домой, я сам как раз собирался на два месяца за границу и только сейчас вернулся из этой поездки. Вот причина моего долгого молчания.

Очень Вам благодарен за присланные экземпляры «Очерков»¹; три из них я отправил друзьям, способным их оценить. Книга произвела, как я с удовольствием заметил, значительное впечатление и даже вызвала сенсацию, и вполне заслуженно. Среди русских, с которыми я встречался, она была главной темой разговора. Не далее как вчера один из них писал мне: у нас на Руси идет спор о «судьбах капитализма в России»². В берлинском «*Sozialpolitisches Centralblatt*» * некий П. Струве опубликовал о Вашей книге большую статью; я должен согласиться с ним в одном пункте, — что и для меня современная капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным следствием исторических условий, которые были созданы Крымской войной, способа, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 г., и, наконец, общего политического застоя во всей Европе. Но где Струве решительно неправ, это там, где он, желая опровергнуть то, что он называет Вашим пессимистическим взглядом на будущее, сравнивает современное положение России с положением Соединенных Штатов. Он говорит, что пагубные последствия современного капитализма в России будут преодолены так же легко, как и в Соединенных Штатах. При этом он совершенно забывает, что само происхождение Соединенных Штатов современное, буржуазное; что они были основаны мелкими буржуа и крестьянами, бежавшими от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество. Между тем в России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, над которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо это настоящая социальная революция). В Америке денежное

¹ Николай — он. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893). «Очерки» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² Последняя фраза, начиная со слов «у нас», написана Энгельсом по-русски. *Ред.*

* Третий год издания, № 1, 1 октября 1893 г. [*Примечание Энгельса.*]

хозяйство вполне установилось более ста лет тому назад, тогда как в России натуральное хозяйство было общим правилом, почти без всякого исключения. Поэтому ясно, что в России перемена должна носить гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке.

Но при всем этом мне все же кажется, что Вы смотрите на дело более мрачно, чем это может быть оправдано фактами. Несомненно, что переход от первобытного, аграрного коммунизма к капиталистическому индустриализму не может произойти без ужасного перелома внутри общества, без исчезновения целых классов и превращения их в другие классы; а какие огромные страдания, какую растрату человеческих жизней и производительных сил это неизбежно влечет за собой, мы видели уже, хотя и в меньшем масштабе, в Западной Европе. Но от этого до полной гибели великого и высокоодаренного народа еще очень далеко. Быстрый прирост населения, обычный у вас, может приостановиться. Безрассудное истребление лесов, в сочетании с экспроприацией старых помещиков¹ наряду с крестьянами, может причинить колоссальную растрату производительных сил; и все же, более чем стомиллионное население образует, в конце концов, достаточный внутренний рынок для весьма значительной *крупной промышленности*; и у вас, как и повсюду, все выравнивается — конечно, если капитализм в Западной Европе продержится достаточно долго.

Вы сами признаете, что «социальные условия в России после Крымской войны не были благоприятны для развития той формы производства, которую мы унаследовали из нашей прошлой истории». Я пойду еще дальше и скажу, что в России, так же как и во всяком другом месте, невозможно было бы развить из первобытного аграрного коммунизма более высокую социальную форму, если только эта более высокая форма не была бы *уже воплощена в жизнь* в какой-либо другой стране и могла быть использована в качестве образца. Так как эта более высокая форма — всюду, где она исторически возможна, — является необходимым следствием капиталистической формы производства и создаваемого им социального дуалистического антагонизма, то она не может развиться непосредственно из первобытной земельной общины иначе как в виде подражания примеру, уже где-либо существующему. Будь Западная Европа зрелой в 1860—1870 гг. для такого переворота, будь этот переворот начат тогда Англией, Францией и т. д., — тогда русские действительно были бы призваны показать, что могло быть

¹ «Помещики» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

сделано из их общины, в то время еще более или менее нетронутый. Но Запад пребывал в застое и даже не пытался произвести такого переворота, а капитализм, напротив того, развивался все быстрее и быстрее. Итак, России не было иного выбора, кроме следующего: либо развить общину в такую форму производства, от которой ее отделял еще ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия не созрели еще тогда даже на Западе, — задача, очевидно, невозможная, — либо развиваться в направлении капитализма. Спрашивается: что оставалось делать, если не второе?

Что касается общины, то она возможна, лишь пока имущественные различия между ее членами ничтожны. Как только эти различия усиливаются, как только некоторые ее члены становятся должниками-рабами других, более богатых членов, — так ее дальнейшее существование невозможно. Афинские кулаки¹ и мироеды¹ до Солона разрушили афинский *род* с той же неумолимостью и беспощадностью, с какими кулаки¹ и мироеды¹ вашей страны разрушают общину. Я боюсь, что это учреждение осуждено на гибель. Но, с другой стороны, капитализм открывает новые перспективы и новые надежды. Посмотрите на то, что он сделал и делает на Западе. Великая нация, подобная вашей, переживет любой кризис. Нет такого великого исторического бедствия, которое бы не возмещалось каким-либо историческим прогрессом. Лишь способ действия изменяется. Пусть же исполнится предопределенный жребий!

Ваш Л. К.

Как только III том будет в печати, я позабочусь о том, чтобы Вам высылать листы.

¹ «Кулаки» и «мироеды» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

1894 год

234

ЭНГЕЛЬС — Г. ШТАРКЕНБУРГУ

25 января 1894 г.

Милостивый государь,
Отвечаю на Ваши вопросы:

1. Под экономическими отношениями, которые мы считаем определяющей основой истории общества, мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда). Таким образом, сюда входит *вся техника* производства и транспорта. Эта техника, согласно нашим взглядам, определяет также и способ обмена и затем распределения продуктов, а следовательно, после разложения родового строя, также и разделение на классы, следовательно, отношения господства и подчинения и, следовательно, государство, политику, право и т. д. В понятие экономических отношений включается далее и *географическая основа*, на которой эти отношения развиваются, и фактически перешедшие от прошлого остатки прежних стадий экономического развития, которые продолжают сохраняться зачастую только по традиции или благодаря силе инерции, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния* и *потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) вызвана была к жизни потребностью регулировать горные потоки в Италии в XVI и XVII веках. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая

применимость. В Германии, к сожалению, привыкли писать историю наук так, как будто бы они свалились с неба.

2. Мы считаем, что экономические условия в конечном счете обуславливают историческое развитие. Раса же сама является экономическим фактором. Здесь, однако, не следует забывать о двух пунктах:

а) Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь. Государство, например, оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошей или дурной финансовой системы. Даже смертельная усталость и бессилие немецких мещан, происходившие из экономически жалкого положения Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в ханжестве, затем в сентиментальности и в рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику. Это было одним из величайших препятствий для нового подъема, и препятствие это было поколеблено только благодаря тому, что революционные и наполеоновские войны сделали хроническую нищету острой. Следовательно, нет автоматического действия экономического положения, как это для удобства кое-кто себе представляет, а сами люди делают свою историю, но в определенной, обуславливающей их среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в последнем счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию.

б) Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководясь общей волей, по единому общему плану, даже в рамках определенного, ограниченного, данного общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому *необходимость*, дополнением и формой проявления которой является *случайность*. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь случайность, — опять-таки в конечном счете экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что вот именно этот великий человек появляется в данной стране, в определенное время, конечно, есть чистая случайность. Но если мы этого человека уstra-

ним, то появляется спрос на его замену, и такой заместитель находится, — более или менее удачный, но с течением времени находится. Что Наполеон, именно этот корсиканец, был тем военным диктатором, который стал необходим Французской республике, истощенной войной, — это было случайностью. Но если бы Наполеона не было, то роль его выполнил бы другой. Это доказывается тем, что всегда, когда такой человек был нужен, он находился: Цезарь, Август, Кромвель и т. д. Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. служат доказательством того, что к этому стремились многие, а открытие того же самого понимания Морганом показывает, что время для этого созрело и это открытие *должно* было быть сделано.

Точно так же обстоит дело со всеми другими случайностями и кажущимися случайностями в истории. Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем, чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет.

В Германии величайшим препятствием к правильному пониманию является непростительное пренебрежение в литературе к экономической истории. Не только очень трудно отвыкнуть от представлений об историческом развитии, привитых в школе, но еще труднее собрать материал, необходимый для этого. Кто читал, например, хотя бы старого Г. фон-Гюлиха, который в своем сухом собрании материалов поместил столько ценного для объяснения бесчисленного множества политических фактов!

Вообще же я думаю, что тот прекрасный образец, который Маркс дал в «18 брюмера», должен Вам дать довольно полный ответ на Ваши вопросы как раз потому, что это — практический пример. Большинство вопросов, как мне кажется, затронуто в «Анти-Дюринге», ч. I, гл. 9—11, ч. II, гл. 2—4, а также в ч. III, гл. I или во введении, а кроме того и в последней главе «Фейербаха».

Прошу Вас не относиться придирчиво к каждому слову из вышеизложенного, а иметь в виду все время общую связь; у меня, к сожалению, не было времени изложить Вам все так ясно и четко, как следовало бы, если бы это предназначалось для печати...

ЭНГЕЛЬС — Ф. ТУРАТИ

26 января 1894 г.

В Италии положение, на мой взгляд, таково.

Буржуазия, придя к власти в период борьбы за национальную независимость и позднее, не могла и не хотела довести свою победу до конца. Она не разрушила остатков феодализма и не реорганизовала национального производства на современный буржуазный лад. Неспособная представить стране относительные и временные выгоды капиталистического порядка, она взвалила на нее всю тяжесть, все трудности последнего. Не довольствуясь этим, она запуталась в самых грязных финансовых аферах, потеряв навсегда последние остатки уважения и доверия.

Рабочий народ — крестьяне, ремесленники, земледельческие и промышленные рабочие — зажат в тиски, с одной стороны, вековым гнетом, унаследованным не только от феодальных времен, но и от античной древности (обработка земли исполу, *латифундии* на юге, где скот вытесняет человека), с другой же стороны, — самой хищнической фискальной системой, какую когда-либо изобретал буржуазный порядок. Тут можно сказать вместе с Марксом: «Мы, как и другие страны западно-европейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостатка его развития. Наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и соответствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых. *Le mort saisit le vif!* [Мертвый хватает живого]».

Такое положение ведет к кризису. Повсюду массы производителей приходят в возбуждение: то здесь, то там они восстают. Куда приведет нас этот кризис?

Очевидно, что социалистическая партия слишком молода и в силу экономических условий слишком слаба, чтобы надеяться на немедленную победу социализма. В стране гораздо больше сельского населения, чем городского; в городах слабо развита крупная промышленность, а вследствие этого мало *настоящего* пролетариата; большая часть его состоит из ремесленников, мелких лавочников и деклассированных элементов, из массы, находящейся между мелкой буржуазией и пролетариатом. Это — средневековая мелкая буржуазия, разоряющаяся и разлагающаяся. Это — будущие пролетарии, еще не пролетарии в данный момент, однако

этот класс, находящийся на краю экономического разорения, доведенный до отчаяния, один только и может доставить в Италии как массу бойцов, так и вождей революционного движения; его поддержат крестьяне, которые в силу территориальной распыленности и неграмотности совершенно лишены действительной инициативы, но которые будут все же сильными и необходимыми союзниками.

В том случае, если успех будет достигнут более или менее мирным путем, произойдет простая смена министерства, и к власти придут «присоединившиеся» республиканцы, Кавалотти и компания; в случае же революции возникнет буржуазная республика.

Как же при таких обстоятельствах должна будет действовать социалистическая партия?

Тактикой, которая приносила социалистам наибольшие успехи, начиная с 1848 года, была тактика «Коммунистического манифеста»: «...на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они [коммунисты] всегда являются представителями интересов движения в целом... Коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения».

Они поэтому на всех этапах развития принимают активное участие в борьбе этих двух классов, никогда не теряя из виду, что эти этапы являются лишь ступенями, ведущими к первой великой цели: к завоеванию пролетариатом политической власти как средства для преобразования общества. Их место — в рядах тех, кто борется за все непосредственные достижения в интересах рабочего класса; но все эти достижения, политические или экономические, они принимают только как *уплату по частям*. Потому они рассматривают всякое прогрессивное или революционное движение как шаг в направлении их собственного пути; их специальная задача состоит в том, чтобы увлекать вперед другие революционные партии и, в случае победы какой-нибудь из них, защищать интересы пролетариата. Эта тактика, никогда не теряющая из виду великой конечной цели, предохраняет социалистов от разочарований, которым неизбежно поддаются другие, менее дальновидные партии, будь то чистые республиканцы или сентиментальные социалисты, которые принимают за конечную цель движения то, что является простым этапом.

Применим все это к Италии.

Победа разлагающейся мелкой буржуазии и крестьян приведет, таким образом, к министерству «присоединившихся» республиканцев. Это даст нам всеобщее избирательное

право и гораздо более значительную свободу движения (свободу печати, собраний, союзов, освобождение от полицейской опеки и т. п.), т. е. новое оружие, которым не следует пренебрегать.

Или же эта победа даст буржуазную республику с теми же самыми людьми, а также с кем-нибудь из мадзинистов. Это еще более расширило бы поле нашего действия и свободу нашего движения, по крайней мере на некоторое время. Буржуазная республика, говорил Маркс, есть единственная политическая форма, в которой борьба между пролетариатом и буржуазией находит свое разрешение. Не будем уж говорить о том воздействии, какое это оказало бы на Европу.

Итак, победа теперешнего революционного движения может только усилить нас и создать для нас более благоприятную *обстановку*. Мы совершили бы, стало быть, величайшую ошибку, если бы стали воздерживаться, если бы в нашем отношении к более или менее «родственным» партиям ограничивались только *отрицательной* критикой. Может наступить момент, когда мы должны будем сотрудничать с ними положительным образом. Когда наступит такой момент?

Очевидно, совсем не наше дело прямо подготавливать движение, не являющееся движением того класса, который мы представляем. Если радикалы и республиканцы считают, что настал момент выходить на улицу, пусть они и дают простор своему порыву; тогда мы увидим, насколько серьезны их намерения. Что же касается нас, то мы слишком часто бывали обмануты громкими обещаниями этих господ, чтобы снова попасться в ловушку. Ни их заговоры, ни их прокламации не должны нас сбивать с толку. Если мы обязаны поддерживать всякое *действительно* народное движение, то мы обязаны также не приносить понапрасну в жертву ядро нашей пролетарской партии, только что успевшее образоваться, и не допускать, чтобы пролетариат истреблялся в бесплодных местных мятежах.

Если же, наоборот, движение является действительно национальным, то наши люди будут на месте еще раньше, чем успеют бросить им лозунг, и в таком движении мы примем участие без лишних слов. Но тогда должно быть понятно само собою, и мы должны об этом громко заявить, что мы принимаем участие *как независимая партия*, временно находящаяся в союзе с радикалами или республиканцами, но совершенно отдельная от них; что насчет результата борьбы в случае победы мы не питаем никаких иллюзий; что этот результат вовсе не может нас удовлетворить, а будет для нас только одним из достигнутых этапов, только новой оперативной базой для дальнейших завоеваний; что в самый

день победы пути наши разойдутся; что с этого дня мы составим по отношению к новому правительству *новую оппозицию*, но оппозицию не реакционную, а прогрессивную, оппозицию крайней левой, оппозицию, которая будет толкать к новым завоеваниям, выходящим за пределы уже завоеванного.

После общей победы нам, может быть, предложат кое-какие посты в новом правительстве, но всегда в *меньшинстве*. В этом состоит *наибольшая опасность*. После февраля 1848 г. французские социальные демократы («Réforme», Ледрю-Роллен, Луи Блан, Флокон и т. д.) совершили ошибку, приняв подобные посты. Являясь меньшинством в правительстве чистых республиканцев («National», Марраст, Бастид, Мари), они добровольно разделили ответственность за все подлости и предательство по отношению к рабочему классу, совершенные большинством, и в то же время их присутствие в правительстве совершенно парализовало революционную активность рабочего класса, на роль представителей которого они претендовали.

Все сказанное является только моим личным мнением, которое вам хотелось узнать и которое я здесь высказал весьма осторожно. Что касается рекомендуемой мною общей тактики, то ее правильность я испытал в течение многих лет; она ни разу меня не подводила. Но что касается ее применения к настоящим условиям в Италии, то тут дело другое, этот вопрос надо решать на месте, и решать его должны те, кто находится в центре событий.

Фридрих Энгельс.

236

ЭНГЕЛЬС — П. ЛАФАРГУ

6 марта 1894 г.

...Да! Но ведь у нас во Франции республика, скажут нам экс-радикалы; у вас — другое дело. А мы можем использовать правительство для социалистических мероприятий!

Республика по отношению к пролетариату отличается от монархии только тем, что она является *готовой* политической формой для его будущего господства. Все ваше преимущество перед нами в том, что вы ее уже имеете; *нам придется потратить двадцать четыре часа, чтобы ее создать*. Но республика, как всякая другая форма правления, определяется по своему содержанию; пока она является формой буржуазной

демократии, она так же враждебна нам, как любая монархия (если отвлечься от *форм* проявления этой враждебности). Таким образом, принимать ее за форму по существу социалистическую или доверять ей, пока она во власти буржуазии, социалистические задачи — является совершенно необоснованной иллюзией. Мы сможем вырвать у нее уступки, но никогда не возложим на нее осуществление наших собственных задач, даже имея возможность контролировать ее меньшинством, настолько сильным, что оно в любой день могло бы превратиться в большинство...

237

ЭНГЕЛЬС — Ф.-А. ЗОРГЕ

10 ноября 1894 г.

..Здесь движение все еще напоминает американское, с той только разницей, что оно *несколько* впереди вашего. В массах инстинктивное понимание того, что рабочие должны образовать свою собственную партию в противовес обеим официальным партиям, все более крепнет и во время муниципальных выборов 1 ноября снова проявилось ярче, чем когда-либо. Но всякого рода застарелые традиционные воспоминания и отсутствие людей, способных претворить этот инстинкт в сознательное действие, охватывающее всю страну, приводят к топтанию на месте на этой предварительной стадии неопределенности мыслей и разрозненности местных действий. Англо-саксонское сектантство господствует и в рабочем движении. Социал-демократическая федерация, точь в точь как ваша немецкая Социалистическая рабочая партия, ухитрилась превратить нашу теорию в окостенелую догму правоверной секты; она пребывает в своей замкнутой ограниченности и притом еще, по милости Гайндмана, придерживается в международной политике насквозь гнилой традиции, которую, правда, время от времени удается поколебать, но с которой далеко еще не покончено. Тактика Независимой рабочей партии в высшей степени неопределенна, и ее вождь, Кейр Гарди, — прехитрый шотландец, демагогическим фокусам которого нельзя доверять ни минуты. Он, будучи бедняком из шотландских углекопов, основал большую еженедельную газету «The Labour Leader», чего нельзя было сделать без больших денежных сумм, и эти суммы он получил от тори или либерал-юнионистов, т. е. от противников Гладстона и гомруля, — в этом не может быть

никакого сомнения. Это подтверждается и его общеизвестными литературными связями в Лондоне, и прямыми указаниями, а также его политической линией. Поэтому он легко может потерять свое место в парламенте на всеобщих выборах 1895 г. в результате отхода ирландских и радикальных избирателей, и это было бы очень кстати, в настоящий момент этот человек — главная помеха. В парламенте он выступает лишь, когда есть повод для демагогии: чтобы выдвинуться разглагольствованиями о безработных, отнюдь не стремясь чего-нибудь добиться для них, или чтобы по случаю рождения принца пройти по адресу королевы, что в здешних краях весьма банально и дешево, и т. п. Вообще же как в Социал-демократической федерации, так и в Независимой рабочей партии имеются очень хорошие элементы, особенно в провинции, но они разобщены, хотя и добились по крайней мере того, что все попытки вождей натравить эти организации друг на друга каждый раз терпят неудачу. Джон Бернс политически довольно одинок. На него яростно нападают как Гайндман, так и Кейр Гарди, а он ведет себя так, как будто разочаровался в политической организации рабочего класса и надеется только на тред-юнионы. Правда, с первыми у него имеется печальный опыт, и он мог бы умереть с голоду, если бы союз механиков не выплачивал ему его парламентское содержание. Он тщеславен и чересчур позволяет либералам, т. е. «социальному крылу» радикалов, водить себя за нос и безусловно придает слишком большое значение тем многочисленным частным уступкам, которых ему удалось добиться; но при всем том он единственный действительно честный парень во всем движении, т. е. среди вождей, и обладает подлинно пролетарским чутьем, которое, мне кажется, в решительный момент поведет его более правильным путем, чем других их хитрость и корыстный расчет.

На континенте, по мере того как движение разрастается, увеличивается и стремление к еще большим успехам, а охота на крестьян, в буквальном смысле этого слова, входит в моду. Сначала французы устами Лафарга заявили в Нанте, что не только не наше дело (я им писал об этом) ускорять разорение мелкого крестьянства — за нас об этом позаботится капитализм, — но что нужно прямо-таки *защищать* крестьянина против фиска, ростовщиков и крупных землевладельцев. Но с этим мы уж согласиться никак не можем, ибо это, во-первых, глупо, а, во-вторых, — и невозможно. Вслед за этим во Франкфурте выступает Фольмар, который *вообще* намеревается подкупить *крестьян*, причем крестьянин, с которым он имеет дело в Верхней Баварии, не то, что прирейнский мелкий, задавленный долгами крестьянин, а средний и

даже крупный крестьянин, эксплуатирующий батраков и батрачек и торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно. Мы можем за-получить альпийского крестьянина, ниже-саксонского и шле-звиг-голштинского крупного крестьянина лишь в том случае, если выдадим ему с головой и батраков и поденщиков, то-гда мы политически проиграем больше, чем выиграем. Франк-фуртский партийный съезд не занял определенной позиции по этому вопросу, и это хорошо постольку, поскольку те-перь этот вопрос основательно изучается. Участники съезда знали о крестьянах и о столь отличных в различных провин-циях земельных отношениях слишком мало, чтобы иметь возможность выносить решения иначе, чем наобум. Но все-таки, ведь придется когда-нибудь разрешить этот вопрос...

...Война в Китае нанесла старому Китаю смертельный удар. Замкнутость стала невозможной, внедрение железных дорог, паровых машин, электричества и крупной промышлен-ности сделалось необходимостью, хотя бы в целях военной обороны. Но вместе с тем происходит распад и старинной экономической системы мелкой крестьянской культуры, при которой каждая семья сама вырабатывала для себя продукты промышленности, а следовательно, и всей старинной об-щественной системы, допускавшей сравнительно большую густоту населения. Миллионы окажутся выбитыми из колеи и будут принуждены эмигрировать, эти миллионы найдут до-рогу и в Европу и хлынут туда массами. Но китайская кон-куренция как у нас, так и у вас быстро приведет к крайнему обострению, коль скоро станет массовой, и, таким образом, завоевание капитализмом Китая одновременно даст толчок к низвержению капитализма в Европе и Америке...

1895 год

238

ЭНГЕЛЬС — Ф. ТЕННИСУ

24 января 1895 г.

... Меня заинтересовали Ваши замечания относительно Огюста Конта. Что касается этого «философа», то, по-моему, предстоит еще проделать значительную работу. Конт был в течение пяти лет секретарем и приближенным Сен-Симона. Последний положительно страдал от избытка мыслей; он был одновременно и гением и мистиком. Разработать вопрос до полной ясности, расположить материал и систематизировать его — на это он не был способен. И вот в лице Конта он привлек к себе такого человека, который должен был после смерти учителя предложить миру эти бьющие ключом идеи в упорядоченном виде. Математическая выучка и мышление Конта, казалось, в противоположность другим ученикам-мечтателям, особенно предназначали его для этого. Но Конт внезапно порвал с «учителем» и отошел от школы; спустя долгое время он выступил со своей «позитивной философией».

В этой системе три характерных элемента: 1) ряд гениальных мыслей, которые, однако, почти как правило, в той или иной степени испорчены тем, что были недостаточно развиты; 2) в соответствии с этим узкое филистерское мировоззрение, находящееся в резком противоречии с этой гениальностью; 3) безусловно имеющая своим источником сен-симонизм, но освобожденная от всякого мистицизма, доведенная до крайней степени трезвости, иерархически организованная религиозная конституция с форменным папой во главе, что дало возможность Гексли сказать про контизм, что это — католицизм без христианства.

Бьюсь об заклад, что пункт 3 дает ключ к разрешению необъяснимого иначе противоречия между пунктами 1 и 2; Конт все свои гениальные идеи заимствовал у Сен-Симона, но при группировке их и исправлении на свой лад он

изуродовал их; сорвав с них свойственный им мистицизм, он в то же время опошлил их, переработал их на свой собственный филистерский лад. Во многих случаях легко доказать сен-симонистское происхождение этих идей; и я убежден, что это удалось бы и в отношении остальных, если бы только нашелся человек, который серьезно взялся бы за это. Это было бы, конечно, уже давным-давно обнаружено, если бы сочинения самого Сен-Симона не были совершенно заглушены после 1830 г. шумом сен-симонистской школы и религии, которые выпячивали и развивали отдельные стороны его учения в ущерб всей величественной концепции в целом.

Еще я хотел бы уточнить один пункт, а именно — примечание на стр. 513¹. Маркс никогда не был генеральным секретарем Интернационала, а только секретарем для Германии и России. А из лондонских контистов никто не принимал участия в основании Интернационала. Во времена Коммуны большой заслугой профессора Э. Бизли было то, что он защищал в печати Интернационал от яростных нападок; Фредерик Гаррисон также публично защищал Коммуну. Но несколько лет спустя контисты значительно охладели к рабочему движению; рабочие стали уж слишком сильны, и для сохранения надлежащего равновесия между капиталистами и рабочими (ведь производителями по Сен-Симону являются и те и другие) пришлось снова поддерживать первых, и с тех пор интерес контистов к рабочему вопросу совершенно заглох.

С почтением

Ваш Ф. Энгельс.

239

ЭНГЕЛЬС — Г. В. ПЛЕХАНОВУ

26 февраля 1895 г.

...У меня не будет времени прочитать критику, которую дает «Русское Богатство»² на мою книгу³. Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год⁴. Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я переслал ему письмом материалы о русских де-

¹ Энгельс имеет в виду примечание к работе Ф. Тенниса «Новая философия истории: Гегель, Маркс, Конт». *Ред.*

² «Русское Богатство» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

³ Имеется в виду статья Л. Зака «Исторический материализм», в которой автор пытался критиковать работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». *Ред.*

⁴ Речь идет об обозрении Н. Михайловского «Литература и жизнь», *Ред.*

лах из моего сборника «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» и особенно приложение 1894 г.¹, отчасти направленное прямо по его адресу. Он это получил, но, как видите, все ни к чему. Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно-коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь², от других неверных народов.

Впрочем, в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей. Возьмите хотя бы беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят, но не имеют памяти. Это стадия, через которую страна должна пройти. Постепенно, с ростом городов, изолированность талантливых людей исчезнет, а с нею исчезнут и эти идейные блуждания, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей, а отчасти также — у народников³ — отчаянием при виде крушения их надежд. В самом деле, народник³, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет монархистом.

Чтобы ввязаться в эту полемику, мне пришлось бы познакомиться с целой литературой, а затем следить за ней и отвечать. Это отняло бы все мое время в течение года, и единственным полезным результатом было бы, вероятно, то, что я знал бы русский язык гораздо лучше, чем сейчас. Но меня просят о том же для Италии, по поводу почтенного Лориа. А я и так уже завален работой!..

240

ЭНГЕЛЬС — К. ШМИДТУ

12 марта 1895 г.

... Мне кажется, Ваше письмо мне до некоторой степени объясняет, почему в вопросе о норме прибыли Вы отклоняетесь от прямого пути. Я нахожу в нем все тот же уклон в сторону деталей и приписываю это тому распространенному

¹ Ф. Энгельс. Послесловие к статье «Социальные отношения в России». *Ред.*

² «Святая Русь» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

³ «Народники» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

с 1848 г. в германских университетах эклектическому методу философствования, при котором вопрос перестает охватываться в целом и очень часто все сводится к бесконечному и бесцельному умничанию по поводу частных. Ведь из классиков Вы раньше больше всего занимались именно Кантом, а Кант, вследствие современного ему уровня немецкой философии и вследствие своего противопоставления педантичному вольфовскому лейбнищианству, был более или менее вынужден в отношении формы делать кажущиеся уступки этому вольфовскому умничанию. Так я объясняю себе Вашу склонность углубляться в детали, которая также проявилась в Вашем эпистолярном экскурсе в область закона стоимости; причем, как мне кажется, общая взаимосвязь Вами не всегда принимается в соображение, и Вы, таким образом, низводите закон стоимости до роли необходимой фикции, подобно тому как Кант, например, низводит бытие божие к постулату практического разума.

Ваши упреки по адресу закона стоимости относятся ко *всем* понятиям, рассматриваемым с точки зрения действительности. Тождество мышления и бытия, выражаясь погегелевски, вполне соответствует Вашему примеру с кругом и многоугольником. Иначе: то и другое, понятие о вещи и ее действительность, движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности. По той причине, что понятие обладает основной природой понятия, что оно, следовательно, не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от которой его сначала надо абстрагировать, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенным окольным путем, да и то лишь в асимптотическом приближении.

Не так ли обстоит дело с общей нормой прибыли? Она **в** каждый данный момент существует лишь приближенно. Если она когда-нибудь и осуществляется в двух предприятиях одинаково точка в точку, если оба эти предприятия и получают в данном году *точно одинаковую норму прибыли*, то это чистая случайность, в действительности нормы прибыли изменяются в зависимости от различных обстоятельств **в** каждом отдельном предприятии и из года в год; общая норма прибыли существует только как средняя величина, взятая для многих предприятий и за целый ряд лет. Но если бы мы вздумали потребовать, чтобы норма прибыли,

под угрозой разжалования ее в фикцию, была точь в точь одинаковой, скажем, 14,876934... с точностью до ста десятичных знаков в каждом предприятии и в каждом году, то мы бы совершенно превратно поняли природу нормы прибыли и экономических законов вообще; все они не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в *непосредственной* действительности. Это происходит отчасти вследствие того, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же вследствие их природы как понятий.

Или возьмите закон заработной платы, реализацию стоимости рабочей силы, которая осуществляется, да и то не всегда, только в среднем, с отклонением в каждой местности и в каждой отрасли в зависимости от привычного жизненного уровня. Или земельную ренту — эту превышающую общую норму добавочную прибыль, которая возникает из монополизированной силы природы; здесь также действительная добавочная прибыль и действительная рента не совпадают безоговорочно, а совпадают лишь приблизительно, в среднем.

Точно так же обстоит дело с законом стоимости и распределением прибавочной стоимости посредством нормы прибыли.

1) И то и другое наиболее полно достигает приближенной реализации лишь при условии, если повсюду полностью установлено капиталистическое производство, т. е. если общество сведено к современным классам землевладельцев, капиталистов (промышленников и торговцев) и рабочих, все же промежуточные слои устранены. Этого нет еще даже в Англии и этого никогда не будет — мы до этого не допустим.

2) Прибыль, включая ренту, состоит из различных составных частей:

а) Из прибыли в результате надувательства, которая в алгебраической сумме отпадает.

б) Из прибыли от повышения стоимости товарных запасов (например, остаток от старого урожая, если год неурожайный). Эта прибыль также *должна* теоретически в конечном счете выравняться, если только она уже не сведена на нет падением стоимости других товаров, причем либо капиталист-покупатель должен столько же доплатить, сколько выручает продавец, либо, если речь идет о средствах существования рабочих, заработная плата со временем должна повыситься. Однако наиболее существенные из этих повышений стоимости *непродолжительны*, выравнивание происходит, таким образом, только в среднем в течение ряда лет, в высшей степени неполно и, разумеется, за счет рабочих; они

производят больше прибавочной стоимости, так как их рабочая сила оплачивается неполностью.

с) Из совокупной суммы прибавочной стоимости, от которой, однако, опять-таки отпадает та часть, которая *дарится покупателю*, в особенности в период кризисов, когда избыточное производство сокращается до действительного содержания в нем общественно-необходимого труда.

Отсюда уже само собой вытекает, что совокупная прибыль и совокупная прибавочная стоимость могут совпадать только с приближением. Учтите еще, что как совокупная прибавочная стоимость, так и совокупный капитал суть не постоянные, а переменные величины, изменяющиеся изо дня в день, и тогда станет очевидным, что иное выражение нормы прибыли формулой $\frac{\sum m}{\sum (c+v)}$, кроме как при помощи приближенного ряда, и иное совпадение совокупной цены с совокупной стоимостью, кроме такого, которое стремится постоянно к единству и все же снова от него постоянно отдалается, совершенно невозможны. Другими словами, единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный, и таковым оно является в данном случае, как и во всяком другом.

Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший на западе во Франкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и южной Италии — он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах»¹ наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели же этот порядок был фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то — в значительной мере — на бумаге?

Разве понятия, господствующие в естественной науке, — фикции, потому что они отнюдь не всегда совпадают с действительностью? С того момента, как мы приняли теорию эволюции, все наши понятия об органической жизни только с приближением соответствуют действительности. В противном случае не было бы вообще никаких изменений; в тот день, когда понятие и действительность в органическом мире абсолютно совпадут, наступит конец развития. Понятие рыба включает жизнь в воде и дыхание жабрами; как же Вы хо-

¹ «Иерусалимские ассизы» — сборник законов Иерусалимского королевства; относится к XI—XIII вв. нашей эры. *Ред.*

тите перейти от рыбы к земноводному, не пробив брешь в этом понятии? И эта брешь была пробита; ведь мы знаем целый ряд рыб, у которых воздушный пузырь развился далее в легкие и которые могут дышать воздухом. Как хотите Вы перейти от яйценосного пресмыкающегося к млекопитающему, родящему живых детенышей, не приводя одно или оба понятия в столкновение с действительностью? И, в самом деле, однопроходные представляют из себя целый подкласс кладущих яйца млекопитающих, — я видел в 1843 г. в Манчестере яйца утконоса и с высокомерной ограниченностью высмеивал глупость утверждения, будто млекопитающее может класть яйца, — а теперь это доказано! Итак, не делайте по отношению к понятию стоимости то, за что мне впоследствии пришлось извиняться перед утконосом!

В статье Зомбарта о III томе¹, в остальном очень хорошей, я нахожу ту же склонность смягчать теорию стоимости; он, очевидно, тоже ожидал несколько иного решения.

Ваша статья в «Centralblatt»² очень хороша, и доказательство специфического отличия марксовой теории нормы прибыли — благодаря ее количественной определенности — от старой политической экономии дано очень хорошо. Почтенный Лориа, со свойственной ему смышленостью, усматривает в III томе прямой отказ от теории стоимости, и на это Ваша статья является готовым, четким ответом. Этим вопросом интересуюсь два человека, Лабриола в Риме и Лафарг, который ведет в «Critica Sociale» полемику с Лориа. Итак, если бы Вы могли послать один экземпляр профессору Антонио Лабриола, Corso Vittorio Emanuele, 251, Рим, то он сделал бы все от него зависящее, чтобы выпустить итальянский перевод; второй экземпляр, посланный Полю Лафаргу, Ле Перре, департамент Сены, Франция, дал бы ему возможность Вас цитировать. Я поэтому написал обоим, что Ваша статья содержит готовый ответ по основному пункту. Если Вы не сможете послать эти экземпляры, прошу Вас дать мне об этом знать.

На этом я, однако, должен поставить точку, иначе я никогда не закончу.

Сердечный привет

Ваш Ф. Энгельс.

¹ В. Зомбарт. «К критике экономической системы Карла Маркса». Ред.

² Статья К. Шмидта «Третий том «Капитала»». Ред.

ЭНГЕЛЬС — В. АДЛЕРУ

16 марта 1895 г.

... Так как ты в тюрьме собираешься засесть за II и III томы «Капитала», то я для облегчения дам тебе некоторые указания.

Том II.

Отдел I. Прочти главу 1 основательно, тогда с главами 2 и 3 тебе будет легче справиться, главу 4 опять-таки прочти внимательнее, так как в ней резюме. Главы 5 и 6 легкие, особенно глава 6, которая рассматривает второстепенные вещи.

Отдел II. Главы 7—9 важны. Особенно важны главы 10 и 11. Точно так же 12, 13 и 14. Зато главы 15, 16 и 17 прочти пока только бегло.

Отдел III. Это превосходнейшее изображение всего кругооборота товаров и денег в капиталистическом обществе, рассматриваемого здесь впервые со времени физиократов; по содержанию великолепно, форма же страшно тяжеловесна, потому что 1) здесь соединены две разработки вопроса, сделанные по двум различным методам, и 2) вторая была через силу доведена Марксом до конца в болезненном состоянии, когда мозг страдал от хронической бессонницы. Я отложил бы этот отдел *на самый конец, после первой проработки III тома*. К тому же для твоих занятий без него вначале можно обойтись.

Затем III том.

Здесь важны: в I отделе главы 1—4; главы 5, 6, 7, напротив, менее важны для *общего* понимания хода мыслей, и поэтому на них пока не стоит тратить много времени.

Отдел II. *Очень важны* главы 8, 9, 10. Бегло прочесть 11 и 12.

Отдел III. *Очень важен*, все, 13—15.

Отдел IV. Тоже очень важен, но в то же время легко читается, главы 16—20.

Отдел V. Очень важны главы 21—27. Менее важна 28. Важна глава 29. Для твоих целей в общем несущественны главы 30—32; важны, поскольку речь идет о бумажных деньгах и т. д., главы 33 и 34; по поводу международного вексельного курса важна 35, очень *интересна для тебя* и легко читается 36.

Отдел VI. Земельная рента. 37 и 38 важны. Менее важны, но все же надо прочесть 39 и 40. Пробежать более поверхностно главы 41—43 (дифференциальная рента II, отдельные случаи). Главы 44—47 опять важны, а также, по большей части, легко читаются.

Отдел VII очень хорош, к сожалению, один лишь остов, и изложение тоже носит на себе сильные следы бессонницы.

Если ты по этим указаниям усвоишь основательно главное, а менее важное просмотришь на первых порах поверхностно (лучше всего предварительно прочитать еще раз важнейшее из I тома), то у тебя получится общее представление о целом, и после этого будет легче проработать и бегло просмотренные места...

242

ЭНГЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

1 апреля 1895 г.

Дорогой Барон,

Открытку получил. К моему величайшему изумлению, я нахожу сегодня в «Vorwärts» напечатанное *без моего ведома* извлечение из моего «Введения», которое обкарнали таким образом, что я предстаю в нем в виде миролюбивого поклонника законности во что бы то ни стало¹. Тем более хотел бы я, чтобы «Введение» целиком появилось в «Neue Zeit» и это позорное впечатление изгладилось. Я очень определенно выскажу свое мнение на этот счет Либкнехту, а также и тем, которые — кто бы они ни были — предоставили ему эту возможность исказить мои взгляды, не сообщив мне при этом ни слова...

243

ЭНГЕЛЬС — П. ЛАФАРГУ

3 апреля 1895 г.

Либкнехт сыграл со мной недурную шутку. Из моего «Введения» к статьям Маркса о Франции 1848—50 гг. он взял все, что могло послужить ему для защиты *мирной во что бы то ни стало, противонасиельственной тактики*, которую ему с некоторого времени угодно проповедывать, особенно

¹ При опубликовании в «Vorwärts» введения Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» руководство германской социал-демократической партии выпустило важнейшие места о революционной борьбе пролетариата и таким образом оппортунистически фальсифицировало взгляды Энгельса. *Ред.*

теперь, когда в Берлине готовятся исключительные законы. Но эту тактику я рекомендую лишь для *Германии сегодняшнего дня*, да и то *со значительной оговоркой*. Для Франции, Бельгии, Италии, Австрии нельзя было бы придерживаться целиком этой тактики, а для Германии она уже завтра может стать неприемлемой.

241

ЭЩЕЛЬС — К. КАУТСКОМУ

21 мая 1895 г.

...Вы предприняли некоторое время тому назад издание истории социализма. Из всех живых людей тогда был лишь один — это я смело могу сказать, — сотрудничество которого казалось совершенно необходимым, и это был я. Я даже должен сказать, что без моей помощи в такого рода работе в настоящее время неизбежны ошибки и пробы. И вы знали об этом не хуже меня. Но из всех маломальски пригодных для этой работы людей именно я был единственным, которого *не* пригласили сотрудничать. У вас, следовательно, должны были быть очень веские основания для того, чтобы исключить именно меня. Я не жалуясь на это, отнюдь нет. Вы имели полное право так поступать. Я лишь констатирую факт.

Что меня, однако, задело, — но на один лишь миг, — так это та странная таинственность, в какую вы облекли по отношению ко мне все это дело, в то время как о нем говорили решительно все. Лишь через третьих лиц я узнал о вашем замысле, лишь по печатному проспекту ознакомился с планом издания. Ни от тебя, ни от Эде¹ — ни слова; казалось, что у вас совесть была не чиста. К тому же еще осторожные расспросы разных людей — так, между прочим, — как я отношусь к этому делу, отказался ли я от сотрудничества и т. д. И, наконец, когда уже нельзя было больше молчать, милейший Эде заговорил об этом деле, но со смущением и растерянностью, достойными более неблагоприятного поступка, — в то время как ничего дурного не произошло, за исключением этой смешной комедии, которая, между прочим, как может подтвердить Луиза, мне доставила много веселых минут.

Ну, хорошо — вы поставили меня перед совершившимся фактом: история социализма без моего участия. С этим фак-

¹ Э. Бернштейн. *Ред.*

том я с самого начала, не протестуя, согласился, но этот вами же созданный факт вы не можете уже стереть с лица земли, не можете его игнорировать, когда это вам почему-либо заблагорассудится. Точно так же и я не могу уничтожить этот факт. Если вы, по зрелом размышлении, захлопнули передо мной парадную дверь в такое время, когда мой совет и моя помощь могли принести вам существенную пользу, то не требуйте, пожалуйста, от меня теперь, чтобы я пробирался к вам с черного хода, чтобы помочь вам выпутаться из затруднения. Признаюсь, при обратном распределении ролей я бы очень и очень призадумался, прежде чем сделать тебе подобное предложение¹. Неужели так трудно понять, что каждый должен нести последствия своих поступков? Как постелишь, так и спать ляжешь. Если в этом деле нет для меня места, то лишь потому, что вы сами так захотели.

Итак, с этим покончено. И сделай одолжение, считай этот мой ответ окончательным. Забудем оба про этот случай. Я и с Эде не стану об этом говорить, если только он первый не заговорит.

Между прочим, я собираюсь дать тебе для «*Neue Zeit*» работу, которая тебя порадует: дополнения и добавления к «Капиталу», т. III, № 1 «Закон стоимости и норма прибыли», ответ на сомнения Зомбарта и К. Шмидта. Затем следует № 2: весьма значительно изменившаяся роль биржи с тех пор, как Маркс писал об этом в 1865 году. В зависимости от потребности и времени последует продолжение. Первая статья была бы готова, если бы моя голова была свободна.

О твоей книге могу сказать, что дальше она становится лучше². Платон и раннее христианство разобраны еще слишком недостаточно, в соответствии с первоначальным планом, средневековые секты уже значительно лучше, и дальше идет crescendo [все возрастая]. Лучше всего — табориты, Мюнцер, анабаптисты. Во многих местах весьма серьезные экономические обоснования политических событий, но наряду с этим — общие места, там, где сказалась недостаточность знаний. Я из этой книги многое узнал; для моей переработки «Крестьянской войны» это — необходимый материал. Мне кажется, что главных ошибок две: 1) весьма недостаточно исследовано развитие и роль элементов, стоявших

¹ Не желая допускать Ф. Энгельса к руководству работой по изданию «Истории социализма», Каутский хотел использовать знания Энгельса и просил его дать материалы для главы по истории I Интернационала. *Ред.*

² Энгельс имеет в виду книгу Каутского «Предшественники новейшего социализма». *Ред.*

совершенно вне феодально-сословной структуры, деклассированных, поставленных в положение чуть ли не париев, появление которых было неизбежно при образовании любого города, которые составляли самый низший, бесправный слой населения любого средневекового города и находились вне общины, вне феодальной зависимости и вне цехового союза. Такое исследование — трудно, но это *главная основа*, потому что постепенно, с распадом феодальных связей, из этих элементов образуется тот *предпролетариат*, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженцев феодального и цехового общества. Ты говоришь о пролетариях — выражение мало подходит — и включаешь сюда ткачей, большое значение которых ты изображаешь совершенно правильно; но лишь *после того*, как появились деклассированные, не цеховые, ткачи-батраки и лишь *поскольку* таковые были, ты только и можешь причислить их к своему «пролетариату». Тут еще много придется доработать.

2) Ты не вполне уловил положение на мировом рынке, — поскольку о нем может идти речь, — международное экономическое положение Германии в конце XV века. *Только* это положение объясняет, почему то буржуазно-плебейское движение в религиозной форме, которое потерпело поражение в Англии, Нидерландах, Богемии, могло в XVI веке в Германии иметь *известный* успех: это успех его *религиозной маскировки*, тогда как успех буржуазного содержания достался на долю следующего столетия и на долю стран, расположенных по возникшему к тому времени новому направлению мирового рынка: Голландии и Англии. Это обширная тема, которую я надеюсь широко развить в «Крестьянской войне», — только бы дошли до этого руки!..

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН¹

А

- Август, Октавиан* (62 до н. э. — 14 н. э.) — первый римский император — 471.
- Авенель, Жорж* (1828—1876) — французский историк и публицист — 413.
- * *Адлер, Виктор* (1852—1918) — основатель и один из вождей австрийской социал-демократии; впоследствии видный представитель реформизма во II Интернационале, в период первой мировой войны — центрист — 413, 486.
- Александр II* (1818—1881) — русский император (1855—1881) — 115, 311.
- Альбер* (настоящее имя *Мартен, Александр*) (1815—1895) — французский рабочий, участник blanкистских тайных обществ, член временного правительства в 1848 г. — 36, 453.
- Анна* (1665—1714) — королева Великобритании и Ирландии (1702—1714) — 196.
- * *Анненков, Павел Васильевич* (1812—1887) — русский либеральный журналист, литературный критик и мемуарист; в 40-х годах был лично знаком с Марксом — 22.
- Аппиан Александрийский* (II в. н. э.) — римский наместник в Египте, автор «Истории Рима» — 121.
- Араго, Этьен* (1803—1892) — французский республиканец, один из основателей парижской газеты «Réforme» — 36.
- д'Аргу, Аполинер Антуан* (1782—1858) — министр при Луи-Филиппе, позднее директор Французского банка — 56.
- Аристофан* (ок. 450 — 385 до н. э.) — греческий драматург, автор сатирических комедий, направленных против афинской демократии — 395.
- Атгвуд, Томас* (1783 — 1856) — английский политический деятель и экономист — 100.
- Ауренгзеб* (1619—1707) — император Индии (1658—1707) из династии «великих моголов» — 73, 74.
- Ауэр, Игнац* (1846—1907) — немецкий социал-демократ, с 1874 г. секретарь Правления партии, один из лидеров оппортунизма — 299, 333.
- Ауэрсвальд, Рудольф* (1795 — 1866) — прусский либерал, министр без портфеля (1858—1862) в министерстве «новой эры» и фактический руководитель этого министерства — 117.

Б

Бабелф, Франсуа-Нозль (по прозвищу Гракх) (1760—1797) — французский коммунист-утопист; пытался осуществить свои идеи путем заговора и восстания (1796) против Директории — 409.

¹ Звездочкой (*) обозначены фамилии адресатов Маркса и Энгельса в настоящем сборнике.

- Баденгэ*—прозвище Наполеона III.
Бакс, Эрнест Бельфорт (1854—1926)—английский социалист, один из основателей Социал-демократической федерации, а в 1884 г.—Социалистической лиги; впоследствии один из лидеров Британской социалистической партии — 415.
- Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — идеолог анархизма, ярый враг марксизма; вел беспечную фракционную борьбу против Генерального Совета I Интернационала, возглавляемого Марксом; был исключен из рядов Интернационала на Гаагском конгрессе (1872)— 68, 95, 219, 241, 250, 270, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 290, 297, 299, 340, 357, 368, 412.
- Бальзак, Оноре де* (1799—1850)— французский писатель, выдающийся представитель буржуазного реализма в художественной литературе — 405, 406.
- Бандя, Янош* (1817—1868) — полковник венгерской революционной армии, разоблаченный впоследствии как международный полицейский шпион — 120.
- Бар, Герман* (1863—1934) — австрийский писатель и критик — 418.
- Барро, Одилон* (1791—1873) — вождь династической оппозиции при Луи-Филиппе, премьер-министр первого кабинета в президентство Луи-Наполеона — 53, 122.
- Барт, Пауль* (1858—1922) — немецкий буржуазный социолог, выступавший против марксизма — 420, 421, 430, 442, 462, 464.
- Бартеlemi, Эммануэль* (ок. 1820—1855) — бланкист, участник революции 1848 г. — 55.
- Бастиа, Фредерик* (1801—1850) — французский вульгарный экономист, проповедник гармонии интересов труда и капитала — 103, 157, 208.
- Бастид, Жюль* (1800 — 1879) — французский политик и публицист, один из редакторов буржуазно-республиканской газеты «National», министр иностранных дел в 1848 г. — 475.
- Бауэр, Бруно* (1809—1882) — левый гегельянец, автор работ по истории раннего христианства — 221.
- * *Бсбель, Август* (1840—1913) — рабочий-токарь, один из основателей и виднейших вождей германской социал-демократии и II Интернационала; соратник Маркса и Энгельса; к концу жизни занял центристскую позицию — 220, 245, 254, 260, 262, 268, 284, 292, 299, 300, 302, 324, 331, 332, 334, 359, 378, 383, 390, 412, 433, 445, 452, 454, 460.
- Безелли, Джузеппе* — итальянский журналист, член «Рабочей федерации» в Турине, мадзинист — 281.
- Беккер, Бернгард* (1826—1882) — немецкий публицист и историк, после смерти Лассаля председатель Всеобщего германского рабочего союза; позднее примкнул к эйзенахцам — 159, 169, 300, 302.
- Беккер, Герман* («Красный Беккер») (1820—1885) — немецкий публицист, член ЦК Союза коммунистов в Кельне, впоследствии национал-либерал — 160.
- * *Беккер, Иоганн Филипп* (1809—1886) — немецкий рабочий, участник революции 1848—1849 гг. в Германии, затем эмигрант в Швейцарии; организатор немецких секций I Интернационала в Женеве, участник всех конгрессов Интернационала; друг Маркса и Энгельса — 123, 176, 211, 240, 276, 277, 323, 354.
- Беккерат, Герман* (1801—1870) — прусский политический деятель, либерал, в 1848 г. член Франкфуртского национального собрания — 46.
- Бенедикс, Родерих* (1811—1873) — немецкий драматург — 289.

- Берви, Василий Васильевич* (литературный псевдоним Флевровский) (1829—1918) — русский публицист-народник; автор книги «Положение рабочего класса в России» (1869) — 232, 256, 481.
- Берлихинген, Гец фон* (1480—1562) — немецкий рыцарь, участвовал в Крестьянской войне (1525); в решительный момент предал крестьян; герой драмы Гете «Гец фон-Берлихинген» — 111.
- Бермбах, Адольф* (1822—1875) — юрист в Кельне; доверенное лицо Маркса во время процесса Союза коммунистов — 48.
- Бернар, Симон Франсуа* (1817—1862) — французский врач, участник революции 1848—1849 гг. и заговора Орсины (1857) — 56.
- Бернс, Джон* (род. в 1858 г.) — английский рабочий, один из лидеров Социал-демократической федерации и руководитель движения безработных и стачки докеров в 1889 г.; впоследствии член Независимой рабочей партии, оппортунист — 415, 477.
- Бернс, Лиззи* (ум. в 1878 г.) — ирландская работница, вторая жена Ф. Энгельса — 175, 191, 192, 222, 310.
- Бернс Э.* — см. Рошер, Мэри Эллен.
- * *Бернштейн, Эдуард* (1850—1932) — немецкий социал-демократ; с 1881 по 1890 г. редактор центрального органа партии «Der Sozialdemokrat»; представитель крайнего оппортунизма, ренегат, выступивший после смерти Энгельса с ревизией марксизма по всем вопросам теории и тактики — 322, 347, 351, 353, 357, 363, 364, 365, 369, 371, 373, 375, 377, 382, 431, 488, 489.
- Бернье, Франсуа* (1625—1688) — французский путешественник и философ — 73, 74, 76.
- Беррье, Пьер Антуан* (1790—1868) — французский адвокат и политический деятель, легитимист — 53.
- Бета (Бетцих), Генрих* (1813—1876) — немецкий писатель и журналист, мелкобуржуазный демократ — 115.
- Биго, Леон* — французский адвокат; в 1871 г. защищал коммунаров (членов I Интернационала) перед военным судом — 268.
- * *Бизли, Эдуард Спенсер* (1831—1915) — профессор древней истории Лондонского университета, позитивист; председательствовал на учредительном собрании I Интернационала в Сент-Мартинс-Холле; в 60-х годах — участник движения за реформу избирательного права — 250, 251, 266, 480.
- Бисмарк, Отто Эдуард* (1815—1898) — глава прусского правительства с 1862 г., первый канцлер германской империи (1871—1890), представитель прусского юнкерства; осуществил объединение Германии реакционным путем; ввел исключительный закон против социалистов — 134, 140, 149, 160, 161, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 170, 177, 178, 181, 221, 240, 243, 249, 250, 254, 255, 258, 259, 265, 267, 268, 279, 281, 298, 304, 311, 312, 323, 327, 332, 351, 353, 374, 376, 377, 389, 392, 417, 434, 439, 447, 464.
- Блан, Луи* (1811—1882) — французский мелкобуржуазный социалист, журналист и историк; член временного правительства в 1848 г. — 36, 37, 55, 56, 57, 60, 62, 70, 475.
- * *Бланк, Корн Эмиль* (1817—1893) — шурин Энгельса, купец — 36, 38.
- Бланки, Луи Огюст* (1805—1881) — французский революционер, коммунист-утопист, участник парижских восстаний и революций на протяжении 1830—1870 гг., организатор ряда тайных политических обществ и заговоров — 257, 388.
- Блейхрдер, Герсон* (1822—1893) — глава германского банкирского дома — 374.

- Блинд, Карл** (1826—1907) — немецкий мелкобуржуазный демократ, участник баденского восстания 1849 г.; впоследствии национал-либерал — 167, 182.
- * **Блох, Иосиф** — редактор журнала «*Sozialistische Monatshefte*» — 422.
- * **Больте, Фридрих** — немецкий социалист, секретарь Нью-Йоркского немецкого рабочего союза, член немецкой секции (№ 1) Интернационала в Нью-Йорке, позднее секретарь Федерального совета и член Генерального Совета (1872—1874) — 269.
- Бонарише, Пьер Огюстен** (1732—1799) — французский писатель-сатирик — 408.
- Бональд, Луи Габриель** (1754—1840) — французский политический деятель и писатель, идеолог ультрароялизма в период реставрации — 454.
- Бонапарт, Жозеф Шарль Поль** («Плон-Плон») (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; считался вождем «левых» бонапартистов — 108, 109, 160, 162, 182.
- Бонапарт, Луи** — см. Наполеон III.
- Борегар, Пьер Густав** (1818—1893) — главнокомандующий армии южан в Виргинии во время Гражданской войны в Америке — 124.
- Боркгейм, Сигизмунд Людвиг** (1826—1886) — немецкий демократ, публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии; позднее эмигрант в Швейцарии и Англии — 216, 241.
- Брайт, Джон** (1811—1889) — английский политический деятель, либерал, один из вождей фритредеров — 93, 139, 146, 149.
- * **Бракке, Вильгельм** (1842—1880) — немецкий социал-демократ, один из руководителей эйзенахцев; в 1875 г. высказался против Готской объединительной программы — 242, 295, 298, 299, 301, 302, 324.
- Брасс, Август** (род. в 1818) — немецкий журналист, сторонник Бисмарка, издатель «*Norddeutsche Allgemeine Zeitung*» — 248.
- Браун, Джон** (1800—1859) — северо-американский фермер, борец за освобождение рабов в Америке, повешен за попытку организовать восстание в 1859 г. — 115.
- Брекиридж, Джон Кебл** (1821—1875) — американский политический деятель, фанатический сторонник рабовладения — 131.
- Бриссо, Жак Пьер** (1754—1793) — один из вождей жирондистов во время французской буржуазной революции конца XVIII в. — 154.
- Бродгерст, Генри** (1840—1911) — один из лидеров английских тред-юнионов — 411.
- Брусс, Поль** (1854—1912) — французский мелкобуржуазный социалист, глава оппортунистического крыла французской социалистической партии (поссибилистов) — 351, 357, 358, 360, 412.
- Брэй, Джон Фрэнсис** (1809—1895) — английский экономист, социалист-утопист, последователь Оуэна — 100, 382.
- Буагильбер, Пьер** (1646—1714) — французский экономист, предшественник физиократов — 448.
- Бун, Мартин** — английский механик; член Генерального Совета I Интернационала (1869—1872), секретарь «Лиги земли и труда» — 222.
- Бурбоны** — королевская династия во Франции (1589—1792, 1814—1830) — 10.
- Бустрада** — прозвище Наполеона III.
- Бэйль, Пьер** (1647—1706) — французский философ-скептик, критиковавший метафизику и религию с позиций буржуазного свободомыслия — 97.
- Бюргерс, Генрих** (1820—1878) — член ЦК Союза коммунистов в Кельне, обвиняемый на Кельнском процессе коммунистов; позднее прогрессист — 46, 119, 132.

Бюркли, Карл (1823—1901) — швейцарский социалист, фурьерист; примыкал к I Интернационалу — 355.

Бюхнер, Людвиг (1824—1899) — немецкий физиолог и философ, вульгарный материалист — 239, 305.

Буше, Филипп Жозеф (1796—1865) — французский историк и публицист, глава католического «социализма» во Франции — 213, 295.

В

Вагнер, Герман (1815—1889) — немецкий публицист, приверженец Бисмарка, редактор «*Kreuzzeitung*» — 168, 221.

Вагнер, Адольф (1835—1917) — немецкий буржуазный экономист, катедер-социалист, основатель реакционной христианско-социальной партии — 238.

Ваксмут, Вильгельм (1784—1866) — немецкий историк, профессор в Лейпциге; автор многих работ по всеобщей истории — 464.

Вальдек, Бенедикт (1802—1870) — член прусского Национального собрания; в 60-х годах член прусского ландтага и вождь прогрессивистской партии — 48.

Вальполь, Спенсер Гораций (1806—1898) — английский политический деятель, консерватор — 188.

Вальстер — см. Отто-Вальстер.

Вальтейх, Карл Юлиус (1839—1915) — немецкий социал-демократ, реформист; один из основателей Всеобщего германского рабочего союза, позже сторонник эйзенхауцев, затем эмигрант в Америке — 302.

* *Ван-Паттен, Филипп* — американский буржуа, примкнувший к социалистическому движению; с 1876 г. секретарь Центрального рабочего союза в Нью-Йорке; в 80-х годах отошел от рабочего движения и стал государственным чиновником — 367.

* *Варлен, Луи Эжен* (1839—1871) — рабочий-переплетчик, один из виднейших деятелей французского рабочего движения 60-х годов, левый прудонист; член Федерального совета парижских секций I Интернационала, активный деятель Парижской Коммуны, расстрелян версальцами — 265.

Вебб, Сидней (род. в 1859 г.) — историк и теоретик английского тред-юнионизма, один из основателей Фабианского общества; в период первой мировой войны — шовинист — 453.

Веерт, Георг Людвиг (1822—1856) — немецкий поэт и журналист; член Союза коммунистов, член редакции «*Новой Рейнской Газеты*», друг Маркса и Энгельса — 66.

Везинь, Пьер (1826—1902) — французский журналист, республиканец; организатор «Французской секции» Интернационала в Лондоне; руководил клеветнической кампанией против Генерального Совета и Маркса, в 1868 г. исключен из I Интернационала — 267.

* *Вейдемейер, Иосиф* (1818—1866) — прусский офицер, затем журналист, член Союза коммунистов, участник революции 1848 г., позднее эмигрант в Америке; один из основателей «Немецкого рабочего союза» в Нью-Йорке, участник Гражданской войны в Америке на стороне северян; член I Интернационала, друг Маркса и Энгельса — 49, 61, 67, 149.

Вейтлинг, Вильгельм (1808—1871) — немецкий коммунист-утопист, сторонник уравнительного коммунизма — 21, 313.

Вельф Слепой — см. Георг V.
Верморель, Огюст Жан Мари (1841—1871) — французский революционный журналист и историк, прудонист; активный участник Парижской Коммуны, погиб при ее защите — 218.

- Видок, Франсуа* (1775—1857) — французский авантюрист и полицейский агент — 116.
- Виктор-Эммануил II* (1820—1878) — король Сардинии и Пьемонта (1849—1860) и объединенной Италии (1861—1878) — 108.
- Виллих, Август* (1810—1878) — прусский офицер, командир корпуса волонтеров во время баденского восстания 1849 г., член ЦК Союза коммунистов в Лондоне; глава фракции «левых», борющейся против Маркса; с 1853 г. жил в Америке — 40, 41, 52, 56, 71, 86.
- Вильгельм I* (1797—1888) — прусский король (1861—1888), германский император (1871—1888) — 134, 135, 182, 240, 243, 244, 248, 255, 348, 363, 377, 464.
- Вильямс, А.* — псевдоним Маркса.
- Винуа, Жозеф* (1800—1880) — французский генерал, командовавший версальской армией во время Парижской Коммуны — 263.
- Вишневецкая* — см. Келли-Вишневецкая.
- Вобан, Себастиан* (1633—1707) — французский маршал, военный инженер и писатель — 448.
- Вольтер, Франсуа Мари* (1694—1778) — наиболее яркий представитель старшего поколения французских просветителей XVIII в., философ-деист, публицист, поэт, драматург, историк — 158.
- Вольф, Вильгельм* («Лупус») (1809—1864) — немецкий публицист, член ЦК Союза коммунистов, член редакции «Новой Рейнской Газеты»; с 1851 г. — эмигрант в Лондоне; соратник и близкий друг Маркса и Энгельса — 66.
- Вольф, Лиджи* — секретарь Мадзини, участник походов Гарибальди, член Генерального Совета I Интернационала в 1864—1865 гг., впоследствии оказался бонапартистским шпионом — 147, 148.
- Вольф, Фердинанд* («Красный Вольф») (1812 — ок. 1900) — немецкий журналист, член Союза коммунистов, член редакции «Новой Рейнской Газеты», эмигрант в Англии — 53.
- Вюрц, Шарль Адольф* (1817—1884) — французский химик — 189.

Г

- Габсбурги* — австрийская династия (1273—1918) — 182.
- Газенклевер, Вильгельм* (1837—1889) — немецкий поэт, ласальянец — 292, 298.
- Гайндман, Генри Мейерс* (1842—1921) — английский социал-реформист; один из основателей Демократической федерации, преобразованной в 1884 г. в Социал-демократическую федерацию; редактор ее органа «Justice» — 399, 412, 415, 476, 477.
- Гакстаузен, Август* (1792—1866) — прусский чиновник, написавший книгу об остатках общинного строя в земельных отношениях России — 106, 263, 313.
- Галлер, Карл Людвиг* (1768—1854) — реакционный немецкий писатель, специалист в области государственного права — 454.
- Гамбетта, Леон Мишель* (1838—1882) — французский политический деятель, примыкал к умеренному крылу республиканской партии; министр внутренних дел в «правительстве национальной обороны» в 1870 г. — 255, 257, 258.
- Гансен, Георг* (1809—1894) — немецкий историк-экономист и статистик — 362.
- Гарди, Джемс Кейр* (1856—1915) — английский политический деятель, реформист, основатель Независимой рабочей партии — 193, 476, 477.
- Гарибальди, Джузеппе* (1807—1882) — вождь итальянского национально-освободительного движения в период борьбы за воссоединение Италии — 121, 147, 178.

- * *Гаркнесс, Маргарита* (псевдоним John Law), английская писательница, член Социал-демократической федерации—404.
- Гарни, Джордж Джулиан* (1817—1897) — один из вождей левого крыла в чартистском движении, основатель «Общества братских демократов», редактор главного органа чартистов «Northern Star», в 70—80-х гг. жил в Америке; друг Маркса и Энгельса — 21, 61, 64, 65, 227.
- Гарнье-Пажес, Луи Антуан* (1803—1878) — член французского временного правительства и министр финансов в 1848 г., буржуазный республиканец — 36.
- Гаррис, Джордж* — английский журналист, член Генерального Совета I Интернационала (1869—1872), последователь чартиста О'Брайена — 230.
- Гаррисон, Фредерик* (1831—1913) — английский публицист, последователь Огюста Конта — 480.
- Гартман, Лев Николаевич* (1850—1913) — народоволец, с 1880 г. в эмиграции; заграничный представитель «Народной воли»; был знаком с Марксом и Энгельсом — 187, 361.
- Гассельман, Вильгельм* (род. в 1844 г.) — один из вождей лассальянцев; в 1880 г. исключен из германской социал-демократической партии как анархист — 292, 298.
- Гатцфельд, София* (1805—1881) — друг и сторонница Лассалья — 159, 167, 168, 169, 434.
- Гаупт, Герман Вильгельм* — член Союза коммунистов в Гамбурге; арестованный в 1851 г., выдал Центральный комитет в Кельне; позднее был прусским консулом в Бразилии — 48.
- Гвиберт Ножанский* (1053—1124) — монах-бенедиктинец, богослов и историк — 82.
- Гегг, Аманд* (1820—1897) — немецкий демократ, член баденского революционного правительства 1849 г., один из лидеров буржуазно-пацифистской «Лиги мира и свободы» — 222, 295.
- Гегель, Георг Фридрих Вильгельм* (1770—1831) — немецкий философ, идеалист-диалектик — 24, 55, 64, 68, 95, 96, 97, 103, 104, 126, 152, 154, 174, 180, 187, 189, 199, 201, 216, 239, 283, 287, 389, 392, 394, 430, 431, 441, 442, 443, 463, 482.
- Гейб, Август* (1842—1879) — немецкий социал-демократ, лассальянец, перешедший к эйзенахцам; с 1874 г. член рейхстага — 299.
- Гейзер, Бруно* (1846—1898) — немецкий социал-демократический журналист, редактор журнала «Die Neue Welt», один из главнейших оппортунистического крыла партии — 377.
- Гейне, Генрих* (1797—1856) — немецкий революционный поэт — 248.
- Гейнцен, Карл* (1809—1880) — немецкий радикальный публицист, участник революции 1848 г., затем эмигрант в Америке, ярый враг коммунизма — 61, 62, 63, 64, 70.
- Гексли, Томас Генри* (1825—1895) — английский естествоиспытатель и философ, друг и последователь Дарвина — 136, 479.
- Гельвальд, Фридрих Антон Геллер* (1842—1892) — немецкий этнограф, географ и историк — 305.
- Гельвеций, Клод Адриен* (1715—1771) — французский философ-материалист, просветитель — 156.
- Гельмгольц, Герман* (1821—1894) — немецкий физик и физиолог — 310.
- Генрих IV* (1553—1610) — король Франции (1589—1610) — 407.
- Генрих VII* (1269—1313) — германский император (1308—1313) — 82.
- Георг II* (1683—1760) — король Великобритании (1727—1760) — 196.
- Георг V* (1819—1878) — ганноверский король — 45, 182.

- Геннер, Адольф* (1846—1923) — немецкий социал-демократ, в 1869 г. помощник В. Либкнехта в редакции «Volksstaat», позднее эмигрант в Америке — 254, 284, 285, 309.
- Гераклит* (ок. 535—475 до н. э.) — древнегреческий философ, один из основоположников диалектики, стихийный материалист — 95, 96, 97.
- Герцен, Александр Иванович* (1812—1870) — выдающийся русский писатель и публицист, демократ, родоначальник народничества — 67, 68, 313.
- Гесс, Моисей* (1812—1875) — немецкий публицист, представитель «истинного социализма» в 40-х гг. XIX века; в 60-х гг. примкнул к Лассалю — 160, 161, 162, 164, 165.
- Гессенский курфюрст* — см. Людвиг III.
- Гете, Иоганн Вольфганг* (1749—1832) — немецкий поэт — 111.
- Гехберс, Карл* (псевдоним Рихтер) (1853—1885) — немецкий журналист, социал-фиантроп, финансировавший ряд социал-демократических газет — 313, 324, 331, 334.
- Гиббон, Эдуард* (1737—1794) — английский историк — 71.
- Гизо, Франсуа Пьер* (1787—1874) — французский буржуазный историк и государственный деятель в царствование Луи-Филиппа, вождь крупной финансовой буржуазии — 62, 349, 471.
- Гильом, Джеймс* (1844—1917) — швейцарский анархист, ближайший сподвижник Бакунина, один из руководителей тайного «Альянса»; на Гаагском конгрессе (1872) был исключен из I Интернационала — 275.
- * *Гильом-Шак, Гертруда* — немецкая анархистка — 389.
- Гинс, Эжен* (1839—1923) — один из организаторов бельгийских секций I Интернационала, член бельгийского федерального совета; прудонист, позднее — бакунист — 279.
- Гири, Вильгельм* — немецкий эмигрант в Лондоне; короткое время был членом Союза коммунистов; тайный агент прусской полиции в Лондоне — 117.
- Гири, Карл* (1841—1900) — немецкий социал-демократ, редактор газеты «Volksstaat» (1870—1871) — 331, 332.
- Гладстон, Вильям* (1809—1898) — вождь английской либеральной партии, неоднократно премьер-министр и член либеральных кабинетов — 202, 227, 237, 272, 323, 389, 476.
- Гнейзенау, Август* (1760—1831) — прусский генерал, участник кампании против Наполеона I — 252.
- Гоббс, Томас* (1588—1679) — английский философ, механический материалист, атеист — 126, 306, 429.
- Гогенцоллерны* — династия бранденбургских курфюрстов (1415—1701), прусских королей (1701—1918) и германских императоров (1871—1918) — 90, 141, 169, 252, 254, 255, 311.
- Головин, Иван Гаврилович* (1816—1890) — русский дворянин, либеральный публицист; с 1841 г. жил за границей и вращался среди политических эмигрантов — 68.
- Гофман, Август Вильгельм* (1818—1892) — немецкий химик — 187, 189.
- Грант, Улисс Симпсон* (1822—1885) — американский генерал, главнокомандующий армией северян с 1864 г.; президент Соединенных Штатов (1868—1877) — 150, 151.
- Гриленбергер, Карл* (1848—1897) — немецкий социал-демократ, один из организаторов социал-демократического движения в Баварии; с 1881 г. член рейхстага, реформист — 363.
- Гримм, Якоб Людвиг Карл* (1785—1863) — немецкий филолог-германист — 200, 201.
- Грусс, Паскаль* (1845—1909) — французский журналист; член ЦК национальной гвардии и Коммуны; примыкал к «большинству» Коммуны — 267.

- Грэй, Джон* (1798—1850) — английский социалист-утопист, ученик Оуэна — 100.
- Грэттен, Генри* (1745—1820) — ирландский государственный деятель, известный парламентский оратор — 231.
- Грюн, Карл Теодор* (1817—1887) — немецкий публицист, представитель так называемого «истинного социализма» (40-е гг.); в дальнейшем буржуазный демократ — 18, 19, 20, 21, 154.
- Гуд, Джон Белл* (1831—1879) — американский генерал; участвовал в Гражданской войне на стороне южных рабовладельческих штатов — 151.
- Гумиерт, Эдуард* (ум. в 1893 г.) — немецкий врач в Манчестере, друг Маркса и Энгельса — 244, 245.
- Гуттен, Ульрих фон* (1488—1523) — немецкий гуманист, сторонник Лютера; один из вождей немецкого рыцарства во время восстания 1522 г. — 111, 112, 114.
- Гэд, Жюль* (1845—1922) — французский социалист, один из основателей французской Рабочей партии; в 80—90-х гг. вел борьбу против поппулистских; в дальнейшем один из лидеров централизма во II Интернационале; во время первой мировой войны — шовинист — 338, 339, 351, 360.
- * *Гюбер, Адольф* — участник Коммуны, французский эмигрант в Лондоне, член I Интернационала — 267.
- Гюлих, Густав* (1791—1847) — немецкий буржуазный историк, автор трудов по экономической истории — 471.
- * *Даниельсон, Николай Францевич* (псевдоним «Николай—он») (1844—1918) — русский экономист, один из идеологов народничества; переводчик «Капитала» Маркса, снабжал Маркса и Энгельса книгами и материалами о России — 317, 341, 392, 438, 446, 450, 466, 480.
- Даниэльс, Роланд* (1819—1855) — один из руководителей Союза коммунистов в Кельне, обвиняемый на Кельнском процессе коммунистов — 48, 116.
- Данте, Алигьери* (1265—1321) — великий итальянский поэт, автор «Божественной комедии» — 395.
- Дантон, Жорж Жак* (1759—1794) — один из крупнейших деятелей французской буржуазной революции конца XVIII века, вождь правого крыла якобинцев — 55, 409, 413.
- Дарвин, Чарлз Роберт* (1809—1882) — английский естествоиспытатель, основатель современного учения о происхождении видов растений и животных — 121, 126, 171, 201, 239, 305, 306, 310, 372.
- Даск, Ференц* (1803—1876) — венгерский политический деятель, умеренный либерал — 250.
- Девиль, Габриэль* (род. в 1854 г.) — французский социалист, автор популярного изложения I тома «Капитала» Маркса; впоследствии отошел от социалистического движения — 374.
- Декарт, Рене* (1596—1650) — французский философ и математик; в философии — дуалист; в физике — механический материалист — 420.
- Делеклюз, Шарль* (1809—1871) — участник революций 1830 и 1848 гг. во Франции и ряда тайных республиканских обществ, неоякобинец; член Парижской Коммуны; погиб на баррикадах — 217.
- Демокрит* (ок. 460—370 до н. э.) — греческий философ-материалист, один из основоположников атомной теории — 97.

Д

- Дана, Чарлз Андерсон* (1819—1897) — американский журналист, член республиканской партии; редактор газеты «Нью-Йоркская Трибуна» — 56.

- Демут, Елена* (Ленхен, Ним) (1823—1890) — домашняя работница и близкий друг семьи Маркса; после смерти Маркса жила у Энгельса — 366, 376.
- Джонс, Ричард* (1790—1855) — английский экономист — 63.
- Джонс, Эрнст Чарлз* (1819—1869) — английский поэт, один из вождей левого крыла чартизма, редактор чартистского органа «People's Paper», друг Маркса и Энгельса — 61, 64, 65, 93, 94, 105, 174.
- Джордж, Генри* (1839—1897) — американский экономист, пропагандист буржуазной национализации земли — 349, 350, 396, 397, 399, 400, 401.
- Дизраэли, Бенджамин, лорд Биконсфильд* (1804—1881) — английский государственный деятель, вождь консерваторов, министр финансов и премьер-министр — 62, 323.
- Дитц, Йоганн Георг Вильгельм* (1843—1922) — немецкий социал-демократ, владелец социал-демократического книгоиздательства в Штутгарте — 433, 435.
- Дицген, Иосиф* (1828—1888) — немецкий рабочий, социал-демократ, философ-материалист — 210, 215, 216.
- Добролюбов, Николай Александрович* (1836—1861) — выдающийся русский критик и публицист, сотрудник «Современника», революционный демократ, социалист — 380.
- * *Домела-Нивенгейс, Фердинанд* (1846—1919) — основатель голландской социал-демократической партии, впоследствии анархист — 344.
- Дронке, Эрнст* (1822—1891) — немецкий публицист, «истинный социалист», затем член Союза коммунистов и один из редакторов «Новой Рейнской Газеты»; в 50-х гг. отошел от политической деятельности — 41, 50.
- Дункер, Франц Густав* (1822—1888) — немецкий демократический публицист и издатель, один из основателей гиршдункеровских профессиональных союзов, созданных с целью подчинения рабочего движения влиянию буржуазии — 108, 187, 189.
- Дэвис, Джефферсон* (1808—1889) — американский государственный деятель, один из лидеров сецессионистов, президент конфедерации южных штатов — 134, 230, 231.
- Д'Эстер, Карл Людвиг* (1811—1859) — член Союза коммунистов в Кельне, участник баденского восстания — 13.
- Дюмурье, Шарль Франсуа* (1739—1823) — французский генерал, жирондист — 52.
- Дюнуайе, Бартеlemi Шарль* (1786—1862) — французский экономист, после революции 1830 г. префект, затем государственный советник — 156.
- Дюпен, Андре Мари* (1783—1865) — французский политический деятель, орлеанист; после февральской революции президент Законодательного собрания; впоследствии бонапартист — 53.
- Дюпюа де л'Эр, Жак Шарль* (1767—1855) — французский политический деятель, буржуазный республиканец, председатель временного правительства в 1848 г. — 36.
- Дюран, Гюстав Поль* — был секретарем «Французской секции 1871 г.» в Лондоне; в 1871 г. разоблачен как шпион и исключен из Интернационала — 275.
- Дюринг, Евгений* (1833—1921) — немецкий вульгарный материалист и позитивист, представитель реакционного мелкобуржуазного «уравнительного» социализма — 197, 198, 199, 239, 308, 309, 312, 380, 424, 469.

Е

Елизавета (1533—1603) — английская королева (1558—1603) — 194.

Ж

- Жерар, Шарль Фредерик* (1816—1856) — французский химик — 189.
- Жиго, Филипп* (род. в 1820 г.) — бельгийский архивный чиновник, член Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета — 16, 17.
- Жирарден, Эмиль* (1806—1881) — французский журналист; в 1848—1851 гг. буржуазный республиканец, впоследствии стал бонапартистом — 109, 193.
- Жискэ, Анри Жозеф* (1792—1866) — парижский полицейский префект — 116.
- Жоллимейер* — см. Шорлеммер.
- Жомини, Анри* (1779—1869) — генерал французской, позднее — русской службы; крупный военный писатель — 67.
- Жуковский, Юлий Галактионович* (1822—1907) — русский буржуазный журналист. Автор статьи «Карл Маркс и его книга о капитале» («Вестник Европы» № 9 за 1877 г.), в которой пытался дать критику экономического учения Маркса — 313, 314, 374, 448.
- Журдан, Жан Багист* (1762—1833) — маршал Франции, полководец эпохи революционных и наполеоновских войн — 409.
- Зикинген, Франц фон* (1481—1523) — немецкий рыцарь, примкнувший к реформации, руководитель рыцарского восстания 1522 г. — 110, 111, 112, 113, 114.
- Зингер, Пауль* (1844—1911) — немецкий социал-демократ; с 1887 г. член Правления социал-демократической партии — 460.
- Золя, Эмиль* (1840—1902) — французский писатель, глава так называемого натуралистического направления в литературе — 405.
- Зомбарт, Вернер* (род. в 1863 г.) — немецкий буржуазный экономист; в своих работах пытался опровергнуть теорию трудовой стоимости Маркса — 485, 489.
- Зоннеман, леопольд* (1831—1909) — немецкий демократ, основатель и редактор «Frankfurter Zeitung» — 302.
- * *Зорге, Фридрих Альберт* (1828—1906) — немецкий социалист, участник баденского восстания 1849 г.; эмигрировал в Америку, где был одним из руководителей Всеобщего немецкого рабочего союза, примкнувшего к I Интернационалу; секретарь Генерального Совета I Интернационала после перенесения его в Нью-Йорк; друг Маркса и Энгельса — 288, 290, 311, 312, 331, 338, 349, 365, 368, 396, 411, 414, 444, 456, 459, 476.

З

- * *Засулич, Вера Ивановна* (1851—1919) — в молодости народница; одна из основательниц группы «Освобождение труда» в 1883 г.; после II съезда РСДРП примыкала к меньшевикам, затем к ликвидаторам — 346, 347, 373, 387.
- Зедт* — прокурор на Кельнском процессе коммунистов — 65.
- Зибель, Карл* (1836—1868) — рейнский поэт, родственник Энгельса — 159.
- Зибер, Николай Иванович* (1844—1888) — русский экономист, один из первых популяризаторов экономической теории Маркса в России — 344.

И

- Ибсен, Генрик* (1828—1906) — норвежский драматург — 420.
- Йорк, Теодор* (1830—1874) — немецкий социал-демократ; член лассальянского Всеобщего германского рабочего союза, затем эйзенахец — 284, 285.
- Иосс, Фриц* (ум. ок. 1517 г.) — один из руководителей крестьянских отрядов во время Крестьянской войны в Германии, восстановил Союз Башмака — 113.

К

- Каблуков, Николай Алексеевич* (1849—1919) — русский экономист и статистик, профессор Московского университета; представитель либерального народничества — 344.
- * *Кабдукова (Горбунова), Минна Карловна* (род. в 1840 г.) — земский статистик и публицистка народнического направления — 336.
- Кабэ, Этьен* (1788—1856) — французский утопист-коммунист, автор книги «Путешествие в Икарню» — 156, 303.
- Кавалотти, Феличе* (1842—1898) — итальянский политический деятель, радикал-республиканец, лидер крайней левой в парламенте в 1873—1898 гг. — 473.
- Кавеньяк, Луи Эжен* (1802—1857) — французский генерал; в 1848 г., будучи военным диктатором, жестоко подавил июньское восстание парижского пролетариата — 52, 53, 257.
- Кайзер, Макс* (1853—1888) — немецкий социал-демократ, примыкал к правому крылу социал-демократической фракции рейхстага — 332, 363.
- Кальвин, Жан* (1509—1564) — идеолог реформации во Франции и Швейцарии, основатель кальвинизма, одной из разновидностей протестантизма — 463.
- Кампаузен, Лудольф* (1803—1890) — министр-президент Пруссии в 1848 г., вождь либеральной буржуазии — 39.
- Канробер, Франсуа* (1809—1895) — французский маршал, бонапартист; главнокомандующий французскими войсками во время Крымской войны 1854—1856 гг. — 109.
- Кант, Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ-идеалист — 153, 154, 309, 430, 442, 463, 482.
- Кардан, Иероним* (1501—1576) — итальянский математик, врач и философ — 137.
- Карден, Ричард Уолтер* (род. в 1801 г.) — английский торг, член парламента — 120.
- Кареев, Николай Иванович* (1850—1931) — русский историк, профессор Петербургского университета — 407, 408, 409, 410, 411.
- Карл V Габсбург* (1500—1558) — германский император (1519—1558) и король испанский — 112.
- Карно, Лазар* (1753—1823) — государственный и военный деятель периода Французской революции, организатор военных побед революционных армий Франции — 55.
- Кастиль, Инполит* (1820—1886) — французский публицист; в 1848 г. республиканец, участник июньского восстания, впоследствии ренегат, сторонник империи — 218.
- Каутская, Луиза* — австрийская социалстка, с 1890 г. секретарь Энгельса, делегат Брюссельского и Цюрихского конгрессов II Интернационала — 414, 488.
- * *Каутская, Минна* (1836—1912) — немецкая писательница, автор романов на социальные темы; мать К. Каутского — 394.
- * *Каутский, Карл* (1854—1938) — один из видных теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала, центрист, во время первой мировой войны социал-пацифист; ренегат марксизма, ярый враг Советского Союза — 303, 356, 372, 376, 381, 383, 407, 432, 436, 451, 453, 487, 488.
- Кауфман, Илларион Пенатович* (1848—1916) — русский экономист и статистик, профессор Петербургского университета — 322.
- * *Келли-Винневецкая, Флоренс* (1859—1932) — член Социалистической рабочей партии США, переводчица книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» на английский язык; впоследствии буржуазная реформистка — 399, 402.

- Кенэ, Франсуа* (1694—1774) — французский экономист, основатель школы физиократов — 141, 144, 145.
- Кинкель, Готфрид Иоганн* (1815—1882) — немецкий публицист и поэт, мелкобуржуазный демократ; в лондонской эмиграции вел борьбу против Маркса — 40, 41, 70, 120.
- Клапка, Георг* (1820—1892) — генерал венгерской революционной армии, эмигрант в Швейцарии — 120.
- Клаузевиц, Карл* (1770—1831) — прусский генерал и военный теоретик — 67.
- Клемансо, Жорж* (1841—1929) — французский буржуазный политик, вождь радикалов; один из вдохновителей первой мировой войны и интервенции против Советской республики — 379, 398.
- Клингс, Карл* — рабочий из Золингена, член ЦК Всеобщего германского рабочего союза — 159.
- Клоотс, Жан Батист* (Анахарис) (1755—1794) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., эбертист — 413, 414.
- * *Клус, Адольф* — член Союза коммунистов в Майнце; после 1849 г. журналист в Америке; до 1854 г. активный сторонник Маркса; впоследствии чиновник адмиралтейства в Вашингтоне — 65, 66.
- Клюзер, Гюстав Поль* (1823—1900) — французский офицер; начальник штаба обороны Парижской Коммуны, в апреле отдан под суд по подозрению в измене; после падения Коммуны — эмигрант, вел вместе с бакунистами борьбу против Маркса в I Интернационале — 250, 251, 288.
- Кобден, Ричард* (1804—1865) — английский политический деятель, либерал, один из вождей фритгедеров — 149.
- Колем, Жан Гийом* (1783—1859) — бельгийский экономист, социал-реформист — 349, 350.
- Коломб, Фердинанд Август* (1775—1854) — прусский генерал, участник кампании 1813—1814 гг. — 125.
- Кольбер, Жан Батист* (1619—1683) — министр Людовика XIV, проводил политику меркантилизма — 447.
- Комп, Альбрехт* — основатель немецкого рабочего общества в Нью-Йорке («Клуб коммунистов») — 117.
- Конт, Огюст* (1798—1857) — французский философ-позитивист — 180, 251, 479.
- Коссидьер, Марк* (1809—1861) — французский мелкобуржуазный социалист, участник лионского восстания 1834 г.; префект парижской полиции в 1848 г. — 55.
- Костюшко, Тадеуш* (1746—1817) — национальный польский герой, вождь восстания 1794 г. — 65, 89.
- Кошут, Людвиг* (1802—1894) — вождь буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Венгрии, глава Венгерской республики 1849 г.; в 50-х годах вступил в связь с Наполеоном III — 57, 120.
- Крапулинский* — прозвище Наполеона III.
- Красс, Марк Лициний* (114—53 до н. э.) — консул Римской республики, член триумvirата, усмиритель восстания Спартака — 122.
- Кремье, Адольф* (1796—1880) — французский либеральный политический деятель; в 1870—1871 гг. член «правительства национальной обороны» — 36.
- Криге, Герман* (1820—1850) — представитель немецкого «истинного социализма», редактор выходившей в Нью-Йорке газеты «Volkstribun» — 20.
- Кригер, Вильям Рэндол* (1838—1908) — один из лидеров английских тред-юнионов, в 1864—1866 гг. секретарь Генерального Совета I Интернационала; в 1867 г. вышел из Генерального Совета; впоследствии либерал, пацифист — 146, 147, 148, 193.

- Кромвель, Оливер* (1599—1658) — вождь английской буржуазной революции XVII века; с 1853 г. лорд-протектор Англии — 194, 229, 231, 471.
- * *Кугельман, Людвиг* (1830—1902) — ганнсверский врач, участник революции 1848 г., член I Интернационала; содействовал изданию и распространению «Капитала» — 166, 176, 183, 198, 202, 208, 217, 220, 227, 233, 238, 240, 243, 245, 251, 257, 262, 264.
- * *Куно, Теодор* (1847—1934) — немецкий социалист, деятель I Интернационала, сторонник Маркса; в дальнейшем деятель рабочего движения в США — 276.
- Кэри, Генри Чарлз* (1793—1879) — американский экономист, апологет капитализма, выдвигал теорию гармонии классовых интересов — 63, 76, 77, 103, 197, 199, 223, 224, 225, 226.
- Кэрран, Джон Фильпот* (1750—1817) — адвокат в Ирландии, известен своей защитительной речью в пользу восставших ирландцев в 1798 г. — 231.
- Кювье, Жорж* (1769—1832) — французский естествоиспытатель, основатель сравнительной анатомии и палеонтологии — 200.
- Л**
- Лабриола, Антонио* (1843—1904) — италийский литератор и философ; в 80—90-х гг. XIX века был близок к марксизму; в последние годы жизни отошел от политической деятельности — 485.
- Лаверьн-Пегиллен, Мориз* — прусский историк-экономист, один из представителей реакционной романтической исторической школы — 454, 455, 456.
- * *Лавров, Петр Лаврович* (1823—1900) — русский публицист, теоретик народничества, родоначальник так называемой «русской субъективной школы в социологии»; редактор выходившего в Цюрихе и Лондоне журнала «Вперед» — 304.
- Ламартин, Альфонс* (1790—1869) — французский поэт и умеренно-либеральный политический деятель, в 1848 г. фактический глава временного правительства — 36.
- * *Ланге, Фридрих Альберт* (1828—1875) — немецкий философ-неокантианец; буржуазный демократ — 171, 239.
- Ланкестер, Эдвин Рэй* (1847—1929) — английский естествоиспытатель, профессор Лондонского, затем Оксфордского университетов — 344, 366.
- * *Лассаль, Фердинанд* (1825—1864) — немецкий социалист, положил начало реформистскому течению (лассальству); основатель Всеобщего германского рабочего союза — 95, 96, 97, 108, 110, 112, 121, 130, 139, 159, 160, 161, 162, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 177, 210, 212, 213, 215, 223, 288, 293, 294, 295, 298, 300, 301, 303, 324, 325, 353, 433, 434, 438.
- * *Лафарг, Поль* (1842—1911) — французский социалист, видный деятель I Интернационала, один из основателей французской Рабочей партии; зять Маркса, друг Маркса и Энгельса — 178, 179, 218, 263, 266, 338, 349, 351, 352, 360, 475, 477, 485, 487.
- Леббок, Джон* (1834—1913) — английский биолог-дарвинист, этнолог и археолог — 372.
- Леге, Вильгельм* (Лево-фон-Кальбе) (1814—1886) — немецкий политический деятель; во Франкфуртском парламенте (1848) примыкал к демократической левой; был одо время председателем этого парламента; в 60—70-х годах прогрессист — 53, 56.
- Леви, Густав* — немецкий социалист, в 50-х годах — противник Лассалья, позднее — его сторонник, активный член Всеобщего германского рабочего союза — 84, 85, 86, 118.
- Лебрю-Роллен, Александр Огюст* (1807—1874) — французский политический деятель, в 1848 г. член временного правитель-

- ства, один из вождей мелко-буржуазной демократии — 36, 37, 55, 57, 217, 475.
- Лейбниц, Готфрид Вильгельм* (1646—1716) — немецкий философ, объективный идеалист, математик и физик — 441, 482.
- Лекрафт, Бенджамин* (1809 — 1897) — английский тред-юнионист, член Генерального Совета I Интернационала; в 1871 г. вышел из Интернационала; впоследствии либерал — 179, 227.
- Ле Любе, Виктор* (род. ок. 1830 г.) — французский эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета I Интернационала; в 1866 г. исключен из Интернационала за интриги и клевету против Генерального Совета — 146, 147, 148, 149.
- Ленхен* — см. Демут, Елена.
- Леру, Пьер* (1797—1871) — французский социалист-утопист — 402.
- Лессинг, Готгольд Эфраим* (1729—1781) — немецкий просветитель, поэт, критик, драматург и философ — 96, 239, 461.
- * *Лесснер, Фридрих* (1825 — 1910) — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, участник революции 1848 г., деятель I Интернационала, друг и соратник Маркса и Энгельса — 210.
- Ли, Роберт Эдуард* (1807—1870) — американский генерал, главнокомандующий армией южач в 1862—1865 гг. — 150, 151.
- Либих, Юстус* (1803—1873) — немецкий химик, основоположник агрономической химии — 305.
- * *Либкнехт, Вильгельм* (1826—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократии, видный деятель I и II Интернационалов, друг и соратник Маркса и Энгельса — 66, 160, 161, 163, 164, 167, 169, 182, 210, 215, 220, 221, 222, 242, 243, 244, 245, 254, 260, 262, 263, 268, 284, 288, 292, 297, 298, 299, 302, 304, 309, 323, 324, 360, 433, 435, 487.
- Лиззи* — см. Бернс, Лиззи.
- Линкольн, Авраам* (1809—1865) — президент США (1861—1865), руководитель республиканской партии, вождь северных штатов в борьбе против рабовладельческого Юга — 132, 134.
- Лист, Фридрих* (1789—1846) — немецкий буржуазный экономист, сторонник протекционизма — 12.
- Локк, Джон* (1632—1704) — английский философ-сенсуалист — 429.
- Лонге, Шарль* (1833—1903) — французский социалист, прудонист, член Генерального Совета I Интернационала и Коммуны; зять Маркса — 178.
- Лонге, г-жа* — см. Маркс, Жени (Лонге).
- Лопатин, Герман Александрович* (1845—1918) — русский революционер, народник, член Генерального Совета I Интернационала; с 1884 до 1905 г. узник Шлиссельбургской крепости; друг Маркса — 344, 393, 450.
- Лоран, Огюст* (1807 — 1853) — французский химик — 189.
- Лориа, Ахилл* (род. в 1857 г.) — итальянский буржуазный экономист — 481, 485.
- Луи-Филипп* (1773—1850) — французский король (1830—1848) — 320.
- Луиза* — см. Каутская, Луиза.
- Лукулл, Люций Лициний* (108—56 до н. э.) — римский полководец, консул Римской республики — 121.
- Лэби, Томас Кларк* (1821—1901) — ирландский фений, сотрудник «Irish People» — 231.
- Людвиг III* (1806—1877) — курфюрст Гессенский, с 1848 г. великий герцог Гессенский — 182.
- Людвиг XIV* (1638—1715) — французский король (1643—1715) — 233, 321, 407, 447.
- Людвиг XV* (1710—1774) — французский король (1715—1774) — 321.
- Лютер, Мартин* (1483—1546) — вождь протестантизма в Германии, основатель лютеранской церкви — 112, 376, 463.
- Люцов, Адольф* (1782—1834) — прусский генерал, участник войны 1813 г. — 125.

М

- Магомед* (571—632) — основатель мусульманской религии — 72, 73, 75, 76.
- Мадзини, Джузеппе* (1805 — 1872) — итальянский мелкобуржуазный революционер, борющийся за национальное объединение Италии; пытался противопоставить свое влияние влиянию Интернационала — 49, 50, 51, 57, 147, 148, 193, 279.
- Майн, Ричард* (1796—1868) — лондонский полицейский комиссар — 183.
- Макиавелли, Никколо* (1469—1527) — итальянский политический деятель и историк, идеолог передовой итальянской буржуазии эпохи Возрождения — 93.
- Мак-Кинлей, Вильям* (1843 — 1901) — президент США, автор протекционистского тарифа (1890) — 439.
- Мак-Клеелан, Джордж Брентон* (1826—1885) — американский генерал, главнокомандующий армией северян в 1861—1862 гг.; сторонник компромисса с рабовладельческими элементами — 124, 131, 134.
- Мак-Кэллох, Джон Рамсей* (1789—1861) — английский экономист, апологет капиталистического строя, вульгаризатор Рикардо — 63, 192.
- Малон, Бенуа* (1841—1893) — один из основателей блузинского «Альянса», участник Парижской Коммуны, один из лидеров possibilistов — 338, 351, 352, 357, 358, 360.
- Мальтус, Томас Роберт* (1766—1834) — английский экономист, автор реакционной теории народонаселения, оправдывающей нищету трудящихся масс при капитализме вечными законами природы — 42, 43, 63, 76, 126, 153, 172, 239, 295, 306.
- Мани, Томас* (1856—1941) — видный деятель английского рабочего движения, лидер нового тред-юнионизма, активный деятель Независимой рабочей партии; с 1920 г. член компартии Великобритании; принимал участие в создании Красного Профинтерна — 416.
- Маннинг, Генри Эдуард* (1808—1892) — английский кардинал (с 1875 г.) — 415.
- Ману* — мифический автор индусского «Сборника законов» — 79.
- Мари де Сен-Жорж, Александр* (1795—1870) — французский буржуазный республиканец, член временного правительства в 1848 г. — 36, 218, 475.
- * *Маркс, Женни* (урожд. фон-Вестфален) (1814—1881) — жена Маркса — 15, 40, 50, 61, 65, 66, 125, 135, 187, 244, 312, 340, 351, 365, 367.
- Маркс, Женни* (1844—1883) — старшая дочь Маркса, жена Ш. Лонге — 237, 240, 366.
- Маркс, Карл* (1818—1883) — 16, 37, 40, 41, 65, 66, 71, 146, 147, 166, 171, 174, 191, 218, 220, 281, 284, 288, 291, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 301, 302, 303, 304, 313, 336, 338, 351, 352, 360, 365, 366, 367, 368, 369, 372, 373, 374, 379, 380, 383, 385, 387, 388, 389, 390, 402, 412, 413, 416, 420, 422, 424, 430, 432, 433, 434, 435, 438, 443, 454, 457, 459, 461, 462, 471, 472, 474, 480, 485, 486, 487, 489.
- Маркс, Лаура* (1845—1911) — вторая дочь Маркса, жена П. Лафарга — 199, 249, 263.
- Маркс, Элеонора* (Тусси) (1855—1898) — младшая дочь Маркса, жена Э. Эвелинга, активная участница английского и международного рабочего движения 80—90-х годов — 282, 289, 360, 366, 376, 415, 452, 453.
- Марраст, Арман* (1801—1852) — французский буржуазный республиканец, редактор газеты «National», член временного правительства в 1848 г. — 36, 475.
- Мартенс, Иоахим Фридрих* — немецкий рабочий, основатель

- общины Союза коммунистов в Гамбурге — 45.
- Маурер, Георг Людвиг* (1790—1872) — немецкий историк, исследователь общественного строя древней и средневековой Германии — 200, 361, 362, 422.
- Мезер, Юстус* (1720—1794) — немецкий реакционный публицист и историк — 201.
- * *Мейер, Зигфрид* (1840—1872) — немецкий социалист; в 1866 г. уехал в Америку; принимает активное участие в организации нью-йоркской секции I Интернационала — 185, 234, 256.
- Мейснер, Отто* (1850—1930) — гамбургский издатель; издал «Капитал» Маркса — 185, 238, 239.
- Мейтцен, Август* (1822—1910) — немецкий статистик и историк аграрных отношений — 362.
- Менделеев, Дмитрий Иванович* (1834—1907) — выдающийся русский ученый, химик, открывший периодический закон химических элементов — 449.
- * *Меринг, Франц* (1846—1919) — немецкий социал-демократ, литературный критик и историк, один из вождей левого крыла германской социал-демократии, впоследствии член союза «Спартак» и Коммунистической партии Германии — 453, 461.
- Мерославский, Людвиг* (1814—1878) — польский революционер, участник польских восстаний 1830 и 1863 гг., командующий баденской революционной армией в 1849 г. — 88.
- * *Меса-и-Леопарт, Хосе* (1840—1904) — испанский социалист, член испанского федерального совета I Интернационала, один из организаторов испанской рабочей партии (1879) — 435.
- де Местр, Жозеф Мари* — (1753—1821) — французский реакционный публицист и пьомонтский политический деятель, ярый враг французской буржуазной революции конца XVIII века — 454.
- Мещерский, Владимир Петрович* (1839—1914) — русский реакционный публицист и беллетрист; издавал реакционную газету «Гражданин» — 458.
- Мигер, Томас* (1823—1867) — ирландский революционер, в 1848 г. вел революционную агитацию в Ирландии; позднее эмигрант в Америке — 195.
- Микель, Иоганн* (1828—1901) — прусский банкир и политический деятель, национал-либерал; в молодости был членом Союза коммунистов; в 1890—1901 гг. министр финансов — 45, 47, 48, 167, 168, 169, 267, 327.
- Миль, Джеймс* (1773—1836) — английский историк, философ и экономист, последователь Рикардо — 63, 349.
- Миль, Джон Стюарт* (1806—1873) — английский философ, либеральный политический деятель, экономист; эпигон буржуазной классической школы политической экономии — 349.
- Милнер, Джордж* — ирландец, последователь чартиста О'Брайена, член Генерального Совета I Интернационала (1868—1872) — 227.
- Минье, Франсуа Огюст* (1796—1884) — французский историк либерального направления — 471.
- Мирабо, Онорэ Габриэль* (1749—1791) — деятель французской буржуазной революции 1789 г., вождем оппозиционного дворянства и крупной буржуазии — 168.
- Митридат Великий* (132—63 до н. э.) — понтийский царь — 121.
- Михайловский, Николай Константинович* (1842—1904) — публицист и литературный критик, теоретик либерального народничества — 313, 314, 315.
- Молшотт, Якоб* (1822—1893) — немецкий физиолог, в философич. — вульгарный материалист — 305.
- Мольтке, Хельмут Карл* (1800—1891) — немецкий фельдмаршал и военный писатель, консерватор; в 1857—1888 гг. начальник генерального штаба — 244.

- Монтейль, Аман Алексис* (1769—1850) — французский историк — 232.
- Монтескье, Шарль* (1689—1755) — французский философ-просветитель — 463.
- Морган, Льюис Генри* (1818—1881) — американский ученый-этнолог, исследователь первобытного общества — 372, 376, 377, 471.
- Морлей, Сэмюэль* (1809—1886) — английский либерал, член парламента — 266.
- Мост, Иоганн* (1846—1906) — немецкий социал-демократ, сторонник вульгарно-материалистической философии Дюринга; позднее анархист — 308, 309, 312, 313, 353, 367, 368, 369.
- Моттерсхед, Томас* — ирландский рабочий, член Генерального Совета I Интернационала (1869—1872); на Гаагском конгрессе (1872) примкнул к противникам Маркса — 226, 227.
- Мур, Сэмюэль* (1830—1912) — переводчик «Капитала» и «Коммунистического манифеста» на английский язык, друг Маркса и Энгельса — 249.
- Мюллер, Адам Генрих* (1779—1829) — немецкий реакционный социолог — 454.
- Мюллер-Теллеринг, Эдуард* — немецкий журналист, венский корреспондент «Новой Рейнской Газеты», затем эмигрант в Лондоне; с 1850 г. вел клеветническую кампанию против Маркса и Энгельса — 118, 120.
- Мюльбергер, Артур* (1847—1907) — немецкий публицист, прудонист, автор статьи «Жилищный вопрос», напечатанной в «Volksstaat», в ответ на которую Энгельсом была написана серия статей «К жилищному вопросу» (1872—1873) — 286.
- Мюнцер, Томас* (1490—1525) — один из главных руководителей Крестьянской войны 1524—1525 гг. в Германии, вождь анабаптистов, проповедник коммунистических идей — 112, 489.

Н

- Набруци, Лодовико* (род. ок. 1846 г.) — член I Интернационала в Равенне, бакунист — 276.
- Наполеон I* (1769—1821) — французский император (1804—1814 и 1815) — 53, 54, 59, 67, 89, 158, 245, 246, 252, 279, 349, 418, 428, 470, 471.
- Наполеон III (Луи Бонапарт)* (1808—1873) — французский император (1852—1870) — 54, 55, 56, 57, 59, 60, 68, 69, 88, 89, 108, 109, 140, 149, 158, 162, 180, 182, 238, 240, 242, 243, 244, 245, 249, 251, 257, 258, 259, 261, 263, 268, 281, 320, 349, 369, 385, 424.
- Нечаев, Сергей Геннадиевич* (1847—1882) — русский анархист, заговорщик — 275, 281.
- Ним* — см. Демут, Елена.
- Новацири* (1280—1332) — арабский историк — 75.
- Нотгюнг, Петер* (1821—1880) — один из обвиняемых на Кельнском процессе коммунистов, впоследствии лассальянец — 45.

О

- Оджер, Джордж* (1820—1877) — английский рабочий, один из лидеров английских тредюнионов, член Генерального Совета I Интернационала, после Парижской Коммуны ренегат — 146, 147, 193, 202, 227.
- О'Донован Росса, Иеремия* (1831—1915) — один из вождей ирландских фениев, издатель газеты «Irish People»; позднее эмигрировал в США, где был вождем левого направления в организации фениев — 226, 229, 237.
- О'Коннель, Даниель* (1775—1847) — лидер ирландских националистов, представитель умеренных слоев ирландской буржуазии — 231.
- О'Коннор, Фергюс Эдуард* (1794—1855) — лидер чартистов, член парламента, издатель «North-ern Star» — 64.

Орлеаны — младшая линия династии Валуа, а затем Бурбонов — 57.

Орсини, Феличе (1809—1858) — итальянский националист, революционер-заговорщик; в 1858 г. покушался на Наполеона III — 108.

Отто-Вальстер, Август — немецкий социал-демократ, журналист — 304.

Оуэн, Роберт (1771—1858) — великий английский социалист-утопист, основатель кооперативного движения в Англии — 184, 303, 405.

II

Паликао (Кузен-Монтобан), Шарль (1796 — 1878) — французский генерал, премьер-министр и военный министр накануне установления республики в сентябре 1870 г. — 248.

Пальмерстон, Генри Джон (1784—1865) — английский государственный деятель, либерал, министр иностранных дел (1830—1841 и 1846—1851), внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865) — 89, 107, 227.

* *Паприц, Евгения Эдуардовна* (1853—1919) — русская певица, затем исследовательница русской музыки; была связана с московским нелегальным «Обществом переводчиков и издателей» (1882—1884), выпустившим ряд произведений Маркса и Энгельса на русском языке — 379, 380.

Паудерли, Теренс Винсент (1849—1924) — американский социалист, лидер «Ордена рыцарей труда» (1879—1893) — 397, 400.

Пелисье, Жан Жак (1794—1864) — французский генерал, в 1855 г. главнокомандующий французских войск в Крыму — 109.

Перрэ, Анри — швейцарский социалист, деятель I Интернационала, секретарь Романского федерального комитета в Женеве — 288.

Петр I (1672—1725) — русский император (1682—1725) — 158.

Петти, Вильям (1623—1687) — английский экономист и статистик, основатель классической школы буржуазной политической экономии — 43, 100.

Пиа, Феликс (1810—1889) — французский мелкобуржуазный журналист, неоякобинец; в 1871 г. член Коммуны, затем эмигрант в Англию; вел клеветническую кампанию против Маркса и Генерального Совета — 85, 267.

Пиготт, Ричард (1828—1889) — ирландский журналист, редактор «*Irishman*» — 231.

Пиндар (ок. 518—442 до н. э.) — греческий лирик — 322.

Пипер, Вильгельм (1826 — ок. 1899) — немецкий филолог и журналист, член Сюза коммунистов, эмигрант в Лондоне — 57, 60.

Питт, Вильям, младший (1759—1806) — английский государственный деятель, лидер партии вигов; возглавлял английское правительство во время войны Англии против революционной Франции — 132, 231, 413.

Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист — 489.

* *Плеханов, Георгий Валентинович* (1856—1918) — организатор первой русской марксистской группы «Освобождение труда» в 1883 г., выдающийся пропагандист и пионер марксизма в России; после II съезда РСДРП стал меньшевиком; во время первой мировой войны — шовинист — 387, 388, 461, 480.

Плон-Плон — прозвище Бонапарта, Жозефа.

Плутарх (ок. 48—120) — греческий философ, историк и писатель — 97.

Помпей (106—48 до н. э.) — римский полководец — 121, 122.

Поп, Джон (1822—1892) — американский генерал, сражался

- в армии северян во время Гражданской войны в Америке — 132.
- Поттер, Джордж* (1832—1893) — английский тред-юнионист, основатель и редактор газеты «Bee-Hive» — 149, 193, 202.
- * *Прудон, Пьер Жозеф* (1809—1865) — французский экономист, идеолог мелкой буржуазии, основоположник анархизма — 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 57, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 160, 167, 177, 178, 184, 200, 211, 213, 223, 270, 296, 302, 303, 349, 373, 382.
- Пуйэ-Кертве, Огюст* (1820—1891) — французский политический деятель, бонапартист; в 1871 г. министр финансов в правительстве Тьера — 265.
- Пумс* — см. Рошер, Мэри Эллен.
- Путткамер, Роберт Виктор* (1828—1900) — прусский реакционер, министр внутренних дел в 1881—1888 гг.; один из организаторов преследований социал-демократии в период исключительного закона — 363.
- Пушкин, Александр Сергеевич* (1799—1837) — великий русский поэт — 441.
- ## Р
- Раво, Франц* (1810—1851) — немецкий демократ, вождь умеренной левой Франкфуртского национального собрания и член баденского революционного правительства; позднее эмигрант — 46.
- Рамм, Герман* — немецкий социал-демократ, член редакции «Volksstaat» — 298.
- Ранке, Леопольд* (1795—1886) — немецкий буржуазный историк, один из основателей немецкой историко-критической школы — 409.
- Резер, Петер Герхард* (1814—1865) — немецкий ремесленник, член Союза коммунистов, обвиняемый на Кельнском процессе коммунистов — 70, 119.
- Рейнгардт, Рихард* — немецкий эмигрант в Париже, секретарь Гейне — 57, 59.
- Рейнольдс, Джордж Вильям* (1814—1879) — английский журналист, радикал, издатель газеты «Reynolds' Weekly Newspaper» — 227.
- Рикардо, Давид* (1772—1823) — английский экономист, виднейший представитель классической школы буржуазной политической экономии — 42, 44, 62, 63, 76, 99, 100, 126, 129, 130, 132, 133, 141, 155, 172, 197, 198, 199, 209, 223, 224, 225, 226, 295, 349.
- Рингс* — член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне — 66.
- Рихтер, Евгений* (1838—1906) — лидер немецких прогрессистов, позднее свободомыслящих, ярый враг социал-демократии — 445.
- Ричард Львиное сердце* (1157—1199) — английский король (1189—1199) — 463.
- Робен, Поль* (род. в 1837 г.) — французский бакунист, секретарь женеvской секции «Альянса»; в 1871 г. исключен из состава Генерального Совета Интернационала — 279.
- Робертс, Вильям* (1806—1871) — адвокат тред-юнионов — 194.
- Робеспьер, Максимилиан* (1758—1794) — выдающийся деятель французской буржуазной революции конца XVIII в., вождь якобинцев, глава революционного правительства (1793—1794) — 55, 85, 159, 409, 413, 414.
- Родбертус-Ягцов, Иоганн Карл* (1805—1875) — немецкий экономист, «катедер-социалист», теоретик прусско-юнкерского «государственного социализма» — 373, 381, 382, 383.
- Розенберг, Вильям Людвиг* (род. в 1850 г.) — немецкий журналист; до 1889 г. секретарь Национального исполнительного комитета Социалистической рабочей партии США — 414.
- Рошер, Вильгельм* (1817—1894) — немецкий вульгарный экономист — 197, 199.

- Рошер, Мэри Эллен* (урожд. Бернс, по прозвищу Пумпс) — племянница жены Энгельса и его воспитанница — 310, 336, 436.
- Рошер, П. В. (П. В. Р.)* — один из псевдонимов Энгельса.
- * *Руге, Арнольд* (1802—1880) — немецкий радикальный публицист, левый гегельянец; в 1844 г. издавал совместно с Марксом «Deutsch-Französische Jahrbücher»; в 1848 г. член Франкфуртского национального собрания, мелкобуржуазный демократ; с 1866 г. сторонник Бисмарка — 9, 11, 64, 70, 118, 241.
- Рудольф I Габсбургский* (1218—1291) — германский император (1273—1291), основатель австрийской династии Габсбургов — 82.
- Руссо, Жан Жак* (1712—1778) — французский просветитель, философ-идеалист; идеолог революционной мелкобуржуазной демократии — 158, 463.
- Рюстов, Фридрих Вильгельм* (1821—1878) — военный писатель демократического направления; в 1860 г. участвовал в качестве начальника штаба в экспедиции Гарибальди — 130.
- С**
- Сассаниды* — династия, царствовавшая в Иране в 224—651 гг. — 75.
- Семере, Бартоломей* (1812—1869) — венгерский политический деятель и публицист; в 1849 г. министр-президент в венгерском революционном правительстве — 64.
- Сен-Жюст, Луи Антуан* (1767—1794) — деятель французской буржуазной революции конца XVIII века, член Конвента и Комитета общественного спасения — 55.
- Сениор, Нассау Вильям* (1790—1864) — английский вульгарный экономист, апологет капитализма — 63, 191.
- Сен-Симон, Анри* (1760—1825) — великий французский социалист-утопист — 152, 270, 405, 479, 480.
- Сервантес, Мигуэль* (1547 — 1616) — испанский писатель, автор знаменитого романа «Дон-Кихот» — 395.
- Серрайе, Огюст* (род. в 1840 г.) — французский рабочий, член Генерального Совета Интернационала, член Парижской Коммуны; друг и сторонник Маркса и Энгельса — 259.
- Серторий, Квинт* (I в. до н. э.) — римский полководец — 121.
- Симон, Жюль* (1814—1896) — французский буржуазный республиканец, в 1848 г. поддерживал Кавеньяка; в 1871 г. один из руководителей борьбы версальского правительства с коммунарами — 218.
- Смит, Адам* (1723—1790) — английский экономист, выдающийся представитель классической школы буржуазной политической экономии — 25, 129, 133, 141, 198, 207, 441, 463.
- Солон* (VI в. до н. э.) — афинский законодатель эпохи разложения родового строя в древней Греции — 463.
- Спартак* — римский гладиатор, руководитель восстания рабов в Римской республике (73—71 до н. э.) — 121.
- Спиноза, Бенедикт* (1632—1677) — голландский философ, материалист и атеист — 239.
- Стефенс, Джемс* (1825—1901) — ирландский революционный деятель (фений) — 194.
- Струве, Петр Бернгардович* (1870—1944) — русский публицист, «легальный марксист», в дальнейшем член ЦК партии кадетов, белогвардеец — 466.
- Стюарт, Джемс* (1712—1780) — английский экономист, меркантилист — 100.
- Стюарты* — английская королевская династия (1603—1714) — 10.
- Суинтон, Джон* (1830—1901) — американский журналист, аболиционист и радикал, редактор ряда газет — 349.

Сулла, Люций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец, сторонник демократической партии, перешедший потом в лагерь землевладельческой олигархии — 122.

Сэй, Жан Батист (1767—1832) — французский вульгарный экономист — 63.

Т

Таландье, Пьер Теодор (1822—1890) — французский мелкобуржуазный республиканец, участник революции 1848 г.; в 1865 г. член Генерального Совета Интернационала, позднее бакунист — 85, 237.

Тацит, Публий Корнелий (ок. 55—120) — римский историк — 201.

Тедеско, Виктор (1821—1897) — бельгийский социалист — 34.

Теллеринг — см. Мюллер-Теллеринг.

Тельке, Карл Вильгельм (1817—1893) — лассальянец, председатель Всеобщего германского рабочего союза после Бергарда Беккера — 292, 298.

* *Теннис, Фердинанд* (род. в 1855 г.) — немецкий буржуазный социолог — 479.

Тено, Эжен (1839—1890) — французский журналист, буржуазный республиканец, в 80-х годах член Палаты депутатов — 217.

* *Терцаги, Карло* — итальянский бакунист, секретарь рабочего общества «Освобождение пролетариата» в Турине, редактор газеты «Il Proletario Italiano»; разоблачен Марксом и Энгельсом как агент итальянской полиции — 274.

Тессендорф, Герман (1831—1895) — прусский юнкер; с 1873 г. прокурор Берлинского суда, организатор преследований социал-демократов — 304.

Техов, Густав Адольф (1813—1893) — прусский офицер, на-

чальник штаба баденской революционной армии (1849) — 52, 57.

Токвиль, Алексис Шарль (1805—1859) — французский историк и государственный деятель, либерал — 407.

Толен, Анри Луи (1828—1897) — французский рабочий, прудонист; один из основателей французской секции I Интернационала; с 1870 г. ренегат, враг Коммуны; в 1871 г. исключен из Интернационала — 146, 275.

Торичелли, Евангелиста (1608—1647) — итальянский математик и физик — 469.

Тридон, Эдуард Мари (1841—1871) — французский журналист, бланкист, член I Интернационала, член Парижской Коммуны — 218.

* *Трир, Герсон* — датский социал-демократ; переводчик работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; в годы первой мировой войны — интернационалист — 416.

Трошо, Луи Жюль (1815—1896) — французский генерал, в 1870 г. председатель «правительства национальной обороны», один из палачей Парижской Коммуны — 248, 257.

* *Турати, Филиппо* (1857—1932) — итальянский социалист, реформист, один из основателей и вождей итальянской Социалистической партии; во время первой мировой войны — шовинист — 472.

Тусси — см. Маркс, Элеонора.

Тэйлор, Эдуард Вернет (1832—1917) — английский этнолог и исследователь первобытной культуры — 372.

Тэн, Ипполит (1828 — 1893) — французский реакционный историк, литературовед и искусствовед — 407, 410.

Тюнен, Иоганн Генрих (1783—1850) — немецкий экономист — 198.

Тьер, Луи Адольф (1797—1877) — французский буржуазный историк и политический деятель, палач Парижской Коммуны — 53, 157, 218, 262, 263, 265, 268, 281.

Тьерри, Огюстен (1795—1856) — французский либеральный историк — 62, 80, 81, 471.

У

Уотли, Ричард (1787—1863) — английский архиепископ, профессор политической экономии в Друммонде и Дублине — 63.

Уркварт, Давид (1805—1877) — английский дипломат и публицист, противник внешней политики Пальмерстона — 100.

Уэйд, Джон (1788—1875) — английский экономист и публицист — 62.

Уэкфильд, Эдуард Гиббон (1796—1862) — английский экономист и колониальный государственный деятель — 63, 225.

Уэстон, Джон — английский рабочий, оуэнист, член Генерального Совета I Интернационала — 147, 148, 175, 194, 227, 260.

Ф

Фавр, Жюль (1809—1880) — французский буржуазный республиканец, в 1870 г. член «правительства национальной обороны», участник подавления Парижской Коммуны — 218, 248, 257, 258, 267, 268, 269, 279.

Фаухер, Юлиус (1820—1878) — немецкий вульгарный экономист, сторонник свободы торговли; принадлежал к партии прогрессистов — 169, 208.

Фейербах, Людвиг (1804—1872) — немецкий философ-материалист — 152, 215, 216, 424, 430, 471.

Фехнер, Густав Теодор (1801—1887) — немецкий физик и философ-идеалист — 239.

Филипп II (1527—1598) — король испанский (1556—1598) — 168.

Филипп II Август (1165—1223) — французский король (1180—1223) — 463.

Фирекк, Людвиг (1851—1921) — немецкий социал-демократ, один из лидеров правого крыла с.-д. фракции рейхстага; в 1886 г. эмигрировал в США и отошел от социалистического движения — 363.

Фиркс, Федор Иванович (Шедо-Ферроти) (1812—1872) — прибалтийский помещик, реакционный публицист, противник освобождения крестьян — 216, 233.

Фихтс, Иоганн Готтлиб (1762—1814) — немецкий философ, субъективный идеалист — 463.

Фишер, Рихард (1855—1926) — немецкий социал-демократ, секретарь социалистической партии Германии, примыкал к центристам — 435.

Флери, Карл Фридрих (Краузе) — прусский полицейский агент и шпион в Лондоне, ложно обличавший участников Кельнского процесса коммунистов — 120.

Флеровский — см. Берви.

Флокон, Фердинанд (1800 — 1866) — французский публицист, мелкобуржуазный демократ, член временного правительства в 1848 г., редактор парижской газеты «Réforme» — 36, 55, 475.

Фогель фон-Фалькенштейн, Эдуард Фридрих (1797—1885) — прусский генерал, участвовал во франко-прусской войне 1870—1871 гг. — 255

* *Фогт, Август* (ок. 1830 — ок. 1883) — немецкий рабочий, член Союза коммунистов, член Всеобщего германского рабочего союза; с 1867 г. жил в Америке, активный деятель I Интернационала в США — 234.

- Фогт, Карл** (1817—1895) — немецкий естествоиспытатель и публицист, член Франкфуртского национального собрания; в эмиграции — один из лидеров мелкобуржуазных демократов; разоблачен Марксом как агент Наполеона III — 116, 118, 120, 263, 305.
- Фокс, Питер** (ум. в 1869 г.) — английский журналист, контист, в 1864—1867 гг. член Генерального Совета I Интернационала — 180, 194.
- Фокс, Чарлз Джеймс** (1749 — 1806) — английский политический деятель, виг, министр иностранных дел (1782—1797); сочувствовал французской буржуазной революции — 413.
- Фольмар, Георг Генрих** (1850—1922) — немецкий социал-демократ, член рейхстага; в 1879—1880 гг. редактор цюрихского «Sozialdemokrat», один из идеологов реформизма — 358, 359, 477.
- Фонтана, Джузеппе** (1840 — 1876) — итальянский рабочий, эмигрант в Лондоне, мадзинист; в 1864—1865 гг. член Генерального Совета I Интернационала — 147, 148, 149.
- * **Франкель, Лео** (1844—1896) — венгерский социалист, один из руководителей Парижской Коммуны, затем эмигрант в Лондоне, член Генерального Совета I Интернационала, сторонник Маркса; позднее один из основателей венгерской социал-демократической партии — 265.
- * **Фрейлиграт, Фердинанд** (1810—1876) — немецкий революционный поэт, член Союза коммунистов, друг Маркса — 66, 95, 116, 119.
- Фридрих I Барбаросса (Гогенштауфен)** (ок. 1123—1190) — германский император (1155—1190) — 81, 82.
- Фридрих II (Гогенштауфен)** (1194—1250) — германский император (1212—1250) — 81, 90.
- Фридрих-Вильгельм** (1620—1688) — курфюрст бранденбургский — 464.
- Фридрих-Вильгельм III** (1770—1840) — прусский король (1797—1840) — 252.
- Фридрих-Вильгельм IV** (1795—1861) — прусский король (1840—1861) — 9, 69, 363.
- Фридрих-Карл-Николай** (1828—1885) — принц прусский, главнокомандующий прусской армией в 1864 г. — 150.
- Фрост, Джон** (1785—1877) — чартист — 93, 94.
- Фурье, Франсуа Мари Шарль** (1772—1837) — великий французский социалист-утопист — 22, 32, 152, 179, 184, 377, 378.

X

- Хенесси, Джон** (1834—1891) — ирландский политический деятель, торн — 195.
- Хильдич, Ричард** — английский экономист, сторонник национализации земли — 349.
- Хорнер, Леонард** (1785—1864) — английский геолог, социальный реформатор и фабричный инспектор — 115.

II

- Цезарь, Кай Юлий** (100—44 до н. э.) — знаменитый римский государственный деятель, полководец и писатель — 122, 137, 201, 471.
- Цицерон, Марк Туллий** (106—43 до н. э.) — римский оратор, политический деятель и писатель-философ — 97.

II

- Чемпион, Генри Хэйд** (1857—1928) — английский социалист, член Социал-демократической федерации; в 1887 г. исключен из федерации за избирательную сделку с консерваторами; в дальнейшем один из руководителей социалистической партии Австралии — 415.

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — великий русский ученый, критик и публицист, революционный демократ, социалист — 241, 256, 314, 380.

Чернышев, Александр Иванович (1785—1857) — русский генерал, участник кампаний против Наполеона I (1805—1807 и 1812—1814), организатор партизанских отрядов — 125.

Ш

Шангарнье, Никола́ Анн (1793—1877) — французский генерал, орлеанист; участвовал в подавлении июньского восстания 1848 г. в Париже — 53.

Шаппер, Карл (1813—1870) — один из вождей Союза справедливых, член ЦК Союза коммунистов; в 1850 г. вместе с Виллихом стоял во главе «левой» фракции Союза коммунистов, боровшейся против Маркса, позднее вновь сблизился с Марксом; в 1865 г. член Генерального Совета I Интернационала — 41, 56, 71, 86, 182.

Шванн, Теодор (1810—1882) — немецкий зоолог, один из основателей клеточной теории — 103.

* *Швейцер, Иоганн Баптист* (1833—1875) — деятель немецкого рабочего движения; после смерти Лассалы стал во главе Всеобщего германского рабочего союза; основатель газеты «Social-Demokrat» (1865); после 1871 г. отошел от политической жизни — 152, 160, 163, 167, 169, 210, 212, 220, 222, 240, 270, 279, 324, 325, 434.

Швейцгелль, Адгмар (1844—1895) — швейцарский бакунист, член комитета «Альянса», один из руководителей Юрской федерации — 275.

Шевич, Сергей — редактор газеты «New-Yorker Volkszeitung» — 414.

Шедо-Ферроти — см. Фиркс.

Шекспир, Вильям (1564—1616) — великий английский поэт и драматург — 112, 113, 122, 289.

Шербюлье, Антуан Элизе (1797—1869) — швейцарский экономист, сторонник Сисмонди, мелкобуржуазный критик капитализма — 349.

Шерман, Вильям (1820—1891) — американский генерал, командовавший восточной армией северян во время Гражданской войны в Америке — 150, 151.

Шерцер, Андреас (1807—1879) — немецкий портной, последователь Вейтлинга, активный участник немецкого рабочего просветительного союза в Лондоне, редактор лондонской «Neue Zeit» и сотрудник «Das Volk» — 85, 118.

Шили, Виктор (1810—1875) — немецкий демократ, участник баденского восстания (1849); позже эмигрант в Париже, член I Интернационала — 41.

Шиллер, Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт и драматург — 112, 113, 117, 395.

Шлейден, Маттиас Якоб (1804—1881) — немецкий ботаник, один из основателей клеточной теории — 103.

Шлоссер, Фридрих Христоф (1776—1861) — буржуазный немецкий историк, либерал — 121.

Шлютер, Герман (ум. в 1919 г.) — немецкий социал-демократ; эмигрировал в США, где принимал участие в немецком социал-демократическом движении; автор ряда работ по истории английского и американского рабочего движения — 458.

* *Шмидт, Конрад* (1863—1932) — немецкий социал-демократ, неокантианец; впоследствии ревизионист, один из основателей ревизионистского органа «Sozialistische Monatshefte» — 420, 424, 441, 481, 489.

- Шолль* — рабочий из Лиона, эмигрант в Лондоне — 281.
- Шорлеммер, Карл* («Жоллимейер») (1834—1892) — английский химик родом из Германии, коммунист, друг Маркса и Энгельса — 187, 249, 366, 376.
- Шоу, Бернард* (род. в 1856 г.) — английский писатель, наряду с Веббом — центральная фигура Фабианского общества — 452.
- Шрамм, Карл Август* — немецкий экономист; с начала 70-х годов участник социал-демократического движения; в 80-х годах выступал против марксизма, отошел от социал-демократии — 383.
- Шрамм, Рудольф* (1813—1882) — немецкий публицист, в 1848 г. член левой прусского Национального собрания, позднее приверженец Бисмарка — 167.
- * *Штаркенбург, Гейнц* — немецкий социал-демократ, писал в «Neue Zeit» — 469.
- Штибер, Вильгельм* (1818—1882) — начальник прусской политической полиции, организатор Кельнского процесса коммунистов (1852); во время войн 1866 и 1870—1871 гг. стоял во главе прусской контрразведки — 65, 116, 240, 254, 304.
- Штирнер, Макс* (псевдоним *Иоганна Каспара Шмидта*) (1806—1856) — немецкий философ, теоретик индивидуалистического анархизма — 48.
- Штраусберг, Бетель Генри* (1823—1884) — крупный немецкий финансист, спекулянт периода грюндерства, железнодорожный магнат, консерватор — 327.
- Штумпф, Пауль* (1827—1913) — член Союза коммунистов, участник революции 1848—1849 гг.; позднее социал-демократ, эйзенахец — 180, 182.
- Шульце-Делич, Франц Герман* (1808—1883) — немецкий буржуазный экономист, один из вождей буржуазной партии прогрессистов в 60-х годах; выступал с пропагандой производственных товариществ, организуемых за счет «сбережений» рабочих — 169, 173, 193, 213.

Э

- Эбер, Жак Рене* (1757—1794) — политический деятель периода якобинской диктатуры; в 1792—1794 гг. — один из руководителей Парижской коммуны — 413.
- Эвелинг, Эдуард* (1851—1898) — английский социалист и писатель; член Социал-демократической федерации, затем Социалистической лиги, активный деятель движения так называемых «неорганизованных» рабочих; муж Элеоноры Маркс — 452, 453, 456.
- Эвелинг, Элеонора* — см. Маркс, Элеонора.
- Эйзерман* — немецкий столяр, живший в Париже, «истинный социалист» — 18, 19, 20.
- Эйхгоф, Вильгельм* (1833—1895) — немецкий журналист, разоблачивший в конце 50-х годов шпионскую деятельность Штибера; позднее редактор ряда с.-д. газет в Германии — 116, 117, 215, 404.
- * *Эккартис, Иоганн Георг* (1818—1889) — немецкий рабочий, эмигрант в Лондоне; член Союза коммунистов, активный деятель I Интернационала, секретарь Генерального Совета (1867—1871); до 1872 г. сторонник Маркса; на Гаагском конгрессе солидаризировался с бакунистами; позднее участник английского тред-юнионистского движения — 146, 147, 148, 174, 210, 211, 222, 227, 412.
- Эльджин, Джеймс Брюс* (1811—1863) — английский государственный деятель, усмиритель антианглийских волнений в Китае, позже вице-король Индии — 107.
- Эммануил* — см. Виктор-Эммануил II.
- Энгель, Иоганн Яков* (1741—1802) — немецкий писатель и

историк литературы, автор книги «Княжеское зеркало», содержащей правила поведения и советы государям — 69.

Энгельс, Фридрих (1820—1895)— 16, 40, 41, 61, 66, 119, 166, 167, 169, 191, 239, 259, 297, 299, 331, 332, 338, 349, 352, 360, 367, 402, 416.

Эпикур (ок. 341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист — 97, 366.

Эпльгайт, Роберт (1834—1924) — один из лидеров английских тред-юнионов, член Генерального Совета I Интернационала (1868—1871); после Коммуны вышел из Интернационала — 227.

Эрнст-Август (1771—1851) — ганноверский король — 47.

* *Эрнст, Пауль* (1866—1933) — немецкий драматург и критик; в конце 80-х годов примкнул к социал-демократической партии; в 1890 — 1892 гг. один из руководителей полуанархической оппозиции «молодых» — 418.

Эструп, Якоб (1825—1913) — датский государственный деятель, консерватор — 416.

Эсхил (525—456 до н. э.) — греческий драматург — 395.

Ю

Юнг, Георг (1814—1836) — младогегельянец, один из основателей «Рейнской Газеты», в 1848 г. демократ, впоследствии национал-либерал — 11.

Юнг, Герман (1830—1901) — деятель I Интернационала, член Генерального Совета (1864—1872); до 1872 г. сторонник Маркса; в 1872 г. выступил против решений Гаагского конгресса и вел активную борьбу против Генерального Совета — 412.

Юнге, Адольф Фридрих — кельнский коммунист, эмигрант в Париже — 20.

Юх, Герман — немецкий журналист в Лондоне, редактор «Негтманн» — 116, 117.

Я

Якоби, Абрагам (род. в 1832 г.) — член Союза коммунистов, обвиняемый на Кельнском процессе коммунистов, в дальнейшем врач в Нью-Йорке — 48, 442.

Янсон, Юлий Эдуардович (1835—1892) — русский либеральный экономист и статистик, профессор Петербургского университета — 344.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абстракция* — 27, 100, 101—102, 383.
- Австрия* — 37, 49, 50, 51, 69, 90, 109, 110, 149, 181, 182, 311, 320.
- Аграрный вопрос* — 222, 223, 235, 239, 337, 477—478.
- «Альянс социалистической демократии»* — 218—220, 270, 278—279, 357.
- Америка* — 26, 63, 124—125, 131—132, 133—134, 150—151, 221, 224—226, 237, 320, 321, 343, 350, 390, 426, 439, 444—445, 456—457, 466—467.
- американский пролетариат — 164, 444, 456—457.
- американская буржуазия — 77, 221, 397.
- рабство негров в США — 77, 115, 131, 134, 150, 225.
- американское рабочее движение — см. *Рабочее движение*. См. также *Гражданская война в Сев. Америке*.
- Анархизм, анархисты* — 339, 367—368, 402.
- См. также *Бакунизм, бакунисты; Прудонизм, прудонисты*.
- Англия* — 24, 25, 26, 43, 62, 68, 81, 94, 105, 106—107, 109, 110, 115, 157, 177, 188, 194—196, 202, 228—229, 231, 234—237, 252, 315, 317—318, 342—343, 346, 356, 361, 390, 426, 457.
- английский пролетариат — 105, 116, 139, 174, 202, 228—229, 230, 235—236, 322—323, 391, 406, 415—416.
- английская буржуазия — 12, 62, 81, 188, 235—236.
- английская земельная аристократия — 62, 202—203, 228, 234—235.
- колониальная политика Англии — 75, 77, 79, 87—88, 194—196, 228—229, 231, 234—236, 252, 343—344, 356.
- промышленная монополия Англии — 236, 356, 450—451, 457.
- английское рабочее движение — см. *Рабочее движение*.
- «Анги-Дюринг»* Энгельса — 303—310, 380, 424, 471.
- Арабы* — 71—76.
- Армия* — 52—53, 73, 92—93, 150—151, 180.

Б

- Базис и надстройка* — 23, 29, 420, 421, 422—424, 427—430, 462—464, 469, 470.
- Бакунизм, бакунисты* — 218—220, 270, 272—273, 274—282, 286—287, 290, 340, 358, 368.
- См. также *«Альянс социалистической демократии»*.
- Биржа* — 419, 425, 460, 489.
- Бланкизм* — 388.
- Бонапартизм* — 59, 110, 162, 177, 242, 369.
- «Братские демократы»* — 21.
- Брюссельский коммунистический корреспондентский комитет* — 16—17, 19, 21.
- Буржуазия* — 80, 125, 177, 260, 408.
- ее генезис — 80—81, 314—315.

— и дворянство — 80, 168, 349, 369, 407.

— и пролетариат — см. *Классы и классовая борьба*.

Буржуазия мелкая — см. *Мелкая буржуазия*.

Буржуазно-демократические партии, отношение к ним пролетариата — 47—48, 63, 70, 93—94, 293, 325, 330, 359, 378—379, 385—386, 402, 416—417, 437—438, 474—475.

Буржуазное общество — 102, 106, 120, 126, 172—173, 209, 307, 378, 449, 460.

Бытие и сознание — 425, 428—429, 482.

В

Воззвания Генерального Совета М. Т. Р. о франко-прусской войне (первое и второе) — 240, 243, 245, 246, 251, 257, 268.

Война

— и рабочий класс — 211, 243, 245, 247, 253, 268, 294.

— гражданская — 132, 262.

— завоевательная — 87, 89, 260.

— оборонительная — 245, 357.

— партизанская — 124, 125, 252—253.

— Наполеоновские войны — 67, 124, 125, 246, 252.

— Крымская война 1854—1856 гг. — 106, 450, 466.

— франко-австро-итальянская война 1859 г. — 108—110, 245.

— австро-пруская война 1866 г. — 177—178, 182, 247.

— франко-пруская война 1870 г. — 240, 242—244, 245, 246—247, 248—250, 251—253, 254, 256, 257—259, 264, 268—269, 311.

— русско-турецкая война 1877—1878 гг. — 311—312.

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркса — 61, 263, 369, 424, 430, 471.

Воспроизводство — 141—144, 145.

Восток — 71—76, 77—79.

Всеобщее избирательное право — 55, 161, 162—163, 170, 176, 177, 213—214, 260, 473—474.

Всеобщий германский рабочий союз — 153—161, 163—165, 168, 210, 212—214, 285, 297.

Г

Гегельянство — 24, 64, 95, 126, 174, 199, 421, 441—443.

Германия — 9—10, 13, 25, 33, 38—39, 62, 69, 71, 82, 86, 90—91, 106, 117, 123, 134, 140—141, 149, 161, 162—163, 164—165, 169, 170, 177, 181, 217, 221, 222, 242, 246, 251, 252, 254—256, 258—259, 262, 263, 265, 268—269, 293, 305, 312, 323, 330, 348, 353—354, 361, 362, 364, 370, 377, 378, 379, 384—386, 392, 399, 418—419, 423, 426, 445—446, 447, 451, 457—458, 464—465, 470, 490.

— пруссачество, его реакционная роль — 9, 46, 69, 90—91, 117, 164, 181, 243, 252, 254—256.

— немецкий пролетариат — 168, 214, 240, 247, 294, 354, 364, 385, 421.

— немецкая буржуазия — 12, 46, 134, 149, 159, 160, 163, 168, 177, 181, 240, 243, 252, 417, 446.

— немецкое крестьянство — 47, 223, 440, 477—478.

— немецкая мелкая буржуазия — 293, 418—419, 470.

— юнкерство — 46—47, 161, 164, 169, 446.

— объединение Германии — 181—182, 247, 385.

— рабочее движение в Германии — см. *Рабочее движение*.

Город, отделение города от деревни — 25, 384.

«Государственный социализм» — 139, 162—163, 165, 166, 167, 347, 372, 392.

Государство — 23, 277—278, 296, 368, 427—428, 430, 451, 455, 470.

— его классовая сущность — 260, 264, 277, 367—368.

— и пролетарская революция, необходимость слома буржуазной государственной машины — 263, 371.

— отмирание государства — 296, 367—368.

— пролетарское — см. *Диктатура пролетариата*.

См. также *Монархия*, *Республика*.

Гражданская война в Сев. Америке — 124—125, 131—132, 133—134, 150—151.

- «Гражданская война во Франции»
Маркса — 267, 371, 380.
Группа «Освобождение Труда» —
387—388.

Д

- Дарвинизм* — 121, 126, 171—172,
305, 306—307.
Демократия буржуазная — 70, 221,
296, 375, 475—476.
Деньги и денежное обращение —
100—103, 189.
Диалектика
— материалистическая диалектика
Маркса — полная проти-
воположность идеалистической
диалектике Гегеля — 95, 199,
239, 442—443.
— в общественной жизни —
189, 315, 358, 361, 431.
— в естествознании — 103—104,
187, 189, 283—284.
— единство и борьба проти-
воположностей — 28, 315, 431.
— переход количества в ка-
чество — 104, 189, 284.
Диктатура пролетариата — 47, 63,
271, 273, 296, 345, 368, 371,
416, 430, 473.

Е

- Евреи* — 71—73.
Естествознание — 103—104, 121, 187,
189, 283—284, 484—485.

Ж

- Железные дороги* — 318—320,
342—343, 426.
Женский труд — 390.

З

- Законы экономические* — 27, 172,
423, 483.
Закон превращения энергии —
104, 174, 284.
Заработная плата — 92, 190, 198,
203, 294—295, 390, 483.
Земледелие — 75, 131, 142, 224,
341—342, 448.
— капитализм в земледелии —
130, 131, 448.

И

- Идеализм* — 24—25, 155.
— идеалистическое понимание
истории — 22, 24, 29—30, 31.
Идеология — 420, 421, 422, 425,
428—430, 462—464, 470, 471.
См. также *Наука, Религия,*
Философия.
Издержки производства — 42, 43,
44, 45, 190, 203—204, 206, 207.
Индия — 72, 73—74, 75, 77—79,
343, 356, 426, 450—451.
Интернационал Первый — 160,
161—162, 170, 174, 175, 176,
178—179, 186, 193, 214—215,
220, 229, 230, 234, 235,
237—238, 250—251, 260—261,
266, 267—271, 272—273, 274—
281, 286—287, 288, 330, 348,
368, 412, 480.
— его историческое значение —
219, 269, 290—291, 348, 402.
— основание — 146—149.
— Генеральный Совет — 147,
178, 184, 193—194, 214—215,
222, 226—227, 234, 236, 259,
268, 269—271, 272—273, 274—
275, 276, 279, 280, 281.
— Женевский конгресс — 183—
184.
— Лозаннский конгресс — 273.
— Брюссельский конгресс —
193, 211.
— Базельский конгресс — 219,
222, 223, 275.
— Лондонская конференция
(1871) — 271, 273, 276, 279.
— Гаагский конгресс — 286—
287, 290—291, 368, 412.
— борьба с прудонизмом —
см. *Прудонизм.*
— борьба с бакунизмом — см.
Бакунизм.
Интернационал Второй — 411—413.
Ирландия и ирландский вопрос —
50, 86—88, 194—196, 202—203,
212, 222, 226—231, 234—237.
См. также *Фениш.*
Испания — 150, 259, 435—436.
Исторический материализм, его
значение и основные положения —
23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30,
63, 92, 137, 180, 388, 418, 420—
421, 422—424, 425—431, 462—
464, 469—471.
История — 23, 54, 139, 155, 200,
264, 269, 314—315, 421, 423,
454.

Италия — 37—38, 49—50, 51—52, 69, 93, 108, 245, 320, 458, 472—474.
— национально-освободительное движение — 49—52.
— итальянский пролетариат — 472—473.
— итальянская буржуазия — 472.
— итальянское крестьянство — 50—51, 472—473.

К

Капитал — 99, 102, 103, 130, 157, 277.
— первоначальное накопление — 314.
— органический состав капитала — 127, 128, 129, 130, 206.
— постоянный и переменный — 127, 130, 190.
— основной и оборотный — 130, 192.
— торговый — 102, 206—207.
— обращение капитала — 130, 190, 192, 203—207.
— концентрация капитала — 319, 321, 419, 460.
«Капитал» Маркса — 98, 99, 126, 127, 136, 141—144, 177, 180, 185—192, 193, 197—198, 199, 203—207, 208, 226, 238, 239—240, 256, 288, 294, 300, 313—316, 317, 319, 339, 346—347, 373, 382, 392—393, 424, 430, 431, 439, 441, 472, 485, 486—487.
Капитализм — 30, 45, 64, 173, 306—307, 314—315, 320, 346, 390, 455, 468.
Кельнский процесс коммунистов — 45—46, 47—48, 65—66, 70, 71, 116—119.
Китай — 106—107, 478.
«К критике политической экономии» Маркса — 14, 99—103, 108, 157, 187.
Классы и классовая борьба — 30, 63, 64, 80—81, 111, 121, 207, 422, 427, 457.
— классовая борьба как движущая сила истории — 63, 307, 330.
— происхождение современных классов — 35, 80, 81, 314—315, 439—440, 448—449, 467, 490.
— борьба пролетариата и буржуазии — 26, 58, 80, 164, 240,

260, 264, 271, 295, 307, 325, 327, 330, 354, 360, 369—370, 405, 473, 474.
— уничтожение классов при социализме — 63, 219.
«Классовая борьба во Франции» Маркса — 62.
Коалиции рабочие — 159, 164, 169, 303.
Колонии — 25, 77—79, 87, 343, 356—357, 372, 460.
Коммунистическая партия — см. *Партия пролетарская*.
Коммунистический манифест — см. *«Манифест Коммунистической партии»*.
Коммуны средневековые — 81—83.
Конкуренция — 45, 75, 99, 128, 129, 205—206, 306.
— и монополии — 28, 30, 129—130.
Кредит — 26, 99, 157, 319.
Крепостное право — 89, 233, 361, 362.
Крестьянская война в Германии — 110—114.
«Крестьянская война в Германии» Энгельса — 464, 489—490.
Крестьянство — 86, 223, 229, 375, 439—440, 448.
— и пролетариат — см. *Пролетариат*.
Кризисы капиталистические — 26, 35, 69, 93, 101, 102, 172, 307, 317—319, 342, 391, 393—394, 425, 484.
«Критика Готской программы» Маркса — 299, 301, 432—435.
«Критика политики и политической экономии» Маркса — 13, 32.

Л

Лассальянство, лассальянцы — 139, 160, 161, 162—163, 165, 166, 167—169, 213, 220, 270, 279, 285, 292—297, 300, 301, 324—325, 433, 434, 436—438.
Литература — 112, 113, 289, 394—395, 404—406, 418, 419—420, 452.
«Людвиг Фейербах» Энгельса — 424, 430, 471.

М

Мальтузианство — 42, 43, 126, 153, 172, 192, 239, 294—295, 306.

- «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса — 34—35, 48, 62, 70, 296, 301, 329, 349, 368, 400, 417, 473.
- Мануфактура — 25, 137—138, 361, 447, 448.
- «Марка» Энгельса — 360—361.
- Марксизм — см. Научный социализм.
- Материя и движение — 283—284.
- Машины — 26, 92, 136—138, 142, 172, 192.
- Международное Товарищество Рабочих — см. Интернационал Первый.
- Мелкая буржуазия — 32, 158, 328, 375, 418—420.
- Метод — см. Диалектика.
- Монархия
— абсолютная — 369, 376, 407—408, 429.
— конституционная — 369, 375.
- Мораль буржуазная — 120, 405, 460.
- Мышление — 201, 209, 462—463, 482.

II

- Народники — 339—340, 387—388, 481.
- Насилие, его роль в истории — 361, 363, 428, 430.
- Наука — 44, 97, 155, 209, 469—470.
- Научный социализм — 63, 155, 345, 385, 387, 436.
- Национализация земли — 222, 349—350.
- Национально-колониальный вопрос — 37—38, 178—179, 195, 228—229, 230, 234—235, 236, 356—357.
См. также Ирландия, Польша.
- Независимая рабочая партия Англии — 476, 477.
- Необходимость и случайность — 264, 422—423, 470—471.
- «Ницета философии» Маркса — 154—156, 223—224, 296, 300—301, 349, 373, 380, 435.
- «Новая Рейнская Газета» — 37—38, 40, 48.
- Норвегия — 418—420.

O

- Общество — 23, 306—307, 427.
См. также Первобытное обще-

ство, Феодализм, Буржуазное общество, Социалистическое общество.

- «Община времен года» — 118.
- Община — 89, 226, 233, 376, 440.
— индийская — 77—79, 216.
— германская — 200—201, 216.
— русская — 216, 233, 313—314, 338, 346—347, 372, 448, 466, 467—468.
- Орден Рыцарей труда — 396, 397, 400, 401.

II

- Парижская Коммуна — 262, 263, 264, 265, 266—267, 275, 286, 290, 293, 296, 345, 348, 368.
- Партия пролетарская — 48, 70—71, 94, 165, 260, 263, 269, 271, 285, 286, 287, 292—299, 325, 329, 330, 334, 358—359, 360, 397, 400—401, 416—417, 451, 473, 474, 476.
- Первобытное общество — 372—373, 376.
- Перепроизводство — 390—391, 391, 425.
- Позитивизм — 180, 266, 479—480.
- Политика и политическая борьба рабочего класса — 184, 260, 271, 272—273, 278.
- Политическая экономия — 153—154, 155, 172.
См. также Экономисты буржуазные.
- «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса — 12, 13—14, 116, 139—140, 180, 232.
- Польша — 68, 88—90, 111, 140, 149, 312.
- Поссибилисты — 357—358, 359, 360, 411—412.
- Потребительная стоимость — 100, 191, 197.
- Право — 381, 428—429.
- Право на труд — 377—378.
- Прибавочная стоимость — 127—129, 142—143, 189—190, 191, 197, 203—205, 226, 349, 381, 460, 483, 484.
— норма прибавочной стоимости — 127, 128, 204.
- Прибыль — 93, 142, 190, 191, 197, 203—204, 483—484.
— норма прибыли — 127, 128,

203, 204—206, 226, 482, 484, 485.
 — средняя прибыль — 128, 129, 190, 205.
 — тенденция нормы прибыли к понижению — 206.
Причина и следствие — 463—464, 470.
Производительные силы и производственные отношения — 23—24, 27, 29, 30, 92, 103, 137, 154, 172—173, 315, 381.
Производство — 23, 63, 306, 381, 425—426, 427.
 — капиталистическое — 27, 106, 133, 155, 173, 198, 306—307, 315, 319, 320, 346, 381, 483.
 — анархия капиталистического производства — 198, 209, 306—307.
 — производство и потребление — 23, 321.
«Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса — 376—377, 387, 435, 449.
Пролетариат — 168, 210, 264, 269, 271, 273, 329, 345, 375—376, 405.
 — его историческая роль — 85, 162, 165, 368.
 — возникновение — 314—315, 382.
 — и крестьянство — 86, 223, 473.
 — борьба с буржуазией — см. *Классы и классовая борьба*.
Пролетарская революция — 19, 20, 63, 70—71, 86, 106, 134, 202, 235, 236, 263, 293, 307, 326, 327, 344—345, 356—357, 359, 367—368, 370, 371, 385—386, 416, 437, 438.
Промышленная революция — 137, 138, 384—385, 451.
Промышленность — 130, 137, 439, 447, 448, 467.
Протекционизм — 195, 337, 347, 439, 447, 450, 451.
Профессиональные союзы — 164—165, 214—215, 295—296.
 См. также *Тред-юнионы*.
Прудонизм, прудонисты — 17—18, 19, 20, 22—32, 100, 103, 152—158, 177—178, 179, 193, 211, 213, 270, 277, 291, 359, 382, 435—436.
Пруссия, пруссачество — см. *Германия*.

Р

Рабочая партия во Франции — 338—339, 351—352, 354—355, 357—359, 360, 477.
 — программа — 339, 351, 357, 390.
 — раскол с POSSИБИЛИСТАМИ — 357—358, 360.
Рабочее движение — 259—260, 269—272, 398, 399, 402—403.
 — его международный характер — 210, 219, 243, 247, 260, 261, 268, 290—291, 294, 348, 355—356, 413, 461.
 — в Америке — 184, 237, 261, 396—398, 399—401, 414—415.
 — в Англии — 105, 110, 139, 146, 170, 174, 176, 179, 183, 184, 222, 228—229, 261, 268, 322—323, 355, 391, 398—399, 415—416, 451—452, 457, 476—477.
 — в Германии — 11—12, 84—85, 160—161, 162—163, 164, 166, 169, 170, 210, 213—215, 220, 260, 261, 268, 270, 323, 377.
 — в Испании — 259, 270.
 — в Италии — 147, 270, 280—281.
 — во Франции — 237—238, 260, 261, 270, 339, 354—355.
 — Маркс и Энгельс как вожди международного рабочего движения — 84—85, 170, 330, 351—352, 364, 365, 367.
 См. также *Стачное движение, Профессиональные союзы, Тред-юнионы*.
Рабочий день — 127, 191, 197, 210, 415, 430.
Рабство — см. *Америка*.
Равенство, буржуазное понятие равенства — 102—103, 297, 408.
Разделение труда — 25, 92, 208, 361, 381, 425, 427.
«Разоблачения о кельнском процессе коммунистов» Маркса — 116, 118, 119.
Революция — 52, 53, 120, 275.
 — буржуазная — 37, 48, 52, 69—70, 125, 222, 370, 371.
 — пролетарская, социалистическая — см. *Пролетарская революция*.
Революция буржуазная в Англии XVII века — 24, 229, 231.
Революция буржуазная во Фран-

ции конца XVIII века — 52—53, 58, 81, 89, 159, 249, 345, 408—409, 413—414, 490.

Революция 1848 г. в Германии — 38—39, 40—41, 89, 111, 163, 385.

Революция 1848 г. во Франции — 36—37, 58, 69—70, 263, 264, 378, 385, 386, 475.

Религия — 72—73, 74, 75, 76, 429.

Рента земельная — 42—45, 126, 127—131, 132—133, 191, 197, 212, 224, 349, 483.
— абсолютная — 129 — 131, 132—133.
— дифференциальная — 129—131, 226.

Республика буржуазная — 70, 134, 369—370, 375—376, 379, 457, 474, 475—476.

Реформація — 90, 112, 113—114, 490.

Римская история — 54, 80, 92, 121—122, 287, 315—316, 345.

Роль личности в истории — 264, 365, 367, 423—424, 470—471.

Россия — 67—68, 108—110, 141, 232, 233, 239, 247, 255, 256, 304, 311, 313—315, 321, 322, 336—338, 339—340, 342, 346—347, 348, 373—375, 379—380, 388—389, 418, 447—449, 450, 451, 481.
— русское крестьянство — 141, 216, 233, 337, 346, 440, 448—449.
— русское дворянство — 115, 341, 449.
— русская буржуазия — 439, 440, 449.
— русский пролетариат — 227, 232.
— русский царизм, его реакционная роль — 334, 389, 481.
— развитие капитализма в России — 314—315, 338, 389, 439—441, 447, 448, 449, 450, 451, 466—468.
— перспективы революции в России и ее международное значение — 67, 105—106, 109, 115, 141, 247, 256, 304, 311, 334, 337, 338, 348, 355—356, 374, 388.
См. также *Народники*, *Группа «Освобождение Трудя»*, *Община русская*.

Русский язык — 256, 375.

Рынок мировой — 106, 393, 490.

С

Свобода печати — 254—256.

Свобода торговли — 62, 451.

«Святое семейство» Маркса и Энгельса — 14.

Сектантство — 213—214, 269—270, 271, 282, 287, 396, 399, 400, 476.

Случайность — см. *Необходимость и случайность*.

Собственность
— общинная — 201, 346.
— феодальная — 27, 74, 153.
— буржуазная (капиталистическая) — 27, 50, 99, 153, 154, 315, 346.
— земельная — 74—75, 79, 99, 129—131, 133, 202, 222, 316.
— частная — 20, 346, 376.
— общественная — 20, 198, 315.

Соединенные Штаты Америки — см. *Америка*.

Социал-демократическая партия Германии — 323, 333, 334, 353, 358—359, 363, 370, 434—435.
— оппортунизм в германской с.-д. — 312—313, 324—333, 353—354, 359, 364, 378, 436—438, 477—478, 487—488.
— Готская программа партии — 292—298, 299—300, 301—302.
— Эрфуртская программа партии — 433, 436—438.
— с.-д. и закон против социалистов — 323, 327, 353, 376, 377, 378, 422.

Социал-демократическая рабочая партия Германии (зйзенахцы) — 222, 242, 243—244, 245, 254, 260—261, 268, 284—287, 292, 297, 299—300.

Социал-демократическая федерация в Англии — 398—399, 411, 412, 452, 476, 477.

Социализм
— научный — см. *Научный социализм*.
— консервативный, или буржуазный — 213, 219, 295, 303, 349—350, 436, 452—453, 459.
— немецкий, или «истинный» — 19, 21, 329.
— утопический — 32, 179, 184, 303, 313, 377—378.
— феодальный — 303.

Социалистическая лига в Англии — 399.

Социалистическая рабочая партия Северной Америки — 414—415, 476.

Социалистическое общество — 49, 63, 173, 198, 296, 297, 315, 390, 421, 467.

Союз коммунистов — 34, 45—46, 48—49, 65, 117—120, 397.

Способ производства — 24, 472.
— капиталистический — 28, 30.
— рабовладельческий — 316.

Средние века — 24, 80—83, 90, 92—93, 200, 361, 362, 381, 465, 484, 489—490.

Средства производства — 172—173, 180, 382, 426.

Стачечное движение — 175, 271, 322—323.

Стоимость — 100, 129—130, 190, 191, 197, 198, 206, 208—209.
— форма стоимости — 186—187, 188—189.

— закон стоимости — 100, 132, 206, 207, 208—209, 482, 483.

Т

Тактика классовой борьбы пролетариата — 243, 260, 285, 363, 388, 400—401, 402—403, 416—417, 451—452, 473, 474, 487—488.

Теория и ее значение — 13, 365, 367, 389, 396, 397—398, 400, 402.

Товар — 100, 101, 197.

Торговля — 75, 105, 106—107, 320—321, 425—426.

Тред-юнионы — 139, 146, 175, 176, 215, 261, 290, 322, 391, 411, 415.

Труд
— двойственный характер труда — 191, 197.
— необходимый и прибавочный труд — 127, 142, 190.
— общественно - необходимый труд — 208, 439, 484.

У

«Учредительный Манифест и Временный устав Международного Товарищества Рабочих» — 148—149, 167, 170, 219, 222—223, 269, 272, 276, 290, 301, 402.

Ф

Фабрианцы — 451—453, 459.

Фениш — 193—194, 229—230, 231, 237.

Феодализм — 24, 314, 455, 484.

Филистерство — 123, 162—163, 240, 332—333, 353, 364, 377, 418—419.

Философия — 97, 308, 429—430, 463.

Франция — 36—37, 52—53, 53—55, 56—60, 68—69, 71, 80—83, 90, 108—110, 140, 149—150, 217—218, 244, 246, 248—250, 255, 256, 257—258, 272, 312, 318, 320, 321, 369—370, 379, 390, 405, 407—411, 420, 436, 447—448, 464—465.

— французский пролетариат — 37, 56, 58, 69, 162, 164, 184, 249, 253.

— французская буржуазия — 58, 59, 81, 251, 257—258, 265.

— французская мелкая буржуазия — 36.

— французское крестьянство — 37, 69, 410, 477.

— Вторая империя во Франции — 68—69, 108—109, 213, 238, 242, 244, 245, 290, 320.

— рабочее движение во Франции — см. *Рабочее движение*.

Ц

Цена — 45, 101, 204, 206.

Цена производства — 130, 133, 190, 206, 207.

Ч

Чартизм — 61—62, 64—65, 85, 93—94, 105, 110, 355.

Э

Эйзенахцы — см. *Социал-демократическая рабочая партия Германии*.

Экономисты буржуазные — 27, 28, 30, 62—63, 100, 155, 173, 188—189, 197—198, 209, 212, 223, 349, 392, 463.

— представители буржуазной классической политической эконо-

- нонии — 42—44, 63, 99, 100, 129, 130, 132—133, 141, 155, 192, 197—198, 207, 209, 223, 441.
— представители вульгарной политической экономии — 63, 76—77, 102—103, 189—191, 192, 206, 207, 209—210, 224—226, 383, 392.
- Эксплуатация капиталистическая*— 188, 346, 384, 390, 460.
Экспроприация непосредственных производителей при капитализме — 87, 195, 314—315, 321, 346, 439—440, 448—449.
Эльзас-Лотарингия — 243, 245, 246—247, 248, 254.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
1843 год	
1. Маркс — А. Руге, март	9
1844 год	
2. Энгельс — Марксу, 19 ноября	11
1845 год	
3. Энгельс — Марксу, 20 января	13
1846 год	
4. Маркс — П.-Ж. Прудону, 5 мая	16
5. Энгельс — Марксу, 18 сентября	17
6. Энгельс — Брюссельскому коммунистическому корреспондент- скому комитету, 23 октября	19
7. Энгельс — Марксу, ок. 23 октября	20
8. Маркс — П. В. Анненкову, 28 декабря	22
1847 год	
9. Энгельс — Марксу, 23 ноября	34
1848 год	
10. Энгельс — Э. Бланку, 28 марта	36
11. Маркс — редактору газеты «Альба», май	37
12. Энгельс — Э. Бланку, 24 мая	38
1849 год	
13. Энгельс — Женни Маркс, 25 июля	40

1851 год

14. Маркс — Энгельсу, 7 января	42
15. Энгельс — Марксу, 17 июля	45
16. Энгельс — Марксу, ок. 20 июля	47
17. Маркс — И. Вейдемейеру, 11 сентября	49
18. Маркс — Энгельсу, 13 сентября	50
19. Энгельс — Марксу, 23 сентября	51
20. Энгельс — Марксу, 26 сентября	52
21. Энгельс — Марксу, 3 декабря	53
22. Маркс — Энгельсу, 9 декабря	56
23. Энгельс — Марксу, 11 декабря	57

1852 год

24. Маркс — И. Вейдемейеру, 5 марта	61
25. Энгельс — Марксу, 18 марта	64
26. Женни Маркс — А. Клуссу, 28 октября	65

1853 год

27. Энгельс — И. Вейдемейеру, 12 апреля	67
28. Энгельс — Марксу, ок. 24 мая	71
29. Маркс — Энгельсу, 2 июня	73
30. Энгельс — Марксу, 6 июня	74
31. Маркс — Энгельсу, 14 июня	76

1854 год

32. Маркс — Энгельсу, 27 июля	80
---	----

1856 год

33. Маркс — Энгельсу, 5 марта	84
34. Маркс — Энгельсу, 16 апреля	85
35. Энгельс — Марксу, 23 мая	86
36. Маркс — Энгельсу, 30 октября	88
37. Маркс — Энгельсу, 2 декабря	89

1857 год

38. Маркс — Энгельсу, 25 сентября	92
39. Маркс — Энгельсу, 24 ноября	93

1858 год

40. Маркс — Энгельсу, 14 января	95
41. Маркс — Энгельсу, 1 февраля	95
42. Маркс — Ф. Лассалю, 22 февраля	97
43. Маркс — Энгельсу, 2 апреля	99
44. Энгельс — Марксу, 14 июля	103

45. Энгельс — Марксу, 7 октября	105
46. Маркс — Энгельсу, 8 октября	105

1859 год

47. Маркс — Ф. Лассалю, 4 февраля	108
48. Маркс — Ф. Лассалю, 19 апреля	110
49. Энгельс — Ф. Лассалю, 18 мая	112

1860 год

50. Маркс — Энгельсу, 11 января	115
51. Маркс — Ф. Фрейлиграту, 29 февраля	116

1861 год

52. Маркс — Ф. Лассалю, 16 января	121
53. Маркс — Энгельсу, 27 февраля	121

1862 год

54. Маркс — И.-Ф. Беккеру, 26 февраля	123
55. Энгельс — Марксу, 23 мая	124
56. Маркс — Энгельсу, 18 июня	126
57. Маркс — Энгельсу, 2 августа	126
58. Маркс — Энгельсу, 7 августа	131
59. Маркс — Энгельсу, 9 августа	132
60. Энгельс — Марксу, 15 ноября	133

1863 год

61. Маркс — Энгельсу, 28 января	136
62. Маркс — Энгельсу, 9 апреля	139
63. Энгельс — Марксу, 11 июня	140
64. Маркс — Энгельсу, 6 июля	141

1864 год

65. Маркс — Энгельсу, 4 ноября	146
66. Энгельс — И. Вейдемейеру, 24 ноября	149

1865 год

67. Маркс — И.-Б. Швейцеру, 24 января	152
68. Маркс — Энгельсу, 30 января	159
69. Маркс — Энгельсу, 3 февраля	159
70. Маркс и Энгельс — в редакцию «Social-Demokrat», 6 февраля	161
71. Маркс — Энгельсу, 11 февраля	162
72. Маркс — Энгельсу, 18 февраля	163

73. Маркс и Энгельс — в редакцию «Social-Demokrat», 23 февраля	166
74. Маркс — Л. Кугельману, 23 февраля	166
75. Энгельс — Ф.-А. Ланге, 29 марта	171
76. Маркс — Энгельсу, 1 мая	174
77. Маркс — Энгельсу, 20 мая	175

1866 год

78. Маркс — Л. Кугельману, 15 января	176
79. Энгельс — Марксу, 13 апреля	177
80. Маркс — Энгельсу, 7 июня	177
81. Маркс — Энгельсу, 20 июня	178
82. Маркс — Энгельсу, 7 июля	179
83. Энгельс — Марксу, 25 июля	180
84. Маркс — Энгельсу, 27 июля	182
85. Маркс — Л. Кугельману, 9 октября	183

1867 год

86. Маркс — З. Мейеру, 30 апреля	185
87. Энгельс — Марксу, 16 июня	186
88. Маркс — Энгельсу, 22 июня	188
89. Маркс — Энгельсу, 27 июня	189
90. Маркс — Энгельсу, 16 августа	191
91. Маркс — Энгельсу, 24 августа	191
92. Маркс — Энгельсу, 11 сентября	193
93. Маркс — Энгельсу, 30 ноября	193

1868 год

94. Маркс — Энгельсу, 8 января	197
95. Маркс — Л. Кугельману, 6 марта	198
96. Маркс — Энгельсу, 25 марта	200
97. Маркс — Л. Кугельману, 6 апреля	202
98. Маркс — Энгельсу, 30 апреля	203
99. Маркс — Л. Кугельману, 11 июля	208
100. Маркс — Энгельсу, 26 августа	210
101. Маркс — Г. Эккариусу и Ф. Лесснеру, 10 сентября	210
102. Маркс — Энгельсу, 10 октября	212
103. Маркс — И.-Б. Швейцеру, 13 октября	212
104. Энгельс — Марксу, 6 ноября	215
105. Маркс — Энгельсу, 7 ноября	216

1869 год

106. Маркс — Л. Кугельману, 3 марта	217
107. Маркс — Энгельсу, 5 марта	218
108. Энгельс — Л. Кугельману, 10 июля	220
109. Маркс — Энгельсу, 10 августа	221
110. Маркс — Энгельсу, 30 октября	222
111. Энгельс — Марксу, 1 ноября	223

112. Маркс — Энгельсу, 26 ноября	223
113. Маркс — Л. Кугельману, 29 ноября	227
114. Энгельс — Марксу, 9 декабря	229
115. Маркс — Энгельсу, 10 декабря	230

1870 год

116. Маркс — Энгельсу, 10 февраля	232
117. Маркс — Л. Кугельману, 17 февраля	233
118. Маркс — З. Мейеру и А. Фогту, 9 апреля	234
119. Маркс — Энгельсу, 18 мая	237
120. Маркс — Л. Кугельману, 27 июня	238
121. Маркс — Энгельсу, 28 июля	240
122. Маркс — И.-Ф. Беккеру, 2 августа	240
123. Энгельс — Марксу, 15 августа	241
124. Маркс — Энгельсу, 17 августа	244
125. Маркс — Комитету Социал-демократической рабочей партии Германии, 1 сентября	246
126. Энгельс — Марксу, 4 сентября	248
127. Энгельс — Марксу, 12 сентября	249
128. Маркс — Э.-С. Бизли, 19 октября	250
129. Маркс — Л. Кугельману, 13 декабря	251

1871 год

130. Маркс — редактору «Daily News», 16 января	254
131. Маркс — З. Мейеру, 21 января	256
132. Маркс — Л. Кугельману, 4 февраля	257
133. Энгельс — Испанскому федеральному совету Международного Товарищества Рабочих, 13 февраля	259
134. Маркс — В. Либкнехту, 6 апреля	262
135. Маркс — Л. Кугельману, 12 апреля	262
136. Маркс — Л. Кугельману, 17 апреля	264
137. Маркс — Л. Франкелю и Л.-Э. Варлену, 13 мая	265
138. Маркс — Э.-С. Бизли, 12 июня	266
139. Маркс — А. Гюберу, 10 августа	267
140. Маркс — Ф. Больте, 23 ноября	269
141. Энгельс — в редакцию туринской газеты «Il Proletario Itali- ано», 29 ноября	272

1872 год

142. Энгельс — К. Терцаги, 14 января	274
143. Энгельс — Т. Куно, 24 января	276

1873 год

144. Энгельс — Марксу, 30 мая	283
145. Энгельс — А. Бебелю, 20 июня	284
146. Маркс — Ф.-А. Зорге, 27 сентября	288
147. Энгельс — Марксу, 10 декабря	288

1874 год

148. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 12—17 сентября 290

1875 год

149. Энгельс — А. Бебелю, 18—28 марта 292
 150. Маркс — В. Бракке, 5 мая 299
 151. Энгельс — А. Бебелю, 12 октября 300
 152. Энгельс — А. Бебелю, 15 октября 302
 153. Энгельс — П. Л. Лаврову, 12—17 ноября 304

1876 год

154. Энгельс — Марксу, 28 мая 308

1877 год

155. Маркс — Ф.-А. Зорге, 27 сентября 311
 156. Маркс — Ф.-А. Зорге, 19 октября 312
 157. Маркс — в редакцию «Отечественных Записок», ноябрь 313

1879 год

158. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 10 апреля 317
 159. Энгельс — Э. Бернштейну, 17 июня 322
 160. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 1 июля 323
 161. Маркс и Энгельс — А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. («Циркулярное письмо»), 17—18 сентября 324
 162. Маркс — Ф.-А. Зорге, 19 сентября 331
 163. Энгельс — А. Бебелю, 14 ноября 332
 164. Энгельс — А. Бебелю, 16 декабря 334

1880 год

165. Энгельс — М. К. Каблуковой, 5 августа 336
 166. Маркс — Ф.-А. Зорге, 5 ноября 338

1881 год

167. Маркс — Н. Ф. Даниельсону, 19 февраля 341
 168. Маркс — Ф. Домела-Нивенгейсу, 22 февраля 344
 169. Маркс — В. И. Засулич, 8 марта 346
 170. Энгельс — Э. Бернштейну, 12 марта 347
 171. Маркс и Энгельс — председателю славянского митинга, созванного 21 марта 1881 г. в честь годовщины Парижской Коммуны 348
 172. Маркс — Ф.-А. Зорге, 20 июня 349
 173. Энгельс — Э. Бернштейну, 25 октября 351

1882 год

174. Энгельс — Э. Бернштейну, 25 января	353
175. Энгельс — И.-Ф. Беккеру, 10 февраля	354
176. Энгельс — К. Каутскому, 12 сентября	356
177. Энгельс — Э. Бернштейну, 20 октября	357
178. Энгельс — А. Бебелю, 28 октября	359
179. Энгельс — Марксу, 15 декабря	360
180. Энгельс — Марксу, 16 декабря	362

1883 год

181. Энгельс — Э. Бернштейну, 18 января	363
182. Энгельс — Э. Бернштейну, 27 февраля — 1 марта	364
183. Энгельс — Э. Бернштейну, 14 марта	365
184. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 15 марта	365
185. Энгельс — Ф. Ван-Патгену, 18 апреля	367
186. Энгельс — Э. Бернштейну, 27 августа	369

1884 год

187. Энгельс — Э. Бернштейну, 1 января	371
188. Энгельс — К. Каутскому, 16 февраля	372
189. Энгельс — В. И. Засулич, 6 марта	373
190. Энгельс — Э. Бернштейну, 24 марта	375
191. Энгельс — К. Каутскому, 26 апреля	376
192. Энгельс — Э. Бернштейну, 23 мая	377
193. Энгельс — А. Бебелю, 6 июня	378
194. Энгельс — Е. Паприц, 26 июня	379
195. Энгельс — К. Каутскому, 26 июня	381
196. Энгельс — К. Каутскому, 20 сентября	383
197. Энгельс — А. Бебелю, 11 декабря	384

1885 год

198. Энгельс — В. И. Засулич, 23 апреля	387
199. Энгельс — Г. Гильом-Шак, ок. 5 июля	389
200. Энгельс — А. Бебелю, 28 октября	390
201. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 13 ноября	392
202. Энгельс — М. Каутской, 26 ноября	394

1886 год

203. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 29 ноября	396
204. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 28 декабря	399

1887 год

205. Энгельс — Ф. Келли-Вишневецкой, 27 января	402
--	-----

1888 год

206. Энгельс — М. Гаркнесс, начало апреля	404
---	-----

1889 год

207. Энгельс — К. Каутскому, 20 февраля	407
208. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 8 июня	411
209. Энгельс — В. Адлеру, 4 декабря	413
210. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 7 декабря	414
211. Энгельс — Г. Триру, 18 декабря	416

1890 год

212. Энгельс — П. Эрсту, 5 июня	418
213. Энгельс — К. Шмидту, 5 августа	420
214. Энгельс — И. Блоху, 21—22 сентября	422
215. Энгельс — К. Шмидту, 27 октября	424

1891 год

216. Энгельс — К. Каутскому, 23 февраля	432
217. Энгельс — Х. Меса, 24 марта	435
218. Энгельс — К. Каутскому, 29 июня	436
219. Энгельс — К. Каутскому, 14 октября	436
220. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 29—31 октября	438
221. Энгельс — К. Шмидту, 1 ноября	441

1892 год

222. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 6 января	444
223. Энгельс — А. Бебелю, 19 февраля	445
224. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 15 марта	446
225. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 18 июня	450
226. Энгельс — К. Каутскому, 4 сентября	451
227. Энгельс — Ф. Мерингу, 28 сентября	453
228. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 31 декабря	456

1893 год

229. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 18 января	459
230. Энгельс — А. Бебелю, 24 января	460
231. Энгельс — в редакцию болгарского сборника «Социал-Демократ», 9 июня	460
232. Энгельс — Ф. Мерингу, 14 июля	461
233. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону, 17 октября	466

1894 год

234. Энгельс — Г. Штаркенбургу, 25 января	469
235. Энгельс — Ф. Турати, 26 января	472
236. Энгельс — П. Лафаргу, 6 марта	475
237. Энгельс — Ф.-А. Зорге, 10 ноября	476

1895 год

238. Энгельс — Ф. Теннису, 24 января	479
239. Энгельс — Г. В. Плеханову, 26 февраля	480

240. Энгельс — К. Шмидту, 12 марта	481
241. Энгельс — В. Адлеру, 16 марта	486
242. Энгельс — К. Каутскому, 1 апреля	487
243. Энгельс — П. Лафаргу, 3 апреля	487
244. Энгельс — К. Каутскому, 21 мая	488

Указатели

Указатель важнейших имен	491
Предметный указатель	518

Иллюстрации

Портрет Маркса (1867 г.)	между	2 — 3
Портрет Энгельса (1879 г.)	»	2 — 3
В. И. Ленин о переписке Маркса с Энгельсом	»	6 — 7
Страница из письма Маркса Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. о диктатуре пролетариата	»	64 — 65
Письмо Маркса Энгельсу от 16 августа 1867 г. об окончании первого тома «Капитала»	»	192 — 193
Портрет Маркса (1872 г.)	»	288 — 289
Конец письма Энгельса Даниельсону от 29—31 октября 1891 г. с отрывком из «Евгения Онегина»	»	440 — 441
Портрет Энгельса (1893 г.)	»	464 — 465

Подготовитель *И. А. Армаи*

Подписано в печать 17/ХП 1943 г. Объем 33¹/₂ п. л.
16³/₄ бум. лист. Тираж 75 000 экз. Формат 60 × 92 1/16.
М 08664. Цена 10 руб. Заказ № 547.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького
треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров
СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.